Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

На правах рукописи

Ерохина Анна Михайловна

ПОДТЕКСТ КАК СПОСОБ МОДЕЛИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И КАК КРИТЕРИЙ ЕГО СМЫСЛОВОЙ ЕМКОСТИ

(на материале текстов Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б. Акунина «ФМ»)

Специальность 10.02.01 − русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Заика Владимир Иванович

Великий Новгород - 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ... 4
ГЛАВА 1. ПОДТЕКСТ КАК ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБ МОДЕЛИРОВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ ... 11
1.1.Подтекст как имплицитное значение, языковые способы образования и извлечения подтекстовых значений ... 11
1.1.1.Подтекст как имплицитное значение ... 11
1.1.2.Извлечение имплицитного значения с помощью категории номинации ... 13
1.1.3.Образование подтекстовых значений с помощью категорий импликации, коннотации, пресуппозиции, контекста ... 19
1.2.Функции подтекста в художественном тексте ... 25
1.2.1.Функции подтекста и обусловленность принципа языкового моделирования в художественном тексте ... 25
1.2.2.Языковые особенности художественного текста с точки зрения его принадлежности к объектам культуры ... 37
1.2.3.Языковые особенности подтекста с точки зрения теории игры как одного из видов моделирования ... 41
1.3.Формы подтекста в художественном тексте ... 47
1.3.1.Емкость художественного текста, выявляемая на основе его статусного положения по количеству и качеству подтекстовых смыслов: вершинная и массовая литература ... 47
1.3.2.Лексия как единица подтекста ... 49
1.3.3.Бартовский код как способ категоризации подтекста ... 54
ГЛАВА 2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЕМАНТИКИ ПОДТЕКСТОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ В РОМАНАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» И Б. АКУНИНА «ФМ» ... 61
2.1.Лексия и ее роль в семантике подтекста ... 61
2.1. 1. Технология извлечения имплицитных значений ... 63
2.2. Формы, функции и способы языкового моделирования подтекста в зависимости от его уровня ... 72
2.2.1. Уровни подтекста ... 72
2.2.2.Образование значения семного кода в романе Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» ... 86
2.2.3.Образование значения референциального кода в романах Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ» ... 96
2.2.4.Образование значений акционального кода в романах Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ» ... 107
2.2.5.Образование значения герменевтического кода; текстообразующая роль герменевтического кода ... 114

ГЛАВА 3. ЕМКОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И ЕЕ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ СПЕЦИФИКИ ПОДТЕКСТОВЫХ ФОРМ В ТЕКСТАХ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» И Б.АКУНИНА «ФМ» 133

3.1. Смысловая емкость текста и ее зависимость от количества информации, извлеченной из подтекста. 133

3.2. Языковые особенности и разница, выявленная на первом уровне подтекста романов Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ» 138

3.3. Разница в количестве и качестве подтекста в романах Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ», выявляемая на втором уровне подтекста 145

3.4. Языковые способы образования имплицитного значения и выявленная разница на втором уровне подтекста в романах Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ» 153

3.4.1.Образование подтекстового смысла с помощью языковой категории интралингвистического контекста 155

3.4.2. Образование подтекстового смысла с помощью языковой категории внутритекстовая пресуппозиция 158

3.5.Разница текстов Ф.М.Достоевского и Б.Акунина, выявленная на третьем уровне подтекста 162

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 174

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 185

ВВЕДЕНИЕ

Проблема идентификации и классификации художественных текстов в настоящее время является одним из наиболее интересных и перспективных направлений лингвистических исследований.

Разграничение между художественными и нехудожественными текстами на современном этапе развития филологической науки представляется вполне очевидным и может быть осуществлено на основе анализа преобладания либо логико-понятийных, стремящихся к однозначности, языковых единиц, либо образных составляющих в текстовых построениях, другими словами, эстетических эффектов. Так, например, Ю.М.Лотман отмечает, что «существование художественных текстов подразумевает одновременное наличие нехудожественных и то, что коллектив, который ими пользуется, умеет проводить различие между ними». На этом основании «художественной литературой будет являться всякий словесный текст, который в пределах данной культуры способен реализовать эстетическую функцию» [Лотман 1992: 203]. Различие же между высокохудожественной и массовой литературами (как известно, по своему статусу в художественной культуре массовая занимает положение «вторичной» [Кузьмина 2009: 211]) до сих пор представляет собой проблему, которая далека от решения.

В рамках литературоведения эта проблема получила некоторую понятийную базу (формульность [Кавелти 1996], композиция [Чернец 1999], проблематика [Хализев 2004], и т.п.), которая используется для сравнения и классификации литературных текстов. Однако попытки выделения подобных критериев с точки зрения языкознания не стали основой для подобного разграничения. Это обусловлено отсутствием в языковых теориях как объективных факторов соотношения, так и лингвистических единиц, способных в полной мере реализовать данную функцию.

Кроме того, подобное различение художественных текстов возможно только в пределах одного восприятия (в восприятии одного адресата) и только при наличии у адресата определенного опыта прочтения, строго говоря – некоторой образованности в данном вопросе. То есть для проведения сравнительного анализа адресату необходимо прочесть достаточное количество текстов, поскольку для того, кто читает первую в своей жизни книгу (для первичного восприятия) литература массовая ничем не отличается от высокохудожественной и вполне может быть воспринята как образец литературы содержательной. Лишь в сравнении

тексты высокохудожественные и массовые получают когнитивное осмысление и поддаются дифференциации и классификации. Так, например, У.Эко полагает, что «чтение любого текста зависит от опыта читателя по чтению других текстов» [Эко 2007: 43]. Таким образом, можно предположить, что понимание разницы между степенью художественности текстов зависит, в первую очередь, от общего уровня познания адресата или, другими словами, от уровня образованности, который у Х.Г.Гадамера определяется «привитыми знаниями, навыками и полученными общими сведениями о тех предметах и явлениях, которые важны для социума» [Гадамер 1988: 59].

Читатель же, ознакомившийся с достаточным количеством текстов, интуитивно начинает ощущать разницу между уровнем художественности текстов. В данном случае под интуицией мы, опираясь на положения А.А.Брудного, будем понимать ощущение смысла, которое присутствует, но не может быть отчетливо сформулировано: «… специфика воздействия текста на сознание (и подсознание) такова, что субъективно отчетливое ощущение понятности не всегда совпадает с действительной понятностью, и это следует иметь в виду. Признавая текст понятным, испытуемые не всегда в состоянии объяснить, что же именно они поняли» [Брудный 188: 6].

Подобное интуитивное ощущение смысла является, на наш взгляд, понятием, связанным с категорией **подтекста как смысла, который присутствует в тексте, но не назван в нем**. Для его осознания и именования или, другими словами, для объяснения того, что же именно понятно в данном тексте, необходимо произвести определенные когнитивные процедуры, направленные, во-первых, на обнаружение данного смысла, во-вторых, на его категоризацию, и, в-третьих, на его номинирование (вербализацию).

Мы считаем, что наличие интуитивно ощущаемой разницы в смысловой насыщенности текстов классической и массовой литератур и существующие на данный момент прецеденты аналогов текстов разноуровневых литературных произведений (например, текста Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и имитации подлинной рукописи Достоевского, названной «Теорийка», в романе Б.Акунина (Г.Ш.Чхартишвили) «ФМ») позволяют исследовать этот феномен в отношении языкового его воплощения, то есть с помощью выявления количества и качества подтекста.

Сложность подобного анализа состоит в отсутствии в лингвистике единого понимания подтекста, что обусловлено трудностью выделения неких универсальных параметров его характеристики. Именно об этом говорит в своей работе С.С. Сермягина: «Механизм познания

подтекстовой (имплицитной) информации художественного текста в лингвистической литературе является одним из «открытых» вопросов. Незавершенность дискуссии связана со сложностью вычленения минимального смыслового сегмента, задающего глубину интерпретации художественного текста, а также с трудностью осмысления неоднозначно трактуемой категории (подтекста)» [Сермягина 207: 58].

В исследовании Ролана Барта «S/Z» выделены единицы чтения, которые он назвал **лексиями** – фрагменты, смысловые блоки, на которые интуитивно членится текст. Эти единицы вполне подходят на роль этого минимального смыслового сегмента для выявления и рассмотрения подтекста.

С точки зрения теории информации, кодирование и декодирование определены как процесс выбора эквивалентных элементов, имеющих общее значение и одинаковое содержание в двух (и более), разных по природе образования значений, системах. Это определение связано как с пониманием языкового знака по Соссюру: «языковая сущность (языковой факт) существует лишь в силу ассоциации между Означающим и Означаемым» [Соссюр 2013: 105], так и с формулировкой способов кодирования по Ю.М.Лотману, где устанавливается «эквивалентность между двумя цепочками структур разного типа и их отдельными элементами» [Лотман 1998: 47-48]. Говоря об эстетически функционирующем тексте, который выступает как текст повышенной по отношению к нехудожественным текстам семантической нагрузки, Ю.Лотман отмечает, что текст предстает как минимум дважды закодированным: первая кодировка обеспечивается системой естественного языка и декодирование на этом уровне производится автоматически; но кроме того, художественный текст кодируется еще каким-то другим способом с применением некоего вторичного кода [Лотман 1992: 204]. Этот иной способ кодирования связан со способностью языковых знаков сочетать в себе и производить в художественном тексте множество смыслов, то есть со способностью языковых знаков к многозначности и имплицитности. Имплицитность, в свою очередь, является свойством языковых знаков, необходимым для создания скрытого смысла, то есть подтекста.

Многозначность языковых знаков в художественном тексте позволяет находить при каждом прочтении все новые и новые смыслы (особенно это заметно в текстах классической литературы) еще и за счет того, что вербализованной оказывается всего лишь часть образа, а все остальные его детали, не будучи номинированными, присутствуют в сознании адресата как его индивидуальное дополнение, взятое из опыта своего предыдущего чувственного восприятия.

Таким образом, поскольку художественный текст как объект искусства создается на основе языковых знаков, но воспроизводит (моделирует) в мысленном представлении адресата визуализированный образ, мы считаем, что подтекст является своего рода способом моделирования художественного текста. В художественном тексте как одной из форм передачи информации подтекст – имплицитная (невербализованная) информация – обладает гораздо большей емкостью, чем информация, переданная в эксплицитной (вербализованной) форме.

Полагаем, что **лексия**, как минимальный сегмент, позволяет исследовать подтекст в разных аспектах. Разноаспектность рассмотрения подтекста обеспечивает обоснованная Р.Бартом система **кодов**, с помощью которых в текстовом пространстве отображаются смысловые аспекты действительности: место и время, вопросы и ответы, представления и ценности, знания и отношения. Это **акциональный, референциальный, герменевтический** и **семный** коды. Рассмотренный таким способом план выражения дает возможность исследовать, во-первых, способы моделирования в художественном тексте, а во-вторых, устанавливать различия смысловой насыщенности текстов.

Таким образом, **актуальность исследования** определяется, во-первых, недостаточной изученностью категории подтекста в языкознании и, во-вторых, возрастающим интересом лингвистов к языковым средствам и способам выражения имплицитной семантики, в частности к вторичному моделированию как способу кодирования информации в специфически организованной системе образов художественного текста.

Научная новизна заключается в следующем: 1) впервые предложена технология прочтения подтекстовых смыслов, позволяющая вербализовать (номинировать) имплицитную семантику лексий; 2) предложена методика категоризации подтекстовых смыслов на основе классификации семантики в соответствии со способами кодирования, применяемыми в художественных текстах; 3) предложена система определения уровневого статуса текстов литературы на примере анализа, основанного на количественном и качественном сравнении насыщенности подтекстовыми смыслами разноуровневых художественных текстов (Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ»).

В качестве **материала исследования** выбраны тексты Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и часть романа Б.Акунина «ФМ» (имитация первоначальной рукописи Достоевского, названная Б.Акуниным «Теорийка»), дающие основание для количественного и качественного сравнения насыщенности подтекстовыми смыслами.

Основной целью диссертационного исследования является описание подтекстовых единиц, определение способов формирования подтекста и выработка технологии извлечения имплицитного значения.

Объектом исследования в настоящей работе являются лексии как минимальные смысловые сегменты, которые являются носителями подтекста в текстах Ф. М. Достоевского и Б.Акунина.

Предметом исследования является система подтекстовых смыслов, которые выражаются в пределах лексий соответствующими кодами.

Основными **задачами** исследования являются:

- определение принципов языкового моделирования, присущих специфически организованному лингвистическому объекту – художественному тексту;

- определение структуры и способов образования значения подтекстовых единиц – лексий;

- разработка технологии исследования способов и форм языкового моделирования в структуре подтекстовых значений художественного текста;

- анализ и сопоставление количественного и качественного соотношения подтекстовых значений в разноуровневых художественных текстах: в романе Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и той части романа Б.Акунина «ФМ», где имитирована рукопись романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», названная «Теорийкой».

Основными **методами исследования** являются: метод сплошного семантического анализа текстов на основе метода интроспекции (самонаблюдения), а также методы классификационного, компонентного и контекстологического анализа при определении подтекстовых значений (их способов и форм языкового выражения). При определении статуса художественных текстов по степени насыщенности смыслом использовался статистический и сравнительно-статистический методы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Художественный текст – является моделью универсума человека, созданной с помощью языка как моделирующей системы. В качестве модели он представляет собой определенный способ познания.

2. Материалом построения модели – художественного текста – выступает язык, как явление не только первичной системы означивания (кодирования), но и вторичной моделирующей системы – то есть способа кодирования при создании художественных образов;

в тексте вербализована лишь метонимическая часть образа, «верхушка айсберга», значительная же часть образа – «невидимая часть айсберга» – не передается непосредственно языковыми знаками, а существует в виде «подтекста».

3. Единицами подтекста являются лексии, которые представляют собой определенные зоны имплицитного смысла, выделяемые на основе появления неноминированного значения (некоего интуитивно ощущаемого образа). В лексиях особый слой значений существует в пределах эксплицитного выражения и строится (надстраивается) на его основе. Классифицируются лексии по принадлежности к области определенного кода.

4. Кодирование обеспечивается четырьмя основными кодами: герменевтическим, семным, акциональным, референциальным, которые, относятся к плану выражения лексии, и с помощью которых происходит категоризация подтекстовых означающих в художественном тексте.

5. Емкость художественного текста зависит от взаимодействия двух языковых систем: первичной – как основной системы кодирования, и вторичной моделирующей системы, в которой и создается подтекст. Чем больше подтекста – тем больше емкость художественного текста.

6. С помощью определения количества и качества подтекста возможны идентификация и классификация художественных текстов по степени их насыщенности смыслом (образами – подтекстом) и, на основе этих данных, распределение художественных текстов по емкости и соответствующему статусу на ценностной шкале познания между вершинной и массовой литературами.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что предложена технология извлечения и категоризации подтекстовых смыслов. В работе упорядочено и структурировано понятие подтекста в художественном тексте, передающем информацию с помощью вторичного моделирования в форме художественного образа, с точки зрения семантики, когнитивной лингвистики и теории информации. Разработана уровневая структура подтекста, а так же уровневая шкала понятийного познания, в которой художественный текст занимает серединную позицию между имитационным и понятийным познанием, сочетая в себе оба вида. Разработаны положения, выявляющие взаимосвязь между количеством и качеством подтекста и уровневым статусом художественных текстов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанная в нем технология извлечения и категоризации подтекстовых смыслов позволяет исследовать любые

художественные тексты с точки зрения оценки уровневого статуса в соответствии со шкалой понятийного познания. Полученные результаты могут быть использованы при разработке спецкурсов и спецсеминаров, посвященных вопросам лингвистического и филологического анализа текста. Отдельные положения могут найти применение в преподавании курсов Современный русский язык и Лингвистика текста.

Апробация работы. Материалы и выводы диссертации обсуждались на заседаниях кафедры русского языка и стилистики Литературного института им. А.М. Горького. Отдельные аспекты исследования были изложены в докладах на ежегодных научных конференциях «Язык как материал словесности» (Москва, 2015), «Язык как материал словесности» (Москва, 2016). Основные положения и результаты исследования представлены в 6 публикациях (общий объем – около 4 п.л.), в том числе 3 статьях в журналах, включенных в перечень изданий, рекомендуемых ВАК РФ (2 п.л.)

Структура диссертации. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, Библиографического списка и двух Приложений. Количество и порядок глав обусловлены задачей и общей логикой исследования. В первой главе представлены теоретические аспекты исследования, касающиеся категории подтекста и его функционирования в художественном тексте. Вторая глава посвящена разработке технологии извлечения и категоризации подтекста на основе анализа текстов Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ» с точки зрения выявления языковых способов, форм и функций подтекста в вышеназванных романах. Третья глава посвящена сравнительному анализу текстов, на основе результатов, полученных во второй главе, и выявлению признаков, позволяющих произвести разграничение между разноуровневыми по степени насыщенности подтекстом художественными текстами. В приложениях приведены результаты анализа текстов, полученные на основе метод интроспекции, в виде таблиц, отображающих как количество, так и качество извлекаемых подтекстовых значений.

ГЛАВА 1. ПОДТЕКСТ КАК ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБ МОДЕЛИРОВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

1.1.Подтекст как имплицитное значение, языковые способы образования и извлечения подтекстовых значений

1.1.1.Подтекст как имплицитное значение

Подтекст как языковое явление вызывает пристальное внимание современных исследователей (см., например, работы [Ветошкин 1999], [Сермягина 2007], [Козьма 2008], [Пушкарева 2013]). При наличии довольно значительного количества работ по подтексту интерес к данной проблематике не уменьшается. Подтекст рассматривается с различных точек зрения, но рассмотренные вопросы не исчерпывают всего объема исследуемой проблемы.

По способу образования значения, как скрытого за смыслом основного эксплицитного языкового выражения, это явление именуется в иследованиях как «под»-текст или «за»-текст [Ермакова 1996], а по степени значимости в смысловой составляющей текста, или в иерархии значений важных для понимания художественного текста как целостного информационного сообщения, это явление вполне может быть названо «над»-текст [Средства массовой коммуникации] или «сверх»-текст [Лошаков 2008].

Следует заметить.ю что количество приводимых определений подтекста практически соответствует количеству исследований. Так, на уровне интуитивного предвосхищения, явление подтекста отмечено еще в работах В.В.Виноградова: «Художественное произведение не представляет собой «прямолинейного» построения, в котором символы присоединялись бы один к другому наподобие разложенных в ряд прямоугольников домино .... Эти сложные символы также соотнесены со сложными словесными группами, но представляют собой **новую ступень смыслового восхождения** (выделено мной – А.Е.)» [Виноградов 1980: 244-245].

В области литературоведения подтекст понимается как «содержательная глубина текста» [Полянский 1990], цит. по [Чунева 2006]. Л.Г.Кайда пишет о том, что «с позиции теории информации, подтекст рассматривается …как семантическая категория текста» [Кайда 2000: 62]. В работе Г.В.Волового отмечется, что «…информация, которая не заложена непосредственно в языковых знаках, но извлекается из текста, получила научное название **имплицитное содержание высказывания** или **художественный подтекст** (выделено мной –

А.Е.)» [Воловой 2003: 21]. Е.М. Обнорская выделяет подтекст в качестве «…второго – и наиболее важного плана произведения» [Обнорская 1998: 149]. Л.Ю. Чунева считает подтекст основой, которая способствует «возникновению смысла (ментального образования) в сознании реципиента» [Чунева 2006: 154]. М.И. Александрова рассматривает подтекст «…как обобщенное понятие, не только включающее в себя разнообразные имплицитные смыслы, но и закономерно формирующее новые, собственно подтекстовые смыслы в пространстве текста» [Александрова 2013: 30].

В работах по лингвистическому анализу художественного текста часто приводится определение И.Р.Гальперина, согласно которому подтекст – это «скрытая информация, извлекаемая из содержательно-фактуальной информации благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения» [Гальперин 2014 : 28]. Е.В. Ермакова рассматривает подтекст, как поток сообщения, создаваемый полифонией языковых знаков, как «способность нести дополнительную информацию помимо буквального содержания». Исследователь полагает, что «семантика диалогической речи всегда предполагает нечто, находящееся за текстом и в подтексте» [Ермакова 1996: 13].

Все вышеприведенные определения характеризуют своеобразное явление скрытой, но безусловно существующей в тексте семантики. Скрытая семантика представляет собой зону имплицитного – невербально выраженного – смысла. В отличие от эксплицитного – имеющего номинированное выражение – значения, имплицитная семантика присутствует в художественном тексте в качестве одного из основных способов языкового моделирования, другими словами, как одна из форм передачи информации.

Имплицитность в отношении художественного текста явление всеобъемлющее и разностороннее. Но, как справедливо отмечено в работе Е.В.Ермаковой, «при всем богатстве скрытой потенциальности текста, существует предел, за которым начинается фантазирование, связанное с искажением смысла текста. Данный предел объективирован самим текстом, включая все его уровни, прежде всего лингвистические» [Ермакова 1996: 15]. Другими словами, все, что не включено в текст и не может быть извлечено из его эксплицитного выражения, не рассматривается как подтекст.

С другой стороны, имплицитная семантика подтекста обусловлена не только эксплицитной формой репрезентации, но и общим уровнем познания адресата (фоновыми знаниями), в соответствии с которым ассоциативные и интуитивно воспринимаемые смыслы могут «наслаиваться» поверх восприятия текста. При этом данные значения можно считать

обусловленными синтезом фоновых знаний адресата и эксплицитных средств самого текста. Так, согласно Р.И.Павиленису, содержание речевого произведения (текста) рассматривается как результат процесса смыслопорождения (встречного порождения текста) индивидом на его ассоциативно-перцептивной базе (цит. по [Пищальникова 1999: 35]).

Таким образом, поскольку в нашей работе имплицитная семантика рассматривается в широком спектре языкового выражения, то для обозначения исследуемого явления наиболее приемлемым представляется общеупотребительный термин **подтекст**, который является закрепленным за данным понятием и наиболее универсальным по области своего применения.

1.1.2.Извлечение имплицитного значения с помощью категории номинации

Для определения категории подтекста в художественном тексте одним из самых значимых является понятие **номинации**.

По данным словарей, номинация в языкознании (от лат. nominatio - наименование) представлена как процесс: ‘обозначение чего-л. языковыми средствами, словом; наименование, называние реалии’ [БТС]. В «Философских исследованиях» Л.Витгенштейн, рассматривая именование, определяет его как некое «чудесное действие рассудка, словно крещение объекта» [Витгенштейн 2011]. В работе Г.В.Колшанского номинация – это «определение какого-либо объекта в рамках некоторого класса … в пределах лексических форм» [Колшанский 2005: 74]. Само познание, по определению Г.В. Колшанского, происходит в форме именования, а форма именования заключает в себе «все необходимые признаки адекватного выражения» [Там же], которые, по его мнению, предназначены для отражения в сознании человека категорий окружающего мира. И далее отмечается, что «любое языковое выражение можно рассматривать как номинативную единицу». В том числе предложение, сверхфразовые единства и текст как единицу наивысшего уровня языка. Л.М. Лещева также понимает номинацию расширительно, как «наречение именем не только сущности, но и признака, явления, события…. Номинативными единицами считаются слово, словосочетание, ряд словосочетаний. И даже предложение и текст» [Лещеева 2014: 82]. Представляется, что подобного вида номинации – даже расширенные до предела языковых возможностей (текста) – относятся к формам **эксплицитно выраженной семантики**.

У Ролана Барта понятие номинации рассматривается в контексте понятия «чтение» и представляется приспособленным для выявления именно подтекстовых (имплицитных) значений: «чтение – это языковая работа. Читать значит выявлять смыслы, а выявлять смыслы значит их именовать, ... я именую, отбираю группировки и снова именую, и в этом-то и заключается жизнь текста: она есть становление посредством номинации, процесс непрерывной апроксимации, метонимическая работа» [Барт 2001: 54].

Заметим также, что, по мнению Дж. Лакоффа, номинация является своеобразным переводом в артикулированную плоскость и представляет собой одновременное сочетание познания и понимания [Лакофф 2004]. Таким образом, в процессе номинации предмет (или явление) обретает понятийное воплощение в форме именования и становится для адресата до определенной степени известным, понятным и предсказуемым. (Предсказание – процесс прогнозирования свойств и развития объектов действительности, в свете теории информации представляет собой одну из основных функций коммуникационного процесса [Голдман 1957: 342]).

С точки зрения теории языка, подтекст представляется явлением, в котором номинация, как эксплицитно осознаваемая семантика, отсутствует. С точки зрения когнитивной лингвистики, для определения подтекстовой семантики адресату сообщения (читателю художественного текста) необходимо применить осознанное мыслительное действие. То есть произвести некоторую «работу сознания», направленную на поиск и выявление дополнительных, не названных в тексте смыслов, на осознание понятий (как совокупности «познанных существенных признаков объекта» [Маслова 2004: 27]), их классификацию и именование, т.е., собственно говоря, номинирование. Так, в книге Е.А. Петровой «Истоки и векторы логико-когнитивного направления в изучении языка» рассматриваются виды и способы мышления, которые могут быть представлены в качестве определяющих для идентификации подтекста как языкового явления [Петрова 2013]. Наиболее важным здесь видится определение самого феномена мышления как способности сознания «действовать со ссылкой на отсутствующие объекты, а не только со ссылкой на те объекты, которые чувственно присутствуют» [Лещеева 2014: 56]. Не менее значимым для нас является отмеченный в работе Е.А.Петровой принцип разделения мышления на определенные слои в зависимости от глубины познания. Верхним слоем, «поверхностным» по ее мнению, является семантическая или собственно языковая форма мышления. Существующие более глубокие, логические слои мышления, которые используют в своем арсенале «глубинные структуры сенсорного опыта,

соматический синтаксис, лингвокультурные смыслы» [Петрова 2013: 57] являются, на наш взгляд, причинно-следственным механизмом возникновения подтекста как языкового явления в художественном тексте.

Также для нашего исследования является немаловажным тот факт, что хотя мышление базируется на разных видах «понимания», но осмысленное восприятие основывается на языковой его форме (семантической). В упомянутой работе Е.А.Петровой отмечено, что «мышление человека осуществляется в теснейшей связи с речью, и результаты его фиксируются в языке» [Там же]. Можно сказать, что для выделения подтекстовых значений все слои мышления и восприятия (сенсорные, логические, лингвокультурные и т.д.) должны быть переведены в языковую, семантическую форму или, другими словами – номинированы.

Об этом же (ссылаясь на определение Г.И. Богина) пишет М.Ю.Шульженко: « …при рецепции художественного текста … мы сталкиваемся с иерархическим расположением типов понимания, которые по принципу их функционирования Г.И.Богин представляет в виде восходящего ряда трех уровней: семантизирующего, когнитивного и распредмечивающего» [Шульженко].

В процессе порождения и восприятия речи происходит кодирование и декодирование элементов двух систем: **объектов действительности** и **языковых знаков** (используя терминологию Ф.де Соссюра, назовем их соответственно **означаемым** и **означающим**. Этот способ кодирования является основополагающим для всех языков, представляет собой первый уровень кодирования и является основой для первого, семантического, уровня мышления. Описание этого уровня приводится в исследованиях Л.Витгенштейна, где он предлагает «…представить знание, как восприятие внешнего события посредством зримого излучения, которое проецирует его в глаз и в мозг» [Витгенштейн 2010: 147]. Данное утверждение чрезвычайно важно для определения функции подтекста и формы его воплощения в художественном тексте.

Известно, что зрительное восприятие является главным каналом, по которому человек получает информацию из окружающего мира. Это учитывается во многих лингвистических исследованиях, например в [Колесов 2012: 37]. На этом первом уровне чувственного восприятия, когда человек только видит объект, но еще не понимает и не называет его, информация поступает в форме «бессознательного» по Фрейду: «…психические предпосылки, раскрытые анализом, связи, в которые мы их вводим благодаря толкованию, являются бессознательными, по крайней мере до тех пор, пока мы не сделаем их сознательными для

больного путем аналитической работы» [Фрейд 2015: 278]. Если применить это наблюдение к восприятию индивидом подтекстовых смыслов, которые занимают в художественном тексте довольно значительный объем, то можно провести определенную аналогию: в случае декодирования языкового сообщения в мысленном представлении возникает некая картина действительности (образ), которая, отображаясь в сознании, воссоздает чувственное восприятие (зрительное, эмоциональное и т.д.), но не номинирует само явление. Так, например, в книге В.П.Руднева «Реальность как ошибка» [Руднев 2100: 42] описывается случай по Фрейду: ребенок, наблюдающий некоторое явление (коитус родителей), описывает его доступными ему терминами, но понимания и, следовательно, названия явления у ребенка еще нет. То есть, другими словами, образные подтекстовые значения в художественных текстах представляют собой особый способ использования языковых знаков для перевода познания из области эксплицитного смыслообразования в область восприятия бессознательного. Этот особый способ заключается в изменении направленности самого процесса кодирования, поскольку вместо прямого кодирования – присвоения названия определенному объекту – происходит обратный процесс превращения языковых знаков в бессознательные «образные» представления.

Нам представляется, что об этом говорит в своей работе и Р.Р. Халимова, описывая принцип Эриксоновского гипноза, где гипнотизер создает в восприятии пациента лакуны информации и эти «сознательные умолчания» заставляют «сознание пациента заполнять пробелы материалом, взятым из памяти» [Халимова2011: 121]. (Полагаем, что этот принцип полностью соответствует принципу языкового моделирования в художественном тексте). Об этом же упоминает в своей работе Н.В.Пушкарева: «Для выявления имплицитной информации нужно восстановить лакуны на определенном уровне языка» [Пушкарева 2013: 58].

К подобному способу «перевода в бессознательное» можно отнести все текстовые референции, которые включают признаки предмета или симптомы явлений, но при этом не называют сами предметы и явления. Наиболее упрощенной формой подобного процесса является определенный слой произведений в жанре загадки для детей младшего возраста: «блещет в речке чистой, спинкой серебристой (рыбка)», «хвостом виляет, зубаста, а не лает (щука)» «На огороде он растет, круглый, пузатый и красный. Когда созревает, в корзину летит, салат из него прекрасный (помидор)» и т.п. [Интересные загадки]. В работе Е.А.Селивановой данный вид семиотического механизма загадки определяется как принцип, по которому во всех культурах осуществляется «сознательное шифрование отношения знака (текста загадки) к

денотату (отгадке)» [Селиванова 2009: 102-106]. Подобным же образом происходит и кодирование подтекста в художественном тексте.

Таким образом, все текстовые элементы, в которых есть описание, указание на признаки и пр., но нет номинации – это формы подтекста, способствующие восприятию «бессознательного»: человек словно «видит» (мысленно представляет) определенное событие, но не знает и не вполне понимает что это такое, т.е. нет «отгадки», номинации, объект не выражен на семантическом понятийном уровне.

Характерным для данного вида бессознательного является определение Э.Сепира: «Бессознательность этих стереотипов заключается не в какой-то таинственной функции национального или общественного мнения, отраженной в умах отдельных членов общества, а просто в типичной для индивида несознательности тех структурных особенностей, границ и значащих элементов поведения, которыми он имплицитно все время пользуется» [Сепир 1993: 598]. Об этом же пишет Ю.Кристева: «Литература… уникальное не поддающееся именованию нечто, порождаемое субъективным опытом в его состоянии бесконечности… действующее чтобы обнаружить бессознательное» [Кристева 2015: 7].

По мнению Дж.Лакоффа, человеческое мышление основано на первичном (бессознательном) восприятии и надстраивается поверх него: «Мышление является – **воплощенным**. Это означает, что структуры, образующие нашу концептуальную систему, имеют своим источником наш чувственный опыт. Мышление является **образным** в том смысле, что те понятия, которые не основываются непосредственно на опыте, используют метафору, метонимию, ментальные образы – все это выходит за пределы буквального отражения, или **репрезентации** внешней реальности (выделено мной – А.Е.)» [Лакофф 2004: 13].

Номинация переводит процесс познания из непосредственно наглядно-чувственного восприятия (по Фрейду – бессознательного) в логически осмысленную, артикулированную плоскость. В свою очередь, художественный текст, как модель мира человека, с помощью подтекста переводит познание в неартикулированную, образную форму, осуществляя своего рода регресс когнитивного восприятия, то есть перевод восприятия от логико-понятийного к непосредственно-чувственному. Данный процесс верно охарактеризован Л.Витгенштейном: «То, что прежде всего описывает наш язык, есть картина. Как следует поступить с картиной… по-прежнему неясно. Вполне очевидно, однако, что ее нужно изучить, если мы хотим понять смысл того, что говорим» [Вигенштейн 2007: 269].

Существующие в данный момент научные определения форм «бессознательного», помимо психотерапевтической трактовки З.Фрейда, имеют вариант в определении К.Юнга, где он рассматривает данный вид бессознательного как форму, «единую для общества в целом и являющуюся продуктом наследуемых структур мозга» [Коллективное бессознательное]. При этом данный вид бессознательного является единым для всех людей, закрепленным в архетипах, представлением о нормах и правилах поведения и отношения к действительности. Юнг обозначил его как «*более глубокий слой, чем индивидуальное бессознательное – за словом стоят не только прямые значения, но и более скрытые слои, смыслы, понятные на бессознательном уровне*» [Юнг 2018: 125]. Данное определение с точки зрения психологии и физиологии выглядит довольно спорным и многие исследователи говорят скорее о влиянии культуры «*…внутри которой мы рождаемся и пропитываемся которой каждый день*» [Козлов]. Кроме того, по определению Р.Р.Халимовой, «*бессознательный разум – это хранилище воспоминаний, ресурсов и жизненного опыта. Это глубинная структура, кроющаяся за сознанием*» [Халимова 2011: 122].

В рамках нашей работы мы будем рассматривать два вида закодированных смыслов бессознательного: неосознаваемые на понятийном уровне чувственные представления (по З.Фрейду), неосознаваемые, воспринимаемые как «общий знаменатель», усвоенные в культуре стереотипы мировоззренческих представлений (по К.Юнгу). При этом при извлечении значений данных видов бессознательного наблюдаются следующие отличия: по З.Фрейду – неосознаваемое понятийное значение при извлечении номинируется новым, ранее **неизвестным** адресату понятием, а по К.Юнгу – **известным** ранее, но невербализованным в тексте понятием.

Таким образом, способность художественного образа вызывать в восприятии неноминированные стороны Означаемого (бессознательное) является основополагающей как для художественного текста вообще, так и для категории подтекста в частности. В свою очередь, когнитивное действие, направленное на извлечение скрытых смыслов, другими словами – **номинирование невербализованных значений**, позволяет перевести бессознательное зрительное восприятие на уровень семантического (понятийного) мышления. Таким образом, номинация является единственной категорией, с помощью которой может быть осуществлено извлечение подтекстового значения и декодирование его с одновременным переводом с непосредственно-чувственного уровня восприятия на уровень семантического (понятийного) мышления.

1.1.3.Образование подтекстовых значений с помощью категорий импликации, коннотации, пресуппозиции, контекста

Для определения языковых способов образования подтекстового значения наиболее важными являются понятия **импликации, коннотации, пресуппозиции** и **контекста**. Все эти категории довольно подробно рассмотрены в большом количестве работ.

Категории **пресуппозиции** («как суммы сведений, которая должна быть предварительной для однозначного понимания высказывания» [Бойцова 1985: 87]) и **импликации** («как сведений, которые входят в информацию предложения, но не имеют формального эксплицитного выражения, а лишь подразумеваются» [Там же: 90]) являются составляющими для подтекста и чаще всего сосуществуют в нем и дополняют друг друга. Т.А.Бойцова полагает, что «пресуппозиция оказывается необходимой для раскрытия содержания, составляемого импликацией» [Там же]), однако стоит отметить, что подтекст может быть обусловлен только одним из этих компонентов.

В свою очередь, импликация, как отдельная категория, представляет особый интерес для нашего исследования. Так, В.А Звегинцевым импликаци понимается как «скрытый (имплицитный) смысл в области содержания» (цит. по [Ермакова 1996 : 23]), то есть соответствует понятию имплицитности в самом общем плане. В информационно-содержательном отношении, по определению С.С.Сермягиной: «Импликация состоит в том, что в силу необходимости и возможных связей из наличия (А) заключают о наличии (В)» [Сермягина 2007: 60]. То есть импликация состоит в том, что переданный эксплицитно смысл (А) содержит скрытый смысл (В), предопределенный некоторыми языковыми связями. Этот скрытый смысл предполагает некоторое мыслительное действие для его осознания и извлечения («заключают о наличии «В»).

Таким образом, импликация может быть определена как присутствие в смысловой составляющей языковой единицы таких компонентов скрытой информации, которые принадлежат другой языковой единице, но в контексте они соединены таким образом, что к эксплицитному выражению добавляется дополнительный (имплицитный) смысл. Этот смысл требует определенного мысленного усилия для своего понимания и, в зависимости от уровня языковой компетенции адресата, может быть либо извлечен, либо не извлечен адресатом.

В работе М.И.Александровой импликация подразделяется на два типа: импликационал и импликатура: « Импликационал и импликатура являются вторичными в процессе образования

подтекстовых смыслов. Импликационал – понятие, которое обычно применяется к лексическому значению слова, импликатура – понятие, обычно применяемое на уровне дискурса» [Александрова 2013: 30].

Мы полностью согласны с подобным членением понятия импликации и в нашей работе будем рассматривать импликацию не только в ее базисном значении, то есть в качестве имплицитных «включений» в лексическое значение, или, по-другому, в качестве своеобразного средства «осложнения» эксплицитного значения на едва осознаваемом, несемантизированном уровне мышления, но и в качестве единиц лексического значения, которое образуется на этапе номинации подтекстовых значений, классифицируемых М.И.Александровой по типу имплицитности (другими словами, по фактическому размеру и семантическому расстоянию): 1) в качестве коннотативной составляющей (импликационала), 2) как текстовые включения (импликатура).

В свою очередь, для понятия импликации одним из самых значимых компонентов является понятие коннотации. Термин «коннотация» (от лат. connotare – «соозначать») пришел в языкознание из логики и первоначально применялся лишь к элементам лексики.

У Р.Барта коннотация характеризуется на основе определения Л. Ельмслева: «коннотативное значение — это вторичное значение, означающее которого само представляет собой какой-либо знак» [Барт 2011: 12].

Для нас наиболее важными представляются следующие аспекты коннотации: способность «осложнять» значение языковых единиц такими элементами смысла, которые не выступают на первый план восприятия, но при этом являются составляющими для Означающего, и способность данного вида значений (коннотативных) выступать в качестве определяющих для категории подтекста как имплицитного смысла.

Об этом упоминает Г.К. Косиков во вступительной статье к работе Р.Барта «S/Z»: «Коннотативные смыслы имеют несколько существенных характеристик: во-первых, они способны прикрепляться не только к знакам естественного языка, но и к различным материальным предметам……; во-вторых, эти смыслы латентны, никогда прямо не называются, а лишь подразумеваются и потому могут либо актуализироваться, либо не актуализироваться в сознании воспринимающих» [Барт 2008: 24]. Именно эта «латентность» коннотативных смыслов позволяет говорить о них, как о способе создания неосознаваемого плана содержания в художественном тексте – иными словами, подтекста.

В самом понятии «коннотация» обычно различают четыре компонента: **экспрессивность, эмоциональность, оценочность** и **функционально-стилистическую окрашенность** [Блох 1985: 4].

Оценочный компонент довольно подробно описан в работах Т.В. Маркеловой («шкала оценки является важнейшим **имплицитным компонентом** оценочного комплекса» [Маркелова 2013: 15]). О стилистической окраске как одном из видов коннотации упоминает А.И.Горшков в «Лекциях по русской стилистике»: «…добавочное значение, в том числе и стилистическую окраску слова, принято называть коннотативным значением, или коннотацией» [Горшков 2000: 29]. В работе Н.М.Перельгут оценка представлена «как особый аспект языковых выражений, который накладывается на предметно-логическое, смысловое содержание» [Перельгут 2005: 28]. В.А.Пищальникова коннотацией называет «дополнительное к лексическому семантико-стилистической содержание слова, возникающее на основе ассоциативных связей, которые являются общими для членов данного языкового коллектива» [Пищальникова 1984: 59]. В ее же работе приводятся определения таких компонентов коннотации как эмоциональное значение («компонент семантической структуры слова. Эмоциональное слово выражает узуально закрепленное за ним отношение членов языкового коллектива к денотату, соотнесенному с конкретным словом» [Пищальникова 1984: 59]) и экспрессивное значение («возникает на основе скрытого интеллектуального сравнения разных реалий или чувственно-наглядного восприятия их» [Там же]), которые оказывают очень сильное, но почти неосознаваемое воздействие на восприятие.

Стоит отметить, что явление коннотации как имплицитной семантики присутствует не только в слове и словосочетании. Можно с полным на то основанием говорить о присутствии коннотации во всех видах тропов, фразеологизмов, а также о ее наличии во всех фигурах речи.

Так, Цветан Тодоров в своей книге «Теория символа» отмечает, что «перенос, или метафора, … – это такое слово, означаемое которого отличается от его обычного означаемого. … перенос – это стилистическое средство в ряду других, а не способ существования смысла, с необходимостью связанный с прямым значением» [Тодоров 1998: 18-19].

В работе Скорняковой Р.М. отмечено, что «метафоризация сопровождается вкраплением в новое понятие признаков уже познанной действительности, отображенной в значении переосмысляемого имени» [Скорнякова 2010: 200]. Исследователь приводит соображение немецкого лингвиста Р.Везеля, отмечающего, что «метафоры в качестве имплицитных моделей

очень экономным и элегантным образом осуществляют функцию упрощенной и осмысленно упорядоченной обработки информации» [Wesel 1995], цит. по [Скорнякова 2010].

В работе Л.В. Супруновой рассматривается механизм смыслообразования метафоры, описанный М.Блэком, он состоит в том, «что к главному субъекту прилагается система «ассоциируемых импликаций», связанных со вспомогательным субъектом» [Супрунова 2007: 104]. Также Б.А.Гомлешко пишет о коннотации как взаимодействии эксплицитного и имплицитного смысла [Гомлешко 2008]. М.К.Тимофеева отмечает значимую роль нетиповой коммуникации и тот факт, что трудности понимания «вынудили адресата создать новые знаки, требуемые в текущей коммуникативной ситуации. …Это различные виды противоречия (оксюморон, синестезия, парадокс) и загадки» [Тимофеева 2010: 232].

Кроме того, фразеологизмы как способ экономии языковых усилий рассматриваются в когнитивной лингвистике как один из ее основных постулатов. Так В.А. Маслова пишет: «С когнитивной точки зрения фразеологизмы более экономны, чем порождение этих же смыслов по уникальным правилам. Например, смысл фразеологизма «в штыки» может быть передан выражением «принимать с крайней враждебностью» [Маслова 2004: 28]. Экономия языковых усилий в данном случае приводит к тому, что количество текста сокращается, но количество смысла остается прежним. То есть в отношении смысловой емкости текста данный пример очень характерен: мы можем наблюдать заметное сокращение текстового объема – два слова, содержащих имплицитный смысл, вместо четырех слов в эксплицитном выражении.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, следует отметить, что понятия импликации и коннотации, с одной стороны, взаимосвязаны, с другой стороны, взаимообусловлены, и в качестве языковых приемов для моделирования неноминированного плана содержания, другими словами, подтекста, в художественном тексте являются одними из наиболее действенных способов образования подтекстового значения. Кроме того, импликация и ее составляющая – коннотация – представляют собой языковые способы, с помощью которых осуществляется значительная экономия текстового пространства и, на этой основе, повышение емкости текстовых единиц.

Отметим так же еще один немаловажный аспект коннотации, на который указывает в своей работе В.А.Пищальникова: «Полная ориентация в стилевых явлениях не характерна для «среднего» носителя языка. Стилевое восприятие возможно при наличии высокой языковой и общей культуры, является результатом филологического опыта. Суть высшего уровня языковой компетенции – в способности нашего сознания идентифицировать, квалифицировать и

классифицировать коннотации языковых единиц любого порядка» [Пищальникова 1984: 59]. На основании этого определения мы можем сделать предварительный вывод о том, что извлечение или неизвлечение скрытого (имплицитного) смысла языковых единиц зависит не только от наличия или отсутствия в тексте подобных смыслов, но и от уровня образованности адресата.

Обратимся теперь к понятиям **пресуппозиции** и **контекста**. **Пресуппозицией**, по определению В.А.Звегинцева, является «некоторый обязательный фонд общих знаний, предполагающий правильное понимание речевой коммуникации» [Звегинцев 2007: 217]. Кроме того, в теории речевых актов определение пресуппозиции рассматривается также в качестве некоторых внешних экстралингвистических факторов (окружающего ситуативного контекста), которые для художественного текста не имеют актуального значения, поскольку художественный текст в процессе декодирования предполагает наличие только двух систем взаимодействия: самого текста и восприятия адресата (внешняя обстановка при этом не имеют никакого влияния на эти две взаимодействующие системы). Таким образом, пресуппозиция может рассматриваться только в двух аспектах: либо как внутритекстовая (то есть все то, что уже было сказано в данном тексте), либо как пресуппозиция общефоновых знаний адресата (адресанта), то есть обусловленная суммой сведений уже имеющихся у взаимодействующего с текстом субъекта.

Понятие **контекста** чаще всего рассматривается в качестве «ситуации, в которой используется слово, его окружения» [Ивин 2007: 63]. От контекста, как речевого окружения, зависит выбор того или иного значения языковой единицы, в том числе и подтекстовой. В этой связи следует отметить упоминаемую во многих исследованиях способность слова накапливать значения в процессе употребления в различных контекстах. В частности в работе Г.К. Косикова отмечено: «Задолго до нас все эти единицы и дискурсивные комплексы прошли через множество употреблений, через множество рук, оставивших на них неизгладимые следы, вмятины, трещины, пятна, запахи. Эти следы суть не что иное, как отпечатки тех смысловых контекстов, в которых побывало «общенародное слово» прежде, чем попало в наше распоряжение» [Барт 2008: 16].

В определении А.А.Вербицкого контекст подразделяется на экстралингвистический (внешняя по отношению к речи ситуация и фоновые знания адресата) и интралингвистический («внутриязыковое окружение соответствующего фрагмента высказывания» [Вербицкий 2010: 16]) и предстает как «орудие, обеспечивающее точное понимание общающимися семантической

нагрузки употребляемых ими лексических единиц и сложных языковых конструкций различного объема» [Там же : 13]. Как способ ограничения многозначности, контекст рассмотрен в работе Н.Н.Амосовой, где она выделяет три постулата понимания контекста: «1) слово в языке многозначно; 2) в речи оно актуализируется только в одном из своих вариантов; 3) получатель сообщения определяет в каком из лексико-семантических вариантов слово актуализировано» [Амосова 1963: 30].

С категорией контекста связан постулат когнитивной лингвистики о значимости нестандартных употреблений. Так В.А.Маслова упоминает о том, что «использование когнитивных методов позволяет интерпретировать их (нестандартные употребления языковых единиц – А.Е.) не как ошибки, а как специфические операции со знаками» [Маслова 2004: 29].

Не все виды контекста, упоминаемые в вышеназванной работе А.А.Вербицкого, являются необходимыми для анализа художественного текста. Внешний ситуативный контекст исключен из пространства художественного текста, что становится особенно заметным при анализе трех видов значения термина «контекст», приведенных в его классификации: «1)фрагмент самого текста, 2) информация, в пространстве которой порожден текст автором, 3) информация, в пространство которой этот текст попадает в процессе его восприятия реципиентом» [Вербицкий 2010: 13]. Для художественного текста определения, изложенные в пунктах №2 и №3, актуальны только в том случае, если рассматриваются не как фактор внешней по отношению к речи ситуации (когда понятие «контекст» смыкается с понятием внешней пресуппозиции, и является его аналогом), а как фактор наличия определенного уровня общефоновых знаний адресата и (или) адресанта. Именно поэтому в художественном тексте ни экстралингвистический контекст, ни внешняя пресуппозиция как ситуация внешней обстановки, не учитываются в процессе кодирования и декодирования информации, в особенности подтекстовой.

Языковые категории интралингвистического (внутритекстового) контекста, внутритекстовой пресуппозиции и пресуппозиции внешней (фоновых знаний адресата) являются, так же как и понятия импликации и коннотации, языковыми способами образования дополнительных (подтекстовых) значений в структуре художественного текста.

Таким образом, в данной работе подтекст в структуре художественного текста рассматривается как имплицитная категория, которая не имеет вербального понятийного определения (номинации) в тексте, но, безусловно, присутствует в нем, как определенное, извлекаемое при более осознанной когнитивной интенции, неноминированное значение.

Образование значения подтекста в художественном тексте (кодирование) осуществляется с помощью категорий импликации, коннотации, пресуппозиции, контекста. На этапе извлечения подтекстовых значений (декодировании), в процессе перевода значений из непосредственно-чувственных в понятийные, то есть на семантический уровень мышления, единственной языковой категорией, с помощью которой это становится возможным, является понятие номинации.

1.2.Функции подтекста в художественном тексте

1.2.1.Функции подтекста и обусловленность принципа языкового моделирования в художественном тексте

Вынесенное в заглавие работы понятие подтекста как «способа моделирования» обязывает нас всесторонне рассмотреть термин «моделирование», основой которого является общий принцип «моделирования», применяемый в методологии науки и в лингвистике как науке.

Само понятие «моделирование» напрямую связано с понятием **модель**, исследованию которого было посвящено (особенно в период 60-х-70-х гг. прошлого века) множество научных работ, вследствие чего понятие «модель» получило довольно основательный терминологический аппарат и в настоящее время имеет прочное обоснование в качестве развернутой системы определений и универсальной классификации типов и видов модели как одного из способов познания.

При этом модель в отношении художественного текста может выступать в двух ипостасях: 1) как инструмент металингвистики, предназначенный для познания внутренней структуры, функциональных возможностей и форм воплощения самих текстов; 2) как общий метод (теория) познания, в свете которого сам художественный текст выступает в роли специфической модели.

В данном исследовании нас интересует художественный текст во второй ипостаси, то есть как объект, который функционально, в самом общем плане, сам является моделью с точки зрения познавательного процесса.

Характер модели как инструмента познания отождествляется в нашем представлении, прежде всего, с визуальной и динамической наглядностью процессов и явлений. Модель, как

способ передачи информации (сообщения), не столько объясняет, сколько демонстрирует свои объекты. То есть модель – это некое визуализированное, наглядное, образцовое явление (или предмет), требующее минимального количества пояснений (или не требующее пояснений вовсе).

Определение модели приводится в работах многих авторов ([Глинский 1965: 6], [Новик 1975: 18] и др.). Нам представляется наиболее актуальным для целей нашего исследования определение, данное К.Е Морозовым: « под моделью понимается объект любой природы, который способен замещать исследуемый объект так, что его изучение дает новую информацию об этом объекте» [Морозов 1969: 40].

У всех авторов выделены два главных критерия, по которым определяется модель как метод познания и научного исследования: 1) модель предназначена, прежде всего, для целей познания, 2) модель всегда имеет определенное соответствие (всегда неполное) моделируемому объекту, или, другими словами, особенностью познания с помощью модели является адекватное представление явления (или предмета) в упрощенном, наглядном виде.

То есть модель – это эксплицитное, наглядное воплощение совершенно определенных, заданных параметров и особенностей оригинала, созданная и применяемая для облегчения процесса познания. Существующие классификации моделей опираются на различные виды критериев:1) природы моделируемых объектов (модели в физике, химии, культуре); 2) природы самой модели (материальные, идеальные [Морозов 1969: 26], иконические и образные); 3) по форме моделей (рисунок, чертеж, схема и т.п. [Там же: 32]); 4) динамического критерия (статические и динамические [Гинский, Грязнов, Дынин, Никитин 1965: 12]); 5) по функции модели: со стороны отображаемой функции (модель нервной, модель кровеносной системы в медицине), и по функции модели в процессе использования (практические, обучающие и исследовательские [Веников В., Веников Г. 1984]). Кроме того, разными исследователями отмечаются такие особенности моделей, как:1) полное / не полное моделирование [Новик, Мамедов 1981: 40]; 2) свойство аппроксимации (упрощения) [Морозов 1972: 3]; 3) отражательная функция моделей [Штофф 1966: 130]; 4) иллюстративная и объяснительная функции моделей [Там же: 149].

Принцип моделирования лежит в основе языка, как ментального образования. Поскольку любой, имеющий семантическое наполнение, языковой знак, при употреблении вызывает в восприятии (воображении) определенный «образ», который, в свою очередь, представляется мысленной «моделью» отображаемого объекта (предмета, явления, понятия и т.д.). Из этого

закономерно следует, что понятие моделирования может быть применено к любым языковым явлениям.

Так, разработанная Ю.М. Лотманом двухуровневая система языкового моделирования, позволяет провести разграничение между непосредственным – прямым кодированием и вторичным языковым моделированием – опосредованным, с которым, в лингвистическом аспекте, связано понятие ассиметрии планов выражения в художественном тексте («ассиметрия языкового знака – это перенос … собственного значения знака с основного, стереотипно закрепленного за ним в плане обозначения мыслительного понятия на другое смежное понятие, пересекающееся со стереотипным по какому-либо принципу» [Фефилов 1994: 94]).

То есть если языковой знак сразу же вызывает некое мысленное представление о предмете (явлении и т.д.) при первом, не слишком вдумчивом, прочтении, то мы с полным основанием можем отнести его к уровню первичной моделирующей системы ([Салмина: 2011]). На этом уровне единицы языка (морфемы, слова, словосочетания, предложения, сверхфразовые единства и т.д.) на первом же этапе восприятия переходят в зрительное и (или) осознаваемое ощущение, которое с легкостью может быть названо (номинировано) адресатом. Подобное восприятие представляется тем уровнем мышления, на котором информация, передаваемая текстом, без усилий воспринимается адресатом, поскольку находится на первом плане, то есть языковое выражение является эксплицитным.

Второй уровень языкового моделирования (по Лотману – искусство как вторичная моделирующая система), связан с возникающими в сознании образами, которые не отражаются в сознании как понятия (невербализованы, не отражены на семантическом уровне мышления), но присутствуют как определенного рода неосознаваемое ощущение (представление). Этот способ кодирования отмечен и в работах современных авторов, исследователей подтекста (в частности, в работе [Козьма 2008: 28], а также в книге Ю.Кристевой «Разрушение поэтики»: « То, что мы называем здесь текстом, близко к тому, что советские семиотики называют «вторичной моделирующей системой» [Кристева 2004: 99]).

Характерной особенностью подобных «зрительных» образов является то, что они не с первого прочтения, не с легкостью, но все-таки могут быть переведены в область понятийного определения адресатом (то есть, номинированы), и, таким образом, могут быть представлены на семантическом уровне мышления.

Обратим внимание на то, что Ю.М.Лотман предопределил «возможность интерпретации одного из основных свойств искусства – познания путем воссоздания – как явления

моделирования» [Лотман 1964: 29]. Поскольку базисом искусства в художественном тексте является язык, то для того чтобы определить, какие способы в качестве основы для художественного языкового моделирования возможны и какой конкретно способ используется при воплощении художественного текста, следует определить сам объект – «модель», который воплощен в художественном тексте, как одном из видов искусства.

Вначале рассмотрим подробнее само понятие «художественный текст». Если для категории подтекста понятие «текст» является в определенной степени прикладным понятием (связанным с синтагматическим членением текстовых единиц для определения семантики подтекстовых образований) и применяется в значении «информация, закодированная в знаках языка», то для определения понятия «художественный текст» в лингвистическом аспекте, определение «текста» как одного из уровневых компонентов языковой системы становится особенно важным.

Термин «текст» в настоящее время разработан в достаточно полной мере, имеет огромное количество определений в филологических исследованиях (например, в [Болотнова 1988: 61], [Гольдман 2005: 53], [Гальперин 2014: 144] и мн. др.). В современной трактовке понятия «текст» основной акцент делается на соответствии текста, как информационной единицы, некоторому единому в своей сущности сообщению. Так, например, Ю.В.Букарева рассматривает природу текста «как коммуникативной единицы, реализующей систему языка, как «целостного и связного сообщения, специальным образом организованного для передачи и хранения информации» [Букарева 2006: 7].

В зависимости от стилистики текста (научного, делового, текста художественной литературы) это единое сообщение приобретает соответствующее содержание. Так, в научном и деловом стиле это содержание сводится к определенному логическому объекту – понятию, расширенному до уровня текста. Как это определено в работе Ю.Д.Артамоновой: «текстами в данном случае мы будем называть любые знаково-символические системы, выраженные средствами естественного или искусственного языка и предназначенные для кодирования, сохранения и передачи информации» [Артамонова 2009: 7].

Обобщено определение текста можно свести к условной формулировке: **единица информации, законченное речевое целое**.

Для целей нашего исследования наиболее близкими представляются два определения. Это определение А.А. Брудного: «Текст – это адресованная, компактная и воспроизводимая последовательность знаков, развернутая по стреле времени, связно передающая некоторое

содержание и **обладающее смыслом, в принципе, доступном пониманию** (выделено мной – А.Е.)» [Брудный 1988: 185]; и определение Г.Г. Молчановой «текст – это двухмерная структура, образуемая в результате использования авторами специфической системы кодифицирования как разновидность речевого акта, т.е. акта коммуникации между автором (адресантом) и читателем (адресатом)» [Молчанова 1988: 11], цит. по [Бабенко 2008].

Термин «художественный» (как относящийся к искусству, к деятельности в области искусства) присоединяет к значению термина «текст» определенный набор специфических характеристик, чем обусловлено известное разнообразие определений этого понятия.

Многие исследователи отмечают эстетическую ценность текста: «художественный текст можно определить как коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявляемой в процессе его восприятия» [Пищальникова 1999: 4]. Понятие эстетической ценности отмечено и в работах Р.Якобсона: «если речь идет о произведении художественной литературы, …то ведущей неизбежно является эстетическая функция, даже если ее роль сознательно заслоняется» [Якобсон 2011: 68]. Специфику художественного текста Ю.М.Лотман определяет через понятие тропа: «текст стремится превратиться в отдельное «большое слово» с общим единым значением. Это вторичное слово в тех случаях, когда мы имеем дело с художественным текстом, всегда представляет собой троп: по отношению к обычной, нехудожественной речи художественный текст как бы переключается в семиотическое пространство с большим числом измерений» [Лотман 1998: 416].

Нужно заметить, что искусство с этой точки зрения оперирует несколько иными, чем языковые знаки средствами. Способами передачи информации с помощью искусства служат наглядно-чувственные образы и представления. То есть художественный текст в наибольшей степени передает информацию в форме образов – чаще всего визуализированных в мысленном представлении. Мы уже упоминали, что в самой природе языкового знака заложена образная сущность понятий.

В толковых словарях «образ» описывается чаще всего как связанный с наглядным чувственным постижением действительности, как «копия, слепок, отпечаток в сознании явлений объективной действительности» [СЕ].

Язык, как системное многоуровневое образование, соотносится с категорией образа разными своими уровнями: фонетическим (в разнообразных явлениях инструментовки); на уровне лексики категория «образ» чаще всего связана с наличием переносного (метафора, метонимия, синекдоха и т.д.), а также коннотативного или стилистически окрашенного значения

(сниженный нейтральный – возвышенный стили речи, например, в парадигме «хаза – здание – обитель»); на уровне текста выделяется специфическая (литературная) система образов (образ героя, образ рассказчика, образ автора, образ читателя); и на самом высшем – надтекстовом – уровне весь художественный текст, рассматриваемый как произведение искусства, можно определить как «образ» определенного содержания, как отображение в данном образе наиболее крупного фрагмента представлений и наиболее полного (доступного для передачи с помощью языкового кода) изображения мира.

В соответствии с теорией информации любая последовательность знаков (языковая или чувственно-образная), содержащая некоторые изменения, является способом передачи некоего нового знания [Голдман 1957: 161], [Гальперин 2014: 26]. В науке это знание является осмысленным артикулированным определением понятий. Художественный текст в отношении нового знания об окружающей действительности соответствует определению, принятому в теории информации, но природа этого знания не понятийно-логическая, а образно-чувственная. Эстетическая функция, реализуемая в художественном тексте, не противоречит данному утверждению, поскольку получение нового знания на уровне сенсорных – звуковых, визуальных, внутренних психологических переживаний, не противоречит пониманию чувственных ощущений, как получению нового знания, а лишь переводит его получение в другую, не артикулированную средствами метаязыка, плоскость.

Если попытаться сравнить понятия «образ» и «модель», то можно обнаружить практически полное сходство определений.

Например, В.А.Пищальникова характеризует образ как «… возникающее в нашем сознании на основе чувственных ощущений гносеологическое сходство с отражаемым предметом» [Пищальникова 1984: 23]. Л.Витгенштейн в «Логико-философском трактате» определяет: «Образ есть модель действительности» [Вигенштейн 2007: 14]. В книге М.Дени находим: «Образное представление дополняет семантическое представление, и это факультативное дополнение не является необходимым условием для понимания и обработки информации. ... При такой интерпретации образу могут быть приписаны свойства «модели» [Дени: 161].

Более того, в книге В.Д. Чарушникова «Моделирование и научное познание» находим следующее утверждение: « слово «модель» происходит от латинского слова model, что означает образ, образец» [Чарушников 1997: 3]. В этом же исследовании корригируются

понятия образа, модели и познания: «Познавая окружающий мир, человек строит в своем сознании образы-модели» [Там же].

В то же время, понятие моделирования употребляется так близко к пониманию художественного текста как одного из видов модели, что кажется вполне оправданным сделать последний шаг в этом направлении: определить, что художественный текст весь целиком, как информационный объект, является своеобразной **моделью**.

Так, например, В.П. Белянин о художественном тексте пишет: «Вымышленные, но правдоподобные ситуации моделируются им в целях пояснения своих идей и представлений» [Белянин 1988: 18]. В монографии А.Г.Сонина встречаем следующее определение: «Модель строится в каждой конкретной ситуации (для каждого конкретного дискурса) на основе общих и специальных знаний, которыми располагает индивид» [Сонин 2002: 144]. М.А. Гвенцадзе: «Художественные тексты представляют собой не модель действительности, а сознательно конструируемые возможные модели действительности» [Гвенцадзе 1986: 91] цит по [Блох 2012: 20-21]. В исследовании С.С.Сермягиной находим: «Если считать художественный текст моделью определенного фрагмента действительности в форме слова…» [Сермягина 2007: 52]. В книге Л.Г.Бабенко: «Содержание формируется как ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говориться в тексте» [Бабенко 2008: 52]. У Т.А. Ван Дейка: « Смысл текста, его семантическая репрезентация, необходимы лишь для формирования модели» [Ван Дейк 2015: 78], но здесь же он ограничивает вопрос рассмотрения текста с точки зрения теории модели следующим образом: «Не следует смешивать это понимание модели с таким понимание, при котором «модель» является приблизительным эквивалентом «теории». В данной работе когнитивная модель – это не модель (теория) познания, а структура представления знания в памяти» [Там же].

Мы уже упоминали и повторимся, что в отличие от применения понятия «модель» в работе Т.А. Ван Дейка, в данном исследовании мы рассматриваем художественный текст именно с точки зрения того, что он является моделью (теорией), существующей для целей познания.

Из вышеприведенных классификаций модели становится очевидным, что модель – художественный текст относится, безусловно, к идеальным мысленным видам моделей (по другой терминологии – к эвристическим моделям) и сочетает два вида моделирования: знаковое, поскольку употребляет знаки языка, и наглядно-образное, поскольку в сознании читателя языковые знаки трансформируются в наглядно-образные представления, и, как знаки,

чаще всего вообще исчезают из осознанного восприятия способа получения информации. Об этом говорит и Э.Розенталь: «Читатель перестает быть читателем, он уходит в зрительные образы и цветовые гаммы, он возвращается к чувственному восприятию действительности» [Розенталь 1978] цит. по [Абдулдабеков 1988].

Ранее мы выяснили, что в художественном тексте происходит некоторое преобразование значения из понятийного в образное, иными словами, обратное возвращение к непосредственно чувственному восприятию – «бессознательному» по Фрейду [Фрейд 2015]. Об этом же говорится и в работе А.А.Брудного: «Как феномен культуры текст существует в знаковой форме и имеет **значение,** учение Фрейда придает специфическое значение метафорам, остротам, оговоркам и другим особенностям текста, непроизвольно выражающим содержание **бессознательного**» [Брудный 1988: 145].

С другой стороны, если в науке модель является наглядным образцом конкретного направления исследования (модели применяются как в точных науках: математике, физике, химии и т.п., так и в гуманитарных: модели текстов в лингвистике, модели поведения в психологии), то в понимании художественного текста как модели основной проблемой является определение объекта моделирования, поскольку художественный текст отображает множество аспектов действительности.

Представляется, что моделируемым объектом художественного текста является «универсум человека» (мир человека). Так, например, В. П. Белянин в своей монографии «Психологические аспекты художественного текста» говорит о том, что «художественный текст отражает и мир, и человека, чувствующего, мыслящего, действующего, всесторонне связанного с окружающим его миром» [Белянин 1988: 18]. Л.Г.Бабенко пишет, что «именно человек, его внутренний мир, духовные искания и переживания всегда составляли и составляют центр литературного произведения» [Бабенко 2008: 53]. А.Рэнд утверждает, что роман – это «история о человеке и его действиях» [Рэнд 2011: 46].

«Мир человека» включает на наш взгляд все то, что хоть в какой-то мере имеет отношение к человеку. Начиная от биологических и физиологических особенностей и включая чувственную, духовную, моральную, этическую стороны жизни человека.

Мир человека в целостном виде невозможно представить объектом какой-либо единой науки. С другой стороны, все эти составляющие «мира человека» являются по отдельности предметами (объектами) исследования различных прикладных наук.

Если выделить сферы употребления концепта «человеческий», то можно выделить следующие направления: 1) человеческие отношения – в объективированном состоянии составляют предмет изучения социологических наук; 2) человеческие чувства - в науке являются предметом исследования психологии и физиологии; 3) человеческое мышление - по большей части является артефактом культуры; 4) отношения человека с внешним миром – объект морали и этики.

С точки зрения теории информации, для текстов научной коммуникации характерно стремление к предельному отсутствию «шума» в канале передачи. Никакие двусмысленности или варианты разночтений в научных текстах недопустимы в принципе. Любой дополнительный вариант, отличающийся от основного (инварианта), является «шумом» для точности передачи информации и «уводит в сторону» от истинности сообщения, от неискаженности его декодирования. То есть научные тексты в этом плане – единицы однозначного содержания, определенной вычлененной и осознаваемой во всех деталях логической последовательности доводов и доказательств. Для устранения двусмысленности в научных текстах применяется принцип избыточности, другими словами – повторение одного и того же сообщения с помощью разных языковых знаков (примерно так, как это сейчас произошло в данном тексте). В теории информации это явление описывается следующим образом: «код устраняющий избыточность, увеличивает количество информации приходящейся на каждый символ сообщения. Однако, несмотря на то, что избыточность приводит к уменьшению скорости передачи информации, она является очень ценным свойством языков, ибо она облегчает распознавание отдельных ошибок, сопровождающих передачу сообщений, и их исправление. Избыточность – это механизм помехоустойчивости языков» [Голдман 1957: 339].

Другим способом научной репрезентации являются термины, как единицы, которые способны осуществить «повышение емкости» с сохранением однозначности. Так в книге И.А.Углановой приводится очень точное описание процесса увеличения емкости сообщения: «Дж. Миллер экспериментально показал, что объем нашей памяти действительно ограничен, но, как видно из примера (радиотелеграфный код – точка тире – вначале непонятен, потом начинает выстраиваться в слова и далее во фразы, т.е. единицы кодирования укрупняются), человек может его значительно расширить за счет укрупнения единиц кодирования, получаемых им на входе, посредством их перегруппировки и присвоении всей группе нового имени, которое и запоминается на выходе» [Угланова 2010: 242].

Таким образом, в научном производстве емкость текста продуцируется не только избыточностью, как способом помехоустойчивости, который увеличивает количество текста, но и сжатием информации, как способом, который укрупняет единицы кодирования и выражается, в том числе, в применении специализированной терминологии («терминология – это система понятий данной науки, закрепленная в соответствующем словесном выражении» [Хижняк 2016: 87]).

С точки зрения нашей проблематики сущность термина состоит в номинировании предмета (явления, понятия и т.п.) достаточно компактным языковым образованием, которое, с одной стороны, является абсолютно, безоговорочно однозначным, но, с другой стороны, включает в себя множество характеристик, присущих данному объекту или явлению, то есть соответствует пониманию емкости, как количеству содержащейся в языковой единице информации. Так, Ю.М.Шилков говорит о том, что «для научного познания чрезвычайно важна возможность предельного сокращенного выражения понятий и высказываний с соблюдением однозначности их предметно-понятийного содержания» [Шилков 2013: 511].

Существующие на данный момент разнообразные определения термина, кроме его отнесенности к понятийному аппарату определенного направления науки, отмечают такие его свойства, как «… средства познания окружающего мира» [Ивина 2003: 8] цит. по [Грунина 2016: 7] и «точное выражение специальных понятий» [Володина 2000: 33] цит. по [Грунина 2016: 7]. Так, например, «имя существительное» с одной стороны является совершенно однозначным понятием, а, с другой стороны, включает в себя множество признаков и может быть разъяснено с помощью общеупотребительной лексики: «часть речи, которая отвечает на вопрос кто, что? …и т.д.». При этом, разъяснительная часть термина гораздо более обширна по объему и количеству слов, но она необходима для первичного усвоения значения термина. На следующем этапе познания, когда значение термина усвоено, в восприятии адресата при номинации «имя существительное» происходит восприятие всего множества характеристик, заложенных в термине. То есть происходит определенный процесс «сжатия информации» или увеличения емкости понятия.

Если применить эту аналогию к термину, как одному из самых емких языковых образований, то становится очевидным, что емкость термина заключается в присвоении всему комплексу его характеристик нового – сжатого и компактного – имени. То есть – термина. Это может быть подтверждено определением, приведенным в статье В.Ф.Новодрановой:

«лаконичная языковая форма термина способна передавать большой объем информации» [Новодранова 2013: 12].

Репрезентация действительности в художественном тексте происходит в двух плоскостях. С одной стороны вместо того, чтобы давать развернутое научное определение, которое с необходимостью будет перегружено избыточностью для однозначного и безошибочного его понимания, или давать терминологическое определение, которое будет непонятно большинству среднестатистических адресатов (данный вид значения в лингвистике получил название **агноним**: то есть слова полностью неизвестные читателю или смутно понимаемые), автор художественного текста дает экономное соединение двух и более аспектов значения не в термине (как единице однозначного, но узкоспециализированного значения), а в подтексте (лексии). С другой стороны, значение, пусть и не всегда точное и однозначное, все-таки передается, но передается по более скоростным информационным каналам, путем преобразования его в зрительно-чувственное наглядное представление. В таком, чувственно воспринимаемом образе, в форме эксплицитного выражения присутствует лишь самый верхний слой, глубинные слои при этом подразумевают дополнение адресатом художественного образа из опыта своих прежних чувственных представлений: «…когда мы воспринимаем предмет зрительно, соотнося его с хранящейся в памяти абстрактной моделью, мы одновременно воспринимаем и все другие признаки предмета, которые включены в модель на основе сенсорных данных» [Звегинцев 2007: 312]. Но именно в этом заключается отличие научных текстов от художественных. Многозначность и разноплановость образов художественного текста, с одной стороны, дает адресату возможность различных прочтений и трактовок, но, с другой стороны, одновременно с этим, образы не получают всеобъемлющего набора характеристик, которые позволяют в понятийном отношении мысленно воспроизвести точное значение закодированного сообщения. Это, на наш взгляд, связано именно с информативной емкостью образов художественного текста, которые синтезируют множество характеристик в едином объекте в угоду экономии информационного пространства текста, но в ущерб точности и однозначности, которая, по теории информации, как было сказано выше, заключается либо в повышенной избыточности, либо в применении специализированной терминологии.

Одним из способов ограничения многозначности в художественном тексте выступает контекст, как один из языковых механизмов, обеспечивающих процесс «интерпретации и понимания значения и смысла текста» [Амосова 1963] цит. по [Вербицкий 2010: 15]. Как отмечает в своей работе Г.В.Колшанский, «… компенсирующим противовесом языковой

многозначности и выступает как раз контекст, как существенная характеристика языка» [Колшанский 2010: 12]. Но при этом контекст не вступает в противоречие с понятием «емкости», поскольку окружение слова состоит из языковых единиц, в семантике которых также может присутствовать многозначность, в свою очередь ограничиваемая контекстом, но уже относящимся к другому слову из контекстного окружения.

Моделируя таким образом универсум человека, художественный текст воспроизводит не только недостаточность полного отражения всех характеристик объекта, то есть информативную недостаточность чувственно постигаемых образов, но и недостаточность, прежде всего в логико-понятийном отношении. Модель «художественный текст» не определяет и не называет объекты мира человека, она лишь указывает на некоторые важные для прагматики текста характеристики отражаемых явлений, а в мысленном представлении адресата они трансформируются в полный «образ» и дополняются необходимыми, актуальными для читателя, признаками.

Частичное объяснение этого явления встречаем в работе В.А.Звегинцева: «Ведь мы также извлекаем (понимаем) из отдельного высказывания значительно больше информации, чем содержится в нем, как в языковом образовании» [Звегинцев 2007: 206]. Художественный текст, который, в отличие от большинства других видов текстов, способен более полно воссоздавать в восприятии (моделировать) «образ», предоставляет читателю возможность почти безграничного (в пределах обусловленного эксплицитным выражением) увеличения количества его «признаков», хранящихся в памяти.

Таким образом, художественный текст как информационный объект с помощью доступных для понимания адресатом языковых средств, передает (моделирует) значение в форме образов, значительная часть которых невербализована, но воспроизводит в восприятии адресата визуализированное и неосознаваемое на семантическом уровне отображение действительности (бессознательное), тем самым достигается значительная экономия текстового пространства, другими словами повышается его емкость, но в силу многозначности воспроизводимых образов, обусловленной индивидуальным опытом чувственного восприятия, теряется его однозначность.

1.2.2.Языковые особенности художественного текста с точки зрения его принадлежности к объектам культуры

Считая, что художественный текст представляет собой определенную модель, существующую для целей познания, мы можем говорить о том, что в данном случае текст (как объект культуры) является способом передачи важной информации для адресата, не обладающего всесторонним знанием по всем направлениям науки (это практически невозможно при том количестве накопленных сведений, которыми располагает человечество на современном этапе). То есть художественный текст предназначен для адресата, находящегося примерно на среднем уровне познания, который существует в данном типе культуры.

Вся история языка и письменности является свидетельством того, что прогресс человечества связан именно со способностью к накоплению и передаче знания из поколения в поколение. Так, в исследовании «Теория информации и эволюции» отмечается скачкообразный рост прогресса человечества после возникновения речи, письменности и печати [Эвери 2006]. В книге М.Г. Дьяковой упоминается, что «посредством передачи культурного опыта человечество в целом реализует как познавательную, так и информативную функции культуры» [Дьякова 2008: 34].

Тот факт, что художественный текст принадлежит сфере человеческой культуры и является ее объектом находит свое подтверждение в научных исследованиях по данному вопросу ([Риккер 2015], [Астафьева 2012: 222]). Множество определений культуры, приводимые в современных исследованиях, в попытке выделить главное и найти в них общий знаменатель, можно условно свести к одному: аккумулирование и передача универсального знания от поколения к поколению.

Если рассматривать художественный текст с точки зрения его функции в человеческой культуре, то можно говорить о том, что данный вид текстов (как и другие виды текстов) является носителем определенной суммы сведений (информации), накопленной человеческим коллективом.

Определение роли текстов как одного из основных способов сохранения и приумножения культуры отмечено в целом ряде работ: Ю.М.Лотман читает, что «… культура есть память, или, иначе говоря, запись в памяти уже пережитого коллективом» [Лотман 1992: 329]; С.В. Горюнков полагает, что культура – это «тип информационного процесса, которого не знает природа. ... Она дает обществу языки – знаковые системы» [Горюнков 2014: 104]. Главным

информационным каналом передачи сведений является язык и его целостные информационные объекты – тексты.

Для нас наиболее важным в этих определениях является понимание того, что культура – это совокупность текстов, в которых сохраняется социальная память коллектива, и с помощью которых передается весь культурный опыт. Об этом совершенно определенно говорит Г.И. Могилевская: «Первая социальная функция культуры, познавательная. ... Культура передает знания и опыт предшествующих поколений» [Могилевская 2003: 6], А.С.Кармин: «информация содержится во множестве культурных «**текстов**» [Кармин 2011: 23-24], А.А.Брудный, который полагает что объекта, равного тексту по значению, в культуре нет. а «культура собственно из текстов и состоит» [Брудный 1988: 144]. Художественный текст с этой точки зрения не является исключением, поскольку он так же аккумулирует в себе знания и опыт предыдущих поколений, но только не в форме научного и делового способа передачи информации, а в форме моделей универсума человека.

С этой важнейшей характеристикой связаны некоторые языковые особенности художественного текста, позволяющие раскрыть причины и характер образования подтекста, как языкового явления.

Стоит отметить еще раз, что художественный текст, в качестве информационного объекта, передает довольно сложные понятия, связанные со всеми видами универсума человека: философской, социальной, психологической и психофизиологической стороной его существования. Передает в очень простой и доступной форме, используя только самую понятную общеупотребительную лексику и в достаточной степени простые синтаксические конструкции.

(Например, в лексиях №29-31 (Приложение 1): «*Но скоро он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, вернее сказать, как бы в какое-то забытье, и пошел, уже не замечая окружающего, да и не желая его замечать*», - передается состояние героя, которое, с точки зрения физиологии, может быть охарактеризовано как «запредельное торможение», в психологии как «одержимость идеей», а в социологии как «крайнее индивидуалистическое начало», – но все эти сложные понятия разных наук переданы простыми языковыми единицами на уровне, доступном для понимания всеми членами данной культуры).

По определению А.А.Леонтьева, любой художественный текст является читабельным: «читабельность… это значит, что данный текст, во-первых, любым средним читателем может быть элементарно понят, во-вторых, средний читатель легко читает этот текст и не испытывает

трудности при чтении» [Леонтьев 2008: 196]. В книге Л.Г.Самотика приводится определения языковых особенностей романа Б. Акунина «Турецкий гамбит»: «текст написан на живом разговорном современном языке, который не только не отчуждает текст от читателя, но максимально приближает объект описания к нему» [Самотик 2005: 14]. В работе А.А. Брудного это явление отмечено как одно из главных свойств текста в процессе познания: «Необходимым условием эффективности учения является понятность текста» [Брудный: 1998: 145].

Это свойство художественного текста отмечено и в критико-публицистической статье Ф.М.Достоевского «Книжность и грамотность» (1861), где он пишет о необходимости доставления читателям «как можно более приятного и занимательного чтения», благодаря которому «мало-помалу распространится в народе и охота к чтению»» [Достоевский 1993: 132].

Следует отметить, что сам Достоевский, безусловно, следовал этому принципу. Подтверждением этому является произведенный между его романом «Преступление и наказание» и романом Б.Акунина «ФМ», сравнительный анализ соотношения количества слов на примерно одинаковое количество текстовых знаков (сравнение выполнено в программе «Word», которая предусматривает подсчет количества знаков при загрузке и количества слов при работе в программе). Данное сравнение свидетельствует, что у Ф.М.Достоевского 208161 знак соответствует 40887 словам. У Б.Акунина на 208016 знаков приходится 36762 слова. Из этого следует, что у Ф.М.Достоевского слова короче, и, по уровню сложности восприятия текста (по «индексу Фога» [Захарова] определяется доступность текста для понимания на основе математической формулы, которая учитывает как длину слова, так и длину предложения), доступнее для понимания. Доступность для понимания в этом случае не является эквивалентом смысловой емкости, скорее это понятность эксплицитного языкового выражения текста для среднеобразованного читателя. Смысловая емкость, в свою очередь, доступна для понимания, как уже упоминалось, только при соответствующем уровне познания.

Отметим также, что с точки зрения когнитивной лингвистики все формы моделей существуют для целей познания и, таким образом, художественный текст, не являющийся в этом отношении исключением, но являющийся при этом объектом культуры, в качестве модели универсума человека с необходимостью должен быть упрощен до уровня восприятия среднестатистического потребителя данного типа культуры. По системе, предложенной Н.Н.Болдыревым, этот уровень восприятия соответствует базовому уровню сознания.

В книге Н.Н.Болдырева «Когнитивная семантика» содержится определение обыденного сознания, полностью соответствующее представлению о среднестатистическом адресате

художественного текста: « обыденное сознание, по мнению психологов, оперирует именно базовым уровнем, не требующем специальных, теоретических знаний об объекте» [Болдырев 2014: 133].

Таким образом, можно отметить, что емкость в научном способе передачи информации продуцируется ее сжатием в абсолютно однозначные языковые единицы – термины. В противоположность этому емкость художественного текста заключается в отсутствии вербального выражения для незначимых в авторском замысле единиц информации.Данный вид информации «оставляется на усмотрение» читателя. Как справедливо указывает В.А Звегинцев, «мы верим не только тому, что слышим (или читаем), но и слышим (или читаем) в известной степени то, во что верим, то, что подсказывается нам всей совокупностью нашего опыта» [Звегинцев 2007: 206]. Возвращенное к образному (наглядно-чувственному) восприятию мышление является, по сути, некоей воображаемой картиной, которая появляется в сознании читателя и всецело обусловлена **индивидуальным опытом представления**.

По классификации Н.Е.Болдырева уровень терминологических понятий относится к так называемому **суперординаторному уровню категоризации** (в отличие от **базового**, присущего обыденному сознанию) и требует наличия «специальных знаний, т.е. знание их общих с другими объектами характеристик (для категорий более высокого уровня абстракции)» [Болдырев 2014: 137].

Заметим, что освоение значения терминов требует значительного количества времени, специализированного обучения и не является частью всеобщего образовательного процесса, определяемого средним уровнем культуры, к которому относится художественный текст.

Таким образом, уровень доступности и общеупотребительности языковых средств связан, прежде всего, с его адресацией и ориентирован на понимание (декодирование) художественного текста адекватно уровню кодирования. Другими словами, художественный текст должен соответствовать уровню понимания человека, освоившего чтение и понятийное мышление на семантическом уровне, то есть понимающего эксплицитные языковые знаки. Уровень терминологических средств, применяемых в художественных текстах, является свидетельством того, что данный вид текстов представляет собой объект культуры (в отличие от научных текстов, перегруженных специальной терминологией). Из этого с необходимостью вытекает принцип языкового моделирования, с помощью которого в художественном тексте возникает возможность передачи довольно сложных понятий, а именно: принцип вторичного моделирования как способ моделирования подтекстовых смыслов, то есть определенных

«образов», в которых эксплицитное выражение получают лишь самые значимые единицы информации, а все остальные – отдаются «на усмотрение» читателя или, другими словами, восполняются из памяти адресата (являются обусловленными фоновыми знаниями адресата и представляют собой формы пресуппозиции и экстралингвистического контекста). С помощью данного способа в художественном тексте, без усложнения лексического значения и увеличения текстового пространства, передаются понятия, для которых в науке применяются специализированные средства: термины, как наиболее краткие, емкие и однозначные языковые единицы, и определения, обладающие значительным уровнем избыточности.

1.2.3.Языковые особенности подтекста с точки зрения теории игры как одного из видов моделирования

Актуальным для выявления специфики языкового моделирования подтекста в художественном тексте является анализ данного явления с точки зрения теории игры.

Понятие игры представляется всецело связанным и, в некотором отношении, обусловливающим явление подтекста.

Об игре в художественном тексте как в объекте искусства мы встречаем множество упоминаний в научной и педагогической литературе ([Устиненко 1980], [Суртаев 2012], [Эко 2013: 122], [Бурдье 2008]). У Л.Витгенштейна указано, что «Именование, вместе с его коррелятом, наглядным определением, можно сказать является самостоятельной языковой игрой» [Вигенштейн 2011: 32]. Да и сам язык по определению Л.Витгенштейна является своеобразной «игрой»: «Я также назову языковой игрой целое, включающее язык и действия, с которыми он переплетен» [Там же]. С подобной точки зрения подтекст является «игрой» в еще большей степени. Л.П.Прохорова утверждает, что все литературно-художественные формы подразумевают момент игры на том основании, что «являются художественным вымыслом, создают «вторую реальность» [Прохорова 2012: 139].

Наиболее подходящей для для нашего исследования является трактовка игры У.Эко: «У литературы та же функция, что и у игры. Играя, дети научаются жизни, поскольку воспроизводят ситуации, в которых могут оказаться, повзрослев. А мы, взрослые, через литературу упражняем свои способности структурировать прошлый и настоящий опыт» [Эко 2014: 28]. В этом определении отражено понимание того, что игра представляет собой

определенный способ моделирования связанный с процессом овладения понятийным мышлением.

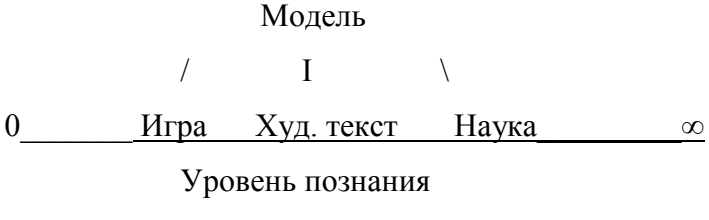
Как компонент художественного текста игра может быть рассмотрена в 3-х аспектах.

1. Сам художественный текст – это воспроизводимая мысленно некая последовательность представлений или, другими словами, мысленное «разыгрывание» определенного сценария. В этом понимании отчетливо присутствует кинематографичность процесса, отмеченная в книге В.Я. Суртаева: «В своем воображении читатель также лицедействует: он проигрывает различные роли литературных персонажей… нередко сам играет авторскую роль» [Суртаев 2012: 281].

2. В художественном тексте, как один из приемов, используется языковая игра, которая создает необходимую глубину восприятия, является одним из способов образования дополнительного значения с помощью определенной коннотации и, таким образом, является способом образования подтекстовых значений. Так, в работе М.П.Козьмы отмечено: «автор кодирует текст, тесно переплетая эксплицитно и имплицитно выраженные смыслы, организуя языковую игру через необозримое множество возможных комбинаций языковых единиц, программирует читательскую интерпретацию» [Козьма 2004: 180].

3. В художественном тексте с помощью подтекста осуществляется своеобразный вид интеллектуальной игры – читатель должен разгадать то, что зашифровано и скрыто за эксплицитным выражением художественного текста, то есть в подтексте.

Поскольку известно, что модель является универсальным инструментом познавательного процесса, то очевидно, что при сравнении художественного текста и игры немаловажным является соотношение данных видов познания на общей шкале уровней познавательного процесса как познания с помощью моделей. Если рассматривать игру, художественный текст и научное исследование как познание с помощью моделирования, то по способу языкового воплощения и уровню понятийного мышления художественный текст занимает на условной шкале познания серединную позицию между игрой и наукой.



На наш взгляд, понимание того, что игра – это модель, безусловно, представляет особый интерес, но в рамках данной работы мы ограничимся перечислением лишь тех характеристик игры, которые необходимы для понимания роли и форм языкового воплощения подтекста.

Игра присутствует у многих видов животных как процесс передачи определенных навыков, существенных для целей выживания вида. Так в книге Д.Н.Кавтарадзе отмечено, что «… свидетельством почти осознанной заботы о продолжателях рода является **освоение** высокоразвитыми животными **приемов обучения** своего молодняка для его адаптации ... . Наблюдения охотников и натуралистов не оставляют сомнений в обилии педагогических приемов братьев наших меньших. Пример, поощрение, наказание, игра – все это было придумано еще до людей» [Кавтрадзе 2009: 4]. Человек, следуя своей биологической природе, таким же образом передает накопленные в человеческой культуре сведения о способах выживания и приспособления к окружающей среде. Игра как вид биологического, бессознательного постижения социальных и культурных навыков, которые обеспечивают выживание, постепенно, по мере повышения познавательной способности индивида (освоения языка и понятийного мышления), переходит на более высокий уровень – художественный текст, и далее познание переходит на уровень науки, который на данном этапе развития цивилизации является наивысшим в человеческой культуре. Это становится возможным в процессе постепенного усложнения понятийного мышления: вначале это игровая имитационная, «без»-понятийная деятельность в процессе познания и освоения человеческого опыта (то есть мышление не достигло семантического уровня, а следует безусловному рефлексу подражания, имитации: «…причиной культивирования, условием зарождения и развития культуры явилось подражание. Подражание или имитация. ... Имитация (лат. imitation) – есть форма деятельности, целью которой является воспроизведение с возможной точностью определенных приемов, способов поведения и деятельности [Окусов, Рыбалка 2011]); затем – по мере освоения понятийного мышления - игра соединяется с семантическим уровнем мышления (ролевые игры, художественный текст, театр, кино) и на следующем, по степени усложнения, уровне научного мышления, познавательный процесс требует максимально отвлеченного от наглядного восприятия, абстрактного (распредмечивающего – по Г.И. Богину) мышления.

Другими словами, если не рассматривать феномен удовольствия как центральное понятие теории игр (который многими исследователями ставится во главу угла, например Й.Хейзингой [2015: 23], Л.Ю.Климовым: «Художественное творчество и игра – деятельность,

которая доставляет удовольствие» [Климова 2003: 17], М.Н. Романецким: «Слово «игра», как правило используется для обозначения любой развлекательной деятельности (как индивидуальной, так и коллективной)» [Романецкий 2015: 11]), а рассматривать его только как биологический стимул, в одном ряду с процессом поощрения организмом «правильного» поведения (таким как, например, получение удовольствия от выполнения основных биологических функций: потребления пищи, сексуального удовольствия, в которых само удовольствие является стимулом, а не целью), то в поле зрения остается основная функция игры – передача информации и тренировка навыков для целей познания и развития.

Очень точно это охарактеризовал Отто Баенш: «Функция искусства заключается не в том, чтобы доставлять воспринимающему какое-то удовольствие, сколь бы благородным оно ни было, но в том, чтобы дать ему узнать нечто, чего он не знал прежде» (цит. по [Кристева 2015: 15]). Об этом же говорится в книге И.А.Кондратьевой, которая считает игру видом деятельности «в условиях ситуаций, направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта» [Кондратьева 2012: 37]. В теории Й. Хейзинга игра рассматривается лишь с точки зрения анализа ее форм и методов, но не выявлена ее онтологическая сущность, то есть функция игры в жизни человека: «Понятие игры странным образом остается в стороне от всех остальных интеллектуальных форм» [Хейзинга 2015: 30]. Об этом же пишет Л.А.Белоглазова: «тайна самой игры остается непроницаемой» [Белоглазова 2012: 9]. Соответственно, остается неразрешенным вопрос, к какому критерию общности можно подвести все виды игр, каким критерием измерить данную категорию.

Мы считаем, что подобным критерием, объединяющим все виды игр на едином основании, является понятие модели как способа познания.

Понятию игры и ее роли в воспитательном и образовательном процессе посвящено огромное количество исследований, в которых утверждается, что «игра не только вся пронизана влечением к смысловой сфере, но и является одним из простейших средств для проникновения в нее» [Теплова 2012: 43], о распространенных ролевых играх отмечается, что «это возможность понять себя и других, увидеть и почувствовать перспективы, прожить модели поведения. Это средство познания и развития» [Семенова 2012: 46]).

Доказательства существования игры для усвоения социального опыта на уровне допонятийного мышления приведены в работах [Макнамара 2016: 71], [Карпова 2013: 11], [Борисова 2014: 13] т др. Например, Э.Рэнд отмечает, что «ребенку шести лет или младше невозможно объяснить, что значит думать и почему это так важно…. Ему, безусловно рано

знакомиться с этой теорией, поскольку для этого нужен весьма высокий уровень понятийного мышления» [Рэнд 2012:205].

Со своей стороны, понятийное мышление является основой для первого уровня – семантического, который и формируется в процессе овладения языком: «Язык, безусловно, не только необходим, но и составляет обязательное условие для того, чтобы сознание взошло на понятийный, обобщено-абстрагирующий, собственно человеческий уровень» [Никитин 2003: 252]. Сам термин «понятие» по определению Ю.М.Шилкова, нуждается в вербальной форме, «без которой его невозможно идентифицировать и понять. Понятие может быть образовано только благодаря слову» [Шилков 2013: 501].

Игра в обобщенном виде (все ее разновидности и модели, в том числе и художественный текст как «разыгрывание» определенного сценария), является, в свою очередь, моделью поведения и существует прежде всего для целей познания (освоения культуры) и развития навыков. Именно на основании всеобщности процесса моделирования и возникает такое разнообразие игр, поскольку для каждого вида культурного производства существует свой тип или, другими словами, своя модель игры. Например, для физической культуры – спортивные игры, для интеллектуальной культуры (развития интеллекта и способностей мышления) – интеллектуальные игры (начиная с загадки и заканчивая художественным текстом, как одним из видов интеллектуального действия, в котором происходит распознавания текстовых смыслов: от букв, слов, подтекстовых значений и смысла всего текста) и т.д..

В этом отношении приведенное в книге Д.Н. Кавтарадзе высказывание А.Эйнштейна: «Обычно люди даже не подозревают, сколько сходства обнаруживают эти пустяковые игры-головоломки с той большой игрой, которую мы ведем с природой, чтобы разгадать ее законы» [Кавтарадзе 2009: 39] представляется определяющим для понимания всеобщности и универсальности применения моделей (и игры как одного из видов моделирования) в познавательном процессе. Об этом же говорят также В.В.Борисова и С.С.Шаулов: «умение читать художественный текст может обернуться умением внимательного чтения другого текста – Текста жизни» [Борисова, Шаулов 2014: 12].

Этим обусловлена языковая специфика художественного текста, которая находит свое выражения в применении ограниченного тезауруса языковых единиц, доступных для понимания средним потребителем культуры, и передаче с их помощью сложных понятий в форме вторичных наглядно-чувственных представлений, которые воплощены в форме подтекста. О

важности зрительных образов, которые задействует человек для понимания речи «на некоторых этапах своего развития в большей степени, чем на других» пищет М.Дени [2011: 162].

Резюмируя, отметим, что игра как один из видов моделирования в художественном тексте представляет собой невербализованную часть динамического, имитационного аспекта художественного текста, в котором она выполняет следующие функции: 1) восполнение недостаточности понятийного мышления на определенном этапе познавательного процесса (моделирование «бессознательного»); 2) функцию моделирования в его динамическом аспекте, другими словами - разыгрывание сценария; 3) функцию интеллектуальной игры как способа извлечения подтекстовых смыслов и, таким образом, способа получения новой информации о «мире человека»; 4) функцию стимулирования познавательного процесса с помощью удовольствия, получаемого адресатом в процессе игры как одного из видов деятельности.

На основании вышеизложенного, мы можем сделать предварительный вывод о том, что художественный текст – это многоуровневая эвристическая динамическая функциональная модель мира человека, созданная с помощью языка как вторичной моделирующей системы. Модель универсума человека, которой является художественный текст, возвращает читателя от логико-понятийного восприятия языковых знаков (семантического мышления) к чувственно-образному восприятию и постижению действительности. С точки зрения его функции в человеческом социуме художественный текст является одной из форм проявления человеческой культуры, соединением игры и понятийного мышления в форме языковой репрезентации. Познание мира человека, воплощенное в художественном тексте как в модели универсума человека, осуществляется в образно-игровой (другими словами литературной, т.е. с помощью текстов-моделей) форме по конкретным наглядно-понятийным моделям. Соединение в художественном тексте игрового вида деятельности и понятийного мышления обусловлено спецификой культурного производства. То есть, как продукт культуры, располагающийся на шкале познания на уровне, превышающем чувственное, но недостаточном для чисто понятийного (научного) познания художественный текст по форме передачи информации соответствует понятию модели как формы передачи информации для целей познания, и находится примерно в средней области условной шкалы познания - между имитационно-игровой (безпонятийной) деятельностью и научным познанием. Функции подтекста в построении данной модели заключаются: во-первых, в производстве визуализированного образа (бессознательного по Фрейду), необходимого для передачи сложных значений в доступной языковой форме, а также для передачи ценностно-значимой культурной информации

(бессознательного по Юнгу); во-вторых, в производстве динамического моделирования – в разыгрывании сценария; в-третьих, в стимулировании процесса познания за счет компонента удовольствия, присущего всем видам игровой деятельности.

Применение игровых и моделирующих форм в языковой репрезентации художественного текста обусловлено спецификой его адресной направленности (для среднестатистического понятийного восприятия), которая находит выражение в применении не только самых простых языковых средств (общеупотребительной лексики, простых синтаксических конструкций) в эксплицитном выражении, но и в передаче более сложных понятий в информационной составляющей художественного образа как языковой единицы, то есть в подтексте.

1.3.Формы подтекста в художественном тексте

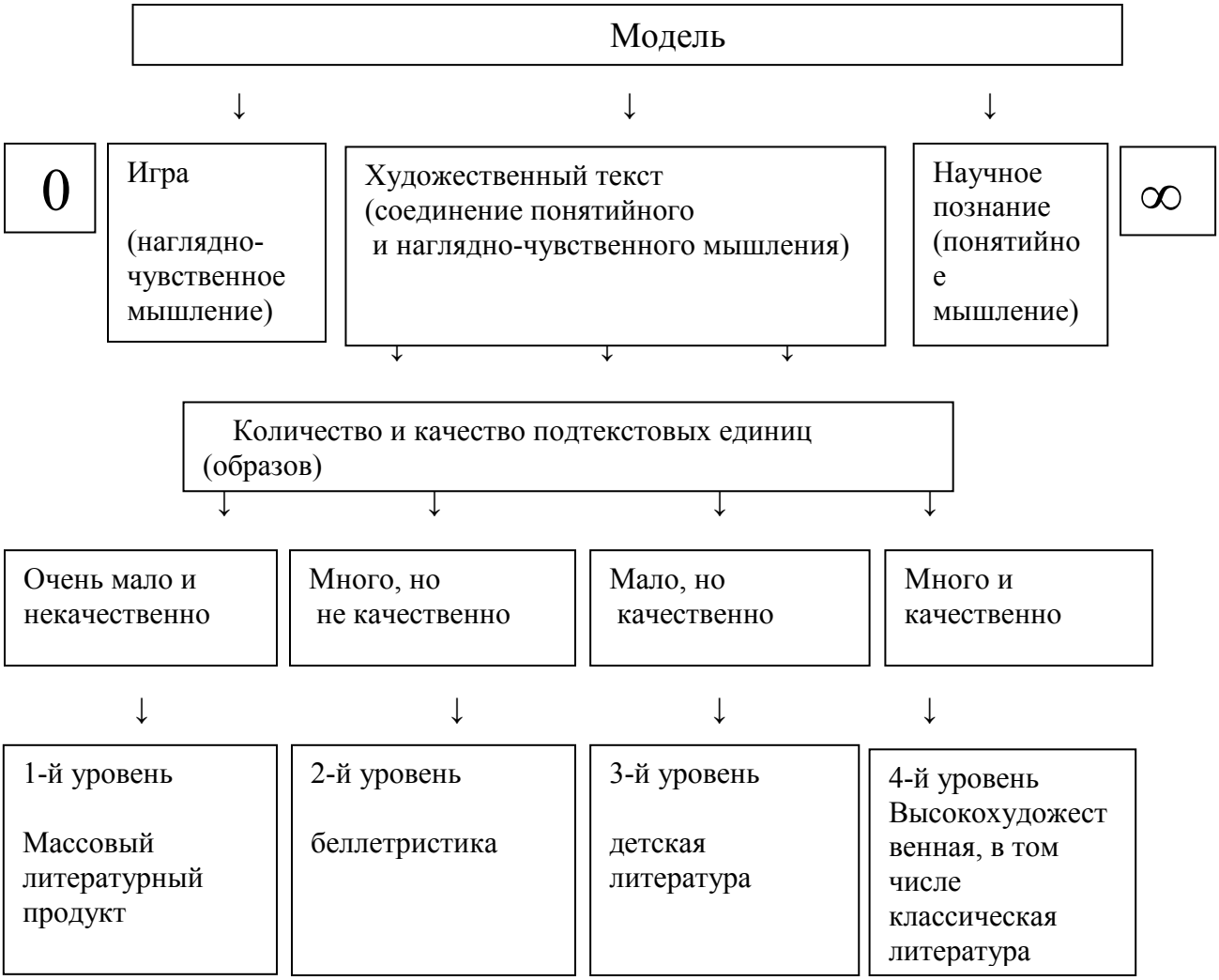
1.3.1.Емкость художественного текста, выявляемая на основе его статусного положения по количеству и качеству подтекстовых смыслов: вершинная и массовая литература

Мы выяснили, во-первых, что любой художественный текст является своеобразной моделью, созданной для целей познания, в которой множество культурных смыслов передаются в форме подтекста как одного из основных способов моделирования художественного образа и, во-вторых, что принцип однозначности научных текстов связан с применением в них либо избыточности (то есть увеличением объема текстового пространства необходимого для точного понимания значения), либо узкоспециализированной терминологии как способом сокращения текстового объема, но увеличения смысловой наполненности (емкости) языковой единицы.

В рамках языкознания художественная литература предстает в виде объекта исследования как «художественный текст», основной характеристикой которого является способ передачи информации в форме образов, построенных, в том числе, с помощью имплицитных (подтекстовых) значений.

С этой точки зрения, для определения разницы между художественными текстами мы предлагаем использовать критерий емкости смысловой насыщенности, который выражается в разнице количества и качества подтекста, или, другими словами, критерий иерархического положения текста на шкале познавательной ценности.

Расширим нашу шкалу познавательного уровня для понятия художественного текста.



В данной схеме наглядно представлены интуитивно ощущаемые аспекты усложнения смысловых составляющих и увеличения количества подтекстовых единиц в информационно-языковой репрезентации художественного текста. Другими словами массовая литература, как более бедная смыслом располагается на ценностной шкале гораздо ниже, чем более емкая и насыщенная смыслами классическая или элитная литературы. То есть определение роли и места массовой литературы в познавательном процессе имеет характер уровня или ценностного статуса (высокого или низкого) в человеческой культуре, по которому тексты художественной литературы с точки зрения языкознания могут быть подразделены на относящиеся к «вершинной» литературе, или (на другом, минусовом, полюсе данной шкалы) «массовой». Вершинная обладает большей емкостью в текстовом пространстве (как по количеству, так и по качеству подтекстовых смыслов), соответственно, массовая содержит гораздо меньше подтекста и качество его ниже, утилитарнее.

Но, по-прежнему остается нерешенным вопрос о языковых единицах, с помощью которых возможно подобное количественное и качественное соотношение данных текстов.

Как уже упоминалось, мы считаем, что подобной единицей может стать лексия как единица имплицитного смысла, осуществляющая в художественном тексте перевод в бессознательное (неноминированное) восприятие многих сложных значений, которые невозможно передать другими языковыми средствами по вышеупомянутым объективным причинам.

1.3.2.Лексия как единица подтекста

Рассмотрим вначале способы моделирования художественных образов.

Во-первых, как уже упоминалось, этому явлению (способу моделирования) соответствует основополагающая способность языковых знаков вызывать в мышлении образы конкретных предметов и явлений, или, другими словами способность формировать представление об Означаемом.

Это самый верхний, наглядный слой смыслообразования, эксплицитная форма образования значения, где, в соответствии с приведенной в исследовании А.М.Камчатнова [1996: 27] контекстуальной теорией смысла, Означаемое имеет парадигму своих Означающих, в каждом конкретном случае обусловленных контекстом высказывания. Выбор значения текстовых единиц довольно прозрачен и, образно говоря, «лежит на поверхности».

С этой точки зрения количество смысла в расчете на равные текстовые отрезки должно было бы быть одинаковым в разных видах художественных текстов. Но, повторимся, интуитивно всеми ощущается определенная разница в смысловой насыщенности текстов «массовой» и «вершинной» литератур: в текстах «вершинной» литературы на текстовую единицу приходится больше «мыслей», чем «слов».

Рассмотрим причину образования подобного «приращения смысла».

Мы предполагаем, что это происходит в связи с наличием в текстах дополнительных, не осмысливаемых с первого прочтения значений, которые образуются в соответствии с третьим и четвертым способами кодирования по классификации, предложенной М.Ю.Лотманом.

Остановимся на этом подробнее.

Наиболее точным определением (и наиболее актуальным для целей нашей работы), представляется выделенная Роланом Бартом в его позднем исследовании «S/Z» [Барт 2001]

единица подтекста (как особой категории смыслообразования) «лексия», которая, на наш взгляд, является одной из языковых форм передачи имплицитного значения (подтекста) в художественных текстах.

Термин **лексия** появился во французской лингвистике в работах Б. Потье («Б.Потье (1962) ввел в метаязык французской лингвистики новый термин - «лексия» (lexie), который называет функциональную единицу, противопоставляемую слову как формальной единице» [Левина 2010: 129]), но понятие им обозначенное, еще не включало тех характеристик, которые позже, в довольно неопределенной форме, предложил Ролан Барт.

В работе Е.В.Левиной, посвященной терминологии Барта, лексия характеризуется прямой цитатой из Барта: «Лексия – это всего лишь оболочка семантической емкости, кряж множественности текста, который подобен донному основанию, средоточию возможных (и вместе с тем упорядоченных, удостоверенных самой систематичностью процесса чтения) смыслов, поверх которого струится дискурсивный поток. Лексия и единицы ее составляющие (имеются в виду, скорее всего, коды – А.Е.) подобны некоему кубику, грани которого обклеены словами, словесными группами, фразами или абзацами, иначе говоря, их облекает язык, выступающий в роли «естественного» эксципиента» [Там же: 128]. При этом автор замечает, что «Ни один из терминов Барта не представляется нам абсолютно отчетливым имеющим однозначное прочтение». То есть однозначного толкования понятия лексии нет ни у Барта, ни у других исследователей.

Поэтому, мы должны рассмотреть это понятие детально. Отметим, что дальнейшее развитие этого понятия связывалось исключительно с читательским восприятием [Брудный 1998] и читательским симеозисом [Валгина 2003: 97].

Применяя определенную степень образности, сам Барт говорит о лексиях как о единицах (размер которых колеблется от одного слова до нескольких предложений и которые, как уже упоминалось, являются «оболочкой семантической емкости» [Барт 2001: 64]), воплощающих содержание определенных кодов.

Значение кода, если рассматривать его с точки зрения когнитивной лингвистики, определяется способом категоризации действительности, сложившимся в определенной культуре. У Р.Барта в данном случае (в западноевропейском способе категоризации) имплицитное значение этой категории выражено в наборе пяти кодов: «пять кодов, пять голосов — Голос Эмпирии (проайретизмы), Голос Личности (семы), Голос Знания (культурные коды), Голос Истины (герменевтизмы) и Голос Символа» [Там же: 69]. Или, по-другому:

1) **акциональный** (проайретический) – код некоего действия (события), продвигающего повествование, 2) **семный** - код усложненного значения, наиболее соответствующий определению собственно подтекста, 3) **референциальный** – код знания (научного, обыденного, культурного и пр.), 4) **герменевтический** – код загадки (имеет в своем составе элементы тематизации, формулирования, отсрочки и ответа), 5) **символический** – код, который переводит конкретное содержание лексии в зону обобщенности, т.е. символа.

Если рассматривать художественный текст в качестве многомерной эвристической динамической функциональной модели человеческого универсума [Ерохина 2015а: 211], то можно предположить, что система кодов является, в данном случае, так же как и лексия, одной из основных **форм** моделирования. Другими словами, значение лексии может быть категорировано только с помощью выявления ее принадлежности к области определения одного из системы универсальных кодов, с помощью которых происходит воплощение всех когнитивно-коннотативных, культурных, мировоззренческих, ассоциативных и абстрактных объектов действительности в художественном тексте.

Все бартовские коды по природе своей, безусловно, относятся к языковым кодам. Но способ подобного кодирования весьма интересен. По сути, лексии – это фрагменты текста, которые несут в себе дополнительное, неноминированное (невербализованное) вторичное значение.

Подобное вторичное означивание следует рассматривать в соответствии с классификацией предложенной Ю.М.Лотманом в работе «Структура художественного текста», где он, отмечая, что художественный текст относится ко вторичной моделирующей системе, выделяет четыре основных вида «перекодировки» значения:1) парной внешней перекодировки – первый уровень кодирования; 2) множественной внешней перекодировки - пучок взаимоэквивалентных элементов разных систем (например, в киноискусстве, где одно и то же значение выражено и в наглядно-зрительных символах, и в языковом, и в музыкальном вариантах); 3) парной внутренней перекодировки (a+b= c) – способ возникновения тропов (из языкового материала берется пара взаимосопоставляемых элементов, в результате чего образуется некий новый смысл); 4) множественной внутренней перекодировки (множество единиц языка, объединяясь в смысловое целое, образуют некоторое единичное значение; схематично это можно представить как а+б+в+г+д = Х) [Лотман 1998: 47].

Третий и четвертый типы перекодировки, безусловно, можно отнести к пониманию природы значения бартовской лексии.

В ряде исследований отечественных авторов предприняты попытки выделения подобных языковых единиц. Так, например, в работах А.А. Богатырева разрабатывается понятие «ноэмы», которое, по сути, отражает не только область имплицитной семантики, но относится в равной мере к любым элементам смыслообразования (в том числе к эксплицитным), и представляется скорее единицей смысла. «Ноэма – «то, что понимается»; субстанциональная единица смыслообразования, положенная в ноэзе, т.е. в акте смыслообразования» [Богатырев 1998: 91]. В этой системе лексию следует отнести к области исключительно имплицитных (подтекстовых) значений в противовес всему корпусу эксплицитных языковых единиц.

Еще одним понятием, характеризующим структуру имплицитного значения, можно назвать «диктему», предложенную М.Я.Блохом, которая определяется им как «элементарная тематическая и стилеоформленная единица текста, формируемая предложениями» [Блох 2012: 4], и, в другой работе, как «…тематическое объединение предложений» [Блох, Остапенко 1985: 3]. Ориентируясь на выявление дополнительного смысла в некотором законченном фрагменте текста или звучащей речи (связывая и обосновывая термин диктема с просодическими элементами речи), внешнее, фактическое строение диктемы М.Я. Блох определяет в зависимости от синтагматической членимости текста в парадигме «слово – словосочетание – предложение – сверхфразовое единство – **диктема** – текст». Мы считаем, что подобное членение смысловых единиц всецело связано со способностью человеческого мышления к определенной грамматической структурации языкового выражения. Это направление разрабатывается в современной когнитивной лингвистике, в частности, в исследованиях Ноама Хомского и его последователей («синтаксис лежит на полпути между языком и речью» [Хомский 2017: 15, 18]). Кроме того мы находим подобные указания и в работах других авторитетных ученых, например у Л.Витгнштейна: «4.01 Предложение – образ действительности. Предложение – модель действительности, как мы ее себе мыслим» [Витгенштейн 2007: 35]. Из всего вышеперечисленного с неизбежностью следует, что языковое мышление человека основывается на врожденной (биологической, по мнению Хомского) способности человеческого восприятия, как справедливо замечает А.А.Филатова о «глубинных структурах» Хомского, они «представляли собой универсальные врожденные правила, фиксированные в мозге и определяющие языковые способности человека» [Современная западная философия 2009].

Стоит отметить, что, как показал наш анализ (Приложения № 1 и №2), значительная часть лексий совпадает с актуальным членением речи. При этом, присутствие не очень

многочисленной группы лексий (но не настолько немногочисленной, чтобы отнести их к разряду исключений), не совпадающих с границами предложений, а представляющих собой либо часть предложения, либо слово или словосочетание, либо отрезок текста на пересечении соседних предложений, не позволяет нам принять термин диктема в качестве определяющего для достижения целей нашей работы.

Отличие понятия лексии от термина «ноэма» заключается в ограничении зоны смыслообразования и применении понятия лишь к скрытым от поверхностного взгляда имплицитным значениям. Отличие понятия лексии от термина «диктема» заключается в принципе определения структурной единицы. Лексия, на наш взгляд, не столь зависима по своей природе от формальной синтагматики и, уж тем более, от включенности значения подтекста в соотношение с единицей «предложение». Лексия может состоять из любого количества слов, начиная от одного (где подтекст выражен коннотативно – дополнительным значением, например, значением оценки) до множества – вплоть до имплицитного (неноминированного) значения всего текста.

В отношении лексии можно выстроить парадигму интенсивной расширительной структуры смыслового содержания или, другими словами, структуры определенной степени преобразования и усложнения значения «Слово – Лексия - Текст». Таким образом, если текст – это «большое слово» [Лотман 1998: 416], а слово – «мельчайшая единица смысла» [Виноградов 1986: 18], то лексии кода – это некая срединная форма передачи значения, это «слова текста», вернее некие «сверхслова», носители смысла более высокого уровня.

Таким образом, лексия – понятие расширительное в плане усложнения семиологического значения. Это определенная зона смысла больше, чем лексема, но меньше, чем текст (в понимании текста как единицы информации). Можно говорить о качественном скачке семантического значения лексии как единицы кода по отношению к слову как мельчайшей единице смысла. В математической терминологии лексия представляется своеобразной экспонентой ($y=e^x$) текстового содержания.

Итак, любой отрезок текста, в котором возникает некий вторичный – неназванный – смысл, мы, опираясь на предложенное Р. Бартом название «единицы чтения», которую мы классифицируем как единицу подтекста, станем называть **лексией**.

В свою очередь подтекстовый смысл в лексии кодируется определенным способом в соответствии с целями и задачами каждой конкретной текстовой единицы. Все типы

кодирования обозначены в вышеупомянутой работе Р.Барта «S/Z». Рассмотрим эти способы подробнее.

1.3.3.Бартовский код как способ категоризации подтекста

По определению Д.Б.Гудкова: «Код – означает закон соответствия между планом выражения и планом содержания знака; кодом задается значимость знака, а интерпретатор эту значимость определяет, «расшифровывает», т.е. понимает знак» [Гудков, Ковшова 2007: 7]. Умберто Эко рассматривает понятие «код» с трех сторон: «(1) как знаковую структуру; (2) как правила сочетания, упорядочения символов, или как способ структурирования; (3) как окказионально взаимооднозначное соответствие каждого символа какому-то одному означаемому» [Эко 2007: 130].

В свою очередь, категоризация, по определению Е.Л.Боярской, «представляет собой главный способ придания воспринятому миру упорядоченного характера, позволяет систематизировать наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различию» [Боярская]. По мнению Дж.Лакоффа «Все понятийные категории должны быть символами (или символическими структурами), способными обозначать категории в реальном мире или в некотором возможном мире» [Лакофф 2004: 12].

Одним из наиболее необходимых для дальнейшего анализа мы считаем определение, приведенное Ю.М.Лотманом в работе «Семиотика культуры», где он утверждает, что «Художественное функционирование порождает не текст «очищенный» от значений, а, напротив, текст, максимально перегруженный значениями. …Для того, чтобы текст мог вести себя указанным выше образом, он должен быть определенным образом построен: отправитель информации его д е й с т в и т е л ь н о зашифровывает многократно и разными кодами» [Лотман 1992: 204].

В филологической литературе значительное место занимают исследования, посвященные разнообразным способам знакового и культурного кодирования. В этой области можно отметить работы С.В.Горюнкова [2014], Д.Б. Гудкова и М.Д.Ковшовой [2007], Л.Ф. Чертова [2005], и др. в которых перечисляются конкретные способы кодирования: архитектурно-домообустроительные, зооморфные, механистические, антропологические (в частности, телесный код [Гудков Ковшова 2007]), соматические, предметные, и пр. То есть в культуре выявлено значительное количество способов кодирования. При этом, в каждом из исследований

рассматривается лишь одна какая-либо форма кодирования, что представляется недостаточным для полного анализа структуры подтекста в художественном тексте. На наш взгляд самый полный (на данном этапе развития лингвистической науки) набор кодов для художественного текста разработал Ролан Барт [2001]. Поэтому его система категоризации значения для определения плана выражения лексий как единиц подтекста, представляется наиболее оптимальной для целей нашей работы».

Отметим, что в художественном тексте существует своя специфика кодирования, которая учитывает необходимость моделирования не только плана содержания, но и некоторых чисто специфических текстовых особенностей: например в кодах заложена способность (основополагающая) подтекста отображать реальность (условную) на уровне неосознанного восприятия (семный код); кроме того, способность вызывать и поддерживать интерес и внимание адресата (в значениях герменевтического кода), способность соединять отдельные фрагменты реальности (условной) и действий в значимые последовательности Событий (в лексиях акционального кода), способность передавать авторскую оценку (в значениях семного и референциального кода).

В данном случае разработанная Р.Бартом система кодов требует определения общих признаков единиц неноминированного значения – лексий.

Оговоримся, что некоторые значения подтекста являются в определенной степени культуроспецифичными, как и множество семантических понятий, существующих в разных языковых «картинах мира» в зависимости от специфики языкового мышления. Об этом, например, пишут Н.Н.Михайлов [2006], Е.В. Левина [2010], Л.М.Лещева [2014], И.А.Минакова [2010]. Одной из несовпадающих категорий «реальности», на наш взгляд, является символический код, поскольку символы в каждой культуре свои и часто не соответствуют сложившимся в разных языках «картинам мира».

В связи с вышеизложенным отметим, что предложенная Р. Бартом система из пяти кодов, нам представляется не вполне приемлемой. В исследовании Р.Барта нет точного и детального описания кодов (это, следуя логике анализа его творчества, обусловлено процессом эволюции его научных взглядов: от примитивного натурализма («Мифологии» [Барт 2014]), через структурализм («Система моды» [Барт 2003], «Нулевая степень письма» [Барт 2008]), к признанию невозможности объективного анализа языковых структур («S/Z») [Барт 2001]). Кроме того, и сам принцип выделения подтекстового значения, на наш взгляд, представляется не до конца оформленным. Поэтому мы считаем необходимым внести некоторые изменения в

бартовскую систему кодирования (более подробно мы рассмотрим лингвистические (семантические) признаки каждого кода и его роли в художественном тексте в процессе анализа выбранных текстов, во второй главе нашей работы).

Если **герменевтический** код – это код загадки (**некий вопрос**), **семный** – код нелинейного усложненного значения (**некое невербальное значение**), **акциональный** – код События (**некое действие)**, **референциальный** – код знания (**нечто уже известное**), то **символический** код, который переводит конкретное содержание лексии в зону обобщенности, отвлеченности, вторичного означивания, т.е. направлен на восприятие значения, как условного культурного символа, на наш взгляд, **состоит из соединения двух более простых кодов: референциального и семного.**

Представляется, что природа символа, как вторичного знака, связана с двумя категориями: **первичного означаемого** (предметно-понятийного) и **вторичного означаемого**, где означаемым является знак предыдущего означивания, а значение образуется путем надстраивания нового смысла над уже существующим означающим. Так, Р. Якобсон определяет, что «основным элементом, атомом символизма является понятие символа, который одновременно является знаком и предметом, предметом и знаком» [Якобсон 2011: 55]. Понятие символа практически у всех исследователей трактуется в подобном плане: «Наиболее привычное представление о символе, связано с идеей некоторого содержания, которое в свою очередь служит планом выражения для другого, как правило культурно более ценного, содержания» [Лотман 1992: 191],

Соответственно, какой-либо знак, образованный первичной моделирующей системой и существующий в качестве определенного «образа» первичного означивания, становится означающим для другого символа, образованного с помощью вторичного означивания. (Общеизвестные тривиальные примеры данного символизма: Роза (первичная система означивание) – символ любви (вторичная система), весы – символ правосудия и т.п.).

В подобных значениях сосуществуют два компонента: 1) ранее известное понятие – нечто известное – принадлежащее к области референций или другими словами «референциальному коду» по Р.Барту, и 2) новое значение – по системе бартовских кодов принадлежащее области семного кода (то есть коду добавочного понятийного значения). Таким образом, символический код представляет собой дихотомическое единство семного (новое значение) и референциального кодов (ранее известное) и вполне может быть рассмотрен не как

единый символический код, а как сочетание двух кодов в одной лексии. То есть соединение семного и референциального кодов: «нечто известное + новое понятие».

Если рассматривать символический код как явление онтологически присущее литературе, где в любом художественном произведении отображается общее в единичном, то есть конкретный образ является символом всех аналогичных явлений окружающей действительности (единичное явление выводится на уровень обобщения и универсализации и, таким образом, получает дополнительное означивание), то присутствие символического значения в подобном сочетании кодов становится вполне обоснованным, поскольку в этом и заключается природа художественного текста: символизации общего закона в конкретном, единичном, наглядном примере.

В плане определения подтекстового значения символ представляется кодированием в некоторой степени (по аналогии с математическим исчислением – в кубе), поскольку первый уровень кодирования (нулевая степень – прямое соотношение) текста принадлежит эксплицитному выражению, а второй уровень кодирования (и первая степень, поскольку значение выводится (надстраивается) из эксплицитного, структурно напоминая формулу «$е^2$», где «е» - эксплицитное значение, а «2» надстраиваемое значение подтекста, то символическое значение может быть представлено в виде формулы экспоненты, как надстраивание над надстраиванием, или «$е^3$».

Одно из наиболее наглядных воплощений символа представлено в риторической фигуре – аллегории, механизм смыслообразования которой описан в работе Ц.Тодорова и, безусловно, идентичен механизму символического смыслообразования: «аллегория содержит в себе два истинных высказывания (два утверждения)…. Аллегория выражает один смысл, а заставляет воспринять другой» [Тодоров 1998: 93].

Таким образом, мы можем выстроить определенную парадигму степени усложнения способов кодирования: **1-я степень** принадлежит кодированию по первому способу в системе Ю.М. Лотмана (или референциальному символу по Э. Сепиру) – прямое, денотативное значение; **2-я степень** – вторичное моделирование – образ, вбирающий в себя дополнительные невербализованные характеристики, другими словами – подтекст (лексии и коды по Барту); **3-я степень** кодирования – символический код, и все множественные сочетания кодов в одной лексии (три и четыре), а также 3-й уровень глубины подтекста (уровни подтекста подробно будут рассмотрены во 2-й главе, где к третьему уровню относятся все синтетические, состоящие из сочетания значений нескольких разных кодов, лексии, а также

все лексии, которые можно классифицировать по значению и структуре герменевтического кода «общей философской герменевтики»).

Следует отметить, что в лексии, как единице подтекста, емкость продуцируется сочетанием не только эксплицитного и имплицитного смыслообразования, но и сочетанием множества разных кодов в одном текстовом пространстве. О сочетании кодов в других уровнях текстовой информации пишет С.В.Иванова: «одно и то же текстовое сообщение может содержать в себе коды различных уровней, … дискурсивный, культурный, идеологический» [Иванова 2012: 220]. Это утверждение применимо и к способам сочетания кодов в подтекстовом пространстве художественного текста.

Таким образом, к формам подтекста в художественном тексте можно отнести следующие виды кодов как способов категоризации плана выражения: герменевтический код (код вопроса или загадки), семный код (код имплицитного значения, которое при извлечении номинируется определенным понятием), акциональный код (код События, или код действия в тексте, в восприятии вызывает визуализацию «разыгрывания» сценария) и референциальный код (код знания, в котором информация передается в наиболее близкой к эксплицитной форме, как сообщение о чем-то уже известном).

ВЫВОДЫ

1. Подтекст как область означаемого, расположенная в зоне имплицитного смысла, в художественном тексте существует в той части «образа», которая не имеет эксплицитного номинированного выражения. При этом подтекст присутствует в тексте как смысл, надстраиваемый над эксплицитным выражением. Образование подтекстовых значений осуществляется с помощью лингвистических категорий импликации, коннотации, пресуппозиции и контекста. Извлечение подтекстовых значений осуществляется с помощью категории номинации, то есть перевода имплицитного смысла в эксплицитный.

2. Подтекст в художественном тексте обусловлен, помимо свойства многозначности слова, еще и тем, что является невербализованым элементом модели – «художественного текста». На этом основании можно выделить функции подтекста в художественном тексте, которые, в свою очередь, определяют языковую специфику художественного текста как информационного объекта:

а) Предназначенность определенному адресату (находящемуся на среднестатистическом уровне образованности), для которого сложные смыслы в художественном тексте передаются в

доступной форме с помощью моделирования как способа познания. С этой точки зрения подтекст обусловлен упрощенной (регрессивной) формой передачи информации, другими словами, простыми лексическими и синтаксическими средствами, передающими более сложное содержание в форме бессознательного, то есть подтекста.

б) Модель универсума человека, которая создается в восприятии адресата с помощью языка как вторичной моделирующей системы, является способом передачи культурно-значимой информации в понятийно-игровой форме. Игра, как один из способов моделирования, обусловливающий процесс познания на допонятийном, имитационном уровне, является частью представления информации в художественном тексте. С одной стороны, она способствует постижению действительности на уровне непосредственной чувственности и наглядности. С другой стороны – лучшему усвоению и пониманию передаваемой информации за счет компонента «удовольствия», присущего всем видам игровой деятельности. Понятийное мышление, как один из видов человеческого мышления, в художественном тексте соединяется с игровой моделирующей деятельностью и, таким образом, создаются предпосылки для овладения обширной информацией о мире человека без необходимости усложнения понятийного познания.

в) Художественные тексты предназначены для разных уровней понятийного мышления и для разных целей потребления, что обусловливает их различие в степени насыщенности информацией, закодированной в подтекстовых смыслах. Таким образом, тексты литературы могут быть подразделены на вершинные – обладающие наибольшим количеством неноминированых смыслов, и массовые, в которых значительно меньше подтекста.

3. Определение количества и качества подтекста осуществляется на основе выделения смысловых единиц – лексий, и распределения их по категориям плана выражения (другими словами, по принадлежности к области определенного кода). Лексии представляют собой определенную зону смысла, образованного путем множественной внутренней перекодировки значения, и являются одним из основных способов моделирования действительности в художественном тексте. Эффект моделирования при этом осуществляется с помощью языка как вторичной моделирующей системы. Лексия **изображает предмет или явление, не называя его,** тем самым моделирует в восприятии адресата лакуны определений, совмещая их с наглядным изображением «как в жизни» (бессознательное).

4. Категоризация значения лексий осуществляется способом классификации планов выражения как способов кодирования. Код является планом выражения лексии как единицы

подтекста (плана содержания) или **формой** воплощения подтекстового смысла. В художественном тексте определяются четыре основных вида кодирования в зависимости от их функций в художественном тексте:

а) **герменевтический** код – код Загадки, вызывающий в подсознании некий вопрос, выполняющий функцию интеллектуальной игры,

б) **акциональный** – код События, моделирует текстовое действие, его функция в тексте - разыгрывание сценария,

в) **семный** – код дополнительного значения, моделирует новое семантическое понятие, функционально выполняет роль языковой игры и моделирования «бессознательного» по Фрейду,

г) **референциальный** – код знания, моделирует представление о чем-то уже известном автору, либо адресату, его функциями являются функция удовольствия (как компонента игровой деятельности) и моделирование «бессознательного» по Юнгу.

ГЛАВА 2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЕМАНТИКИ ПОДТЕКСТОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ В РОМАНАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» И Б. АКУНИНА «ФМ»

2.1.Лексия и ее роль в семантике подтекста

Дальнейший наш анализ, основанный на извлечении имплицитных значений из эксплицитного вербального текстового выражения (номинировании), представляет собой детализацию, классификацию и определение роли подтекстовых смыслов в художественном тексте. Мы будем говорить о способах, формах и функциях языкового моделирования подтекста как воплощения визуализированного и чувственно-воспроизводимого (в мысленном представлении адресата) образа-модели.

Единицей подтекста является лексия как зона имплицитного смысла (плана содержания), извлечение которого возможно при соответствующем когнитивном действии.

Способами языкового моделирования подтекста являются: импликация (импликационал, импликатура), коннотация (оценочность, экспрессивность, эмоциональность, стилистическая окрашенность), контекст (интралингвистический и экстралингвистический), пресуппозиция (внешняя – как фоновые знания адресата, и внутритекстовая – как сведения, которые содержались в предыдущем тексте).

Формой моделирования является специфическая система кодирования, в которой кодом является план выражения имплицитных значений художественного текста, то есть определенный, обусловленный культурой, способ «запаковывания смысла». В художественном тексте выделяется система кодирования, состоящая из четырех кодов: семный – код нового понятия, герменевтический – вопросно-ответный код, референциальный – упоминание о чем-то уже известном (наиболее близкий к эксплицитному выражению), акциональный – код действия и События в тексте.

Функции подтекста определяются по эффекту их воздействия на восприятие адресата: 1) как моделирование «бессознательного»; 2) как имитация игровой деятельности (в форме языковой игры, интеллектуальной игры и (или) «разыгрывания» сценария).

Термин «языковое моделирование» принят нами на основании того, что художественный текст является моделью, существующей для целей познания, и все языковые средства в нем направлены на моделирование условной реальности – мира человека – как

эвристической чувственно-воспроизводимой модели (образа), невебализованая часть которой и является подтекстом как способом образования имплицитного значения. В дальнейшем мы станем применять термин «моделирование» в качестве синонима и заменителя термина «образование значения» (поскольку формулировка «образование значения образа» представляет собой определенную тавтологию), имея в виду, прежде всего, языковой способ образования значения, который в художественных текстах существует в виде надстраивания имплицитного значения над эксплицитным языковым выражением.

Поскольку в лингвистике не существует общепринятых легитимных номинаций для подтекстовых смыслов, в силу их иррациональности и индивидуального восприятия, то, с формальной точки зрения, следует говорить только о «смысле». Однако, на основании того, что по способам кодирования информации подтекст определяется, прежде всего, как «значение», разницу между понятиями «значение» и «смысл» [Кобозева 2000: 12-13] в отношении подтекста следует считать несущественной в свете проблематики данной работы, поскольку границы этих понятий проницаемы. С точки зрения коммуникативно-прагматического воздействия в дихотомической паре понятий «значение» / «смысл» можно выделить коммуникативную и прагматическую составляющие, в которых, в первом случае (коммуникативном) основной функцией является передача информации, и тогда речь идет, скорее всего, о «значении», а во втором случае функцией является прагматическое воздействие, и здесь значение рассматривается как «смысл». В нашей работе мы рассматриваем только коммуникативную роль подтекста – то есть способы и формы образования и извлечения имплицитного значения как передачи информации, поэтому понятия «смысл» и «значение» являются для нас синонимами и обозначают только факт невербализованной части «образа» в единицах подтекста. Кроме того, существующие определения могут реализовываться в подтексте следующим образом: до момента извлечения интуитивно ощущаемой имплицитности можно говорить о «смысле» (опираясь на представление о нем как о довольно расплывчатом и неконкретном образовании), а после извлечения и номинации – мы должны говорить о «значении», поскольку конкретика и определенность являются признаками легитимности извлеченного понятия.

Опираясь на ранее приведенное определение лексии (единица подтекста**,** произвольного размера, как правило, больше чем одно слово, но меньше чем текст, представляющая собой определенную зону смысла, образованного путем множественной внутренней перекодировки, и соотносимая с одной или несколькими областями внетекстовой действительности (бартовским

кодом) [Ерохина 2015б: 286]), отметим еще раз, что парадигма уровней текстовых единиц в иерархии усложнения семиологического значения представлена следующим образом: слово (эксплицитная семантика), лексия (имплицитная семантика), текст (сверхглубинная семантика). (Следует отметить, что в отдельном слове также может присутствовать имплицитная семантика при наличии неявного признака в виде коннотации и, таким образом, отдельное слово так же может являться лексией как единицей подтекста.)

2.1. 1. Технология извлечения имплицитных значений

2.1.1.1.Определение лексий, их границ и значений

Для определения границ лексии воспользуемся синтезом технологий обнаружения дополнительного смысла, которые упоминаются в источниках как «медленное чтение» и «внимательное чтение». (Существуют и другие теории техник чтения, но они не полностью отвечают нашим целям. Так, например, Н.Н.Михайлов упоминает о подобной технике, приведенной в работе Джеффри Хартмана, где она названа «тщательное прочтение», но в его интерпретации этот термин относится к определению литературной критики как одного из «жанров» художественного текста [Михайлов 2006: 22]. Методика «пристального чтения» в работе может только называться называться, но не рассматриваться детально [Иоскевич 2014: 204].

Л.Г.Кайдой предложена «техника внимательного чтения» [Кайда 2000: 55], в которой автор связывает процесс чтения с процессом разгадывания, извлечения «тайного, оставшегося за строками, за пределами слов» [Там же]. Сам предлагаемый в книге принцип «внимательного чтения» является аналогом процесса декодирования, который, по мнению автора, представляет собой «выявление (с точки зрения читателя) реального смысла языковых единиц, отражающих авторскую идею», и в пошаговых операциях которого «неукоснительно соблюдается принцип анализа «от текста»». Мы полностью согласны с автором монографии, но следует добавить, что подобный способ, с одной стороны, требует целенаправленного фиксирования внимания на предмете поиска, и, с другой стороны, требует времени, необходимого для проявления подобного внимания.

Поскольку, по определению И.А. Углановой (со ссылкой на Д.Бродбента), «внимание являет собой результат переработки информации с ограниченной пропускной способностью, а само внимание есть не что иное как фильтр, который расположен на входе в непосредственную

память, осуществляющий отбор значимой для индивида информации» [Угланова 2010 : 53], то осуществить подобную фильтрацию внимания представляется возможным только в процессе так называемого «медленного чтения», понимаемого как «Изучение шаг за шагом, анализ значения каждого образа, каждого слова» [Эйдис].

Поэтому для выделения лексий, как единиц подтекста, более продуктивным представляется сочетание технологии «внимательного чтения» с технологией «медленного чтения». Следует отметить, что нам не удалось отыскать источники, в которых рассматривались бы этапы данной техники. Не вызывает сомнений, что процесс чтения при подобном способе декодирования (при медленном и внимательном чтении) становится целенаправленно фрагментированным и состоит из двух этапов. На первом этапе производится определение наличия скрытого смысла в некотором текстовом отрезке. На втором этапе найденное дополнительное значение классифицируется по признаку принадлежности к категории подтекстового кода. Фактически, на первом этапе, при чтении внимание фиксируется и фокусируется на каждом слове текста. Фрагмент текста расширяется до тех пор, пока не возникнет осознанное понимание нового значения (или в отдельном появившемся слове, или новое значение на основе переосмысления всего текстового отрезка). После обнаружения дополнительного значения следует процесс категоризации подтекстовых смыслов и классификации их по принадлежности к одному из текстовых кодов, как это определено у Н.И.Колодиной: «Каждый раз, сталкиваясь с необходимостью познать что-либо, индивид производит формирование мыслительного представления с помощью механизма категоризации, т.е. оценивания и отнесения воспринятого к определенному классу» [Колодина 2002: 74].

Размер фрагментов – лексий – зависит от индивидуального уровня познания каждого конкретного читателя. Так, например, в книге Н.А.Бусс встречается очень характерное наблюдение: «Ребенку могут быть понятны все слова в басне, но мотивы поступков действующих лиц скрыты от него, поэтому он часто лишь наполовину приближается к пониманию мысли, заложенной в басне» [Бусс 1976: 56]. Другими словами, в восприятии наивного адресата, не обладающего высоким уровнем познания, отображаются в основном эксплицитные смыслы художественного текста и большая часть имплицитной семантики остается за гранью его восприятия.

В свою очередь, имплицитное значение в момент его обнаружения и извлечения переводится в плоскость осознанности и переходит из имплицитной семантики в эксплицитную. Таким образом, происходит номинация найденных «новых» подтекстовых смыслов или,

другими словами, осуществляется перевод с уровня восприятия текста как визуализированного чувственного представления на уровень семантического понятийного мышления.

Наш анализ, основанный на методе интроспекции (самонаблюдения, от лат. introspecto – «смотрю внутрь» – сознательное направление человеком внимания на свое собственное сознание [Тимофеева 2010: 51]), для категории подтекста представляется в достаточной степени объективным и, с определенной точки зрения, единственно возможным, поскольку, как уже упоминалось, только в границах одного восприятия возможно ощущение разницы в неодинаковых по уровню насыщенности подтекстовыми смыслами литературных произведениях.

Кроме того, стоит отметить еще раз и тот факт, что лексия, как иррациональная единица (по аналогии с математикой - как число не имеющее натурального выражения), способна восприниматься по-разному даже в пределах одного сознания. Приведу пример из личной практики: текст Генри Филдинга «История Тома Джонса найденыша» в пятнадцать лет воспринимался только как любовная история, немного затянутая, но со счастливым концом; в зрелом возрасте – не только как любовная история, но и, скорее, как сатира на двойственную мораль. И то и другое содержание было осмыслено из одного и того же текста. Разница определялась лишь уровнем восприятия или, другими словами, уровнем общефоновых знаний адресата (внешней пресуппозицией). Таким образом, при повышении уровня общефоновых знаний адресата, происходит увеличение количества извлекаемых подтекстовых смыслов.

Отметим также, что критерии подтекста не являются абсолютными. Скорее это своеобразные иррациональные показатели (то есть нельзя сказать, что наличие «такого-то» (N) количества лексий и кодов свидетельствует о том, что художественный текст относится к вершинной литературе, а «такого-то» (M) – к массовой), но данная техника представляется единственно возможной для каждого конкретного адресата, с точки зрения индивидуального понимания разницы смысловой насыщенности текстов художественной литературы.

Процесс номинации подробно охарактеризован в работе Л.М.Лещевой «Лексическая полисемия в когнитивном аспекте». В данном процессе она выделяет четыре этапа:

1. Производится «выбор категории требующей номинации».
2. Затем « вычленяются наиболее характерные признаки данной категории, которые могут выполнять роль дифференцирующих.
3. После этого «На основании дифференцирующего признака осуществляется выбор категории из ранее осмысленных и возможных.

4. И на четвертом, заключительном, этапе происходит «лексикализация» [Лещеева 2014: 84].

Эта схема вполне применима и к способу определения подтекстовых единиц.

2.1.1.2.Технология определение специфики и семантики кодов в художественном тексте

Процесс распределения лексий по кодам производится одновременно с определением границ лексии. Для анализа художественных текстов мы выделили 4 вида кодов, которые в совокупности представляют собой определенный способ категоризации плана выражения. Планом содержания при этом является подтекстовый смысл лексий как определенной формы отображения художественной реальности – «мира человека». При этом, реальность в художественном тексте всегда является «условной», вымыслом (fiction - фикцией, в англоязычной традиции; это отмечено в учебнике Н.И.Михайлова: «*…фактор «вымышленности» литературных миров, подчеркнутый в английском термине fiction - синониме слова literature*» [Михайлов 2016: 14]), но, в качестве модели, она представляет собой отображение реальности истинной, настоящей - «универсума человека». В этой модели, вместе с отображением реальности, присутствуют и особые специфические категории, способствующие моделированию как познавательному процессу. Это категории моделирования бессознательного как способа передачи информации для адресатов, не обладающих достаточным уровнем понятийного мышления, и категория игры как одного из видов допонятийного познания на уровне имитации наглядно-чувственных представлений, в которой присущий ей компонент удовольствия выполняет роль стимула познавательного процесса. С точки зрения природы художественного текста в процессе моделирования бессознательного и игры, эти категории являются его функциями, поскольку именно с их помощью осуществляется передача информации, для которой в тезаурусе адресата не существует понятийных определений.

В процессе классификации значения лексии по принадлежности к определенному коду, прежде всего, определяется наличие следующих признаков:1) признак значения неизвестности - **некий вопрос** (герменевтический код); 2) признак имплицитного понятийного значения - **некое новое понятие** (семный код); 3) признак определенного визуализированного действия-события - **некое событие** (акциональный код); 4) признак сообщения о чем-то «уже известном» - **нечто известное** (референциальный код).

2.1.1.3.Технология определения лексий и кодов (на примере сплошного анализа текста Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание»)

Проиллюстрируем вышесказанное на конкретном примере анализа текста Приложения1.

Так, в названии романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в Лексии 1 (далее Л1) Приложения 1 (далее П1) сконцентрировано и сжато до двух слов глобальное содержание (феномену концентрации смысла текста в названии посвящено диссертационное исследование П.В.Смородиной «Название как бифункциональная единица текста» [Смородина 2009]), и в сознании читателя сразу же возникает вопрос, вернее, два вопроса: «какое преступление?» и «какое наказание?». То есть дополнительный смысл возникает в форме подсознательного вопроса (некий вопрос) – следовательно, эта лексия принадлежит области герменевтического кода (Герм.). Забегая вперед, отметим, что ответам на эти вопросы посвящен весь роман, но есть и лексии которые содержат эксплицитное выражение закодированных «ответов». Так, лексии № 14. 1112, 1272, 1379, 1397-1999, 1448-1815 (П1) относятся к описанию «преступления»; особая лексия «Беда! беда!» (Л1953, П1) – символическим образом отражает вопрос философского плана содержания романа; и лексии 2605-2614, 2129-2134, 2138, 2189-2193, 2226-2229, 2345-2353, 2634- 2639 (П1) передают «наказание»: душевные мучения Раскольникова.

(Отметим, что примерно так же обстоит дело и с названием романа Б.Акунина «ФМ» (Л1, Приложение 2 (далее П2)). Появляющиеся в мысленном представлении варианты расшифровки не оставляют возможности однозначного ответа на вопрос « что это?»: «инициалы Достоевского?», «название популярного радио?» или (даже) «Фата Моргана» в сокращении, и, поскольку подтекстовое значение лексии определяется по признаку «некий вопрос», мы с полным основанием можем отнести Л1 П2 к герменевтическому коду).

В первой строке романа Достоевского (Л2 П1): «*В начале июля…*» – подтекста нет – простое указание на время – эксплицитное смыслообразование, следовательно, мы не можем определить здесь границу лексии, скорее всего граница расположена дальше по тексту.

«…в *чрезвычайно жаркое время, под вечер*» (Л2) – для большинства современных читателей в этих данных нет ничего особенного: описание погоды, времени суток, – но для знатоков творчества Ф.М.Достоевского и для его современников здесь содержится прямое указание на конкретный период времени – июль 1865 года, который запомнился необычайной

жарой. Здесь можно определить границу лексии « *В начале июля,* в *чрезвычайно жаркое время, под вечер»*. Следовательно, в авторской интенции здесь был подтекст общекультурного знания – то есть референциальный код (Реф.). Итак, мы можем выделить лексию референциального кода, в которой присутствуют: для неискушенных современных читателей, не обладающих необходимыми сведениями, то есть внешней пресуппозицией по данному вопросу, код некоего авторского знания (автор знает и сообщает читателю о погодных условиях и времени суток), а для современников Достоевского и искушенных (имеющих сведения об истории написания романа, т.е. обладающих внешней пресуппозицией) читателей – код общекультурного знания. Схема кодовых значений в этой лексии выглядит следующим образом – Реф.^{Реф*}.

«*…один молодой человек»* (Л3) – в подсознании появляется вопрос «кто таков?», следовательно, это лексия герменевтического кода (Герм.).

«…вышел из своей каморки» – в мысленном представлении адресата возникает образ движения героя, то есть акциональный код, но вариантов для номинирования имплицитного значения множество: «вышел… и вернется», «вышел навсегда», «вышел… зачем и почему?»; «каморка», в свою очередь, может быть вариантом одного из следующих зрительных представлений «каморка с едой, то есть кладовка», «подсобное помещение», «маленькое помещение», соответственно определить, какой конкретно вариант значения в данный момент имеется в виду, не представляется возможным, поэтому мы предполагаем, что граница лексии, возможно, находится дальше по тексту (для определения границы должно возникнуть не только ощущение нового смысла, но и его номинация).

Присоединив следующий фрагмент: *«которую нанимал от жильцов в С-ком переулке, на улицу*», – получаем довольно определенную семантизированную «картинку»: *«вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-ком переулке, на улицу*» (Л4) – образ, в котором присутствует, прежде всего, подтекст семного кода. «Каморка», которую нанимают, вызывает в сознании образ съемного жилья очень маленьких размеров. Следовательно, здесь граница лексии. Из контекста слово «каморка» приобретает коннотацию сниженного уровня оценки, и возникает понимание, что вряд ли человек богат – скорее беден. Поэтому мы можем номинировать значение данной лексии понятием «бедность» и отнести это значение подтекста к семному коду (Сем.), поскольку извлекаемое невербализованное значение представляет собой новое понятие (некое понятие). Одновременно в данной лексии присутствует и значение акционального кода: «начало движения героя к некоторому событию» (Акц.). Кроме того, возникает продолжение вопроса, сформулированного заглавием: «что за преступление?», «что

случится с этим молодым человеком?», вернее, «что случится с этим небогатым молодым человеком?», – это элемент герменевтического кода (тематизация основной загадки) (Герм.). Таким образом, в данной лексии мы наблюдаем сочетание трех кодов - акционального, семного и герменевтического (Акц., Сем., Герм.).

«*…и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К-ну мосту*» (Л5) – описание состояния героя «медленно», « как бы в нерешимости» – явно указывает на некое особое психологическое состояние, причину которого мы пока еще не знаем – соотвественно в этом отрывке присутствует значение двух кодов: семного (некое понятие – «психологическое состояние героя») и герменевтического (некий вопрос – «какое психологическое состояние?»). Но здесь есть и третье значение, которое при повторном прочтении могут найти лишь читатели, хорошо знакомые с топонимикой Петербурга. «С-кий переулок» и «К-н» мост – по данным литературоведческих исследований [Лурье 2014], это Кокушкин мост и Столярный переулок, в котором жил Достоевский. Для большинства читателей этот код воспринимается как референциальный – код топонимического знания (Реф.). Но для современников, как и в наше время для знатоков творчества Достоевского, возникает еще одно дополнительное значение: Столярный переулок во времена написания романа – одно из самых «питейных» мест Петербурга, то есть возможность преступления в нем гипотетически гораздо выше, чем в любых других переулках, следовательно, мы можем говорить о дополнительном семантическом значении «усиления возможности преступления» (Сем.). Данное дополнительное значение извлекается лишь при наличии общих фоновых знаний, не имеющих ни контекстного, ни пресуппозитивного воплощения в данном тексте – соответственно, этот надстраиваемый код моделирует свое значение из внешней пресуппозиции (фоновых знаний) адресата. Таким образом, в данной лексии определяется значение трех кодов – акционального, герменевтического, референциального (Акц., Герм., Реф.). Здесь особенность референциального кода в том, что над ним надстраивается еще одно дополнительное семиологическое значение. Схему распределения кодов в данной лексии можно представить как: Акц., Герм.,Реф. (+Семн.). (Далее: А., Г., Р., С.).

«*Он благополучно избегнул встречи с своей хозяйкой на лестнице*.» (Л6) – в этой лексии возникает вопрос «зачем ему избегать встречи с хозяйкой?», следовательно, это лексия герменевтического кода (происходит тематизация присутствующего в названии вопроса) (Г.).

«*Каморка его находилась под самою кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф чем на квартиру*» (Л7) – в данной лексии мы можем определить код некоего

авторского знания, которое сообщает нам о расположении квартиры, но здесь присутствует и еще одно – семиологическое – значение, которое можно номинировать тем же словом, что и в лексии №4 - «бедность». И «каморка», и «под самою кровлей», и «походила …на шкаф» (то есть очень маленькая) – свидетельства стесненности ее обитателя (как пространственной, так и материальной), следовательно, это – надстраиваемый над первичным (референциальным) кодом - семный код. В данной лексии выделяется следующая система кодов: $Р._{}^{С*}$.

Подобное сочетание и надстраивание друг над другом нескольких кодов в романе Ф.М.Достоевского позволяет говорить об особенностях авторского стиля писателя: референциальный и акциональный код очень часто имеют еще одно дополнительное значение (чаще всего семного кода – см. Приложение1). Можно предположить, что подобное специфическое усложнение подтекста является ярко выраженной характеристикой авторского стиля Ф.М.Достоевского. В математической терминологии это можно определить как подтекст в квадрате или значение закодированное в третьей степени, начиная от эксплицитного как значения первой степени (е) (способ кодирования №1 по системе Ю.М.Лотмана – параллельное кодирование элементов двух систем), далее – собственно лексия – вторая степень ($е^{2)}$ (способы кодирования №3 и №4 – парной и множественной перекодировки), и надстраивание над лексией еще одного дополнительного значения – третьей степени ($е^{е2}=е^{3}$), где осуществляется перекодировка элементов уже извлеченного, из второй степени кодирования, имплицитного значения. Таким образом, для того чтобы выделить значение надстраиваемого подтекста третьей степени, следует вначале определить подтекст второй степени.

Рассмотрим это на конкретных примерах.

«На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу» (Л24). Вторая степень кодирования (вторичное моделирование) представлена референциальным кодом как кодом изобразительности (который визуализирует в мысленном представлении читателя живописную и чувственно «осязаемую» картину – «образ», построенный в воображении адресата на основе своих прежних чувственных представлений, но в пределах эксплицитного выражения). После обнаружения и номинирования второго уровня подтекста (второй степени кодирования), на его основе надстраивается еще одно значение (третья степень кодирования) – извлекаемое значение принадлежит уже семному коду, номинация может быть представлена как словосочетание «отвратительный город». Таким образом, мы в данной лексии выделяем систему кодов: $Р._{}^{С*}$

«*Но скоро он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, вернее сказать, как бы в какое-то забытье, и пошел, уже не замечая окружающего, да и не желая его замечать*». (Л30) Вторая степень кодирования – акциональный код: герой задумался и продолжил движение (часть события «прогулка»). Надстраиваемый код (третья степень кодирования) – семный: «отстраненность». (А.^{С*}).

«*В эту же минуту он и сам сознавал, что мысли его порою мешаются и что он очень слаб: второй день как уж он почти совсем ничего не ел*» (Л35). Вторичное моделирование – акциональный код: осмысление собственного состояния (часть действия в событии «начало движения героя»). Надстраиваемый код (третья степень) – семный: «бедность», обусловлен внутритекстовой пресуппозицией, поскольку, следуя логике изложения и повторяющимся уже неоднократно значениям предыдущих лексий, словосочетание «совсем ничего не ел» не может быть понято как «заболел и не ел» или «влюбился и не ел», то есть все другие причины, кроме бедности, в данном тексте становятся невозможны. (А.^{С*}).

«*Он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посовестился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу*» (Л36). Вторая степень кодирования – референциальный код: обыденное знание «приличествующее в обществе». Надстраиваемый код – семный: «бедность», (Р.^{С*}), извлечение значения, как и в предыдущей лексии, происходит на основе внутритекстовой пресуппозиции.

Таким образом, в вышеприведенных фрагментах мы выделили лексии всех кодов, в которых имплицитное значение моделируется разнообразными языковыми средствами в зависимости от нескольких параметров: 1) в зависимости от формы имплицитного значения и структуры кодов; это могут быть акциональный, герменевтический, семный или референциальный код, их сочетания и (или) надстраивания; 2) в зависимости от способа образования имплицитного значения и состава применяемых языковых категорий, обусловливающих имплицитное значение (пресуппозиции, контекста, импликации и коннотации); 3) в зависимости от сложности извлечения подтекстовых значений, то есть от глубины подтекста, или, иными словами, от его уровня.

2.2. Формы, функции и способы языкового моделирования подтекста в зависимости от его уровня

2.2.1. Уровни подтекста

Мы уже упоминали, но повторим еще раз, что у Р. Барта художественный текст представлен в образе подводного горного кряжа, который подобен донному основанию как «средоточию возможных… смыслов, поверх которого струится дискурсивный поток» [Барт 2001: 57].

Если продолжить аналогию, то в этом «потоке» и «плывут», сталкиваясь, соединяясь и наслаиваясь друг на друга, лексии и коды. И если поток «плотный», то в нем могут присутствовать до четырех кодов одновременно (образно это – «большая глубина»), а если где-то «стремнина», то обнажается «дно» потока и слышен «голос автора» (один из видов референциального кода – далее мы рассмотрим его подробнее). Во всех других случаях этот «голос» тоже присутствует, но он заглушается «толщей вод» – значением других кодов.

В этом «потоке», как и в любой реке, существуют разные уровни глубины.

Если вернуться от аллегории к реальности, то можно заметить, что в художественном тексте существует 3 уровня подтекста, которые определяются в зависимости от сложности его извлечения. Сложность извлечения, в свою очередь, зависит от четырех характеристик:

1) от размера лексии – то есть от фактического объема текстового пространства, (чем меньше объем, тем легче выделить дополнительное значение; проще всего в одном слове); основными языковыми способами для этой характеристики являются понятия импликации и контекста (пресуппозиция в отношении размера лексии играет второстепенную роль);

2) от семантического расстояния между компонентами смысла, которое определяется в соответствии с формальным методом, изложенным в исследовании А.И.Новикова и Е.И.Ярославцевой: «о взаимном расположении некоторых элементов… в определенном пространстве, где одни являются более близкими друг к другу, чем иные» [Новиков 1990: 14] (семантическое расстояние может присутствовать как в одном слове в качестве расстояния между элементами смысла, так и в удаленных друг от друга фрагментах текста, в которых обнаруживается сопряженный подтекстовый смысл: например, в структурах акционального и герменевтического кодов); эта характеристика важна для определения таких языковых способов моделирования как коннотация, импликация, интралингвистический контекст и внутритекстовая пресуппозиция;

3) от количества кодов в одной лексии (чем больше кодов, тем сложнее и глубже уровень подтекста), здесь смыслоообразующими являются все категории, связанные с подтекстом: коннотация, импликация, контекст и пресуппозиция;

4) от уровня фоновых знаний адресата, то есть от внешней пресуппозиции как общефоновых знаний адресата.

Отметим, что на каждом из уровней подтекста определяется присутствие всех форм подтекстовых значений (кодов) и их сочетаний, но использование языковых способов определенным образом дифференцированно в зависимости от уровня. Кроме того, рассмотренная в первой главе степень кодирования в отношении уровней подтекста распределяется следующим образом: первая степень кодирования (прямое кодирование или соответствие элементов двух систем Означаемое – Означающее) к подтексту не относится, а начиная со второй степени кодирования можно классифицировать уровни подтекста следующим образом: вторая степень кодирования представлена двумя уровнями подтекста (первым и вторым, которые будут рассмотрены ниже), а третья степень кодирования соответствует третьему уровню подтекста.

К первому уровню мы относим: 1) все лексии, представленные одним словом или словосочетанием (в том числе фразеологическим оборотом), обладающие дополнительным значением второго плана (коннотацией); 2) все фигуры речи и тропы; 3) некоторые синтаксические конструкции; 4) определенные формы имплицитных значений, выраженные с помощью паравербальных знаков (по определению В.В.Борисовой и С.С.Шаулова, «…смысл художественного текста выражен не только вербально, он складывается и из других – паравербальных и невербальных – значений текста» [Борисова, Шаулов 2014: 15]); подобные значения, на наш взгляд, в тексте выражены следующим образом: а) знаками пунктуации, которые являются, во-первых, маркерами экспрессии, во-вторых, как знаки, не обладающие собственной семантикой, отражают неопределенность и (или) имеют множество возможных значений (восклицательные знаки, вопросительные знаки, многоточия), в-третьих, придают дополнительное значение путем импликации нового смысла приведенной цитаты (кавычки); б) факультативными знаками особой разметки текста – выделение особым шрифтом (курсивом, жирностью), факсимильное изображение (схемы, иллюстрации и т.д.), встречающиеся не в каждом из художественных текстов (но в данном случае, подобные знаки есть в обоих романах). (В дальнейшем в отношении подобных знаков (пунктуационных и знаков особой разметки

текста) мы будем применять термин «**паравербаты**», предложенный А.П.Кострикиной, который в ее работе представлен как: «невербальные средства, близкие к вербальным (словесным) и обязательно предполагающие учет коммуникативной ситуации» [Кострикина 2014: 55]).

На первом уровне подтекста для моделирования имплицитного значения используются следующие языковые способы: коннотация, импликация и интралингвистический контекст. Способ кодирования в данном случае определяется по системе Ю.М.Лотмана, как образование значения путем парной внутренней перекодировки (способ №3). Подобные значения довольно легко определяются именно благодаря небольшому семантическому расстоянию между элементами смысла, и обеспечены высокой степенью репрезентации в лингвистической науке. В данном случае семантическое расстояние определяется как минимальное – два значения в одном слове или в ближайшем контексте.

Второй уровень – это уровень подтекстовых значений, определяемых уже собственно лексиями как единицами подтекста (способ кодирования – с помощью парной (№3) или множественной (№4) внутренней перекодировки по классификации Ю.М.Лотмана) и в состав которых входит более одного слова (от двух слов и более, если это предикативный, а не фразеологический оборот). Здесь присутствует фактор сложности восприятия большого объема информации и ее переработки в более компактные, но емкие понятия. Напомним, что емкость в художественном тексте продуцируется путем моделирования в мысленном представлении некоего «образа», всецело обусловленного индивидуальным чувственным опытом адресата. Именно поэтому оборотной стороной емкости художественного текста является недостаточная однозначность закодированной информации, другими словами, возможность трактовки «образа» с точки зрения различных «прочтений» (многозначность). В процессе образования имплицитных значений второго уровня подтекста используются практически все способы: коннотация, импликация (импликационал, импликатура), экстарлингвистический и интралингвистический контекст. Немаловажную роль играет на этом уровне и категория пресуппозиции как внутритекстовой, так и внешней как общефоновых знаний адресата.

Ко второму уровню мы относим и структурные коды: акциональный и герменевтический. Способы кодирования в них такие же, как и в семном и референциальном, то есть это способ множественной (№4) внутренней перекодировки по классификации Ю.М.Лотмана. Отличие от других кодов здесь состоит только в семантическом расстоянии между компонентами смысла (их части разнесены в пространстве текста на значительные

расстояния друг от друга, из-за чего целенаправленно отслеживать их связь становится еще сложнее). Для запаковывания подтекстовых смыслов здесь применяется языковой способ внутритекстовой пресуппозиции.

Третий уровень – сверхсемантический – включает в себя, во-первых, значение всего текста (его идею как единого информационного сообщения), во-вторых, некоторые значения надстраиваемых кодов (в третьей степени кодирования), в-третьих, все возникающие вопросы общей герменевтики, Это значение так же образуется путем либо множественной внутренней перекодировки (но объем переосмысливаемого фрагмента по сравнению со вторым уровнем подтекста увеличивается на порядок), либо определяется как подтекст в третьей степени кодирования. Представляется, что одним из главных способов моделирования подтекста данного уровня является внешняя пресуппозиция (общефоновые знания адресата).

2.2.1.1.Языковые особенности образования значений подтекста первого уровня в романах Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ»

Итак, рассмотрим способы моделирования имплицитного значения для лексий первого уровня подтекста. В этот уровень входят: 1) все виды лексем с признаками коннотации, 2) все виды тропов, 3) все фигуры речи, 4) определенные синтаксические конструкции (эмоционально-экспрессивные предложения: побудительные, восклицательные, вопросительные (особенно в случае с риторическими вопросами, которые лишь с формальной точки зрения вопросы – а на деле содержат утверждение в эмоциональной форме [Лилеева])), 5) все текстовые построения, в которых использованы приемы выражения паравербальных смыслов, такие как: знаки экспрессии (пунктуационные знаки: восклицательные и вопросительные, многоточия, кавычки), текстовые выделения: шрифты, курсивы, факсимильное изображение (в романе «ФМ» приведен подобный фрагмент письма Ф.М.Достоевского), и т.п. Способы создания подобных значений в художественном тексте условно можно разделить на два вида: 1) с помощью наличия в текстовом отображении определенных знаков (маркеров, индексов), которые не содержат собственной семантики, но координируют восприятие в необходимом направлении, 2) с помощью лексических единиц, которые обладают имплицитной семантикой, наиболее близкой к эксплицитному выражению (подобное значение наблюдается в коннотации (как закрепленности единичного дополнительного понятия за одним эксплицитным выражением) и в импликации (как в соединении в одном слове двух значений: тропы,

фразеологизмы и фигуры речи). Отличие подобных языковых единиц от эксплицитного выражения заключается лишь в особенностях их восприятия, когда адресатом воспринимаются сразу два значения – прямое, как эксплицитных языковых знаков, и вторичное – переносное – но в достаточной степени известное в силу частого употребления (то есть своеобразное речевое клише, как в случае, например, с фразеологизмами) или состоящее из компонентов с известными адресату лексическими значениями (тропы). При этом вторичное значение чаще всего воспринимается на невербализованном уровне, практически на интуитивном, поэтому относится к разряду имплицитных.

Проиллюстрируем вышесказанное на примерах.

«*На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!..*» (П1, Л137) В данной лексии наблюдается целый комплекс способов выражения имплицитного значения. Во-первых, паравербаты: восклицательные знаки – в данном случае выражающие значения экспрессии. В контексте номинировать данное имплицитное значение можно как «эмоциональное выраженное отвращения к себе, сожаление о своей низости». Двоеточие в данном контексте является паравербатом эллиптической конструкции, многоточие передает значение «бессловесное продолжение ощущения сожаления и отвращения». Во-вторых, в данной лексии используются метафора «грязь» которая содержит компонент переносного значения «отвращение», и, в-третьих, прием градации: «грязно, пакостно, гадко». В данной градации использована коннотация усиления отвращения: «грязно» – в значении «недостойно», пакостно – оценочная коннотация, которую можно номинировать как «отвратительно»; «гадко» – экспрессивно-оценочная коннотация, возможная номинация – «мерзко». Таким образом, получается следующая нисходящая по уровню оценки парадигма значений «недостойно – отвратительно – мерзко» (высшая степень оценочной коннотации в отрицательной зоне шкалы оценки, по определению О.Ю.Ткаченко [2011: 68]). Резюмируя, следует отметить, что в данной лексии способами образования подтекстового значения являются: коннотация (в приемах градации, и паравербального выражения смысла), импликация (в метафоре), контекст (в метафоре, в градации и в паравербатах – то есть во всех элементах).

Экспрессия, как выражение эмоций, является неотъемлемой частью художественного текста. Так Л.Г. Бабенко отмечает, что «Можно с уверенностью утверждать, что эмоциональное содержание – непременный компонент семантической структуры текста, оно пронизывает всю ткань произведения, не оставляя равнодушным читателя» [Бабенко 2008: 53]. Из этого утверждения можно сделать вывод, что экспрессия всего лишь компонент значения, само

значение при этом может быть выражено только словом как минимальной самостоятельной смысловой единицей языка [Виноградов 1986: 18].

Очень похожий языковой способ запаковывания смысла в подтекст наблюдается и в случае применения паравербатов. Как знаки текста, паравербальные знаки передают не только интонацию, но и многие другие значения (например определенные виды коннотаций: эмоции, экспрессию и оценку). Мы относим эти знаки к способам образования подтекстовых значений только на том основании, что они, хотя и не содержат семантики по определению, но являются своеобразными маркерами дополнительной имплицитности лексических и синтаксических единиц, которая обусловлена в каждом конкретном случае контекстным окружением паравербата [Кострикина 2014: 55]. Соответственно, обладают значением, придающим векторную направленность восприятию лексических значений языковых единиц, обладающих собственной семантикой.

С точки зрения того, что знаки паравербального выражения смысла являются отображенными в тексте знаками, их можно было бы рассматривать как эксплицитные значения текста, но с точки зрения семантики эти знаки являются всего лишь определенными индексами, зависимыми от контекста в каждом конкретном случае словоупотребления. Например, в лексии «Медаль...» (П1, Л275) многоточие является моделированием состояния героя: «задумался о чем-то грустном или важном». Наличие образа «задумчивость» извлекается из внутритекстовой пресуппозиции (такие же значения в лексиях 344 «да-с...», 345 «а я...» и 356 «гм...» (П1)).

Кроме того, пунктуацией выражается не только экспрессия, но и многие другие значения: непонимания, ожидания, хитрости, обмана и т.п. (так, например, многоточие – это чаще всего фигура умолчания, а вопрос может быть и риторическим).

Отметим, также, что, помимо паравербальных знаков, обладающих имплицитной семантикой лексем, тропов и фигур речи, существуют определенные языковые единицы, дополнительное значение которых не обусловлено ни импликацией, ни пунктуацией. Такие языковые единицы получили в лингвистике название «слова с эмоционально-оценочным ореолом», значение которого, по определению Г.Ф.Гибатовой «… даже потенциально не входит в лексическое значение слова» [Гибатова 2009: 148].

Так, например, в лексиях 1070-1075 (П1):«…*и начнет шмыгать моя девочка, туда да сюда... Потом тотчас больница (и это всегда у тех, которые у матерей живут очень честных и тихонько от них пошаливают), ну а там... а там опять больница... вино... кабаки... и еще больница... года через два-три – калека, итого житья ее девятнадцать аль восемнадцать лет*

от роду всего-с... Разве я ***таких*** (выделено мной – А.Е.) *не видал? А как они делались? Да вот всё так и делались...*» подобное значение содержится в слове «таких» (значение жалости, боли, сочувствия и презрения) и извлекается из всего интралингвистического контекста.

Существуют также синтаксические конструкции, такие как, например, неполные предложения или определенные фигуры речи, которые вообще не могут быть номинированы однозначным понятием, так, в книге В.В.Бабайцевой указано, что в них даже «…«домысливание» опущенных членов не дает однозначного ответа» [Бабайцева 2015: 328].

Например:

В лексиях 1381-1384 (П1): «*Офицер опять захохотал, а Раскольников вздрогнул. Как это было странно!*

– Позволь, я тебе серьезный вопрос задать хочу, – загорячился студент. – Я сейчас, конечно, пошутил, но смотри: с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет. Понимаешь? Понимаешь?

– Ну, понимаю, – отвечал офицер, внимательно уставясь в горячившегося товарища».

Неполные предложения, такие как «Понимаешь? Понимаешь?» (риторический вопрос + фигура речи «повтор»), не могут полностью восстановиться даже из контекста. Значение, которое возможно в данных лексиях, не может быть определено однозначно, поскольку любое из значений возможно: « понимаешь ли ты, о чем я говорю?», «понимаешь ли ты, как я отношусь к старухе?», «понимаешь ли, какая она ничтожная и отвратительная?», «понимаешь ли ты, что можно или нужно с ней сделать?» и т.п.

Подобное же значение (неопределенности и множественности возможных трактовок) содержится и в лексиях 201 – 203 (П1): « – *Милостивый государь, месяц назад тому супругу мою избил господин Лебезятников, а супруга моя не то что я!* ***Понимаете-с?***»

Резюмируя, следует отметить, что мы не можем в полной мере отнести паравербаты к эксплицитным значениям. В крайнем случае, можно говорить об их пограничном расположении: между эксплицитным и имплицитным. К подобным пограничным средствам можно отнести и другие языковые средства: модальные слова, частицы, междометия (как выражения экспрессии), поскольку все они приобретают конкретное лексическое значение только в контексте.

Остановимся подробнее на способе моделирования имплицитного значения первого уровня подтекста с помощью коннотации. Семантическое расстояние в данном случае является наиболее кратким (значения совмещены в одном слове), и выделение подобных лексий не представляет особого труда: все слова или словосочетания, которые наделены экспрессивным, оценочным, стилистическим, эмотивным значением – в обязательном порядке являются лексиями, либо частью лексий (границы лексии определяются смысловыми рамками – интуитивно, границы подвижны и могут разниться в зависимости от уровня познания).

Например: «*Это уж всего сквернее! Вот эдакая какая-нибудь глупость, какая-нибудь пошлейшая мелочь, весь замысел может испортить!*» (П1, Л46), – здесь словосочетание «всего сквернее» – по оценочной шкале О.Ткаченко [Ткаченко 2011: 38] – находится на самом крайнем отрицательном полюсе семантического поля оценки. Первое предложение лексии: «Это уж всего сквернее!», – наделено экспрессивностью, выраженной паравербатом – восклицательным знаком. Второе предложение также наделено экспрессией (восклицательный знак), но, кроме того, оно «осложнено» следующими коннотациями: «глупость» – коннотация отрицательной оценки, способ образования значения: внешняя (языковая) пресуппозиция; «пошлейшая мелочь» - мелочь в значении (коннотации) «ничтожности», «пошлейшая» – высшая степень отрицательной оценочной коннотации лексемы «пошлость», способ образования значения: внешняя пресуппозиция. Формой подтекста в данном случае является семный код, как код некоего понятия, номинировать которое в этой лексии можно следующим образом: «герой очень сильно раздосадован своей оплошностью, обратив внимание на детали своей внешности, он расценивает свои упущения (из предыдущего контекста следует, что этим упущением является «приметная» шляпа) как высшую степень своей безответственности по отношению к планируемому предприятию, «замыслу»». Функция подтекста здесь состоит в моделировании бессознательного отношения героя к самому себе и к своим действиям, в эксплицитной форме не выраженного (см. вышеприведенную номинацию), но, с помощью коннотаций (в лексемах), импликаций (в паравербатах) и контекста, передаваемого восприятию адресата.

«*Это было бравое солдатское лицо с седыми усами и бакенами и с толковым взглядом*» (П1, Л1002). В данной лексии наблюдается положительные оценочные коннотации в эпитетах «бравое» и «толковый», которые позволяют переосмыслить значение всей характеристики персонажа и номинировать ее следующим образом: «бравое» как «очень положительный, позитивный»; «толковый» (в интралингвистическом контексте с седыми усами) – «немолодой и

умудренный опытом, справедливый и честный». Таким образом, в лексии можно отметить следующие способы образования имплицитного значения: коннотация и контекст. Формы подтекста: семный и референциальный код (описание внешности). Функция подтекста в данной лексии – перевод в бессознательное, поскольку коннотации здесь присутствуют в качестве составляющей части значения и находятся не на первом плане восприятия, но направляют его в сторону интуитивного ощущения того, что автор положительно относится к созданному «образу» персонажа.

Напомним, что значение коннотации всецело обусловлено явлением импликации, то есть включением в значение компонентов смысла, воспринимаемого на уровне интуитивного ощущения, но легитимированного в языковом коллективе. То же самое происходит во всех видах тропов, только вместо коннотации в основное значение имплицируется смысловой элемент другой лексемы. Все коннотации и импликации довольно легко определяются при «внимательном прочтении».

Способам формирования значений первого уровня подтекста в лингвистике посвящено множество научных работ [Балашова 2014], [Харченко 1989], [Золотова 2010]. Многие исследования, посвященные поэтике и связанные с риторикой (в аспекте языковых теорий), тем или иным образом рассматривают факты и способы образования имплицитных значений в языке. Поскольку все тропы и фигуры речи являются двухкомпонентными структурами, то в них всегда можно с помощью контекста выделить основные и добавочные компоненты, в которых основное эксплицитное выражение всегда «осложнено» добавочным. Так, например Н.О.Золотова приводит следующее, очень актуальное для нашей работы определение: «Метафора не только формирует представление об объекте, она также определяет способ и стиль мышления о нем» [Золотова 2010: 58]. В работе Балашовой Л.В. встречаем еще одно важное для нас утверждене: «…метафора представляет собой один из важнейших способов когниции, поскольку она основана на категориальном (таксонимическом) сдвиге…» [Балашова 2012: 3]. Об этом же упоминает Л.В.Супрунова «…метафорическое выражение всегда употребляется вместо некоторого эквивалентного ему буквального выражения» [Супрунова 2007: 103]. Кроме того, она приводит очень актуальную для нас точку зрения Макса Блэка.: «метафора имеет два различных субъекта – главный и вспомогательный, которые можно рассматривать как «системы», механизм метафоры при этом заключается в том, что к главному субъекту прилагается система «ассоциируемых импликаций», связанных со вспомогательным субъектом» [Там же : 104].

На основании вышеприведенных высказываний мы можем уточнить определение импликации для целей нашей работы следующим образом: **импликация** (и коннотация как ее разновидность) – это способность языковых единиц «осложнять» значение такими элементами смысла, которые не выступают на первый план восприятия, а представляют собой воспринимаемые на интуитивном уровне дополнительные значения «вспомогательного субъекта», прилагающиеся к «главному субъекту» (эксплицитному значению) языковой единицы (в данном случае – лексии), с помощью которых осуществляется увеличение емкости (то есть уменьшение текстового объема с одновременным повышением смысловой насыщенности) художественного текста.

Проиллюстрируем вышесказанное на примерах.

«*Нет уж, лучше проскользнуть как-нибудь* ***кошкой по лестнице*** *и улизнуть, чтобы никто не видал*» (П1, Л12). Главный субъект в данной метафоре «двигаясь, как кошка, то есть быстро, тихо и бесшумно», вспомогательный субъект «незаметно». Эксплицитное выражение данной метафоры можно было бы передать двадцатью словами: «он двигался, как кошка, которая, встретившись с ним на лестнице, прошмыгнула бы сквозь прутья решетки быстро, бесшумно и незаметно». В романе Ф.М.Достоевского эта метафора («кошкой по лестнице») состоит всего из трех слов, но передает то же самое значение. То есть происходит сокращение текстового объема без потери смысловых составляющих (которые перенесены автором в имплицитную область восприятия). Это значение мы относим к семному коду, на основании классификации по признаку «некое понятие» (эксплицитно номинированное деввятнадцаьтю словами – см. выше). Таким образом, форма моделирования в данной лексии – семный код. Способ моделирования – импликационал. Функция подтекста здесь – перевод в «бессознательное».

«*Она* ***ангел****!*» (П1, Л693) – Метафора. Главный субъект – «человек, похожий на ангела», вспомогательный субъект – «обладающий безукоризненными (с точки зрения морали) душевными качествами». Общее извлекаемое значение (номинация): «человек, обладающий безукоризненными духовными качествами» (минимум 5 слов). Форма моделирования – семный код: некое понятие. Способ языкового моделирования – импликационал. Функция подтекста в данной лексии – языковая игра и, с ее помощью, перевод в бессознательное по Фрейду. Отметим, что все тропы выполняют игровую функцию в двух аспектах: языковой игры и перевода в «бессознательное». Языковая игра определяется в них как вид нестандартного употребления значения в контексте, то есть привлекает внимание адресата именно как

необщеупотребительное понятие (ангел (др. -греч. ἄγγελος, ангелос «вестник, посланец») – *в религиозной мифологии бесплотное существо, исполняющее приказания бога* [ТСУ]) в общеупотребительном контексте «она – Идеал чего-нибудь, лучшее воплощение, олицетворение чего-нибудь (разг., с оттенком восхищения; устар.) [Там же]». Перевод в бессознательное (по Фрейду) заключается в передаче информации (не выраженной эксплицитно) об отношении матери к своей дочери: отношения любви, гордости, восхищения.

«*Он знал* ***бездну источников*** (главный субъект «много», вспомогательный «способы возможного приобретения», извлекаемое значение «много способов возможного приобретения» - семный код, импликационал), *где мог* ***почерпнуть*** (главный субъект – «приобрести, получить», вспомогательный – « получить достойным, благородным образом», номинация «получить достойным благородным образом» – семный код, импликационал)» (П1, Л1092). Лексия состоит из 7 слов. В общем интралингвистическом контексте она приобретает следующее значение: «он знал множество способов и мест, где мог бы заработать благородным, достойным образом» – 13 слов. Форма моделирования в данной лексии – семный код. Способ образования подтекстового значения – импликационал. Функция – языковая игра и перевод в бессознательное по Юнгу (как коллективное бессознательное), поскольку эти метафоры – «бездну источников» и «почерпнуть» – отображают, прежде всего, знания, закрепленные в культуре: *бездна* – как «беспредельность» [ТСУ], *источники* – как «то, что дает начало чему-то» [ТСО], *почерпнуть* – как «взять, позаимствовать откуда-нибудь» [СЕ].

«А впрочем, я вижу, что это **деликатная струна»** (П1, Л2839). Эксплицитная номинация: «особое душевное качество (главный субъект), свойственная субъекту в высокой степени чувствительность к различению возвышенного и пошлого (вспомогательный субъект)» - 14 слов, вместо двух. (Форма моделирования - семный код – некое понятие. Способ моделирования – импликационал, функция – моделирование бессознательного по Фрейду).

Существующие описания семантики фразеологических оборотов также свидетельствуют о присутствии в них подтекста: «Основу семантики фразеологических оборотов представляет фразеологический образ или «то наглядное представление, своего рода «картинка», на фоне которой воспринимается целостное значение фразеологических оборотов, как обобщенно-переносное, как «метафорический или метонимический дериват, возникший в результате глобального переосмысления первоначального смысла словесного комплекса…» [Сарян 2009: 101-102].

Например, в лексии 1858 «– *Эй, Алена Ивановна,* ***старая ведьма****! Лизавета Ивановна****, красота неописанная***» во фразеологизмах выражена не только панибратское отношение говорящего, но и оценка им внешних качеств героинь: «старая ведьма» – прямая негативная коннотация; «красота неописанная» – выражение иронии несоответствия буквальному смыслу, то есть коннотация оценки, насмешки. (Форма моделирования – семный код, способ моделирования – импликационал, функция – моделирование бессознательного – панибратского отношения – с помощью языковой игры).

Тот же принцип импликации дополнительного значения наблюдается и в других тропах, фигурах речи и стилистически маркированных языковых образованиях. Например, в лексии: «*И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то* ***болезненное*** *и* ***трусливое*** *ощущение, которого стыдился и от которого морщился*.» (П1, Л7) с помощью эпитетов моделируется душевное состояние и оценка этого состояния «болезненное и трусливое»; извлекаемое значение (с помощью ограничения контекстом «стыдился») – «неловкость»; форма подтекста – семный код, способ – импликационал, функция – моделирование бессознательного по Фрейду.

«Время **серенькое** (главный субъект – «бледно серое», вспомогательный «неяркое, пасмурное унылое» – семный код), день **удушливый** («жаркий, некомфортный» – семный код), местность совершенно такая же, как уцелела в его памяти» (П1, Л1138). Способ – импликационал, форма – семный код, функция – моделирование бессознательного по Фрейду.

В сравнительном обороте «… *похожей на куриную ногу*…» (П1, Л79) (напомним, что речь идет о сравнении с шеей процентщицы Алены Ивановны) – к основному субъекту добавляется импликация вспомогательного: «тощей и жилистой» или (в представлении современного адресата) «водянистой в пупырышках», но и в том и в другом случае основной импликацией становится признак «отвращение», который формируется на неосознанном уровне восприятия и может быть номинирован как «противная». (Форма подтекста – семный код, способ – импликационал, функция – моделирование бессознательного по Фрейду).

Сравнение «*как песчинка*» (П1,Л 1957) в контексте «*тут он был уже наполовину спасен и понимал это: меньше подозрений, к тому же тут сильно народ сновал, и он стирался в нем, как песчинка*» представляет собой образ, передающий оценку размера и значимости Раскольникова в человеческом обществе, можно даже предположить определенную аллегорию в этом сравнении, то есть значение «ничтожный». (Семный код, импликационал, моделирование бессознательного).

« – Еще бы! – заметил, зевая, хозяин» – С., А. (П 1, Л 259), – коннотация, обусловленная восклицательным знаком и контекстом, определяется как крайнее выражение презрения. (Семный код первого уровня – коннотация, пунктуация). Акциональный код (второй уровень подтекста)– моделирует действие – «…заметил, зевая…» – которое и является контекстом, определяющим направленность экспрессии, выраженной восклицательным знаком. (Форма моделирования всей лексии: сочетание семного и акционального кодов, способы – импликационал, контекст, функция подтекста – игровая репрезентация (мысленное «разыгрывание» как представление движения героя: «говорит и зевает») и моделирование бессознательного (отношение говорящего к предмету речи – равнодушие с долей цинизма: паравербат выражает эмоцию, представляющую собой в данном контексте смесь «возмущения», которое передано восклицательным знаком и «равнодушия» – в словах «заметил, зевая»).

Данный способ языкового моделирования с помощью импликации путем включения в основное значение дополнительных компонентов – импликационала – можно отметить во всех тропах и риторических фигурах, во всех случаях применения паравербатов.

Все вышеприведенные примеры взяты нами из романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание», как из текста, который востребован и актуален для адресата в течение довольно значительного периода времени, и который, невзирая на изменения ценностных ориентиров и трансформации способов познания, произошедших в культуре (таких как, например, изменение информационных потоков: появление кино, телевидения, интернета), остается содержательным для познавательного процесса с точки зрения изучения «универсума человека».

На наш взгляд, нет необходимости отдельно, детально рассматривать приемы языкового моделирования на первом уровне подтекста в романе Б.Акунина «ФМ», поскольку они ничем не отличаются от языковых приемов Ф.М.Достоевского. В тексте Б.Акунина «ФМ» на первом уровне подтекста используются как коннотация и импликация, так и контекст, в равной мере отвечающие за создание невербализованного слоя значений художественного текста.

Отличия в применении языковых средств первого уровня подтекста, используемых авторами анализируемых текстов, будут рассмотрены в третьей главе нашей работы.

Таким образом, мы можем резюмировать, что первый уровень подтекста в романах Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ» является наиболее легко

извлекаемым имплицитным значением. Это обусловлено, во-первых, близким семантическим расстоянием между эксплицитными и имплицитными компонентами смысла, во-вторых, наличием индексов и маркеров в текстовом отображении, способствующих координированию восприятия в необходимом направлении, в-третьих, закрепленностью данного (дополнительного, переносного) значения в основном лексическом значении как его компонента, не выступающего на первый план восприятия. Основной формой моделирования имплицитного значения «художественного образа» на первом уровне подтекста является форма семного кода. Для образования имплицитного значения первого уровня подтекста используются следующие языковые средства: коннотация, импликация (на уровне импликационала), интралингвистический контекст. Извлечение значений первого уровня подтекста не требует слишком большого объема фоновых знаний адресата (внешней пресуппозиции). Уровень фоновых знаний требует лишь понимания эксплицитного выражения и понимания значений лексических единиц (слов, устойчивых словосочетаний и т.п.), и свойств паравербатов, а также способностей адресата с помощью контекста и нестандартного употребления языковых единиц находить их дополнительный смысл.

2.2.1.2.Языковые особенности образования значений второго уровня подтекста в романах Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ»

Второй уровень подтекста характеризуется большей, по сравнению с первым, сложностью извлечения имплицитного значения. Здесь подтекстовое значение может быть образовано не только на основе импликации дополнительных компонентов (в том числе коннотации) в отдельном слове или ближайшем контексте, но и на основе переосмысления совершенно, на первый взгляд, немаркированных языковых единиц. В данном случае значение образуется по четвертому способу в системе Ю.М.Лотмана (множественной внутренней перекодировки). Данный вид значений относится ко второму уровню подтекста, поскольку для его извлечения необходимо не только объединение множества текстовых элементов в единое смысловое целое, но еще и наличие общефоновых знаний у адресата, которые позволяют найти основание для подобного объединения. Чаще всего это происходит на основе интралингвистического контекста и внешней пресуппозиции. Также подтекст второго уровня может быть смоделирован всем комплексом известных языковых способов образования

имплицитного значения. Безусловно, коннотация и импликация занимают на этом уровне не последнее место. Отличие коннотации и импликации подтекста второго уровня от коннотации и импликации подтекста первого уровня состоит в невозможности выделить отдельное слово в категорию лексии. Как правило, лексема, обладающая имплицитной семантикой, оказывает воздействие на всю лексию и осуществляет смысловую редукцию, определяемую в соответствии с контекстом.

Второй уровень подтекста, как было сказано выше, обусловлен увеличением размера текстового пространства (семантического и текстового расстояния), необходимого для появления имплицитного значения. Таким образом, речь идет о лексиях, размер которых больше, чем одно слово (словосочетание).

На этом уровне в романах Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ» представлены все виды подтекстовых форм (кодов): семный, герменевтический, акциональный и референциальный; кроме того, наблюдаются как единичные кодовые значения в лексии, так и сочетания кодов.

2.2.2.Образование значения семного кода в романе Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание»

Из всех кодов Семный представляется наиболее характерным, «подтекстовым», поскольку с его помощью в восприятии формируются новые невербальные смыслы, относимые к понятийным значениям, а при извлечении этих смыслов из подтекста и переводе их в эксплицитную форму (или, собственно, номинации) семантический уровень мышления обогащается дополнительной единицей понимания – определенным понятием, образуемым на основе переосмысления значения эксплицитных смыслов, с учетом воздействия пресуппозиции, контекста, импликации и коннотации.

Как наиболее «подтекстовый», передающий дополнительное понятийное значение, этот код является формой передачи информации о дополнительных характеристиках глубины и полноты выстраиваемого с его помощью художественного образа (как в отношении визуализированного представления, так и в отношении понимания абстрактной сущности явлений и предметов), то есть «переводом в бессознательное».

С этим же кодом связано понятие сверхидеи и образа автора, но эти понятия относятся к более высокому уровню подтекста и будут частично рассмотрены в параграфе «третий уровень подтекста». С этой точки зрения очень актуальным является определение В.А.Звегинцева: «Семантика, в ведомство которой мы предварительно отнесем всю значимую систему языка ..., является конструирующим весь язык стержнем. Единицы разных уровней языка, естественно обладают разными видами семантики, или, как принято говорить, обладают значениями разного порядка» [Звегинцев 2007: 75].

По своей функции, которую семный код выполняет в процессе моделирования художественного образа, он соответствует, прежде всего, моделированию бессознательного (по Фрейду). При образовании имплицитного значения семного кода используются практически все языковые способы: импликация (импликационал и импликатура), коннотация, контекст и пресуппозиция. Отметим (для нашего исследование это весьма актуально), что в обоих романах образование значения второго уровня подтекста происходит с применением практически одинаковых языковых способов.

Рассмотрим это на конкретных примерах.

Так, имплицитное значение лексий семного кода второго уровня подтекста может быть образовано **с помощью коннотации**, как языкового способа моделирования.

В данном случае происходит переосмысление значения всей лексии на основе изменения восприятия с помощью одного коннотированного слова.

«*Были тут и многие разные причины, так что раньше шести недель Дуня никак не могла рассчитывать вырваться из этого ужасного дома*» - Р., С. (П1, Л674) – Лексия по большей части состоит из немаркированных языковых единиц, которые по отдельности не обладают скрытыми значениями – все лексемы: были, тут, многие, разные, причины и т.д. по тексту – не содержат ни экспрессии, ни эмоциональности, ни оценки, ни стилистической окрашенности. Исключениями являются два слова: эпитет «ужасного», и глагол «вырваться» (который приобретает экспрессивность уже в контексте). Эпитет «ужасный» обладает экспрессивной коннотацией не в значении прямой оценки физических характеристик дома, а в значении характеристик его психологической атмосферы (на основе внутритекстовой пресуппозиции), то есть в значении метафоры (здесь налицо компонент коннотации в эксплицитном выражении и импликации в переносном). С помощью этого эпитета, возникает неноминированное ощущение и упомянутой атмосферы, и страха Дуни, и сочувствия матери, то есть происходит переосмысление всего текстового отрезка – всей лексии. Эту

эмоциональную коннотативную составляющую дополняет глагол «вырваться», который, в свою очередь, обладает дополнительным значением «повышенного уровня стремления к перемещению из какого-либо места» - то есть обладает дополнительным значением экспрессии, усиленной в контексте. (Если провести эксперимент и убрать из все фразы эти лексемы: эпитет и экспрессивный глагол, - то значение изменится кардинально, из него исчезнет вся глубина (и психология, и страх, и сочувствие) моделируемого образа, все художественное изображение станет нейтральным, сухим, безэмоциональным: «были тут и многие разные причины, так что раньше шести недель Дуня никак не могла рассчитывать уехать из этого дома»). Таким образом, форма моделирования в данной лексии: семный и референциальный коды. Дополнительное значение семного кода образовано с помощью импликационала, который изменяет значение всего контекста. Референциальный код – код истории, которую рассказывает автор (в форме письма матери) – авторское знание. Способ моделирования референциального значения – контекст и пресуппозиция (внутритекстовая и внешняя). Функция подтекста – моделирование бессознательного (отношения матери к произошедшим событиям в жизни ее дочери: негативная оценка и передача эмоций, которые могут быть номинированы как «страх, сочувствие и надежда на лучшее»).

«*… то и разнесла всю историю, в короткое время, не только в городе, но и по уезду*» - Р., С. (П1, Л690). Все слова в этой лексии– нейтральные, не содержат коннотаций. Лишь одно слово - метафора «разнесла», в значении « разболтала, не сохранила в тайне, то есть поступила не по совести, и не в соответствии с представлениями о благородном поведение, которое обусловлено ее положением в дворянском сословии» - меняет вектор отношения не только к персонажу (Марфе Петровне), которая поступила не лучшим образом, но и передает значение, характеризующее оценку последствий действий Марфы Петровны для репутации сестры Раскольникова – Дуни. Это значение извлекается на основе внешней пресуппозиции, то есть знания о том, как тяжело человеку терпеть клевету. Таким образом, коннотация данной метафоры - негативная оценка. Форма моделирования – семный код (с помощью одного коннотированного слова) и референциальный код. Способ языкового моделирования семного кода – импликационал, референциального – интралингвистический контекст (сообщение об истории (судьбе Дуни) как авторское знание). Функция – моделирование бессознательного – ценностного отношения матери Раскольникова к Марфе Петровне, номинация которого может быть выражена следующим образом: « осуждение и порицание неблагородного поведения»

«*Кроме того, в оправдание Дуни, явились, наконец, и свидетельства слуг, которые видели и знали гораздо больше, чем предполагал сам господин Свидригайлов*». - Р., С. (П1, Л698). Значение меняет свой вектор с нейтрального описания на выражение облегчения от осознания справедливого решения вопроса с помощью вводного слова «наконец», которое, на первый взгляд, не обладает дополнительной семантикой (в значении вводного слова по данным словарей это может быть: 1) «выбор чего-нибудь возможного и допускаемого в ряду других», 2) «выражение недовольства, нетерпения» [ТСО]), но в восприятии адресата, поскольку слово многозначно, оно на интуитивном уровне воспринимается в первом значении (как наречия) «в конце чего-нибудь, длившегося, продолжавшегося, в конечном итоге» [ТСО]; это происходит в результате влияния интралингвистического контекста и внутритекстовой пресуппозиции. Извлеченное значение, которое может быть представлено в виде номинации «в конце мучений Дуни», образовано с помощью коннотации «выражение облегчения». Семный код, способ моделирования – импликационал. Референциальный код – сообщение об истории (авторское знание). Способ моделирования – контекст и внутритекстовая пресуппозиция. Функция семного кода – моделирование бессознательного.

«*…но зато вполне убедилась в невинности Дунечкиной*» - Р., С. (П1, Л703). Семный код появляется вместе с оговоркой «но зато», которая в данном контексте представляет собой « выражение удовлетворения от справедливости». Способ моделирования – импликационал. Референциальный код – как и в предыдущих примерах. Функция – моделирование бессознательного (удовлетворение – «зато»).

«*Он схватил шляпу и вышел*»– А., С. (П1, Л835) «…схватил …и вышел» – моделирование движения героя, в мысленном представлении вызывает зрительный образ движения. С помощью глагола «схватил», содержащего оценку скорости (дополнительную коннотацию) и контекста «*Он прилег головой на свою тощую и затасканную подушку и думал, долго думал. Сильно билось его сердце, и сильно волновались его мысли. Наконец ему стало душно и тесно в этой желтой каморке, похожей на шкаф или на сундук. Взор и мысль просили простору. Он схватил шляпу и вышел, на этот раз уже не опасаясь с кем-нибудь встретиться на лестнице; забыл он об этом*» (П1, Л832-836), моделируется некое душевное состояние, а не только торопливость, как это следует из общеязыкового значения. Таким образом, в данной лексии содержатся акциональный (способ моделирования - визуализация в восприятии движения героя, «разыгрывание сценария» как части определенного текстового «События») и семный коды (способ моделирования – импликационал + контекст) Функция – моделирование

бессознательного: «визуализация поведения персонажа, передающая внутренние душевные переживания».

«*Господин этот был лет тридцати, плотный, жирный, кровь с молоком, с розовыми губами и с усиками, и очень щеголевато одетый*» (П1, Л988) Коннотация содержится лишь в метафоре «жирный», но редуцирует бессознательное восприятие в направлении отрицательной оценочной коннотации ко всему «образу». Форма подтекста - семный код, способ – импликационал, функция – моделирование бессознательного по Фрейду.

«*Это, говорят, так и следует. Такой процент, говорят, должен уходить каждый год... куда-то... к черту, должно быть, чтоб остальных освежать и им не мешать*» (П1, Л1077) Семный код: значение предающее отношение героя – отрицательная оценочная коннотация с помощью экспрессивности выраженной в словах «к черту», способ образования – коннотация, контекст, паравербаты (многоточие как выражение задумчивости Раскольникова « куда-то… к черту»). Функция семного кода – моделирование бессознательного по Фрейду. Референциальный код - общеизвестные сведения из области социологии, способ образования - с помощью контекста («это, говорят, так и следует») и внешней пресуппозиции (социологические «теории» в обыденном представлении). Функция референциального кода - моделирование бессознательного по Юнгу (коллективного бессознательного).

Кроме того, имплицитное значение семного кода может быть образовано с помощью **контекста и пресуппозиции**. В этом случае происходит переосмысление значения всей лексии на основе множественной внутренней перекодировки всех элементов значения. Данный способ можно охарактеризовать на основе определения В.В. Борисовой и С.С.Шаулова: «…понимание есть… интеграция смысла. Оно предполагает также неслучайность любой детали в тексте и ее семантическую функциональность и целесообразность» [Борисова, Шаулов 2014: 16].

Приведем примеры:

«*Всё тело его было* ***как бы разбито; смутно*** *и* ***темно*** *на душе*» (П1, Л1269). В этой лексии присутствует сочетание двух кодов: референциального и семного. Значение первого сравнительного оборота («как бы разбито») можно с полным основанием отнести к референциальному коду. Хотя формально метафорическое значение, как дополнительное, является семным кодом, но в данном контексте оно является очень «стертой метафорой», которая, в силу частого употребления, в обыденном сознании имеет только один вариант значения: «болезненное состояние», - следовательно, воспринимается как очень близкое к эксплицитному выражению. Зато вторая метафора - «смутно и темно» - представляет собой

нестандартное употребление языковых единиц и в данном контексте может быть номинировано как «угнетенное состояние психики, угрызения совести и невыясненность всех аспектов своего духовного представления», которое передано с помощью вышеприведенной метафоры в очень «экономной» форме - два слова вместо тринадцати. При этом главным субъектом является значение « плохо», а вся остальная вышеприведенная формулировка является вспомогательным субъектом – импликационалом. Форма – семный код. Функция – моделирование бессознательного.

«*А уж Дарья Францевна, женщина* ***злонамеренная*** *и полиции многократно известная, раза три через хозяйку наведывалась*» – (П1, Л331) – в этой лексии так же сочетаются два кода: 1) референциальный – поскольку в лексии описывается, во-первых, известное автору качество героини и, во-вторых, читателю предоставляются сведения о совершенных ранее действиях « раза три наведывалась»; 2) семный - некоторые события, которые в общем контекстом окружении характеризуют хозяйку с отрицательной стороны («известная полиции», назойливая - «раза три наведывалась»), в сочетании с эпитетом «злонамеренная» предполагают дополнительное значение: «негодяйка», «подлая». Это значение усиливается для адресатов, обладающих суммой сведений обусловленных интралингвистическим контекстом и внешней пресуппозицией, то есть знанием того, что «известный полиции» не является положительной характеристикой. Для адресата, в фоновых знаниях которого данное значение отсутствует, семный код обусловлен только эпитетом «злонамеренная», который в эксплицитной форме обладает отрицательной оценочной коннотацией и номинация которого может быть представлена как «преднамеренно злая». Способ – импликационал. Функция – моделирование бессознательного.

В лексии «*Помню, батюшка, очень хорошо помню, что вы были, – отчетливо проговорила старушка, по-прежнему не отводя своих вопрошающих глаз от его лица*» – А., С. (П1, Л86) – дополнительное значение образуется на основе переосмысления фразы в соответствии с внешней пресуппозицией (в фоновых знаниях адресата содержатся сведения о том, что если кто-то долго не отводит взгляд, значит он слишком заинтересован данным предметом) и внутритекстовой пресуппозицией (ранее в тексте уже говорилось, что «*жилица оглядывала из щели пришедшего с видимым недоверием*» (Л74) и «*в ее глазах мелькнула вдруг опять прежняя недоверчивость*» (Л83)). Номинировать имплицитное значение здесь можно следующим образом: «Старушка говорит, что помнит посетителя, говорит очень четко, потому что недоверяет посетителю, смотрит на него внимательно и вопросительно, словно хочет

спросить о чем-то, но боится и не решается спросить прямо». Акциональный код визуализирует образ (разыгрывает действие) с помощью контекста: смотрит, говорит. Семный код (значение «боится, недоверяет») моделируется с помощью контекста и внутритекстовой пресуппозиции. Функция – моделирование бессознательного и «разыгрывание сценария».

«*…на этот раз уже не опасаясь с кем-нибудь встретиться на лестнице; забыл он об этом*». - Р., С. (П1, Л836). «Забыл он об этом» - переосмысление фразы происходит в рамках контекста и внутритекстовой пресуппозиции (как упоминалось в одном из предыдущих примеров: моделируется некое душевное состояние), в дополнительном значении передается не факт забывчивости, а последствия этого душевного состояния (в медицине это называется запредельное торможение, в психологии - фокусирование внимания на одной какой-то важной проблеме под влиянием сильной эмоции). Значит, дополнительное значение семного кода образуется на основе внешней пресуппозиции (общефоновых знаний), внутритекстовой пресуппозиции и контекста. Референциальный код – авторское знание – внешняя пресуппозиция и контекст. Функция – моделирование бессознательного.

Идентичные значения способы и функции языкового моделирования, можно наблюдать и в лексии «*… как будто торопясь туда за делом, но, по обыкновению своему, шел, не замечая дороги, шепча про себя и даже говоря вслух с собою, чем очень удивлял прохожих. Многие принимали его за пьяного*» – Р., С. (П1, Л.838).

В другом примере: «*Правда, ему уже сорок пять лет, но он довольно приятной наружности и еще может нравиться женщинам, да и вообще человек он весьма солидный и приличный*» - Р., С. (П1, Л727), - немаркированные значения большей части лексем, переосмысляются в контексте, где вводное слово «правда» является не просто оговоркой, а оговоркой «по Фрейду», то есть содержит невербализованные мотивы говорящего. Как вводное слово, оно представлено в эксплицитном виде, но, в то же время, наличие в его содержании этимологического подтекста (определяемого в антонимической паре значений «правда\ложь») передает бессознательное ощущение неловкости со стороны матери Раскольникова. Именно потому, что употреблена данная лексема (отметим, что его можно было заменить любым другим вводным словом: «только», «хотя» и т.п.), в восприятии присутствует и ее этимологическое значение. Здесь «правда» может иметь значение «оправдания» со стороны матери, подсознательного стремления обмануть сына (Раскольникова) и неосознанного «сообщения» об этом в подтексте. Таким образом, мать Раскольникова непреднамеренно «проговаривается» об истинном своем отношении к жениху и о своей попытке обмана. На этом

фоне эпитеты «солидный» и «приличный», в общеязыковом значении обладающие коннотацией положительной оценки, редуцируются в восприятии вплоть до противоположного. То есть функцией подтекста в данной лексии является моделирование бессознательного (по Фрейду). Способ моделирования – контекст. Формы – семный и референциальный коды.

«*А Петр Петрович, по крайней мере по многим признакам, человек весьма почтенный*» – Р., С. (П1, Л733). Дополнительное значение образовано с помощью избыточности в языковом обороте « *по крайней мере по многим признакам*». С помощью смыслового повтора текст сигнализирует о нестандартности языкового употребления и содержащейся в этой нестандартности дополнительной семантической нагрузки. Мы можем номинировать это скрытое значение как « неизвестно каков он на самом деле, этот Петр Петрович, но формально, и нам хотелось бы, чтобы это было так, он человек положительный и хороший, хотя мы и не верим в это, и, скорее всего, обманываемся на его счет». Дополнительное значение в этом нестандартном языковом употреблении является способом моделирования подтекста с помощью контекста. Референциальный код такой же, как и в предыдущем примере. Функции – моделирование бессознательного.

«*…но во многом разделяет, как он сам выразился, "убеждения новейших поколений наших" и враг всех предрассудков*» - Р. С. (П1, Л735). Союз «но», в контексте с предыдущей лексией «*В первый же свой визит он объявил нам, что он человек положительный*» редуцирует значение всей лексии вплоть до противоположного. Извлекаемое в данном контексте, благодаря нестандартному употреблению союза «но», значение лексии можно номинировать следующим образом: «Петр Петрович считает, что положительный человек не может разделять убеждения современной молодежи, а должен следовать узаконенной в обществе системе старых моральных ценностей, которые молодежью считаются предрассудками, но он хочет казаться «положительным человеком» и старается сделать так, чтобы в среде молодых людей его считали «своим». В данном контексте при «внимательном прочтении» выявляется ложный силлогизм и логическая ошибка: если «положительный» человек не должен разделять этих взглядов, но разделяет – следовательно, он уже не «положительный», и это поведение в рамках культуры и морали определяется как «лицемерие». Семный код, способ моделирования – импликационал и контекст. Референциальный код – авторское знание, и знание обыденное – внешняя пресуппозиция. Функция – моделирование бессознательного (по Фрейду – в семном коде, по Юнгу – в референциальном).

«*кажется, добрый*» – Р., С. (П1, Л741). Дополнительное значение вводного слова «кажется» обусловлено контекстом, как присутствием этимологического значения лексемы и нестандартным употреблением в качестве вводного слова. Из общепринятых представлений о морали мы можем утверждать, что добрый человек не может таковым казаться, он может только на самом деле быть добрым. «Кажется» в этом контексте приобретает признак скрытой многозначности и возможность восстановления этимологически первичного значения «мерещится» [ТСО], «обманывает», «неправда», то есть здесь наблюдается своеобразная языковая игра. Учитывая дальнейшее развитие этого слова и его антономасию в последующем тексте, эта игра слов представляется небеспочвенной (в лексиях 855-857: *«"**кажется,** доброго", как замечает сама Дунечка. Это кажется всего великолепнее! И эта же Дунечка за это же **кажется** замуж идет*!»). Форма - семный код, способ моделирования – контекст и импликационал. Функция – языковая игра как моделирование бессознательного (по Фрейду).

«*Конечно, ни с ее, ни с его стороны особенной любви тут нет*» - Р., С.(П1, Л744). Значение слова «особенной» в сочетании с общепринятым понятием «любви» как некоего абсолютного критерия чувств – обозначает, что «никакой любви нет вообще». Семный код, способ - с помощью контекста. Референциальный – код обыденного знания, способ образования значения - внешняя пресуппозиция. Функция – моделирование бессознательного (по Фрейду и по Юнгу).

«*…и он, наверно, без лишних слов, сам предложит*»– Р., С. (П1, Л785). Референциальный код - история сватовства, способ – контекст, функция моделирование бессознательного по Юнгу. Семный код моделируется с помощью внешней пресуппозиции и контекста (употребление вводного слова «наверно» и его этимологическое значение в подобном контексте передает неуверенность не только в самом предполагаемом факте (или действии), но и в личности героя, о котором идет речь). Функция – моделирование бессознательного по Фрейду.

«(*еще бы он в этом-то отказал Дунечке)*» - Р., С.(П1, Л786). Референциальный код – обыденное знание: «не принято в приличном обществе отказывать невестам в помощи», способ образования значения – внешняя пресуппозиция. Семный код: «еще бы» и «в этом-то» номинируются как «праведное негодование и предвосхищение отказа жениха , а также предположение (практически уверенность) в низком уровне его моральных качеств». Способ моделирования – коннотация нестандартного употребления в контексте. Функции подтекста – моделирование бессознательного (по Юнгу в Референциальном коде, по Фрейду – в Семном).

Примером образования значения подтекста только из **внешней пресуппозиции** могут быть лексии, в которых описываются симптомы определенных явлений или состояний. Если эти симптомы знакомы адресату, то они несут в себе определенный смысл, являясь отгадкой на зашифрованную с их помощью определенную текстовую загадку.

Так, в лексии «*Ни за что на свете не пошел бы он теперь к сундуку и даже в комнаты*» (П1, Л1786) извлекаемое значение «страха и отвращения» формируется только на основе внешней пресуппозиции, поскольку только человек, уже встречавшийся с ужасом смерти (в действительности или в процессе изучения других художественных текстов, что в данном случае еще раз подтверждает их предназначение для целей познания), может определить причину подобного поведения героя.

Или, например в лексии «*хотел было улыбнуться, но вдруг подбородок его запрыгал*» (П1, Л417) для того, чтобы извлечь значение «хотел обмануть, но не смог сдержать выражение своих чувств» – адресату необходимо знать, что подобный симптом свидетельствует о крайней степени волнения и желания сдержать слезы, то есть имплицитное значение может быть извлечено только на основе внешней пресуппозиции.

Имплицитное значение из лексии «*велела же тебя обнять крепче и переслать тебе бессчетно поцелуев*» (П1, Л810) извлекается также на основе внешней пресуппозиции, где адресат должен знать, что подобная форма является формой завершения письма (как жанра) и выражает добрые чувства адресанта письма к его адресату.

Сочетание внешней пресуппозиции с интралингвистическим контекстом наблюдается в следующих лексиях: «*Он сдернул петлю и поскорей стал разрывать ее в куски, запихивая их под подушку в белье*» (П1, Л2021), где лексема «запихивая» обладает негативной коннотацией очень близкой по значению словосочетанию «засовывать с отвращением» и в контексте приобретает еще и импликацию «в панике». Здесь значение извлекается из внешней пресуппозиции, то есть знания адресата о том, что если не скрыть улики , то героя ждет неминуемое разоблачение, и из интралингвистического контекста, когда становится понятно, что герой опасается этого разоблачения; «*он встал было на ноги, повернулся в своей каморке и упал опять на диван*» (П1, Л1418) – состояние героя моделируется на основе интралингвистического контекста (ранее в тексте неоднократно отмечалась впечатлительность, совестливость и чувствительность героя) и внешней пресуппозиции (знания о том, что человек,

у которого есть совесть и сочувствие, не может быть равнодушным убийцей, поэтому переживает и иногда настолько сильно, что даже не может двигаться).

Таким образом, мы можем резюмировать, что семный код как один из самых «подтекстовых», присутствует в обоих романах: Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ». Способами образования значения здесь являются все языковые средства: коннотация, импликация, контекст и пресуппозиция. Функциями его в художественном тексте являются, прежде всего, моделирование бессознательного по Фрейду, как неосознаваемого плана содержания в отношении глубины и полноты художественного образа.

2.2.3.Образование значения референциального кода в романах Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ»

Рассмотрим теперь способы моделирования с помощью референциального кода.

Код референций как простого знакового выражения отмечен и назван так в работах Э. Сепира [Сепир 1993: 205]. По определению Умберто Эко: «Упоминание или референция есть функция использования выражения» [Эко 2013: 1964]. Об этом же говорит и Н.Н.Михайлов: «отношения между лингвистическими знаками, использованными в сообщении, и соответствующими реалиями…. принято называть референциальными (от англ. «to refer» – указывать на что-то), поскольку считается, что они указывают на предмет или явление объективной реальности, «представленные» в данном тексте данным знаком» [Михайлов 2006: 41].

Учитывая то обстоятельство, что в художественном тексте имплицитный смысл закодирован определенным образом (вторичным моделированием), то референциальный код в этом плане как раз и вызывает в восприятии интуитивное ощущение чего-то уже известного. То есть референция - это простое упоминание в тексте какого-то уже известного автору или читателю (или обоим) факта (или сообщения). С этой точки зрения, референциальный код является формой подтекста, наиболее близкой к эксплицитной форме передачи информации. Это код некоего абсолютного знания: авторского или всеобщего. В свою очередь, авторское знание состоит из: 1) передачи всем известного, общедоступного знания и обыденных сведений, 2) сообщение нового знания (авторская дефиниция). Всеобщее знание условно можно

подразделить на: 1) интертекст, 2) философски-бытовое (общекультурное) знание, 3) научное знание (в пределах доступных пониманию).

У референциального кода в художественном тексте две функции: 1) функции сообщения, как информация о чем-то уже известном, 2) функции предоставления удовольствия, как одна из функций игровой деятельности, связанная с категорией «узнавания» уже известного [Кузьмина: 16].

В исследовании Р.Барта «S/Z» перечислены следующие разновидности референциального кода: 1) гномический код - универсальный код человеческой мудрости (**Гно́ма** (др.-греч. γνώμη — мысль, мнение) — нравоучение, образное изречение, выражающее некий философский смысл или правило мудрости) [СИС]; 2) код этнической психологии; 3) код литературы (а также истории литературы); 4) общая психология (и психология художника); 5) риторический код (портрет и др. жанры риторики); 6) искусство; 7) история; 8) мифология; 9) пословичный код; 10) эвфемизмы; 11) код женитьбы; 12) хронология;13) стереотипы; 14) блазон (**Блазон** - (от фр. **blason** - щит) обозначает устное или письменное описание элементов, составляющих герб) [СИС]; 15) типология женщин; 16) психология влюбленных и т.п.

Все эти виды являются в первую очередь авторским знанием.

В свою очередь авторское знание может можно охарактеризовать с точки зрения следующей парадигмы:

а) фоновое, в которое входят: 1) бытовое (хронология, обряды, стереотипы), 2) философско-мировоззренческое (литература, пословичный код, гномический код, эвфемизмы), 3) научное (по разным направлениям науки: биология, физиология, все виды психологических кодов, сведения медицинского характера, сведения из истории, социологии и т.п.), 4) общекультурное (учитывающее среднестатистический уровень познания: искусство, мифология, риторика, блазон и т.п.) знание);

б) «интертекст» - как элементы, заимствованные из тех текстов, авторство которых известно или, по крайней мере, предполагается,

в) художественную дефиницию, которая, по определению О.Ткаченко, «…может соотноситься с определяемым понятием и изменять его общеязыковое значение как напрямую, так и опосредованно» [Ткаченко 2011: 126] и является способом моделирования нового понятия и (или) изменения вектора ценностного отношения к уже известному понятию.

Отличительной особенностью референциального кода в художественном тексте является тот факт, что все что сказано (от первого до последнего слова) – сказано определенным

субъектом – автором (это может быть и коллективный автор как в случае народного эпоса). Категория подтекста, выраженного понятием «голос автора», присутствует во всех видах кодов только на том основании, что автор все это придумал, написал, воплотил в данной языковой модели. Поэтому все, что сказано в художественном тексте – это подтекст, в котором незримо присутствует субъективное начало, некий «демиург», по определению М.М.Бахтина, который словно «проговаривает» этот текст [Бахтин 2000: 206-226].

Соответственно, подтекстовое значение «голос автора» присутствует вообще во всех лексиях. Это совершенно определенным образом отражено в работе Ю. Кристевой: «…субъект рассказывания, названный нами трансцендентным субъектом, скрывается прежде всего за самим процессом рассказывания. ... Психоаналитики (Лакан) подметили тот факт, что субъект рассказывания всегда маскирует себя под субъект готового высказывания (и наоборот)» [Кристева 2004: 555].

Обратимся к примерам.

«Квартирная же хозяйка его, у которой он нанимал эту каморку с обедом и прислугой, помещалась одною лестницей ниже, в отдельной квартире, и каждый раз, при выходе на улицу, ему непременно надо было проходить мимо хозяйкиной кухни, почти всегда настежь отворенной на лестницу». (П1, Л8) – голос автора в данной лексии обнаруживается в самом факте того знания, которое предоставляется читателю, как некий отвлеченный голос истины, голос передающий «достоверную» информацию. Отметим, что никто кроме автора, который все это придумал, не может этого знать, но, поскольку форма передачи информации здесь – моделирование информационного сообщения (то есть нет субъекта, кроме автора, которому можно передать функцию рассказывания), на этом основании оно может быть отнесено только к авторскому знанию.

Пример другой формы знания: *«А впрочем, я слишком много болтаю. Оттого и ничего не делаю, что болтаю. Пожалуй, впрочем, и так: оттого болтаю, что ничего не делаю. Это я в этот последний месяц выучился болтать*» (П1, Л19) – эта лексия передает информацию от имени героя повествования, но, поскольку герой является художественным образом как ментальным созданием автора, здесь можно определить только авторское знание. Как и в описательных лексиях: *«…в тонких чертах молодого человека. Кстати, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен*» (П1, Л29)

Аналогичные описательные лексии встречаются и в романе Б.Акунина: «*Росту пониже среднего, полноватый и даже с брюшком, без усов и без бакенбард, с плотно выстриженными волосами на большой круглой голове, как-то особенно выпукло закругленной на затылке. Пухлое, круглое и немного курносое лицо его было цвета больного, темно-желтого*» (П2, Л9), а также в лексии «*Взгляд этих глаз как-то странно не гармонировал со всею фигурой, имевшею в себе даже что-то бабье. Однако же те, кто знал Порфирия Петровича по службе, не обманывались округлостью его неспешных движений и плавной вкрадчивостью речей. Да и новые сослуживцы уж успели заметить, что человек он толковый, хотя и не без странностей*» (П2, Л11)

Такие же значения можно извлечь в следующих лексиях: П1 - № 37, 58, 76, 78, 81, 91, 95 и т.п.; П 2 - № 12, 16, 21, 28, 30, 45-48, 80, 88, 96, 106, 107, 110, 145, 148, 154, 159, 211, 212, 217, 220, 222 и т.д.

К референциальному коду относятся и все лексии, содержащие компоненты цитации (прямой или опосредованной) из других текстов. Это - так называемый «интертекст». По определению Ю. Кристевой: « всякое поэтическое означаемое отсылает к множеству иных дискурсных означаемых, и поэтому в любом поэтическом высказывании можно прочесть сразу несколько иных дискурсов. ... Мы будем называть такое пространство **интертекстом**» [Кристева 2004: 270].

Вставные образы из других текстов призваны повторить то впечатление, которое было оказано на адресата в прототексте, вызвать такие же ассоциации в связи с изображаемыми в художественном тексте событиями, то есть эти интертекстовые включения соответствуют по функции той же коннотации, только формой моделирования дополнительного (имплицируемого) значения выступают уже испытанные ранее адресатом впечатления от других текстов. В отношении способа языкового моделирования, применяемого для понятия интертекста, мы можем говорить о понятии **импликатуры** как включения довольно значительного объема (прототекста) дополнительного значения.

Стоит отметить, что «интертекст», в понимании заимствования литературных текстов, очень часто принадлежит и к области семного кода если используется как своеобразная отсылка к смыслу прототекста, как напоминание о впечатлении оставшемся после прототекста. «Отсылка к тому или иному произведению потенциально влечет активизацию той информации, которая содержится в этом исходном тексте или «прототексте», и актуализация которой

приводит к образованию нового смыслового симбиоза – «интертекста» или «текста в тексте» [Олизько 2000: с.131].

Подобные примеры можно найти в обоих текстах. Так в романе Ф.М.Достоевского встречаем цитату из какой-то, по-видимому, известной в его время песенки: « *Целый год жену ласкал, \\ Цел-лый год же-ну лас-кал..*» (П1, Л154) *« По Подьяческой пошел, \\ Свою прежнюю нашел...*» (П1, Л156). Функция референции в данной лексии – моделирование как «разыгрывание» сценария (изображаемая с помощью цитаты визуализированная «картинка» вызывает в восприятии образ поющего человека, то есть производящего определенное действие), и моделирование бессознательного по Юнгу (коллективного бессознательного), в котором представлен образ современного Ф.М.Достоевскому фольклора, как илюстрации присущего роману колорита определенной исторической эпохи. Способами моделирования в данном случае являются импликатура (как имплицитное включение большого отдельного фрагмента интертекста) и контекст: интралингвистический - как значение сопутствующее и проявляемое в контексте, окружающем цитату, и экстралингвистический - знание фольклора 19 века.

Цитаты из Евангелия: "*Се человек*!" (П1, Л235) [Гладков 2011] и опосредованные цитаты, имитирующие евангельские тексты: «*Приидет в тот день и спросит: "А где дщерь, что мачехе злой и чахоточной, что детям чужим и малолетним себя предала? Где дщерь, что отца своего земного, пьяницу непотребного, не ужасаясь зверства его, пожалела?"*»; «*И скажет: "Приди! Я уже простил тебя раз... Простил тебя раз... Прощаются же и теперь грехи твои мнози, за то, что возлюбила много..."»; «И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: "Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!" И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: "Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!" И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: "Господи! почто сих приемлеши?"»; «И скажет: "Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего..."*» (П1, Л №№ - 470, 471, 475, 476). Функция данных импликатур – моделирование бессознательного во всех проявлениях. По Юнгу – как коллективного бессознательного, определяющего ценностное отношение, принятое в данном типе культуры (в данном случае в православии) как отношение сочувствия к человеку опустившемуся. По Фрейду – моделирование путем приведенной цитаты отношения отца к себе и своей дочери, который таким образом пытается оправдать себя и защитить любимую дочь.

Пример опосредованной цитаты находим в лексии «*но я все-таки знаю, что сестра моя скорее в негры пойдет к плантатору или в латыши к остзейскому немцу*» (П1, Л905), в данном случае импликатура общепринятых в культуре представлений « негр на плантации - раб», «латыш – слуга (раб) остзейских немцев», служит цели (выполняет функцию) построения художественного образа (моделирования) сестры Раскольникова Дуни (бессознательное по Юнгу) и моделирования отношения Раскольникова к сестре (бессознательного по Фрейду) как закодированного в подтексте отношения не только уважения к Дуне, но и гордости за нее (и, отчасти, за себя).

Все вышеприведенные цитаты в использовании способов импликатуры выполняли функцию не только «узнавания» известных текстов, но и функцию формирования определенного ценностного отношения к изображаемым событиям. Поэтому в них помимо референциального обнаруживался и семный код (некое новое понятие). Формой подтекстовых значений в данном случае будет сочетание референциального и семного кодов. В данном случае семный код является надстраиваемым над референциальным кодом, и таким образом представляет собой третью степень кодирования - $Р^{С}$.

Но если интертекст заимствуется из очень известных текстов (например, из литературных произведений которые не только изучаются в школе, но и становятся объектами частых цитаций, экранизаций и т.п., то есть переходят в разряд сначала речевых «клише», а потом и речевых «штампов»), то в этом случае интертекст относится только к области референциального кода. В такой форме он, скорее всего, выполняет роль стимула познавательного процесса как получения удовольствия от моделирования очень легковоспроизводимых в мысленном представлении из-за факта известности, «образов». Особенно это распространено в массовой литературе, когда узнавание известных текстов, доставляет читателю довольство собой.

Например, упоминаемая в романе Б.Акунина цитата из очень известной песенки: «…*про чижика-пыжика, что выпил рюмку, выпил две, зашумело в голове*» (П2, Л244), на определенном этапе познания воспринимается как речевой штамп и вызывает в восприятии негативную оценку всего текста (как предназначенного для адресата, обладающего невысоким уровнем познания), но адресату с невысоким уровнем познания (например, ребенку) вполне может доставлять удовольствие от сознания своей «образованности», как узнавание «известного» текста.

Кроме того, стоит отметить еще одну особенность референциального кода. В определенных контекстах в качестве референциального можно рассматривать единицы, которые формально принадлежат области семного кода.

Приведем примеры.

«*Никакой хозяйки, в сущности, он не боялся, что бы та ни замышляла против него. Но останавливаться на лестнице, слушать всякий вздор про всю эту обыденную* ***дребедень*** (выделено мной – А.Е)*, до которой ему нет никакого дела, все эти приставания о платеже, угрозы, жалобы, и при этом самому изворачиваться, извиняться, лгать,…*» (П1, Л12)- коннотация оценки, присутствующая в метафоре «дребедень», по формальным признакам является семным кодом, но в данном контексте, представляется метафорой очень стертой, и относящейся лишь к содержанию речи второстепенного персонажа, который в данный момент не является основным объектом внимания автора художественного текста (рассказ идет о главном герое, имени которого мы пока еще не знаем). Таким образом, эта метафора воспринимается на едва осознаваемом уровне мышления, а присутствие в ее значении коннотации негативной (пренебрежительной) оценки, сравнимо с незначительной редукцией смысла референции, как информации о содержании разговоров главного героя с хозяйкой.

Аналогичное значение находим в лексии «*Сверху, под белою простыней, лежала заячья шубка, крытая красным гарнитуром; под нею было шелковое платье, затем шаль, и туда, вглубь, казалось всё лежало одно* ***тряпье*** (выделено мной – А.Е)» (П1, Л1744)- оценочная коннотация «тряпье» в данном случае воспринимается как очень смутный, почти неосознаваемый компонент. Непосредственно к действию романа она относится как область изобразительного внешнего ситуативного контекста романа: «тряпье» лежит в сундуке, и, таким образом, представляет собой область референциального кода.

Еще один пример подобного имплицитного значения: «*Полы только что окрашены, среди комнаты стоят* ***кадочка*** *и черепок с краской и с* ***мазилкой***» (выделено мной – А.Е.) (П1, Л1939)- оценка размера предметов не является в данном случае семным кодом, относится к области «изображения» - референции, то есть к референциальному коду.

Точно такое же значение находим в романе Б.Акунина «*…кое-что надобно было подправить и подкрасить, прибавить* ***уютца****, а самое головоломное — найти место для книг,* ***покамест*** *лежавших в коробках. Прежний жилец обходился одним-единственным* ***шкапом****, в котором содержались лишь пыльные тома с законоуложениями*» (выделено мной – А.Е.) (П2, Л3). Здесь стилистические вкрапления не содержат нового смысла в отношении темы романа, а

лишь напрямую иллюстрируют способ мышления главного героя романа Б.Акунина «ФМ» (напомним, что главным героем романа является не Раскольников, а Порфирий Петрович) – здесь также присутствует только референциальный код – код изображения обстановки (живописный код) и образа мыслей героя (код авторского знания – голос автора) (Р.).

Безусловно, по формальным признакам и в этих лексиях есть код дополнительного значения (коннотации) и, следуя формальной логике, можно и в них найти отголоски семного кода, но интуитивно определяется в первую очередь значение простой референции (изображения окружающего контекста) и лишь интерферентно (аналогично затухающим колебаниям в физике), почти на уровне математической погрешности, присутствует дополнительное значение. На этом основании мы не станем относить эти лексии (и им подобные) к семному коду, хотя формально это, безусловно, возможно. (Напомним, что анализ производится методом интроспекции, и на этом основании актуальность выбора значения определяется на уровне интуиции адресата, то есть иррационально, соответственно уровню познания).

Особый случай референциального кода представляет собой художественная дефиниция (в определении О.Ткаченко). Художественные дефиниции как форма подтекста (референциальный код – авторское знание) встречаются в обоих исследуемых романах.

Приведем несколько примеров.

«*Любопытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они всего больше боятся...*» (П1, Л18).

«*Бывают иные встречи, совершенно даже с незнакомыми нам людьми, которыми мы начинаем интересоваться с первого взгляда, как-то вдруг, внезапно, прежде чем скажем слово*» (П1, Л172).

«*… – бедность не порок, это истина. Знаю я, что и пьянство не добродетель, и это тем паче. Но нищета, милостивый государь, нищета – порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто*» (П1, Л198).

«*Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти. Ибо бывает такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти!*» (П1, Л226).

«*Милостивый государь, милостивый государь, ведь надобно же, чтоб у всякого человека было хоть одно такое место, где бы и его пожалели!*» (П1, Л249).

«*В болезненном состоянии сны отличаются часто необыкновенною выпуклостию, яркостью и чрезвычайным сходством с действительностью. Слагается иногда картина*

чудовищная, но обстановка и весь процесс всего представления бывают при этом до того вероятны и с такими тонкими, неожиданными, но художественно соответствующими всей полноте картины подробностями, что их и не выдумать наяву этому же самому сновидцу». (П1, Л1133).

«*Чудак же в большинстве случаев частность и обособление, так что в «типические характеры» Порфирий Петрович никак не подходил*» (П2, Л213).

«*Из этой истории следует, что человеку ни в каком возрасте не следует ставить на жизни крест, ибо все еще может повернуться*» (П2, Л223).

Во всех вышеприведенных цитатах можно отметить совершенно особый, не характерный для общей культурной традиции взгляд на определенную проблему, выраженный от имени автора. Подобные изменения вектора ценностного отношения, являются способами прямого прагматического и риторического воздействия в художественном тексте. «Голос автора» в них наиболее заметен и наиболее легко извлекается из подтекста именно за счет нестандартного мнения (оценки), отличающегося от общепринятого.

Кроме того, в категорию референциального кода мы относим и все лексии, в которых передаются смыслы, соответствующие общепринятому в культуре значению. Данный тип значений с полным основанием можно отнести к референциальному коду «обыденного бытового знания». Например:

«*Он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посовестился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу*» (П1, Л35). Извлекаемое значение, основанное на внешней пресуппозиции, «приличные, уважающие себя люди таких лохмотьев не носят» (в этой лексии, как упоминалось ранее, содержится еще и семный код, передающий понятие «бедность», но он является надстраиваемым, то есть его значение извлекается из имплицитного значения референциального кода как кода второго уровня (который мы сейчас рассматриваем), и это надстраиваемое значение принадлежит к третьему уровню подтекста).

«*В подобных мелких квартирах таких домов почти всё такие звонки*» (П1, Л68). Значение извлекается из внешней пресуппозиции – знания о подобных квартирах и их звонках.

«"*Это у злых и старых вдовиц бывает такая чистота", – продолжал про себя Раскольников*» (П1, Л100) – бытовое общекультурное суждение, вложенное автором в уста героя, основано на внешней пресуппозиции.

« *– Сайку я тебе сею минутою принесу, а не хошь ли вместо колбасы-то щей? Хорошие щи, вчерашние*» (П1, Л587) – бытовое знание о культуре (продукты и блюда принятые в русской культуре).

«*Вот-с, батюшка: коли по гривне в месяц с рубля, так за полтора рубля причтется с вас пятнадцать копеек, за месяц вперед-с. Да за два прежних рубля с вас еще причитается по сему же счету вперед двадцать копеек. А всего, стало быть, тридцать пять. Приходится же вам теперь всего получить за часы ваши рубль пятнадцать копеек*» (П1, Л 122) – бытовое знание о денежных мерах и принципах расчетов; «*Берут с собою одну бабу, толстую и румяную. Она в кумачах, в кичке с бисером, на ногах коты, щелкает орешки и посмеивается*» (П1, Л 1179) – бытовое знание о внешнем облике русской «бабы».

«*Хотя, с другой стороны, что ж странного? Если полицейский чиновник в неурочное время без стука врывается в кабинет пристава следственных дел, хорошего не жди*» (П2, Л23); «*Начальству ведь все равно – был свидетель, не было, лишь бы дело закрыть и отрапортовать*» (П2, Л61); «*На ростовщичестве много нажиться можно, особенно если сердца не иметь*» (П2, Л89); «*Старухи, особливо жадные, удивительно неохочи духовную писать. Желают проживать вечно-с*» (П2, Л92); «*Легко сказать! Приезжий чиновник был в генеральском чине, лично известен государю. Да если такой человек, находясь на ревизии, отдаст Богу душу в хоть сколько-то подозрительных обстоятельствах – беда. Взамен нагрянет целая следственная комиссия и камня на камне не оставит*» (П2, Л260); «*ибо как же иначе – такой большой человек скоропостижно скончался*» (П 2, Л276);«*Какому же начальству понравится чиновник, который чуть что в столицы пишет и комиссии призывает?*» (П2, Л308).

Все значения, извлекаемые из подобных «цитаций» общеизвестных культурных стереотипов, формируются на основе внешней пресуппозиции как суммы сведений, уже имеющихся у адресата. Если во внешней пресуппозиции адресата данных сведений до момента знакомства с текстом не было, то подобные значения предстают в качестве авторской дефиниции как определения нового знания о предмете. Функцией подобных общекультурных лексий референциального кода является моделирование бессознательного по Юнгу (коллективного бессознательного как суммы сведений закрепленных в ценностных представлениях данного типа культуры).

Референциальный код, выраженный в некоторых лексиях, извлекаемое значение которых приближается к мировоззренческим определениям и формулированию ценностных ориентиров

данного типа культуры, в художественном тексте можно классифицировать как философское знание.

Примерами могут служить следующие лексии: «*Так не на земле, а там... о людях тоскуют, плачут, а не укоряют, не укоряют*» (П1, Л447); «*А что там какие-нибудь неровности в характере, какие-нибудь старые привычки и даже некоторое несогласие в мыслях (чего и в самых счастливых супружествах обойти нельзя)*» (П1, Л751, 752); «*Дело ясное: для себя, для комфорта своего, даже для спасения себя от смерти, себя не продаст, а для другого вот и продает! Для милого, для обожаемого человека продаст! Вот в чем вся наша штука-то и состоит: за брата, за мать продаст! Всё продаст! О, тут мы, при случае, и нравственное чувство наше придавим; свободу, спокойствие, даже совесть, всё, всё на толкучий рынок снесем.»* (П1, Л908, 909); *«Мало того, свою собственную казуистику выдумаем, у иезуитов научимся и на время, пожалуй, и себя самих успокоим, убедим себя, что так надо, действительно надо для доброй цели*» (П1, Л912); *« И прострет к нам руце свои, и мы припадем... и заплачем... и всё поймем! Тогда всё поймем*!..» (П1, Л477).

Примеры научного знания в художественном тексте – явление нехарактерное в силу причин, рассмотренных нами в первой главе нашего исследования, поскольку научное знание либо оперирует терминами как наиболее компактными и емкими языковыми единицами, являющимися агнонимами для большинства адресатов художественного текста, либо использует высокую степень избыточности для ограничения и конкретизации однозначных, научных понятий. Поэтому все встречающиеся в художественных текстах научные термины чаще всего используются чисто с иллюстративной или стилистической целью. Следует отметить, что в выбранном отрывке текста Ф.М.Достоевского нами не обнаружено значений референциального кода, передающих специализированное научное знание (ни в виде терминов, ни в виде расширенного избыточного описания научных понятий). В тексте Б.Акунина данный вид референциального кода выполняет скорее декоративно-стилистические функции (хотя, для наивного адресата подобные сведения могут содержать определенную ценность).

Например.

«*Знаете такое слово?- От латинского intuitio, что означает «постижение истины, неопосредованное логикой»,- блеснул Заметов, показывавший дорогу*» (П2, Л161).

«*Учинили вскрытие, при котором присутствовали чуть не все городские врачи. Определили causa mortis — разрыв сердечного мускула, и все подписались под соответствующим документом*» (П2, Л267).

Таким образом, следует отметить, что способами образования значений референциального кода во всех случаях являются, прежде всего, внешняя пресуппозиция и контекст. Функцию его можно определить как моделирование бессознательного по Юнгу. Разницы по способам образования подтекстового смысла и по функции данного вида подтекста в анализируемых текстах (Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ») не выявлено, однако, по количеству этих кодовых значений наблюдается незначительная разница, которая будет рассмотрена в третьей главе нашей работы.

2.2.4.Образование значений акционального кода в романах Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ»

Подтекстовое значение акционального кода выражается, прежде всего, в моделировании в восприятии адресата своеобразных текстовых «действий» или некоторых «Акций», то есть в разбивке повествования на определенные «События», которые отобраны автором в качестве примеров (или, другими словами, в качестве иллюстраций) своей текстовой задачи. Это так называемый «уровень монтажа» по определению А.Брудного [Брудный 1998: 139]: «Уровень монтажа предполагает последовательное перемещение от одного относительно законченного элемента текста к другому, расположенному после него: читаемый текст как бы монтируется в сознании испытуемого из последовательно сменяющих друг друга предложений, абзацев, глав» [Доброва 2015: 12].

Об этом же говорит в своей работе Н.А.Пушкарева: « …монтажный принцип построения прозы с высокой степенью расчлененности текста предоставляет читателю возможность выявить подтекстовый смысловой уровень» [Пушкарева 2013: 100]. У Р.Барта акциональный код определен следующим образом: «…достаточно обратиться к простейшим (и потому как может показаться маловажным) проайретизмам (акциональный код – А.Е.), стандартная парадигма которых строится по типу: начинать/заканчивать или длиться/прекращаться. В этих … случаях …явление или процесс, устанавливаемые с помощью нотации, увенчивается концовкой, и …начинает подчиняться определенной логике» [Барт 2001: 65]. Этот способ языкового моделирования образно охарактеризован в работе Л.Г.Бабенко: «Наряду с текстовой универсалией «человек» в литературном произведении сопряжены не менее важные

универсалии «время» и «пространство», которые нерасторжимыми узами связаны между собой» [Бабенко 2008: 53]. Кроме того, следует отметить и высказывание Е.А Огневой: «Текст по своей природе процессуален и динамичен. Сценарий управляет процессом осмысления текста, связывая в единое целое смысловые блоки, вырабатываемые в результате его интерпретации» [Огнева 2009: 265]. Эти «смысловые блоки» и есть События (или по-другому «акции»), то есть единицы акционального кода.

В свою очередь, каждое такое «Событие» в процессе повествования разбивается на определенные фрагментированные отрезки и действия, моделирующие конкретные «этапы действий», которые можно образно охарактеризовать как моделирование «движения в кадре». Другими словами, все, что мы в извлекаемом значении можем представить как движение персонажей, относится к акциональному коду, аналогичному коду кинематографическому. Моделирование событий в художественном тексте в языковом выражении имеет определенную специфику: прежде всего акциональный код определяется в связи с применением форм глаголов, отображающих действия (как основных языковых единиц обладающих семантикой движения). Форма глаголов в данном случае чаще всего имеет прошедшее время, и в этом еще раз проступают черты моделирования, когда автор, как создатель повествования, рассказывает о событиях как уже совершившихся и известных ему фактах – именно этим обусловлена форма прошедшего времени. Соответственно, форма прошедшего времени является отображением «уже произошедшего когда-то и известного автору» (напомним, что во всех лексиях художественного текста голос автора является, если не первостепенным, то уж присутствующим в подтексте – обязательно). С другой стороны, в восприятии адресата эти формы (прошедшего времени) отражаются совершенно определенным образом – они становятся «незаметными», действие мыслится как происходящее в данный момент, как реальное моделируемое настоящее в форме прошедшего. Форма прошедшего времени формально отображает код авторского знания о событии, но при моделировании действий код авторского знания заглушается кодом События и отодвигается на второй план восприятия. Кроме того, все речевые действия в форме диалогов, изображенные в художественном тексте, так же могут быть отнесены к акциональному коду, поскольку являются действиями персонажей (в воображаемом мире художественного текста герои произносят эти слова. т.е. совершают это действие – «говорят», и читатель их мысленно воспроизводит, то есть словно бы «слышит»). Таким образом, все слова с семантикой движения, все речевые действия, такие как «произнесение» реплик персонажами, в том числе речевые действия как перфомативы (в

соответствии с определением Дж.Остина [1999: 332]), а также проявления своеобразной мини-герменевтики, когда вопросы и ответы выстраиваются в форме диалога и не являются фактически вопросами (поскольку ответы получают сразу же; см. об этом ниже в параграфе «герменевтический код») – являются признаком присутствия акционального кода в подтекстовом значении.

Очень характерно в этом плане высказывание Н.Зоркой: «Рассказчик, конечно же, знает все наперед, однако пространство действия (понимания) для читателя формируется по мере того, как автор-повествователь в каждый следующий момент предлагает ему новый материал (события, факты, детали), позволяющий двигаться от незнанию к знанию, от необъяснимости произошедшего к восстановлению причинного порядка» [Зоркая 1996: 74]. Примерно об этом же говорит К.А.Андреева в работе «Когнитивные аспекты литературного нарратива»: « мы можем определить нарратив как передачу прошлого опыта и его значения с использованием последовательности предложений в прошедшем времени, где их порядок отражает реальную последовательность событий» [Андреева 2004: 30].

Исключением являются формы прямой и несобственно прямой речи, которые передают внутреннее состояние и мысли персонажей. Данную языковую форму можно отнести к референциальному коду, поскольку мысленное действие сложно увидеть зрительно (только отдельную симптоматику, выражающуюся во внешних проявлениях, например: «*Тотчас же всё отлегло, и мысли его прояснели. "Всё это вздор, – сказал он с надеждой, – и нечем тут было смущаться! Просто физическое расстройство! Один какой-нибудь стакан пива, кусок сухаря, – и вот, в один миг, крепнет ум, яснеет мысль, твердеют намерения!*» (П1, Л147 – Р.С.)), можно только предположить, что автор «знает» о чем думает и что чувствует его герой, и, зная это, сообщает читателю. Соответственно, данные формы подтекстовых смыслов мы относим к референциальному коду.

Рассмотрим примеры образования значений акционального кода в романах Ф.М.Достоевского и Б.Акунина.

Подтекст акционального кода романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» можно условно разделить на следующие «События», которые практически соответствуют композиции романа и делению на главы (в данном случае мы выделили События в той части романа, которая проанализирована и представлена в Приложении1):

Часть 1. Глава1. Посещение старухи: «проба». Глава2 Знакомство с Мармеладовым. Глава 3. Письмо матери. Глава 4. Размышления о письме матери. Встреча с пьяной девушкой.

Глава 5. Сон Раскольникова. Встреча с торговцами. Глава 6. Суеверия Раскольникова. Встреча в трактире. Приготовления к преступлению. Препятствия к преступлению. Глава 7. Убийство.

Часть 2. Глава 1. Забытье после убийства. Сокрытие улик. Поход в контору. Глава 2. Перепрятывание улик. Встреча с Разумихиным. Унижение на улице. Галлюцинация. Болезнь. Артельщик: деньги от матери. История происшествий во время болезни (рассказанная Разумихиным).

Каждое из «Событий» условно можно разбить на определенные «этапы». Каждый такой этап представлен «действиями», которые и представляют собой лексии акционального кода.

Например. Событие: Посещение старухи: «проба». Условно разделено на следующие этапы: Дорога к старухе. Встреча со старухой. Уход от старухи. Вход в трактир.

Если соединить лексии акционального кода (см. П1) друг с другом, выстраивается определенная последовательность, которая и отображает логику развития событий художественного текста. Заметим, что, с этой точки зрения, логика всецело зависит от прагматики авторского замысла и подчиняется воплощению определенной «модели универсума». При этом, как показал дальнейший анализ, последовательность событий и прагматика классического произведения (в тексте Ф.М.Достоевского) значительно отличается от прагматики Событий акционального кода романа массового (в тексте Б.Акунина). Выявленные языковые способы, форма и функция моделирования акционального кода в обоих романах представляются идентичными.

Так, у Ф.М.Достоевского соединение лексий акционального кода может выглядеть следующим образом (лексии иррациональны, и на этом основании возможны варианты):

«Дорога к старухе»: «(один молодой человек) вышел из своей каморки» (Л4); «нет уж, лучше проскользнуть как-нибудь кошкой по лестнице и улизнуть, чтобы никто не видал» (Л15); «"На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь! – подумал он с странною улыбкой» (Л16); «(Чувство глубочайшего омерзения) «мелькнуло на миг» (Л27); «и пошел» (Л30); «Изредка только бормотал он что-то про себя, от своей привычки к монологам» (Л32); «молодой человек вдруг остановился и судорожно схватился за свою шляпу» (Л42); «"Я так и знал! – бормотал он в смущении, – я так и думал!» (Л45); «Он даже шел теперь делать пробу своему предприятию» (Л55); «С замиранием сердца и нервною дрожью подошел он» (Л57); «проходя в четвертый этаж (Л63) «и позвонил в старухину квартиру» (Л66) «Он так и вздрогнул» (Л70). (Всего в данном этапе содержится 13 лексий акционального кода).

«Встреча со старухой»: «Немного спустя дверь приотворилась на крошечную щелочку» (Л72); «жилица оглядывала из щели пришедшего с видимым недоверием, и только виднелись ее сверкавшие из темноты глазки» (Л73); «и отворила совсем. Молодой человек переступил через порог в темную прихожую» (Л75); «Старуха стояла перед ним молча и вопросительно на него глядела» (Л77); «Должно быть, молодой человек взглянул на нее каким-нибудь особенным взглядом, потому что и в ее глазах мелькнула вдруг опять прежняя недоверчивость» (Л82); «поспешил пробормотать молодой человек с полупоклоном» (Л84); « – Помню, батюшка, очень хорошо помню, что вы были, – отчетливо проговорила старушка, по-прежнему не отводя своих вопрошающих глаз от его лица» (Л86); « и опять, по такому же дельцу... – продолжал Раскольников» (Л88); «Старуха помолчала, как бы в раздумье, потом отступила в сторону и, указывая на дверь в комнату, произнесла, пропуская гостя вперед: – Пройдите, батюшка» (Л90); «и быстрым взглядом окинул он всё в комнате, чтобы по возможности изучить и запомнить расположение» (Л94); «с любопытством покосился на ситцевую занавеску перед дверью во вторую, крошечную комнатку, где стояли старухины постель и комод и куда он еще ни разу не заглядывал» (Л101); « – Что угодно? – строго произнесла старушонка, войдя в комнату и по-прежнему становясь прямо перед ним, чтобы глядеть ему прямо в лицо» (Л103); « И он вынул из кармана» (Л105;) « – Много ль за часы-то, Алена Ивановна? – А с пустяками ходишь, батюшка, ничего, почитай, не стоит» (Л109); «- Рубля-то четыре дайте, я выкуплю, отцовские. Я скоро деньги получу. – Полтора рубля-с и процент вперед, коли хотите-с» (Л111); « – Полтора рубля! - вскрикнул молодой человек» (Л 112); « – Ваша воля. – И старуха протянула ему обратно часы» (Л 113); «Молодой человек взял их» (Л114); « – Давайте! – сказал он грубо» (Л116); «Старуха полезла в карман за ключами и пошла в другую комнату за занавески» (Л117); «Молодой человек, оставшись один среди комнаты, любопытно прислушивался и соображал» (Л118); «Старуха воротилась» (Л121); «Вот получите-с» (Л123); «Молодой человек спорить не стал и взял деньги» (Л125); «Он смотрел на старуху и не спешил уходить, точно ему еще хотелось что-то сказать или сделать, но как будто он и сам не знал, что именно» (Л126); « – Я вам, Алена Ивановна, может быть, на днях, еще одну вещь принесу... серебряную... хорошую... папиросочницу одну... вот как от приятеля ворочу... – Он смутился и замолчал» (Л127); « – Ну тогда и будем говорить, батюшка. – Прощайте-с..» (Л128); «Прощайте, Алена Ивановна!» (Л132). (Всего: 27 лексий акционального кода).

«Уход от старухи»: «Раскольников вышел в решительном смущении. Смущение это всё более и более увеличивалось. Сходя по лестнице, он несколько раз даже останавливался, как

будто чем-то внезапно пораженный» (Л133); «И наконец, уже на улице, он воскликнул» (Л134) «Он шел по тротуару как пьяный, не замечая прохожих и сталкиваясь с ними, и опомнился уже в следующей улице» (Л140). (3 лексии акционального кода).

«Вход в трактир»: «Оглядевшись, он заметил, что стоит подле распивочной» (Л141); «Долго не думая, Раскольников тотчас же спустился вниз» (Л143); «Он уселся в темном и грязном углу, за липким столиком, спросил пива и с жадностию выпил первый стакан» (Л146); (толстый, огромный, в сибирке и с седою бородой, очень захмелевший) «задремавший на лавке и изредка, вдруг, как бы спросонья, начинавший прищелкивать пальцами, расставив руки врозь, и подпрыгивать верхнею частию корпуса, не вставая с лавки, (Л152); «причем подпевал какую-то ерунду, силясь припомнить стихи, вроде:» (Л153); «Или вдруг, проснувшись, опять» (Л155); (Был тут и еще один человек, с виду похожий как бы на отставного чиновника) «Он сидел особо, перед своею посудинкой, изредка отпивая и посматривая кругом» (Л159). (Всего 7 лексий)

В Событии общее количество единиц акционального кода – 50 лексий.

В романе Б.Акунина (в имитации рукописи Ф.М.Достоевского) условно можно выделить следующие События и Этапы: Глава 1. Событие – «У Порфирия Федорина». Этапы: обустройство квартиры; приход Заметова; сообщение об убийстве; поход в больницу.

Действия в лексиях (П2):

Обустройство квартиры: «Порфирий Петрович занимался делом хлопотным, но небесприятным – обустраивал казенную квартиру, …» (Л3); «…новый же обитатель любил не только юридическое, но и вольное чтение, так что пришлось заказывать столяру два десятка поместительных полок, которые только нынче прибыли и устанавливались на место» (Л4); «С наслаждением вдыхая запах стружки и свежего лака, надворный советник (таков был чин новосела) аж примурлыкивал от удовольствия, собственноручно расставляя по рядам» (Л5); «Порфирий Петрович сам прикрепил к оконной раме отличный немецкий градусник, показывавший температуру и по Реомюру, и по Цельсию» (Л13); «…с досадою понаблюдал за тем, как ползет кверху серебристый столбик, и вздохнул, увидев, что сие восхождение остановилось, чуть-чуть не дойдя до отметки 38» (Л14); «Взяв в руку шляпу и надев поверх пропахшей потом рубашки сюртук, пристав прошел через небольшой коридорчик в кабинет, откуда удобнее было попасть на улицу, однако дверь в следующую комнату, приемную, открыть не поспел – створки сами распахнулись ему навстречу. На Порфирия Петровича, едва не сшибив его с ног, налетел распаренный молодой человек» (Л20). (Всего: 6 лексий)

Приход Заметова: « – Пардон! – вскричал Заметов, отскакивая несколько назад. — Виноват, зашиб! Ваше высоко…благородие! Ваше высокоблаго…родие!» (Л24); «и принял меры. Взял письмоводителя за руку, крепко тряхнул» (Л27); «вымолвил чиновник, переводя дух» (Л29); «опять заволновался, заневнятничал Александр Григорьевич да вдруг как крикнет» (Л34). (Всего: 4 лексии).

Сообщение об убийстве: «Он смешался, захлебнувшись словами» (Л37); «Пристав же на миг смежил желтоватые припухлые веки и меленько перекрестился. Не обмануло предчувствие-то» (Л38); « – Вы вот что-с, – тонким пронзительным голосом сказал надворный советник, крепко взяв Заметова за рукав и ведя к столу, где стоял графин с водой. – Вы перво-наперво выпейте воды-с… Вот так-с. А теперь сядьте в кресло» (Л39); «Выпив воды и усевшись, Александр Григорьевич немного успокоился, и оказалось, что он умеет говорить и связно, и толково» (Л41). (Всего: 4 лексии)

Поход в больницу: « – Постойте-с, – встрепенулся он вдруг» (Л54); «Когда они с письмоводителем вышли на улицу, чтоб направиться в Обуховскую больницу, надворного советника ударила новая мысль, тревожная» (Л64); « – А она сильно зашиблена, сестра эта? Не помрет-с?» (Л65); «Александр Григорьевич развел руками» (Л67); «Уже не обращая внимания на жару, он несолидной рысцой припустил вдоль улицы, Заметов за ним» (Л69); «На углу Сенной пришлось остановиться, чтоб перевести дух» (Л70); «Посокрушался так не долее минуты, потом побежали дальше и очень скоро уже шагали по длинному больничному коридору» (Л75); «Потребовали к себе доктора. Тот вышел, устало потирая переносицу. На заданный дрожащим голосом вопрос: «Скажите-с, жива ль доставленная полицией Лизавета Шелудякова? И ежели жива, не пришла ли в память?» – ответил, что отлично жива, от удара оправилась, ибо ушиб невелик, и говорить вполне может» (Л78). (Всего: 8 лексий).

Общее количество единиц акционального кода в Событии - 21 лексия.

Во всех вышеприведенных примерах можно определить следующие способы образования подтекстового смысла: контекст и внутритекстовую пресуппозицию (импликация, которая встречается в вышеприведенных лексиях, относится к образованию значения семного кода). Функция подтекстовых значений в данном случае (в отношении акционального кода) – разыгрывание в мысленном представлении «сценария», монтаж эпизодов, иными словами, моделирование действий как перемещений, движений персонажей и их речевых действий.

Данные выборки лексий акционального кода (в обоих романах) очень напоминают популярные в настоящее время издания «кратких содержаний классических текстов», когда

изучающим предмет «литература» предлагается для ознакомления с текстами, предписанными школьной программой, ознакомление в их сокращенном варианте, якобы отражающем его содержание (т.е. для целей повышения уровня образования). При этом именно подобное «сокращение» текста лишает адресата почти всей закодированной информации (смысла), которая содержится в других видах кодовых значений, то есть ограничивает его познание только визуализацией действий героев, выраженной в лексиях акционального кода.

Резюмируя, следует отметить, что форма акционального кода для моделирования дополнительного значения использует такие языковые средства как контекст и внутритекстовая пресуппозиция. Функцией акционального кода является «разыгрывание» действия как временной и смысловой последовательности Событий.

2.2.5.Образование значения герменевтического кода; текстообразующая роль герменевтического кода

И, наконец, обратимся к одному из наиболее важных с точки зрения подтекста как компонента структуры всего художественного текста герменевтическому коду.

Герменевтический код представляет собой своеобразный «механизм» привлечения и удержания читательского внимания, который очень образно представлен в книге А.Н.Есина «Власть слова»: «Сюжет – это последовательное распределение читательского внимания. Что-то вроде устройства, которое без промедления, один за другим включает магниты на рельсе. … По монорельсу мчится лоточек, тележка с книгами, а разгоняют его, подтягивая к себе, передавая один другому, специальные магниты. … Как только читательское внимание ослабло, снова включается напряжение, и тележка побежала, набирая победительный ход» [Есин 2004: 42].

Этими «магнитами», на наш взгляд, являются лексии «герменевтического кода».

Наиболее наглядно природу этого кода можно проиллюстрировать примером из практики известного диктора Владимира Герцика, который, начиная свою карьеру на радио, от волнения допустил оговорку. Ему доверили прочесть очерк о милиционере, который спас тонувшую женщину. Текст начинался словами «Тонула женщина. Могучий весенний поток относил ее все дальше и дальше от берега…».

«Но переволновавшийся диктор патетически заявил: «Тонула лошадь…» Покрылся холодным потом, но тут же нашелся и продолжал: «А рядом тонула женщина. Могучий весенний поток относил ее все дальше и дальше от берега…» [Виноградова 2015], и далее

диктор зачитал весь текст, в котором больше про лошадь упоминаний не было. Через неделю редакция была завалена письмами слушателей с вопросами «Что же стало с лошадью?».

Герменевтический код описан у Барта следующим образом: «Задача герменевтического кода заключается в выделении таких (формальных) единиц, которые позволяют сконцентрировать, загадать, сформулировать, ретардировать и, наконец, разгадать загадку (некоторые из этих единиц иногда отсутствуют, но чаще повторяются; строгий порядок их появления не обязателен)» [Барт 2001: 64]. Об этом же говорит и А.Рэнд: «С построением сюжета тесно связана проблема его приостановки для поддержания читателя в состоянии неизвестности, беспокойства, дабы сохранить его интерес к дальнейшим событиям» [Рэнд 2011: 51].

Эти загадки и средства ретардации, на наш взгляд, и являются теми самыми «магнитами на рельсах», которые всякий раз обещают читателю разгадку, но утаивают или задерживают окончательный ответ до самого конца произведения. То есть герменевтический код – это заданный текстом вопрос, на который текст обязан дать ответ. Если на какие-то из заданных вопросов текст не отвечает (что может быть связано с недостаточной информативной емкостью художественного текста, как в приведенном примере с текстом «тонула лошадь») и нет возможности получить ответ из самого текста, то у читателя возникает ощущение плохого качества текста, эффект разочарования.

Этот аспект может быть связан как с недостатками самого текста, так и с уровнем восприятия адресата. Недостатками текста в подобных случаях можно считать отсутствие в тексте значимой для ответа информации. Отсутствие отгадки, связанное с уровнем читательского восприятия, характеризуется отсутствием определенного опыта и знаний у адресата или, другими словами, отсутствием внешней пресуппозиции как общефоновых знаний адресата. То есть смысл присутствует (заложен автором), но не осознается – таковы тексты высокохудожественной литературы в восприятии неискушенного читателя. Так, в книге В.В.Борисовой и С.С.Шаулова отмечено, что «наивное прочтение художественной литературы, характерное, например, для детей младшего школьного возраста… еще не учитывает художественной условности искусства и не предполагает «отстраненного» взгляда»» [Борисова, Шаулов 2014: 13].

Если сравнить принцип построения художественного текста со структурами других текстов, например, со структурой научной работы, то можно отметить определенную общность: и в том, и в другом случае герменевтический код (вначале задается вопрос – в конце дается

ответ) является основным структурообразующим принципом (что служит еще одним доказательством того, что художественный текст, так же как и научная работа, является объектом, существующим для целей познания). Отличия художественного текста от научной работы, как известно, заключается в способе познания. В научной работе преобладает логико-понятийный способ, в художественном тексте познание в основном осуществляется с помощью чувственно-образных представлений. И вопросно-ответный принцип герменевтического кода, и, в особенности, заключительный его элемент – получение ответов, и в том и в другом случае свидетельствует об онтологической схожести данных объектов.

Структура данного кода включает также, помимо вопроса, тематизации, формулирования загадки и ответа, еще и многочисленные средства ретардации («герменевтический код предполагает наличие множества морфем, позволяющих отсрочить ожидание» [Барт 2001: 136]): **отсроченный ответ** (дискурс, применяя фабульные приемы, формулирует загадку, но ответ не получен по внешним обстоятельствам повествования), **частичный ответ** (ответ лишь на часть вопроса или часть ответа на вопрос), **обман** (настоящий обман читателя дискурсом), **ложный ответ** (дискурс признает его ошибочность), **экивок** (содержит часть ответа, но не называет его), **блокировка** (дискурс объявляет о неразрешимости загадки).

Как правило, первый элемент герменевтического кода содержится в названии произведения, поскольку в названии чаще всего в сжатом виде сконцентрирован весь смысл будущего текста.

П. В. Смородина в своем исследовании «Название как бифункциональная единица текста» дает следующее определение: «Название рассматривается как лингвистическая категория, передающая обобщенно закодированный в нем смысл озаглавленного им текста» [Смородина 2009: 164]. В отношении герменевтического кода известный и понятный автору концентрированный смысл не может и не должен быть понятен читателю, он должен лишь будить интерес. Информация адресату поступает не в полном объеме и требует своего восполнения, заставляя прочитывать текст в поисках недостающей части информации. Недостаточность информации, связанную с концентрацией смысла в названии, можно проиллюстрировать примером любого художественного текста.

«Преступление и наказание» – минимальный круг возникающих в сознании адресата вопросов можно описать так: «Какое преступление?» и «Какое наказание?». Остальные лексии герменевтического кода минимально тематизируются вопросами «Кто такие?» и «Что с ними случится?».

Другой пример – название романа Б. Акунина «ФМ».

Сам жанр подобных произведений (мы имеем в виду – детективный жанр) дает направление восприятию как поиску ответа на совершенно определенные вопросы. В массовой (формульной, по определению Дж. Г. Кавелти [Кавелти 1996: 47]) литературе тематизация осуществляется, прежде всего, благодаря разделению произведений на жанры. Так, например, детективы – это преступление и поиски преступника. Вся тематизация детектива заключается в выделении вопроса и ответа «кто, как и почему совершил преступление?». Жанр любовных романов эксплицитно воплощает истории счастливого замужества героинь. Вопрос, который тематизируется жанром дамского романа чаще всего: «как выйти замуж за миллионера?» (реже - «как хотя бы просто выйти замуж?». Приключенческие романы, как правило, описывают поиски и находку сокровищ разнообразного свойства: от археологических артефактов и старинных рукописей до банального денежного вознаграждения в конце романа. Эту тематизацию можно сформулировать в виде вопроса «как внезапно разбогатеть?».

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что **герменевтический код в текстах массовой литературы является чисто структурным кодом, почти эксплицитным, заданным самим жанром произведения.** Смысл его лежит практически на поверхности и тематизируется для восприятия адресата средствами, не включенными в сам текст (реклама, указания на обложках книг, или разделов в интернете и т.п.).

Внутренние элементы герменевтического кода (формулирование и ретардирование загадки) распределяются в тексте таким образом, чтобы элемент «формулирование ответа» появился лишь в конце. Именно этот аспект восприятия – ожидание отгадки, стремление получить ответ на поставленные вопросы (загадки) и заставляет читателя продолжать чтение. (Заметим также, что в некоторых случаях, если уровень текста ниже уровня интеллектуальных потребностей адресата и не приносит им никакого нового знания, то адресаты, не располагающие временем на чтение неинтересного текста, просто открывают последние страницы и находят ответ на загадку).

Классические литературные тексты, помимо внешнего сюжетного вопросно-ответного кода, содержат также вопросы, которые не относятся напрямую к сюжету, а заставляют искать смыслы, связанные с общим представлением о «мире человека». Таким образом, можно предположить, что герменевтический код можно рассматривать на двух уровнях: внешнем – структурном, и внутреннем – фолософско-содержательном, который заставляет читателей задумываться не только о получении ответов на эксплицитные текстовые загадки, но и искать

ответы на вопросы мировоззренческого плана, вопросы, которые рассматриваются в свете общей герменевтики.

В текстах, где герменевтический код определен жанром произведения, не представляет труда выделить лексии данного кода.

Так в романе Б.Акунина (в имитации рукописи Ф.М.Достоевского), первый вопрос связанный с тематизацией детективной загадки возникает только в лексии № 22 и лексии № 23: «*Вот ведь странно. Ничего отталкивающего и тем более пугающего во внешности Заметова не было, а между тем, едва взглянув на его лицо, Порфирий Петрович ощутил очень неприятный спазм в сердце, стиснувшемся от скверного предчувствия*» (Л22); «*Хотя, с другой стороны, что ж странного? Если полицейский чиновник в неурочное время без стука врывается в кабинет пристава следственных дел, хорошего не жди*» (Л23) Возникающий вопрос «что же случилось?» получает ответ в лексиях № 35 и № 42: «*Убили! Злодейским образом! Сразу двоих!*» (Л35); «*На Екатерингофском, процентщицу Шелудякову, в собственной квартире. Ударом по голове*» (Л42). Таким образом, обнаруживается, что в лексии № 35 содержится частичный и ложный ответ – убили не двоих, а одну «*процентщицу Шелудякову*»; здесь же возникает основной детективный вопрос «Кто убил?» ответ на который будет получен только в лексии № 2069: «*То был барин, которого они недавно видели на лестнице. Господин Свидригайлов, вот как его звали*».

Необходимо отметить, что произведения Ф. М. Достоевского в этом отношении уникальны и не вполне характерны. Используя предрасположенность читателя к потреблению легкого чтения, применяя внешнюю фабульную структуру детективного сюжета, Ф.М. Достоевский включает в свои тексты множество мировоззренческих смыслов, весьма далеких от поверхностного прочтения сюжета, и, таким образом, внедряет в сознание адресата множество нового знания. С помощью нехитрого механизма внешнего герменевтического кода Ф.М.Достоевский привлекает внимание неискушенного читателя и удерживает его, но в то же время читатель непроизвольно получает ту порцию смыслов, которые, по мнению Ю. М. Лотмана, способны давать читателю язык « на котором можно усвоить следующую порцию сведений при повторном прочтении» [Лотман 1998: 35].

Иными словами, загадка «кто, как и зачем убил старуху-процентщицу» не является главной в герменевтике «Преступления и наказания». Она раскрывается в первой главе романа, и единственный вопрос внешнего герменевтического кода (детективного) «поймают или не поймают», который и является текстообразующим в «Преступлении и наказании» отступает на

второй план. При этом, возникающие в процессе чтения текста Ф.М.Достоевского мировоззренческие вопросы (например о возможности или невозможности для человека совершения преступления, о неизбежности наказания если не мирского то внутреннего, душевного мучения и т.п.) не получают ответа в самом тексте, но заставляют искать его в других источниках (в других текстах или в размышлениях о жизни).

Помимо вопроса, связанного с концентрацией смысла в заглавии, в тексте Ф.М.Достоевского можно выделить такие «загадки» как, например, в первых же строках романа: «*один молодой человек*» - вопрос «кто таков?» (Л 3); «*вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С – м переулке, на улицу*» - вопрос «зачем вышел?» (Л 4); «*и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К – ну мосту*» - вопрос « почему медленно и в нерешимости?».

Ответы на эти вопросы распределены в тексте следующим образом.

«Кто таков?» – ответ содержится в лексии № 83 « – *Раскольников, студент, был у вас назад тому месяц*», перед этим неоднократно упоминается «*молодой человек*» (в лексиях № 9,37, 42, 59, 75, 82); «*юноша*» (в лексии № 25); «*он*» (в лексиях № 6, 8, 10, 11, 12, 14, 16, 29, 32, 34, 35, 37, 39, 45, 50, 52, 53, 55. 57, 61. 64, 69, 70). Происходит ретардация загадки «кто таков?» Способ образования подтекста – контекст и внутритекстовая пресуппозиция. Функция – языковая интеллектуальная игра – поиски и ожидание отгадки.

На вопрос «зачем вышел?», экивок содержится в лексии № 16: «"*На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь! – подумал он с странною улыбкой*» и в лексии № 21: «*Ну зачем я теперь иду? Разве я способен на это? Разве это серьезно? Совсем не серьезно. Так, ради фантазии сам себя тешу*». В этих лексиях вопрос повторяется и тематизируется «Какое дело?» и «что такое «это»?» – частичный ответ содержится в лексии № 55: «*Он даже шел теперь делать пробу своему предприятию*», но в этой же лексии, поскольку ответ частичный, возникает другой вопрос «что за предприятие?». Ретардация «экивок» содержится в лексиях № 1379-1380: «*Нет, вот что я тебе скажу. Я бы эту проклятую старуху убил и ограбил, и уверяю тебя, что без всякого зазору совести, – с жаром прибавил студент*», а также в лексии №1387: «*Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощию посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленьице тысячами добрых дел? За одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика!*».

В лексии №1403 содержится частичный ответ: «*такие же точно мысли»*

Окончательный, полностью эксплицитный ответ содержится только в лексиях № 1684-1687 «*Ни одного мига нельзя было терять более. Он вынул топор совсем, взмахнул его обеими руками, едва себя чувствуя, и почти без усилия, почти машинально, опустил на голову обухом. Силы его тут как бы не было*».

На вопрос «почему медленно и в нерешимости?», который еще раз возникает в лексии № 9: «*И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился и от которого морщился*» – частичный ответ содержится в лексии № 34: «*В эту же минуту он и сам сознавал, что мысли его порою мешаются и что он очень слаб: второй день как уж он почти совсем ничего не ел*», но также возникают вопросы – «почему не ел?».

Вопрос, который возникает в лексии № 6 («*Он благополучно избегнул встречи с своею хозяйкой на лестнице*») «Зачем ему избегать хозяйку?», получает ответ практически сразу же в лексии № 10: «*Он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться*». Поскольку между вопросом и ответом все-таки есть прослойка в виде нескольких лексий, то в данном случае мы можем говорить о стандартном употреблении герменевтического кода как кода загадки, который образуется способом контекста и внутритекстовой пресуппозиции. Функция которого – ожидание и поиск ответа – игровая функция – интеллектуальная игра. Способами образования значения герменевтического кода выступают контекст (интра- и экстралингвистический) и пресуппозиция как внутритекстовая, необходимая для создания вопросно-ответной последовательности, так и внешняя, как фоновых знаний адресата, которая позволяет найти вопросы философского плана содержания художественного текста. Такие как, например, возникающие в лексиях № 1574 «*"Так, верно, те, которых ведут на казнь, прилепливаются мыслями ко всем предметам, которые им встречаются на дороге"*». Вопрос «как это, следовать на казнь?» не может получить определенного ответа в тексте и остается в сознании как философский, требующий другого уровня познания, и заставляющий стремиться к этому уровню. Или в лексии №1571: «*Тут заинтересовало его вдруг: почему именно, во всех больших городах, человек не то что по одной необходимости, но как-то особенно наклонен жить и селиться именно в таких частях города, где нет ни садов, ни фонтанов, где грязь и вонь, и всякая гадость*», или в лексии№1518 «*Вопрос же: болезнь ли порождает самое преступление или само преступление, как-нибудь по особенной натуре своей, всегда сопровождается чем-то вроде болезни? – он еще не чувствовал себя в силах разрешить*».

Следует отметить, что в обоих текстах присутствуют особые случаи употребления герменевтического кода. Это своеобразная «мини-герменевтика». Особое строение вопросно-ответного характера, которое свойственно, прежде всего, диалогической речи, но наблюдаются и в некоторых других случаях.

Например.

В лексиях № 142- 143 (П2):

Вопрос « *– А что дверь-с?*», сопровождается ответом: « - *Незаперта была, вовсе. Я еще подивилась. Алена Ивановна всегда засовом укрывались*».

Вопрос: *« – Так-так, — ободряюще закивал Порфирий Петрович. – И что же вы, вошли-с?»*, получает незамедлительный ответ: « – **Вошла**».

Вопрос: « *– И куда же-с? В комнаты*?», ответ: «- *В комнаты*».

Или в лексиях № 195-197 (П2).

Вопрос: « *– По макушке, – задумчиво протянул Порфирий Петрович. – Сзади-с. Отсюда что следует?*», продолжается в реплике: « *– Что? — спросил капитан*», и получает ответ: « *– А то, что убитая преступника не опасалась, так что сама в комнаты провела, да еще спиною к нему оборотилась. И во-вторых-с, что он росту выше среднего, ибо бил сверху и пришлось прямо в маковку*».

Или в романе Ф.М.Достоевского в лексиях № 616-626:

Вопрос: « *– Ну, ты помаленьку, а то испужаешь; страшно уж очинна. За сайкой-то ходить али нет?»*, ответ: *« – Как хочешь*».

Вопрос: « *– Да, забыла! К тебе ведь письмо вчера без тебя пришло.*

– Письмо! ко мне! от кого?

– От кого, не знаю. Три копейки почтальону своих отдала. Отдашь, что ли?

– Так неси же, ради бога, неси! – закричал весь в волнении Раскольников, – господи!

Через минуту явилось письмо».

Ответ: *«Так и есть: от матери, из Р-й губернии».*

В лексиях № 907-908 вопрос: «*Почему же теперь соглашается? В чем же штука-то? В чем же разгадка-то?*», сопровождается ответом: «*Дело ясное: для себя, для комфорта своего, даже для спасения себя от смерти, себя не продаст, а для другого вот и продает! Для милого, для обожаемого человека продаст! Вот в чем вся наша штука-то и состоит: за брата, за мать продаст! Всё продаст!*» .

Аналогичные построения мини-герменевтики содержатся в лексиях (П1) № 593-594,668, 694-695,845-846, 923-924, 962, 998-999, 1007-1010, 1116-1117 и т.п.

Или, например, в романе Б.Акунина (П2) вопрос: « *– Как же тогда?*» (Л1864), сопровождается немедленным ответом: « *– Сегодня возьмем, беспременно сегодня. При полной доказательности и по всей форме, так что уж не отопрется*» (Л1865).

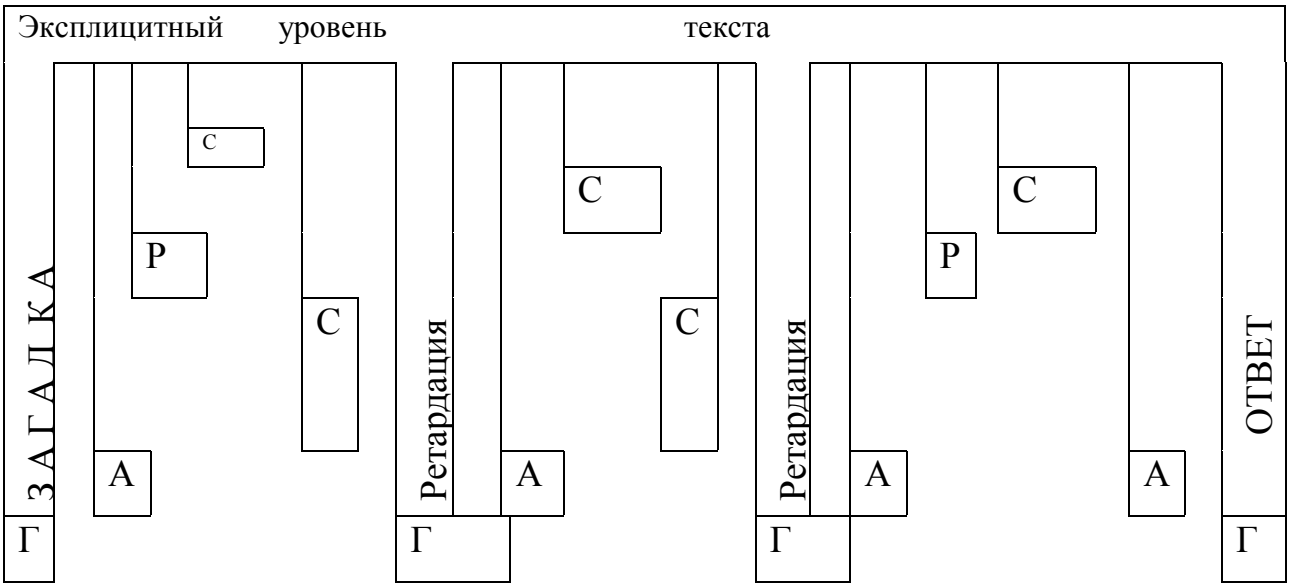
Этой же функции соответствуют лексии, в которых содержатся риторические вопросы с немедленными ответами: «*Вы спросите: откуда мы узнаем, кого, где и, главное, когда наш студент пожелает умертвить на сей раз? Ну, первый вопрос, насчет кого, весьма прост. Петра Петровича Лужина, вреднейшую из всех населяющих вселенную вшей — именно таковым теперь должен считать жениха своей сестры Раскольников*» (П2, Л1868), в которых вопрос становится несущественным и которые только по формальному признаку (наличия паравербата – вопросительного знака) можно отнести к герменевтическому коду, а по сути, выраженное риторическим вопросом содержание является утверждением и относится скорее к референциальному, чем к герменевтическому коду.

Подобные текстовые построения не являются в чистом виде герменевтическим кодом, поскольку в них не наблюдаются средства ретардации, ответ в тексте дается сразу же. Зато другая функция – разыгрывание действия – наблюдается в них вполне отчетливо. Это функция игры как разыгрывание сценария, моделирование определенного События как живого, происходящего здесь и сейчас действия. Таким образом, подобные вопросы и ответы отнесены нами к акциональному и референциальному кодам на том основании, что функции, которые они выполняют в художественном тексте, являются функциями сообщения как моделирования бессознательного в форме языковой игры и функциями разыгрывания сценария. Способ моделирования в подобных мини-герменевтических образованиях – интралингвистический контекст.

Итак, основная функция герменевтического кода в художественном тексте – привлечение и удержание внимания читателя. Ее воплощение в тексте обусловлено моделированием игрового процесса – отгадывания загадки. Другими словами, герменевтический код моделирует интеллектуальную игровую деятельность в процессе развертывания Событий художественного текста (то есть моделирует сам процесс поиска смыслов, учит способам их отыскания), предоставляя «отгадку» только в самом конце повествования либо, на высшем уровне подтекста, не предоставляя отгадки, но заставляя искать ответы на философские вопросы в процессе дальнейшего познания «универсума человека».

Для представления сущности герменевтического кода мы предлагаем еще одну аналогию: сравнение с миром точной науки – физики. Так, если семный код представить соответствующим понятию материи, то акциональный можно сравнить с понятием времени, референциальный с понятием качества (свойства) материи, и тогда герменевтический код соответствует понятию энергии. Таким образом, герменевтический код можно охарактеризовать как главный энергетический двигатель всего текста.

Его структурные элементы: «тематизация – формулирование загадки – средства ретардации (отсрочки ответа) – и формулирование ответа» – распределены на весь текст и представляют собой своеобразный каркас, внутри которого происходит встраивание и распределение всех других кодовых единиц. С учетом количества и качества подтекста в произведениях художественной (классической и массовой) литературы можно выстроить условную схему расположения лексий и кодов в текстовом пространстве.



Условные обозначения : Г - герменевтический код , А – акциональный, С - семный, Р –референциальный.

В процессе анализа выбранных текстов (Ф.М.Достоевский «Преступление и наказание» и Б.Акунин «ФМ»), мы обнаружили герменевтический код в обоих романах. При этом в обоих романах присутствуют единицы основного структурообразующего кода в виде вопросов,

тематизаций, ретардаций и ответов. Кроме того, в тексте Ф.М.Достоевского, в отличие от текста Б.Акунина, помимо основного структурообразующего герменевтического кода (вопрос-ретардация-ответ), наблюдаются и лексии, которые содержат в своем подтекстовом значении только вопрос. В них отсутствует не только тематизация, но и, как следствие, и ретардация, и ответ.

Таким образом, мы можем резюмировать: герменевтический код обладает определенными признаками, позволяющими структурировать текст таким образом, чтобы удерживать внимание адресата, загадывая ему «загадку» вначале текста, а в конце (вместе с предоставлением ответа) передавать адресату сведения в форме «разгадки».

Структурные особенности герменевтического кода требуют отдельного исследования и не укладываются в рамки нашей работы, но для целей анализа и сравнения художественных текстов по количеству и качеству подтекста мы можем отметить, что в тексте Ф.М.Достоевского, помимо лексий основного структурообразующего герменевтического кода, нами выявлены лексии, которые не соответствуют структурным требованиям, они содержат только вопросы, на которые нет ответов в данном тексте.

2.2.5.1.Языковые особенности образования значений третьего уровня подтекста в романах Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ»

Третий уровень подтекста, исходя из вышеприведенных критериев, определяется наибольшей сложностью извлечения смысла для перевода его в эксплицитное выражение (номинации).

В данном случае мы говорим о том, что трудность извлечения данных смыслов состоит, во-первых, в повышенной емкости художественного образа, то есть в соединении в одном текстовом пространстве значений трех или четырех кодов. Трудность извлечения может быть связана и с повышенной степенью кодирования, когда дополнительный смысл возникает на основе уже извлеченного из эксплицитного выражения подтекста. То есть происходит извлечение подтекста третьей степени сложности (напомним, что первая степень – это прямое значение эксплицитного выражения, вторая степень – подтекст, который появляется при извлечении подтекстовых значений на основе переосмысления эксплицитных выражений, и третья степень – соответственно – это подтекст, который появляется на основе переосмысления уже извлеченных подтекстовых значений). Трудность извлечения может быть связана и с

невозможностью найти определенные значения (например, на некоторые возникающие в процессе прочтения текста вопросы).

По составу кодов подтекст третьего уровня не отличается от второго. На третьем уровне используются и семный, и акциональный, и референциальный, и герменевтический коды. Наибольшее значение имеют герменевтический и семный коды.

Отметим, прежде всего, что включение в лексию значений всех четырех кодов уже само по себе является признаком третьего уровня. В некоторых случаях включение в лексию трех кодовых значений и их извлечение требует особого напряжения внимания и немалых умственных усилий, поэтому, на наш взгляд, тройственное кодирование так же относится к третьему уровню подтекста.

Кроме количества кодов, соединенных в одном текстовом пространстве (лексии), параметром, который позволяет говорить о третьем уровне подтекста, мы считаем повышение степени кодирования, которое проявляется в извлечении дополнительных значений уже после извлечения подтекста второго уровня. То есть мы говорим о надстраивании значений в степени.

Например: «*Но скоро он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, вернее сказать, как бы в какое-то забытье, и пошел, уже не замечая окружающего, да и не желая его замечать*». (Л30) Вторая степень кодирования – Акциональный код: герой задумался и продолжил движение (часть события «прогулка»). Надстраиваемый код (третья степень кодирования)– семный: «отстраненность». (А.^{С}).

«*В эту же минуту он и сам сознавал, что мысли его порою мешаются и что он очень слаб: второй день как уж он почти совсем ничего не ел*» (Л35). Вторичное моделирование – акциональный код: осмысление собственного состояния (часть действия в событии «начало движения героя»). Надстраиваемый код (третья степень) – семный: «бедность», обусловлен внутритекстовой пресуппозицией, поскольку, следуя логике изложения и повторяющимся уже неоднократно значениям предыдущих лексий, словосочетание «совсем ничего не ел» не может быть понято как «заболел и не ел» или «влюбился и не ел», то есть все другие причины, кроме бедности, в данном тексте становятся невозможны. (А.^{С*}).

«*Он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посовестился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу*» (Л36). Вторая степень кодирования – референциальный код: обыденное знание «приличествующее в обществе». Надстраиваемый код – семный: «бедность». Р.^{С*} Извлечение значения, как и в предыдущей лексии, происходит на основе интралингвистического контекста и внутритекстовой пресуппозиции.

К этому же, третьему, самому сложному по трудности извлечения значения и перевода его в эксплицитную форму уровню мы относим значения герменевтического кода, которые являются основой философской герменевтики. Подобные вопросы неизменно присутствуют в высокохудожественных текстах, поскольку заложенная в них интенция к познанию, более всего отвечает природе художественного текста как объекта культуры, предназначенного для повышения уровня познания в человеческом обществе. Эти вопросы стимулируют познавательный процесс, направляя его в русло поиска необходимых сведений в других текстах и в окружающей действительности.

Мы уже говорили, что сам герменевтический код определенным образом организовывает и структурирует пространство художественного текста. Но, если в массовых текстах все вопросы, в конце концов, получают «ответы», то герменевтический код в высокохудожественных и в классических произведениях структурирован не так прямолинейно.

Это тот слой значений, который разрабатывается в общей герменевтике.

Начало герменевтики многие исследователи связывают с именем Фридриха Шлейермахера. По мнению М. Хайдеггера, основа концепции Шлейермахера – «искусство правильно понимать речь другого, преимущественно письменную» [Хайдеггер 1993: 278].

В исследовании Р. М. Габитовой герменевтика Шлейермахера определяется как «разработка «общей» универсальной герменевтики» и основной акцент понимания сущности герменевтики направлен на сам процесс понимания текстов и выявление его закономерностей и принципов [Габитова 1978: 54].

Уже в этих достаточно разных мнениях и оценках содержится зерно герменевтики – разные трактовки одного и того же текста. Герменевтика в широком философском смысле – это искусство понимания текста, искусство трактовки текста, искусство интерпретации текста. Разночтения определяются той разницей между индивидуальным восприятием языковых единиц, которую предполагал в своем исследовании еще Шлейермахер. Его последователи: В.Дитльтей, Х.-Г.Гадамер и М.Хайдеггер, – каждый со своей позиции рассматривали сущность этих разночтений. Так, у Дильтея герменевтика связана с историчностью и изменением в связи с историческими процессами мироосмысления и миропонимания всей структуры понимания текстов [Дильтей 2001]. В исследованиях Гадамера основной акцент перемещается в сферу метода, с помощью которого постигается сущность герменевтики [Гадамер 1988]. У Хайдеггера понимание герменевтики основывается на том, чтобы с ее помощью «правильно» относиться к

бытию, к себе и другим. Хайдеггер не указывает, что же является «правильным», но предполагает, что это все то, что позволяет человеку чувствовать себя свободным и независимым от навязанных идеологией мнений.

Все эти и подобные вопросы мы можем отметить в тексте Ф.М. Достоевского. Очень характерный пример подобных вопросов содержится в лексии «*Впрочем, все эти вопросы были не новые, не внезапные, а старые, наболевшие, давнишние. Давно уже как они начали его терзать и истерзали ему сердце. Давным-давно как зародилась в нем вся эта теперешняя тоска, нарастала, накоплялась и в последнее время созрела и концентрировалась, приняв форму ужасного, дикого и фантастического вопроса, который замучил его сердце и ум, неотразимо требуя разрешения*» (П1, Л951).

Таким образом, в отношении герменевтики высокохудожественных текстов, то есть загадок, которые возникают при чтении, нет никакой возможности (и необходимости) сформулировать однозначный и точный вопрос и ответ. Каждый адресат имеет возможность найти и извлечь информацию, которая отвечает его внутренним запросам и потребностям.

Это утверждение связано с пониманием того, что информационная емкость художественного текста как модели состоит в синтезе нескольких видов знания, объединенных в одном объекте. Таким образом, постигая один уровень или одну сторону феноменологической сущности некоторого явления (чувственную сторону универсума, т.е. психологическую и физиологическую составляющую), человек получает представление и о другой стороне того же явления (социологической, этической и т.д.).

Следовательно, в тексте должно быть закодировано множество смыслов, которые, соединяясь в текстовых единицах – лексиях, позволяют выявить смыслы, относящиеся к разным сторонам означаемого. Таким образом, если информация не содержится в данном тексте, то адресат, не получая ответа на вопрос, вынужден искать его вне текста, то есть присутствие подобных вопросов стимулирует адресата на поиски ответов в других источниках, а значит стимулирует процесс познания и способствует ему.

Рассмотрим способы запаковывания смысла на третьем уровне кодирования, связанные с соединением в одной лексии трех и четырех кодов.

Данное явление нам удалось обнаружить прежде всего в анализируемом тексте Ф.М. Достоевского. Отметим, что в приведенном в Приложении 1 исследовании по составу кодов соединение в одной лексии значений нескольких кодов происходит примерно в четвертой части

всех выявленных подтекстовых значений: на 2932 лексии приходится 498 лексий с двойной кодировкой и 54 лексии с полной кодировкой (все четыре кода). То есть 552 лексии третьего уровня подтекст, что составляет примерно одну пятую от всего количества лексий.

При этом в тексте Б.Акунина подобных сложных кодировок представлено 54 с тройным значением, и всего 2 лексии с полной кодировкой. По отношению к общему числу лексий это (56:2243=0.023) – примерно одна пятидесятая часть от всего количества лексий.

«Мы уже рискнули сказать несколько слов на этот счет Петру Петровичу» – (П1, Л771). В данной лексии присутствует три вида кодовых значений – А., Р., С. Акциональный код визуализирует действие – «рискнули сказать» – выполняет функцию моделирования как разыгрывания одного из представленных в письме матери сценариев «сватовства Лужина». Способ моделирования – с помощью контекста (глаголов действия). Референциальный – код авторского сообщения (в форме письма матери Раскольникова) об истории сватовства, способ моделирования – контекст и внешняя пресуппозиция. Семный код образован с помощью коннотации в слове «рискнули», которая приобретается только в интралингвистическом контексте. В общеупотребительном значении элемент «опасности» является одним из основных эксплицитных элементов значения лексемы «рискнули», но с помощью нестандартного употребления слова в данном контексте (поскольку значение «опасность» не присутствует в концепте «сватовство») приобретает коннотацию имплицитного значения, которое можно номинировать следующим образом: «мы очень сомневаемся в том, что он тебе захочет помочь, но мы готовы подвергнуть себя опасности и попросить об этом Петра Петровича». Присутствие в лексии акционального кода добавляет к номинации форму глаголов прошедшего времени: «мы очень сомневаемся в том, что он тебе захочет помочь, но мы готовы и уже подвергнули себя опасности, и попросили об этом Петра Петровича». Референциальный код добавляет в номинацию к известному матери Раскольникова имени Петра Петровича его статус в отношении Дуни и таким образом извлекает информацию о его обязанностях в отношении невесты (как это было принято в дворянском обществе девятнадцатого века – референция бытового знания – муж оплачивает все расходы по содержанию супруги и помогает ей в решении ее проблем): «мы очень сомневаемся в том, что он тебе захочет помочь, но мы готовы подвергнуть себя опасности, и уже подвергнули себя опасности, и попросили об этом Петра Петровича, поскольку он жених и должен будет помогать потом своей жене». Таким образом, в данном контексте функция акционального кода – разыгрывание сценария, функция

референциального кода (сообщение о фактах известных матери – авторское знание, и передача сведений о приемлемом в обществе – бытовое знание) – моделирование бессознательного по Юнгу: функция семного кода заключается в моделировании бессознательного по Фрейду, которое словно «прорывается» в непреднамеренных значениях коннотации и контекста.

Другой пример – соединение четырех кодов в лексии 1291: *«"Господи! – молил он, – покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой...»* – акциональный код выражен изображением молитвы как визуализированного действия, референциальный – закодирован в изображении религиозного действия, семный – содержится в паравербатах и экспрессии, которая в результате применения паравербатов распространяет свое действие на весь фрагмент, а также в коннотации лексемы «проклятой» (отрицательная оценочно-экспрессивная коннотация), герменевтический код запакован в возникающий вопрос «что это «проклятая»?», и даже содержащийся в следующей лексии (П1, Л1292) ложный ответ «*мечты моей!*», не позволяет считать его ответом, а продолжает волновать читателя, заставляя стремиться к отгадке (ответ будет дан в этом же тексте: «проклятая мечта» окажется преступлением, – и, таким образом, значение данного герменевтического кода относится к структурному его варианту (вопрос-ретардация-ответ)).

Резюмируя, мы можем отметить, что третий уровень подтекста является наиболее сложным для извлечения и номинирования подтекстовых смыслов, как наиболее «запакованный» его вариант. Для извлечения имплицитных значений третьего уровня подтекста требуется, прежде всего, наличие внешней пресуппозиции (общефоновых знаний адресата). Третий уровень подтекста извлекается, во-первых, в форме открытых вопросов, которые возникают в восприятии адресата и не получают ответа в тексте, во-вторых, в форме надстраивания кодов в третьей степени, и, в-третьих, в форме соединения в одном текстовом пространстве (лексии) трех или четырех кодовых значений. При этом языковые способы образования значений используются такие же, как и на втором уровне подтекста – коннотация, импликация, пресуппозиция и контекст. Функции подтекста третьего уровня: 1) со стороны определенных кодов он выполняет ту же роль что и на втором уровне (акциональный код – игровая функция как разыгрывание сценария, референциальный – бессознательное по Юнгу, семный – бессознательное по Фрейду, герменевтический – игровая функция как интеллектуальная игра), но в соединении нескольких кодов воплощен наиболее содержательный и емкий вариант текста как информационного объекта; 2) со стороны общей герменевтики – выполняет функцию стимулирования познавательного процесса.

На основании вышеприведенных данных и данных, приведенных в приложениях №1 и №2, можно предположить, что в массовой литературе не только значительно меньше подтекста, но даже там, где он присутствует, он воплощается в гораздо более простых и доступных для восприятия формах и, таким образом, воплощение разных сторон моделируемого объекта происходит в упрощенном виде, то есть каждая лексия моделируется меньшим количеством подтекстовых форм. Сочетание кодов в лексиях массовой литературы явление нехарактерное.

ВЫВОДЫ

Основной текстовой единицей, передающей подтекстовое значение, является лексия как единица плана содержания. Единицами плана выражения являются коды, которые образуют следующие виды значений: семный – новое понятие, референциальный – нечто уже известное, акциональный – визуализация действия и движения в мысленном представлении, герменевтический – код, который вызывает у адресата вопросы и предоставляет ответы (ответ на последний из вопросов должен содержаться в самом конце текста, для того, чтобы удерживать внимание читателя).

Технология извлечения лексий и кодов заключается в применении «медленного» и «внимательного» чтения до момента появления в восприятии новой номинации (лексия) и категоризации нового значения по признаку вида кодирования (код).

В процессе анализа текстов определился уровень сложности извлечения подтекста. В результате, подтекст для целей нашего исследования представлен в виде трех уровней, в которых сложность извлечения зависит от четырех характеристик: 1) от размера лексии; 2) от семантического расстояния между компонентами смысла; 3) от количества кодов в одной лексии; 4) от уровня фоновых знаний адресата (внешней пресуппозиции).

К первому уровню мы относим: 1) все лексии, представленные одним словом или словосочетанием (в том числе фразеологическим оборотом), обладающие дополнительным значением второго плана (коннотацией); 2) все фигуры речи и тропы; 3) некоторые синтаксические конструкции; 4) определенные формы имплицитных значений, выраженные с помощью паравербальных знаков.

На втором уровне происходит усложнение способов кодирования и, как следствие этого, увеличение текстового объема и семантического расстояния. Лексии второго уровня обладают б*о*льшим размером, семантическое расстояние в них может быть значительным, особенно в

лексиях акционального и герменевтического кодов, которые являются структурными и структурообразующими в художественном тексте. Второй уровень подтекста является уровнем, на котором формируется подтекст в форме лексий. На этом уровне становится возможной категоризация по коду как смыслоразличительному признаку. При этом в значениях семного кода происходит воплощение новых, неизвестных адресату ранее, понятий, в форме описания зрительно-чувственных представлений с помощью простых лексических средств (бессознательное по Фрейду). Таким образом, семный является кодом, который наиболее насыщен новой информацией о мире человека. Референциальный код передает сведения, ранее уже известные (прежде всего автору, а при извлечении – адресату). Является кодом, в котором передается информация о культуре, ее законах и стереотипах (бессознательное по Юнгу), а также информация о точке зрения автора и его оценке предаваемых сведений (художественная дефиниция). Акциональный код воплощает имитационно-динамические характеристики модели универсума человека и состоит из Событий, в которых элементарные Действия объединены в Этапы. Герменевтический код – структурообразующий, энергетический двигатель текста, поскольку задаваемые с его помощью «вопросы» (загадки текста), удерживают внимание адресата вплоть до получения «ответов» (отгадки). Герменевтический код, значения которого в результате извлечения предстают как вопросы, не имеющие ответов в тексте (вопросы общей герменевтики), относится к третьему уровню подтекста.

На третьем уровне подтекста находятся самые крупные и самые сложные для извлечения значения текстовые образования. Образно этот уровень можно назвать «сверхсемантическим». Он включает в себя, во-первых, значение всего текста (его идею как единого информационного сообщения), во-вторых, некоторые значения надстраиваемых кодов (в третьей степени кодирования), в-третьих, соединение в одной лексии трех или четырех видов кодовых значений и, в-четвертых, все возникающие вопросы общей герменевтики.

В анализируемых текстах Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ», по способам образования имплицитного значения и функциям подтекста разницы не выявлено. На всех уровнях в обоих текстах подтекстовый смысл образуется с помощью языковых категорий коннотации, импликации, пресуппозиции и контекста. Функциями кодов в одинаковой мере в обоих текстах являются: в семном коде – моделирование бессознательного по Фрейду, в референциальном – моделирование бессознательного по Юнгу, в акциональном – моделирование игровой составляющей (разыгрывание сценария), в герменевтическом – разыгрывание вопросно-ответной последовательности (интеллектуальной игры).

Разница в вышеназванных текстах выявлена только по количеству подтекстовых единиц (лексий) и по количеству определенных кодовых значений и их сочетаний.

ГЛАВА 3. ЕМКОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И ЕЕ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ СПЕЦИФИКИ ПОДТЕКСТОВЫХ ФОРМ В ТЕКСТАХ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» И Б.АКУНИНА «ФМ»

3.1. Смысловая емкость текста и ее зависимость от количества информации, извлеченной из подтекста.

Если рассматривать художественный текст как модель универсума человека, существующую для целей познания, природа которого состоит в том, что информация передается в виде модели, созданной в воображении с помощью языковых знаков, то количество информации (с точки зрения теории информации), которое изначально заложено в тексте, зависит исключительно от намерений и способностей автора. В свою очередь, извлечение закодированной с помощью двойного (тройного и т.д.) кодирования информации адресатом (читателем), зависит, прежде всего, от уровня познания самого адресата. Соответственно, чем выше уровень познания, тем больше информации адресат способен извлечь из текста, но верхний предел объема информации зависит от авторской интенции.

Ранее мы, опираясь на работу Г.И. Богина [1994], упоминали, что в результате овладения определенным объемом сведений о мире в понятийной языковой форме (то есть информацией, передаваемой с помощью языковых знаков) в сознании человека появляется первый базовый (семантический) уровень мышления, который в процессе развития и образования обогащается новыми понятиями, накопление которых, в свою очередь, приводит к качественному повышению уровня мышления (в том числе и с помощью укрупнения единиц кодирования, то есть освоения терминологического тезауруса). Таким образом происходит усвоение и накопление той информации, которая циркулирует в виде текстов в человеческой культуре. По мере усложнения понятийного мышления расширяется и усложняется тезаурус адресата, который на верхнем уровне (обладающем достаточной степенью понятийной сложности – терминологическом, научном) трансформирует мышление и переводит его на так называемый суперординаторный уровень, связанный с наивысшей степенью абстрагирования от наглядного восприятия.

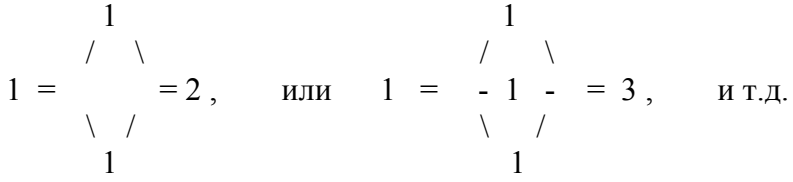
Поскольку художественный текст, как мы выяснили, находится на полпути между имитационно-игровым и терминологически-научным способом познания, то по способу и характеру моделируемого содержания его можно назвать имитационно-языковым объектом. Это

свойство художественного текста заложено в его природе. Об этом как о вторичном моделировании говорил Ю.М.Лотман [Лотман 1978]. С точки зрения теории информации, сущность данного моделирования состоит в построении воображаемой модели мира человека («художественного образа»), который воссоздается в мысленном представлении на основе первичного моделирования объектов действительности, выраженной эксплицитно языковыми знаками (когда означающее соответствует означаемому). Языковые средства художественного текста не только передают некоторое содержание, выраженное эксплицитно, но и переводят восприятие в непосредственно-чувственное познание путем регрессивного перевода сложных понятий на допонятийный уровень мышления, то есть на уровень получения информации воспринимаемой интуитивно (на неосознаваемом, невербальном, уровне мышления), в виде воспроизведенного в воображении визуализированного «образа». Информация при этом передается в форме невербализованных значений «художественного образа», который формируется в пределах и на базе эксплицитного языкового выражения. Этот способ передачи информации (в виде той части «образа», которая восполняется из опыта индивидуального предыдущего чувственного восприятия адресата и является способом вторичного языкового моделирования, когда в восприятии присутствуют неноминированные «детали» образа, то есть смысл, надстраиваемый над эксплицитным выражением) в художественном тексте получил название «подтекст».

Извлечение подтекста происходит с помощью категории номинации путем перевода смысла из имплицитного состояния в эксплицитное. Подтекст обнаруживается в любом текстовом фрагменте при появлении в восприятии нового, неназванного в тексте, но воспринимаемого (визуально и чувственно) значения. Подобные текстовые отрезки по предложенной в работе Р.Барта «S/Z» терминологии мы называем лексиями.

Эксплицитное выражение чаще всего предполагает одно значение в соответствии с контекстом. Единица информации, извлекаемая в этом случае, равна количеству, заложенному в эксплицитное выражение, то есть 1=1. В случае наличия подтекста, количество информации, извлекаемой из эксплицитного выражения, увеличивается пропорционально количеству извлекаемых подтекстовых значений. Наиболее наглядным примером, на наш взгляд, в этом отношении является изучение языка детьми или иноязычными адресатами, когда в первую очередь изучается эксплицитный смысл языковых единиц, а затем на более высоком уровне познания появляется возможность получения другого, заложенного в тексте имплицитного значения языковых единиц. Так, например, метафорические и фразеологические обороты в

дословном переводе не передают имплицитную информацию и только дополнительные пояснения для не владеющего языком (в той мере, в какой им владеют сформировавшиеся носителя языка) адресата, могут проявить смысл выражения. (Например, в этот корпус значений попадают пословицы и фразеологические обороты, например, «семеро по лавкам», «как кур в ощип», «цыплят по осени считают» и т.п.). Схематично это можно представить так:



Соответственно, в данном случае мы вправе говорить о повышении смысловой емкости художественного текста, или о том, что в одной подтекстовой языковой единице (лексии) содержится смысла больше, чем в эксплицитном выражении. Таким образом, подтекстовые смыслы способны аккумулировать в себе и передавать адресату больше информации, чем это было бы возможно, если бы информация передавалась только в эксплицитном виде.

В этом аспекте следует рассматривать не только многозначность, имплицитность и коннотативные составляющие смысла (которые являются языковыми способами образования имплицитного значения преимущественно на первом уровне подтекста), но и способность художественного текста выражать с помощью простых лексических средств неноминированные значения, связанные с повышенным уровнем сложности передаваемых понятий (которые, по нашему определению, относятся ко второму уровню подтекста, более сложному для извлечения). Языковыми способами образования имплицитного значения в данном случае являются не только коннотация и импликация, но и внутритекстовая пресуппозиция, и интралингвистический контекст. Наиболее сложные для извлечения подтекстовые смыслы, относимые к третьему уровню подтекста, на наш взгляд, могут быть образованы с учетом, прежде всего, внешней пресуппозиции адресата. Все остальные языковые способы в них так же могут быть задействованы, но, скорее, как дополнительные элементы образования имплицитного значения третьего уровня подтекста

Приведем пример из работы Г. Хазагерова, который в связи с осмыслением понятия «остранение» поясняет: «Если вы, например, захотите разоблачить светские условности, сделайте вид, что не знаете слов «поклон», «книксен», а скажите: «Он сделал движение туловищем, как будто собирался упасть, но удержался на ногах; она же, продолжая на него смотреть, подогнула оба колена, словно собираясь сесть на низкую скамеечку, но затем

распрямилась снова» [Хазагеров 2001: 65], цит. по [Заика 2012: 50]. Данный пример наглядно иллюстрирует прием передачи информации в форме описания действия, увиденного глазами неискушенного адресата, не знакомого с понятиями «книксен» и «поклон». Механизм передачи информации в художественном тексте с помощью подтекста основан именно на аналогичном «описании видимого глазу»: передаче сложных, неизвестных адресату или запрещенных цензурой, понятий (в том числе и научных сведений) с помощью простых лексических средств. Понятия, закодированные в «художественных образах» (то есть описания, которые вызывают зрительные и чувственные представления), не всегда могут быть извлечены наивным адресатом, но легко извлекаются адресатами с достаточным уровнем фоновых знаний (внешней пресуппозицией).

Кроме того, количество и качество подтекстовых смыслов как «запакованных» значений текста, совершенно определенно зависит от коммуникативных целей автора. Если адресант (автор) преследует в большей степени цели передачи какой-либо информации, то количество и качество подтекста зависит только от его таланта и способности к кодированию подобных значений. Если же коммуникативные цели автора лежат в другой плоскости, например в области стремлений к коммерческому успеху – то в «модели-художественном тексте» применяются и определенные виды подтекста, в первую очередь связанные с игровой составляющей художественного текста, как способом получения удовольствия.

Выполнение целей и задач адресанта (автора) зависит от выбора языковых средств создания подтекста и связано, прежде всего, с теми функциями, которые способны выполнять в художественном тексте отдельные виды кодов.

Так, например, **семный код** обладает возможностью передавать информацию о сложных понятиях и явлениях универсума человека не с помощью развернутых определений (обладающих повышенным уровнем избыточности) и не с помощью научных терминов (являющихся агнонимами, то есть неизвестными или смутно понимаемыми большинством читателей), а с помощью простых лексических и синтаксических средств, понятных для большинства адресатов со средним уровнем познания, на который и рассчитан художественный текст как объект культуры.

Референциальный код – предоставляет адресату информацию в наиболее близком к эксплицитному виде, то есть в форме общеизвестных истин и фактов или в форме сведений, априори известных автору текста, то есть применяется в функции транслятора культурных ценностей (бессознательного по Юнгу) или в функции эксплицитного способа передачи новой

информации как способа изменения оценки отдельных явлений универсума человека (художественной дефиниции).

Герменевтический код, с одной стороны, является структурообразующим кодом для всех художественных текстов (выполняет структурообразующую функцию), а с другой стороны, выполняет роль стимула процесса познания, то есть выполняет игровую функцию в форме интеллектуальной игры, воплощая в художественном тексте вопросно-ответный принцип.

Акциональный код полностью отвечает за игровую функцию художественного текста. Здесь игра закодирована в форме мысленного разыгрывания определенного сценария, составленного из Событий, отвечающих за передачу смысла в соответствии с авторской интенцией.

Сравнительный анализ двух аналогичных как по сюжету, так и по составу действующих лиц художественных текстов (Ф.М.Достоевский «Преступление а наказание» и часть романа Б.Акунин «ФМ», имитирующая первоначальную «утерянную» рукопись Ф.М.Достоевского) выявил разницу в смысловой насыщенности подтекстом. Не только количество подтекстовых единиц (лексий и кодов) отличает эти тексты друг от друга. Соотношение по отдельным видам кодовых значений имеет в данном случае не менее важное значение.

Если допустить (как это интуитивно чувствуют все читатели художественно литературы, обладающие достаточным уровнем фоновых знаний), что разница в текстах вершинной и массовой литературы определяется как разница количества извлекаемой информации, то выделение языковых единиц подтекста (лексий и кодов) является материализованным подтверждением обоснованности подобного интуитивного (невербализованного) ощущения.

В результате проведенного анализа можно утверждать, что «вершинные» тексты предоставляют адресату больше новой информации о мире человека, а «массовые» не только содержат меньшее количество информации, но и качество извлекаемых смыслов в массовых текстах гораздо утилитарнее, информация, извлекаемая из подтекста в массовых текстах, по большей части, удовлетворяет лишь потребности в получении удовольствия.

Рассмотрим результаты проведенного сравнительного анализа количества единиц подтекста, а также выделенных кодовых значений и форм.

3.2. Языковые особенности и разница, выявленная на первом уровне подтекста романов Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ»

В работе А.В.Гольдман отмечено, что в художественном тексте можно выделить два вида стилизации «первичную – естественную, без которой не может существовать никакая речь, и вторичную – искусственную, являющуюся подражанием чужому стилю в художественной речи» [Гольдман 2005: 53].

,

А.П.Окусова и Е.А.Рыбалка полагают, что «…подражание, имитация, воспроизводство есть необходимые приемы всякой деятельности, а, значит, представляют собой форму культуры» [Окусов, Рыбалка 2011: 11]. Опираясь на утверждение, мы можем отметить, что роман Ф.М.Достоевского соответствует основному методу передачи информации в игровой имитационной форме. Тексту же Б.Акунина соответствует иное оппределение, приведенное в той же работе: «Высокая культура подражания, обеспечивающая высокое качество созданного продукта заменяется обманной имитацией, приводящей к конструированию подделки. В результате открытая и гласная имитация предъявляет заменитель, символическое обозначение или игровое воплощение, предполагающее условное тождество реальной фигуры и изображающего ее игрока, или **тщательно скрываемая имитация предлагает свое обманное подобие оригинала, выдавая суррогатный заменитель за полноценный продукт**» (выделено мной – А.Е.). [Там же]

Подтверждение этому мы находим в тексте Б.Акунина в следующих языковых элементах. Например, на первом уровне подтекста в романе Б.Акунина можно отметить значительное количество стилистически маркированных слов с преобладанием подтекстовых значений «имитации» речевых особенностей «исторической эпохи». Это, прежде всего, слова со значением просторечия: «небесприятным» (П2 Л3), «уютца» (П2 Л3), «покамест» (П2 Л3), «поместительных» (П2 Л4), «аж примурлыкивал» (П2 Л5), «ни в прочих заграницах» (П2 Л16), «на цепке» (П2 Л18), «сшибив» (П2 Л20), «заневнятничал» (П2, Л34), «прибьют кого до смерти» (П2 Л46), «верстенку» (П2 Л 71), «холостяковского» (П2 Л73). Отметим, что все вышеприведенные примеры взяты не из речи персонажей, где данный прием был бы оправдан целью имитации речевых особенностей персонажей, эти примеры взяты из текста речи автора, то есть представляют собой тот слой информации, который адресат извлекает из текстовой

категории «повествующий субъект» (по классификации компонентов художественной модели, представленной в [Заика 2006]. Данный повествующий субъект (по другой терминологии «образ автора»), характеризует автора анализируемого текста, прежде всего, с точки зрения манипулятивных речевых техник [Денисюк 2004], поскольку снижение уровня авторской речи доставляет наивному адресату определенного вида удовольствие от мнимого осознания более высокого уровня своей образованности, что является прямой манипуляцией со стороны автора (снижение уровня речи автора является своеобразным способом лести адресату, и удовлетворяет тщеславие наивного адресата).

В речи персонажей Б.Акунин также использует стилистически маркированную лексику, но в данном случае она соответствует понятию моделирования и ее применение выглядит вполне оправдано (например: « – **Пардон!** – вскричал Заметов, отскакивая несколько назад. — Виноват, **зашиб**! (П2 Л24). Подобные стилистические средства с избытком применены и в речи Лизаветы: «Алена Ивановна, говорю, что это вы? Упали? **Зашиблись**?» На **кортки** присела, хотела помочь. Вдруг **шорохнуло** сзади.» (П2 Л151). « – Не **насмелилас**ь.» (П2 Л154) и т.п.).

Отметим также, что в романе Б.Акунина просторечие чаще всего встречается в речи Порфирия и в речи Заметова, то есть персонажей, которые сословно принадлежат к образованному слою общества. В отличие от этого, в романе Ф.М.Достоевского просторечие применяется в основном только в речи Настасьи и приказчика (то есть оправдано сословными характеристиками), лексика немки Амалии иллюстративно изображает немецкое произношение, то есть оправдана функцией моделирования речевых особенностей персонажа.

Таким образом, адресат, который не знаком с оригиналом (а также с другими текстами той эпохи) и не сможет заметить чрезмерность употребления просторечных слов, может получить неверную информацию о характере речевых особенностей той эпохи. В то же время для искушенного адресата это является очевидным фактом и вызывает недоверие не только к качеству и точности передаваемой информации, но и к коммуникативным целям автора.

Очень наглядным случаем снижения уровня авторской речи можно считать изменение текста Ф.М.Достоевского, которое не связано с задачами соединения секвестированных фрагментов в логическое целое (например: «Он уже надворный советник, Петр Петрович Лужин» (П 1, Л 720); «Это Петр Петрович Лужин, дальний родственник Марфы Петровны…» (П 2, Л 861)).

Обратим внимание на фрагмент: «Главное же затруднение состояло в том, что Дунечка, вступив прошлого года в их дом гувернанткой, взяла **вперед** (выделено мной – А.Е.) целых сто

рублей, под условием ежемесячного вычета из жалованья, и, стало быть, и нельзя было место оставить, не расплатившись с долгом» (П 1, Л 657) и «Главное затруднение состояло в том, что Дунечка, вступив прошлого года в их дом гувернанткой, взяла **наперед** целых сто рублей под условием ежемесячного вычета из жалованья, и, стало быть, и нельзя было место оставить, не расплатившись с долгом» (П 2, Л 850).

Причиной замены нейтрального и общеупотребительного наречия «вперед» (в значении «заранее») может быть стремление как можно точнее (то есть эксплицированнее) донести до читателя значение «заранее», в просторечном слове «наперед», в котором это значение является единственным [ТСУ] (хотя и маркированным стилистически), а в нейтральном возможны варианты (вперед – как наречие места «двигаться вперед», и как наречия образа действия «взять деньги вперед»), но, безусловно, в данном контексте только очень неискушенному адресату будет затруднителен выбор правильного варианта значения. Таким образом, можно говорить о том, что в данном случае Б.Акунин увеличил уровень эксплицитности, применив вместо нейтрального, но многозначного слова, стилистически маркированное, но имеющее единственное значение слово.

На основании вышеизложенного мы можем сделать предварительный вывод о том, что одним из основных приемов в романе Б.Акунина на первом уровне подтекста является коннотация, которая воплощена, прежде всего, в стилистически маркированных элементах речи не только персонажей, но и автора.

В отличие от этого, в романе Ф.М.Достоевского, из языковых способов образования имплицитного значения коннотация (в форме стилистически маркированных слов, которых, заметим, на фоне употребления в основном общелитературной лексики довольно немного) не является основным. Гораздо больше подтекстовых значений на первом уровне подтекста в романе Ф.М.Достоевского воплощено с помощью категории импликации. Это, прежде всего, множество метафорических и фразеологии оборотов, в которых импликация (в качестве импликационала) является основным языковым способом образования подтекстовых значений. Кроме того, более частое употребление в тексте Ф.М.Достоевского риторических фигур и паравербатов также является свидетельством того, что основным языковым способом создания подтекстовых смыслов на первом уровне подтекста здесь является импликация.

Так, например, фигуры «повтора» в лексии 244 (П1) в речи Мармеладова «Пусть, пусть я подлец,…» содержат следующие кодовые значения: Р – референциальный код, извлекаемое значение «знание героем социально-этических норм», номинировать данный смысл можно

следующим образом «в обществе осуждается подобное поведение, и я осознаю, что нарушаю приемлемые социально-этические нормы»; С – семный код выражен в наличии на первом уровне подтекста смыслового оценочного значения слова «подлец» в результате присутствия которого изменяется и вторичный смысл всей лексии, то есть на втором уровне подтекста извлекаемое значение лексии можно номинировать как фразу «я знаю, что в соответствии с социально-этическими нормами общества мой поступок неприемлем и отвратителен, но я ничего не могу с этим поделать, поскольку пристрастие к пьянству пересиливает мои благие намерения». Данное значение извлекается на основе интралингвистического контекста и внутритекстовой пресуппозиции, а передается автором таким языковым способом как риторическая фигура повтора: «Пусть, пусть…». Таким образом, мы можем отметить, что емкость текста, переданная всего в четырех словах и в одном паравербальном знаке, равна эксплицитному выражению, состоящему из 21 слова.

Аналогичное значение наблюдается и в лексиях 262 («Знаете ли, знаете ли вы, государь мой, что я даже чулки ее пропил? Не башмаки-с, ибо это хотя сколько-нибудь походило бы на порядок вещей, а чулки, чулки ее пропил-с!»), 267 («…и я это чувствую. Разве я не чувствую?»), 279 («И я не осуждаю, не осуждаю, ибо сие последнее у ней и осталось в воспоминаниях ее, а прочее всё пошло прахом!»), 288 («…и меня им корит, и я рад, я рад, ибо хотя в воображениях своих зрит себя когда-то счастливой...»), 368 («Ну так божия человека не знаете! Это – воск... воск перед лицом господним; яко тает воск!..»), 398, 402, 405 («Слышите, слышите?»), 410 (« И я не осуждаю; нет, этого я не осуждаю!..»), 412-414 («…малявочкой меня назвала: "Малявочка, говорит, ты эдакая!" И наедине-с, понимаете ли? Ну уж что, кажется, во мне за краса, и какой я супруг? Нет, ущипнула за щеку: "Малявочка ты эдакая!" – говорит.»), 447 («Так не на земле, а там... о людях тоскуют, плачут, а не укоряют, не укоряют!»), 448 («А это больней-с, больней-с, когда не укоряют!..»), 343 («…а потом так обе и заснули вместе, обнявшись... обе... обе... да-с... а я...»),362 -364(« а Капернаумов хром и косноязычен, и всё многочисленнейшее семейство его тоже косноязычное. И жена его тоже косноязычная... В одной комнате помещаются, а Соня свою имеет особую, с перегородкой… Гм, да... Люди беднейшие и косноязычные...»), 629 (« Настасья, уйди, ради бога; вот твои три копейки, только, ради бога, скорей уйди!»), 791-794 («Знаешь что, бесценный мой Родя, *мне кажется*, *по некоторым* соображениям, впрочем, отнюдь не относящимся к Петру Петровичу, а так, *по некоторым* моим собственным, личным, даже, может быть, старушечьим, бабьим капризам, *мне кажется*, что я, может быть, лучше сделаю, если буду жить после их брака особо, как и теперь живу, а не вместе с ними»), 855-858

(«*кажется,* доброго», как замечает сама Дунечка. Это *кажется* всего великолепнее! И эта же Дунечка за это же *кажется* замуж идет!.. Великолепно! Великолепно!.."), 928 ("Дорого, дорого стоит, Дунечка, сия чистота!" (повтор фразы Мармеладова, следовательно, референциальный код, уже прочитанного; и семный код: сравнение положения Дуни с Сониной участью проститутки)), 1155-1156 («и при этом их так больно, так больно бьют всегда мужики кнутами, иной раз даже по самой морде и по глазам, а ему так жалко, так жалко на это смотреть, что он чуть не плачет»), 1215 («он видит, как ее секут по глазам, по самым глазам!»),1255 («С криком пробивается он сквозь толпу к савраске, обхватывает ее мертвую, окровавленную морду и целует ее, целует ее в глаза, в губы...»), 1276-1279 (« ведь я знал же, что я этого не вынесу, так чего ж я до сих пор себя мучил? Ведь еще вчера, вчера, когда я пошел делать эту... *пробу,* ведь я вчера же понял совершенно, что не вытерплю... Чего ж я теперь-то?»), и т.п.

Резюмируя вышеизложенное, мы приходим к выводу о том, что проведение полноценного сравнительного анализа между текстами Ф.М.Достоевского и Б.Акунина на первом уровне подтекста не представляется возможным, в силу разной природы образования подтекстового значения. Как было определено ранее, имитация «просторечия» в романе Б.Акунина относится к коннотативным способам образования имплицитного значения, а применение паравербатов и фигур речи в романе Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» может быть охарактеризовано, как создание подтекстового смысла с помощью языкового способа импликации (на уровне импликационала). Кроме того, выбор определенного языкового способа может являться одной из характеристик «языковой личности» [Караулов 2004] автора и на этом основании не может свидетельствовать о разнице в количестве передаваемой с помощью подтекста информации, что не позволяет сопоставить эти данные в рамках нашего исследования (то есть в качестве средства разграничения литературных текстов по уровневому статусу). Способы и природа образования значения у коннотации и импликации все-таки разные: в случае коннотации, это закрепленное в языке, неосмысливаемое с первого восприятия дополнительное значение, а в импликации это соединение в одной языковой единице двух разных значений (разных до момента соединения их в импликационале).

Единственный выявленный параметр, по которому может быть проведено сравнение обоих романов на первом уровне подтекста, является применение, в частности, приема «словоерсов» в речи Порфирия Петровича (отметим, что и в романе Ф.М.Достоевского, и в романе Б.Акунина эта особенность в речевой характеристике героя является одной из самых заметных).

Как это следует из источников, словоéрс (тж. словоéр, словоéрик) — название частицы *-с* (написание по старой орфографии — *-съ*), прибавляемой в русском языке к концу слов в определённых ситуациях: в XIX веке — в знак почтения к собеседнику, то есть как адрессивное окончание; в конце XIX века к адрессивному значению прибавилось гонорaтивное, а именно депрециативное (демонстративное самоунижение) [Словоерс].

В нашей работе не ставится цель разобраться в идеологических задачах применения стилистических приемов, то есть для нас неважно в каком качестве (адрессивном или генеративном) применяется этот прием в том или другом романе, но количество применения данной речевой характеристики имеет для нас весьма ценное значение, поскольку, как мы отмечали ранее, все стилистизмы наделены дополнительным имплицитным значением, то есть подтекстом, и, соответственно, их количество влияет на восприятие информации, переданной в невербализованной форме.

Так, в выборке речи Порфирия Петровича (приложение «словоерсов») в романе Ф.М.Достоевского на текстовый объем примерно в 20000 знаков, приходится 147 языковых единиц «съ», а в романе Б.Акунина их 227 – в полтора раза больше.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в принципе верное наблюдение о характеристиках речи персонажа (в данном случае Порфирия Петровича) в романе Б.Акунина имеет более концентрированное выражение, целью которого может быть стремление усилить эту его речевую характеристику – то есть более тщательно и наверняка донести до читателя данную особенность его речи. Эта особенность текста напрямую связана с характеристиками определенного способа передачи информации – передавать ее как можно более эксплицировано. Приведем интересное наблюдение по этому поводу: «Идея вовлечения всего населения в поле культуры привела к тому, что культура стала массовой, усредненной. ...На этой основе формируется сознание «странных» людей, не способных к рефлексии, не готовых САМОСТОЯТЕЛЬНО решать все смысложизненные вопросы и оценивать свое место в жизни. …. «Странное» сознание требует уже совершенно иных повествовательных форм, в которых бы означающее более жестко задавало означаемое, в которых автор твердой рукой вел своего читателя к намеченной цели (смыслу), т.к. любое ослабление жесткой схемы ведет к непониманию» [Сонин, Сонина 1998: 39]. То есть для текстов массовой литературы характерно стремление к передаче информации в наиболее эксплицированном виде, где «означающее более жестко задавало означаемое» и в романе Б.Акунина повышенная частотность употребления в

речи Порфирия приема «словоерсов», способствует тому, что данная речевая характеристика не может остаться незамеченной адресатом.

Отметим, что в романе «Преступление и наказание» речь Порфирия так же маркирована словоерсами, но, во-первых, их фактически в полтора раза меньше, чем в романе Б.Акунина, а, во-вторых, поскольку в романе Ф.М.Достоевского относительный объем текста с речью Порфирия занимает гораздо меньшее текстовое пространство по отношению ко всему тексту романа (напомним, что в романе Б.Акунина Порфирий Петрович является главным действующим лицом и, хотя количество его реплик не больше, чем в романе Ф.М.Достоевского, при сравнении с общим количеством текста, его речь занимает относительно большую часть и, соответственно, больше обращает на себя внимание читателя), то применение данного стилистического приема не настолько бросается в глаза, хотя и присутствует в «образе» героя. То есть в романе Ф.М.Достоевского данная речевая особенность является иллюстративной, второстепенной, и если и передает информацию о некоторых особенностях речи и характера героя, то не в той мере настойчивости (эксплицитности) как это представлено в романе Б.Акунина.

Таким образом, мы установили, что в отношении первого уровня подтекста единственная разница, выявленная по двум анализируемым текстам, возможна лишь по одной характеристике – характеристике речевых особенностей Порфирия. Разница в количественном отношении формально свидетельствует в пользу текста Б.Акунина (количество применения приема «словоерсов» в полтора раза больше), но фактически подобное увеличение говорит о большей эксплицитности текста Б.Акунина (отметим, что прием «словоерсов» несет лишь одно невербализованное значение – стилистической маркированности, и увеличение его количества не привносит дополнительной информации о персонаже). Представляется, что этого языкового признака недостаточно для выявления общего уровневого статуса данных текстов и их сравнения по уровню насыщенности подтекстовыми смыслами.

Мы считаем, что различие по уровневому статусу художественных текстов (то есть по количеству подтекста), присутствует лишь на более высоких уровнях подтекста, где основой для сравнения являются обладающие одинаковой природой образования значения языковые единицы (лексии и коды), количество которых может быть основанием для сравнения текстов по смысловой насыщенности, другими словами, емкости и определяемого по этим признакам статусного уровня текстов.

3.3. Разница в количестве и качестве подтекста в романах Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ», выявляемая на втором уровне подтекста

В нижеприведенной таблице отображены данные по количеству подтекстовых смыслов, извлеченных из текстов Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» (П1) и Б.Акунина «ФМ» (П2) (в пределах одного восприятия). Количество лексий и кодов подсчитано для текстовых фрагментов – по 200000 печатных знаков.

Сравнительная таблица извлеченных подтекстовых значений

Автор / Наименование формы подтекста	Ф.М.Достоевский	Б.Акунин
Всего лексий	2932	2243
Лексий с единичным кодовым значением	469	1510
Лексий с двойным кодом	1525	670
Лексий с тройным кодом	498	43
Лексий с полной кодировкой	54	2
Единиц семного кода	1814	718
Единиц акционального кода	1066	705
Единиц референциального кода	1980	1175
Единиц герменевтического кода	749	412
Всего единиц кодов	5609	3010

В соответствии с этими данными, мы можем отметить, что количество лексий, как единиц подтекста занимающих определенное текстовое пространство, и их распределение по кодам, показывает, что в романе Ф.М. Достоевского выявляется преимущество по количеству подтекста, примерно в полтора-два раза.

Единственная позиция, в которой наблюдается преимущество Б.Акунина, это количество лексий с единичным кодовым значением – 1510 (у Ф.М. Достоевского таких лексий всего 469). Но это свидетельствует, скорее, о более низком уровне насыщенности подтекстом, поскольку лексии, в которых определяется единичное значение кода, представляются наименее сложными для извлечения имплицитного значения.

То есть в романе Б.Акунина большее количество именно самых простых лексий. На этом основании и весь роман становится более простым и доступным пониманию. Напомним, что общее количество лексий в романе Б.Акунина 2243 и из них 1510 – единичных, то есть простых единичных кодов примерно две трети от общего количества, а двойных, тройных и полных (670, 43 и 2 – соответственно) – примерно одна третья часть.

В отличие от этого общее количество лексий в романе Ф.М.Достоевского - 2932, из них всего 469 единичных, то есть примерно одна шестая часть от всего количества лексий. При этом двойных, тройных и полных -2077 – примерно пять шестых.

Общее число лексий у Ф.М.Достоевского больше примерно на четверть – 2932, против 2243 у Б.Акунина.

Количество лексий, в которых наблюдается одновременное значение двух кодов у Б.Акунина 670, и почти в два с половиной раза больше у Ф.М.Достоевского – 1525. То есть наблюдается усложнение смысла и повышение трудности его извлечения (необходимо в одном текстовом пространстве определить значения не одного, а двух разных кодов, определить разницу в их функции и номинировать их разными понятиями). Вследствие этого происходит и увеличение емкости текста, которое выражается в соединении в одном текстовом отрезке двух кодовых значений – то есть из примерно одинакового текстового пространства извлекается в два раза больше имплицитного смысла.

Еще выше эта разница в тройных значениях кодов – 43 у Б.Акунина, против 498 у Ф.М.Достоевского – более чем в десять раз.

И наивысший уровень подтекста, который определяется наличием в лексии значений всех четырех видов кодов, у Ф.М.Достоевского в двадцать семь раз выше: 54, против 2.

Абсолютное значение количества подтекстовых смыслов по количеству определяемых кодовых значений разнится почти в два раза: Б.Акунин – 3010, Ф.М.Достоевский- 5609.

Если посмотреть на соотношение количества кодов по отношению к количеству лексий, то разницу можно определить как:

Б.Акунин - 3010 кодов на 2243 лексии у, то есть в среднем **1,342 кода на 1 лексию**,

Ф.М.Достоевский - 5609 на 2932 у, то есть в среднем **1, 91 код на 1 лексию**.

В отношении количества подтекстового смысла на количество текстового объема (количества знаков на одну лексию) это соотношение выглядит следующим образом:

У **Акунина** это **89** знаков на одну лексию (200000:2243 = 89,16). **У Ф.М.Достоевского – 68** знаков (200000:2932 = 68,21). И на один код **у Б.Акунина** примерно **66** печатных знаков (200000:3010= 66,44), а **у Ф.М.Достоевского - 36** (200000:5610 = 36,66).

Таким образом, уже на основании этих данных, можно сделать вывод о том, что в вершинных текстах количество подтекста и емкость (по количеству смысла, приходящемуся на одинаковые текстовые фрагменты) выше, чем в текстах массовой литературы, которая по определению является более упрощенным вариантом передачи культурно-значимой информации для соответствующего уровня адресата (для адресата с невысоким уровнем познания).

Заметим, что данное сопоставление имеет абсолютный характер в пределах индивидуального восприятия. При этом оба автора являются одними из самых признанных авторов в своих сегментах читательских предпочтений: в классической – Ф.М.Достоевский, а в современной популярной – Б.Акунин (Г.Ш.Чхартишвили). Стоит отметить, что художественные тексты Б.Акунина представлены как объекты литературоведческих исследований (например, в учебном пособии М.А.Черняк «Массовая литература XX века» творчеству Б.Акунина посвящен целый параграф [Черняк 2009: 190-203]) и, на этом основании, могут быть рассмотрены в качестве весьма характерного явления современной массовой литературы.

Очевидно, что текст Ф.М.Достоевского при данном способе анализа оказывается выше по уровневому статусу, чем текст Б.Акунина.

На этом основании мы можем сделать предварительный вывод о том, что разница по количеству лексий и кодов, а также по количеству емкости подтекстовых смыслов (то есть соединении в одном текстовом отрезке нескольких видов подтекстовых значений) является определяющей в отношении индивидуального восприятия и возможности отнесения художественного текста к определенному (по уровню насыщенности подтекстовыми смыслами, или, другими словами, имплицитной информацией) уровневому статусу.

Отметим также, что не только общее количество лексий и кодов имеет немаловажное значение в определении уровневого статуса литературы. Наблюдаемое различие в количестве определенных кодов в текстах Ф.М.Достоевского и Б.Акунина является свидетельством определенной разницы в информационно-смысловом наполнении текстов.

При этом текст романа Б.Акунина «ФМ» является синтезом полного плагиата и авторской имитации стиля Ф.М.Достоевского (напомним, что мы выбрали для сравнительного анализа ту часть романа Б.Акунина, где представлена «первоначальная», якобы утерянная рукопись «Преступления и наказания» Ф.М.Достоевского).

В работе Ю.В. Букаревой содержится весьма ценное для нашей проблематики утверждение. Она пишет: «Так как модель является не просто образом-заместителем оригинала, а отображением целевым, возможно построить различные модели одного и того же текста в зависимости от разных коммуникативных целей» [Букарева 2006: 19]. Это утверждение в полной мере согласуется с той целевой и языковой разницей, которую мы обнаружили в романах Ф.М.Достоевского и Б.Акунина.

Не вызывает сомнений тот факт, что коммуникативные цели этих двух романов весьма далеки друг от друга. И если признанный в мировой культуре роман Ф.М.Достоевского содержит отражение общечеловеческого философского мировоззрения (признанного практически во всех современных культурах), то роман Б.Акунина преследует цели присущие массовому культурному продукту, основным предназначением которого является стимулирование потребительского спроса и, следовательно, воплощение в тексте прежде всего компонента удовольствия, который в виде подтекста воплощен в функции игры, то есть в языковом отношении определяется в преобладании эксплицитного выражения над имплицитным, а в отношении имплицитного – в преобладании одинарных кодировок, и, по способу запаковывания смысла, в преобладании акционального и референциального кодов.

Существующие работы по исследованию роли и функций чтения в современном обществе являются тому подтверждением. Так, например, из всех функций чтения перечисленных в исследовании Н.А.Стефанской (информационной, социализирующей, воспитательной, гедонистической (функция получения удовольствия) и эскапистской (уход от действительности)) [Стефанская 2013: 41], для текстов классической и массовой литератур можно составить иерархическую последовательность по степени количества и качества смысловых составляющих, где для классической литературы, исходя из наибольшего количества лексий со значением семного кода, следует говорить о превалировании информационной функции (передача знаний в форме наглядного моделирования), затем следует социализирующая функция (которая определяется наличием образов со значением семного и референциального кодов (в качестве моделирования бессознательного: семного – по Фрейду, референциального - по Юнгу)); третьей по значимости можно считать воспитательную

функцию классических текстов (эта функция более всего определяется с точки зрения литературоведения, как наличие определенной тематики, способствующей усвоению наиболее приемлемой для данного типа культуры идеологической позиции, а с точки зрения языка состоит в применении референциального кода в качестве способа запаковывания смысла), гедонистическая и эскапистская функции для текстов классической литературы являются «побочными» продуктами постольку, поскольку изначально присутствуют во всех литературных текстах как игровая составляющая, которая призвана доставлять удовольствие от самого процесса восприятия (мысленного моделирования) художественного текста (данные функции осуществляются в художественных текстах способом применения в основном акционального и отчасти герменевтического кодов).

В отличие от классических, в текстах массовой литературы, которым, в соответствии с вышеприведенными определениями, свойственны более упрощенная форма передачи информации, на первый план выступают гедонистическая и эскапистская функции. Это обстоятельство отмечает и Дж.Кавелти в своей работе «Изучение литературных формул»: «…два основных аспекта формульных структур: высокую степень их стандартизации и то, что они отвечают потребности читателя отдохнуть и уйти от действительности» [Кавелти 1996: 37]. В языковом отношении это выражается в более эксплицитном выражение смыслов, в том числе и закодированных в подтексте в основном на первом (наиболее доступном для извлечения) уровне. Поскольку художественный текст по языковой природе своей – информационный объект, в котором информация передается в форме образов, и без кодирования смысла ни один художественный текст не может существовать, то и в массовой литературе не может не быть подтекста, по самой природе вторичного моделирования (то есть построения модели, художественного образа), но количество его намного меньше и форма кодирования применяется в наиболее легко извлекаемом виде. То есть подтекст второго уровня (собственно лексии и коды) проявляется в основном в одинарных кодировках подтекстовых смыслов (одна треть значений в романе Б.Акунина и всего одна шестая в романе Ф.М.Достоевского).

В отношении отдельных видов кода, таких как акциональный и референциальный, в романе Б. Акунина на общее количество печатных знаков выявлено меньшее, чем в романе Ф.М.Достоевского. Количество кодов по двум этим видам (акционального: в романе Б.Акунина – 705, в романе Ф.М.Достоевского – 1066; референциального: Б.Акунин – 1175, Ф.М.Достоевский – 1980).

Но в отношении к общему количеству подтекста (в сравнении по количеству кодов), и в данном случае обнаруживается небольшое преимущество романа Б.Акунина, поскольку в романе Ф.М.Достоевского отношение количества, например, акционального кода к общему количеству кодов всего **0,19** (1066:5609=0,19), то есть примерно **одна пятая**, а в романе Б.Акунина это отношение равно, составляет **0,31,** то есть примерно **одна треть** (705:2243=0,3143).

Относительные значения референциального кода обнаруживают следующее соотношение.

В романе **Б.Акунина 0,39** (1175:3010= 0,3903) – то есть почти две пятых.

В романе **Ф.М.Достоевского 0,35** (1980:5609= 0.3530), чуть больше одной трети.

Эта разница также свидетельствует о том, что в тексте Б.Акунина «удельный вес» данных кодов на общее количество подтекстовых смыслов немного выше, чем в романе Ф.М.Достоевского, а значит и соответствие природе массовых текстов (эксплицированных и направленных на выполнение эскапистских и гедонистических функций чтения) – большее.

Третьей в этой иерархии можно назвать социализирующую функцию (в связи с высоким уровнем референциального кода, то есть эксплицированной информации о культурных стереотипах), после которой следуют воспитательная и информационная, которые, безусловно, также определяются в текстах массовой литературы, но, скорее, по остаточному принципу. В доказательство этого утверждения можно привести цитату из книги В.Я.Суртаева: «Искусство, в особенности там, где автор прибегает к коллажу, цитации, стилизации, сочинению от чужого лица – к игре на образованности – становится игровым полем» [Сургаев 2012: 280], то есть игра становится основным элементом данных текстов, и, соответственно, языковые приемы, преследующие цели моделирования игры, становятся основными для «облегченного» – массового – потребления текста. Языковые приемы в данном случае в отношении подтекста можно охарактеризовать в преимущественном применении акционального кода (как кода действия, события, который в восприятии вызывает динамический аспект «движения в кадре» и «монтажа») и референциального кода (как способа передачи информации уже известной адресату или, в крайнем случае, известной автору). Эти коды, как наиболее легкие для извлечения (референциальный – близок к эксплицитному выражению; акциональный – визуализирует действие, движение), являются основными для массовой литературы. Этот принцип подтверждается тем, что в случаях применения авторами массовых текстов приемов цитации и стилизации (в тексте Б.Акунина прием цитации использован в форме плагиата

оригинального текста Ф.М.Достоевского: описание комнаты старухи, письмо матери и др.) автором не преследуется цель передачи информации адресату для повышения его уровня образованности (на неудачную попытку стилизации языка эпохи указывает в своем исследовании Л.Г.Самотик: «По нашим наблюдениям говорить о стилизации языка эпохи в данном случае нельзя, речь скорее идет о своеобразной маркировке текста» [Самотик 2005: 6]), а преследуют, по большей части, манипулятивные цели получения экономической выгоды. Для этой цели создание в текстах преимущественно компонента удовольствия присущего процессу игры как виду деятельности является одним из главных приоритетов, поскольку чаще всего люди готовы платить именно за удовольствие.

В языковом отношении это выражено прежде всего в применении акционального и референциального кодов. Акционального – как способа визуализации действия и сюжета, референциального – как наиболее близкого к эксплицитному выражению (как изложению сведений, уже известных автору или адресату. Разница в количестве данных кодов наглядно это иллюстрирует.

(Напомним, что в тексте Б.Акунина доля акционального кода соответствует 1\4 части всех кодовых значений. В то же время в тексте Ф.М.Достоевского акциональный код занимает менее пятой части)

Подобное сравнение по семному и герменевтическому кодам демонстрирует следующие соотношения.

В тексте Ф.М.Достоевского семного кода 1814 единиц на 5609 кодовых значений, то есть емкость по семному коду (1814:5609) 0,32. В тексте Б.Акунина – (718:3010) 0,23.

То есть по соотношению 0,32 к 0,23, количество семного кода в тексте Ф.М.Достоевского выше в полтора раза.

Но по общему соотношению количества семного кода в текстовом пространстве мы можем констатировать: у Ф.М.Достоевского на 200000 знаков приходится 1980:200000=0,0099 кодов на 1 знак, что в приближении можно определить как одна сотая кода на один знак. А у Б.Акунина это соотношение 1175:200000=0,0059, то есть шестьдесят тысячных на один знак, что почти в два раза меньше, чем насыщенность текста Ф.М.Достоевского. Семный код как код нового (сложного и ранее неизвестного) знания о мире человека, является одним из основных кодов, передающих новые смыслы (информацию без усложнения лексического значения), поэтому уменьшение его количества отражается на восприятии адресата, как изменение в сторону более легкого извлечения имплицитного значения. Соответственно для массовой

литературы, как литературы существующей не для познания а, скорее для удовольствия, характерным признаком будет являться отсутствие семного кода (или уменьшение его количества). Доводом в пользу этого утверждения можно считать высказывание П.Бурдье о том, что «упрощающий дискурс – оружие для манипуляций с этим миром» [Бурдье 1994: 85]. Таким образом, в обоих случаях преимущество текста Ф.М.Достоевского не вызывает сомнений.

Лишь по герменевтическому коду наблюдается относительное соответствие количества кодов по отношению к общему количеству лексий: у Ф.М.Достоевского (749:5609) 0,1335, у Б.Акунина (412:3010)0,1368. (Отметим, что по абсолютным показателям у Ф.М.Достоевского преимущество – почти в два раза).

В соответствии с выявленной во второй главе ролью герменевтического кода, как структурообразующего принципа построения «модели-художественного текста», отсутствие разницы в его количестве полностью (имеется в виду относительное количество) согласуется с целями и задачами его применения. Мы можем предположить, что определенная разница по этому виду кода (герменевтическому) присутствует на третьем уровне подтекста и связана со смысловой составляющей выраженной в уровне экспликации вопросно-ответного принципа (данное предположение требует отдельного исследования и не укладывается в рамки нашей работы, но частично это будет рассмотрено в последующих параграфах)).

В результате произведенных вычислений мы, сравнивая полученные данные, можем констатировать, что в тексте Ф.М.Достоевского гораздо больше количество семного кода. В тексте Б.Акунина наблюдается незначительное преобладание доли акционального и референциального кодов. Таким образом, экстраполируя полученные данные на категории литературных текстов, к которым, по общему мнению, принадлежат выбранные для исследования тексты (Ф.М.Достоевский – признанная мировой культурой классика, Б.Акунин – массовый литературный продукт, в некоторых исследованиях причисленный к беллетристике [Черняк 2009]), мы можем предположить, что статусный уровень художественного текста зависит, прежде всего, от наличия и количества семного кода, то есть значений, наиболее близких к определению подтекста как языкового явления.

Предварительный вывод о полученных данных заключается в следующем: не только общее количество лексий и кодов, но и распределение этого количества по определенным видам кодов имеет немаловажное значение в определении уровневого статуса литературы.

3.4. Языковые способы образования имплицитного значения и выявленная разница на втором уровне подтекста в романах Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б.Акунина «ФМ»

Наиболее наглядным примером отличий по количеству и качеству подтекста второго уровня, на наш взгляд, является «письмо матери Раскольникова» (практически полный плагиат из романа Ф.М.Достоевского, приведенный в усеченном варианте в романе Б.Акунина, но оставшийся текст практически полностью идентичен оригиналу, за исключением некоторых стилистических изменений, произведенных для логической связки секвестированных фрагментов).

Кроме общего сокращения текста «Письма» (5452 знака у Б.Акунина; 17613 – в романе Ф.М. Достоевского), и, безусловно, вследствие этого сокращения общего количества лексий и кодов (лексий: 198 против 58; и кодов 368 против 100), мы наблюдаем тенденцию к сокращению количества подтекстовых единиц в одинаковых текстовых фрагментах (в тексте Б.Акунина подтекста меньше, чем в тексте Ф.М.Достоевского). Это весьма характерное и объяснимое явление, на наш взгляд, связано, прежде всего, с отсутствием в тексте Б.Акунина внутритекстовой пресуппозиции.

Этот вывод подтверждается следующими фактами из сравнения данных текстов.

Например, поскольку Б.Акунин выбросил большую часть оригинального текста, оставив только схематичное изображение основной любовной интриги и обоснование предстоящей встречи матери и сестры с сыном и братом, упразднив все остальные смыслы, связанные с душевными переживаниями и психологическими аспектами отношений как между Дуней и Свидригайловым, так и между матерью и Раскольниковым, то из текста исчезли смыслы, которые для оставшейся части представляли собой внутритекстовую пресуппозицию, на основе которой в оригинальном тексте извлекается множество смыслов. Эти смыслы не могут быть извлечены в усеченном варианте (разумеется, если адресат не был знаком с оригиналом). Этот прием урезания (секвестирования) текста для упрощенной формы передачи информации очень верно охарактеризован в работе А.Г Сонина, посвященной производству комиксов, где он упоминает высказывание французского исследователя Ж.Трамсона, который классифицирует два типа адаптации: «текстуальную (или буквальную) и поэтическую (или критическую). Разумеется, наиболее распространенной формой является текстуальная адаптация, суть которой заключается в выделении ключевых сцен с последующим их соединением при помощи связок,

не позволяющих потерять нить повествования. Нередко в этом случае и личность персонажа и общая атмосфера повествования приносится в жертву Событию» [Сонин, Сонина 1998: 41]. Аналогичный процесс наблюдается и в текстовой адаптации Б.Акунина, где он, выбросив все значимые для Ф.М.Достоевского смыслы, оставляет адресату лишь определенный ряд Событий, которые способны вызывать в воображении лишь визуально воспроизводимые «действия» персонажей, в ущерб множеству смыслов, которые передают информацию не только о героях художественного текста, но и в символическом изображении страданий и внутренних духовных переживаний передают множество информации об универсуме человека, то есть являются моделью, в которой воплощено множество важных общечеловеческих смыслов.

Сравним два этих фрагмента. Во-первых, на общее количество текста Ф.М.Достоевского 17760 знаков приходится 194 лексии (в среднем 91, 55 знака на одну лексию), а на общее количество текста Б.Акунина – 5512 знаков – приходится 58 лексий (в среднем на 95 знаков одна лексия). Таким образом, мы можем констатировать, что происходит не только сокращение общего количества текста, но и сокращение его емкости (91,5 знака на лексию и 95 знаков – соответственно).

Отметим еще раз, что Б.Акунин применяет чистый плагиат, но в результате сокращения текстового объема (речь идет исключительно о «письме матери Раскольникова») именно благодаря потере смысла недостающих текстовых фрагментов наблюдается потеря и значений, определяемых в подтексте.

Следует отметить, также, что в данном случае речь идет в основном о языковых способах образования подтекстовых смыслов с помощью интралингвистического контекста и внутритекстовой пресуппозиции, поскольку категории импликации и коннотации в рассматриваемых фрагментах не отличаются друг от друга в силу абсолютной идентичности текстов. Кроме того, категория внешней пресуппозиции в данном случае не является основной при возникновении подтекстовых смыслов, хотя отдельные лексии могут быть рассмотрены и с этой точки зрения, но для нас в данном случае это не существенно, поскольку сравнение количества подтекста производится на основе метода интроспекции, и внешняя пресуппозиция в данном случае так же представляет собой сознание и понимание в рамках одного восприятия, то есть не отличается по уровню фоновых знаний адресата.

3.4.1.Образование подтекстового смысла с помощью языковой категории интралингвистического контекста

Рассмотрим вначале образование повышенной емкости с помощью интралингвистического контекста.

Уже в самом начале письма матери наблюдается данное, вполне характерное, явление.

В тексте Ф.М.Достоевского: «… вот уже два месяца с лишком как я не беседовала с тобой письменно, (Р.) (П 1, Л 637) от чего сама страдала и даже иную ночь не спала, думая. (Р., С.) (П 1, Л 638) Но, наверно, ты не обвинишь меня в этом невольном моем молчании. Ты знаешь, как я люблю тебя; (Р., С.) (П 1, Л 639) ты один у нас, у меня и у Дуни, ты наше всё, вся надежда, упование наше. (Р., С.) (П 1, Л 640)».

В тексте Б.Акунина: «вот уже два месяца с лишком как я не беседовала с тобой письменно (Р.) (П 2, Л 830), от чего сама страдала и даже иную ночь не спала, думая (Р., С.) (П 2, Л 831). Ты знаешь, как я люблю тебя; ты один у нас, у меня и у Дуни, ты наше все, вся надежда, упование наше (Р., С.) (П2, Л 832)».

В вышеприведенных примерах мы имеем возможность пронаблюдать, каким образом в результате исключения интралингвистического контекста (в частности, фразы «Но, наверно, ты не обвинишь меня в этом невольном моем молчании») изменяется извлекаемое значение и, соответственно, меняется количество лексий и состав кодов.

То есть при наличии этой фразы в тексте (П 1, Л 639) извлекаемое значение последующих слов «ты знаешь, как я люблю тебя» является продолжением мысли «почему ты не обвинишь меня» и может быть представлено номинацией «потому что я люблю тебя и оберегаю тебя от волнений», соответственно, изменяется членение текста на лексии (в частности, передвигается граница этой и последующей лексий и из трех лексий оригинального текста остается всего две лексии в тексте Б.Акунина). На основе данного изменения, вытекающим из данного обстоятельства следствием является и повышение количества кодовых значений.

Схематично это увеличение емкости можно представить следующим образом. (Знаками «-» (тире), обозначены идентичные фрагменты текста, знаками «+» (плюс) обозначены слова, присутствующие в тексте Ф.М.Достоевского и вырезанные из текста Б.Акуниным, и знаком «*» (звездочка) обозначены слова, которые в результате отсутствия интралингвистического контекста были отнесены по имплицитному значению к следующей лексии).

Приложение 1 Приложение 2

Лексия 637 - - - - - - - - - - - -	Р.С.	Лексия 830 - - - - - - - - - - - - -	Р.С.
Лексия 638 - - - - - - - - - -	Р.С.	Лексия 831 - - - - - - - - - -	Р.С.
Лексия 639 ++++++++++ ******	Р.С		
Лексия 640 - - - - - - - - - - - - - - -	Р.С.	Лексия 832 ******- - - - -- - - - - - - -	Р.С.
Итого: Лексий – 4	Кодов – 8	Лексий – 3	Кодов -6

Аналогичный случай представляет собой и следующий фрагмент.

В тексте Ф.М.Достоевского «Он уже надворный советник, Петр Петрович Лужин» (П 1, Л 720 - Р., Г., С.), «и дальний родственник Марфы Петровны, которая многому в этом способствовала (П 1, Л721 - Р., Г.)» подтекстовый смысл возникает на основе фразы «Он уже надворный советник», в которой не только информация о статусе в обществе П.П.Лужина определяется как референциальный код (сведения, известные матери Раскольникова и переданные эксплицитно), но и с помощью наречия «уже» появляется значение семного кода, которое можно номинировать как «он достиг немалых успехов в службе, поскольку «уже» стал надворным советником». Герменевтический код в двух лексиях представлен «ответом» на вопрос «кто он?» (в лексии 715) – «Петр Петрович Лужин – надворный советник, дальний родственник Марфы Петровны». Референциальный – определяется по скрытому смыслу «передача сведений известных матери Раскольникова» и, во второй лексии, сообщение о роли и участии Марфы Петровны.

В тексте Б.Акунина этот фрагмент представлен таким образом: «Это Петр Петрович Лужин, дальний родственник Марфы Петровны, которая многому в этом способствовала» (П 2, Л 861 – Р.). Отсутствующие слова «уже надворный советник» в тексте Б.Акунина, во-первых, не позволяют разделить смысл на две части; во-вторых, наиболее воспринимаемым здесь является референциальный код, как простая констатация фактов, известных матери Раскольникова. Не определяется даже значение герменевтического кода, как ответ на вопрос «кто жених?», поскольку вопрос содержался в предыдущей лексии и, не разделенный текстовым пространством, (отметим, что в тексте Ф.М.Достоевского между вопросом и ответом 5 лексий), не является самостоятельным кодом. (Во второй главе мы рассматривали подобные случаи мини-герменевтики как определенный способ выражения акционального и референциального кодов, как форму передачи эксплицитной информации в игровом изображении).

С помощью интралингвистического контекста возникает имплицитное значение и в следующих лексиях.

В тексте Ф.М.Достоевского: «Но теперь, слава богу, я, кажется, могу тебе еще выслать (Р., С.) (П1, Л 647), да и вообще мы можем теперь даже похвалиться фортуной, о чем и спешу сообщить тебе (Р., С., Г.) (П 1, Л 648)».

В тексте Б.Акунина: «Но теперь, слава богу, мы можем похвалиться фортуной, о чем и спешу сообщить тебе. (Р., С.) (П 2, Л 835)».

Отсутствие фразы «…я, кажется, могу тебе еще выслать», приводит к смысловой редукции и невозможности разделения данного фрагмента на две лексии. Кроме того, здесь определенным образом задействован и языковой способ образования подтекстового смысла с помощью внутритекстовой пресуппозиции. Содержащиеся в предыдущих лексиях текста Ф.М.Достоевского сведения («Пятнадцать рублей, которые я послала тебе четыре месяца назад, я занимала, как ты и сам знаешь, в счет этого же пенсиона, (П 1, Л 643), у здешнего нашего купца Афанасия Ивановича Вахрушина. (П 1, Л 644) Он добрый человек и был еще приятелем твоего отца (П1, Л 645). Но, дав ему право на получение за меня пенсиона, я должна была ждать, пока выплатится долг, а это только что теперь исполнилось, так что я ничего не могла во всё это время послать тебе (П 1, Л 646).») отсутствуют в романе Б.Акунина, и это приводит к тому, что лексия теряет не только компонент смысла в интралингвистическом контексте, но и внутритекстовую пресуппозицию, которая дает возможность более точного понимания скрытого смысла данных лексий.

В тексте Ф.М.Достоевского перечисление обстоятельств и подробностей финансовых затруднений матери Раскольникова, во-первых, позволяет выделить две лексии: за счет содержащегося в лексиях №643-646 неоднократного повторения информации о долге («занимала», «дав ему право на получение моего пенсиона», «Должна была ждать пока выплатится долг») и информации о трудностях существования матери Раскольникова («пятнадцать рублей», « четыре месяца», « в счет пансиона», «ничего не могла… послать тебе»), мы можем определить имплицитное значение в лексии №647: «Но теперь, слава богу, я, кажется, могу тебе еще выслать» и лексии №648: «да и вообще мы можем теперь даже похвалиться фортуной, о чем и спешу сообщить тебе». Кроме того, в лексии№ 648 появляется дополнительное значение герменевтического кода: «какая-же такая фортуна возможна в подобных обстоятельствах?», и возможно даже надстраиваемое значение семного кода (3-й уровень подтекста) «фортуна в подобных обстоятельствах напоминает кусок сыра в мышеловке

и превращается в свой антипод – горя и страдания». Таким образом, при наличии пресуппозиции (Л 643-646), в тексте Ф.М.Достоевского мы выделяем две лексии и пять кодов (Л 647 – Р., С.; Л 648 – Р., С., Г.).

В отличие от текста Ф.М.Достоевского, в тексте Б.Акунина, при отсутствии внутритекстовой пресуппозиции, не представляется возможным разделение смысловой составляющей данной лексии на две части. Кроме того, исчезают значения не только третьего уровня подтекста, но и герменевтического кода, поскольку в данном контексте «фортуна» воспринимается просто как неожиданное везение (как, например, выигрыш в лотерею). В результате мы определяем одну лексию (Л 835) и всего два кода (Р., С.).

Обратимся теперь к примерам, которые иллюстрируют увеличение емкости текста на основе применения такого языкового способа, как внутритекстовая пресуппозиция.

3.4.2. Образование подтекстового смысла с помощью языковой категории внутритекстовая пресуппозиция

На основе внутритекстовой пресуппозиции возникает дополнительный имплицитный смысл и в следующих лексиях.

«Я уже упомянула, что Петр Петрович отправляется теперь в Петербург. У него там большие дела, и он хочет открыть в Петербурге публичную адвокатскую контору» (П1, Л764) (Р., С.).

В тексте Ф.М.Достоевского в данной лексии извлекается два кодовых значения. Референциальный – код «уже известного» матери Раскольникова, о том, что Петр Петрович отправляется в Петербург и хочет открыть там адвокатскую контору. Но здесь присутствует еще и семный код. В результате внутритекстовой пресуппозиции (П1, Л728-737) эпитет «большие» (дела) приобретает оттенок двусмысленности, поскольку из предыдущего текста становится понятным тщеславный и лицемерный характер героя («объявил что он человек положительный», «враг всех предрассудков», **но** «во многом разделяет… «убеждения новейших поколений наших»). Использованный Ф.М.Достоевским союз «но» изменяет смысл вплоть до противоположного и имплицитно передает информацию о лицемерии, то есть о стремлении внешне соответствовать новым взглядам. При этом адресат, обладающий достаточными фоновыми знаниями (внешней пресуппозицией), понимает, что в глубине души (и именно союз «но» является «оговоркой по Фрейду») взгляды Лужина соответствуют предрассудкам.

Данный код (семный) отсутствует в тексте Б.Акунина именно в силу отсутствия внутритекстовой пресуппозиции. (П2, Л873) «Я уже упомянула, что Петр Петрович отправляется теперь в Петербург. У него там большие дела, и он хочет открыть в Петербурге публичную адвокатскую контору (Р.)». Не зная о тщеславии и лицемерии Лужина, читатель не может извлечь смысл, присутствующий в тексте Ф.М.Достоевского. Таким образом, эпитет «большие» воспринимается только в своем эксплицитном значении (например, просто «большие», а не маленькие) и в лексии отсутствует семный код. Извлекается только референциальный – сведения, известные матери Раскольникова.

Аналогично изменяется имплицитный смысл в следующих фрагментах.

В тексте Ф.М.Достоевского с пресуппозицией в лексиях 671-677 (повествующих о страданиях и характере Дуни), в лексии (П1, Л706) «В то же утро, нисколько не мешкая, прямо от нас отправилась по всем домам в городе и везде, в самых лестных для Дунечки выражениях, проливая слезы, восстановила ее невинность и благородство ее чувств и поведения» (А., С.) – извлекается акциональный (Марфа Петровна поехала по домам) и семный (извлекаемое значение: «после всех Дуниных страданий наконец-то восстанавливалась справедливость»). А в тексте Б.Акунина (П2, Л858), «В то же утро, нисколько не мешкая, прямо от нас, отправилась по всем домам в городе и везде, в самых лестных для Дунечки выражениях, проливая слезы, восстановила ее невинность и благородство ее чувств и поведения» (А., Р.), при сохранении акционального кода (поехала по домам, проливала слезы) вместо семного появляется референциальный (извлекаемое значение «в лестных выражениях восстановили ее невинность и благородство») можно охарактеризовать если не как положительно оцениваемое, то как нейтральное и не слишком экспрессивное. Отсутствие экспрессии объясняется отсутствием знания о страданиях Дуни, то есть отсутствием внутритекстовой пресуппозиции.

Примерно так же выглядит имплицитный смысл и в лексиях №847 (П2) и, соответственно, Л678 (П1), в которых текст абсолютно идентичен: «Развязка же наступила неожиданная. Марфа Петровна нечаянно подслушала своего мужа, умолявшего Дунечку в саду, и, поняв все превратно, во всем ее же и обвинила, думая, что она-то всему и причиной»), но, благодаря вышеуказанной внутритекстовой пресуппозиции (П1, Л671-677), в тексте Ф.М.Достоевского, кроме референциального (сообщение сведений известных матери) и герменевтического (частичный ответ на вопросы появившиеся в лексиях 648 («мы можем теперь похвалиться фортуной» – какой фортуной?) и 651 («Кончились ее истязания» – какие истязания? И каким образом кончились?), извлекается дополнительный семный код

(извлекаемое значение «несправедливость и нелепость подобных подозрений»), а в тексте Б.Акунина данный код отсутствует (извлекаемое значение – частичный ответ на вопросы и констатация фактов из Дуниной судьбы), благодаря отсутствию эмоционально-экспрессивного компонента, переданного в тексте Ф.М.Достоевского внутритекстовой пресуппозицией.

Аналогичное несоответствие кодировок наблюдается и в лексиях П1, Л700, 701, 702 и, соответственно, П2, Л856.

«Марфа Петровна была совершенно поражена и (Р., С.) (П1 Л700) «вновь убита», (С.) (П1, Л 701) как сама она нам признавалась (Р.) (П1, Л702) – в тексте Ф.М.Достоевского.

«Марфа Петровна была совершенно поражена и «вновь убита», как она сама нам признавалась» (Р., С.) (П2, Л856) – в тексте Б.Акунина.

Три лексии (и четыре кода) у Ф.М.Достоевского, и одна лексия (два кода) – у Б.Акунина. Языковая разница выявляется на основе отсутствия все той же внутритекстовой пресуппозиции (П1, Л671-677).

Эта же пресуппозиция определяет разницу в количестве подтекстовых смыслов и в лексиях, Л679 (П1) – Л847 (П2).

«Произошла у них тут же в саду ужасная сцена: Марфа Петровна даже ударила Дуню, не хотела ничего слушать, а сама целый час кричала и, наконец, приказала тотчас же отвезти Дуню ко мне в город» (А., Г., С.) (П1, Л679) – семный код может быть номинирован как «несправедливость подозрений и обвинений Марфы Петровны».

«Произошла у них тут же в саду ужасная сцена: Марфа Петровна даже ударила Дуню, не хотела ничего слушать, а сама целый час кричала и, наконец, приказала тотчас же отвезти Дуню ко мне в город» (Р., Г.) (П2, Л847). Отсутствие семного кода является следствием отсутствия внутритекстовой пресуппозиции, и подтекст в извлекаемой номинации представлен просто как перечисление произошедших и известных матери Раскольникова событий.

Еще один пример, подтверждающий влияние внутритекстовой пресуппозиции на наличие имплицитного смысла, содержится в следующих лексиях:

«Узнай, милый Родя, что к Дуне посватался жених»(П1, Л715) (Г., Р.) «и что она успела уже дать свое согласие, о чем и спешу уведомить тебя поскорее» (П1, Л716) (Г., Р., С.).

«Узнай, милый Родя, что к Дуне посватался жених и что она успела уже дать свое согласие, о чем и спешу уведомить тебя поскорее» (П2, Л860) (Г., Р.).

В тексте Б.Акунина в интралингвистическом внутритекстовом контексте выделяется одна лексия и в ней лишь два кода: герменевтический – что за жених, и референциальный – сообщение о сватовстве и согласии Дуни.

В тексте Ф.М.Достоевского, благодаря предыдущей внутритекстовой пресуппозиции, становится возможным определить и номинировать следующие значения. Во-первых, это значение двух отдельных смыслов. Лексия №715 «Узнай милый Родя, что к Дуне посватался жених» вызывает в восприятии не только факт сватовства о котором сообщается (референциальный код), но и вопрос о том, кто таков этот неожиданный жених (герменевтический код). Кроме того, в тексте Б.Акунина отсутствуют лексии № 660-666, 671-677, 687-693, 695-699, 707-713 из оригинального текста Ф.М.Достоевского, содержащие сведения о событиях связанных с Дуниной судьбой и ее моральными и материальными страданиями, то есть отсутствует внутритекстовая пресуппозиция, благодаря которой становится возможным разделение значения данного текстового пространства на две лексии. При этом, вторая лексия (: «..и что она успела уже дать свое согласие, о чем и спешу уведомить тебя поскорее». (П1, Л716) (Г., Р., С.)) приобретает значение еще одного референциального кода (Дуня дала согласие), еще одного герменевтического кода (почему Дуня так быстро согласилась на это предложение?) и дополнительное значение семного кода, обусловленное внешней пресуппозицией адресата. Номинация в данном случае может быть представлена в виде рассуждения «такое быстрое согласие может означать либо огромную, внезапно вспыхнувшую страсть, либо определенную степень принуждения (обстоятельствами или людьми окружающими Дуню)», причем второе значение на фоне внутритекстовой пресуппозиции представляется более вероятным. Поскольку данное значение появляется уже после извлеченного значения второго уровня подтекста («почему Дуня согласилась?»), то в данном случае мы наблюдаем пример надстраивания подтекста в третьей степени, то есть сложность извлечения данного значения возрастает, и его с полным основанием можно отнести к третьему уровню подтекста.

В сравнении подтекста лексий 757 (П1) и 871 (П2) «…и непременно так (С.) (П1, Л756). Например, при втором визите, уже получив согласие, в разговоре он выразился, что уж и прежде, не зная Дуни, положил взять девушку честную, но без приданого, и непременно такую, которая уже испытала бедственное положение; потому, как объяснил он, что муж ничем не должен быть обязан своей жене, а гораздо лучше, если жена считает мужа за своего благодетеля» отмечается следующая разница по кодам Л 757 - А., Р., С. , Л 871 - Р., С. В

данном случае отсутствие семного кода так же объясняется отсутствием внутритекстовой пресуппозиции, когда адресату неизвестно ни о страданиях Дуни, ни о бедственном материальном положении семьи, ни о подлости Лужина. Семный код в тексте Ф.М.Достоевского в этой лексии может быть номинирован как «извращенное и целенаправленное унижение Дуни ее будущим женихом», а исходя из внешней пресуппозиции можно дополнить номинацию значением «редкая сволочь этот Лужин» (третий уровень подтекста).

Аналогичным примером является фрагмент текста «Перед тем, как решиться, Дунечка не спала всю ночь и, полагая, что я уже сплю, встала с постели и всю ночь ходила взад и вперед по комнате; наконец стала на колени и долго и горячо молилась перед образом (Р., А., С.) (П1, Л762), а наутро объявила мне, что она решилась (Р., А.) (П1, Л763)». В данной лексии в тексте Ф.М.Достоевского, благодаря внутритекстовой пресуппозиции о страданиях Дуни и о нелицеприятном характере Лужина, возникает дополнительная лексия. Номинация семного кода в лексии 762 может быть представлена как «сильное душевное переживание, страдание Дуни», а в тексте Б.Акунина «Перед тем, как решиться, Дунечка не спала всю ночь и, полагая, что я уже сплю, встала с постели и всю ночь ходила взад и вперед по комнате; наконец стала на колени и долго и горячо молилась пред образом, а наутро объявила мне, что она решилась (Р., С., А.) (П2, Л872)» семный код может быть номинирован как «какое-то волнение (может быть и радостное) происходило в душе Дуни».

Таким образом, даже в этом примере абсолютного плагиата из романа Ф.М.Достоевского, мы можем отметить более емкий характер оригинального текста и, соответственно, наличие большего количество информации, возможной для извлечения из текста Ф.М.Достоевского.

3.5.Разница текстов Ф.М.Достоевского и Б.Акунина, выявленная на третьем уровне подтекста

Наибольшая разница в имплицитных значениях присутствует, по нашим данным, на третьем уровне подтекста.

Первым подтверждением этого факта является сравнение по количеству лексий с повышенным уровнем кодирования. (Напомним, что в тексте Ф.М.Достоевского количество лексий с двойным кодом 1525, с тройным кодом - 498, а в тексте Б.Акунина лексий с двойным

кодом – 670, с тройным – 43 . И полный набор кодовых значений соединенный в одной лексии в тексте Ф.М.Достоевского – 54, и в тексте Б.Акунина – 2).

Однако, не только количество лексий с повышенным содержанием подтекстовых смыслов отличает роман Ф.М.Достоевского от романа Б.Акунина. В процессе анализа, заметным образом в лексиях с двойным кодированием в тексте Б.Акунина наблюдается преобладание сочетаний Акционального и Семного кода, то есть действия с дополнительной семантикой; а тексте Ф.М.Достоевского двойное кодирование чаще всего представлено сочетанием семного и референциального кодов, то есть репрезентацией чего-то уже известного с дополнительным семантическим значением.

Например.

В тексте Б.Акунина: « – Вы вот что-с, – тонким пронзительным голосом сказал надворный советник, крепко взяв Заметова за рукав и ведя к столу, где стоял графин с водой. — Вы перво-наперво выпейте воды-с… Вот так-с. А теперь сядьте в кресло (А., С.) (П2, Л39) и по порядку-с, по порядку-с. Кого убили, где, кто? (А., С.) (П2, Л40). Выпив воды и усевшись, Александр Григорьевич немного успокоился, и оказалось, что он умеет говорить и связно, и толково (А., С.) (П2, Л41)», сочетание акционального и семного кода описывает ситуацию, когда герои совершают определенные действия, в том числе речевое действие в лексии №40, как проговаривание фразы с определенным дополнительным смыслом, выраженным акциональным кодом, к которому присоединяется семный код в качестве дополнительного. Так в лексии 39 номинацию в эксплицитном виде можно выразить примерно следующим образом: «Порфирий Петрович пытается успокоить Заметова словами «Вы вот что-с… Вы перво-наперво выпейте воды-с… Вот так-с. А теперь сядьте в кресло» (Акциональный код). При этом сам герой очень волнуется («тонким пронзительным голосом»), не всегда находит нужные слова (многоточия) и старается получить максимум сведений от письмоводителя, используя известный в психологии прием управления поведением человека с помощью прямого руководства его действиями («крепко взяв за рукав и ведя к столу») (Семный код)». В лексии 40 номинация может быть примерно следующая: «Порфирий Петрович приказывает Заметову рассказать про все события (Акциональный код) и регулирует ход его рассуждений, определяя порядок важных деталей необходимых для расследования («Кого убили, где, кто?»)». (Семный код). В лексии 41 – «Заметов садится в кресло, выпивает воду, немного успокаивается (Акциональный код), и оказывается что он вовсе не такой уж неврастеник и идиот («… оказалось, что он умеет

говорить связно и толково»), как, наверное, вначале показалось Порфирию Петровичу (?), или читателю(!?)» (Семный код).

В тексте Ф.М.Достоевского: «Бывало, лежи, как скот, только брань! А ныне: на цыпочках ходят, детей унимают: "Семен Захарыч на службе устал, отдыхает, тш!" Кофеем меня перед службой поят, сливки кипятят! (Р., С.) (П1, Л389) Сливок настоящих доставать начали, слышите! (Р., С.) (П1, Л390) И откуда они сколотились мне на обмундировку приличную, одиннадцать рублей пятьдесят копеек, не понимаю? Сапоги, манишки коленкоровые – великолепнейшие, вицмундир, всё за одиннадцать с полтиной состряпали в превосходнейшем виде-с. (Р., С.) (П1, Л391) Пришел я в первый день поутру со службы, смотрю: Катерина Ивановна два блюда сготовила, суп и солонину под хреном, о чем и понятия до сих пор не имелось. (А., Р., С.) (П 1, Л 392) Платьев-то нет у ней никаких... то есть никаких-с (Р., С.) (П1, Л393), а тут точно в гости собралась, приоделась (Р., С.) (П1, Л394), и не то чтобы что-нибудь, а так, из ничего всё сделать сумеют: причешутся, воротничок там какой-нибудь чистенький, нарукавнички, ан совсем другая особа выходит, и помолодела, и похорошела (Р., С.) (П1, Л395). Сонечка, голубка моя (Р., С.) (П1, Л396), только деньгами способствовала, а самой, говорит, мне теперь, до времени, у вас часто бывать неприлично, так разве, в сумерки, чтобы никто не видал» (Р., С.) (П1, Л397) – из девяти лексий только в одной добавляется акциональный код («пришел я в первый день поутру со службы»), все остальные лексии содержат лишь референциальный и семный коды. Референциальный – как сведения и события известные герою и передаваемые собеседникам (прежде всего адресатам-читателям, но в форме рассказа случайному человеку (Раскольникову)) .

Семный код в этих лексиях можно номинировать примерно следующими дефинициями: в лексии 389 «семья заботится о кормильце, стараются сделать для него и его комфорта все возможное», в лексии 390 «и даже невозможное («Сливок настоящих доставать начали, слышите!»)», в лексии 391 «Катерина Ивановна где-то достала денег, скорее всего в долг, или взяла у Сони, и потратили все на одежду мужа, стараясь чтобы к службе он выглядел достойно», в лексии 392 «для того, чтобы муж вел себя достойно, Катерина Ивановна приготовила изысканные блюда, чего в прежние времена, когда он пил и не работал, никогда не делала», в лексии 393 « у самой Катерины Ивановны нет никакой одежды, то есть она настолько бедна, что даже пьяница муж замечает это и в замешательстве констатирует (семный код в данном случае передан многоточием «Платьев-то нет у ней никаких...»), в лексии 394 « Катерина Ивановна рада и счастлива тем, что муж образумился («а тут точно в гости собралась, приоделась»)», в

лексии 395 «Катерина Ивановна очень изобретательна и аристократична» («… а так, из ничего всё сделать сумеют: причешутся, воротничок там какой-нибудь чистенький, нарукавнички, … и помолодела, и похорошела»)», в лексии 396 «Мармеладов очень любит свою дочь («Сонечка, голубка моя»)», в лексии 397 «Соня дает деньги семье, но по положению своему в обществе ее появление в семье компрометирует Мармеладова и Катерину Ивановну, свидания с дочерью возможны только в темное время суток».

В каждой из вышеприведенных лексий в результате соединения семного и референциального кодов возникает определенный синтез смысла, который в литературоведении принято называть символизацией, то есть превращением единичного примера в типичное назидание.

В самом начале нашей работы мы говорили о том, что, в классификации Р. Барта выделено пять видов кодирования, пятый вид – символический. Поскольку символический код в рамках языкознания состоит из синтеза двух кодов (референциального – как уже известного значения и семного – как нового значения), то в нашей работе символический код в парадигму простейших кодовых значений не укладывается. В качестве составного кода с дополнительным семным значением (тем значением, которое у Р.Барта было классифицировано как символическое), мы рассматриваем его как повышенный уровень кодирования, и, соответственно, относим его к третьему уровню подтекста по сложности своего извлечения.

Наличие в тексте Ф.М.Достоевского множества подобных сочетаний, говорит нам о том, что в данном случае задача литературного тексте – символизация всеобщего закона в единичном частном примере – полностью выполняется.

Вернемся к вышеприведенным примерам.

В лексиях 389, 390 «семья заботится о кормильце, стараются сделать для него и его комфорта все возможное (и даже невозможное в – лексии 390)» – символизирована забота любящей семьи о своем кормильце (так происходит в любой семье, которая любит своего отца, то есть здесь единичное «любовь Катерины Ивановны и детей» – является символом всеобщего «все любящие семьи заботятся об отце и муже»).

В лексии 391 «Катерина Ивановна где-то достала денег, скорее всего в долг, или взяла у Сони, и потратили все на одежду мужа, стараясь, чтобы к службе он выглядел достойно» – символизировано стремление любящей жены создать образ процветающей семьи, готовность на жертвы ради соответствия приличиям, принятым в обществе правилам: одежда должна быть достойной. В лексии 392 символизирована забота не только о внешнем виде главы семьи, но и

стремление порадовать и побаловать его за труды его праведные (вкусными блюдами). В лексии 393 символизировано значение «если муж пьет, то у жены нет даже платьев». В лексии 394 символизирована надежда на лучшее и стремление поддержать мужа в его стремлении возвратиться к работе. В лексии 395 символизировано стремление сделать все возможное, чтобы помочь мужу, даже из ничего сделать «совсем другую особу» на радость мужу и зависть окружающим. В лексии 396 символизирована отцовская любовь, когда любят дочку не за то, что она стала проституткой, пожертвовала собой и своей репутацией для семьи, и для отца, а безотносительно ко всему – просто потому, что она – дочь. В лексии 397 символизировано положение проституток в обществе – компрометирует семью, но все равно очень любит, помогает деньгами и приходит на встречи, пусть и только вечерами.

Таким образом, из вышеперечисленных примеров мы можем сделать вывод – символический код (по Р.Барту) является в художественном тексте соединением двух более простых кодов – семного и референциального, и, на основе, этого представляет собой повышенный уровень кодирования, где значение символа надстраивается над более простыми для извлечения значениями референциального и семного кодов, по приведенной в первой главе парадигме появления смысла в художественном тексте данное значение определяется как «значение» в степени e^2.

В результате анализа выявлено, что в тексте Ф.М.Достоевского подобных значений гораздо больше, чем в тексте Б.Акунина.

Соответственно, текст Ф.М.Достоевского обладает повышенной трудностью для извлечения подобных закодированных в подтексте значений и, вследствие этого, обладает и большим количеством подтекстовых смыслов, извлечение которых, как уже неоднократно упоминалось, зависит лишь от уровня образованности адресата (внешней пресуппозиции как фоновых знаний адресата). Например, в лексии 1259: « – *Папочка! За что они... бедную лошадку... убили! – всхлипывает он*» в десяти словах и пяти знаках препинания воплощено множество смыслов и соединено четыре вида кодирования (полная кодировка): во-первых это информация, которая известна автору – «лошадь – убили», «мальчик всхлипывает», эти значения восстанавливаются из предыдущего контекста – это референциальный код; во вторых, глагол «всхлипывает» вызывает в восприятии образ не просто плачущего мальчика, но в соединении с внутритекстовой пресуппозицией, в которой была изображена вся сцена избиения и убийства лошади, эти «всхлипывания» представляются как отчаяние и шоковое состояние маленького Раскольникова (поскольку глагол всхлипывать в разных контекстах может иметь

разное семантическое наполнение, так, например, можно «всхлипывать от счастья», можно «всхлипывать притворно» и т.п.), то есть это семный код, код дополнительного семантического значения; в-третьих, сама форма диалогического представления информации предопределяет в восприятии образ проговаривания, то есть некоторого речевого действия (именно как представление о том, что мальчик все это «говорит», проговаривает), то есть это акциональный код; в-четвертых, еще одно сверхзначение данной лексии можно определить как возникающий в сознании вопрос (герменевтический код – код загадки), который, с полым на то основанием, можно отнести к вопросам общей герменевтики: «зачем убивают неповинных?!», в данном случае воплощенный в конкретный образ убитой лошади и горюющего от несправедливости мальчика, то есть в данном случае именно этот вопрос который текст задает, но на который нет ответа в данном тексте и является одним из тех признаков, по которым определяется третий уровень подтекста. Отметим, также, что это извлеченное значение занимает гораздо больший текстовый объем, чем те десять слов, которые использовал Ф.М.Достоевский. Таким образом, в данной лексии мы можем наблюдать характерный для любого художественного текста процесс увеличения емкости, свойственный вершинным художественным текстам в большей мере, чем массовому литературному продукту, кроме того мы наблюдаем повышенный уровень запаковывания смысла – третий уровень подтекста – свойственный по большей части только вершинным текстам художественной литературы.

Таким образом, в более насыщенных подтекстом литературных произведениях герменевтический код появляется в результате надстраивания смысла в определенной степени сложности и появляется после извлечения подтекста второго уровня, когда, на основе извлеченной информации возникает вопрос, чаще всего связанный с мировоззренческими и философскими проблемами (и именно в силу этой проблематики, этот вопрос не получает ответа в тексте).

На основании вышеизложенного, мы можем сделать предварительный вывод о том, что еще одним немаловажным аспектом проблемы третьего уровня подтекста в анализируемых текстах является герменевтический код.

Как было выявлено ранее, герменевтический код является структурообразующим кодом для всех художественных текстов. Основной характеристикой герменевтического кода является способность его в начале текста задавать некий вопрос, затем с помощью ретардаций оттягивать появление ответа, вплоть до самого конца текста, и в конце предоставлять адресату разгадку главного вопроса.

В текстах массовой литературы этот принцип соблюдается неукоснительно. (Вплоть до того, что некоторые авторы сознательно не информируют читателей о некоторых обстоятельствах описываемых событий. Например, в детективах Агаты Кристи главное обстоятельство, которое позволило бы отгадать кто же преступник, не упоминается вплоть до самой развязки, где данное обстоятельство «вдруг» обнаруживается – не честно по отношению к адресату, но наверняка сохраняет вопрос и стимулирует прочтение текста до конца).

В отличие от герменевтики массовой литературы, в литературе классической (даже в текстах с детективной фабулой, таких как романы Ф.М.Достоевского) нет жесткой привязки к вопросу «Кто и зачем совершил преступление?». В вершинных художественных текстах герменевтика связана прежде всего с вопросами общефилософского мировоззрения и зачастую не дает ответов в тексте, но стимулирует адресата на поиски ответов в других источниках и в самой жизни.

Из того, что роман Б.Акунина является «имитацией» первоначальной рукописи «Преступления и наказания» Ф.М.Достоевского, неизбежно следует, что в романе Б.Акунина мы обнаруживаем своеобразный «интертекст» романа Ф.М.Достоевского. В этом отношении очень верно охарактеризовала подобное явление Н.А Кузьмина «… интертекстуальность и интермедиальность есть открытый массовой литературой способ пополнения собственной энергии произведения. Не случайно массовая литература обнаруживает склонность к созданию дайджестов классических текстов, римейков, адаптированных пересказов, текстов-продолжений, комиксов по мотивам….» [Кузьмина 2009: 16].

В этой же работе содержится очень верное замечание, которое мы с полным основанием можем отнести к воплощению герменевтического кода в разноуровневых художественных текстах: «Свойственный «высокой» литературе эффект «обманутого ожидания» массовая литература заменяет эффектом «сбывшегося ожидания», радость познания нового – удовольствием узнавания пережитого» [Там же].

Приведем еще одну цитату из статьи Н.А.Кузьминой (которая как нельзя лучше иллюстрирует соотношение подтекстовых смыслов в массовой и вершинной литературах), где она отмечает, что в массовой литературе «происходит редукция имплицитной энергии прототекста – «образца» и считывание исключительно эксплицитной ее части. Интертекстуальность ***классического*** произведения создает его *глубину* за счет возрастания имплицитной энергии и умножения возможностей интерпретации, интертекстуальность ***продукта*** массовой литературы **обеспечивает увеличение ее общей энергии за счет перевода**

имплицитной составляющей энергии прототекста в эксплицитную (выделено мной – А.Е.)» [Там же: 17].

Примером подобного «перевода» имплицитной энергии в эксплицитную могут служить извлеченные значения следующих лексий.

В тексте Б.Акунина в лексии № 52 «Ох, беда, беда. Не успел толком в должность заступить, еще не от всех доброжелателей поздравления принял, а уже умышленное убийство. Не опростоволоситься бы» (П2, Л52), содержится элемент герменевтического кода – ответ на вопросы, которые появились в лексиях №1 («Может, и к лучшему» – что к лучшему?) и № 22 («Вот ведь странно. Ничего отталкивающего и тем более пугающего во внешности Заметова не было, а между тем едва взглянув на его лицо, Порфирий Петрович ощутил очень неприятный спазм в сердце, стиснувшемся от скверного предчувствия» – что за скверное предчувствие?). Ответом на эти вопросы и является лексия № 52, извлекаемое значение можно номинировать как «Порфирий волнуется за свою профессиональную репутацию («не опростоволосится бы»)». Этот имплицитный смысл передан автором в очень доступной форме – прямой репликой внутреннего монолога героя. Развернутый ответ на этот герменевтический код дан Б.Акуниным в следующей лексии «Мысль была вроде тревожная, а в то же время и не вовсе неприятная. Надворный советник ощутил знакомое азартное щекотание в носу, потому что по складу характера любил разгадывать мудреные задачки и более всего преисполнялся жизни, когда расследовал какое-нибудь заковыристое дело» (П2, Л53).

В отличие от этого, в тексте Ф.М.Достоевского лексия «Беда! беда!» (П1, Л1952) не является элементом структурообразующего герменевтического кода; в интралингвистическом контексте, который описывает сцену после убийства старухи: «Не скользнуть ли разве в подворотню какую-нибудь и переждать где-нибудь на незнакомой лестнице? (П1, Л1949) (А., Г.) Нет, беда! (П1, Л1950) (А., Г., С.) А не забросить ли куда топор? Не взять ли извозчика? (П1, Л1951) (А., Г.).»), – эта лексия обладает только семным кодом (номинация «смятение героя, его ужас и отчаяние»), герменевтический код в остальных лексиях этого контекста является формулировкой вопросов «что делать?», «как скрыться?». В отличие от этих значений, в лексии №1952 («Беда! беда!" (П1, Л1952) (С., Г.)) герменевтический код возможен только в виде надстраивания над уже извлеченным семным кодом, и номинация его может быть примерно «Зачем я убил, почему люди убивают, это ведь так ужасно!». Безусловно, на подобные ответы не только текст Ф.М.Достоевского, но и многие другие тексты не могут дать ответа. Это вопрос над которым человечество задумывается на протяжении всей своей истории, но раз и навсегда

определенного ответа на который не существует. То есть это третий уровень подтекста – герменевтический код не имеющий в своей структуре ответа и относящийся к вопросам общей философской герменевтики.

В отношении двух таких разных по значению, но одинаковых по эксплицитному выражению текстовых фрагментов, становится вполне уместным цитирование высказывания А.П.Потемкина, «Давно и верно замечено, что история реализуется своеобразным двойным стандартом. Вначале подлинными и, как правило, остродраматическими событиями, затем в виде пародии на исторические подвиги представителей предыдущих героических поколений» [Окусов, Рыбалка 2011: 4]

Именно данный процесс, следуя логике упрощения смысла, присущего массовой литературе, мы наблюдаем в сравнительном анализе текстов.

Перевод имплицитной энергии прототекста в эксплицитную, считывание только эксплицитной ее части (особенно это становится заметно на примере секвестирования письма матери Раскольникова), отсутствие сложных кодировок в подтексте, отсутствие герменевтического кода высшего порядка (не имеющего ответов, но побуждающего к их поиску), являются фактами, подтверждающими высказывания о массовой литературе: «массовая литература, по Лотману, может определяться только по отношению к «высокой» – ее функция адаптационная (эпигонская)» [Савкина 2009: 211]. Следует добавить, что в данном случае в «имитации» Б.Акунина присутствует не только эпигонская функция массовой литературы, но и, по определению В.Хализева [Хализев 2004: 36], откровенно паразитирующая.

ВЫВОДЫ

В отношении насыщенности подтекстовыми смыслами текст романа Б.Акунина «ФМ» заметно уступает тексту романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и не может полностью передать всю ту информацию о мире человека, которая содержится в тексте Ф.М.Достоевского, а представляет собой всего лишь некоторую схему основных событий, представленных в «имитации». На основании того, что в обоих текста присутствует и общий сюжет, и общие персонажи, но количество информации, содержащееся в подтексте у Б.Акунина по всем характеристикам, меньше чем у Ф.М.Достоевского, мы вправе говорить о снижении информационной емкости и, следовательно, о том, что данный вариант текста обладает усеченным вариантом содержания и на этом основании может быть рассмотрен как схема

классического текста Ф.М.Достоевского. В данном случае можно с полным основанием утверждать, что, в соответствии с определением Н.Зоркой «Назначение этой литературы (массовой – А.Е.) – игровая репрезентация содержательного многообразия материала (человеческих проблем, конфликтов, напряжений), а не техническая выразительность, новационное своеобразие используемых приемов» [Зоркая 1996: 94], назначение текста Б.Акунина не преследует цели передачи информации, поскольку уступает в содержательности (в передаче новой информации адресату) тексту Ф.М.Достоевского. Факт отсутствия в массовом тексте (Б.Акунина) не только вопросов, не получающих ответов (неразгаданных вопросов «общей герменевтики»), и не только повышенной степени кодирования (которая в избытке присутствует в тексте Ф.М.Достоевского), но и меньшее количество единиц подтекста второго уровня (лексий и кодов), является подтверждением того, что статус художественных текстов по уровню насыщенности подтекстовыми смыслами может быть различным, и в массовой литературе является более низким по сравнению с текстами вершинной (в том числе классической) литературы.

С другой стороны, модель, как средство познания, отличается от других его видов именно единством своей сущности и структуры, которые невозможно разделить. То есть нельзя взять из соображений экономии отдельные детали модели или вычленить главную идею (как, например, оставить только болты и гайки, скрепляющие конструкцию, или только горизонтальные пролеты Эйфелевой башни – вся модель при этом рассыплется), так как неизбежно теряется вся суть процесса моделирования. Этот факт очень верно подмечен в работе Ю.М.Лотмана: «Измененная структура донесет до читателя или зрителя иную идею» [Лотман 1998: 24]. Об этом же говорит и А.И.Горшков: «Изменение содержания невозможно без изменения его языкового воплощения. И наоборот – любое изменение в плане выражения неизбежно ведет к изменению в плане содержания…. автор использует языковой материал, выражающий его отношение к теме (оценку)» [Горшков 2000: 85].

В результате анализа и сравнения выбранных для исследования текстов становится вполне очевидно, что великий роман Ф.М. Достоевского – модель универсума, а роман Б. Акунина – модель модели, или, условно, его «схема». В то же время, следуя определению В.М.Розина: «Понять где мы имеем дело со схемой, а где с моделью не так-то просто, ведь часто они выполнены в одном материале» [Розин 2011: 64] мы не смогли бы, опираясь лишь на интуитивное ощущение количества смысла как способа разграничения разноуровневых текстов, определить истинное соотношение этих текстов, именно полученные результаты соотношения

как количества, так и качества подтекста в математическом выражении (иррациональном, но существующем в восприятии каждого отдельного адресата как точные сведения, извлеченные из текста при внимательном и медленном прочтении), дают нам возможность провести сравнение разных по уровню насыщенности смыслами текстов и определить, в чем же заключается эта разница и каким образом это становится возможным.

Рассматривая художественные тексты с этой точки зрения, следуя динамике упрощения по отношению к оригиналу (универсуму), можно отметить, что художественный текст – наиболее полная и всеобъемлющая версия. Массовая литература, следуя своей имплицитной логике упрощения мировоззрения для передачи в массовое (усредненное – и, следовательно, упрощенное) сознание, следует по пути схематизации, т.е. потери некоторых значимых категорий в создании полного (безусловно, в той мере, в какой это возможно средствами текста) изображения оригинала, т.е. в данном случае – универсума человека.

Данный процесс, на наш взгляд, некоторым образом связан с общей тенденцией развития и трансформации человеческой культуры в целом. Именно об этом говорил в прошлом веке Ю.М.Лотман: «культура постоянно исключает из себя определенные тексты. История уничтожения текстов, очищения от них резервов коллективной памяти идет параллельно с созданием новых текстов. Каждое новое направление в искусстве отменяет авторитетность текстов, на которые ориентировались предшествующие эпохи, переводя их в категорию не-текстов, текстов иного уровня или физически их уничтожая» [Лотман 1992: 331]. Сколь бы ни было прискорбно осознание данной тенденции в отношении классических текстов, нельзя не признать, что количество циркулирующей информации в человеческом обществе неуклонно увеличивается и именно по этой причине все более востребованными становятся более скоростные каналы получения информации – телевидение и интернет. Это обстоятельство позволяет многим авторам художественных текстов использовать данную тенденция как средство манипуляции адресатом и, стимулируя потребительский спрос, предоставлять информацию, не соответствующую не только целям повышения уровня познания и обогащению адресата в информационном плане, но и не соответствующую действительности в принципе.

Используя свойство игры как деятельности, включающей в себя вместе с получением информации в невербализованной форме еще и компонент удовольствия (это мы еще раз можем подтвердить, опираясь на определение Д.Н Кавтарадзе: «игры отвечают важнейшей биологической потребности организма в получении постоянной информации из внешней среды и компенсируют событийную (средовую) монотонность повседневной жизни, изолированность

от полноценной природной и социальной среды» [Кавтарадзе 2009: 176]), авторы массовых текстов манипулируют адресатом, предоставляя ему недостоверную информацию и вводят его в заблуждение подобным «моделированием».

Таким образом, мы можем констатировать, что вершинные тексты побуждают адресата к поиску новых знаний и предоставляют ему больше информации о мире человека, а «массовые» – удовлетворяют по большей части другие, не связанные с получением информации потребности. Например, в отдыхе и получении удовольствия. При этом является неоспоримым фактом то, что тексты имитаций, переложений, кратких содержаний и т.п., передают по большей части лишь эксплицитный, верхний по отношению к подтексту, слой значений классического текста и используют лишь подтекст, способствующий передаче внешней фабульной стороны содержания (акциональный код) и передающий некое, известное социуму, автору и адресату, содержание (референциальный код как код наиболее близкий к эксплицитному выражению). Вся информация, предоставляющая адресату новые сведения о мире человека, заложенная автором в подтекст в вершинных художественных текстах (семный код, открытая герменевтика, повышенная степень кодирования), остается «за бортом» восприятия адресата массового текста, поскольку фактически в нем отсутствует, но поскольку фабула событий все-таки присутствует, то наивные адресаты, ознакомившись с ней, вполне могут быть введены в заблуждение и считать, что ознакомились с подобием «оригинала», как это происходит в случае с представленной Б.Акуниным в романе «ФМ» «имитации» первоначальной рукописи Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание». Таким образом, тексты массовой литературы, подобные тексту Б.Акунина, не только имитируют классические тексты, но и имитируют «образованность» адресата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Художественный текст с точки зрения его предназначения в человеческой культуре является определенным способом познания, связанным с получением информации о мире человека. Информация в художественном тексте передается с помощью языковых знаков, которые позволяют адресату на базе эксплицитного языкового выражения построить в воображении определенную модель универсума человека (другими словами «художественный образ»), обусловленную, с одной стороны, вербализованным слоем значений, а с другой стороны, имплицитными значениями, которые, в свою очередь, являются надстраиваемыми над эксплицитным языковым выражением (вторичное языковое моделирование по определению Ю.М.Лотмана). Недостающая информация, не вербализованная в тексте, но привлекаемая в мысленном моделировании для построения «художественного образа», восполняется из индивидуального опыта адресата и представляет собой тот слой значений, который в лингвистике получил название имплицитных.

Понятие имплицитности присутствует как основа в таких языковых категориях, как коннотация, импликация (импликационал как включение дополнительного значения в одном слове или в словосочетании; импликатура как включение в художественный текст фрагментов другого текста), пресуппозиция (внутритекстовая и внешняя как фоновых знаний адресата) и контекст (интралингвистический и экстралингвистический). Вышеперечисленные категории являются способами образования подтекстового смысла в художественном тексте. Подтекстовые смыслы извлекаются из эксплицитного языкового выражения при соответствующем когнитивном усилии с помощью языковой категории номинации.

Причиной появления подтекста, с одной стороны, являются принадлежность художественного текста к объектам культуры и связанные с этим обстоятельством особенности, такие как: 1) передача сложной информации с помощью простых лексических средств, для того чтобы каждый адресат со средним уровнем образования (умеющий читать и владеющий элементарным понятийным мышлением) смог понять в тексте хотя бы эксплицитный слой значений; 2) присутствие в художественном тексте категории игры как составляющей познавательного процесса, которая позволяет в имитационно-игровой (разыгрывание в мысленном представлении определенного сценария, интеллектуальная игра, построение в воображении чувственно-зрительного образа) форме передавать сведения о мире и которая в художественном тексте восполняет понятийную недостаточность в тезаурусе адресата,

осуществляя передачу информации с помощью перевода в «бессознательное» (зрительно-чувственную область восприятия). С другой стороны (второй причиной появления подтекста), является стремление к экономии языковых усилий, что закономерно приводит к увеличению емкости языковых единиц способных передавать множество значений (и, соответственно, большее количество информации) в меньшем, чем в эксплицитном выражении, объеме текста. При этом в научном способе передачи информации для повышения емкости используется специализированная терминология, недоступная большинству средних адресатов. В отличие от этого, в художественном тексте экономия языковых усилий осуществляется за счет перевода определенной информации в подтекст, при этом в художественном тексте теряется однозначность (поскольку мысленные дополнения невербализованных характеристик образа у каждого адресата свои), но повышается его емкость. Таким образом, понятие художественный текст по своей природе предполагает наличие невербализованного слоя значений, который в мысленном представлении адресата воссоздает «модель универсума человека» («художественный образ»).

В рамках нашей работы категории «смысл» и «значение», различие которых для анализа подтекста не столь релевантно, как для лексической семантики, рассматриваются в дихотомической паре в следующем виде: до момента извлечения мы говорим о «смысле», а после извлечения – о «значении».

Запаковывание смысла в подтекст происходит способом создания в языковом текстовом пространстве определенных «зон имплицитности», которые, в соответствии с определением, приведенном в работе Ролана Барта «S/Z», названы нами лексиями (в данном случае отличие от бартовской лексии состоит в том, что мы определяем лексию не только как «единицу чтения», но, прежде всего, как единицу подтекста, поскольку кодирование и декодирование информации (заложенной и извлекаемой) в художественном тексте являются двумя направлениями одного процесса передачи-получения информации). Размеры текстовых фрагментов, которые являются лексиями, могут быть любыми (от одного слова до всего текста) и определяются на основе извлечения подтекстового смысла и номинирования его в эксплицитном выражении. Извлечение смысла лексии возможно только при «медленном» и «внимательном» чтении, когда внимание фиксируется и фокусируется на каждом слове текста вплоть до появления в осмысленном восприятии нового (невербализованного в тексте) значения.

После появления нового значения (лексии), его классифицируют по принадлежности к области одного из подтекстовых кодов. Система кодирования в художественном тексте является

планом выражения содержания лексии не только как репрезентации действительности (в художественном тексте вымышленной, не существующей в реальности, но являющейся ее отображением – моделью универсума), но и функционально выполняет роль трансформации вербализованного слоя значений в «художественный образ», а также является определенной структурой, способной не только визуализировать мысленное представление в процессе освоения содержания текста, но и стимулировать процесс чтения с помощью включения в моделирование свойств игры как познания на допонятийном уровне и как фактора получения удовольствия.

Всего в художественно тексте выделено четыре кода (за основу взята система кодирования из пяти кодов, предложенная Р.Бартом, но усовершенствованная нами в связи с тем, что один из кодов – символический – мы понимаем как синтез двух других, более простых кодов: **семного** – кода, возникающего в осмысленном восприятии при извлечении подтекстового смысла некоего нового понятия; **референциального** – кода передачи сведений уже известных кому-то (это могут быть сведения известные только автору – авторское знание; или сведения, циркулирующие в культуре – научное, бытовое, философское знание; при извлечении эти сведения должны быть известны адресату); **акциональный** – код действия, вызывающий в мысленном представлении визуализацию временн***о***й последовательности событий; **герменевтический** – код загадки, который при извлечении подтекстового смысла вызывает сначала вопросы, а затем – ответы (данный вид кода содержит в своей структуре и другие элементы извлекаемой информации, так называемые средства ретардации: языковые способы отсрочивания ответа, которые отодвигают его получение вплоть до самого конца текста, когда адресату сообщается «разгадка»). Символический код (который у Р.Барта включен в систему кодов) исключен нами из пространства художественного текста на том основании, что он является синтезом референциального и семного кодов (поскольку символ состоит из двух частей означивания: ранее известного понятия (референциальный код) над которым надстраивается новое понятие (семный код), один из хрестоматийных примеров: голубь как символ мира).

Языковые способы образования значения у всех кодов одинаковы. Ими являются вышеперечисленные категории, содержащие имплицитность как основанную характеристику, передающую невербализованный смысл: импликация (импликационал и импликатура), коннотация, пресуппозиция (внутритекстовая и внешняя как фоновые знания адресата) и контекст.

Разница в значении кодов наблюдается только в отношении той функции, которую они выполняют в тексте. Так семный код способствует появлению в мысленном представлении некоего нового понятия – «образа», наделенного свойствами модели и характеристиками ее индивидуальных дополнений, другими словами, восприятию информации на чувственно-зрительном (в воображении) уровне, это так называемый перевод в «бессознательное» по Фрейду (то есть адресат, словно «видит» картинку, но не может ее назвать). При извлечении информации данный код представляет собой номинацию определенного понятия (иногда в очень развернутом виде).

Акциональный код выполняет игровую функцию как «разыгрывание определенного сценария», то есть осуществляет визуализацию в мысленном представлении движения персонажей во времени (воображаемое «кино»), является структурным кодом и при извлечении состоит из Событий (отобранных автором для передачи смысла в соответствии с авторской интенцией), которые, в свою очередь, состоят из меньших фрагментов, изображающих «этапы События». Соответственно, «этапы» могут быть представлены в виде структуры «действий», которые и являются лексиями акционального кода. Формальным признаком (но не всеобъемлющим) является наличие глаголов движения в прошедшем времени, которые в мысленном представлении утрачивают это грамматическое значение и воспринимаются как действия в настоящем времени (как действия разворачивающегося перед глазами адресата).

Референциальный код, как наиболее близкий к эксплицитному, в котором вторичное моделирование определяется по признаку «известное кому-то» (прежде всего автору), выполняет в художественном тексте функцию трансляции социально обусловленных представлений о морали, нравственности и другой информации о мире человека (например, психофизиологических характеристиках самого человека, знаниях в научной области, сведений о формах и стереотипах поведения в социуме, – то есть является транслятором информации, накопленной в культуре, или, другими словами, способом моделирования бессознательного по Юнгу).

Герменевтический код, который является основным стержнем текста, представляющем структуру, которая удерживает внимание читателя тем, что вначале текста загадывает загадку, а в конце дает разгадку, выполняет функцию интеллектуальной игры. При этом адресат не только получает информацию в форме «ответа» на загадку в конце текста, но и получает обусловленное самим процессом игры удовольствие от поисков отгадки (даже если поиски

отгадки не увенчиваются успехом со стороны адресата – отгадка им не найдена – то ответ все равно предоставляется текстом, и, следовательно, обогащает познание).

Кроме того, значение подтекста нами классифицировано по степени сложности его извлечения. Эта характеристика позволяет в процессе анализа провести разграничение художественных текстов по уровню, который определяется в зависимости от количества и качества (качество состоит в применении определенных видов кодирования, которые способствуют выполнению определенных функций, присущих чтению как процессу получения информации).

С точки зрения сложности мы условно выделяем три уровня подтекста. Сложность извлечения, в свою очередь, зависит от четырех характеристик: 1) от размера лексии, то есть от фактического объема текстового пространства, 2) от семантического расстояния между компонентами смысла (семантическое расстояние может присутствовать как в одном слове в качестве расстояния между элементами смысла, так и в удаленных друг от друга фрагментах текста, в которых обнаруживается сопряженный подтекстовый смысл: например в структурах акционального и герменевтического кодов); 3) от количества кодов в одной лексии (чем больше кодов, тем сложнее подтекст); 4) от уровня фоновых знаний адресата (внешней пресуппозиции как общефоновых знаний адресата).

На первом уровне располагаются небольшие (одно или два слова, или самый близкий интралингвистический контекст) языковые единицы, обладающие имплицитностью, которая обусловлена языковой компетенцией адресата (коннотацией как значением закрепленным за понятием на втором плане восприятия; импликацией как соединением в одной текстовой единице двух разных, но известных адресату значений; контекстом как имплицитным значением, которое образуется в новых словосочетаниях (в том числе с помощью нестандартных употреблениях языковых единиц), или с помощью знаков паравербального выражения смысла: знаков пунктуации и текстовых выделений и пр.). К этому уровню относятся: 1) все лексии, представленные одним словом или словосочетанием (в том числе фразеологическим оборотом), обладающие дополнительным значением второго плана (коннотацией); 2) все фигуры речи и тропы; 3) некоторые синтаксические конструкции; 4) определенные формы имплицитных значений, выраженные с помощью паравербальных знаков. На первом уровне подтекста для моделирования имплицитного значения используются следующие языковые способы: коннотация, импликация и интралингвистический контекст. Способ кодирования в данном случае определяется по системе Ю.М.Лотмана, как образование

значения путем парной внутренней перекодировки (способ №3). Подобные значения довольно легко определяются именно благодаря небольшому размеру лексии и небольшому семантическому расстоянию между элементами смысла.

На втором уровне происходит усложнение способов кодирования (это способ множественной внутренней перекодировки по Лотману) и, как следствие, увеличение текстового объема и семантического расстояния. Лексии второго уровня обладают большим размером, семантическое расстояние в них может быть значительным, особенно в лексиях акционального и герменевтического кодов, которые являются структурными и структурообразующими в художественном тексте. В процессе образования имплицитных значений второго уровня подтекста используются практически все способы: коннотация, импликация (импликационал, импликатура), экстарлингвистический и интралингвистический контекст. Немаловажную роль играет на этом уровне и категория пресуппозиции (внутритекстовой и внешней) как общефоновых знаний адресата.

На третьем уровне подтекста находятся самые крупные и самые сложные для извлечения значения текстовые образования. Образно этот уровень можно назвать «сверхсемантическим». Он включает в себя, во-первых, значение всего текста (его идею как единого информационного сообщения), во-вторых, некоторые значения надстраиваемых кодов (в третьей степени кодирования), в-третьих, соединение в одной лексии трех или четырех видов кодовых значений, и, в-четвертых, все возникающие вопросы общей герменевтики. Это значение так же образуется путем либо множественной внутренней перекодировки (но объем переосмысливаемого фрагмента по сравнению со вторым уровнем подтекста значительно увеличивается), либо определяется как подтекст в третьей степени кодирования. Представляется, что одним из главных способов моделирования подтекста данного уровня является внешняя пресуппозиция (общефоновые знания адресата).

На основании произведенного сравнительного анализа двух текстов, которые представляют собой воплощение одной и той же темы, сюжета и персонажей (Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и части романа Б.Акунина «ФМ», в которой представлена «имитация» первоначальной рукописи «Преступления и наказания»), нами были выявлены определенные различия в составе и количестве подтекстовых единиц, которые в количественном отношении характеризуют разницу в художественных текстах, которая до момента извлечения подтекстовых смыслов воспринимается сознанием как интуитивное

ощущение, и с помощью которого читатели, обладающие определенным опытом прочтения, разграничивают в своем сознании высокосодержательные и массовые тексты.

На условной шкале познания (в которой познание распределяется по мере усложнения и обогащения понятийного мышления от имитационно-игровой подражательной деятельности, через усвоение сведений в языковой форме у постепенносу усложнению понятийного аппарата, увеличению тезауруса и повышению уровня понимания (по классификации Г.И. Богина: от семантизирующего, через когнитивный, к распредмечивающему)) происходит переход от имитационно-игровых видов познания к научному способу, использующему для передачи информации сложные понятийные значения (терминологический научный уровень познания).

Таким образом, художественный текст, как располагающийся на условной шкале познания примерно в середине, использует не только понятийную форму для передачи информации, но и имитационно-игровую, которая и существует в нем в качестве «подтекста». При этом в художественных текстах, предназначенных для определенного уровня познания, также наблюдается разница в количестве сложных смыслов, закодированных в подтекстовых единицах. Так, тексты для детей могут содержать лишь минимум подтекста, поскольку у ребенка еще нет необходимых сведений для понимания имплицитного смысла (поскольку нет ни опыта прочтения, ни достаточного знания языка), тексты для массового потребителя (являющиеся массовым литературным продуктом) не преследуют цели передачи значительного объема информации, поэтому в них наблюдается минимум подтекста, связанного с этой характеристикой (меньше семного кода), но в гораздо большей степени они преследуют цели экономической выгоды, когда текст становится товаром. Для этого его необходимо сделать привлекательным для покупателя, соответственно, в массовом литературном продукте по большей части содержится информация, способствующая получению удовольствия – одной из составляющих игрового процесса. В тексте это воплощено, прежде всего, в эксплицитных значениях как наиболее простых и доступных для понимания, а с точки зрения подтекста (который по определению должен присутствовать в художественном тексте), в применении самых несложных для извлечения (лексии, которые содержат в своем составе один или два кодовых значения) и способствующих получению удовольствия видов подтекста (то есть в применении преимущественно акционального и референциального кодов).

С этой точки зрения, в анализируемых текстах выявлена разница, математически (с помощью подсчета подтекстовых единиц) подтверждающая обоснованность интуитивного ощущения адресатом степени насыщенности художественных текстов смыслом, который

чувствуется, но не номинирован в тексте (этот неноминированный смысл и является, по нашему определению, подтекстом).

Проведенный анализ показал зависимость насыщенности подтекстовыми смыслами не только от количества текстовых единиц, но и от качества и уровня подтекста.

Так на первом уровне подтекста, на котором, в силу несложности извлечения значения и в силу закрепленности в языке (легитимированности) дополнительных компонентов имплицитного значения, нами практически не обнаружено языковой разницы. Авторами применяются разные по способу образования значения формы подтекста. В романе Ф.М.Достоевского это в основном значения, образованные с помощью тропов, фигур речи и паравербатов (то есть с помощью импликации), а в романе Б.Акунина подтекст закодирован, в основном, в стилистически окрашенных языковых единицах (с помощью коннотации, как языкового способа образования подтекста). Поскольку импликация и коннотация являются разными по природе образования значений способами (хотя и близкими), то в данном случае мы не выявили оснований для сравнения текстов.

Единственной сравнимой характеристикой (одинаковой по способу образования значения), на основании которой можно сопоставить тексты на первом уровне подтекста, является применении в речевой характеристике персонажа (Порфирия Петровича) «словоерсов». Количественное преимущество данных стилистизмов в тексте Б.Акунина (227 против 147 в тексте Ф.М.Достоевского) не является свидетельством большей насыщенности подтекстовыми смыслами, поскольку повторяющиеся коннотации не несут новой информации ни о персонаже, ни о событиях, с ним связанных. Скорее, повторяющиеся чрезмерно «словоерсы» свидетельствуют о стремлении автора усилить эксплицитность (образно говоря, не допустить, чтобы читатель «не заметил» эту речевую особенность персонажа).

Сравнение по второму уровню подтекста выявило различия, которые свидетельствуют о том, что в тексте Ф.М.Достоевского наблюдается преимущество почти по всем значимым позициям, связанным с передачей информации адресату, закодированной в подтексте как информационно-языковом слое значений.

Так, по общему количеству лексий в тексте Ф.М.Достоевского подтекста почти на четверть больше (2932 лексии против 2432 в тексте Б.Акунина).

По общему количеству кодовых значений наблюдается преимущество текста Ф.М.Достоевского почти в два раза (5609 и, соответственно, 3010 в тексте Б.Акунина).

В тексте Ф.М.Дстоевского примерно в полтора раза больше единиц акционального и референциального кодов (1066 и 705, и 1980 и 1175, соответственно). По герменевтическому коду разница почти в два раза (749-412). Однако разница по этим кодам в отношении общего количества лексий показывает их преобладание в текстах Б.Акунина: референциального 0,39 (1175:3010= 0,3903) – то есть почти две пятых у Б.Акунина, против 0,35 (1980:5609= 0.3530) – это чуть больше одной трети, в тексте Ф.М.Достоевского; акционального 0,31, то есть примерно одна треть (705:2243=0,3143) у Б.Акунина, против 0,19 (1066:5609=0,19), то есть примерно одна пятая в тексте Ф.М.Достоевского.

Отношение количества герменевтического кода к общему числу лексий, свидетельствует о том, что этот код, являясь структурообразующим, имеет примерно одинаковое выражение в разных художественных текстах: у Ф.М.Достоевского (749:5609) 0,1335, у Б.Акунина (412:3010) 0,1368.

Выявленная разница по третьему уровню подтекста свидетельствует, что в высокосодержательных художественных текстах (к которым относятся все тексты, признанные классическими, проверенные временем) количество подтекста значительно больше, чем в массовом литературном продукте. Так, на третьем уровне подтекста выявляется «открытый» герменевтический код, который способствует «формулированию» вопроса, но не предоставляет адресату «ответа», и, таким образом, стимулирует процесс познания не только обусловленный самим текстом, но и направленный вовне. Подобные вопросы формулирует лишь текст Ф.М.Достоевского. В тексте Б.Акунина данного вида подтекстовых значений не выявлено.

Кроме того, количество лексий, сочетающих нескольких видов кодовых значений (то есть лексий, обладающих большей информационной емкостью), свидетельствует в пользу текста Ф.М.Достоевского: лексий с двумя кодовыми значениями в его тексте 1525 (в отличие от текста Б.Акунина – 670), с тремя кодовыми значениями 498 (в тексте Б.Акунина – 43), и лексий в которых соединены все коды (полная кодировка и наивысшая емкость) в тексте Ф.М.Достоевского 54 (в тексте Б.Акунина – 2). Также в тексте Ф.М.Достоевского наблюдается значительное количество лексий, в которых смысл присутствует в третьей степени кодирования (коды, надстраиваемые над извлеченными из подтекста второго уровня значениями). Кроме того, в тексте Ф.М.Достоевского присутствует соединение референциального и семного кодов (символический код по Р.Барту) в одной лексии как явление, характерное для авторской манеры передачи информации, закодированной в подтексте, в отличие от этого наибольшее число сочетаний в лексиях с двойным кодом в тексте Б.Акунина принадлежит сочетанию

акционального и семного кодов, то есть не может рассматриваться как символическое значение, обладающее повышенным содержанием информации.

Экстраполируя эти данные на общие признаки содержательности художественных текстов (обусловленные интуитивным чувством, которое не только присутствует в восприятии многих, обладающих повышенным уровнем фоновых знаний адресатов, но и находит свое подтверждение в высказываниях авторитетов, например А.Н.Некрасова: «*Правилу следуй упорно:// Чтобы словам было тесно, // Мыслям — просторно*») мы можем утверждать, что высокохудожественные тексты являются более содержательными в отношении предоставления адресату новой информации о мире человека.

Определение художественного текста как модели мира человека в наиболее полной мере отвечает его природе. Можно разложить текст на части, исследовать их структуру и природу составляющих элементов, но свести общее определение художественного текста к набору уточняющих характеристик его элементов, как то: языковые единицы, семантика, идея, внешняя структура, внутренняя семиотическая структурированность, – не представляется возможным.

Понимание сущности художественного текста как модели человеческого универсума, и выявление языковых способов моделирования, которые применяются в художественном тексте, открывает новые возможности для анализа средств, с помощью которых достигается эффект наглядности и изобразительности, и которыми пользуются, сознательно или интуитивно, авторы художественных текстов; а также является еще одним способом разграничения художественной литературы на первичную (собственно художественную – моделирующую сам универсум) и вторичную (массовую, т.е. моделирующую уже созданные ранее модели).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

П1 – приложение 1
П2 – приложение 2
Л – лексия
А. – акциональный код
С. – семный код
Р. – референциальный код
Г. – герменевтический код

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

ИСТОЧНИКИ

1. Достоевский Ф. М. «Преступление и наказание». – Москва: Мартин, 2015. – 492 с.
2. Акунин Б. «ФМ» [электронный ресурс] режим доступа: https://www.litres.ru/boris-akunin/?advert_id=camp_id_9163923

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулдабеков 1988* – Абдулдабеков Л.Т. О взаимодействии вербального и пикторального кодов / Л.Т. Абдулдабеков // Мысль и текст: сб. науч. тр. – Фрунзе: КГУ, 1988. – С. 99-107.
2. *Александрова 2013* – Александрова, М.И. Подтекст в повествовании от первого лица: когнитивно-прагматический аспект: дис. … канд. филол. наук:10.02.19 / М.А. Александрова. – Ростов-на-Дону. 2013. – 166 с.
3. *Амосова 1963* – Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н.Амосова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 205 с.
4. *Андреева 2005* – Андреева, К.А. Когнитивные аспекты литературного нарратива: учебное пособие / К.А. Андреева. – Тюмень: Издательство Тюменского гос. ун-та, 2004. – 196 с.
5. *Артамонова 2009* – Артамонова, Ю.Д. Очерки современной культуры / Ю.Д.Артамонова. – М.: Университетская книга, 2009. – 200 с.
6. *Астафьева 2012* – Астафьева, О.Н. Культурология. Теория культуры: учеб. пособие / О.Н. Астафьева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 487 с.
7. *Бабайцева 2015* – Бабайцева, В.В. Синтаксис русского языка: монография / В.В.Бабайцева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 576 с.
8. *Бабенко 2008* – Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста / Бабенко Л.Г. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 496 с.

9. *Балашова 2012* – Балашова, Л.В. Метафоризация в предметной сфере как когнитивный процесс (на материале современного сленга) / Л.В. Балашова // Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования: Вып. 17. – Кемерово, 2012.
10. *Балашова 2004* – Балашова Л.В. Русская метафора: прошлое, настоящее и будущее / Л.В. Балашова. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 496 с.
11. *Барт 2001* – Барт, Р. S/Z / Пер. с фр. 2-е изд., испр. Под ред. Г. К. Косикова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
12. *Барт 2003* – Барт, Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Сост. Пер. с фр. И вступ. Статья С.Зенкина. М.: Изд-во Сабашниковых, 2003. – 511 с.
13. *Барт 2008* – Барт, Р. Нулевая степень письма / Пер с фр. – М.: Академический Проект, 2008. – 431 с.
14. *Барт 2014* – Барт, Р. Мифологии / Пер. с фр., вступит. ст. и коммент. С.Зенкина. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2014. – 351 с.
15. *Бахтин 2000* – Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гумманитарных наук / М.М.Бахтин. – СПб.: Азбука. 2000. – 332 с.
16. *Белоглазова 2012* – Белоглазова, Л.А. Игра как феномен бытия: монография / Л.А. Белоглазова. – Воронеж: ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный технический университет», 2012.– 123 с.
17. *Белянин 1988* – Белянин, В.П. Психологические аспекты художественного текста / В.П.Белянин. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 120 с.
18. *Блох 1985* – Блох, М.Я Коннотативный аспект функциональной семантики предложения / М.Я.Блох // Функциональная семантика синтаксических конструкций: межвуз. сб. науч. трудов. – М.: МГПИ им. В.И.Ленина, 1985. – 140 с.
19. *Блох 2012* – Блох, М.Я. Просодия в стилизации текста / М.Я. Блох, Е.В. Великая. – М.: «Прометей», 2012. –148 с.
20. *Блох, Остапенко 1985* – Блох, М.Я. Коннотативный аспект функциональной семантики предложения / М.Я. Блох, Л.А. Остапенко // Функциональная семантика синтаксических конструкций: межвуз. сб. науч. трудов. – М.: МГПИ им. В.И.Ленина, 1985. – 140 с.
21. *Богатырев 1998* – Богатырев, А.А. Элементы неявного смыслообразования в художественном тексте / А.А. Богатырев. – Тверь.: Издательство Тверского государственного университета, 1998. – 100 с.

22. *Богин 1994* – Богин, Г.И. Понимание и итерпретация смысла / Г.И. Богин. Тверь: ТГУ. 1994. – 168 с.

23. *Бойцова 1985* – Бойцова, Т.А. Пресуппозиция и импликация как явления текста / Т.А.Бойцова // Функциональные аспекты слова и предложения: межвуз. сб. науч. трудов / Отв. ред. М.Я. Блох. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1985. – С. 87-94.

24. *Болдырев 2014* – Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н.Н. Болдырев. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2014. – 236 с.

25. *Болотнова 1998* – Болотнова, Н.С. О статусе коммуникативной стилистики текста и перспективах ее развития / Н.С. Болотнова // Семантика и прагматика текста / Под общ ред. д-ра. филол. наук В.А. Пищальниковой; Алт. Гос.техн. ун-т. им. И.И.Ползунова. Барнаул: Изд-во Алт. ГТУ, 1998. – 154 с. (с.60-67)

26. *Борисова, Шаулов 2014* – Борисова, В.В. Художественный текст: аспекты анализа и интерпретации в школе и вузе: учебное пособие / В.В.Борисова, С.С. Шаулов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. –192 с.

27. *Боярская 2011* – Боярская, Е.Л. Категоризация как базовая когнитивная процедура / Е.Л. Боярская. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 2. – С. 18-28.

28. *Брудный 1988* – Брудный, А.А. О сознании и тексте // Мысль и текст: сб. науч. тр. – Фрунзе: КГУ, 1988. – С. 3-9.

29. *Брудный 1998* – Брудный, А. А. Психологическая герменевтика: учебное пособие. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1998. – 336 с.

30. *Букарева 2006* – Букарева, Ю.В. Моделирование текста как средство формирования коммуникативной компетенции учащихся: дис. … канд. пед. наук.: 13.00.02 / Ю.В. Букарева. – Нижний Новгород. 2006. – 271 с.

31. *Бурдье 1994* – Бурдье, П. Начала. Choses dites: Пер. с фр. / Pierre Bourdieu/ Choses dites/ Paris, Minuit, 1987. Перевод Н.А. Шматко – М. : Socio-Logos,1994. – 228 с.

32. *Бурдье 2014* – Бурдье, П. Социальное пространство: поля и практика / Пер. с фр., сост. и общ. ред. Н.А. Шматко. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2014. – 576 с .

33. *Бусс 1976* – Бусс, Н.А. Семантическая основа взаимопонимания / Н.А. Бусс // Семантика и социальная психология: сб.статей. – Фрунзе.: Издательство «Илим», 1976. – С. 49-57.

34. *Бурт 2016* – Бурт Э.М. Метафора как вид релятивной номинации и ее роль в развитии научной терминологии / Э.М.Бурт. – СПб., 2016. – 32 с.

35. *Валгина 2003* – Валгина, Н.С. Теория текста. Учебное пособие / Н.С. Валгина . – М.: Логос, 2003. – 278 с.

36. *Ван Дейк 2003* – Ван дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 320 с.

37. *Веников В, Веников Г. 2003* – Веников, В. А., Веников, Г. В. Теория подобия и моделирования (Применительно к задачам электроэнергетики): учеб. для вузов по спец. "Кибернетика электрических систем" / В.А. Веников, Г.В. Веников. – М.: Высш. школа, 1984. – 439 с.

38. *Вербицкий 2010* – Вербицкий, А.А. Категория «контекст» в психологии и педагогике: монография / А.А. Вербицкий. – М.: Логос, 2010. – 300 с.

39. *Ветошкин 1999* – Ветошкин, А.А. Подтекст как выразительное средство языка: дис. …канд. филол. наук: 10.02.04 / А.А. Ветошкин. – Саранск, 1999. – 145 с.

40. *Виноградов 1972* – Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В.Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.

41. *Виноградов 1980* – Виноградов, В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы / В.В.Виноградов. – М.: Наука. 1980. – 360 с.

42. *Виноградова* – Виноградова, Г. Эфирные создания или байки из эфира (из коллекции Галины Виноградовой). Заметка №7 «Дебют» // TVMUSEUM.RU Музей телевидения и радио в интернете [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.tvmuseum.ru/catalog.asp?ob_no=10702. Дата обращения 23.09.2015.

43. *Витгенштейн 2007* – Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007 – 352 с.

44. *Витгенштейн 2010* – Витгенштейн, Л. Культура и ценность. О достоверности. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 250 с.

45. *Витгенштейн 2011* – Витгенштейн, Л. Философские исследования. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 347с.

46. Воловой 2003 – Воловой, Г.В. Художественный подтекст как средство раскрытия характеров героев в повестях «Бэла» и «Максим Максимыч» в романе М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени»: дис. … канд. филол. наук: 10.01.02 / Г.В. Воловой. – Махачкала, 2003. –114 с.

47. *Володина* 1993 – Володина, М.В. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации / М.В.Володина. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 112 с.

48. *Габитова 1988* – Габитова, Р. М. Философия немецкого романтизма / Р.М. Габитова. – М.: Наука, 1978. – 288 с.

49. *Гадамер 1988* – Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Пер. с нем. общ. ред. и вступ. статья Б.Н.Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. - 704 с.

50. *Гальперин 2014* – Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р.Гальперин; отв. ред. Г.В.Степанов. Изд. 8-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014 – 144 с.

51. *Гвенцадзе 1986* – Гвенцадзе, М.А. Коммуникативная лингвистика и типология текста. Тбилиси.: Изд. Тбилисского университета. 1986. – 315 с.

52. *Гибатова 2009* – Гибатова, (Иванова) Г.Ф. Предикация мысли в русском языке: Монография / Г.Ф. Гибатова. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 240 с.

53. *Гладков 2011* – Гладков, Б.И. Толкование Евангелия / Б.И. Гладков. – Христианская жизнь. 2011 // Азбука веры. Православная библиотека [Электронный ресурс] Режим доступа: //https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/tolkovanie-evangelija/43. Дата обращения 23.08.2015.

54. *Глинский, Грязнов, Дынин, Никитин 1965* – Глинский, Б.А. Моделирование как метод научного исследования / Б.А. Глинский, Б.С.Грязнов, Б.С, Дынин, Е.П.Никитин. – Изд-во Моск. ун-та, 1965. – 242 с.

55. *Голдман 1957* – Голдман, С. Теория информации / С.Голдман. – М.: Издательство иностранной литературы. – 1957. – 448 с.

56. *Гольдман 2005* – Гольдман, А.В.Нереальность как семантическая составляющая текста// «Языки и культуры»: Вопросы теории и методологии. Нижневартовск. Изд-во Нижневарт. пед. института, 2005. С. 51-59.

57. *Гомлешко 2008* – Гомлешко, Б.А. Языковые средства выражения иронии в художественных текстах Джона Голсуорси: лингвопрагматический аспект (на материале языка «Сага о Форсайтах»): дис.…канд. филол. наук: 10.02.19 / Б.А. Гомлешко. – Краснодар, 2008. – 163 с.

58. *Горшков 2000* – Горшков, А. И. Лекции по русской стилистике / А.И.Горшков. – М.: Изд-во лит. ин-та им. А.М.Горького, 2000. – 272 с.

59. *Горюнков 2014* – Горюнков, С. В. Мета-коды культуры / С.В.Горюнков. – СПб.: ООО Контраст, 2014. – 304 с.

60. *Грунина 2016* – Грунина Л.П. Термин в профессиональном дискурсе / Л.П. Грунина. Кемерово: АИ «Кузбассвузиздат», 2016. – 171 с.

61. *Гудков, Ковшова 2007* – Гудков, Д.Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д.Б. Гудков Д.Б., М.Л. Ковшова. – М.: «Гнозис», 2007. – 288 с.

62. *Дени 2011* – Дени, М. Образ и когнитивная деятельность // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: Хрестоматия / Сост. Пищальникова В.А. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С.150-162.

63. *Денисюк 2004* – Денисюк, Е.В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дис. …канд филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Денисюк. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.

64. *Дильтей 2001* – Дильтей, В. Сущность философии / Пер. с нем. под ред. М.Е. Цельтера. – М.: Интрада, 2001. – 159 с.

65. *Доброва 2015* – Доброва, В.В. Современные методы лингвокогнитивного моделирования: монография / В.В.Доброва. – Самара: Изд. Самар. гос. техн. ун-та, 2015. – 66 с.

66. *Достоевский 1993* – Достоевский, Ф.М. Книжность и грамотность. Статья вторая (1861) // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т.11. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1993.

67. *Дубровский, Калинин 1990* – Дубровский, В.Н. Математические головоломки / В.Н. Дубровский, А.Т. Калинин. – М.: Знание, 1990.

68. *Дьякова 2008* – Дьякова, М.Г. Теория и история мировой культуры / М.Г.Дьякова. – Волгоград: Волга ГАСУ, 2008. – 148 с.

69. *Ермакова 1996* – Ермакова, Е.В. Подтекст и языковые средства его формирования в драматургическом тексте: дис. … канд. филолог. наук: 10.02.19 / Е.В. Ермакова. – Саратов. 1996. - 185 с.

70. *Ерохина 2015а* – Ерохина, А.М. Художественный текст как модель универсума человека (метод моделирования и проблема разграничения массовых и художественных текстов) / А.М. Ерохина // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар. Т. 7 №5. Часть 2. 2015. (с.207-213)

71. *Ерохина 2015б* – Ерохина, А. М. Лексия – текстовая единица риторической поэтики / А.М. Ерохина // Историч. и социально-образовательная мысль». – Краснодар. Т.7 №6. Часть 1. – С.281-287.

72. *Ерохина 2015в* – Ерохина, А.М. Текстообразующая роль герменевтического кода в произведениях массовой литературы / А.М. Ерохина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. №12 (54): в 4-х ч. Ч.IV. – С.70-75.

73. *Есин 2004* – Есин, С.Н. Власть слова / С.Н.Есин. – М.: Изд. дом «Литературная газета», 2004. – 367 с.

74. *Захарова* – Захарова, Н. Индекс Фога. Как определить, легкий ли текст? [Электронный ресурс] Режим доступа: http://saharoza.livejournal.com/259775.html. Дата обращения 05.04.2017. 12.00

75. *Звегинцев 2007* – Звегинцев, В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. – М.: КомКнига, 2007. – 312 с.

76. *Золотова 2010* – Золотова, Н.О. Метафора, как новое измерение научного познания / Н.О. Золотова // Методология современного языкознания. – М., 2010, 58 с.

77. *Зоркая 1996* – Зоркая, Н. Проблемы изучения детектива: опыт немецкого литературоведения / Н.Зоркая // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. – С. 65-77.

78. *Иванова 2012* – Иванова, С.В. Система кодов в массмедийном политическом дискурсе / С.В.Иванова // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме: Материалы третьей междунар. конф. (Барнаул. 24-25 апр. 2012 г.). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. – С. 220 -222.

79. *Ивин 2007* – Ивин, А.А. Логика: учебник для студентов вузов / А.А.Ивин. – М.: Гардарики. 2007. – 352 с.

80. *Интересные загадки* – Интересные загадки для ребенка 5 лет. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://fb.ru/article/289107/interesnyie-zagadki-dlya-rebenka-let. Дата обращения 20.03.2017 в 16.24

81. *Иоскевич 2014* – Иоскевич, М.М. «Ловушки» художественного текста / М.М. Иоскевич // Текст как единица филологической интерпретации: сб. статей IV Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием (25 янв. 2014 г.. г.Куйбышев). – Новосибирск: Изд-во ООО «Немо Пресс», 2014. С.202-206.

82. *Кавелти 1996* – Кавелти, Дж. Г. Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 1996, № 22. С. 33 – 64.

83. *Кавтарадзе 2009* – Кавтарадзе, Д.Н. Обучение и игра: введение в интерактивные методы обучения / Д.Н.Кавтарадзе. – М.: Просвещение, 2009. – 176 с.

84. *Кайда 2000* – Кайда, Л.Г. Композиционный анализ художественного текста/ Л.Г.Кайда. – М.: Флинта, 2000. – 152 с.

85. *Камчатнов 1996* – Камчатнов, А.М. Теоретические основы лингвистической герменевтики и опыт ее приложения к изучению языка славяно-русских переводов Библии: дис. … д-ра филол. наук.: 10.02.01 /А.М. Камчатнов. – Москва, 1996. – 484 с.

86. *Караулов 2004* – Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н.Караулов. 4-е изд. стер. – М.:УРСС, 2004. – 261 с.

87. *Кармин 2009* – Кармин, А.С. Культурология. Учебник для студентов высших учебных заведений / А.С.Кармин. 5-е изд., стер. СПб: Лань: Планета Музыки, 2009. – 927 с.

88. *Кармин 2011* – Кармин, А.С. Культурология / А.С.Кармин. – СПб.: Изд-во ПЛАНЕТА МУЗЫКИ; Изд-во Лань, 2011. .

89. *Карпова 2013* – Карпова, Е.В. Детская игра: теория, практика, дидактические материалы / Е.В. Карпова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д Ушинского, 2013. – 565 с.

90. *Климова 2003* – Климова, Л. Ю. Игра как педагогическая технология художественного образования детей: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Л.Ю. Климова. – Ижевск, 2003. – 175 с.

91. *Кобозева 2000* – Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: учебное пособие / И.М.Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, – 2000. – 352 с.

92. *Козлов* – Козлов, Н.И. Коллективное бессознательное [Электронный ресурс] Режим доступа: https: // www.psychologos.ru/articles/view/kollektivnoe-bessoznatelnoe. Дата обращения 08.09.2018 в 10.20

93. *Козьма 2008* – Козьма, М.П. Подтекст как вторичная моделирующая система (на материале художественных произведений английских и американских писателей): дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. М.П.Козьма. – Оренбург. 2008. – 204 с.

94. *Колесов 2012* – Колесов, И.Ю. О семантическом аспекте исследования языковой репрезентации восприятия зрением (на материале английского и русского языков) / И.Ю.Колесов // Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования: сб. науч. статей. Серия «Концептуальные исследования». Вып. 17. Кемерово, 2012. С. 37-42.

95. *Коллективное бессознательное* – Коллективное бессознательное / Википедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/коллективное бессознательное. Дата обращения 08.09.2018 в 10.00

96. *Колодина 2002* – Колодина, Н.И. Когнитивно-лингвистический проблемы понимания / Н.И. Колодина // Когнитивная парадигма. – Пятигорск, 2002. – С. 72-90.

97. *Колшанский 2005* – Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных форм в языке / Г.В. Колшанский. – М.: КомКнига, 2005. – 232 с.

98. *Колшанский 2007* – Колшанский, Г.В. Контекстная семантика / Г.В.Колшанский. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 152 с.

99. *Кондратьева, Малина, Рогачева 2012* – Кондратьева, И.А. Имитационно-ролевая игра в обучении русскому языку как иностранному / И.А.Кндратьева, Н.В. Малина, Т.Д. Рогачева // «Актуальные вопросы теории и практики преподавания на русском языке как иностранном». Ростов-н/Д.: Издательский центр ДГГУ, 2012. – С. 35-39.

100. *Кострикина 2014* – Кострикина, А.П. Художественный образ и паравербаты/ А.П.Кострикина // Текст как единица филологической интерпретации: сб. статей IV Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием (25 янв. 2014г. г.Куйбышев). Новосибирск: Изд-во ООО «Немо Пресс», 2014. С.54-66.

101. *Кристева 2004* – Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю.Кристева. – М.: РОССПЭН, 2004. – 656 с.

102. *Кристева 2015* – Кристева, Ю. Исследования по семанализу / Ю. Кристева. – М.: Академический проект, 2015. – 285с.

103. *Кузьмина 2009* – Кузьмина, Н.А. Феномен массовой литературы в свете теории интертекста / Н.А.Кузьмина // Культ-товары: Феномен массовой литературы в современной России: Сб. научн. ст. – СПб.: СПГУТД, 2009. – С. 11 – 20.

104. *Лакофф 2017* – Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н.Баранова. Изд.3-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2017. – 256 с.

105. *Лакофф 2004* – Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

106. *Левина 2010* – Левина, Е.В. О терминологии Ролана Барта [Электронный ресурс] Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2010_1-2_37.pdf. Дата обращения 24.04.2014. 11.20.

107. *Леонтьев 2008* – Леонтьев, А .А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / Под ред. А.С.Маркосян, Д.А.Леонтьева, Ю.А.Сорокина. М.: Смысл, 2008. – 271 с.

108. *Лещеевва 2014* – Лещева, Л.М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте / Л.М.Лещеева. – М.: Языки славянской культуры; Знак, 2014. – 256 с.

109. *Лотман 1964* – Лотман, Ю.М. Труды по знаковым системам I. Лекции по структуральной поэтике. Вып. 1: (Введение, теория стиха) / отв.ред Б. Егоров – Тарту, 1964. – 195 с. (Ученые записки Тарусского гос.у-та; вып. 160).

110. *Лотман 1992а* – Лотман, Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т III. Таллин: «Александра», 1992. – 495 с.

111. *Лотман 1992б* – Лотман, Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т I. Семиотика культуры. Таллин: «Александра». 1992. - 479с.

112. *Лотман 1998* – Лотман, Ю.М. Об искусстве / Ю.М.Лотман. – СПб: Искусство – СПБ, 1998. – 704 с.

113. *Лошаков* – Лошаков, Л.И. Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования. [Электронный ресурс: HYPERLINK] Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/sverhtekst-problema-tselostnosti-printsipy-modelirovaniya. Дата обращения 15.08.2017. 9.00

114. *Лурье 2014* – Лурье, Л.Я. Петербург Достоевского. Исторический путеводитель/ Л.Я. Лурье. – СПб.: БХВ-Петербург, 2014. – 352 с.

115. *Макнамара 2016* – Макнамара, Д. Покой, игра, развитие. Как взрослые растят маленьких детей, а маленькие дети растят взрослых. – М.: Ресурс, 2016. – 320 с.

116. *Маркелова 2013* – Маркелова, Т.В.Прагматика и семантика выражения оценки в русском языке: монография / Т.В.Маркелова. – М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2013. – 300 с.

117. *Маслова 2004* – Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие/ В.А.Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.

118. *Минакова 2010* – Минакова, И.А. Особенности лингвокогнитивного моделирования художественного текста (на примере пространственно-временных отношений): дис. …канд. филолог. наук: 10.02.19 / И.А. Минакова. – Челябинск.2010. – 185 с.

119. *Могилевская 2003* – Могилевская, Г.И. Мировая культура и искусство / Г.И.Могилевская. – Шахты: Изд-во ЮРГУС, 2003. – 128 с.

120. *Молчанова 1988* – Молчанова, Г. Г. Семантика художественного текста : импликативные аспекты коммуникации. Ташкент, 1988.

121. *Морозов 1969* – Морозов, К.Е. Математическое моделирование в научном познании / К.Е. Морозов. – М.: Мысль, 1969. – С. 3-45.

122. *Морозов 1972* – Морозов, К.Е. К вопросу о гносеологических функциях моделей / К.Е. Морозов // Философские вопросы науки: М-лы конф. 21-22 дек. 1972 г. Изд-во Моск.ун-та, 1972.

123. *Никитин 2003* – Никитин, М.В. Основания когнитивной семантики / М.В. Никитин. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2003. – 277 с.

124. *Новик 1975* – Новик, И.Б Вопросы стиля мышления в естествознании / И.Б.Новик. – М.: Политиздат. 1975. – 144 с.

125. *Новик, Мамедов 1981* – Новик, И.Б. Метод моделирование в современной науке / И.Б. Новик, Н.М.Мамедов. – М.: «Знание». 1981. – 40 с.

126. *Новиков, Ярославцева 1990* – Новиков, А.И. Семантические расстояния в языке и тексте / А.И. Новиков, Е.И. Ярославцева. – М.: Наука, 1990. – 136 с.

127. *Новодранова 2013* – Новодранова, В.Ф. Методы когнитивного анализа в исследовании языков для специальных целей / В.Ф.Новодранова // Терминология и знание: материалы III Междунар. симпозиума / Отв. ред. С.Д. Шелов. – М, 2013. – С.11-18.

128. *НФЭ* – Национальная философская энциклопедия. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://terme.ru/termin/verbalnyi.html. Дата обращения 20.03.2017. 14:16.

129. *Обнорская 1988* – Обнорская, М.Е. Интертекстуальные связи в художественном произведении / М.Е. Обноская // Семантика и прагматика текста / Алт. Гос.техн. ун-т. им. И.И.Ползунова. – Барнаул: Изд-во Алт. ГТУ, 1998. – С. 46-49.

130. *Общая риторика 1986* – Общая риторика / Ж. Дюбуа [и др.]; пер. с фр. Е. Э. Разлоговой, Б. П. Нарумова; общ. ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева. – М. : Прогресс, 1986. – 391 с.

131. *Огнева 2009* – Огнева, Е. А.. Когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы художественного текста (на материале перевода русской прозы на английский и французский языки): дис. … д-ра филолог. наук: 10.02.19. – Белгород, 2009. – 406 с.,

132. *Окусов, Рыбалка 2011* – Окусов, А.П. Культура и имитация культуры: монография / А.П. Окусов, Е.А. Рыбалка. – Ростов-н/Д.: Изд-во «Росиздат», 2011. – 196 с

133. *Олизько 2000* – Олизько, Н.С. Когнитивный аспект интертекстуальности / Н.С.Олизько // Когнитивная парадигма: фреймовая семантика и номинация: межвуз. сб. научн. ст. Пятигорск : Изд-во Пятиг. гос. лингвист. ун-та, 2000. – 182 с.

134. *Остин 1999* – Остин, Дж. Избранное / Пер. с англ. Макеевой Л.Б., Руднева В.П. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.

135. *Павиленис 1983* – Павилёнис, Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка / Р.И.Павиленис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

136. *Перельгут 2005* – Перельгут, Н.М. Имплицитные эмоционально-оценочные значения, контекст и коммуникативная компетенция // Языки и культуры: Вопросы теории и методологии: межвуз. сб. науч. трудов / Отв. ред. М.Я.Блох. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед.ин-та, 2005. – С.27-36.

137. *Петрова 2013* – Петрова, Е.А. Истоки и векторы логико-когнитивного направления в изучении языка: монография. Уфа.: УЮИ МВД России, 2013. – 128 с.

138. *Пищальникова 1984* – Пищальникова, В.А. Проблемы лингвоэстетического анализа художественного текста. Уч. пособие / В.А.Пищальникова. – Барнаул: изд. Алтайск. Ун-та, 1984 . – 59 с.

139. *Пищальникова 1999* – Пищальникова, В.А. Психопоэтика. Монография / В.А.Пищальникова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – 176 с.

140. *Полянский 2006* – Полянский, А. Н. Формы и функции неизреченного в текстах художественной литературы / А.Н.Полянский // НДВШ Филол. науки. 1990. №2. – С.54-62.

141. *Попова 2009* – Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д.Попова. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2009. – 209 с.

142. *Прохорова 2012* – Прохорова, Л.П. Сказка, игра, интертекстуальность / Л.П.Прохорова. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т. 2012, – 139 с.

143. *Пушкарева 2013* – Пушкарева, Н.В. Языковое выражение подтекстовых смыслов в прозаическом тексте (на материале русской прозы XIX-XXI вв.): дис. … канд. филолог. наук: 10.02.01 / Н.В. Пушкарева. – СПБ, 2013. – 388 с.

144. *Риккерт 2015* – Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре (1910) // Культурология в системе современного знания: Хрестоматия. Сост. С.П.Хохлова. – Дубна.: Гос. ун-т «Дубна», 2015. – С. 1-6.

145. *Розенталь 1978* – Розенталь, Э. Лабиринты сознания / Э.Розенталь. – М.: Наука. 1978.

146. *Розин 2011* – Розин, В.М. Введение в схемологию. Схемы в философии, культуре, науке, проектировании / В.М.Розин. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 256 с.,

147. *Романецкий 2015* – Романецкий, М.Н. Просто игра / М.Н.Романецкий. – СПб.: ООО «Страта», 2015. – 216 с.

148. *Рэнд 2011* – Рэнд, Э. Искусство беллетристики / Э. Рэнд. – М.:АСТ: Астрель, 2011. – 319 с.

149. *Рэнд 2012* – Рэнд, Э. Ответы / Э.Рэнд. – Москва.: Альпина Паблишер. 2012. – 281 с.

150. *Савкина 2009* – Савкина, И.Л. «Закодированные»: новые формулы современной массовой литературы / И.Л.Савкина // «Культ-товары: Феномен массовой литературы в современной России. – СПб.: СПГУТД, 2009. – С. 210-216.

151. *Салмина 2011* – Салмина, Л.М. Язык как моделирующая система / Л.М.Салмина // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т.153, кн. 6. – С. 16-23.

152. *Самотик 2005* – Самотик, Л.Г. Язык «Турецкого гамбита» Б. Акунина: Очерк и словарь / Л.Г.Самотик. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. – 136 с.

153. *Сарян 2009* – Сарян, М.А. Экспрессивность фразеологизмов как одно из отличительных свойств фразеологической картины мира народов – носителей языков (русский и английский язык в сопоставлении) / М.А.Сарян // Язык и межкультурная коммуникация: материалы VI Межвуз. науч.-практ. конф. 23-24 апреля 2009 г. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009. – С. 101-102.

154. *Селиванова 2009* – Селиванова, Е.А. Когнитивная проекция симеозиса украинской загадки / Е.А.Селиванова // Язык и межкультурная коммуникация: материалы VI Межвуз. науч.-практ. конф. 23-24 апр. 2009 г. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009. – С. 102-106.

155. *Семенова 2012* – Семенова, Н.М. Ролевая игра как средство развития коммуникативных способностей подростков / Н.М.Семенова // Игра и игрушки в истории и культуре, развитии и образовании: материалы междунар. науч.-практ. конф. 1-2 апр. 2012 г. – Пенза-Витебск-Москва: научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – С. 45-46.

156. Сепир 1993 – Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.

157. *Сермягина 2007* – Сермягина, С.С. «Подтекст в прозе М.Булгакова: лигвостилистический аспект»: дис. …канд. филолог. наук: 10.02.01 / С.С. Сермягина. – Кемерово. 2007. – 203 с.

158. *Скорнякова 2010* – Скорнякова, Р.М. Антропоморфный культурный код в современной рекламе / Р.М.Скорнякова // Методология современного языкознания: Сборник статей. М.: АСОУ, 2010. – С. 200-204.

159. *Словоерс* – Словоерс // Википедия [Электронный ресурс] Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/114789. Дата обращения 15.05.2018

160. *Смородина 2009* – Смородина, П. В. Название как бифункциональная единица текста (на материале ряда произведений В.Шекспира): дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / П.В.Смородина. – М. 2009. – 207 с.

161. *Современная западная философия 2009* - Современная западная философия. Энциклопедический словарь / Под. ред. О. Хеффе, В.С. Малахова, В.П. Филатова, при участии Т.А. Дмитриева. М., 2009, с. 354-356. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_h/chomskia.php. Дата обращения 12.03.2017.

162. *Сонин 2002* – Сонин, А.Г. Когнитивная лингвистика: становление парадигмы: Монография. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та., 2002. – 222 с.

163. *Сонин, Сонина 1998* – Сонин, А.Г. О переложении литературных текстов на язык комиксов / А.Г Сонин, Е.Ф. Сонина // «Семантика и прагматика текста» / Под общ ред. В.А. Пищальниковой; Алт. Гос.техн. ун-т. им. И.И.Ползунова. – Барнаул: Изд-во Алт. ГТУ, 1998. – С. 37-43.

164. *Соссюр 2013* – Соссюр, Фердинанд де. Курс общей лингвистики. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 256 с.

165. *Средства массовой коммуникации* – Средства массовой коммуникации. Надтекст. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.liveinternet.ru/users/1080689/post105218353. Дата обращения 15.03.2017. 9:20

166. *Стефанская 2013* – Стефанская, Н.А**.** Социальная ценность чтения / Н.А.Стефанская // Чтение как гуманистическая ценность. – СПб: Спец Лит, 2013. – 312 с.

167. *Супрунова 2007* – Супрунова, Л.В. «Риторические средства в устной профессиональной речи учителя начальных классов» : дис …. канд. филол. наук. 10.02.01 / Л.В. Супрунова. – Челябинск. 2007. – 159 с.

168. *Суртаев 2012* – Суртаев, В.Я. Игра в пространстве культуры / В.Я. Суртаев. – СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2012. – 416 с.

169. *Теплова 2012* – Теплова, А.Б. Содержание посреднических функций образной игрушки / А.Б.Теплова // Игра и игрушки в истории и культуре, развитии и образовании: материалы

междунар. науч.-практ. конф. 1-2 апр. 2012 г. – Пенза-Витебск-Москва: научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – 251 с. (с. 40-44).

170. *Тимофеева 2010а* – Тимофеева, М.К. Ментальные операции как составляющие семиотического процесса / М.К.Тимофеева // Методология современного языкознания: сб. статей. – М.: АСОУ, 2010. – С.230-241.
171. *Тимофеева 2010б* – Тимофеева, М.К. Введение в экспериментальную когнитивную лингвистику / М.К.Тимофеева. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т., 2010. – 103 с.
172. *Тодоров 1998* – Тодоров, Ц. Теория символа. – М.: Дом интеллектуальной книги. Русское феноменологическое общество, 1998. – 408 с.
173. *Угланова 2010* – Угланова, И.А. Когнитивная семантика / И.А.Угланова; Перм.ун-т. – Пермь, 2010. – 155 с.
174. *Устиненко 1980* – Устиненко, В.И. Место и роль игрового феномена в культуре / В.И. Устиненко // Философские науки. 1980. - № 2. – С. 69-77.
175. *Фефилов 1994* – Фефилов, А.И. Тенденции развития лексических значений в русском и немецком языках / А. И. Фефилов // Структурно-семантические исследования русского языка: сб. статей. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – С.92-99.
176. *Фрейд 2015* – Фрейд, З. Введение в психоанализ: лекции. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 480 с.
177. *Хазагеров 2001* – Хазагеров, Г. Жрецы, рыцари и слуги : приключения метафоры, метонимии и символа в научном и общественном дискурсе / Г. Хазагеров // Знание – сила. 2001. № 12. – С. 63-69.
178. *Хайдеггер 1993* – Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
179. *Халимова 2011* – Халимова, Р.Р. Языковые средства реализации прагматической установки в текстах прямой и скрытой рекламы: дис. … канд. филолог. наук: 10.02.01 / Р.Р. Халимова. – Уфа, 2011. – 188 с.
180. *Харченко 1989* – Харченко В.К.Переносное значение слова / В.К. Харченко. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. –195 с.
181. *Хейзинга 2015* – Хейзинга, Й. Homo Ludens. Человек играющий. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. – 416 с.
182. *Хижняк 2016* – Хижняк, С.П. Когнитивная проблематика в общей теории термина / С.П.Хижняк. – Саратов: ИЦ «Наука», 2016. – 172 с.

183. *Хомский 2017* – Хомский, Н. О природе и языке. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. – 288 с.

184. *Чарушников 1997* – Чарушников, В.Д. Моделирование и научное познание / В.Д.Чарушников. – Н.Новгород: НВВУТ, 1997. – 55 с.

185. *Черняк 2009* – Черняк, М.А. Массовая литература XX века / М.А.Черняк. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 432 с.

186. *Чертов 2005* – Чертов, Л.Ф. От герменевтики телесности к семиотике визуально-пространственных кодов / Л.Ф. // Логос живого и герменевтика телесности. Постижение культуры: Ежегодник. / Вып.13-14;. – М.: Академический проект; РИК, 2005. – С. 623-662.

187. *Чунева 2006* – Чунева, Л.Ю. Смыслообразующая функция подтекста в литературном произведении: дис. … канд. филол. наук: 10.01.08 / Л.Ю. Чунева. – Тверь. 2006. –180 с.

188. *Шилков 2013* – Шилков, Ю.М. Язык и познание: Когнитивные аспекты / Ю.М.Шилков. – СПб.: Владимир Даль, 2013. – 542 с.

189. *Штофф 1966* – Штофф, В.А. Моделирование и философия / В.А.Штофф. – М.-Л.: Наука, 1966. – 302 с.

190. *Шульженко 2010* – Шульженко, М. Ю.. «Процесс понимания художественного текста как постижение риторико-герменевтической организованности смыслов (на материале романа О.Уайльда «Портрет Дориана Грея»): дис. …канд. филолог. наук: 10.02.19 / М.Ю. Шульженко. – Ставрополь. 2010. – 194 с.

191. *Эвери 2006* – Эвери, Д. Теория информации и эволюции. – М.–Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика» Институт компьютерных исследований, 2006. – 252 с.

192. *Эйдис* – Эйдис, М. Техника медленного чтения. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://booknik.ru/ideas/all/tehnika-medlennogo-chteniya-v-mire-bystrogo-perelistyvaniya/. Дата обращения 15.04.2017

193. *Эко 2007* – Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. – СПб.: «Симпозиум», 2007. – 502 с.

194. *Эко 2013* – Эко, У. Откровения молодого романиста. – Москва: АСТ: CORPUS, 2013. – 320 с.

195. *Эко 2014* – Эко, У. Шесть прогулок в литературных лесах. – СПБ.: Симпозиум, 2014. – 285 с.

196. *Юнг* – Юнг, К.Г. Концепция коллективного бессознательного. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.oculus.ru/stat.php?id=53. Дата обращения 08.09.2018 в 12.00

197. *Якобсон 2011* – Якобсон, Р.О. Формальная школа и современное русское литературоведение / Ред.-сост. Т. Ланц; ред. Д. Сичинава; Перев. С чеш. Е Бобраковой-Тимошкиной. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 280 с.

198. *Baensch 1959* –Baensch, Otto, «Kunst und Geful» in logos, 1923, перевод на английский в Reflections on Art, ed. by S.K. Langer, Baltimore, The John Hopkins Press and London, Oxf. Univ. Press, 1959. – P.10-36.

199. *Wesel 1995* – Wesel, R. Politische Metaphorik im parlamentarischen Diskurs. – Berlin: de Gruyter. 1995. – S.212.

СЛОВАРИ

1. *ТСУ* – Толковый словарь Ушакова онлайн. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ushakovdictionary.ru Дата обращения 23.08.2018 в 14:15.

2. *ТСО* – Толковый словарь Ожегова онлайн. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова [Электронный ресурс] Режим доступа: http://slovarozhegova.ru. Дата обращения 23.08.2018 в 14:30.

3. *СЕ* – Словарь Ефремой. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://slovoblog.ru/efremova/. Дата обращения 23.08.2018 в 15:30.

4. *СИС* - Словарь иностранных слов [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.вокабула.рф/словари. Дата обращения 23.08.2018 в 19:00.

Федор Михайлович Достоевский	
1. Преступление и наказание	1. Г.
Роман в шести частях с эпилогом Часть первая	
2. В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер,	2. Р., Р.
3. один молодой человек	3. Г.
4. вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С -- м переулке, на улицу	4. А., С., Г.
5. и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К -- ну мосту.	5. Г., Р., С. 6. Г.
6. Он благополучно избегнул встречи с своею хозяйкой на лестнице.	
7. Каморка его приходилась под самою кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру.	7. С. (бедность).
8. Квартирная же хозяйка его, у которой он нанимал эту каморку с обедом и прислугой, помещалась одною лестницей ниже, в отдельной квартире, и каждый раз, при выходе на улицу, ему непременно надо было проходить мимо хозяйкиной кухни, почти всегда настежь отворенной на лестницу.	8. Р. – (изображение квартиры)
9. И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился и от которого морщился.	9. С. – психол. сост. «Неловкость»
10. Он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться.	10. Г.
11. Не то чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой.	11. Г.
12. Он был задавлен бедностью; но даже стесненное положение перестало в последнее время тяготить его.	12. Г.
13. Насущными делами своими он совсем перестал и не хотел заниматься.	13. С. (отстраненность от обыденного)
14. Никакой хозяйки, в сущности, он не боялся, что бы та ни замышляла против него. Но останавливаться на лестнице, слушать всякий вздор про всю эту обыденную дребедень, до которой ему нет никакого дела, все эти приставания о платеже, угрозы, жалобы, и при этом самому изворачиваться, извиняться, лгать,	14. Г., Р.
15. -- нет уж, лучше проскользнуть как-нибудь кошкой по лестнице и улизнуть, чтобы никто не видал.	15. С. , А.,
16. Впрочем, на этот раз страх встречи с своею кредиторшей даже его самого поразил по выходе на улицу. "На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь! -- подумал он с странною улыбкой.	16. Г. , А.
17. -- Гм... да... всё в руках человека, и всё-то он мимо носу	17. Р., С.

проносит, единственно от одной трусости... это уж аксиома...	
18. Любопытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они всего больше боятся...	18. Р.
19. А впрочем, я слишком много болтаю. Оттого и ничего не делаю, что болтаю. Пожалуй, впрочем, и так: оттого болтаю, что ничего не делаю. Это я в этот последний месяц выучился болтать,	19. Р.
20. лежа по целым суткам в углу и думая... о царе Горохе.	20. С.
21. Ну зачем я теперь иду? Разве я способен на *это*? Разве *это* серьезно? Совсем не серьезно. Так, ради фантазии сам себя тешу;	21. Г.
22. игрушки! Да, пожалуй что и игрушки!"	22. С.
23. На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь,	23. Р., С.
24. столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу,	24. Р.
25. -- всё это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши.	25. Р., С.
26. Нестерпимая же вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшиеся, несмотря на буднее время, довершили отвратительный и грустный колорит картины. Чувство глубочайшего омерзения	26. Р., С.
27. мелькнуло на миг	27. А.
28. в тонких чертах молодого человека. Кстати, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен.	28. Р.
29. Но скоро он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, вернее сказать, как бы в какое-то забытье,	29. Г., Р.
30. и пошел,	30. А.
31. уже не замечая окружающего, да и не желая его замечать.	31. С.
32. Изредка только бормотал он что-то про себя, от своей привычки к монологам,	32. А., Р.
33. в которой он сейчас сам себе признался.	33. Р.
34. В эту же минуту он и сам сознавал, что мысли его порою мешаются и что он очень слаб: второй день как уж он почти совсем ничего не ел.	34. Г., Р., С.
35. Он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посовестился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу.	35. Р., С.
36. Впрочем, квартал был таков, что костюмом здесь было трудно кого-нибудь удивить. Близость Сенной, обилие известных заведений и, по преимуществу, цеховое и ремесленное население, скученное в этих серединных петербургских улицах и переулках, пестрили иногда общую панораму такими субъектами, что странно было бы и удивляться при встрече с иною фигурой.	36. Р.
37. Но столько злобного презрения уже накопилось в душе молодого человека, что,	37. Г., Р.
38. несмотря на всю свою, иногда очень молодую, щекотливость, он менее всего совестился своих лохмотьев на улице.	38. С.
39. Другое дело при встрече с иными знакомыми или с прежними товарищами, с которыми вообще он не любил	39. Р., С.

встречаться...	
40. А между тем, когда один пьяный, которого неизвестно почему и куда провозили в это время по улице в огромной телеге, запряженной огромною ломовою лошадью,	40. Г., Р.
41. крикнул ему вдруг, проезжая: "Эй ты, немецкий шляпник!" -- и заорал во всё горло, указывая на него рукой,	41. Р., С.
42. -- молодой человек вдруг остановился и судорожно схватился за свою шляпу.	42. А., С.
43. Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей и самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону.	43. Р., С.
44. Но не стыд, а совсем другое чувство, похожее даже на испуг, охватило его.	44. Г., Р.
45. "Я так и знал! -- бормотал он в смущении, -- я так и думал!	45. А., С.,Г.
46. Это уж всего сквернее! Вот эдакая какая-нибудь глупость, какая-нибудь пошлейшая мелочь, весь замысел может испортить!	46. Г.
47. Да, слишком приметная шляпа... Смешная, потому и приметная...	47. Р., С. (мысли героя)
48. К моим лохмотьям непременно нужна фуражка, хотя бы старый блин какой-нибудь, а не этот урод.	48. Р., С.
49. Никто таких не носит,	49. Р.
50. за версту заметят, запомнят... главное, потом запомнят, ан и улика. Тут нужно быть как можно неприметнее...	50. Г.
51. Мелочи, мелочи главное!.. Вот эти-то мелочи и губят всегда и всё..."	51. Р., С., Г.
52. Идти ему было немного; он даже знал, сколько шагов от ворот его дома: ровно семьсот тридцать. Как-то раз он их сосчитал,	52. Р.
53. когда уж очень размечтался. В то время он и сам еще не верил этим мечтам своим и только раздражал себя их безобразною, но соблазнительною дерзостью.	53. Г., Р., С.
54. Теперь же, месяц спустя, он уже начинал смотреть иначе и, несмотря на все поддразнивающие монологи о собственном бессилии и нерешимости, "безобразную" мечту как-то даже поневоле привык считать уже предприятием, хотя всё еще сам себе не верил.	54. Р., Г., С.
55. Он даже шел теперь делать пробу своему предприятию, и	55. А., Г.
56. с каждым шагом волнение его возрастало всё сильнее и сильнее.	56. Р., Г
57. С замиранием сердца и нервною дрожью подошел он	57. А., С.
58. к преогромнейшему дому, выходившему одною стеной на канаву, а другою в -- ю улицу. Этот дом стоял весь в мелких квартирах и заселен был всякими промышленниками -- портными, слесарями, кухарками, разными немцами, девицами, живущими от себя, мелким чиновничеством и проч. Входящие и выходящие так и шмыгали под обоими воротами и на обоих дворах дома. Тут служили три или четыре дворника.	58. Р.
59. Молодой человек был очень доволен, не встретив ни которого из них, и неприметно проскользнул сейчас же из ворот направо на лестницу.	59. Р., Г.
60. Лестница была темная и узкая, "черная",	60. Р., С.

61. но он всё уже это знал и изучил, и ему вся эта обстановка нравилась: в такой темноте даже и любопытный взгляд был неопасен.	61. Р., Г.
62. "Если о сю пору я так боюсь, что же было бы, если б и действительно как-нибудь случилось до самого *дела* дойти?.." -- подумал он невольно,	62. Г., С.
63. проходя в четвертый этаж.	63. А.
64. Здесь загородили ему дорогу отставные солдаты-носильщики, выносившие из одной квартиры мебель. Он уже прежде знал, что в этой квартире жил один семейный немец, чиновник:	64. Р.
65. "Стало быть, этот немец теперь выезжает, и, стало быть, в четвертом этаже, по этой лестнице и на этой площадке, остается, на некоторое время, только одна старухина квартира занятая. Это хорошо... на всякой случай..." -- подумал он опять	65. Г.
66. и позвонил в старухину квартиру.	66. А.
67. Звонок брякнул слабо, как будто был сделан из жести, а не из меди.	67. Р., С.
68. В подобных мелких квартирах таких домов почти всё такие звонки.	68. Р.
69. Он уже забыл звон этого колокольчика, и теперь этот особенный звон как будто вдруг ему что-то напомнил и ясно представил...	69. Р., Г.
70. Он так и вздрогнул,	70. А.
71. слишком уже ослабели нервы на этот раз.	71. Г.
72. Немного спустя дверь приотворилась на крошечную щелочку:	72. А.
73. жилица оглядывала из щели пришедшего с видимым недоверием, и только виднелись ее сверкавшие из темноты глазки.	73. А., Г., С.
74. Но увидав на площадке много народу, она ободрилась	74. Р.
75. и отворила совсем. Молодой человек переступил через порог в темную прихожую,	75. А.
76. разгороженную перегородкой, за которою была крошечная кухня.	76. Р.
77. Старуха стояла перед ним молча и вопросительно на него глядела.	77. А., Г.
78. Это была крошечная, сухая старушонка, лет шестидесяти, с острыми и злыми глазками, с маленьким острым носом и простоволосая. Белобрысые, мало поседевшие волосы ее были жирно смазаны маслом. На ее тонкой и длинной шее,	78. Р.
79. похожей на куриную ногу,	79. С.
80. было наверчено какое-то фланелевое тряпье, а на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтелая меховая кацавейка.	80. Р., С.
81. Старушонка поминутно кашляла и кряхтела.	81. Р.
82. Должно быть, молодой человек взглянул на нее каким-нибудь особенным взглядом, потому что и в ее глазах мелькнула вдруг опять прежняя недоверчивость.	82. А., Г.
83. -- Раскольников, студент, был у вас назад тому месяц, --	83. Р., Г., А.
84. поспешил пробормотать молодой человек с полупоклоном,	84. Р., А.
85. вспомнив, что надо быть любезнее.	85. Г.

86. -- Помню, батюшка, очень хорошо помню, что вы были, -- отчетливо проговорила старушка, по-прежнему не отводя своих вопрошающих глаз от его лица.	86. А., С. (чего-то ждет)
87. -- Так вот-с...	87. С.
88. и опять, по такому же дельцу... -- продолжал Раскольников,	88. Р., А.
89. немного смутившись и удивляясь недоверчивости старухи. "Может, впрочем, она и всегда такая, да я в тот раз не заметил", -- подумал он с неприятным чувством.	89. Р., С.
90. Старуха помолчала, как бы в раздумье, потом отступила в сторону и, указывая на дверь в комнату, произнесла, пропуская гостя вперед: -- Пройдите, батюшка.	90. А.
91. Небольшая комната, в которую прошел молодой человек, с желтыми обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах, была в эту минуту ярко освещена заходящим солнцем.	91. Р.
92. "И *тогда,* стало быть, так же будет солнце светить!.."	92. Г.
93. -- как бы невзначай мелькнуло в уме Раскольникова,	93. С.
94. и быстрым взглядом окинул он всё в комнате, чтобы по возможности изучить и запомнить расположение.	94. А., Г
95. Но в комнате не было ничего особенного. Мебель, вся очень старая и из желтого дерева, состояла из дивана с огромною выгнутою деревянною спинкой, круглого стола овальной формы перед диваном, туалета с зеркальцем в простенке, стульев по стенам	95. Р.
96. да двух-трех грошовых картинок в желтых рамках, изображавших немецких барышень с птицами в руках, -- вот и вся мебель.	96. Р., С.
97. В углу перед небольшим образом горела лампада. Всё было очень чисто: и мебель, и полы были оттерты под лоск; всё блестело.	97. Р.
98. "Лизаветина работа", -- подумал молодой человек.	98. Р., Г.
99. Ни пылинки нельзя было найти во всей квартире.	99. Р.
100. "Это у злых и старых вдовиц бывает такая чистота", -- продолжал про себя Раскольников и	100. Р.
101. с любопытством покосился на ситцевую занавеску перед дверью во вторую, крошечную комнатку, где стояли старухины постель и комод и куда он еще ни разу не заглядывал.	101. А.
102. Вся квартира состояла из этих двух комнат.	102. Р.
103. -- Что угодно? -- строго произнесла старушонка, войдя в комнату и по-прежнему становясь прямо перед ним, чтобы глядеть ему прямо в лицо.	103. А., С. , Г.
104. -- Заклад принес, вот-с!	104. Г.
105. -- И он вынул из кармана	105. А.
106. старые плоские серебряные часы. На оборотной дощечке их был изображен глобус. Цепочка была стальная.	106. Р.
107. -- Да ведь и прежнему закладу срок. Еще третьего дня месяц как минул. -- Я вам проценты еще за месяц внесу; потерпите.	107. Р. Г.
108. -- А в том моя добрая воля, батюшка, терпеть или вещь вашу теперь же продать.	108. Р., С.
109. -- Много ль за часы-то, Алена Ивановна?	109. Р., А.

-- А с пустяками ходишь, батюшка, ничего, почитай, не стоит.	
110. За колечко вам прошлый раз два билетика внесла, а оно и купить-то его новое у ювелира за полтора рубля можно.	110. Г., Р.
111. -- Рубля-то четыре дайте, я выкуплю, отцовские. Я скоро деньги получу.	111. А., Р.
-- Полтора рубля-с и процент вперед, коли хотите-с.	
112. -- Полтора рубля! -- вскрикнул молодой человек.	112. А., С.
113. -- Ваша воля. -- И старуха протянула ему обратно часы.	113. А., С
114. Молодой человек взял их	114. А.
115. и до того рассердился, что хотел было уже уйти; но тотчас одумался, вспомнив, что идти больше некуда и что он еще и за другим пришел.	115. Р., Г.
116. -- Давайте! -- сказал он грубо.	116. А., С.
117. Старуха полезла в карман за ключами и пошла в другую комнату за занавески.	117. А.
118. Молодой человек, оставшись один среди комнаты, любопытно прислушивался и соображал.	118. Г., А.
119. Слышно было, как она отперла комод. "Должно быть, верхний ящик, -- соображал он. -- Ключи она, стало быть, в правом кармане носит... Все на одной связке, в стальном кольце... И там один ключ есть всех больше, втрое, с зубчатою бородкой, конечно, не от комода... Стало быть, есть еще какая-нибудь шкатулка, али укладка... Вот это любопытно. У укладок всё такие ключи...	119. Р., Г.
120. А впрочем, как это подло всё..."	120. С.
121. Старуха воротилась.	121. А.
122. -- Вот-с, батюшка: коли по гривне в месяц с рубля, так за полтора рубля причтется с вас пятнадцать копеек, за месяц вперед-с. Да за два прежних рубля с вас еще причитается по сему же счету вперед двадцать копеек. А всего, стало быть, тридцать пять. Приходится же вам теперь всего получить за часы ваши рубль пятнадцать копеек.	122. Р.
123. Вот получите-с.	123. А.
124. -- Как! так уж теперь рубль пятнадцать копеек!	124. Р., С.
-- Точно так-с.	
125. Молодой человек спорить не стал и взял деньги.	125. А.
126. Он смотрел на старуху и не спешил уходить, точно ему еще хотелось что-то сказать или сделать, но как будто он и сам не знал, что именно...	126. А., С.
127. -- Я вам, Алена Ивановна, может быть, на днях, еще одну вещь принесу... серебряную... хорошую... папиросочницу одну... вот как от приятеля ворочу... -- Он смутился и замолчал.	127. А., С., Г.
128. -- Ну тогда и будем говорить, батюшка.	128. А.
-- Прощайте-с...	
129. А вы всё дома одни сидите, сестрицы-то нет? -- спросил он как можно развязнее, выходя в переднюю.	129. Г., С.
130. -- А вам какое до нее, батюшка, дело?	130. Г.
131. -- Да ничего особенного. Я так спросил. Уж вы сейчас...	131. С.
132. Прощайте, Алена Ивановна!	132. А.
133. Раскольников вышел в решительном смущении. Смущение это всё более и более увеличивалось. Сходя по лестнице, он несколько раз даже останавливался, как будто чем-	133. А.,С.

то внезапно пораженный.	
134. И наконец, уже на улице, он воскликнул:	134. А., С.
135. "О боже! как это всё отвратительно! И неужели, неужели я...	135. С., Г.
136. нет, это вздор, это нелепость! -- прибавил он решительно. -- И неужели такой ужас мог прийти мне в голову?	136. Р., Г.
137. На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!..	137. С.
138. И я, целый месяц..." Но он не мог выразить ни словами, ни восклицаниями своего волнения.	138. Г., С.
139. Чувство бесконечного отвращения, начинавшее давить и мутить его сердце еще в то время, как он только шел к старухе, достигло теперь такого размера и так ярко выяснилось, что он не знал, куда деться от тоски своей.	139. С.
140. Он шел по тротуару как пьяный, не замечая прохожих и сталкиваясь с ними, и опомнился уже в следующей улице.	140. А., С.
141. Оглядевшись, он заметил, что стоит подле распивочной,	141. А.
142. в которую вход был с тротуара по лестнице вниз, в подвальный этаж. Из дверей, как раз в эту минуту, выходили двое пьяных и, друг друга поддерживая и ругая, взбирались на улицу.	142. Р.
143. Долго не думая, Раскольников тотчас же спустился вниз.	143. А.
144. Никогда до сих пор не входил он в распивочные, но теперь голова его кружилась, и к тому же палящая жажда томила его. Ему захотелось выпить холодного пива, тем более что	144. Р.
145. внезапную слабость свою он относил и к тому, что был голоден.	145. Р., Г
146. Он уселся в темном и грязном углу, за липким столиком, спросил пива и с жадностию выпил первый стакан.	146. А., С.
147. Тотчас же всё отлегло, и мысли его прояснели. "Всё это вздор, -- сказал он с надеждой, -- и нечем тут было смущаться! Просто физическое расстройство! Один какой-нибудь стакан пива, кусок сухаря, -- и вот, в один миг, крепнет ум, яснеет мысль, твердеют намерения!	147. Р., С.
148. Тьфу, какое всё это ничтожество!.."	148. С.
149. Но, несмотря на этот презрительный плевок, он глядел уже весело, как будто внезапно освободясь от какого-то ужасного бремени, и дружелюбно окинул глазами присутствующих.	149. Р., С.
150. Но даже и в эту минуту он отдаленно предчувствовал, что вся эта восприимчивость к лучшему была тоже болезненная.	150. Р., С.
151. В распивочной на ту пору оставалось мало народу. Кроме тех двух пьяных, что попались на лестнице, вслед за ними же вышла еще разом целая ватага, человек в пять, с одною девкой и с гармонией. После них стало тихо и просторно. Остались: один хмельной, но немного, сидевший за пивом, с виду мещанин; товарищ его, толстый, огромный, в сибирке и с седою бородой, очень захмелевший,	151. Р.
152. задремавший на лавке и изредка, вдруг, как бы спросонья, начинавший прищелкивать пальцами, расставив руки врозь, и подпрыгивать верхнею частию корпуса, не вставая с лавки,	152. А.
153. причем подпевал какую-то ерунду, силясь припомнить стихи, вроде:	153. Р., С., А.
154. Целый год жену ласкал,	154. Р.

Цел-лый год же-ну лас-кал...	
155. Или вдруг, проснувшись, опять:	155. А.
156. По Подьяческой пошел,	156. Р.
Свою прежнюю нашел...	
157. Но никто не разделял его счастия; молчаливый товарищ его смотрел на все эти взрывы даже враждебно и с недоверчивостью.	157. Р., С.
158. Был тут и еще один человек, с виду похожий как бы на отставного чиновника.	158. Г.
159. Он сидел особо, перед своею посудинкой, изредка отпивая и посматривая кругом.	159. Р., С., А.
160. Он был тоже как будто в некотором волнении.	160. Г.
II	
161. Раскольников не привык к толпе и, как уже сказано, бежал всякого общества, особенно в последнее время.	161. Р.
162. Но теперь его вдруг что-то потянуло к людям.	162. Г.
163. Что-то совершалось в нем как бы новое, и вместе с тем ощутилась какая-то жажда людей.	163. С., Г.
164. Он так устал от целого месяца этой сосредоточенной тоски своей и мрачного возбуждения, что	164. Р., С.
165. хотя одну минуту хотелось ему вздохнуть в другом мире, хоть бы в каком бы то ни было, и, несмотря на всю грязь обстановки, он с удовольствием оставался теперь в распивочной.	165. Г., С.
166. Хозяин заведения был в другой комнате, но часто входил в главную, спускаясь в нее откуда-то по ступенькам,	166. Р.
167. причем прежде всего выказывались его щегольские смазные сапоги с большими красными отворотами. Он был в поддевке и в страшно засаленном черном атласном жилете, без галстука, а всё лицо его было как будто смазано маслом,	167. Р.
168. точно железный замок.	168. С.
169. За застойкой находился мальчишка лет четырнадцати, и был другой мальчишка моложе, который подавал, если что спрашивали. Стояли крошеные огурцы, черные сухари и резанная кусочками рыба;	169. Р.
170. всё это очень дурно пахло.	170. С.
171. Было душно, так что было даже нестерпимо сидеть, и всё до того было пропитано винным запахом, что, кажется, от одного этого воздуха можно было в пять минут сделаться пьяным.	171. Р., С.
172. Бывают иные встречи, совершенно даже с незнакомыми нам людьми, которыми мы начинаем интересоваться с первого взгляда, как-то вдруг, внезапно, прежде чем скажем слово.	172. Р.
173. Такое точно впечатление произвел на Раскольникова тот гость, который сидел поодаль и походил на отставного чиновника.	173. Р.
174. Молодой человек несколько раз припоминал потом это первое впечатление и даже приписывал его предчувствию.	174. Р.
175. Он беспрерывно взглядывал на чиновника, конечно, и потому еще, что и сам тот упорно смотрел на него, и видно было, что тому очень хотелось начать разговор.	175. А., Р.
	176. Р.

176. На остальных же, бывших в распивочной, не исключая и хозяина, чиновник смотрел как-то привычно и даже со скукой, а вместе с тем и с оттенком некоторого высокомерного пренебрежения, как бы на людей низшего положения и развития, с которыми нечего ему говорить.	
177. Это был человек лет уже за пятьдесят, среднего роста и плотного сложения, с проседью и с большою лысиной, с отекшим от постоянного пьянства желтым, даже зеленоватым лицом и с припухшими веками, из-за которых сияли крошечные, как щелочки, но одушевленные красноватые глазки.	177. Р., С.
178. Но что-то было в нем очень странное; во взгляде его светилась как будто даже восторженность, -- пожалуй, был и смысл и ум, -- но в то же время мелькало как будто и безумие.	178. Р., С.
179. Одет он был в старый, совершенно оборванный черный фрак, с осыпавшимися пуговицами. Одна только еще держалась кое-как, и на нее-то он и застегивался, видимо желая не удаляться приличий. Из-под нанкового жилета торчала манишка, вся скомканная, запачканная и залитая.	179. Р., С.
180. Лицо было выбрито, по-чиновничьи, но давно уже, так что уже густо начала выступать сизая щетина.	180. Р., С.
181. Да и в ухватках его действительно было что-то солидно-чиновничье.	181. Р., С
182. Но он был в беспокойстве, ерошил волосы и подпирал иногда, в тоске, обеими руками голову, положа продранные локти на залитый и липкий стол.	182. Р., А., С.
183. Наконец он прямо посмотрел на Раскольникова и громко и твердо проговорил: - А осмелюсь ли, милостивый государь мой, обратиться к вам с разговором приличным?	183. А.
184. Ибо хотя вы и не в значительном виде, но опытность моя отличает в вас человека образованного и к напитку непривычного. Сам всегда уважал образованность, соединенную с сердечными чувствами, и, кроме того,	184. Р., С.
185. состою титулярным советником. Мармеладов - такая фамилия; титулярный советник.	185. Р.
186. Осмелюсь узнать, служить изволили? - Нет, учусь... - отвечал молодой человек,	186. А., Р.
187. отчасти удивленный и особенным витиеватым тоном речи, и тем, что так прямо, в упор, обратились к нему.	187. Р.
188. Несмотря на недавнее мгновенное желание хотя какого бы ни было сообщества с людьми, он при первом, действительно обращенном к нему слове вдруг ощутил свое обычное неприятное и раздражительное чувство отвращения ко всякому чужому лицу, касавшемуся или хотевшему только прикоснуться к его личности.	188. Р., С.
189. - Студент, стало быть, или бывший студент! - вскричал чиновник,	189. Р., С.
190. - так я и думал!	190. Р. , С.
191. Опыт, милостивый государь, неоднократный опыт!	191. Р., С.
192. - и в знак похвальбы он приложил палец ко лбу.	192. А., С.
193. - Были студентом или происходили ученую часть!	193. Р., С.
194. А позвольте... - Он привстал, покачнулся, захватил свою посудинку, стаканчик, и подсел к молодому человеку, несколько	194. А.

от него наискось.	
195. Он был хмелен, но говорил речисто и бойко, изредка только местами сбиваясь немного и затягивая речь.	195. Р.
196. С какою-то даже жадностию накинулся он на Раскольникова, точно целый месяц тоже ни с кем не говорил.	196. Р., С.
197. -- Милостивый государь, -- начал он почти с торжественностию,	197. С.
198. -- бедность не порок, это истина. Знаю я, что и пьянство не добродетель, и это тем паче. Но нищета, милостивый государь, нищета -- порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто.	198. Р.
199. За нищету даже и не палкой выгоняют, а метлой выметают из компании человеческой, чтобы тем оскорбительнее было; и справедливо, ибо в нищете я первый сам готов оскорблять себя.	199. Р., С.
200. И отсюда питейное!	200. Р., С.
201. Милостивый государь, месяц назад тому супругу мою избил господин Лебезятников,	201. Р.
202. а супруга моя не то что я!	202. Г., С.
203. Понимаете-с?	203. С.
204. Позвольте еще вас спросить, так, хотя бы в виде простого любопытства: изволили вы ночевать на Неве, на сенных барках? -- Нет, не случалось, -- отвечал Раскольников. -- Это что такое?	204. Р., Г.
205. -- Ну-с, а я оттуда, и уже пятую ночь-с...	205. Р.
206. Он налил стаканчик, выпил и задумался.	206. А.
207. Действительно, на его платье и даже в волосах кое-где виднелись прилипшие былинки сена. Очень вероятно было, что он пять дней не раздевался и не умывался. Особенно руки были грязны, жирные, красные, с черными ногтями.	207. Р.
208. Его разговор, казалось, возбудил общее, хотя и ленивое внимание.	208. Р.
209. Мальчишки за стойкой стали хихикать. Хозяин, кажется, нарочно сошел из верхней комнаты, чтобы послушать "забавника", и сел поодаль, лениво, но важно позевывая.	209. А., С.
210. Очевидно, Мармеладов был здесь давно известен. Да и наклонность к витиеватой речи приобрел, вероятно, вследствие привычки к частым кабачным разговорам с различными незнакомцами.	210. Р.
211. Эта привычка обращается у иных пьющих в потребность, и преимущественно у тех из них, с которыми дома обходятся строго и которыми помыкают. Оттого-то в пьющей компании они и стараются всегда как будто выхлопотать себе оправдание, а если можно, то даже и уважение.	211. Р.
212. -- Забавник! -- громко проговорил хозяин.	212. Р., С.(насмешка)
213. -- А для ча не работаешь, для ча не служите, коли чиновник?	213. Р., С.(укор)
-- Для чего я не служу, милостивый государь, --	
214. подхватил Мармеладов, исключительно обращаясь к Раскольникову, как будто это он ему задал вопрос,	214. А., С. (презрение)
215. -- для чего не служу? А разве сердце у меня не болит о том, что я пресмыкаюсь втуне?	215. Р., С.
216. Когда господин Лебезятников, тому месяц назад, супругу мою собственноручно избил, а я лежал пьяненькой, разве я не	216. Р., С.

страдал?	
217. Позвольте, молодой человек, случалось вам... гм... ну хоть испрашивать денег взаймы безнадежно?	217. Г., С.
218. -- Случалось...	218. Р., С.
219. то есть как безнадежно?	219. Г., С.
220. -- То есть безнадежно вполне-с, заранее зная, что из сего ничего не выйдет. Вот вы знаете, например, заранее и досконально, что сей человек, сей благонамереннейший и наиполезнейший гражданин, ни за что вам денег не даст,	220. Р.
221. ибо зачем, спрошу я, он даст? Ведь он знает же, что я не отдам.	221. С., Р. 222. Р., С.
222. Из сострадания?	
223. Но господин Лебезятников, следящий за новыми мыслями, объяснял намедни что сострадание в наше время даже наукой воспрещено и что так уже делается в Англии, где политическая экономия. Зачем же, спрошу я, он даст?	223. Г., Р. 224. Г.
224. И вот, зная вперед, что не даст, вы все-таки отправляетесь в путь и...	
-- Для чего же ходить? -- прибавил Раскольников.	
225. -- А коли не к кому, коли идти больше некуда!	225. Р., С.
226. Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти. Ибо бывает такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти!	226. Р.
227. Когда единородная дочь моя в первый раз по желтому билету пошла,	227. Р., С.
228. и я тоже тогда пошел...	228. Р., С.
229. (ибо дочь моя по желтому билету живет-с...) -- прибавил он в скобках, с некоторым беспокойством смотря на молодого человека.	229. Р., С.
230. -- Ничего, милостивый государь, ничего! -- поспешил он тотчас же, и по-видимому спокойно, заявить, когда фыркнули оба мальчишки за стойкой и улыбнулся сам хозяин.	230. А.
231. -- Ничего-с! Сим покиванием глав не смущаюсь, ибо уже всем всё известно	231. Р., С.
232. и всё тайное становится явным;	232. Р.
233. и не с презрением, а со смирением к сему отношусь.	233. Р.
234. Пусть! пусть!	234. С.
235. "Се человек!"	235. Р., С.
236. Позвольте, молодой человек: можете ли вы...	236. Г., С.
237. Но нет, изъяснить сильнее и изобразительнее:	(задумчивость)
238. не *можете* ли вы, а *осмелитесь* ли вы, взирая в сей час на меня, сказать утвердительно, что я не свинья?	237. С. 238. С.
239. Молодой человек не отвечал ни слова.	239. А.
240. -- Ну-с, -- продолжал оратор, солидно и даже с усиленным на этот раз достоинством	240. А., С.
241. переждав опять последовавшее в комнате хихикание. –	241. А., С.
242. Ну-с, я пусть свинья, а она дама!	242. Р., С.
243. Я звериный образ имею,	243. Р, С.
244. а Катерина Ивановна, супруга моя, -- особа образованная и урожденная штаб-офицерская дочь.	244. Р.
245. Пусть, пусть я подлец,	245. Р., С.
246. она же и сердца высокого, и чувств, облагороженных	246. Р., С.

воспитанием, исполнена.	
247. А между тем...	247. С.
248. о, если б она пожалела меня!	248. Р., С.
249. Милостивый государь, милостивый государь, ведь надобно же, чтоб у всякого человека было хоть одно такое место, где бы и его пожалели!	249. Р., С. (новое знание)
250. А Катерина Ивановна дама хотя и великодушная, но несправедливая...	250. Р., С.
251. И хотя я и сам понимаю, что когда она и вихры мои дерет, то дерет их не иначе как от жалости сердца	251. Р., С.
252. (ибо, повторяю без смущения, она дерет мне вихры, молодой человек, -- подтвердил он с сугубым достоинством, услышав опять хихиканье),	252. Р., С., А.
253. но, боже, что если б она хотя один раз...	253. С.
254. Но нет! нет!	254. С.
255. всё сие втуне,	255. Р., С.
256. и нечего говорить! нечего говорить!..	256. С.
257. ибо и не один раз уже бывало желаемое, и не один уже раз жалели меня, но...	257. Р., С.
258. такова уже черта моя,	258. Р.
259. а я прирожденный скот!	259. С.
260. -- Еще бы! -- заметил, зевая, хозяин.	260. С., А.
261. Мармеладов решительно стукнул кулаком по столу.	261. А., С.
262. -- Такова уж черта моя!	262. Р., С.
263. Знаете ли, знаете ли вы, государь мой, что я даже чулки ее пропил? Не башмаки-с, ибо это хотя сколько-нибудь походило бы на порядок вещей, а чулки, чулки ее пропил-с!	263. Р., С.
264. Косыночку ее из козьего пуха тоже пропил, дареную,	264. Р., С.
прежнюю, ее собственную, не мою;	265. Р., С.
265. а живем мы в холодном угле, и она в эту зиму простудилась и кашлять пошла, уже кровью.	
266. Детей же маленьких у нас трое,	266. Р.
267. и Катерина Ивановна в работе с утра до ночи, скребет и моет и детей обмывает, ибо к чистоте с измалетства привыкла, а с грудью слабою и к чахотке наклонною,	267. Р., С.
268. и я это чувствую. Разве я не чувствую? И чем более пью, тем более и чувствую.	268. Р., С.
269. Для того и пью, что в питии сем сострадания и чувства ищу. Не веселья, а единой скорби ищу... Пью, ибо сугубо страдать хочу!	269. Р., С
270. -- И он, как бы в отчаянии, склонил на стол голову.	270. А., С.
271. -- Молодой человек, -- продолжал он, восклоняясь опять,	271. А.
272. -- в лице вашем я читаю как бы некую скорбь. Как вошли, я прочел ее, а потому тотчас же и обратился к вам.	272. Р., С.
273. Ибо, сообщая вам историю жизни моей, не на позорище себя выставлять хочу перед сими празднолюбцами, которым и без того всё известно, а чувствительного и образованного человека ищу.	273. С.(ищу сочувствия).
274. Знайте же, что супруга моя в благородном губернском дворянском институте воспитывалась и при выпуске с шалью танцевала при губернаторе и при прочих лицах, за что золотую медаль и похвальный лист получила.	274. Р., С. (гордость – «знайте же»)

275. Медаль...	275. С.
276. ну медаль-то продали...	276. Р., С.
277. уж давно... гм...	(пропил)
278. похвальный лист до сих пор у ней в сундуке лежит, и еще недавно его хозяйке показывала.	277. Р., С. (многоточие – задумчивость)
279. И хотя с хозяйкой у ней наибеспрерывнейшие раздоры, но хоть перед кем-нибудь погордиться захотелось и сообщить о счастливых минувших днях.	278. Р. 279. Р., С.
280. И я не осуждаю, не осуждаю, ибо сие последнее у ней и осталось в воспоминаниях ее, а прочее всё пошло прахом!	280. Р., С.
281. Да, да; дама горячая, гордая и непреклонная. Пол сама моет и на черном хлебе сидит, а неуважения к себе не допустит.	281. Р., С.
282. Оттого и господину Лебезятникову грубость его не захотела спустить,	282. Г.
283. и когда прибил ее за то господин Лебезятников, то не столько от побоев, сколько от чувства в постель слегла.	283. Р., С.
284. Вдовой уже взял ее, с троими детьми, мал мала меньше.	284. Р.
285. Вышла замуж за первого мужа, за офицера пехотного, по любви, и с ним бежала из дому родительского. Мужа любила чрезмерно, но	285. Р.
286. в картишки пустился, под суд попал, с тем и помер.	286. Р., С.
287. Бивал он ее под конец; а она хоть и не спускала ему, о чем мне доподлинно и по документам известно, но до сих пор вспоминает его со слезами	287. Р., С.
288. и меня им корит, и я рад, я рад, ибо хотя в воображениях своих зрит себя когда-то счастливой...	288. Р., С., С
289. И осталась она после него с тремя малолетними детьми в уезде далеком и зверском, где и я тогда находился, и осталась в такой нищете безнадежной, что я хотя и много видал приключений различных, но даже и описать не в состоянии.	289. Р., С.
290. Родные же все отказались.	290. Р.
291. Да и горда была, чересчур горда...	291. Р., С.
292. И тогда-то, милостивый государь, тогда я, тоже вдовец, и от первой жены четырнадцатилетнюю дочь имея, руку свою предложил, ибо не мог смотреть на такое страдание.	292. Р., С.
293. Можете судить потому, до какой степени ее бедствия доходили, что она, образованная и воспитанная и фамилии известной, за меня согласилась пойти!	293. Р., С.
294. Но пошла! Плача и рыдая, и руки ломая -- пошла! Ибо некуда было идти. Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти? Нет! Этого вы еще не понимаете...	294. Р., С.
295. И целый год я обязанность свою исполнял благочестиво и свято	295. Р., С
296. и не касался сего (он ткнул пальцем на полуштоф),	296. Р., С.
297. ибо чувство имею.	297. Р., С.
298. Но и сим не мог угодить;	298. Р., С.
299. а тут места лишился, и тоже не по вине, а по изменению в штатах,	299. Р.
300. и тогда прикоснулся!..	300. С.
301. Полтора года уже будет назад, как очутились мы наконец, после странствий и многочисленных бедствий, в сей	301. Р.

великолепной и украшенной многочисленными памятниками столице.	
302. И здесь я место достал... Достал и опять потерял.	302. Р., С., Г.
303. Понимаете-с?	303. С.
304. Тут уже по собственной вине потерял, ибо черта моя наступила...	304. Р., Г.
305. Проживаем же теперь в угле, у хозяйки Амалии Федоровны Липпевехзель,	305. Р.
306. а чем живем и чем платим, не ведаю.	306. Р., С.
307. Живут же там многие и кроме нас...	307. Р., С.
308. Содом-с, безобразнейший... гм... да...	308. Р., С.
309. А тем временем возросла и дочка моя, от первого брака, и	309. Р.
310. что только вытерпела она, дочка моя, от мачехи своей, возрастая, о том я умалчиваю.	310. Р., С.
311. Ибо хотя Катерина Ивановна и преисполнена великодушных чувств, но дама горячая и раздраженная, и оборвет... Да-с!	311. Р., С.
312. Ну да нечего вспоминать о том!	312. С.
313. Воспитания, как и представить можете, Соня не получила. Пробовал я с ней, года четыре тому, географию и всемирную историю проходить; но как я сам в познании сем был некрепок, да и приличных к тому руководств не имелось,	313. Р.
314. ибо какие имевшиеся книжки... гм!..	314. Р., С.
315. ну, их уже теперь и нет, этих книжек, то тем и кончилось всё обучение.	315. Р.
316. На Кире Персидском остановились.	316. Р.
317. Потом, уже достигнув зрелого возраста, прочла она несколько книг содержания романического, да недавно еще,	317. Р.
318. через посредство господина Лебезятникова,	318. Г.
319. одну книжку – Физиологию" Льюиса, изволите знать-с? – с большим интересом прочла и даже нам отрывочно вслух сообщала:	319. Р., С.
320. вот и всё ее просвещение.	320. Р.
321. Теперь же обращусь к вам, милостивый государь мой, сам от себя с вопросом приватным: много ли может, по-вашему, бедная, но честная девица честным трудом заработать?..	321. Г., С.
322. Пятнадцать копеек в день, сударь, не заработает, если честна и не имеет особых талантов, да и то рук не покладая работавши!	322. Г., Р.
323. Да и то статский советник Клопшток, Иван Иванович, -- изволили слышать?	323. Г.
324. -- не только денег за шитье полдюжины голландских рубах до сих пор не отдал, но даже с обидой погнал ее, затопав ногами и обозвав неприлично,	324. Р., А., С.
325. под видом будто бы рубашечный ворот сшит не по мерке и косяком.	325. Р., С.
326. А тут ребятишки голодные... А тут Катерина Ивановна, руки ломая, по комнате ходит, да красные пятна у ней на щеках выступают, -- что в болезни этой и всегда бывает:	326. Р., С.
327. "Живешь, дескать, ты, дармоедка, у нас, ешь и пьешь, и теплом пользуешься", а что тут пьешь и ешь, когда и ребятишки-то по три дня корки не видят!	327. Р., С.

328. Лежал я тогда... ну, да уж что! лежал пьяненькой-с, и слышу, говорит моя	328. Р., А.
329. Соня (безответная она, и голосок у ней такой кроткий... белокуренькая, личико всегда бледненькое, худенькое),	329. Р., С.
330. говорит: "Что ж, Катерина Ивановна, неужели же мне на такое дело пойти?"	330. Р., А., С.
331. А уж Дарья Францевна, женщина злонамеренная и полиции многократно известная, раза три через хозяйку наведывалась.	331. Р., С.
332. "А что ж, -- отвечает Катерина Ивановна, в пересмешку, -- чего беречь? Эко сокровище!"	332. Р., С., А.
333. Но не вините, не вините, милостивый государь, не вините!	333. С.
334. Не в здравом рассудке сие сказано было, а при взволнованных чувствах, в болезни и при плаче детей не евших,	334. Р., С.
335. да и сказано более ради оскорбления, чем в точном смысле...	335. Р., С.
336. Ибо Катерина Ивановна такого уж характера, и как расплачутся дети, хоть бы и с голоду, тотчас же их бить начинает.	336. Р., С.
337. И вижу я, эдак часу в шестом, Сонечка встала, надела платочек, надела бурнусик и с квартиры отправилась,	337. Р., А., Г.
338. а в девятом часу и назад обратно пришла.	338. А.
339. Пришла, и прямо к Катерине Ивановне, и на стол перед ней тридцать целковых молча выложила.	339. Г., С.
340. Ни словечка при этом не вымолвила, хоть бы взглянула, а взяла только наш большой драдедамовый зеленый платок (общий такой у нас платок есть, драдедамовый), накрыла им совсем голову и лицо и легла на кровать, лицом к стенке, только плечики да тело всё вздрагивают...	340. А., С.
341. А я, как и давеча, в том же виде лежал-с...	341. Р., С.
342. И видел я тогда, молодой человек, видел я, как затем Катерина Ивановна, также ни слова не говоря, подошла к Сонечкиной постельке и весь вечер в ногах у ней на коленках простояла, ноги ей целовала, встать не хотела,	342. А., С
343. а потом так обе и заснули вместе, обнявшись... обе... обе...	343. А., С.
344. да-с...	344. С.
345. а я...	345. С.
346. лежал пьяненькой-с.	346. Р.
347. Мармеладов замолчал, как будто голос у него пресекся.	347. Р., С.
348. Потом вдруг поспешно налил, выпил и крякнул.	348. А., С.
349. -- С тех пор, государь мой, -- продолжал он после некоторого молчания, -- с тех пор,	349. А.
350. по одному неблагоприятному случаю и по донесению неблагонамеренных лиц,	350. Р., С.
351. -- чему особенно способствовала Дарья Францевна, за то будто бы, что ей в надлежащем почтении манкировали,	351. Р., С
352. -- с тех пор дочь моя, Софья Семеновна, желтый билет принуждена была получить,	352. Р., С.
353. и уже вместе с нами по случаю сему не могла оставаться. Ибо и хозяйка, Амалия Федоровна, того допустить не хотела	353. Р., С.
354. (а сама же прежде Дарье Францевне способствовала),	354. Р., С.
355. да и господин Лебезятников...	355. Г.
356. гм...	356. С.

357. Вот за Соню-то и вышла у него эта история с Катериною Ивановной.	357. Р.
358. Сначала сам добивался от Сонечки, а тут и в амбицию вдруг вошли: "Как, дескать, я, такой просвещенный человек, в одной квартире с таковскою буду жить?"	358. Р., С.
359. А Катерина Ивановна не спустила, вступилась... ну и произошло...	359. Р., А., С.
360. И заходит к нам Сонечка теперь более в сумерки, и Катерину Ивановну облегчает, и средства посильные доставляет...	360. Р., С.
361. Живет же на квартире у портного Капернаумова, квартиру у них снимает,	361. Р.
362. а Капернаумов хром и косноязычен, и всё многочисленнейшее семейство его тоже косноязычное. И жена его тоже косноязычная... В одной комнате помещаются,	362. Р., С.
363. а Соня свою имеет особую, с перегородкой...	363. Р.
364. Гм, да... Люди беднейшие и косноязычные...	364. С.
365. да...	365. С.
366. Только встал я тогда поутру-с, одел лохмотья мои, воздел руки к небу и отправился	366. Р., С.
367. к его превосходительству Ивану Афанасьевичу. Его превосходительство Ивана Афанасьевича изволите знать?.. Нет?	367. Г., С.
368. Ну так божия человека не знаете! Это -- воск... воск перед лицом господним; яко тает воск!..	368. С.
369. Даже прослезились, изволив всё выслушать.	369. Р., С.
370. "Ну, говорит, Мармеладов, раз уже ты обманул мои ожидания... Беру тебя еще раз на личную свою ответственность, -- так и сказали, -- помни, дескать, ступай!"	370. А., Р.
371. Облобызал я прах ног его,	371. С.
372. мысленно, ибо взаправду не дозволили бы, бывши сановником и человеком новых государственных и образованных мыслей;	372. Р., С
373. воротился домой,	373. А.
374. и как объявил, что на службу опять зачислен и жалование получаю, господи, что тогда было!..	374. Р., С.
375. Мармеладов опять остановился в сильном волнении.	375. А., Р.
376. В это время вошла с улицы целая партия пьяниц, уже и без того пьяных, и раздались у входа звуки нанятой шарманки	376. А., Р.
377. и детский, надтреснутый семилетний голосок, певший	377. Р., С.
378. "Хуторок".	378. Р.
379. Стало шумно.	379. Р.
380. Хозяин и прислуга занялись вошедшими.	380. А., С.
381. Мармеладов, не обращая внимания на вошедших, стал продолжать рассказ.	381. А.
382. Он, казалось, уже сильно ослаб, но чем более хмелел, тем становился словоохотнее.	382. Р.
383. Воспоминания о недавнем успехе по службе как бы оживили его и даже отразились на лице его каким-то сиянием.	383. Р., С.
384. Раскольников слушал внимательно.	384. Р.
385. -- Было же это, государь мой, назад пять недель.	385. А.
386. Да...	386. С.
387. Только что узнали они обе, Катерина Ивановна и Сонечка,	387. А.
388. господи, точно я в царствие божие переселился.	388. С.

389. Бывало, лежи, как скот, только брань! А ныне: на цыпочках ходят, детей унимают: "Семен Захарыч на службе устал, отдыхает, тш!" Кофеем меня перед службой поят, сливки кипятят!	389. Р., С.
390. Сливок настоящих доставать начали, слышите!	390. Р., С.
391. И откуда они сколотились мне на обмундировку приличную, одиннадцать рублей пятьдесят копеек, не понимаю? Сапоги, манишки коленкоровые -- великолепнейшие, вицмундир, всё за одиннадцать с полтиной состряпали в превосходнейшем виде-с.	391. Р., С.
392. Пришел я в первый день поутру со службы, смотрю: Катерина Ивановна два блюда сготовила, суп и солонину под хреном, о чем и понятия до сих пор не имелось.	392. А., Р., С.
393. Платьев-то нет у ней никаких... то есть никаких-с,	393. Р., С.
394. а тут точно в гости собралась, приоделась,	394. Р., С.
395. и не то чтобы что-нибудь, а так, из ничего всё сделать сумеют: причешутся, воротничок там какой-нибудь чистенький, нарукавнички, ан совсем другая особа выходит, и помолодела, и похорошела.	395. Р., С.
396. Сонечка, голубка моя,	396. Р., С.
397. только деньгами способствовала, а самой, говорит, мне теперь, до времени, у вас часто бывать неприлично, так разве, в сумерки, чтобы никто не видал.	397. Р., С.
398. Слышите, слышите?	398. С.
399. Пришел я после обеда заснуть, так что ж бы вы думали, ведь не вытерпела Катерина Ивановна: за неделю еще с хозяйкой, с Амалией Федоровной, последним образом перессорились, а тут на чашку кофею позвала.	399. Р., А., С.
400. Два часа просидели и всё шептались: "Дескать, как теперь Семен Захарыч на службе и жалование получает, и к его превосходительству сам являлся,	400. Р., А. , С.
401. и его превосходительство сам вышел, всем ждать велел, а Семена Захарыча мимо всех за руку в кабинет провел".	401. Р., С.
402. Слышите, слышите?	402. С.
403. "Я, конечно, говорит, Семен Захарыч, помня ваши заслуги, и хотя вы и придерживались этой легкомысленной слабости, но как уж вы теперь обещаетесь, и	403. Р.
404. что сверх того без вас у нас худо пошло	404. Р., С.
405. (слышите, слышите!),	405. С.
406. то и надеюсь, говорит, теперь на ваше благородное слово",	406. Р., С.
407. то есть всё это, я вам скажу, взяла да и выдумала,	407. Р.
408. и не то чтоб из легкомыслия, для одной похвальбы-с!	408. С.
409. Нет-с, сама всему верит, собственными воображениями сама себя тешит, ей-богу-с!	409. Р., С.
410. И я не осуждаю; нет, этого я не осуждаю!..	410. С.
411. Когда же, шесть дней назад, я первое жалованье мое -- двадцать три рубля сорок копеек -- сполна принес,	411. Р., А.
412. малявочкой меня назвала: "Малявочка, говорит, ты эдакая!"	412. Р., С.
413. И наедине-с, понимаете ли?	413. Р., С.
414. Ну уж что, кажется, во мне за краса, и какой я супруг?	414. Р., С.
415. Нет, ущипнула за щеку: "Малявочка ты эдакая!" --	415. А., Р., С.

говорит.	
416. Мармеладов остановился,	416. А.
417. хотел было улыбнуться, но вдруг подбородок его запрыгал.	417. С.
418. Он, впрочем, удержался.	418. А., С.
419. Этот кабак, развращенный вид, пять ночей на сенных барках и штоф, а вместе с тем эта болезненная любовь к жене и семье сбивали его слушателя с толку.	419. Р., С.
420. Раскольников слушал напряженно, но с ощущением болезненным.	420. Р., С.
421. Он досадовал, что зашел сюда.	421. Р., С.
422. -- Милостивый государь, милостивый государь! -- воскликнул Мармеладов, оправившись,	422. А., С.
423. -- о государь мой, вам, может быть, всё это в смех, как и прочим, и только беспокою я вас глупостию всех этих мизерных подробностей домашней жизни моей,	423. Р., С.
424. ну а мне не в смех! Ибо я всё это могу чувствовать...	424. С.
425. И в продолжение всего того райского дня моей жизни и всего того вечера я и сам в мечтаниях летучих препровождал: и то есть как я это всё устрою, и ребятишек одену, и ей спокой дам, и дочь мою единородную от бесчестья в лоно семьи возвращу...	425. Р., С.
426. И многое, многое...	426. С.
427. Позволительно, сударь.	427. С.
428. Ну-с, государь ты мой (Мармеладов вдруг как будто вздрогнул, поднял голову и в упор посмотрел на своего слушателя),	428. А., С.
429. ну-с, а на другой же день, после всех сих мечтаний	429. Р.
430. (то есть это будет ровно пять суток назад тому),	430. Р.
431. к вечеру, я хитрым обманом,	431. Р.
432. как тать в нощи,	432. Р., С.
433. похитил у Катерины Ивановны от сундука ее ключ, вынул что осталось из принесенного жалованья, сколько всего уж не помню,	433. Р.
434. и вот-с, глядите на меня, все!	434. С.
435. Пятый день из дома, и там меня ищут, и службе конец, и вицмундир в распивочной у Египетского моста лежит, взамен чего и получил сие одеяние...	435. Р., С.
436. и всему конец!	436. Р., С.
437. Мармеладов стукнул себя кулаком по лбу, стиснул зубы, закрыл глаза и крепко оперся локтем на стол.	437. А., С.
438. Но через минуту лицо его вдруг изменилось, и с каким-то напускным лукавством и выделанным нахальством взглянул на Раскольникова,	438. А., С.
439. засмеялся и проговорил:	439. А.
440. -- А сегодня у Сони был, на похмелье ходил просить!	440. Р., С.
441. Хе-хе-хе!	441. С.
442. -- Неужели дала? -- крикнул кто-то со стороны из вошедих, крикнул и захохотал во всю глотку.	442. Р., С.
443. -- Вот этот самый полуштоф-с на ее деньги и куплен, -	443. Р.
444. произнес Мармеладов, исключительно обращаясь к Раскольникову.	444. А., С.
445. -- Тридцать копеек вынесла, своими руками,	445. Р.

446. последние, всё что было, сам видел... Ничего не сказала, только молча на меня посмотрела...	446. Р., С.
447. Так не на земле, а там... о людях тоскуют, плачут, а не укоряют, не укоряют!	447. Р., С.
448. А это больней-с, больней-с, когда не укоряют!..	448. Р., С.
449. Тридцать копеек, да-с. А ведь и ей теперь они нужны, а? Как вы думаете, сударь мой дорогой?	449. Р., С.
450. Ведь она теперь чистоту наблюдать должна. Денег стоит сия чистота, особая-то, понимаете? Понимаете?	450. Р., С.
451. Ну, там помадки тоже купить, ведь нельзя же-с; юбки крахмальные, ботиночку эдакую, пофиглярнее, чтобы ножку выставить, когда лужу придется переходить.	451. Р., С.
452. Понимаете ли, понимаете ли, сударь, что значит сия чистота?	452. С.
453. Ну-с, а я вот, кровный-то отец, тридцать-то эти копеек и стащил себе на похмелье!	453. Р., С.
454. И пью-с! И уж пропил-с!..	454. Р., С.
455. Ну, кто же такого, как я, пожалеет?	455. Р., С.
456. ась?	456. С.
457. Жаль вам теперь меня, сударь, аль нет? Говорите, сударь, жаль али нет? Хе-хе-хе-хе!	457. С.
458. Он хотел было налить,	458. А.
459. но уже нечего было. Полуштоф был пустой.	459. Р.
460. -- Да чего тебя жалеть-то? -- крикнул хозяин, очутившийся опять подле них.	460. Р., С.
461. Раздался смех и даже ругательства. Смеялись и ругались слушавшие	461. А., С.
462. и неслушавшие, так, глядя только на одну фигуру отставного чиновника.	462. Р., С.
463. -- Жалеть! зачем меня жалеть! -- вдруг возопил Мармеладов, вставая с протянутою вперед рукой, в решительном вдохновении, как будто только и ждал этих слов.	463. А., С.
464. -- Зачем жалеть, говоришь ты? Да! меня жалеть не за что!	464. С.
465. Меня распять надо, распять на кресте, а не жалеть!	465. Р., С
466. Но распни, судия, распни и, распяв, пожалей его! И тогда я сам к тебе пойду на пропятие(?), ибо не веселья жажду, а скорби и слез!..	466. Р., С.
467. Думаешь ли ты, продавец, что этот полуштоф твой мне в сласть пошел?	467. Р., С.
468. Скорби, скорби искал я на дне его, скорби и слез, и вкусил, и обрел;	468. Р., С.
469. а пожалеет нас тот, кто всех пожалел и кто всех и вся понимал, он единый, он и судия.	469. Р., С.
470. Приидет в тот день и спросит: "А где дщерь, что мачехе злой и чахоточной, что детям чужим и малолетним себя предала? Где дщерь, что отца своего земного, пьяницу непотребного, не ужасаясь зверства его, пожалела?"	470. Р., С.
471. И скажет: "Прииди! Я уже простил тебя раз... Простил тебя раз... Прощаются же и теперь грехи твои мнози, за то, что возлюбила много..."	471. Р., С.
472. И простит мою Соню, простит, я уж знаю, что простит...	472. С.
473. Я это давеча, как у ней был, в моем сердце почувствовал!..	473. Р., С.

474. И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смирных...	474. Р., С.
475. И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: "Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!" И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: "Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!" И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: "Господи! почто сих приемлеши?"	475. Р., С.
476. И скажет: "Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего..."	476. Р., С.
477. И прострет к нам руце свои, и мы припадем... и заплачем... и всё поймем! Тогда всё поймем!..	477. Р., С.
478. и все поймут...	478. С.
479. и Катерина Ивановна... и она поймет...	479. С.
480. Господи, да приидет царствие твое!	480. Р., С.
481. И он опустился на лавку, истощенный и обессиленный, ни на кого не смотря, как бы забыв окружающее и глубоко задумавшись.	481. А., С.
482. Слова его произвели некоторое впечатление;	482. Р.
483. на минуту воцарилось молчание,	483. А., С.
484. но вскоре раздались прежний смех и ругательства: -- Рассудил! -- Заврался! -- Чиновник!	484. Р., С.
485. И проч., и проч.	485. С.
486. -- Пойдемте, сударь, -- сказал вдруг Мармеладов, поднимая голову и обращаясь к Раскольникову, -- доведите меня...	486. А.
487. Дом Козеля, на дворе.	487. Р.
488. Пора... к Катерине Ивановне...	488. А., С.
489. Раскольникову давно уже хотелось уйти; помочь же ему он и сам думал.	489. Р.
490. Мармеладов оказался гораздо слабее ногами, чем в речах, и крепко оперся на молодого человека. Идти было шагов двести-триста.	490. Р.
491. Смущение и страх всё более и более овладевали пьяницей по мере приближения к дому. -- Я не Катерины Ивановны теперь боюсь, -- бормотал он в волнении, -- и не того, что она мне волосы драть начнет.	491. Р., С.
492. Что волосы!.. вздор волосы! Это я говорю! Оно даже и лучше, коли драть начнет,	492. С.
493. а я не того боюсь... я... глаз ее боюсь... да... глаз... Красных пятен на щеках тоже боюсь... и еще -- ее дыхания боюсь... Видал ты, как в этой болезни дышат... при взволнованных чувствах? Детского плача тоже боюсь... Потому как если Соня не накормила, то...	493. Р., С.
494. уж не знаю что! не знаю!	494. С.
495. А побоев не боюсь... Знай, сударь, что мне таковые побои не токмо не в боль, но и в наслаждение бывают... Ибо без сего я и сам не могу обойтись. Оно лучше. Пусть побьет, душу отведет... оно лучше...	495. Р., С.

496. А вот и дом. Козеля дом. Слесаря, немца, богатого... веди!	496. Р., С.
497. Они вошли со двора и прошли в четвертый этаж.	497. А., Р.
498. Лестница чем дальше, тем становилась темнее. Было уже почти одиннадцать часов, и хотя в эту пору в Петербурге нет настоящей ночи, но на верху лестницы было очень темно.	498. Р., С.
499. Маленькая закоптелая дверь в конце лестницы, на самом верху, была отворена. Огарок освещал беднейшую комнату шагов в десять длиной; всю ее было видно из сеней. Всё было разбросано и в беспорядке, в особенности разное детское тряпье. Через задний угол была протянута дырявая простыня. За нею, вероятно, помещалась кровать. В самой же комнате было всего только два стула и клеенчатый очень ободранный диван, перед которым стоял старый кухонный сосновый стол, некрашеный и ничем не покрытый. На краю стола стоял догоравший сальный огарок в железном подсвечнике.	499. Р., С.
500. Выходило, что Мармеладов помещался в особой комнате, а не в углу, но комната его была проходная. Дверь в дальнейшие помещения или клетки, на которые разбивалась квартира Амалии Липпевехзель, была приотворена.	500. Р.
501. Там было шумно и крикливо. Хохотали. Кажется, играли в карты и пили чай. Вылетали иногда слова самые нецеремонные.	501. Р., С.
502. Раскольников тотчас признал Катерину Ивановну.	502. Р.
503. Это была ужасно похудевшая женщина, тонкая, довольно высокая и стройная, еще с прекрасными темно-русыми волосами и действительно с раскрасневшимися до пятен щеками.	503. Р., С.
504. Она ходила взад и вперед по своей небольшой комнате, сжав руки на груди, с запекшимися губами и неровно, прерывисто дышала. Глаза ее блестели как в лихорадке, но	504. А., Р., С.
505. взгляд был резок и неподвижен, и болезненное впечатление производило это чахоточное и взволнованное лицо, при последнем освещении догоравшего огарка, трепетавшем на лице ее.	505. Р., С. (несчастье)
506. Раскольникову она показалась лет тридцати, и действительно была не пара Мармеладову...	506. Р.
507. Входящих она не слыхала и не заметила; казалось, она была в каком-то забытьи, не слушала и не видела.	507. Р., С.
508. В комнате было душно, но окна она не отворила; с лестницы несло вонью, но дверь на лестницу была не затворена;	508. Р., С.
509. из внутренних помещений, сквозь непритворенную дверь, неслись волны табачного дыма, она кашляла, но дверь не притворяла.	509. Р., С.
510. Самая маленькая девочка, лет шести, спала на полу, как-то сидя, скорчившись и уткнув голову в диван.	510. Р., С.
511. Мальчик, годом старше ее, весь дрожал в углу и плакал. Его, вероятно, только что прибили.	511. Р., С.
512. Старшая девочка, лет девяти, высокенькая и тоненькая как спичка, в одной худенькой и разодранной всюду рубашке и в накинутом на голые плечи ветхом дрядедамовом бурнусике, сшитом ей, вероятно, два года назад, потому что он не доходил теперь и до колен,	512. Р., С.
513. стояла в углу подле маленького брата, обхватив его шею своею длинною, высохшею как спичка рукой.	513. Р., С.

514. Она, кажется, унимала его, что-то шептала ему, всячески сдерживала, чтоб он как-нибудь опять не захныкал,	514. А., С.
515. и в то же время со страхом следила за матерью	515. А., С.
516. своими большими-большими темными глазами, которые казались еще больше на ее исхудавшем и испуганном личике.	516. Р., С.
517. Мармеладов, не входя в комнату, стал в самых дверях на коленки, а Раскольникова протолкнул вперед.	517. А., С.
518. Женщина, увидев незнакомого, рассеянно остановилась перед ним, на мгновение очнувшись и как бы соображая: зачем это он вошел? Но, верно, ей тотчас же представилось, что он идет в другие комнаты, так как ихняя была проходная.	518. А., С.
519. Сообразив это и не обращая уже более на него внимания, она пошла к сенным дверям, чтобы притворить их,	519. Р., А.
520. и вдруг вскрикнула, увидев на самом пороге стоящего на коленках мужа.	520. А., С.
521. -- А! -- закричала она в исступлении, -- воротился!	521. А., С.
522. Колодник! Изверг!..	522. С.
523. А где деньги? Что у тебя в кармане, показывай! И платье не то! где твое платье? где деньги? говори!..	523. Р., С.
524. И она бросилась его обыскивать. Мармеладов тотчас же послушно и покорно развел руки в обе стороны, чтобы тем облегчить карманный обыск.	524. А., Р. 525. Р.
525. Денег не было ни копейки.	526. Р., С.
526. -- Где же деньги? -- кричала она. -- О господи, неужели же он всё пропил! Ведь двенадцать целковых в сундуке оставалось!..	
527. -- и вдруг, в бешенстве, она схватила его за волосы и потащила в комнату.	527. А., С.
528. Мармеладов сам облегчал ее усилия, смиренно ползя за нею на коленках.	528. Р., С.
529. -- И это мне в наслаждение! И это мне не в боль, а в наслаж-дение, ми-ло-сти-вый го-су-дарь, -- выкрикивал он, потрясаемый за волосы и даже раз стукнувшись лбом об пол.	529. Р., С.
530. Спавший на полу ребенок проснулся и заплакал. Мальчик в углу не выдержал, задрожал, закричал и бросился к сестре в страшном испуге, почти в припадке. Старшая девочка дрожала со сна как лист.	530. А., С.
531. -- Пропил! всё, всё пропил! -- кричала в отчаянии бедная женщина,	531. Р.
532. -- и платье не то!	532. Р., С.
533. Голодные, голодные! (и, ломая руки, она указывала на детей).	533. Р., С.
534. О, треклятая жизнь!	534. С.
535. А вам, вам не стыдно, -- вдруг набросилась она на Раскольникова, -- из кабака!	535. А., С.
536. Ты с ним пил? Ты тоже с ним пил! Вон!	536. Р., С.
537. Молодой человек поспешил уйти, не говоря ни слова.	537. А., С.
538. К тому же внутренняя дверь отворилась настежь, и из нее выглянуло несколько любопытных.	538. Р.
539. Протягивались наглые смеющиеся головы с папиросками и трубками, в ермолках.	539. А., С.
540. Виднелись фигуры в халатах и совершенно нараспашку, в	540. Р., С.

летних до неприличия костюмах, иные с картами в руках.	(праздная публика)
541. Особенно потешно смеялись они, когда Мармеладов, таскаемый за волосы, кричал, что это ему в наслаждение.	541. Р., С.
542. Стали даже входить в комнату;	542. А., С.
543. послышался, наконец, зловещий визг: это продиралась вперед сама Амалия Липпевехзель, чтобы произвести распорядок по-свойски	543. Р., С.
544. и в сотый раз испугать бедную женщину ругательским приказанием завтра же очистить квартиру.	544. Р., С.
545. Уходя, Раскольников успел просунуть руку в карман, загреб сколько пришлось медных денег, доставшихся ему с разменянного в распивочной рубля, и неприметно положил на окошко.	545. А., С.
546. Потом уже на лестнице он одумался и хотел было воротиться.	546. Р.
547. "Ну что это за вздор такой я сделал, -- подумал он, -- тут у них Соня есть, а мне самому надо".	547. Р., С.
548. Но рассудив, что взять назад уже невозможно и что все-таки он и без того бы не взял, он махнул рукой и пошел на свою квартиру.	548. Р., С.
549. "Соне помадки ведь тоже нужно, -- продолжал он, шагая по улице, и язвительно усмехнулся, -- денег стоит сия чистота...	549. Р., С.
550. Гм! А ведь Сонечка-то, пожалуй, сегодня и сама обанкрутится, потому тот же риск, охота по красному зверю...	550. Р., С.
551. золотопромышленность...	551. С.
552. вот они все, стало быть, и на бобах завтра без моих-то денег...	552. Р., С.
553. Ай да Соня!	553. С.
554. Какой колодезь, однако ж, сумели выкопать!	554. Р., С.
555. и пользуются! Вот ведь пользуются же!	555. Р., С.
556. И привыкли. Поплакали, и привыкли.	556. Р., С.
557. Ко всему-то подлец-человек привыкает!"	557. Р., С.
558. Он задумался.	558. А.
559. -- Ну а коли я соврал, -- воскликнул он вдруг невольно, -- коли действительно не *подлец* человек, весь вообще, весь род то есть человеческий, то значит, что остальное всё -- предрассудки, одни только страхи напущенные, и нет никаких преград,	559. Р., С.
560. и так тому и следует быть!..	560. Г., С.
III	
561. Он проснулся на другой день	561. А.
562. уже поздно, после тревожного сна,	562. Р.
563. но сон не подкрепил его. Проснулся он желчный, раздражительный, злой и с ненавистью посмотрел на свою каморку.	563. Р., Г.
564. Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид с своими желтенькими, пыльными и всюду отставшими от стены обоями,	564. Р., С.
565. и до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко, и всё казалось, что вот-вот стукнешься головой о потолок.	565. Р., С.

566. Мебель соответствовала помещению: было три старых стула, не совсем исправных, крашеный стол в углу, на котором лежало несколько тетрадей и книг; уже по тому одному, как они были запылены, видно было, что до них давно уже не касалась ничья рука; и, наконец, неуклюжая большая софа, занимавшая чуть не всю стену и половину ширины всей комнаты, когда-то обитая ситцем, но теперь в лохмотьях и служившая постелью Раскольникову.	566. Р., С.
567. Часто он спал на ней так, как был, не раздеваясь, без простыни, покрываясь своим старым, ветхим, студенческим пальто и с одною маленькою подушкой в головах, под которую подкладывал всё что имел белья, чистого и заношенного, чтобы было повыше изголовье. Перед софой стоял маленький столик.	567. Р., С.
568. Трудно было более опуститься и обнеряшиться; но Раскольникову это было даже приятно в его теперешнем состоянии духа.	568. Р., С.
569. Он решительно ушел от всех,	569. Р., Г.
570. как черепаха в свою скорлупу,	570. Р.
571. и даже лицо служанки, обязанной ему прислуживать и заглядывавшей иногда в его комнату, возбуждало в нем желчь и конвульсии.	571. Р., С., Г.
572. Так бывает у иных мономанов, слишком на чем-нибудь сосредоточившихся.	572. Р., Г.
573. Квартирная хозяйка его две недели как уже перестала ему отпускать кушанье, и он не подумал еще до сих пор сходить объясниться с нею, хотя и сидел без обеда.	573. Р., Г., С.
574. Настасья, кухарка и единственная служанка хозяйкина, отчасти была рада такому настроению жильца и совсем перестала у него убирать и мести,	574. Р., С. (меньше работы)
575. так только в неделю раз, нечаянно, бралась иногда за веник.	575. Р., С. (совесть)
576. Она же и разбудила его теперь.	576. Р., А.
577. -- Вставай, чего спишь! -- закричала она над ним, --	577. Р.
578. десятый час. Я тебе чай принесла; хошь чайку-то? Поди отощал?	578. Р.
579. Жилец открыл глаза, вздрогнул и узнал Настасью.	579. А., С.
580. -- Чай-то от хозяйки, что ль? -- спросил он,	580. Р., Г.
581. медленно и с болезненным видом приподнимаясь на софе.	581. А., С.
582. -- Како от хозяйки!	582. Г., С., А.
Она поставила перед ним свой собственный надтреснутый чайник, с спитым уже чаем, и положила два желтых кусочка сахару.	
583. -- Вот, Настасья, возьми, пожалуйста, -- сказал он, пошарив в кармане	583. А.
584. (он так и спал одетый)	584. Р., С.
585. и вытащив горсточку меди, -- сходи и купи мне сайку. Да возьми в колбасной хоть колбасы немного,	585. Р., С.
586. подешевле.	586. Р., С.
587. -- Сайку я тебе сею минутою принесу, а не хошь ли вместо колбасы-то щей? Хорошие щи, вчерашние.	587. Р.
588. Еще вчера тебе отставила, да ты пришел поздно. Хорошие щи.	588. Р.

589. Когда щи были принесены и он принялся за них, Настасья уселась подле него на софе и стала болтать.	589. А.
590. Она была из деревенских баб и очень болтливая баба.	590. Р., С.
591. -- Прасковья-то Павловна в полицу на тебя хочет жалиться, -- сказала она.	591. Р. Г.
592. Он крепко поморщился.	592. А., С.
593. -- В полицию? Что ей надо?	593. Г.
594. -- Денег не платишь и с фатеры не сходишь. Известно, что надо.	594. Г.
595. -- Э, черта еще этого недоставало, -- бормотал он, скрыпя зубами,	595. С., А.
596. -- нет, это мне теперь... некстати...	596. Г., С.
597. Дура она, -- прибавил он громко.	597. Р., С.
598. -- Я сегодня к ней зайду, поговорю.	598. Р.
599. -- Дура-то она дура, такая же, как и я,	599. Р., С.
600. а ты что, умник,	600. Р.
601. лежишь как мешок,	601. Р., С.
602. ничего от тебя не видать? Прежде, говоришь, детей учить ходил, а теперь пошто ничего не делаешь?	602. Р., Г.
603. -- Я делаю... -- нехотя и сурово проговорил Раскольников.	603. Р., С.
604. -- Что делаешь?	604. Р.
-- Работу...	
-- Каку работу?	
605. -- Думаю, -- серьезно отвечал он помолчав.	605. Р., Г.
606. Настасья так и покатилась со смеху.	606. А., С.
607. Она была из смешливых и, когда рассмешат, смеялась неслышно, колыхаясь и трясясь всем телом, до тех пор, что самой тошно уж становилось.	607. Р.
608. -- Денег-то много, что ль, надумал? -- смогла она наконец выговорить.	608. Р., А., С.
609. -- Без сапог нельзя детей учить.	609. Р., С.
610. Да и наплевать.	610. С.
611. -- А ты в колодезь не плюй.	611. Р., С.
612. -- За детей медью платят. Что на копейки сделаешь? -- продолжал он с неохотой, как бы отвечая собственным мыслям.	612. А., Р., С.
613. -- А тебе бы сразу весь капитал?	613. Г., С.
614. Он странно посмотрел на нее.	614. А., С., Г.
615. -- Да, весь капитал, -- твердо отвечал он помолчав.	615. А., Г., С.
616. -- Ну, ты помаленьку, а то испужаешь; страшно уж очинна.	616. С.
617. За сайкой-то ходить али нет?	617. Г., С.
618. -- Как хочешь.	618. Г.
619. -- Да, забыла!	619. Р., С.
620. К тебе ведь письмо вчера без тебя пришло.	620. Р.
621. -- Письмо! ко мне! от кого?	621. С., Г.
622. -- От кого, не знаю.	622. Р., Г.
623. Три копейки почтальону своих отдала. Отдашь, что ли?	623. Р.
624. -- Так неси же, ради бога, неси! -- закричал весь в волнении Раскольников, -- господи!	624. А., С.
625. Через минуту явилось письмо.	625. Р.
626. Так и есть: от матери, из Р - й губернии.	626. Г.

627. Он даже побледнел, принимая его.	627. А., С.
628. Давно уже не получал он писем; но теперь и еще что-то другое вдруг сжало ему сердце.	628. Р., С.
629. -- Настасья, уйди, ради бога; вот твои три копейки, только, ради бога, скорей уйди!	629. Р., С.
630. Письмо дрожало в руках его;	630. Р., С
631. он не хотел распечатывать при ней: ему хотелось остаться *наедине* с этим письмом.	631. Р., С.
632. Когда Настасья вышла, он быстро поднес его к губам и поцеловал;	632. А., С.
633. потом долго еще вглядывался в почерк адреса, в знакомый и милый ему мелкий и косенький почерк его матери, учившей его когда-то читать и писать.	633. А., С.
634. Он медлил; он даже как будто боялся чего-то. Наконец распечатал:	634. А., С.
635. письмо было большое, плотное, в два лота; два большие почтовые листа были мелко-намелко исписаны.	635. Р., С.
636. "Милый мой Родя, -- писала мать,	636. Р., С.
637. -- вот уже два месяца с лишком как я не беседовала с тобой письменно,	637. Р.
638. от чего сама страдала и даже иную ночь не спала, думая.	638. Р., С.
639. Но, наверно, ты не обвинишь меня в этом невольном моем молчании. Ты знаешь, как я люблю тебя;	639. Р., С.
640. ты один у нас, у меня и у Дуни, ты наше всё, вся надежда, упование наше.	640. Р., С.
641. Что было со мною, когда я узнала, что ты уже несколько месяцев оставил университет, за неимением чем содержать себя, и что уроки и прочие средства твои прекратились!	641. Р., С.
642. Чем могла я с моими ста двадцатью рублями в год пенсиона помочь тебе?	642. Р., С.
643. Пятнадцать рублей, которые я послала тебе четыре месяца назад, я занимала, как ты и сам знаешь, в счет этого же пенсиона,	643. Р.
644. у здешнего нашего купца Афанасия Ивановича Вахрушина.	644. Р.
645. Он добрый человек и был еще приятелем твоего отца.	645. Р., С.
646. Но, дав ему право на получение за меня пенсиона, я должна была ждать, пока выплатится долг, а это только что теперь исполнилось, так что я ничего не могла во всё это время послать тебе.	646. Р.
647. Но теперь, слава богу, я, кажется, могу тебе еще выслать,	647. Р., С.
648. да и вообще мы можем теперь даже похвалиться фортуной, о чем и спешу сообщить тебе.	648. Р., С., Г.
649. И, во-первых, угадываешь ли ты, милый Родя, что сестра твоя вот уже полтора месяца как живет со мною,	649. Р., С.
650. и мы уже больше не разлучимся и впредь.	650. Р., С.
651. Слава тебе господи, кончились ее истязания,	651. Р., С., Г.
652. но расскажу тебе всё по порядку, чтобы ты узнал, как всё было,	652. Г.
653. и что мы от тебя до сих пор скрывали.	653. Р., С.
654. Когда ты писал мне, тому назад два месяца, что слышал от кого-то, будто Дуня терпит много от грубости в доме господ Свидригайловых, и спрашивал от меня точных объяснений, -- что	654. Р., С.

могла я тогда написать тебе в ответ?	
655. Если б я написала тебе всю правду, то ты, пожалуй бы, всё бросил и хоть пешком, а пришел бы к нам, потому я и характер и чувства твои знаю, и ты бы не дал в обиду сестру свою.	655. Р., С.
656. Я же сама была в отчаянии, но что было делать? Я и сама-то всей правды тогда не знала.	656. Р., С.
657. Главное же затруднение состояло в том, что Дунечка, вступив прошлого года в их дом гувернанткой, взяла вперед целых сто рублей, под условием ежемесячного вычета из жалованья, и, стало быть, и нельзя было место оставить, не расплатившись с долгом. Сумму же эту	657. Р.
658. (теперь могу тебе всё объяснить, бесценный Родя)	658. Р., Г., С.
659. взяла она более для того, чтобы выслать тебе шестьдесят рублей, в которых ты тогда так нуждался и которые ты и получил от нас в прошлом году.	659. Р., С.
660. Мы тебя тогда обманули, написали, что это из скопленных Дунечкиных прежних денег, но это было не так, а теперь сообщаю тебе всю правду,	660. Р., С., Г.
661. потому что всё теперь переменилось внезапно, по воле божией, к лучшему,	661. Р., С.
662. и чтобы ты знал, как любит тебя Дуня и какое у нее бесценное сердце.	662. Р., С.
663. Действительно, господин Свидригайлов сначала обходился с ней очень грубо и делал ей разные неучтивости и насмешки за столом...	663. Р., С.
664. Но не хочу пускаться во все эти тяжелые подробности, чтобы не волновать тебя напрасно,	664. Р., С.
665. когда уж всё теперь кончено.	665. Г., С.
666. Короче, несмотря на доброе и благородное обращение Марфы Петровны, супруги господина Свидригайлова, и всех домашних, Дунечке было очень тяжело, особенно когда господин Свидригайлов находился, по старой полковой привычке своей,	666. Р., С.
667. под влиянием Бахуса.	667. Р., С.
668. Но что же оказалось впоследствии? Представь себе, что этот сумасброд давно уже возымел к Дуне страсть, но всё скрывал это под видом грубости и презрения к ней.	668. Р., С.
669. Может быть, он и сам стыдился и приходил в ужас, видя себя уже в летах и отцом семейства, при таких легкомысленных надеждах, а потому и злился невольно на Дуню. А может быть, и то, что он грубостию своего обращения и насмешками хотел только прикрыть от других всю истину.	669. Р., С.
670. Но наконец не удержался и осмелился сделать Дуне явное и гнусное предложение, обещая ей разные награды и сверх того бросить всё и уехать с нею в другую деревню или, пожалуй, за границу.	670. Р., С.
671. Можешь представить себе все ее страдания!	671. Р., С., Г.
672. Оставить сейчас место было нельзя, не только по причине денежного долга, но и щадя Марфу Петровну, которая могла бы вдруг возыметь подозрения, а следовательно, и пришлось бы поселить в семействе раздор.	672. Р., С.
673. Да и для Дунечки был бы большой скандал; уж так не обошлось бы.	673. Р., С.

674. Были тут и многие разные причины, так что раньше шести недель Дуня никак не могла рассчитывать вырваться из этого ужасного дома.	674. Р., С.
675. Конечно, ты знаешь Дуню,	675. Р.
676. знаешь, как она умна и с каким твердым характером. Дунечка многое может сносить и даже в самых крайних случаях найти в себе столько великодушия, чтобы не потерять своей твердости.	676. Р., С.
677. Она даже мне не написала обо всем, чтобы не расстроить меня, а мы часто пересылались вестями.	677. А., С.
678. Развязка же наступила неожиданная. Марфа Петровна нечаянно подслушала своего мужа, умолявшего Дунечку в саду, и, поняв всё превратно, во всем ее же и обвинила, думая, что она-то всему и причиной.	678. А., Г., С.
679. Произошла у них тут же в саду ужасная сцена: Марфа Петровна даже ударила Дуню, не хотела ничего слушать, а сама целый час кричала и, наконец, приказала тотчас же отвезти Дуню ко мне в город,	679. А., Г., С.
680. на простой крестьянской телеге, в которую сбросили все ее вещи, белье, платья, всё как случилось, неувязанное и неуложенное. А тут поднялся проливной дождь, и Дуня, оскорбленная и опозоренная, должна была проехать с мужиком целых семнадцать верст в некрытой телеге.	680. Р., С.
681. Подумай теперь, что могла я тебе написать в письме, в ответ на твое, полученное мною два месяца назад, и о чем писать?	681. Р., С. (щадила сына)
682. Сама я была в отчаянии; правду написать тебе не смела,	682. Р., С.
683. потому что ты очень бы был несчастлив, огорчен и возмущен, да и что мог бы ты сделать? Пожалуй, еще себя погубить,	683. Р., С.
684. да и Дунечка запрещала; а наполнять письмо пустяками и о чем-нибудь, тогда как в душе такое горе, я не могла.	684. Р., С.
685. Целый месяц у нас по всему городу ходили сплетни об этой истории, и до того уж дошло, что нам даже в церковь нельзя было ходить с Дуней от презрительных взглядов и шептаний, и даже вслух при нас были разговоры.	685. Р.
686. Все-то знакомые от нас отстранились, все перестали даже кланяться, и я наверно узнала, что купеческие приказчики и некоторые канцеляристы хотели нанести нам низкое оскорбление, вымазав дегтем ворота нашего дома, так что хозяева стали требовать, чтобы мы с квартиры съехали.	686. Р., С.
687. Всему этому причиной была Марфа Петровна, которая успела обвинить и загрязнить Дуню во всех домах. Она у нас со всеми знакома и в этот месяц поминутно приезжала в город,	687. Р., С., Г.
688. и так как она немного болтлива и любит рассказывать про свои семейные дела и, особенно, жаловаться на своего мужа всем и каждому,	688. Р., С.
689. что очень нехорошо,	689. С.
690. то и разнесла всю историю, в короткое время, не только в городе, но и по уезду.	690. Р. , С.
691. Я заболела,	691. Р., С.
692. Дунечка же была тверже меня, и если бы ты видел, как она всё переносила и меня же утешала и ободряла!	692. Р., С.

693. Она ангел!	693. С.
694. Но, по милосердию божию, наши муки были сокращены:	694. Р., С., Г.
695. господин Свидригайлов одумался и раскаялся и, вероятно пожалев Дуню, представил Марфе Петровне полные и очевидные доказательства всей Дунечкиной невинности, а именно: письмо, которое Дуня еще до тех пор, когда Марфа Петровна застала их в саду, принуждена была написать и передать ему, чтоб отклонить личные объяснения и тайные свидания, на которых он настаивал, и которое, по отъезде Дунечки, осталось в руках господина Свидригайлова.	695. Р., Г.
696. В этом письме она самым пылким образом и с полным негодованием укоряла его именно за неблагородство поведения его относительно Марфы Петровны, поставляла ему на вид, что он отец и семьянин и что, наконец, как гнусно с его стороны мучить и делать несчастною и без того уже несчастную и беззащитную девушку.	696. Р., С., Г.
697. Одним словом, милый Родя, письмо это так благородно и трогательно написано, что я рыдала, читая его, и до сих пор не могу его читать без слез.	697. Р., С.
698. Кроме того, в оправдание Дуни, явились, наконец, и свидетельства слуг, которые видели и знали гораздо больше, чем предполагал сам господин Свидригайлов,	698. Р., С.
699. как это и всегда водится.	699. Р.
700. Марфа Петровна была совершенно поражена и	700. Р., С.
701. "вновь убита",	701. С.
702. как сама она нам признавалась,	702. Р.
703. но зато вполне убедилась в невинности Дунечкиной	703. Р.
704. и на другой же день, в воскресенье, приехав прямо в собор, на коленях и со слезами молила владычицу дать ей силу перенесть это новое испытание и исполнить долг свой.	704. А., Р., С.
705. Затем, прямо из собора, ни к кому не заезжая, приехала к нам, рассказала нам всё, горько плакала и, в полном раскаянии, обнимала и умоляла Дуню простить ее.	705. А., Г., С.
706. В то же утро, нисколько не мешкая, прямо от нас, отправилась по всем домам в городе и везде, в самых лестных для Дунечки выражениях, проливая слезы, восстановила ее невинность и благородство ее чувств и поведения.	706. А., С.
707. Мало того, всем показывала и читала вслух собственноручное письмо Дунечкино к господину Свидригайлову	707. Р., С.
708. и даже давала снимать с него копии (что, мне кажется, уже и лишнее).	708. Р., С.
709. Таким образом ей пришлось несколько дней сряду объезжать всех в городе, так как иные стали обижаться, что другим оказано было предпочтение, и таким образом завелись очереди, так что в каждом доме уже ждали заранее и все знали, что в такой-то день Марфа Петровна будет там-то читать это письмо, и на каждое чтение опять-таки собирались даже и те, которые письмо уже несколько раз прослушали и у себя в домах, и у других знакомых, по очереди.	709. А., Р.
710. Мое мнение, что многое, очень многое, тут было лишнее; но Марфа Петровна уже такого характера.	710. Р., С.
711. По крайней мере она вполне восстановила честь Дунечки,	711. Р., С.

и вся гнусность этого дела легла неизгладимым позором на ее мужа, как на главного виновника,	
712. так что мне его даже и жаль; слишком уже строго поступили с этим сумасбродом.	712. Р., С.
713. Дуню тотчас же стали приглашать давать уроки в некоторых домах, но она отказалась. Вообще же все стали к ней вдруг относиться с особенным уважением.	713. Р., С.
714. Всё это способствовало главным образом и тому неожиданному случаю, через который теперь меняется, можно сказать, вся судьба наша.	714. Г., Р.
715. Узнай, милый Родя, что к Дуне посватался жених	715. Г.
716. и что она успела уже дать свое согласие, о чем и спешу уведомить тебя поскорее.	716. Р., С.
717. И хотя дело это сделалось и без твоего совета, но ты, вероятно, не будешь ни на меня, ни на сестру в претензии, так как сам увидишь, из дела же, что ждать и откладывать до получения твоего ответа было бы нам невозможно.	717. Р., С.
718. Да и сам ты не мог бы заочно обсудить всего в точности.	718. Р., С.
719. Случилось же так.	719. Г.
720. Он уже надворный советник, Петр Петрович Лужин,	720. Р., Г., С.
721. и дальний родственник Марфы Петровны, которая многому в этом способствовала.	721. Р., Г.
722. Начал с того, что через нее изъявил желание с нами познакомиться, был как следует принят, пил кофе, а на другой же день прислал письмо, в котором весьма вежливо изъяснил свое предложение и просил скорого и решительного ответа.	722. Р., А.
723. Человек он деловой и занятый, и спешит теперь в Петербург, так что дорожит каждою минутой.	723. Р.
724. Разумеется, мы сначала были очень поражены, так как всё это произошло слишком скоро и неожиданно.	724. Р., С.
725. Соображали и раздумывали мы вместе весь тот день.	725. А., С.
726. Человек он благонадежный и обеспеченный, служит в двух местах и уже имеет свой капитал.	726. Р., С.
727. Правда, ему уже сорок пять лет, но он довольно приятной наружности и еще может нравиться женщинам, да и вообще человек он весьма солидный и приличный,	727. Р., С.
728. немного только угрюмый и как бы высокомерный. Но это, может быть, только так кажется с первого взгляда.	728. Р., С.
729. Да и предупреждаю тебя, милый Родя, как увидишься с ним в Петербурге, что произойдет в очень скором времени, то не суди слишком быстро и пылко, как это и свойственно тебе,	729. Р., С.
730. если на первый взгляд тебе что-нибудь в нем не покажется.	730. Р., С., Г.
731. Говорю это на случай, хотя и уверена, что он произведет на тебя впечатление приятное.	731. Р., С.
732. Да и кроме того, чтоб обознать какого бы то ни было человека, нужно относиться к нему постепенно и осторожно, чтобы не впасть в ошибку и предубеждение, которые весьма трудно после исправить и загладить.	732. Р.
733. А Петр Петрович, по крайней мере по многим признакам, человек весьма почтенный.	733. Р., С.
734. В первый же свой визит он объявил нам, что он человек положительный,	734. Р., С.

735. но во многом разделяет, как он сам выразился, "убеждения новейших поколений наших" и враг всех предрассудков.	735. Р., С.
736. Многое и еще он говорил, потому что	736. Р.
737. несколько как бы тщеславен и очень любит, чтоб его слушали, но ведь это почти не порок.	737. Р., С.
738. Я, разумеется, мало поняла,	738. Р.
739. но Дуня объяснила мне,	739. А.
740. что он человек хотя и небольшого образования, но умный и,	740. Р.
741. кажется, добрый.	741. Р., С.
742. Ты знаешь характер сестры твоей, Родя.	742. Р.
743. Это девушка твердая, благоразумная, терпеливая и великодушная, хотя и с пылким сердцем,	743. Р., С.
744. что я хорошо в ней изучила.	744. Р.
745. Конечно, ни с ее, ни с его стороны особенной любви тут нет,	745. Р., С.
746. но Дуня, кроме того что девушка умная, -- в то же время и существо благородное, как ангел,	746. Р., С.
747. и за долг поставит себе составить счастье мужа, который в свою очередь стал бы заботиться о ее счастии,	747. Р., С.
748. а в последнем мы не имеем, покамест, больших причин сомневаться, хотя и скоренько, признаться, сделалось дело.	748. Р., С.
749. К тому же он человек очень расчетливый	749. Р.
750. и, конечно, сам увидит, что его собственное супружеское счастье будет тем вернее, чем Дунечка будет за ним счастливее.	750. Р., С.
751. А что там какие-нибудь неровности в характере, какие-нибудь старые привычки и даже некоторое несогласие в мыслях	751. Р., С.
752. (чего и в самых счастливых супружествах обойти нельзя),	752. Р.
753. то на этот счет Дунечка сама мне сказала, что она на себя надеется; что беспокоиться тут нечего и что она многое может перенести,	753. Р., С.
754. под условием если дальнейшие отношения будут честные и справедливые.	754. Р., С.
755. Он, например, и мне показался сначала как бы резким; но ведь это может происходить именно оттого, что он прямодушный человек,	755. Р., С.
756. и непременно так.	756. С.
757. Например, при втором визите, уже получив согласие, в разговоре он выразился, что уж и прежде, не зная Дуни, положил взять девушку честную, но без приданого, и непременно такую, которая уже испытала бедственное положение; потому, как объяснил он, что муж ничем не должен быть обязан своей жене, а гораздо лучше, если жена считает мужа за своего благодетеля.	757. А., Р., С.
758. Прибавлю, что он выразился несколько мягче и ласковее, чем я написала, потому что я забыла настоящее выражение, а помню одну только мысль,	758. Р., С.
759. и, кроме того, сказал он это отнюдь не преднамеренно, а, очевидно, проговорившись, в пылу разговора, так что даже старался потом поправиться и смягчить;	759. Р., С.
760. но мне все-таки показалось это немного как бы резко, и я сообщила потом Дуне.	760. Р., С. , А.
761. Но Дуня даже с досадой отвечала мне, что "слова еще не	761. А., С.

дело", и это, конечно, справедливо.	
762. Пред тем, как решиться, Дунечка не спала всю ночь и, полагая, что я уже сплю, встала с постели и всю ночь ходила взад и вперед по комнате; наконец стала на колени и долго и горячо молилась перед образом,	762. Р., А., С.
763. а наутро объявила мне, что она решилась.	763. Р., А.
764. Я уже упомянула, что Петр Петрович отправляется теперь в Петербург. У него там большие дела, и он хочет открыть в Петербурге публичную адвокатскую контору.	764. Р., С.
765. Он давно уже занимается хождением по разным искам и тяжбам и на днях только что выиграл одну значительную тяжбу. В Петербург же ему и потому необходимо, что там у него одно значительное дело в сенате.	765. Р., С.
766. Таким образом, милый Родя, он и тебе может быть весьма полезен, даже во всем, и	766. Р.
767. мы с Дуней уже положили, что ты, даже с теперешнего же дня, мог бы определенно начать свою будущую карьеру и считать участь свою уже ясно определившеюся.	767. Р., С.
768. О если б это осуществилось!	768. С.
769. Это была бы такая выгода, что надо считать ее не иначе, как прямою к нам милостию вседержителя.	769. Р., С.
770. Дуня только и мечтает об этом.	770. Р., С.
771. Мы уже рискнули сказать несколько слов на этот счет Петру Петровичу.	771. Р., А., С.
772. Он выразился осторожно и сказал, что, конечно, так как ему без секретаря обойтись нельзя, то, разумеется, лучше платить жалованье родственнику, чем чужому, если только тот окажется способным к должности	772. Р., С.
773. (еще бы ты-то не оказался способен!),	773. Р., С.
774. но тут же выразил и сомнение, что университетские занятия твои не оставят тебе времени для занятий в его конторе.	774. Р.
775. На этот раз тем дело и кончилось,	775. Р., А.
776. но Дуня ни о чем, кроме этого, теперь и не думает. Она теперь, уже несколько дней, просто в каком-то жару и составила уже целый проект о том, что впоследствии ты можешь быть товарищем и даже компанионом Петра Петровича по его тяжебным занятиям, тем более что ты сам на юридическом факультете.	776. Р., С.
777. Я, Родя, вполне с нею согласна и разделяю все ее планы и надежды, видя в них полную вероятность;	777. Р., С.
778. и, несмотря на теперешнюю, весьма объясняемую уклончивость Петра Петровича	778. Р., С.
779. (потому что он тебя еще не знает),	779. Р., С.
780. Дуня твердо уверена, что достигнет всего своим добрым влиянием на будущего своего мужа, и в этом она уверена.	780. Р., С.
781. Уж конечно, мы остереглись проговориться Петру Петровичу хоть о чем-нибудь из этих дальнейших мечтаний наших и, главное, о том, что ты будешь его компанионом.	781. Р., С.
782. Он человек положительный и, пожалуй, принял бы очень сухо, так как всё это показалось бы ему одними только мечтаниями.	782. Р., С.
783. Равным образом ни я, ни Дуня ни полслова еще не	783. Р., С.

говорили с ним о крепкой надежде нашей, что он поможет нам способствовать тебе деньгами, пока ты в университете;	
784. потому не говорили, что, во-первых, это и само собой сделается впоследствии,	784. Р., С.
785. и он, наверно, без лишних слов, сам предложит	785. Р., С.
786. (еще бы он в этом-то отказал Дунечке)	786. Р., С.
787. тем скорее, что ты и сам можешь стать его правою рукой по конторе и получать эту помощь не в виде благодеяния, а в виде заслуженного тобою жалованья.	787. Р., С.
788. Так хочет устроить Дунечка, и я с нею вполне согласна.	788. Р.
789. Во-вторых же, потому не говорили, что мне особенно хотелось поставить тебя с ним, при предстоящей теперешней встрече нашей, на ровной ноге.	789. Р., С.
790. Когда Дуня говорила ему о тебе с восторгом, он отвечал, что всякого человека нужно сначала осмотреть самому и поближе, чтоб о нем судить, и что он сам предоставляет себе, познакомясь с тобой, составить о тебе свое мнение.	790. Р. , С
791. Знаешь что, бесценный мой Родя, мне кажется, по некоторым соображениям	791. С., Г.
792. (впрочем, отнюдь не относящимся к Петру Петровичу, а так,	792. Р.
793. по некоторым моим собственным, личным, даже, может быть, старушечьим, бабьим капризам),	793. Р., С., Г.
794. -- мне кажется, что я, может быть, лучше сделаю, если буду жить после их брака особо, как и теперь живу, а не вместе с ними.	794. Р., С.
795. Я уверена вполне, что он будет так благороден и деликатен, что сам пригласит меня и предложит мне не разлучаться более с дочерью, и если еще не говорил до сих пор, то, разумеется, потому что и без слов так предполагается;	795. Р., С.
796. но я откажусь.	796. Р., С.
797. Я замечала в жизни не раз, что тещи не очень-то бывают мужьям по сердцу,	797. Р.
798. а я не только не хочу быть хоть кому-нибудь даже в малейшую тягость, но и сама хочу быть вполне свободною,	798. Р., С.
799. покамест у меня хоть какой-нибудь свой кусок да такие дети, как ты и Дунечка.	799. Р., С.
800. Если возможно, то поселюсь подле вас обоих, потому что, Родя,	800. Р.
801. самое-то приятное я приберегла к концу письма:	801. Р., С.
802. узнай же, милый друг мой, что, может быть, очень скоро мы сойдемся все вместе опять и обнимемся все трое после почти трехлетней разлуки!	802. Р., С.
803. Уже *наверно* решено, что я и Дуня выезжаем в Петербург,	803. Р., С.
804. когда именно, не знаю, но, во всяком случае, очень, очень скоро, даже, может быть, через неделю. Всё зависит от распоряжений Петра Петровича, который, как только осмотрится в Петербурге, тотчас же и даст нам знать.	804. Р.
805. Ему хочется, по некоторым расчетам, как можно поспешить церемонией брака и даже, если возможно будет, сыграть свадьбу в теперешний же мясоед, а если не удастся, по краткости срока, то тотчас же после госпожинок.	805. Р., С.

806. О, с каким счастьем прижму я тебя к моему сердцу!	806. С.
807. Дуня вся в волнении от радости свидания с тобой,	807. С.
808. и сказала раз, в шутку, что уже из этого одного пошла бы за Петра Петровича. Ангел она!	808. Р., С.
809. Она теперь ничего тебе не приписывает, а велела только мне написать, что ей так много надо говорить с тобой, так много, что теперь у ней и рука не поднимается взяться за перо, потому что в нескольких строках ничего не напишешь, а только себя расстроишь;	809. Р., С., Г.
810. велела же тебя обнять крепче и переслать тебе бессчетно поцелуев.	810. С.
811. Но, несмотря на то, что мы, может быть, очень скоро сами сойдемся лично, я все-таки тебе на днях вышлю денег, сколько могу больше.	811. Р., С.
812. Теперь, как узнали все, что Дунечка выходит за Петра Петровича, и мой кредит вдруг увеличился, и я наверно знаю, что Афанасий Иванович поверит мне теперь, в счет пенсиона, даже до семидесяти пяти рублей, так что я тебе, может быть, рублей двадцать пять или даже тридцать пришлю.	812. Р., С.
813. Прислала бы и больше, но боюсь за наши расходы дорожные;	813. Р.
814. и хотя Петр Петрович был так добр, что взял на себя часть издержек по нашему проезду в столицу, а именно, сам вызвался, на свой счет, доставить нашу поклажу и большой сундук (как-то у него там через знакомых),	814. Р., С.
815. но все-таки нам надо рассчитывать и на приезд в Петербург, в который нельзя показаться без гроша, хоть на первые дни.	815. Р., С.
816. Мы, впрочем, уже всё рассчитали с Дунечкой до точности, и вышло, что дорога возьмет немного. До железной дороги от нас всего только девяносто верст, и мы уже, на всякий случай, сговорились с одним знакомым нам мужичком-извозчиком; а там мы с Дунечкой преблагополучно прокатимся в третьем классе.	816. Р. С.
817. Так что, может быть, я тебе не двадцать пять, а, наверно, тридцать рублей изловчусь выслать.	817. Р., С.
818. Но довольно; два листа кругом уписала, и места уж больше не остается;	818. Р., С.
819. целая наша история;	819. Г., Р.
820. ну да и происшествий-то сколько накопилось!	820. Р., С.
821. А теперь, бесценный мой Родя, обнимаю тебя до близкого свидания нашего и благословляю тебя материнским благословением моим.	821. Р., С.
822. Люби Дуню, свою сестру, Родя; люби так, как она тебя любит, и знай, что она тебя беспредельно, больше себя самой любит. Она ангел,	822. Р., С.
823. а ты, Родя, ты у нас всё -- вся надежда наша и всё упование. Был бы только ты счастлив, и мы будем счастливы.	823. С.
824. Молишься ли ты богу, Родя, по-прежнему и веришь ли в благость творца и искупителя нашего?	824. Г., С.
825. Боюсь я, в сердце своем, не посетило ли и тебя новейшее модное безверие? Если так, то я за тебя молюсь.	825. Г., Р., С.
826. Вспомни, милый, как еще в детстве своем, при жизни	826. Р., С.

твоего отца, ты лепетал молитвы свои у меня на коленях и как мы все тогда были счастливы!	
827. Прощай, или, лучше, *до свидания*!	827. Р., С.
828. Обнимаю тебя крепко-крепко и целую бессчетно.	828. С.
829. Твоя до гроба *Пульхерия Раскольникова.*	829. Р., С.
830. Почти всё время как читал Раскольников, с самого начала письма, лицо его было мокро от слез;	830. Р., С.
831. но когда он кончил, оно было бледно, искривлено судорогой, и тяжелая, желчная, злая улыбка змеилась по его губам.	831. Р., С.
832. Он прилег головой на свою тощую и затасканную подушку и думал, долго думал.	832. Р., С., Г.
833. Сильно билось его сердце, и сильно волновались его мысли.	833. Р., С., Г.
834. Наконец ему стало душно и тесно в этой желтой каморке, похожей на шкаф или на сундук. Взор и мысль просили простору.	834. Р., С.
835. Он схватил шляпу и вышел,	835. А., С.
836. на этот раз уже не опасаясь с кем-нибудь встретиться на лестнице; забыл он об этом.	836. Р., С.
837. Путь же взял он по направлению к Васильевскому острову через В -- й проспект,	837. Р.
838. как будто торопясь туда за делом, но, по обыкновению своему, шел, не замечая дороги, шепча про себя и даже говоря вслух с собою, чем очень удивлял прохожих. Многие принимали его за пьяного.	838. А., Р., С.
IV	
839. Письмо матери его измучило.	839. Р., Г.
840. Но относительно главнейшего, капитального пункта сомнений в нем не было ни на минуту, даже в то еще время, как он читал письмо. Главнейшая суть дела была решена в его голове и решена окончательно: "Не бывать этому браку, пока я жив, и к черту господина Лужина!"	840. Р., С.
841. "Потому что это дело очевидное, -- бормотал он про себя, ухмыляясь и злобно торжествуя заранее успех своего решения.	841. Р., С.
842. -- Нет, мамаша, нет, Дуня, не обмануть меня вам!.. И еще извиняются, что моего совета не попросили и без меня дело решили!	842. Р., С.
843. Еще бы!	843. С.
844. Думают, что теперь уж и разорвать нельзя; а посмотрим, льзя или нельзя!	844. Р., С.
845. Отговорка-то какая капитальная:	845. Г., Р., С.
846. "уж такой, дескать, деловой человек Петр Петрович, такой деловой человек, что и жениться-то иначе не может, как на почтовых, чуть не на железной дороге".	846. Г., Р., С. (ирония)
847. Нет, Дунечка, всё вижу и знаю, о чем ты со мной *много-то* говорить собираешься;	847. Р., Г.
848. знаю и то, о чем ты всю ночь продумала, ходя по комнате, и о чем молилась перед Казанскою божией матерью, которая у	848. Р., Г.

мамаши в спальне стоит.	
849. На Голгофу-то тяжело всходить.	849. Р., С., Г.
850. Гм...	850. С.
851. Так, значит, решено уж окончательно:	851. Р., С.
852. за делового и рационального человека изволите выходить, Авдотья Романовна, имеющего свой капитал	852. Р., С.
853. *(уже* имеющего свой капитал, это солиднее, внушительнее),	853. Р., С.
854. служащего в двух местах и разделяющего убеждения новейших наших поколений (как пишет мамаша) и,	854. Р., С.
855. *"кажется,* доброго", как замечает сама Дунечка.	855. Р., С.
856. Это *кажется* всего великолепнее!	856. С.
857. И эта же Дунечка за это же *кажется* замуж идет!..	857. Р., С.
858. Великолепно! Великолепно!..	858. С.
859. ...А любопытно, однако ж, для чего мамаша о "новейших-то поколениях" мне написала? Просто ли для характеристики лица или с дальнейшею целью: задобрить меня в пользу господина Лужина?	859. Р., Г.
860. О хитрые!	860. Р., С.
861. Любопытно бы разъяснить еще одно обстоятельство: до какой степени они обе были откровенны друг с дружкой, в тот день и в ту ночь, и во всё последующее время? Все ли *слова* между ними были прямо произнесены, или обе поняли, что у той и у другой одно в сердце и в мыслях, так уж нечего вслух-то всего выговаривать да напрасно проговариваться.	861. Р., С. Г.
862. Вероятно, оно так отчасти и было; по письму видно: мамаше он показался резок,	862. Г., Р. , С. 863. С.
863. *немножко,*	(ирония)
864. а наивная мамаша и полезла к Дуне с своими замечаниями.	864. Р., С.
865. А та, разумеется, рассердилась и "отвечала с досадой".	865. Р., С.
866. Еще бы! Кого не взбесит, когда дело понятно и без наивных вопросов и когда решено, что уж нечего говорить.	866. С., Г.
867. И что это она пишет мне: "Люби Дуню, Родя, а она тебя больше себя самой любит"; уж не угрызения ли совести ее самое втайне мучат за то, что дочерью сыну согласилась пожертвовать.	867. Р., С.
868. "Ты наше упование, ты наше всё!" О мамаша!.." Злоба накипала в нем всё сильнее и сильнее, и если бы теперь встретился с ним господин Лужин, он, кажется, убил бы его!	868. Р., С. (ненависть).
869. "Гм, это правда, -- продолжал он, следуя за вихрем мыслей, крутившимся в его голове, -- это правда, что к человеку надо "подходить постепенно и осторожно, чтобы разузнать его";	869. Р., С.
870. но господин Лужин ясен.	870. Р., С.
871. Главное, "человек деловой и, *кажется,* добрый": шутка ли, поклажу взял на себя, большой сундук на свой счет доставляет! Ну как же не добрый?	871. Р., С. (сарказм).
872. А они-то обе, *невеста* и мать, мужичка подряжают, в телеге, рогожею крытой (я ведь так езжал)! Ничего! Только ведь девяносто верст, "а там преблагополучно прокатимся в третьем классе", верст тысячу.	872. Р., С.
873. И благоразумно: по одежке протягивай ножки;	873. Р., С.
874. да вы-то, господин Лужин, чего же? Ведь это ваша невеста...	874. Г., С.

875. И не могли же вы не знать, что мать под свой пенсион на дорогу вперед занимает?	875. Г., С.
876. Конечно, тут у вас общий коммерческий оборот, предприятие на обоюдных выгодах и на равных паях, значит, и расходы пополам;	876. Р., С.
877. хлеб-соль вместе, а табачок врозь, по пословице.	877. Р. , С.
878. Да и тут деловой-то человек их поднадул немножко: поклажа-то стоит дешевле ихнего проезда, а пожалуй, что и задаром пойдет.	878. Р., С.
879. Что ж они обе не видят, что ль, этого аль нарочно не замечают?	879. Г., С.
880. И ведь довольны, довольны!	880. Р., С.
881. И как подумать, что это только цветочки, а настоящие фрукты впереди!	881. Р., С.
882. Ведь тут что важно: тут не скупость, не скалдырничество важно, а *тон* всего этого. Ведь это будущий тон после брака, пророчество...	882. Р., С., Г.
883. Да и мамаша-то чего ж, однако, кутит? С чем она в Петербург-то явится? С тремя целковыми аль с двумя "билетиками",	883. Р., С., Г.
884. как говорит та... старуха... гм!	884. С.,Г.
885. Чем же жить-то в Петербурге она надеется потом-то? Ведь она уже по каким-то причинам успела догадаться, что ей с Дуней *нельзя* будет вместе жить после брака, даже и в первое время?	885. Р., С.
886. Милый-то человек, наверно, как-нибудь тут *проговорился,* дал себя знать, хоть мамаша и отмахивается обеими руками от этого: "Сама, дескать, откажусь".	886. Р., С.
887. Что ж она, на кого же надеется: на сто двадцать рублей пенсиона, с вычетом на долг Афанасию Ивановичу? Косыночки она там зимние вяжет, да нарукавнички вышивает, глаза свои старые портит. Да ведь косыночки всего только двадцать рублей в год прибавляют к ста двадцати-то рублям, это мне известно.	887. Р., С., Г.
888. Значит, все-таки на благородство чувств господина Лужина надеются: "Сам, дескать, предложит, упрашивать будет".	888. Г.
889. Держи карман!	889. С.
890. И так-то вот всегда у этих шиллеровских прекрасных душ бывает: до последнего момента рядят человека в павлиные перья, до последнего момента на добро, а не на худо надеются;	890. Р., С.
891. и хоть предчувствуют оборот медали, но ни за что себе заранее настоящего слова не выговорят; коробит их от одного помышления; обеими руками от правды отмахиваются, до тех самых пор, пока разукрашенный человек им собственноручно нос не налепит.	891. Р., С.
892. А любопытно, есть ли у господина Лужина ордена; об заклад бьюсь, что Анна в петлице есть и что он ее на обеды у подрядчиков и у купцов надевает. Пожалуй, и на свадьбу свою наденет!	892. Р., С.
893. А впрочем, черт с ним!..	893. С.
894. ...Ну да уж пусть мамаша, уж бог с ней, она уж такая,	894. Р., С.
895. но Дуня-то что? Дунечка, милая, ведь я знаю вас! Ведь вам уже двадцатый год был тогда, как последний-то раз мы виделись: характер-то ваш я уже понял. Мамаша вон пишет, что "Дунечка	895. Р., Г, С.

многое может снести". Это я знал-с. Это я два с половиной года назад уже знал и с тех пор два с половиной года об этом думал, об этом именно, что "Дунечка многое может снести". Уж когда господина Свидригайлова, со всеми последствиями, может снести, значит, действительно, многое может снести.	
896. А теперь вот вообразили, вместе с мамашей, что и господина Лужина можно снести, излагающего теорию о преимуществе жен, взятых из нищеты и облагодетельствованных мужьями, да еще излагающего чуть не при первом свидании.	896. Р., С.
897. Ну да положим, он "проговорился", хоть и рациональный человек (так что, может быть, и вовсе не проговорился, а именно в виду имел поскорее разъяснить),	897. Р., С.
898. но Дуня-то, Дуня?	898. С., Г. Р.
899. Ведь ей человек-то ясен, а ведь жить-то с человеком. Ведь она хлеб черный один будет есть да водой запивать, а уж душу свою не продаст, а уж нравственную свободу свою не отдаст за комфорт;	899. С.
900. за весь Шлезвиг-Гольштейн не отдаст, не то что за господина Лужина.	900. Р., С.
901. Нет, Дуня не та была, сколько я знал, и... ну да уж, конечно, не изменилась и теперь!..	901. Р., С.
902. Что говорить!	902. С.
903. Тяжелы Свидригайловы!	903. С.
904. Тяжело за двести рублей всю жизнь в гувернантках по губерниям шляться,	904. Р., С.
905. но я все-таки знаю, что сестра моя скорее в негры пойдет к плантатору или в латыши к остзейскому немцу,	905. Р., С.
906. чем оподлит дух свой и нравственное чувство свое связью с человеком, которого не уважает и с которым ей нечего делать, -- навеки, из одной своей личной выгоды! И будь даже господин Лужин весь из одного чистейшего золота или из цельного бриллианта, и тогда не согласится стать законною наложницей господина Лужина!	906. Р., С.
907. Почему же теперь соглашается? В чем же штука-то? В чем же разгадка-то?	907. Р., Г., Г.
908. Дело ясное: для себя, для комфорта своего, даже для спасения себя от смерти, себя не продаст, а для другого вот и продает! Для милого, для обожаемого человека продаст! Вот в чем вся наша штука-то и состоит: за брата, за мать продаст! Всё продаст!	908. Г.
909. О, тут мы, при случае, и нравственное чувство наше придавим; свободу, спокойствие, даже совесть, всё, всё на толкучий рынок снесем.	909. Р., С.
910. Пропадай жизнь!	910. С.
911. Только бы эти возлюбленные существа наши были счастливы.	911. Г., Р.
912. Мало того, свою собственную казуистику выдумаем, у иезуитов научимся и на время, пожалуй, и себя самих успокоим, убедим себя, что так надо, действительно надо для доброй цели.	912. Р., С.
913. Таковы-то мы и есть, и всё ясно как день.	913. Р., С.
914. Ясно, что тут не кто иной, как Родион Романович Раскольников в ходу и на первом плане стоит. Ну как же-с,	914. Р., С. (сарказм)

счастье его может устроить, в университете содержать, компанионом сделать в конторе, всю судьбу его обеспечить; пожалуй, богачом впоследствии будет, почетным, уважаемым, а может быть, даже славным человеком окончит жизнь!	
915. А мать?	915. Г., С.
916. Да ведь тут Родя, бесценный Родя, первенец! Ну как для такого первенца хотя бы и такою дочерью не пожертвовать!	916. Г.,С.
917. О милые и несправедливые сердца!	917. Р., С.
918. Да чего: тут мы и от Сонечкина жребия, пожалуй что, не откажемся!	918. Р., С.
919. Сонечка, Сонечка Мармеладова, вечная Сонечка, пока мир стоит!	919. Р., С., Г.
920. Жертву-то, жертву-то обе вы измерили ли вполне? Так ли? Под силу ли? В пользу ли? Разумно ли?	920. С., Г.
921. Знаете ли вы, Дунечка, что Сонечкин жребий ничем не сквернее жребия с господином Лужиным?	921. Р. , С.
922. "Любви тут не может быть", -- пишет мамаша.	922. Р., С.
923. А что, если, кроме любви-то, и уважения не может быть, а напротив, уже есть отвращение, презрение, омерзение, что же тогда?	923. Р., С., Г.
924. А и выходит тогда, что опять, стало быть, *"чистоту наблюдать"* придется. Не так, что ли?	924. Г., Р., С.
925. Понимаете ли, понимаете ли вы, что значит сия чистота?	925. Г.
926. Понимаете ли вы, что лужинская чистота всё равно, что и Сонечкина чистота,	926. Г., Р., С.
927. а может быть, даже и хуже, гаже, подлее, потому что у вас, Дунечка, все-таки на излишек комфорта расчет, а там просто-запросто о голодной смерти дело идет!	927. Р., С.
928. "Дорого, дорого стоит, Дунечка, сия чистота!"	928. Р., С. Г.
929. Ну, если потом не под силу станет, раскаетесь?	929. Г., С.
930. Скорби-то сколько, грусти, проклятий, слез-то, скрываемых ото всех, сколько,	930. Р., С.
931. потому что не Марфа же вы Петровна?	931. Р., С.
932. А с матерью что тогда будет? Ведь она уж и теперь неспокойна, мучается; а тогда, когда всё ясно увидит?	932. Р., С., Г.
933. А со мной?..	933. Р., С., Г.
934. Да что же вы в самом деле обо мне-то подумали?	934. Г. , С.
935. Не хочу я вашей жертвы, Дунечка, не хочу, мамаша!	935. Р., С.
936. Не бывать тому, пока я жив, не бывать, не бывать! Не принимаю!"	936. Р.
937. Он вдруг очнулся и остановился.	937. А.
938. "Не бывать? А что же ты сделаешь, чтоб этому не бывать?	938. Р., С., Г.
939. Запретишь? А право какое имеешь? Что ты им можешь обещать в свою очередь, чтобы право такое иметь?	939. Р., С.
940. Всю судьбу свою, всю будущность им посвятить, *когда кончишь курс и место достанешь?*	940. Р., С.
941. Слышали мы это, да ведь это *буки,* а теперь?	941. С., Г.
942. Ведь тут надо теперь же что-нибудь сделать, понимаешь ты это?	942. Г., С.
943. А ты что теперь делаешь? Обираешь их же. Ведь деньги-то им под сторублевый пенсион да под господ Свидригайловых под	943. Р., С.

заклад достаются!	
944. От Свидригайловых-то, от Афанасия-то Ивановича	944. Р., Г., С.
Вахрушина чем ты их убережешь,	945. С. (сарказм)
945. миллионер будущий,	
946. Зевес, их судьбою располагающий?	946. Р., С.
947. Через десять-то лет?	947. С.
948. Да в десять-то лет мать успеет ослепнуть от косынок, а пожалуй что и от слез; от поста исчахнет;	948. Р., С.
949. а сестра? Ну, придумай-ка, что может быть с сестрой через десять лет али в эти десять лет? Догадался?"	949. Г., С
950. Так мучил он себя и поддразнивал этими вопросами, даже с каким-то наслаждением.	950. Р., С.
951. Впрочем, все эти вопросы были не новые, не внезапные, а старые, наболевшие, давнишние. Давно уже как они начали его терзать и истерзали ему сердце. Давным-давно как зародилась в нем вся эта теперешняя тоска, нарастала, накоплялась и в последнее время созрела и концентрировалась, приняв форму ужасного, дикого и фантастического вопроса, который замучил его сердце и ум, неотразимо требуя разрешения.	951. Р., С., Г.
952. Теперь же письмо матери вдруг как громом в него ударило.	952. Р., С.
953. Ясно, что теперь надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними рассуждениями о том, что вопросы неразрешимы, а непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее. Во что бы то ни стало надо решиться, хоть на что-нибудь, или...	953. Р., С., Г.
954. "Или отказаться от жизни совсем! -- вскричал он вдруг в исступлении,	954. А., С., Г., Р.
955. -- послушно принять судьбу, как она есть, раз навсегда, и задушить в себе всё, отказавшись от всякого права действовать, жить и любить!"	955. Р., С., Г.
956. "Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти? -- вдруг припомнился ему вчерашний вопрос Мармеладова, -- ибо надо, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти..."	956. Р., С.
957. Вдруг он вздрогнул: одна, тоже вчерашняя, мысль опять пронеслась в его голове.	957. А., Р., С.
958. Но вздрогнул он не оттого, что пронеслась эта мысль. Он ведь знал, он *предчувствовал,* что она непременно "пронесется", и уже ждал ее; да и мысль эта была совсем не вчерашняя.	958. Р., Г.
959. Но разница была в том, что месяц назад, и даже вчера еще, она была только мечтой, а теперь...	959. Р., С., Г.
960. теперь явилась вдруг не мечтой, а в каком-то новом, грозном и совсем незнакомом ему виде, и он вдруг сам сознал это...	960. Р., С., Г.
961. Ему стукнуло в голову, и потемнело в глазах.	961. А., С.
962. Он поспешно огляделся, он искал чего-то. Ему хотелось сесть, и он искал скамейку;	962. Р., С.
963. проходил же он тогда по К--му бульвару.	963. Р.
964. Скамейка виднелась впереди, шагах во ста.	964. Р.
965. Он пошел сколько мог поскорее;	965. А., С.
966. но на пути случилось с ним одно маленькое приключение,	966. Р., А.

которое на несколько минут привлекло к себе всё его внимание.	
967. Выглядывая скамейку, он заметил впереди себя, шагах в двадцати, идущую женщину,	967. Р.
968. но сначала не остановил на ней никакого внимания, как и на всех мелькавших до сих пор перед ним предметах.	968. А., С. 969. Р., С. (рассеянность, погруженность в себя)
969. Ему уже много раз случалось проходить, например, домой и совершенно не помнить дороги, по которой он шел, и он уже привык так ходить.	
970. Но в идущей женщине было что-то такое странное и, с первого же взгляда, бросающееся в глаза,	970. Р., Г.
971. что мало-помалу внимание его начало к ней приковываться -- сначала нехотя и как бы с досадой, а потом всё крепче и крепче.	971. А., С.
972. Ему вдруг захотелось понять, что именно в этой женщине такого странного?	972. Г., С.
973. Во-первых, она, должно быть, девушка очень молоденькая, шла по такому зною простоволосая, без зонтика и без перчаток, как-то смешно размахивая руками.	973. Р., С.
974. На ней было шелковое, из легкой материи ("матерчатое") платьице, но тоже как-то очень чудно надетое, едва застегнутое и сзади у талии, в самом начале юбки, разорванное; целый клок отставал и висел болтаясь. Маленькая косыночка была накинута на обнаженную шею, но торчала как-то криво и боком. К довершению, девушка шла нетвердо, спотыкаясь и даже шатаясь во все стороны.	974. Р., С.
975. Эта встреча возбудила, наконец, всё внимание Раскольникова.	975. Р., А.
976. Он сошелся с девушкой у самой скамейки, но,	976. А.
977. дойдя до скамьи, она так и повалилась на нее, в угол, закинула на спинку скамейки голову и закрыла глаза, по-видимому от чрезвычайного утомления.	977. Р., С.
978. Вглядевшись в нее, он тотчас же догадался, что она совсем была пьяна.	978. Г.
979. Странно и дико было смотреть на такое явление.	979. Р., С.
980. Он даже подумал, не ошибается ли он.	980. А., С.
981. Пред ним было чрезвычайно молоденькое личико, лет шестнадцати, даже, может быть, только пятнадцати, -- маленькое, белокуренькое, хорошенькое, но всё разгоревшееся и как будто припухшее. Девушка, кажется, очень мало уж понимала; одну ногу заложила за другую, причем выставила ее гораздо больше, чем следовало, и, по всем признакам, очень плохо сознавала, что она на улице.	981. Р., С.
982. Раскольников не сел и уйти не хотел, а стоял перед нею в недоумении.	982. А., С.
983. Этот бульвар и всегда стоит пустынный, теперь же, во втором часу и в такой зной, никого почти не было.	983. Р.
984. И однако ж в стороне, шагах в пятнадцати, на краю бульвара, остановился один господин, которому, по всему видно было, очень бы хотелось тоже подойти к девочке с какими-то целями.	984. Р., Г.
985. Он тоже, вероятно, увидел ее издали и догонял, но ему помешал Раскольников.	985. Р.
986. Он бросал на него злобные взгляды, стараясь, впрочем,	986. А.

чтобы тот их не заметил, и нетерпеливо ожидал своей очереди, когда досадный оборванец уйдет.	
987. Дело было понятное.	987. Г.
988. Господин этот был лет тридцати, плотный, жирный, кровь с молоком, с розовыми губами и с усиками, и очень щеголевато одетый.	988. Р., С., Г.
989. Раскольников ужасно разозлился; ему вдруг захотелось как-нибудь оскорбить этого жирного франта.	989. Р. , С.
990. Он на минуту оставил девочку и подошел к господину.	990. А.
991. -- Эй вы, Свидригайлов!	991. Р., С.
992. Вам чего тут надо? -- крикнул он, сжимая кулаки и смеясь своими запенившимися от злобы губами.	992. А., С., Г.
993. -- Это что значит? -- строго спросил господин, нахмурив брови и свысока удивившись.	993. Р., С., А.
994. -- Убирайтесь, вот что!	994. Р., С.
995. -- Как ты смеешь, каналья!..	995. Р., С.
996. И он взмахнул хлыстом.	996. А., С.
997. Раскольников бросился на него с кулаками, не рассчитав даже и того, что плотный господин мог управиться и с двумя такими, как он.	997. А., С., Р.
998. Но в эту минуту кто-то крепко схватил его сзади,	998. А., Г.
999. между ними стал городовой.	999. Г., Р.
-- Полно, господа, не извольте драться в публичных местах.	
1000. Вам чего надо? Кто таков? -- строго обратился он к Раскольникову, разглядев его лохмотья.	1000. А., Р., С., Г.
1001. Раскольников посмотрел на него внимательно.	1001. А., С.
1002. Это было бравое солдатское лицо с седыми усами и бакенами и с толковым взглядом.	1002. Р., С.
1003. -- Вас-то мне и надо, -- крикнул он, хватая его за руку. –	1003. А., Р., С.
1004. Я бывший студент, Раскольников...	1004. Р.
1005. Это и вам можно узнать, -- обратился он к господину,	1005. А., С.
1006. -- а вы пойдемте-ка, я вам что-то покажу…	1006. А., С.
И, схватив городового за руку, он потащил его к скамейке.	
1007. -- Вот, смотрите, совсем пьяная, сейчас шла по бульвару: кто ее знает, из каких, а не похоже, чтоб по ремеслу.	1007. Р., С., Г.
1008. Вернее же всего где-нибудь напоили и обманули... в первый раз... понимаете? да так и пустили на улицу.	1008. Р., С., Г.
1009. Посмотрите, как разорвано платье, посмотрите, как оно надето:	1009. Г.
1010. ведь ее одевали, а не сама она одевалась, да и одевали-то неумелые руки, мужские. Это видно.	1010. Г.
1011. А вот теперь смотрите сюда: этот франт, с которым я сейчас драться хотел, мне незнаком, первый раз вижу;	1011. Р.
1012. но он ее тоже отметил дорогой, сейчас, пьяную-то, себя-то не помнящую, и ему ужасно теперь хочется подойти и перехватить ее, -- так как она в таком состоянии, -- завезти куда-нибудь... И уж это наверно так: уж поверьте, что я не ошибаюсь. Я сам видел, как он за нею наблюдал и следил, только я ему помешал,	1012. Г.
1013. и он теперь всё ждет, когда я уйду. Вон он теперь отошел маленько, стоит, будто папироску свертывает...	1013. Р., С.
1014. Как бы нам ему не дать? Как бы нам ее домой отправить, --	1014. Р., С.

подумайте-ка!	
1015. Городовой мигом всё понял и сообразил.	1015. Р., С.
1016. Толстый господин был, конечно, понятен, оставалась девочка.	1016. Р., Г.
1017. Служивый нагнулся над нею разглядеть поближе, и искреннее сострадание изобразилось в его чертах. -- Ах, жаль-то как! -- сказал он, качая головой, -- совсем еще как ребенок. Обманули, это как раз.	1017. А., С.
1018. Послушайте, сударыня, -- начал он звать ее, -- где изволите проживать? –	1018. А.
1019. Девушка открыла усталые и посоловелые глаза, тупо посмотрела на допрашивающих и отмахнулась рукой.	1019. А., С.
1020. -- Послушайте, -- сказал Раскольников, -- вот (он пошарил в кармане и вытащил двадцать копеек; нашлись), вот,	1020. А., С.
1021. возьмите извозчика и велите ему доставить по адресу.	1021. Р.
1022. Только бы адрес-то нам узнать!	1022. Г.
1023. -- Барышня, а барышня? -- начал опять городовой, приняв деньги, -- я сейчас извозчика вам возьму и сам вас препровожу.	1023. А.
1024. Куда прикажете? а? Где изволите квартировать?	1024. Г.
1025. -- Пшла!.. пристают!.. -- пробормотала девочка и опять отмахнулась рукой.	1025. А., С.
1026. -- Ах, ах как нехорошо! Ах, стыдно-то как, барышня, стыд-то какой! -- Он опять закачал головой, стыдя, сожалея и негодуя.	1026. А., С., Р.
1027. -- Ведь вот задача! -- обратился он к Раскольникову	1027. А.
1028. и тут же, мельком, опять оглядел его с ног до головы. Странен, верно, и он ему показался: в таких лохмотьях, а сам деньги выдает!	1028. А., Р., С.
1029. -- Вы далеко ль отсюда их нашли? -- спросил он его.	1029. А.
1030. -- Говорю вам: впереди меня шла, шатаясь, тут же на бульваре. Как до скамейки дошла, так и повалилась.	1030. Р.
1031. -- Ах, стыд-то какой теперь завелся на свете, господи! Этакая немудреная, и уж пьяная! Обманули, это как есть! Вон и платьице ихнее разорвано...	1031. Р., С., Г.
1032. Ах как разврат-то ноне пошел!..	1032. Р., С.
1033. А пожалуй, что из благородных будет, из бедных каких...	1033. Р.
1034. Ноне много таких пошло.	1034. Р.
1035. По виду-то как бы из нежных, словно ведь барышня, -	1035. Р.
1036. - и он опять нагнулся над ней.	1036. А.
1037. Может, и у него росли такие же дочки -- "словно как барышни и из нежных", с замашками благовоспитанных и со всяким перенятым уже модничаньем...	1037. Р., С.
1038. -- Главное, -- хлопотал Раскольников, -- вот этому подлецу как бы не дать! Ну что ж он еще над ней надругается! Наизусть видно, чего ему хочется; ишь подлец, не отходит!	1038. Р., А.
1039. Раскольников говорил громко и указывал на него прямо рукой.	1039. А., С.
1040. Тот услышал и хотел было опять рассердиться, но одумался и ограничился одним презрительным взглядом.	1040. А., С.
1041. Затем медленно отошел еще шагов десять и опять остановился.	1041. А.

1042. -- Не дать-то им это можно-с, -- отвечал унтер-офицер в раздумье. -- Вот кабы они сказали, куда их предоставить, а то...	1042. Р., С., Г.
1043. Барышня, а барышня! -- нагнулся он снова.	1043. А.
1044. Та вдруг совсем открыла глаза, посмотрела внимательно, как будто поняла что-то такое,	1044. А., С.
1045. встала со скамейки и пошла обратно в ту сторону, откуда пришла.	1045. А., С.
-- Фу, бесстыдники, пристают! -- проговорила она, еще раз отмахнувшись.	
1046. Пошла она скоро, но по-прежнему сильно шатаясь. Франт пошел за нею, но по другой аллее, не спуская с нее глаз.	1046. А., С.
1047. -- Не беспокойтесь, не дам-с, -- решительно сказал усач и отправился вслед за ними.	1047. А., С.
1048. -- Эх, разврат-то как ноне пошел! -- повторил он вслух, вздыхая.	1048. Р., А., С.
1049. В эту минуту как будто что-то ужалило Раскольникова; в один миг его как будто перевернуло.	1049. А., С.
1050. -- Послушайте, эй! -- закричал он вслед усачу.	1050. А.
1051. Тот оборотился.	1051. А.
1052. -- Оставьте! Чего вам? Бросьте!	1052. Р., Г., С.
1053. Пусть его позабавится (он указал на франта).	1053. Р., С.
1054. Вам-то чего?	1054. Г.
1055. Городовой не понимал и смотрел во все глаза.	1055. Р., С.
1056. Раскольников засмеялся.	1056. А.
1057. -- Э-эх! -- проговорил служивый, махнув рукой, и пошел вслед за франтом и за девочкой,	1057. А., С.
1058. вероятно приняв Раскольникова иль за помешанного, или за что-нибудь еще хуже.	1058. Р., С.
1059. "Двадцать копеек мои унес, -- злобно проговорил Раскольников, оставшись один.	1059. Р., С.
1060. -- Ну пусть и с того тоже возьмет да и отпустит с ним девочку, тем и кончится...	1060. Р., С.
1061. И чего я ввязался тут помогать! Ну мне ль помогать? Имею ль я право помогать?	1061. Р., Г.
1062. Да пусть их переглотают друг друга живьем -- мне-то чего?	1062. Р., С.
1063. И как я смел отдать эти двадцать копеек. Разве они мои?"	1063. Р., Г., С.
1064. Несмотря на эти странные слова, ему стало очень тяжело.	1064. Р, С.
1065. Он присел на оставленную скамью.	1065. А.
1066. Мысли его были рассеянны...	1066. Р., С.
1067. Да и вообще тяжело ему было думать в эту минуту о чем бы то ни было. Он бы хотел совсем забыться, всё забыть, потом проснуться и начать совсем сызнова...	1067. Р., С.
1068. "Бедная девочка!.. -- сказал он, посмотрев в опустевший угол скамьи.	1068. Р. С., А.
1069. -- Очнется, поплачет, потом мать узнает... Сначала прибьет, а потом высечет, больно и с позором, пожалуй, и сгонит...	1069. Р., С.
1070. А не сгонит, так все-таки пронюхают Дарьи Францевны, и начнет шмыгать моя девочка, туда да сюда...	1070. Р., С.
1071. Потом тотчас больница	1071. Р., С.
1072. (и это всегда у тех, которые у матерей живут очень честных и тихонько от них пошаливают),	1072. Р., С.

1073. ну а там... а там опять больница... вино... кабаки... и еще больница...	1073. Р.. А., С.
1074. года через два-три - калека, итого житья ее девятнадцать аль восемнадцать лет от роду всего-с...	1074. Р., С.
1075. Разве я таких не видал? А как они делались? Да вот всё так и делались...	1075. Г., Р., С.
1076. Тьфу! А пусть!	1076. С.
1077. Это, говорят, так и следует. Такой процент, говорят, должен уходить каждый год... куда-то... к черту, должно быть, чтоб остальных освежать и им не мешать.	1077. Р., С.
1078. Процент!	1078. С.
1079. Славные, право, у них эти словечки: они такие успокоительные, научные. Сказано: процент, стало быть, и тревожиться нечего.	1079. Р., С.
1080. Вот если бы другое слово, ну тогда... было бы, может быть, беспокойнее...	1080. Р., С.
1081. А что, коль и Дунечка как-нибудь в процент попадет!.. Не в тот, так в другой?..	1081. Р., С.., Г.
1082. А куда ж я иду? -подумал он вдруг. - Странно. Ведь я зачем-то пошел.	1082. Р., А.
1083. Как письмо прочел, так и пошел...	1083. Р.
1084. На Васильевский остров, к Разумихину я пошел, вот куда, теперь... помню.	1084. Р., С.
1085. Да зачем, однако же? И каким образом мысль идти к Разумихину залетела мне именно теперь в голову? Это замечательно". Он дивился себе.	1085. Г., Р., С.
1086. Разумихин был одним из его прежних товарищей по университету.	1086. Р.
1087. Замечательно, что Раскольников, быв в университете, почти не имел товарищей, всех чуждался, ни к кому не ходил и у себя принимал тяжело. Впрочем, и от него скоро все отвернулись. Ни в общих сходках, ни в разговорах, ни в забавах, ни в чем он как-то не принимал участия.	1087. Р., С.
1088. Занимался он усиленно, не жалея себя, и за это его уважали, но никто не любил.	1088. Р., С.
1089. Был он очень беден и как-то надменно горд и несообщителен; как будто что-то таил про себя. Иным товарищам его казалось, что он смотрит на них на всех, как на детей, свысока, как будто он всех их опередил и развитием, и знанием, и убеждениями, и что на их убеждения и интересы он смотрит как на что-то низшее.	1089. Р., С.
1090. С Разумихиным же он почему-то сошелся, то есть не то что сошелся, а был с ним сообщительнее, откровеннее.	1090. Р., Г.
1091. Впрочем, с Разумихиным невозможно было и быть в других отношениях. Это был необыкновенно веселый и сообщительный парень, добрый до простоты. Впрочем, под этою простотой таились и глубина, и достоинство. Лучшие из его товарищей понимали это, все любили его. Был он очень неглуп, хотя и действительно иногда простоват. Наружность его была выразительная -- высокий, худой, всегда худо выбритый, черноволосый. Иногда он буянил и слыл за силача. Однажды	1091. Р.

ночью, в компании, он одним ударом ссадил одного блюстителя вершков двенадцати росту. Пить он мог до бесконечности, но мог и совсем не пить; иногда проказил даже непозволительно, но мог и совсем не проказить. Разумихин был еще тем замечателен, что никакие неудачи его никогда не смущали и никакие дурные обстоятельства, казалось, не могли придавить его. Он мог квартировать хоть на крыше, терпеть адский голод и необыкновенный холод. Был он очень беден и решительно сам, один, содержал себя, добывая кой-какими работами деньги.	
1092. Он знал бездну источников, где мог почерпнуть,	1092. Р., С.
1093. разумеется заработком.	1093. С.
1094. Однажды он целую зиму совсем не топил своей комнаты и утверждал, что это даже приятнее, потому что в холоде лучше спится.	1094. Р., С.
1095. В настоящее время он тоже принужден был выйти из университета, но ненадолго, и из всех сил спешил поправить обстоятельства, чтобы можно было продолжать.	1095. Р.
1096. Раскольников не был у него уже месяца четыре, а Разумихин и не знал даже его квартиры.	1096. Р.
1097. Раз как-то, месяца два тому назад, они было встретились на улице,	1097. А.
1098. но Раскольников отвернулся и даже перешел на другую сторону, чтобы тот его не заметил.	1098. А., С., Г.
1099. А Разумихин хоть и заметил, но прошел мимо, не желая тревожить *приятеля.*	1099. Р., А., С.
V	
1100. "Действительно, я у Разумихина недавно еще хотел было работы просить, чтоб он мне или уроки достал, или что-нибудь... -- додумывался Раскольников,	1100. Р., А., Г.
1101. -- но чем теперь-то он мне может помочь?	1101. Г.
1102. Положим, уроки достанет, положим, даже последнею копейкой поделится, если есть у него копейка, так что можно даже и сапоги купить, и костюм поправить, чтобы на уроки ходить...	1102. Г., Р.
1103. гм...	1103. С.
1104. Ну, а дальше? На пятаки-то что ж я сделаю? Мне разве того теперь надобно?	1104. Г., С.
1105. Право, смешно, что я пошел к Разумихину..."	1105. Р., С.
1106. Вопрос, почему он пошел теперь к Разумихину, тревожил его больше, чем даже ему самому казалось; с беспокойством отыскивал он какой-то зловещий для себя смысл в этом, казалось бы, самом обыкновенном поступке.	1106. Р., Г.
1107. "Что ж, неужели я всё дело хотел поправить одним Разумихиным и всему исход нашел в Разумихине?" -- спрашивал он себя с удивлением.	1107. Г., С., Г.
1108. Он думал и тер себе лоб,	1108. Р., А., С.
1109. и, странное дело, как-то невзначай, вдруг и почти сама собой, после очень долгого раздумья, пришла ему в голову одна престранная мысль.	1109. Р., А., С.

1110. "Гм...	1110. С.
1111. к Разумихину, -- проговорил он вдруг совершенно спокойно, как бы в смысле окончательного решения, -- к Разумихину я пойду, это конечно...	1111. Р., А., С.
1112. но -- не теперь... Я к нему... на другой день, после *того* пойду, когда уже *то* будет кончено и когда всё по-новому пойдет..."	1112. Р., Г., С.
1113. И вдруг он опомнился.	1113. А., С.
1114. "После *того,* -- вскрикнул он, срываясь со скамейки, -- да разве *то* будет? Неужели в самом деле будет?"	1114. Г., А., С.
1115. Он бросил скамейку и пошел, почти побежал;	1115. А., С.
1116. он хотел было поворотить назад, к дому, но домой идти ему стало вдруг ужасно противно:	1116. Р., С., Г.
1117. там-то, в углу, в этом-то ужасном шкафу и созревало всё *это* вот уже более месяца,	1117. Г., С., Р.
1118. и он пошел куда глаза глядят.	1118. А., С.
1119. Нервная дрожь его перешла в какую-то лихорадочную; он чувствовал даже озноб; на такой жаре ему становилось холодно.	1119. Р., С.
1120. Как бы с усилием начал он, почти бессознательно, по какой-то внутренней необходимости, всматриваться во все встречавшиеся предметы, как будто ища усиленно развлечения, но это плохо удавалось ему, и он поминутно впадал в задумчивость. Когда же опять, вздрагивая, поднимал голову и оглядывался кругом, то тотчас же забывал, о чем сейчас думал и даже где проходил.	1120. Р., С., А.
1121. Таким образом прошел он весь Васильевский остров, вышел на Малую Неву, перешел мост и поворотил на Острова.	1121. Р.
1122. Зелень и свежесть понравились сначала его усталым глазам, привыкшим к городской пыли, к известке и к громадным, теснящим и давящим домам. Тут не было ни духоты, ни вони, ни распивочных.	1122. Р., С.
1123. Но скоро и эти новые, приятные ощущения перешли в болезненные и раздражающие.	1123. Р., С.
1124. Иногда он останавливался перед какою-нибудь изукрашенною в зелени дачей, смотрел в ограду, видел вдали, на балконах и на террасах, разряженных женщин и бегающих в саду детей.	1124. А., Р., С.
1125. Особенно занимали его цветы; он на них всего дольше смотрел.	1125. Р., С.
1126. Встречались ему тоже пышные коляски, наездники и наездницы; он провожал их с любопытством глазами и забывал о них прежде, чем они скрывались из глаз.	1126. А., Р., С.
1127. Раз он остановился и пересчитал свои деньги: оказалось около тридцати копеек. "Двадцать городовому, три Настасье за письмо, -- значит, Мармеладовым дал вчера копеек сорок семь али пятьдесят", -- подумал он, для чего-то рассчитывая,	1127. А., Р.
1128. но скоро забыл даже, для чего и деньги вытащил из кармана. Он вспомнил об этом, проходя мимо одного съестного заведения, вроде харчевни, и почувствовал, что ему хочется есть.	1128. Р., С.
1129. Войдя в харчевню, он выпил рюмку водки и съел с какою-то начинкой пирог.	1129. А., Р.

1130. Доел он его опять на дороге.	1130. А., Р.
1131. Он очень давно не пил водки, и она мигом подействовала, хотя выпита была всего одна рюмка. Ноги его вдруг отяжелели, и он начал чувствовать сильный позыв ко сну.	1131. Р.
1132. Он пошел домой; но дойдя уже до Петровского острова, остановился в полном изнеможении, сошел с дороги, вошел в кусты, пал на траву и в ту же минуту заснул.	1132. А., Р.
1133. В болезненном состоянии сны отличаются часто необыкновенною выпуклостию, яркостью и чрезвычайным сходством с действительностью. Слагается иногда картина чудовищная, но обстановка и весь процесс всего представления бывают при этом до того вероятны и с такими тонкими, неожиданными, но художественно соответствующими всей полноте картины подробностями, что их и не выдумать наяву этому же самому сновидцу,	1133. Р.
1134. будь он такой же художник, как Пушкин или Тургенев.	1134. Р.
1135. Такие сны, болезненные сны, всегда долго помнятся и производят сильное впечатление на расстроенный и уже возбужденный организм человека.	1135. Р., С.
1136. Страшный сон приснился Раскольникову.	1136. А., Р.
1137. Приснилось ему его детство, еще в их городке. Он лет семи и гуляет в праздничный день, под вечер, с своим отцом за городом.	1137. Р.
1138. Время серенькое, день удушливый, местность совершенно такая же, как уцелела в его памяти:	1138. Р., С.
1139. даже в памяти его она гораздо более изгладилась, чем представлялась теперь во сне.	1139. Р., С.
1140. Городок стоит открыто, как на ладони, кругом ни ветлы;	1140. Р.
1141. где-то очень далеко, на самом краю неба, чернеется лесок.	1141. Р.
1142. В нескольких шагах от последнего городского огорода стоит кабак, большой кабак, всегда производивший на него неприятнейшее впечатление и даже страх, когда он проходил мимо его, гуляя с отцом.	1142. Р., С.
1143. Там всегда была такая толпа, так орали, хохотали, ругались, так безобразно и сипло пели и так часто дрались; кругом кабака шлялись всегда такие пьяные и страшные рожи...	1143. Р., С.
1144. Встречаясь с ними, он тесно прижимался к отцу и весь дрожал.	1144. А., С.
1145. Возле кабака дорога, проселок, всегда пыльная, и пыль на ней всегда такая черная.	1145. Р., С.
1146. Идет она, извиваясь, далее и шагах в трехстах огибает вправо городское кладбище. Среди кладбища каменная церковь с зеленым куполом, в которую он раза два в год ходил с отцом и с матерью к обедне, когда служились панихиды по его бабушке, умершей уже давно, и которую он никогда не видал. При этом всегда они брали с собою кутью на белом блюде, в салфетке, а кутья была сахарная из рису и изюму, вдавленного в рис крестом.	1146. Р.
1147. Он любил эту церковь и старинные в ней образа, большею частию без окладов, и старого священника с дрожащею головой.	1147. Р., С.
1148. Подле бабушкиной могилы, на которой была плита, была и маленькая могилка его меньшого брата, умершего шести месяцев и которого он тоже совсем не знал и не мог помнить; но ему	1148. Р.

сказали, что у него был маленький брат, и	
1149. он каждый раз, как посещал кладбище, религиозно и почтительно крестился над могилкой, кланялся ей и целовал ее.	1149. Р., С.
1150. И вот снится ему: они идут с отцом по дороге к кладбищу и проходят мимо кабака; он держит отца за руку и со страхом оглядывается на кабак.	1150. А., Р., С
1151. Особенное обстоятельство привлекает его внимание: на этот раз тут как будто гулянье, толпа разодетых мещанок, баб, их мужей и всякого сброду. Все пьяны, все поют песни, а подле кабачного крыльца стоит телега,	1151. Р., Г.
1152. но странная телега. Это одна из тех больших телег, в которые впрягают больших ломовых лошадей и перевозят в них товары и винные бочки.	1152. Р., Г.
1153. Он всегда любил смотреть на этих огромных ломовых коней, долгогривых, с толстыми ногами, идущих спокойно, мерным шагом и везущих за собою какую-нибудь целую гору, нисколько не надсаждаясь, как будто им с возами даже легче, чем без возов.	1153. Р., С.
1154. Но теперь, странное дело, в большую такую телегу впряжена была маленькая, тощая, саврасая крестьянская клячонка, одна из тех, которые -- он часто это видел -- надрываются иной раз с высоким каким-нибудь возом дров или сена, особенно коли воз застрянет в грязи или в колее,	1154. Р., С.
1155. и при этом их так больно, так больно бьют всегда мужики кнутами, иной раз даже по самой морде и по глазам,	1155. Р., С.
1156. а ему так жалко, так жалко на это смотреть, что он чуть не плачет,	1156. Р., С.
1157. а мамаша всегда, бывало, отводит его от окошка.	1157. А., С.
1158. Но вот вдруг становится очень шумно: из кабака выходят с криками, с песнями, с балалайками пьяные-препьяные большие такие мужики в красных и синих рубашках, с армяками внакидку.	1158. Р., А.
1159. "Садись, все садись! -- кричит один,	1159. А., С.
1160. еще молодой, с толстою такою шеей и с мясистым, красным, как морковь, лицом,	1160. Р., С.
1161. - всех довезу, садись!"	1161. А., С.
1162. Но тотчас же раздается смех и восклицанья:	1162. Р.
1163. -- Этака кляча да повезет!	1163. Р., С.
1164. -- Да ты, Миколка, в уме, что ли: этаку кобыленку в таку телегу запрег!	1164. Р., С.
1165. -- А ведь савраске-то беспременно лет двадцать уж будет, братцы!	1165. Р., С.
1166. -- Садись, всех довезу! -- опять кричит Миколка,	1166. А., С.
1167. прыгая первый в телегу, берет вожжи и становится на передке во весь рост	1167. А.
1168. . -- Гнедой даве с Матвеем ушел, -- кричит он с телеги, -- а кобыленка этта, братцы, только сердце мое надрывает: так бы, кажись, ее и убил, даром хлеб ест.	1168. Р., С.
1169. Говорю садись! Вскачь пущу! Вскачь пойдет!	1169. Р., С.
1170. -- И он берет в руки кнут, с наслаждением готовясь сечь савраску.	1170. А., С.
1171. -- Да садись, чего! -- хохочут в толпе.	1171. А., С.
1172. -- Слышь, вскачь пойдет!	1172. А., Р.

1173. -- Она вскачь-то уж десять лет, поди, не прыгала.	1173. А.. Р.
1174. -- Запрыгает!	1174. А., Р.
1175. -- Не жалей, братцы, бери всяк кнуты, зготовляй!	1175. А., Р.
1176. -- И то! Секи ее!	1176. А., Р.
1177. Все лезут в Миколкину телегу	1177. А.
1178. с хохотом и остротами. Налезло человек шесть, и еще можно посадить.	1178. Р.
1179. Берут с собою одну бабу, толстую и румяную. Она в кумачах, в кичке с бисером, на ногах коты, щелкает орешки и посмеивается.	1179. Р.
1180. Кругом в толпе тоже смеются, да и впрямь, как не смеяться: этака лядащая кобыленка да таку тягость вскачь везти будет!	1180. Р., С.
1181. Два парня в телеге тотчас же берут по кнуту, чтобы помогать Миколке.	1181. А.
1182. Раздается: "ну!",	1182. А.
1183. клячонка дергает изо всей силы,	1183. А.
1184. но не только вскачь, а даже и шагом-то чуть-чуть может справиться,	1184. Р., С.
1185. только семенит ногами, кряхтит и приседает от ударов трех кнутов, сыплющихся на нее, как горох.	1185. А., С.
1186. Смех в телеге и в толпе удвоивается,	1186. А., С.
1187. но Миколка сердится и в ярости	1187. Р.
1188. сечет учащенными ударами кобыленку,	1188. А.
1189. точно и впрямь полагает, что она вскачь пойдет.	1189. Р., С.
1190. -- Пусти и меня, братцы! -- кричит один разлакомившийся парень из толпы.	1190. А., Р., С.
1191. -- Садись! Все садись! -- кричит Миколка, -- всех повезет. Засеку! -- И хлещет, хлещет,	1191. А., Р., С.
1192. и уже не знает, чем и бить от остервенения.	1192. Р., С.
1193. -- Папочка, папочка, -- кричит он отцу, -- папочка, что они делают? Папочка, бедную лошадку бьют!	1193. А., Р., С.
1194. -- Пойдем, пойдем! -- говорит отец, -- пьяные, шалят, дураки: пойдем, не смотри! -- и хочет увести его,	1194. А., Р., С.
1195. но он вырывается из его рук и, не помня себя, бежит к лошадке.	1195. А., С.
1196. Но уж бедной лошадке плохо. Она задыхается,	1196. Р., С.
1197. останавливается, опять дергает, чуть не падает.	1197. А., С.
1198. -- Секи до смерти! -- кричит Миколка, -- на то пошло. Засеку!	1198. А., Р., С.
1199. -- Да что на тебе креста, что ли, нет, леший! -- кричит один старик из толпы.	1199. А., Р., С.
1200. -- Видано ль, чтобы така лошаденка таку поклажу везла, -- прибавляет другой.	1200. Р., А.
1201. -- Заморишь! -- кричит третий.	1201. А., Р., С.
1202. -- Не трожь!	1202. С.
1203. Мое добро! Что хочу, то и делаю.	1203. Р., С.
1204. Садись еще! Все садись!	1204. А., С.
1205. Хочу, чтобы беспременно вскачь пошла!..	1205. Р., С.
1206. Вдруг хохот раздается залпом и покрывает всё:	1206. А., С.
1207. кобыленка не вынесла учащенных ударов и в бессилии начала лягаться.	1207. А., Р., С.

1208. Даже старик не выдержал и усмехнулся. И впрямь: этака лядащая кобыленка, а еще лягается!	1208. Р., С.
1209. Два парня из толпы достают еще по кнуту и бегут к лошаденке сечь ее с боков. Каждый бежит с своей стороны.	1209. А., Р., С.
1210. -- По морде ее, по глазам хлещи, по глазам! -- кричит Миколка.	1210. А., С.
1211. -- Песню, братцы! -- кричит кто-то с телеги, и все в телеге подхватывают.	1211. А., С.
1212. Раздается разгульная песня, брякает бубен, в припевах свист.	1212. А., С.
1213. Бабенка щелкает орешки и посмеивается.	1213. Р., С.
1214. ...Он бежит подле лошадки, он забегает вперед,	1214. А., С.
1215. он видит, как ее секут по глазам, по самым глазам!	1215. Р., С.
1216. Он плачет.	1216. А., С.
1217. Сердце в нем поднимается,	1217. С.
1218. слезы текут.	1218. А., С.
1219. Один из секущих задевает его по лицу;	1219. А., С.
1220. он не чувствует,	1220. Р., С.
1221. он ломает свои руки, кричит,	1221. А., С.
1222. бросается к седому старику с седою бородой, который качает головой и осуждает всё это.	1222. А., Р., С.
1223. Одна баба берет его за руку и хочет увесть; но он вырывается и опять бежит к лошадке.	1223. А., С.
1224. Та уже при последних усилиях, но еще раз начинает лягаться.	1224. А., Р., С.
1225. -- А чтобы те леший! -- вскрикивает в ярости Миколка.	1225. А., С.
1226. Он бросает кнут, нагибается и вытаскивает со дна телеги длинную и толстую оглоблю, берет ее за конец в обе руки и с усилием размахивается над савраской.	1226. А., С.
1227. -- Разразит! -- кричат кругом. -- Убьет!	1227. Р., С.
1228. -- Мое добро! -- кричит Миколка и со всего размаху опускает оглоблю. Раздается тяжелый удар.	1228. А., Р., С.
1229. -- Секи ее, секи! Что стали! -- кричат голоса из толпы.	1229. А., Р., С.
1230. А Миколка намахивается в другой раз, и другой удар со всего размаху ложится на спину	1230. А.
1231. несчастной клячи.	1231. Р., С.
1232. Она вся оседает всем задом, но вспрыгивает и дергает, дергает из всех последних сил в разные стороны, чтобы вывезти;	1232. А, С.
1233. но со всех сторон принимают ее в шесть кнутов,	1233. С., А.
1234. а оглобля снова вздымается и падает в третий раз, потом в четвертый, мерно, с размаха.	1234. А., С.
1235. Миколка в бешенстве, что не может с одного удара убить.	1235. Р.
1236. -- Живуча! -- кричат кругом.	1236. А., С.
1237. -- Сейчас беспременно падет, братцы, тут ей и конец! -- кричит из толпы один любитель.	1237. Р., С.
1238. -- Топором ее, чего! Покончить с ней разом, -- кричит третий.	1238. Р., С.
1239. -- Эх, ешь те комары! Расступись! -- неистово вскрикивает Миколка,	1239. А., С.
1240. бросает оглоблю, снова нагибается в телегу и вытаскивает железный лом.	1240. А., Р.

1241. -- Берегись! -- кричит он и что есть силы огорошивает с размаху свою бедную лошаденку.	1241. А., С.
1242. Удар рухнул; кобыленка зашаталась, осела, хотела было дернуть,	1242. А.
1243. но лом снова со всего размаху ложится ей на спину, и она падает на землю,	1243. А., С.
1244. точно ей подсекли все четыре ноги разом.	1244. С.
1245. -- Добивай! -- кричит Миколка и вскакивает, словно себя не помня, с телеги.	1245. А., С.
1246. Несколько парней, тоже красных и пьяных, схватывают что попало -- кнуты, палки, оглоблю, и бегут к издыхающей кобыленке.	1246. А., Р.
1247. Миколка становится сбоку и начинает бить ломом зря по спине.	1247. А., С.
1248. Кляча протягивает морду, тяжело вздыхает и умирает.	1248. А., С.
1249. -- Доконал! -- кричат в толпе.	1249. Р., С.
1250. -- А зачем вскачь не шла!	1250. Р., С.
1251. -- Мое добро! -- кричит Миколка,	1251. Р., С., С.
1252. с ломом в руках и с налитыми кровью глазами. Он стоит будто жалея, что уж некого больше бить.	1252. Р., С.
1253. -- Ну и впрямь, знать, креста на тебе нет! -- кричат из толпы уже многие голоса.	1253. С., А.
1254. Но бедный мальчик уже не помнит себя.	1254. Р., С.
1255. С криком пробивается он сквозь толпу к савраске, обхватывает ее мертвую, окровавленную морду и целует ее, целует ее в глаза, в губы...	1255. А., С.
1256. Потом вдруг вскакивает и в исступлении бросается с своими кулачонками на Миколку.	1256. А., С.
1257. В этот миг отец, уже долго гонявшийся за ним, схватывает его наконец и выносит из толпы.	1257. А., Р.
1258. -- Пойдем! пойдем! -- говорит он ему, -- домой пойдем!	1258. А., С.
1259. -- Папочка! За что они... бедную лошадку... убили! -- всхлипывает он,	1259. А., Р., С., Г.
1260. но дыханье ему захватывает, и слова криками вырываются из его стесненной груди.	1260. Р., С.
1261. -- Пьяные, шалят, не наше дело, пойдем! -- говорит отец.	1261. Р., С.
1262. Он обхватывает отца руками,	1262. А.
1263. но грудь ему теснит, теснит. Он хочет перевести дыхание, вскрикнуть,	1263. Р., С.
1264. и просыпается.	1264. А.
1265. Он проснулся весь в поту, с мокрыми от поту волосами, задыхаясь, и приподнялся в ужасе.	1265. Р., С.
1266. "Слава богу, это только сон! -- сказал он,	1266. Р., С.
1267. садясь под деревом и глубоко переводя дыхание. –	1267. А., С. (облегчение)
1268. - Но что это? Уж не горячка ли во мне начинается: такой безобразный сон!"	1268. Г., Р., С.
1269. Всё тело его было как бы разбито; смутно и темно на душе.	1269. Р., С.
1270. Он положил локти на колена и подпер обеими руками голову.	1270. А.
1271. "Боже! -- воскликнул он,	1271. С.
1272. -- да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор,	1272. Р., Г., С.

стану бить по голове, размозжу ей череп... буду скользить в липкой, теплой крови, взламывать замок, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью... с топором...	
1273. Господи, неужели?"	1273. С.
1274. Он дрожал как лист, говоря это.	1274. А., С.
1275. "Да что же это я! -- продолжал он, восклоняясь опять и как бы в глубоком изумлении, -	1275. А., Р., С.
1276. - ведь я знал же, что я этого не вынесу, так чего ж я до сих пор себя мучил?	1276. Г., Р.
1277. Ведь еще вчера, вчера, когда я пошел делать эту...	1277. Р., С., Г.
1278. *пробу,*	1278. Г.
1279. ведь я вчера же понял совершенно, что не вытерплю... Чего ж я теперь-то?	1279. Г., Р.
1280. Чего ж я еще до сих пор сомневался?	1280. Г.
1281. Ведь вчера же, сходя с лестницы, я сам сказал, что это подло, гадко, низко, низко...	1281. Р., Г.
1282. ведь меня от одной мысли *наяву* стошнило и в ужас бросило...	1282. Р., Г., С.
1283. Нет, я не вытерплю, не вытерплю!	1283. С.
1284. Пусть, пусть даже нет никаких сомнений во всех этих расчетах, будь это всё, что решено в этот месяц, ясно как день, справедливо как арифметика.	1284. Р., Г.
1285. Господи! Ведь я всё же равно не решусь! Я ведь не вытерплю, не вытерплю!.. Чего же, чего же и до сих пор..."	1285. Р., С.
1286. Он встал на ноги, в удивлении осмотрелся кругом, как бы дивясь и тому, что зашел сюда,	1286. А., С.
1287. и пошел на Т -- в мост.	1287. Р.
1288. Он был бледен, глаза его горели,	1288. Р., С.
1289. изнеможение было во всех его членах, но ему вдруг стало дышать как бы легче.	1289. Р., С.
1290. Он почувствовал, что уже сбросил с себя это страшное бремя, давившее его так долго, и на душе его стало вдруг легко и мирно.	1290. Р., Г., С.
1291. "Господи! -- молил он, -- покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой...	1291. А., Р., Г., С.
1292. мечты моей!"	1292. Г., С.
1293. Проходя чрез мост, он тихо и спокойно смотрел на Неву, на яркий закат яркого, красного солнца.	1293. Р., А., С.
1294. Несмотря на слабость свою, он даже не ощущал в себе усталости.	1294. Р., С.
1295. Точно нарыв на сердце его, нарывавший весь месяц, вдруг прорвался.	1295. С., Г.
1296. Свобода, свобода! Он свободен теперь от этих чар, от колдовства, обаяния, от наваждения!	1296. С., Г.
1297. Впоследствии, когда он припоминал это время и всё, что случилось с ним в эти дни, минуту за минутой, пункт за пунктом, черту за чертой,	1297. Р., А.
1298. его до суеверия поражало всегда одно обстоятельство, хотя в сущности и не очень необычайное, но которое постоянно казалось ему потом как бы каким-то предопределением судьбы его.	1298. Р., С.
Именно:	

1299. он никак не мог понять и объяснить себе, почему он, усталый, измученный, которому было бы всего выгоднее возвратиться домой самым кратчайшим и прямым путем, воротился домой через Сенную площадь, на которую ему было совсем лишнее идти.	1299. Р., А., Г.
1300. Крюк был небольшой, но очевидный и совершенно ненужный.	1300. Р.
1301. Конечно, десятки раз случалось ему возвращаться домой, не помня улиц, по которым он шел.	1301. Р.
1302. Но зачем же, спрашивал он всегда, зачем же такая важная, такая решительная для него и в то же время такая в высшей степени случайная встреча на Сенной (по которой даже и идти ему незачем) подошла как раз теперь к такому часу, к такой минуте в его жизни, именно к такому настроению его духа и к таким именно обстоятельствам, при которых только и могла она, эта встреча, произвести самое решительное и самое окончательное действие на всю судьбу его?	1302. Г., Р., С.
1303. Точно тут нарочно поджидала его!	1303. Г., С.
1304. Было около девяти часов, когда он проходил по Сенной.	1304. Р.
1305. Все торговцы на столах, на лотках, в лавках и в лавочках запирали свои заведения, или снимали и прибирали свой товар, и расходились по домам, равно как и их покупатели. Около харчевен в нижних этажах,	1305. А., Р.
1306. на грязных и вонючих дворах	1306. Р., С.
1307. домов Сенной площади, а наиболее у распивочных, толпилось много разного и всякого сорта промышленников и лохмотников.	1307. Р., С.
1308. Раскольников преимущественно любил эти места, равно как и все близлежащие переулки, когда выходил без цели на улицу. Тут лохмотья его не обращали на себя ничьего	1308. Р.
1309. высокомерного внимания,	1309. С.
1310. и можно было ходить в каком угодно виде, никого не скандализируя.	1310. Р.
1311. У самого К--ного переулка, на углу,	1311. Р.
1312. мещанин и баба, жена его, торговали с двух столов товаром: нитками, тесемками, платками ситцевыми и т. п.	1312. Р.
1313. Они тоже поднимались домой, но замешкались, разговаривая с подошедшею знакомой.	1313. Р., А.
1314. Знакомая эта была Лизавета Ивановна, или просто, как все звали ее, Лизавета, младшая сестра той самой старухи Алены Ивановны, коллежской регистраторши и процентщицы, у которой вчера был Раскольников, приходивший закладывать ей часы и делать свою *пробу*...	1314. Р., Г.
1315. Он давно уже знал всё про эту Лизавету, и даже та его знала немного.	1315. Р.
1316. Это была высокая, неуклюжая, робкая и смиренная девка, чуть не идиотка, тридцати пяти лет, бывшая в полном рабстве у сестры своей, работавшая на нее день и ночь, трепетавшая перед ней и терпевшая от нее даже побои.	1316. Р.
1317. Она стояла в раздумье с узлом перед мещанином и бабой и внимательно слушала их.	1317. А.
1318. Те что-то ей с особенным жаром толковали.	1318. Р., С

1319. Когда Раскольников вдруг увидел ее, какое-то странное ощущение, похожее на глубочайшее изумление, охватило его, хотя во встрече этой не было ничего изумительного.	1319. А., Р., Г., С.
1320. -- Вы бы, Лизавета Ивановна, и порешили самолично, -- громко говорил мещанин. -- Приходите-тко завтра, часу в семом-с. И те прибудут.	1320. А., Р., Г.,
1321. -- Завтра? -- протяжно и задумчиво сказала Лизавета, как будто не решаясь.	1321. А., С.
1322. -- Эк ведь вам Алена-то Ивановна страху задала! -- затараторила жена торговца, бойкая бабенка.	1322. А., Р., С.
-- Посмотрю я на вас, совсем-то вы как робенок малый. И сестра она вам не родная, а сведенная, а вот какую волю взяла.	
1323. -- Да вы на сей раз Алене Ивановне ничего не говорите-с, -- перебил муж, -- вот мой совет-с, а зайдите к нам не просясь.	1323. А., Р.
1324. Оно дело выгодное-с. Потом и сестрица сами могут сообразить.	1324. Р., Г.
1325. -- Аль зайти?	1325. А., С.
1326. -- В семом часу, завтра; и от тех прибудут-с; самолично и порешите-с.	1326. Р.
1327. -- И самоварчик поставим, -- прибавила жена.	1327. А., Р., С.
1328. -- Хорошо, приду, -- проговорила Лизавета, всё еще раздумывая,	1328. А., Р., С.
1329. и медленно стала с места трогаться.	1329. А.
1330. Раскольников тут уже прошел и не слыхал больше. Он проходил тихо, незаметно, стараясь не проронить ни единого слова.	1330. А., Р., Г., С.
1331. Первоначальное изумление его мало-помалу сменилось ужасом, как будто мороз прошел по спине его.	1331. Р., Г., С.
1332. Он узнал, он вдруг, внезапно и совершенно неожиданно узнал,	1332. Р., Г., С.
1333. что завтра, ровно в семь часов вечера, Лизаветы, старухиной сестры и единственной ее сожительницы, дома не будет и что, стало быть, старуха, ровно в семь часов вечера,	1333. Р., Г., С.
останется дома одна.	1334. Р.
1334. До его квартиры оставалось только несколько шагов.	1335. А., Р., Г., С.
1335. Он вошел к себе, как приговоренный к смерти.	
1336. Ни о чем он не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли	1336. Р., Г., С.
1337. и что всё вдруг решено окончательно.	1337. Р., Г.
1338. Конечно, если бы даже целые годы приходилось ему ждать удобного случая, то и тогда, имея замысел, нельзя было рассчитывать наверное, на более очевидный шаг к успеху этого замысла, как тот, который представлялся вдруг сейчас.	1338. Р., Г., С.
1339. Во всяком случае, трудно было бы узнать накануне и наверно, с большею точностию и с наименьшим риском, без всяких опасных расспросов и разыскиваний, что завтра, в таком-то часу, такая-то старуха, на которую готовится покушение, будет дома одна-одинехонька.	1339. Р., Г.
VI	

1340. Впоследствии Раскольникову случилось как-то узнать, зачем именно мещанин и баба приглашали к себе Лизавету. Дело было самое обыкновенное и не заключало в себе ничего такого особенного. Приезжее и забедневшее семейство продавало вещи, платье и проч., всё женское.	1340. А., Р., Г., С.
1341. Так как на рынке продавать невыгодно, то и искали торговку, а Лизавета этим занималась: брала комиссии, ходила по делам и имела большую практику, потому что	1341. Р.
1342. была очень честна и всегда говорила крайнюю цену: какую цену скажет, так тому и быть. Говорила же вообще мало, и как уже сказано, была такая смиренная и пугливая...	1342. Р., С.
1343. Но Раскольников в последнее время стал суеверен.	1343. Р., Г.,С.
1344. Следы суеверия оставались в нем еще долго спустя, почти неизгладимо. И во всём этом деле он всегда потом наклонен был видеть некоторую как бы странность, таинственность, как будто присутствие каких-то особых влияний и совпадений.	1344. Р., Г., С.
1345. Еще зимой один знакомый ему студент, Покорев, уезжая в Харьков, сообщил ему как-то в разговоре адрес старухи Алены Ивановны, если бы на случай пришлось ему что заложить.	1345. Р., Г.
1346. Долго он не ходил к ней, потому что уроки были и как-нибудь да пробивался.	1346. Р.
1347. Месяца полтора назад он вспомнил про адрес;	1347. А., Р.
1348. у него были две вещи, годные к закладу: старые отцовские серебряные часы и маленькое золотое колечко с тремя какими-то красными камешками, подаренное ему при прощании сестрой, на память.	1348. А., Р., С.
1349. Он решил отнести колечко;	1349. Р.
1350. разыскав старуху, с первого же взгляда, еще ничего не зная о ней особенного, почувствовал к ней непреодолимое отвращение,	1350. А., Р., Г., С.
1351. взял у нее два "билетика" и по дороге зашел в один плохонький трактиришко. Он спросил чаю, сел и крепко задумался.	1351. А., Р., Г., С.
1352. Странная мысль наклевывалась в его голове, как из яйца цыпленок,	1352. Р., Г., С.
1353. и очень, очень занимала его.	1353. Р., Г., С.
1354. Почти рядом с ним на другом столике сидел студент, которого он совсем не знал и не помнил, и молодой офицер.	1354. Р.
1355. Они сыграли на биллиарде и стали пить чай.	1355. А.
1356. Вдруг он услышал, что студент говорит офицеру про процентщицу, Алену Ивановну, коллежскую секретаршу, и сообщает ему ее адрес.	1356. А., Р., Г.
1357. Это уже одно показалось Раскольникову как-то странным: он сейчас оттуда, а тут как раз про нее же.	1357. Р., Г., С.
1358. Конечно, случайность, но он вот не может отвязаться теперь от одного весьма необыкновенного впечатления, а тут как раз ему как будто кто-то подслуживается: студент вдруг начинает сообщать товарищу об этой Алене Ивановне разные подробности.	1358. Р., Г., С.
1359. -- Славная она, -- говорил он, -- у ней всегда можно денег достать.	1359. А., Р., Г., С.
1360. Богата как жид, может сразу пять тысяч выдать, а и рублевым закладом не брезгает.	1360. Р., Г., С.

1361. Наших много у ней перебывало.	1361. Р.
1362. Только стерва ужасная...	1362. Р., С.
1363. И он стал рассказывать, какая она злая, капризная, что стоит только одним днем просрочить заклад, и пропала вещь. Дает вчетверо меньше, чем стоит вещь, а процентов по пяти и даже по семи берет в месяц и т. д.	1363. А., Р., С.
1364. Студент разболтался и сообщил, кроме того, что у старухи есть сестра, Лизавета, которую	1364. Р.
1365. она, такая маленькая и гаденькая,	1365. Р., С.
1366. бьет поминутно и держит в совершенном порабощении, как маленького ребенка, тогда как Лизавета, по крайней мере, восьми вершков росту...	1366. Р., С.
1367. -- Вот ведь тоже феномен! -- вскричал студент и захохотал.	1367. А., Р., С.
1368. Они стали говорить о Лизавете.	1368. А., Р.,
1369. Студент рассказывал о ней с каким-то особенным удовольствием и всё смеялся, а офицер с большим интересом слушал и просил студента прислать ему эту Лизавету для починки белья.	1369. Р., С.
1370. Раскольников не проронил ни одного слова и зараз всё узнал:	1370. А., Р., Г.
1371. Лизавета была младшая, сводная (от разных матерей) сестра старухи, и было ей уже тридцать пять лет. Она работала на сестру день и ночь, была в доме вместо кухарки и прачки и, кроме того, шила на продажу, даже полы мыть нанималась, и всё сестре отдавала. Никакого заказу и никакой работы не смела взять на себя без позволения старухи.	1371. Р.
1372. Старуха же уже сделала свое завещание, что известно было самой Лизавете, которой по завещанию не доставалось ни гроша, кроме движимости, стульев и прочего; деньги же все назначались в один монастырь в Н - й губернии, на вечный помин души.	1372. Р., С.
1373. Была же Лизавета мещанка, а не чиновница, девица, и собой ужасно нескладная, росту замечательно высокого, с длинными, как будто вывернутыми ножищами, всегда в стоптанных козловых башмаках, и держала себя чистоплотно.	1373. Р., С.
1374. Главное же, чему удивлялся и смеялся студент, было то, что Лизавета поминутно была беременна...	1374. Р., С.
1375. -- Да ведь ты говоришь, она урод? -- заметил офицер.	1375. А., Р.
1376. -- Да, смуглая такая, точно солдат переряженный, но знаешь, совсем не урод. У нее такое доброе лицо и глаза. Очень даже. Доказательство -- многим нравится. Тихая такая, кроткая, безответная, согласная, на всё согласная. А улыбка у ней даже очень хороша.	1376. Р., С.
1377. -- Да ведь она и тебе нравится? -- засмеялся офицер.	1377. А., Р.,
1378. -- Из странности.	1378. Р.
1379. Нет, вот что я тебе скажу. Я бы эту проклятую старуху убил и ограбил,	1379. А., Р., Г., С.
1380. и уверяю тебя, что без всякого зазору совести, -- с жаром прибавил студент.	1380. А., Р., Г., С.
1381. Офицер опять захохотал,	1381. А.
1382. а Раскольников вздрогнул. Как это было странно!	1382. А., Г., С.
1383. -- Позволь, я тебе серьезный вопрос задать хочу, --	1383. А., Г., С.

загорячился студент. -- Я сейчас, конечно, пошутил, но смотри: с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет.	
1384. Понимаешь? Понимаешь? -- Ну, понимаю, -- отвечал офицер, внимательно уставясь в горячившегося товарища.	1384. А., Р., Г., С.
1385. -- Слушай дальше.	1385. А.
1386. С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических больниц, -- и всё это на ее деньги.	1386. Р., Г., С.
1387. Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощию посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленьице тысячами добрых дел? За одну жизнь -- тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен -- да ведь тут арифметика!	1387. Р., Г., С.
1388. Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит,	1388. Р., С.,Г.
1389. потому что старушонка вредна. Она чужую жизнь заедает: она намедни Лизавете палец со зла укусила; чуть-чуть не отрезали!	1389. Р., С.
1390. -- Конечно, она недостойна жить, -- заметил офицер,	1390. А., Р., С.
1391. -- но ведь тут природа. -- Эх, брат, да ведь природу поправляют и направляют, а без этого пришлось бы потонуть в предрассудках.	1391. А., Р., С.
1392. Без этого ни одного бы великого человека не было.	1392. Р., Г.
1393. Говорят: "долг, совесть", -- я ничего не хочу говорить против долга и совести, -- но ведь как мы их понимаем?	1393. Р., Г.
1394. Стой, я тебе еще задам один вопрос. Слушай!	1394. А., С.
1395. -- Нет, ты стой; я тебе задам вопрос. Слушай!	1395. А., С.
1396. -- Ну!	1396. А., С.
1397. -- Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты *сам* старуху или нет?	1397. Р., Г., С. 1398. Р., Г., С.
1398. -- Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут и дело...	
1399. -- А по-моему, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой и справедливости!	1399. Р., Г.
1400. Пойдем еще партию!	1400. А.
1401. Раскольников был в чрезвычайном волнении.	1401. Р., Г., С.
1402. Конечно, всё это были самые обыкновенные и самые частые, не раз уже слышанные им, в других только формах и на другие темы, молодые разговоры и мысли. Но почему именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговор и такие мысли, когда в собственной голове его только что зародились...	1402. Р., Г., С.
1403. *такие же точно мысли?*	1403. Р., С.

1404. И почему именно сейчас, как только он вынес зародыш своей мысли от старухи, как раз и попадает он на разговор о старухе?.. Странным всегда казалось ему это совпадение.	1404. Р., Г., С.
1405. Этот ничтожный, трактирный разговор имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела: как будто действительно было тут какое-то предопределение, указание...	1405. Р., Г.
. . . . .	
1406. Возвратясь с Сенной, он бросился на диван и целый час просидел без движения.	1406. А., Р., С.
1407. Между тем стемнело;	1407. Р.
1408. свечи у него не было, да и в голову не приходило ему зажигать.	1408. Р., С.
1409. Он никогда не мог припомнить: думал ли он о чем-нибудь в то время?	1409. Р., Г., С.
1410. Наконец он почувствовал давешнюю лихорадку, озноб, и с наслаждением догадался, что на диване можно и лечь.	1410. А., Р., С.
1411. Скоро крепкий, свинцовый сон налег на него, как будто придавил.	1411. Р., С.
1412. Он спал необыкновенно долго и без снов.	1412. Р., С.
1413. Настасья, вошедшая к нему в десять часов, на другое утро, насилу дотолкалась его.	1413. А., Р.
1414. Она принесла ему чаю и хлеба. Чай был опять спитой, и опять в ее собственном чайнике.	1414. Р., С.
1415. -- Эк ведь спит! -- вскричала она с негодованием, -- и всё-то он спит!	1415. А., Р., С.
1416. Он приподнялся с усилием.	1416. А., С.
1417. Голова его болела;	1417. Р.,Г., Г.
1418. он встал было на ноги, повернулся в своей каморке и упал опять на диван.	1418. А., С.
1419. -- Опять спать! -- вскричала Настасья,	1419. А., Р., С.
1420. -- да ты болен, что ль?	1420. Г.
1421. Он ничего не отвечал.	1421. А.
1422. -- Чаю-то хошь?	1422. А., Р., Г.
1423. -- После, -- проговорил он с усилием, смыкая опять глаза и оборачиваясь к стене.	1423. А., Г., С.
1424. Настасья постояла над ним.	1424. А.
1425. -- И впрямь, может, болен, -- сказала она,	1425. А., Р., Г.
1426. повернулась и ушла.	1426. А.
1427. Она вошла опять в два часа, с супом. Он лежал как давеча. Чай стоял нетронутый.	1427. А., Р.,С.
1428. Настасья даже обиделась и с злостью стала толкать его.	1428. А., Р.
1429. -- Чего дрыхнешь! -- вскричала она, с отвращением смотря на него.	1429. А., Р., Г., С.
1430. Он приподнялся и сел, но ничего не сказал ей и глядел в землю.	1430. А., С.
1431. -- Болен аль нет? -- спросила Настасья, и	1431. А., Г.
1432. опять не получила ответа.	1432. Р., Г., С.
1433. -- Ты хошь бы на улицу вышел, -- сказала она, помолчав, -- тебя хошь бы ветром обдуло.	1433. А., Р., С.
1434. Есть-то будешь, что ль?	1434. Г.
1435. -- После, -- слабо проговорил он,	1435. А., Г., С.
1436. -- ступай! -- и махнул рукой.	1436. А., С.

1437. Она постояла еще немного, с состраданием посмотрела на него и вышла.	1437. А., С.
1438. Через несколько минут он поднял глаза и долго смотрел на чай и на суп. Потом взял хлеб, взял ложку и стал есть.	1438. А., Г., С.
1439. Он съел немного, без аппетита, ложки три-четыре, как бы машинально.	1439. Р., С.
1440. Голова болела меньше.	1440. Р., Г.
1441. Пообедав, протянулся он опять на диван,	1441. А., С.
1442. но заснуть уже не мог, а лежал без движения, ничком, уткнув лицо в подушку.	1442. Р., Г., С.
1443. Ему всё грезилось,	1443. А., С.
1444. и всё странные такие были грезы:	1444. С.
1445. всего чаще представлялось ему, что он где-то в Африке, в Египте, в каком-то оазисе. Караван отдыхает, смирно лежат верблюды; кругом пальмы растут целым кругом; все обедают.	1445. Р., Г., С.
1446. Он же всё пьет воду, прямо из ручья, который тут же, у бока, течет и журчит.	1446. А., Р.
1447. И прохладно так, и чудесная-чудесная такая голубая вода, холодная, бежит по разноцветным камням и по такому чистому с золотыми блестками песку...	1447. Р., С.
1448. Вдруг он ясно услышал, что бьют часы.	1448. А., Р.
1449. Он вздрогнул, очнулся, приподнял голову, посмотрел в окно,	1449. А., С.
1450. сообразил время и	1450. Р.
1451. вдруг вскочил, совершенно опомнившись, как будто кто его сорвал с дивана.	1451. А., Р., Г., С.
1452. На цыпочках подошел он к двери, приотворил ее тихонько и стал прислушиваться вниз на лестницу.	1452. А., Р., Г., С.
1453. Сердце его страшно билось.	1453. Р., Г., С.
1454. Но на лестнице было всё тихо, точно все спали...	1454. Р., Г., С.
1455. Дико и чудно показалось ему, что он мог проспать в таком забытьи со вчерашнего дня и ничего еще не сделал, ничего не приготовил...	1455. Р., С., Г.
1456. А меж тем, может, и шесть часов било...	1456. Р., Г.
1457. И необыкновенная лихорадочная и какая-то растерявшаяся суета охватила его вдруг, вместо сна и отупения.	1457. Р., Г., С.
1458. Приготовлений, впрочем, было немного.	1458. Р., Г.
1459. Он напрягал все усилия, чтобы всё сообразить и ничего не забыть;	1459. Р., Г.
1460. а сердце всё билось, стукало так, что ему дышать стало тяжело.	1460. Р., С., Г.
1461. Во-первых, надо было петлю сделать и к пальто пришить –	1461. Р., Г.
1462. дело минуты.	1462. С.
1463. Он полез под подушку и отыскал в напиханном под нее белье одну, совершенно развалившуюся, старую, немытую свою рубашку. Из лохмотьев ее он выдрал тесьму, в вершок шириной и вершков в восемь длиной. Эту тесьму сложил он вдвое, снял с себя свое широкое, крепкое, из какой-то толстой бумажной материи летнее пальто (единственное его верхнее платье) и стал пришивать оба конца тесьмы под левую мышку изнутри.	1463. А., Р., Г., С.
1464. Руки его тряслись пришивая, но он одолел и	1464. Р., Г., С.
1465. так, что снаружи ничего не было видно, когда он опять	1465. Р., Г.

надел пальто.	
1466. Иголка и нитки были у него уже давно приготовлены и лежали в столике, в бумажке.	1466. Р., Г., С.
1467. Что же касается петли, то это была очень ловкая его собственная выдумка: петля назначалась для топора. Нельзя же было по улице нести топор в руках. А если под пальто спрятать, то все-таки надо было рукой придерживать, что было бы приметно. Теперь же, с петлей, стоит только вложить в нее лезвие топора, и он будет висеть спокойно, под мышкой изнутри, всю дорогу. Запустив же руку в боковой карман пальто, он мог и конец топорной ручки придерживать, чтоб она не болталась; а так как пальто было очень широкое, настоящий мешок, то и не могло быть приметно снаружи, что он что-то рукой, через карман, придерживает.	1467. Р., Г., С.
1468. Эту петлю он тоже уже две недели назад придумал.	1468. Р., Г., С.
1469. Покончив с этим, он просунул пальцы в маленькую щель, между его "турецким" диваном и полом, пошарил около левого угла и вытащил давно уже приготовленный и спрятанный там	1469. А., Р., Г.
1470. *заклад.* Этот заклад был, впрочем, вовсе не заклад, а просто	1470. Р., Г.
1471. деревянная, гладко обструганная дощечка, величиной и толщиной не более, как могла бы быть серебряная папиросочница. Эту дощечку он случайно нашел, в одну из своих прогулок, на одном дворе, где, во флигеле, помещалась какая-то мастерская. Потом уже он прибавил к дощечке гладкую и тоненькую железную полоску, -- вероятно, от чего-нибудь отломок, -- которую тоже нашел на улице тогда же. Сложив обе дощечки, из коих железная была меньше деревянной, он связал их вместе накрепко, крест-накрест, ниткой; потом аккуратно и щеголевато увертел их в чистую белую бумагу и обвязал тоненькою тесемочкой, тоже накрест,	1471. Р., Г., С.
1472. а узелок приладил так, чтобы помудренее было развязать. Это для того, чтобы на время отвлечь внимание старухи, когда она начнет возиться с узелком, и улучить таким образом минуту.	1472. Р., Г., С.
1473. Железная же пластинка прибавлена была для весу, чтобы старуха хоть в первую минуту не догадалась, что "вещь" деревянная.	1473. Р., Г.
1474. Всё это хранилось у него до времени под диваном.	1474. Р., Г.
1475. Только что он достал заклад, как вдруг где-то на дворе раздался чей-то крик: -- Семой час давно!	1475. А., Р., Г., С.
1476. -- Давно! Боже мой!	1476. С.
1477. Он бросился к двери, прислушался, схватил шляпу и стал сходить вниз свои тринадцать ступеней,	1477. А., Г., С.
1478. осторожно, неслышно, как кошка.	1478. С.
1479. Предстояло самое важное дело -- украсть из кухни топор.	1479. Р., Г.
1480. О том, что дело надо сделать топором, решено им было уже давно. У него был еще складной садовый ножик; но на нож, и особенно на свои силы, он не надеялся, а потому и остановился на топоре окончательно.	1480. Р., Г., С.
1481. Заметим кстати одну особенность по поводу всех	1481. Р., С.

окончательных решений, уже принятых им в этом деле. Они имели одно странное свойство: чем окончательнее они становились, тем безобразнее, нелепее, тотчас же становились и в его глазах.	
1482. Несмотря на всю мучительную внутреннюю борьбу свою, он никогда, ни на одно мгновение не мог уверовать в исполнимость своих замыслов, во всё это время. И если бы даже случилось когда-нибудь так, что уже всё до последней точки было бы им разобрано и решено окончательно и сомнений не оставалось бы уже более никаких, -- то тут-то бы, кажется, он и отказался от всего, как от нелепости, чудовищности и невозможности.	1482. Р., С.
1483. Но неразрешенных пунктов и сомнений оставалась еще целая бездна.	1483. Р., Г.
1484. Что же касается до того, где достать топор, то эта мелочь его нисколько не беспокоила, потому что не было ничего легче.	1484. Р., Г., С.
1485. Дело в том, что Настасьи, и особенно по вечерам, поминутно не бывало дома: или убежит к соседям, или в лавочку, а дверь всегда оставляет настежь.	1485. Р., Г., С.
1486. Хозяйка только из-за этого с ней и ссорилась.	1486. Р.
1487. Итак, стоило только потихоньку войти, когда придет время, в кухню и взять топор, а потом, чрез час	1487. А., Г., С.
1488. (когда всё уже кончится),	1488. Р., Г.
1489. войти и положить обратно.	1489. А., Г.
1490. Но представлялись и сомнения: он, положим, придет через час, чтобы положить обратно, а Настасья тут как тут, воротилась.	1490. Р., Г.
1491. Конечно, надо пройти мимо и выждать, пока она опять выйдет.	1491. Р., Г.
1492. А ну как тем временем хватится топора, искать начнет, раскричится, -- вот и подозрение или, по крайней мере, случай к подозрению.	1492. Р., Г.
1493. Но это еще были мелочи, о которых он и думать не начинал,	1493. Р., Г., С.
1494. да и некогда было. Он думал о главном,	1494. Р., Г.
1495. а мелочи отлагал до тех пор, когда сам *во всем убедится.*	1495. Р., Г., С.
1496. Но последнее казалось решительно неосуществимым.	1496. Р., Г., С.
1497. Так, по крайней мере, казалось ему самому.	1497. Р.
1498. Никак он не мог, например, вообразить себе, что когда-нибудь он кончит думать, встанет и-- просто пойдет туда...	1498. Р., Г., С.
1499. Даже недавнюю *пробу* свою (то есть визит с намерением окончательно осмотреть место) он только *пробовал* было сделать,	1499. Р., Г., С.
1500. но далеко не взаправду, а так: "дай-ка, дескать, пойду и опробую, что мечтать-то!" –	1500. Р., С.
1501. и тотчас не выдержал, плюнул и убежал, в остервенении на самого себя.	1501. А., С.
1502. А между тем, казалось бы, весь анализ, в смысле нравственного разрешения вопроса, был уже им покончен:	1502. Р., Г., С.
1503. казуистика его выточилась, как бритва,	1503. Р., С.
1504. и сам в себе он уже не находил сознательных возражений. Но в последнем случае он просто не верил себе	1504. Р., С. , Г.
1505. и упрямо, рабски, искал возражений по сторонам и ощупью,	1505. Р., Г., С.

1506. как будто кто его принуждал и тянул к тому.	1506. Р., Г., С.
1507. Последний же день, так нечаянно наступивший	1507. А., Г., С.
1508. и всё разом порешивший,	1508. Р., Г., С.
1509. подействовал на него почти совсем механически: как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой,	1509. Р., Г., С.
1510. неотразимо, слепо, с неестественною силой, без возражений.	1510. С.
1511. Точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать.	1511. С.
1512. Сначала -- впрочем, давно уже прежде	1512. Р., А.
1513. -- его занимал один вопрос: почему так легко отыскиваются и выдаются почти все преступления и так явно обозначаются следы почти всех преступников?	1513. Р., Г., С.
1514. Он пришел мало-помалу к многообразным и любопытным заключениям, и,	1514. А., Р., Г.
1515. по его мнению, главнейшая причина заключается не столько в материальной невозможности скрыть преступление, как в самом преступнике:	1515. Р., Г.
1516. сам же преступник, и почти всякий, в момент преступления подвергается какому-то упадку воли и рассудка, сменяемых, напротив того, детским феноменальным легкомыслием, и именно в тот момент, когда наиболее необходимы рассудок и осторожность.	1516. Р.
1517. По убеждению его, выходило, что это затмение рассудка и упадок воли охватывают человека подобно болезни, развиваются постепенно и доходят до высшего своего момента незадолго до совершения преступления; продолжаются в том же виде в самый момент преступления и еще несколько времени после него, судя по индивидууму; затем проходят так же, как проходит всякая болезнь.	1517. Р., С.
1518. Вопрос же: болезнь ли порождает самое преступление или само преступление, как-нибудь по особенной натуре своей, всегда сопровождается чем-то вроде болезни? -- он еще не чувствовал себя в силах разрешить.	1518. Р., Г., С.
1519. Дойдя до таких выводов, он решил, что с ним лично, в его деле, не может быть подобных болезненных переворотов, что рассудок и воля останутся при нем, неотъемлемо, во всё время исполнения задуманного, единственно по той причине, что задуманное им -- "не преступление"...	1519. А., Р., Г., С.
1520. Опускаем весь тот процесс, посредством которого он дошел до последнего решения;	1520. Р., Г., С.
1521. мы и без того слишком забежали вперед...	1521. А., Р.
1522. Прибавим только, что фактические, чисто материальные затруднения дела вообще играли в уме его самую второстепенную роль.	1522. А., Р., Г.
1523. "Стоит только сохранить над ними всю волю и весь рассудок, и они, в свое время, все будут побеждены, когда придется познакомиться до малейшей тонкости со всеми подробностями дела..."	1523. А., Р., Г.,
1524. Но дело не начиналось. Окончательным своим решениям он продолжал всего менее верить, и	1524. А., Р., Г., С.
1525. когда пробил час, всё вышло совсем не так, а как-то	1525. А., Р., Г.,

нечаянно, даже почти неожиданно.	С.
1526. Одно ничтожнейшее обстоятельство поставило его в тупик, еще прежде чем он сошел с лестницы.	1526. Р., Г., С.
1527. Поровнявшись с хозяйкиною кухней, как и всегда отворенною настежь, он осторожно покосился в нее глазами,	1527. А., Р., С.
1528. чтоб оглядеть предварительно: нет ли там, в отсутствие Настасьи, самой хозяйки, а если нет, то хорошо ли заперты двери в ее комнате, чтоб она тоже как-нибудь оттуда не выглянула, когда он за топором войдет?	1528. Р., Г.
1529. Но каково же было его изумление,	1529. А., С.
1530. когда он вдруг увидал, что Настасья не только на этот раз дома, у себя в кухне, но еще занимается делом:	1530. А., Р., Г., С.
1531. вынимает из корзины белье и развешивает на веревках!	1531. А.
1532. Увидев его, она перестала развешивать, обернулась к нему и всё время смотрела на него, пока он проходил.	1532. А.
1533. Он отвел глаза и прошел, как будто ничего не замечая.	1533. А., С.
1534. Но дело было кончено: нет топора!	1534. Р., Г., С.
1535. Он был поражен ужасно.	1535. Р., С.
"И с чего взял я, -- думал он,	
1536. сходя под ворота,	1536. А.
1537. с чего взял я, что ее непременно в эту минуту не будет дома? Почему, почему, почему я так наверно это решил?"	1537. Р., Г., С.
1538. Он был раздавлен, даже как-то унижен. Ему хотелось смеяться над собою со злости...	1538. Р., С.
1539. Тупая, зверская злоба закипела в нем.	1539. А., С.
1540. Он остановился в раздумье под воротами.	1540. А., Р.
1541. Идти на улицу, так, для виду, гулять, ему было противно; воротиться домой -- еще противнее.	1541. Р., С.
1542. "И какой случай навсегда потерял!" -- пробормотал он,	1542. Г., Р., С.
1543. бесцельно стоя под воротами, прямо против темной каморки дворника, тоже отворенной.	1543. А., Р.
1544. Вдруг он вздрогнул.	1544. А., Г., С.
1545. Из каморки дворника, бывшей от него в двух шагах, из-под лавки направо что-то блеснуло ему в глаза...	1545. Р., Г.
1546. Он осмотрелся кругом	1546. А.
1547. -- никого.	1547. Р., Г.
1548. На цыпочках подошел он к дворницкой, сошел вниз по двум ступенькам и	1548. А., С.
1549. слабым голосом окликнул дворника.	1549. А., С
1550. "Так и есть, нет дома! Где-нибудь близко, впрочем, на дворе, потому что дверь отперта настежь".	1550. Р., Г.
1551. Он бросился стремглав на топор	1551. А., С., Г.
1552. (это был топор)	1552. Г.
1553. и вытащил его из-под лавки, где он лежал между двумя поленами;	1553. А., Р.
1554. тут же, не выходя, прикрепил его к петле, обе руки засунул в карманы и вышел из дворницкой;	1554. А., Г.
1555. никто не заметил!	1555. Р., С.
1556. "Не рассудок, так бес!" –	1556. Р., С.
1557. подумал он, странно усмехаясь.	1557. А., С.
1558. Этот случай ободрил его чрезвычайно.	1558. Р., Г., С.
1559. Он шел дорогой тихо и *степенно,* не торопясь, чтобы не	1559. Р., С., Г.

подать каких подозрений. Мало глядел он на прохожих, даже старался совсем не глядеть на лица	
1560. и быть как можно неприметнее.	1560. Г.
1561. Тут вспомнилась ему его шляпа.	1561. Р., Г.,
1562. "Боже мой!	1562. С.
1563. И деньги были третьего дня, и не мог переменить на фуражку!"	1563. Р., Г., С.
1564. Проклятие вырвалось из души его.	1564. Р., С.
1565. Заглянув случайно, одним глазом, в лавочку, он увидел, что там, на стенных часах, уже десять минут восьмого.	1565. А., Р., Г.
1566. Надо было и торопиться, и в то же время сделать крюк: подойти к дому в обход, с другой стороны...	1566. Р., Г.
1567. Прежде, когда случалось ему представлять всё это в воображении, он иногда думал, что очень будет бояться.	1567. А.
1568. Но он не очень теперь боялся, даже не боялся совсем.	1568. Р., С.
1569. Занимали его в это мгновение даже какие-то посторонние мысли, только всё ненадолго.	1569. Р., С.
1570. Проходя мимо Юсупова сада, он даже очень было занялся мыслию об устройстве высоких фонтанов и о том, как бы они хорошо освежали воздух на всех площадях. Мало-помалу он перешел к убеждению, что если бы распространить Летний сад на всё Марсово поле и даже соединить с дворцовым Михайловским садом, то была бы прекрасная и полезнейшая для города вещь.	1570. Р., С.
1571. Тут заинтересовало его вдруг: почему именно, во всех больших городах, человек не то что по одной необходимости, но как-то особенно наклонен жить и селиться именно в таких частях города, где нет ни садов, ни фонтанов, где грязь и вонь, и всякая гадость.	1571. Р., Г.
1572. Тут ему вспомнились его собственные прогулки по Сенной,	1572. Р.
1573. и он на минуту очнулся. "Что за вздор, -- подумал он. -- Нет, лучше совсем ничего не думать!"	1573. А., Р., Г., С.
1574. "Так, верно, те, которых ведут на казнь, прилепливаются мыслями ко всем предметам, которые им встречаются на дороге",	1574. Р., С., Г.
1575. -- мелькнуло у него в голове, но только мелькнуло как молния;	1575. А., С.
1576. он сам поскорей погасил эту мысль...	1576. А., С.
1577. Но вот уже и близко, вот и дом, вот и ворота.	1577. А.
1578. Где-то вдруг часы пробили один удар.	1578. Р.
1579. "Что это, неужели половина восьмого? Быть не может, верно, бегут!"	1579. Р., С., Г.
1580. На счастье его, в воротах опять прошло благополучно. Мало того, даже, как нарочно, в это самое мгновение только что перед ним въехал в ворота огромный воз сена, совершенно заслонявший его всё время, как он проходил подворотню,	1580. Р., С., Г,
1581. и чуть только воз успел выехать из ворот во двор, он мигом проскользнул направо.	1581. А., С.
1582. Там, по ту сторону воза, слышно было, кричали и спорили несколько голосов, но его никто не заметил и навстречу никто не попался.	1582. Р., Г.
1583. Много окон, выходивших на этот огромный квадратный двор, было отперто в эту минуту,	1583. Р.

1584. но он не поднял головы -- силы не было.	1584. А., С.
1585. Лестница к старухе была близко, сейчас из ворот направо.	1585. Р.
1586. Он уже был на лестнице...	1586. А.
1587. Переведя дух и прижав рукой стукавшее сердце,	1587. А., Р., С.
1588. тут же нащупав и оправив еще раз топор,	1588. А., Г.
1589. он стал осторожно и тихо подниматься на лестницу, поминутно прислушиваясь.	1589. А., С., Г.
1590. Но и лестница на ту пору стояла совсем пустая; все двери были заперты;	1590. Р., Г.
1591. никого-то не встретилось.	1591. Р., Г., С.
1592. Во втором этаже одна пустая квартира была, правда, растворена настежь, и в ней работали маляры,	1592. Р., Г., С.
1593. но те и не поглядели.	1593. Р., Г., С.
1594. Он постоял, подумал и пошел дальше. "Конечно, было бы лучше, если б их здесь совсем не было, но...	1594. А., Р., С.
1595. над ними еще два этажа".	1595. Р.
1596. Но вот и четвертый этаж, вот и дверь, вот и квартира напротив;	1596. А., Р.
1597. та, пустая.	1597. Р., Г.
1598. В третьем этаже, по всем приметам, квартира, что прямо под старухиной, тоже пустая: визитный билет, прибитый к дверям гвоздочками, снят	1598. Р., Г.
1599. -- выехали!..	1599. Р., С.
1600. Он задыхался.	1600. Р., С.
1601. На одно мгновение пронеслась в уме его мысль: "Не уйти ли?"	1601. А., Г., С.
1602. Но он не дал себе ответа	1602. А., Г., С.
1603. и стал прислушиваться в старухину квартиру: мертвая тишина.	1603. А., Р., С.
1604. Потом еще раз прислушался вниз на лестницу, слушал долго, внимательно...	1604. А., Р., Г, С.
1605. Затем огляделся в последний раз, подобрался, оправился и	1605. А., С.
1606. еще раз попробовал в петле топор.	1606. А., С., Г.
1607. "Не бледен ли я... очень? -- думалось ему, -- не в особенном ли я волнении?	1607. Р., Г., С.
1608. Она недоверчива...	1608. Р., С.
1609. Не подождать ли еще... пока сердце перестанет?.."	1609. Г., С., Р.
1610. Но сердце не переставало.	1610. Р.
1611. Напротив, как нарочно, стучало сильней, сильней, сильней...	1611. А., С.
1612. Он не выдержал, медленно протянул руку к колокольчику и позвонил.	1612. А., С.
1613. Через полминуты еще раз позвонил, погромче.	1613. А., С.
1614. Нет ответа.	1614. Р.
1615. Звонить зря было нечего, да ему и не к фигуре.	1615. Р., Г.
1616. Старуха, разумеется, была дома, но она подозрительна и одна.	1616. Р., С.
1617. Он отчасти знал ее привычки...	1617. Р., Г.
1618. и еще раз плотно приложил ухо к двери.	1618. А., Г.
1619. Чувства ли его были так изощрены (что вообще трудно предположить), или действительно было очень слышно, но вдруг	1619. Р., С., А.
1620. он различил как бы осторожный шорох рукой у замочной	1620. Р., С., А.

ручки и как бы шелест платья о самую дверь.	
1621. Кто-то неприметно стоял у самого замка и точно так же, как он здесь, снаружи, прислушивался, притаясь изнутри	1621. Р.
1622. и, кажется, тоже приложа ухо к двери...	1622. А., С.
1623. Он нарочно пошевелился и что-то погромче пробормотал, чтоб и виду не подать, что прячется;	1623. А., Г.
1624. потом позвонил в третий раз,	1624. А.
1625. но тихо, солидно и без всякого нетерпения.	1625. Р., С.
1626. Вспоминая об этом после,	1626. А.
1627. ярко, ясно, -- эта минута отчеканилась в нем навеки,	1627. Р., С.
1628. -- он понять не мог, откуда он взял столько хитрости, тем более что ум его как бы померкал мгновениями, а тела своего он почти и не чувствовал на себе...	1628. Р., С.
1629. Мгновение спустя послышалось, что снимают запор.	1629. А., Р.
VII	
1630. Дверь, как и тогда,	1630. Р.
1631. отворилась на крошечную щелочку,	1631. А., С.
1632. и опять два вострые и недоверчивые взгляда уставились на него из темноты.	1632. Р., С.
1633. Тут Раскольников потерялся и сделал было важную ошибку.	1633. Р., С., Г.
1634. Опасаясь, что старуха испугается того, что они одни, и не надеясь, что вид его ее разуверит,	1634. Р., Г. 1635. А.
1635. он взялся за дверь и потянул ее к себе,	1636. Р., Г.
1636. чтобы старуха как-нибудь не вздумала опять запереться.	1637. Р., А.
1637. Увидя это, она не рванула дверь к себе обратно, но не выпустила и ручку замка, так что он чуть не вытащил ее, вместе с дверью, на лестницу.	
1638. Видя же, что она стоит в дверях поперек и не дает ему пройти,	1638. Р.
1639. он пошел прямо на нее. Та отскочила в испуге,	1639. А., С.
1640. хотела было что-то сказать, но как будто не смогла и смотрела на него во все глаза.	1640. Р., С.
1641. -- Здравствуйте, Алена Ивановна, -- начал он	1641. Р., А.
1642. как можно развязнее, но голос не послушался его, прервался и задрожал,	1642. Р., С.
1643. -- я вам...	1643. Р., С., Г.
1644. вещь принес...	1644. Г.
1645. да вот лучше пойдемте сюда... к свету... –	1645. А., С., Г.
И, бросив ее, он прямо, без приглашения, прошел в комнату.	
1646. Старуха побежала за ним;	1646. А.
1647. язык ее развязался.	1647. Р.. С.
1648. -- Господи! Да чего вам?..	1648. А., Р., С.
1649. Кто такой? Что вам угодно?	1649. А., Г., С.
1650. -- Помилуйте, Алена Ивановна...	1650. Р., С.
1651. знакомый ваш... Раскольников...	1651. Р., С.
1652. вот, заклад принес, что обещался намедни... -	1652. Г.
1653. И он протягивал ей заклад.	1653. А.
1654. Старуха взглянула было на заклад, но тотчас же уставилась глазами прямо в глаза незваному гостю.	1654. А., Р., С.

1655. Она смотрела внимательно, злобно и недоверчиво.	1655. Р., С.
1656. Прошло с минуту;	1656. А.
1657. ему показалось даже в ее глазах что-то вроде насмешки, как будто она уже обо всем догадалась.	1657. Р., С., Г.
1658. Он чувствовал, что теряется, что ему почти страшно,	1658. Р., С.
1659. до того страшно, что кажется, смотри она так, не говори ни слова еще с полминуты, то он бы убежал от нее.	1659. Р., С., Г.
1660. -- Да что вы так смотрите, точно не узнали? -- проговорил он вдруг тоже со злобой.	1660. Р., А.
1661. -- Хотите берите, а нет -- я к другим пойду, мне некогда. Он и не думал это сказать, а так, само вдруг выговорилось.	1661. А., Р., Г.
1662. Старуха опомнилась, и решительный тон гостя ее, видимо, ободрил.	1662. А., Р., С.
-- Да чего же ты, батюшка, так вдруг...	
1663. что такое? -- спросила она, смотря на заклад.	1663. Г., А.
1664. -- Серебряная папиросочница: ведь я говорил прошлый раз.	1664. Р.
1665. Она протянула руку.	1665. А.
1666. -- Да чтой-то вы какой бледный? Вот и руки дрожат!	1666. Р., С., Г.
1667. Искупался, что ль, батюшка?	1667. Г.
1668. -- Лихорадка, -- отвечал он отрывисто.	1668. Г., А.
1669. -- Поневоле станешь бледный... коли есть нечего, -- прибавил он,	1669. Г., А., С.
1670. едва выговаривая слова. Силы опять покидали его.	1670. Р., С.
1671. Но ответ показался правдоподобным; старуха взяла заклад.	1671. Р., Г., А.
1672. -- Что такое? -- спросила она,	1672. А., Г.
1673. еще раз пристально оглядев Раскольникова и взвешивая заклад на руке.	1673. А., С.
1674. -- Вещь... папиросочница... серебряная... посмотрите.	1674. Р., Г.
1675. -- Да чтой-то, как будто и не серебряная... Ишь навертел.	1675. Р., Г., А.
1676. Стараясь развязать снурок и оборотясь к окну, к свету	1676. А., Р.
1677. (все окна у ней были заперты, несмотря на духоту),	1677. Р., С., Г.
1678. она на несколько секунд совсем его оставила и стала к нему задом.	1678. А., Г.
1679. Он расстегнул пальто и высвободил топор из петли, но еще не вынул совсем, а только придерживал правою рукой под одеждой.	1679. А., Г., С.
1680. Руки его были ужасно слабы; самому ему слышалось, как они, с каждым мгновением, всё более немели и деревенели.	1680. Р., С.
1681. Он боялся, что выпустит и уронит топор... вдруг голова его как бы закружилась.	1681. Р., С.
1682. -- Да что он тут навертел! -- с досадой вскричала старуха	1682. Р., Г., С., А.
1683. и пошевелилась в его сторону.	1683. А., Г.
1684. Ни одного мига нельзя было терять более.	1684. Р., Г.
1685. Он вынул топор совсем, взмахнул его обеими руками,	1685. А.
1686. едва себя чувствуя,	1686. Р., С.
1687. и почти без усилия, почти машинально, опустил на голову обухом. Силы его тут как бы не было.	1687. А., С.
1688. Но как только он раз опустил топор, тут и родилась в нем сила.	1688. А., Р., С.
1689. Старуха, как и всегда, была простоволосая. Светлые с проседью, жиденькие волосы ее, по обыкновению жирно	1689. Р.

смазанные маслом, были заплетены в крысиную косичку и подобраны под осколок роговой гребенки, торчавшей на ее затылке.	
1690. Удар пришелся в самое темя, чему способствовал ее малый рост.	1690. Р., С.
1691. Она вскрикнула, но очень слабо,	1691. А., Р.
1692. и вдруг вся осела к полу, хотя и успела еще поднять обе руки к голове.	1692. А., С.
1693. В одной руке еще продолжала держать "заклад".	1693. Р. , С.
1694. Тут он изо всей силы ударил раз и другой,	1694. Р., С.
1695. всё обухом и всё по темени.	1695. Р., С.
1696. Кровь хлынула, как из опрокинутого стакана, и тело повалилось навзничь.	1696. А., Р., С
1697. Он отступил, дал упасть и тотчас же нагнулся к ее лицу;	1697. А.
1698. она была уже мертвая.	1698. Р., С.
1699. Глаза были вытаращены, как будто хотели выпрыгнуть, а лоб и всё лицо были сморщены и искажены судорогой.	1699. Р., С.
1700. Он положил топор на пол, подле мертвой, и тотчас же полез ей в карман,	1700. Р.
1701. стараясь не замараться текущею кровию,	1701. Р.
1702. -- в тот самый правый карман, из которого она в прошлый раз вынимала ключи.	1702. Р., Г.
1703. Он был в полном уме, затмений и головокружений уже не было, но руки всё еще дрожали.	1703. Р., С.
1704. Он вспомнил потом, что был даже очень внимателен, осторожен, старался всё не запачкаться...	1704. А.
1705. Ключи он тотчас же вынул;	1705. А.
1706. все, как и тогда, были в одной связке, на одном стальном обручке.	1706. Р.
1707. Тотчас же он побежал с ними в спальню.	1707. А., С.
1708. Это была очень небольшая комната, с огромным киотом образов. У другой стены стояла большая постель, весьма чистая, с шелковым, наборным из лоскутков, ватным одеялом. У третьей стены был комод.	1708. Р.
1709. Странное дело: только что он начал прилаживать ключи к комоду, только что услышал их звякание, как будто судорога прошла по нем. Ему вдруг опять захотелось бросить всё и уйти.	1709. А., С.. Р.
1710. Но это было только мгновение; уходить было поздно.	1710. Р., С.
1711. Он даже усмехнулся на себя,	1711. А., С.
1712. как вдруг другая тревожная мысль ударила ему в голову. Ему вдруг почудилось, что старуха, пожалуй, еще жива и еще может очнуться.	1712. А., С.
1713. Бросив ключи, и комод, он побежал назад, к телу, схватил топор и намахнулся еще раз над старухой,	1713. А.
1714. но не опустил.	1714. А.
1715. Сомнения не было, что она мертвая.	1715. Р., С.
1716. Нагнувшись и рассматривая ее опять ближе,	1716. А.
1717. он увидел ясно, что череп был раздроблен и даже сворочен чуть-чуть на сторону.	1717. Р., С.
1718. Он было хотел пощупать пальцем,	1718. А.
1719. но отдернул руку;	1719. А., С.
1720. да и без того было видно.	1720. Р.

1721. Крови между тем натекла уже целая лужа.	1721. Р., С.
1722. Вдруг он заметил на ее шее снурок,	1722. Р.
1723. дернул его,	1723. А.
1724. но снурок был крепок и не срывался; к тому же намок в крови.	1724. Р., С.
1725. Он попробовал было вытащить так, из-за пазухи, но что-то мешало, застряло.	1725. А., Р.
1726. В нетерпении он взмахнул было опять топором, чтобы рубнуть по снурку тут же, по телу, сверху,	1726. А., С.
1727. но не посмел,	1727. Р., С.
1728. И с трудом, испачкав руки и топор, после двухминутной возни, разрезал снурок, не касаясь топором тела, и снял;	1728. А., Р., С.
1729. он не ошибся -- кошелек.	1729. Р.
1730. На снурке были два креста, кипарисный и медный, и, кроме того, финифтяный образок; и тут же вместе с ними висел небольшой, замшевый, засаленный кошелек, с стальным ободком и колечком.	1730. Р.
1731. Кошелек был очень туго набит;	1731. Р., Г.
1732. Раскольников сунул его в карман, не осматривая,	1732. А., Р.
1733. кресты сбросил старухе на грудь	1733. А.
1734. и, захватив на этот раз и топор, бросился обратно в спальню.	1734. А., Р.
1735. Он спешил ужасно,	1735. Р., С., Г.
1736. схватился за ключи и опять начал возиться с ними. Но как-то всё неудачно: не вкладывались они в замки.	1736. А., Р., С.
1737. Не то чтобы руки его так дрожали, но он всё ошибался: и видит, например, что ключ не тот, не подходит, а всё сует.	1737. Р., С.
1738. Вдруг он припомнил и сообразил, что этот большой ключ, с зубчатою бородкой, который тут же болтается с другими маленькими, непременно должен быть вовсе не от комода	1738. А., Р.
1739. (как и в прошлый раз ему на ум пришло)	1739. А.
1740. , а от какой-нибудь укладки, и что в этой-то укладке, может быть, всё и припрятано.	1740. Р.
1741. Он бросил комод и тотчас же полез под кровать,	1741. А.
1742. зная, что укладки обыкновенно ставятся у старух под кроватями. Так и есть: стояла значительная укладка, побольше аршина в длину, с выпуклою крышей, обитая красным сафьяном, с утыканными по нем стальными гвоздиками.	1742. Р.
1743. Зубчатый ключ как раз пришелся и отпер.	1743. Р..А.
1744. Сверху, под белою простыней, лежала заячья шубка, крытая красным гарнитуром; под нею было шелковое платье, затем шаль, и туда, вглубь, казалось всё лежало одно тряпье.	1744. Р.
1745. Прежде всего он принялся было вытирать об красный гарнитур свои запачканные в крови руки.	1745. А., Р., С.
1746. "Красное, ну а на красном кровь неприметнее", -- рассудилось было ему	1746. Г., Р.
1747. , и вдруг он опомнился: "Господи! С ума, что ли, я схожу?" -- подумал он в испуге.	1747. А., Р., С.
1748. Но только что он пошевелил это тряпье, как вдруг, из-под шубки, выскользнули золотые часы.	1748. Р. , А.
1749. Он бросился всё перевертывать.	1749. А.
1750. Действительно, между тряпьем были перемешаны золотые	1750. Р.

вещи -- вероятно, всё заклады, выкупленные и невыкупленные, -- браслеты, цепочки, серьги, булавки и проч. Иные были в футлярах, другие просто обернуты в газетную бумагу, но аккуратно и бережно, в двойные листы, и кругом обвязаны тесемками.	
1751. Нимало не медля, он стал набивать ими карманы панталон и пальто, не разбирая и не раскрывая свертков и футляров;	1751. А., Р., С.
1752. но он не успел много набрать...	1752. Р., С.
1753. Вдруг послышалось, что в комнате, где была старуха, ходят.	1753. Р., А., Г.
1754. Он остановился и притих,	1754. А.
1755. как мертвый.	1755. С.
1756. Но всё было тихо,	1756. Р.
1757. стало быть, померещилось.	1757. Р., Г.
1758. Вдруг явственно послышался легкий крик, или как будто кто-то тихо и отрывисто простонал и замолчал.	1758. А., Р., С.
1759. Затем опять мертвая тишина, с минуту или с две.	1759. А., Р., С.
1760. Он сидел на корточках у сундука и ждал	1760. А., Р.
1761. едва переводя дух,	1761. С.
1762. но вдруг вскочил, схватил топор и выбежал из спальни.	1762. А.
1763. Среди комнаты стояла Лизавета, с большим узлом в руках, и смотрела в оцепенении на убитую сестру,	1763. Р., С.
1764. вся белая как полотно и как бы не в силах крикнуть.	1764. Р., С.
1765. Увидав его выбежавшего, она задрожала	1765. А.
1766. как лист, мелкою дрожью, и по всему лицу ее побежали судороги;	1766. С.
1767. приподняла руку, раскрыла было рот, но все-таки не вскрикнула	1767. А., С.
1768. и медленно, задом, стала отодвигаться от него в угол, пристально, в упор, смотря на него,	1768. А., С.
1769. но всё не крича, точно ей воздуху недоставало, чтобы крикнуть.	1769. Р., С.
1770. Он бросился на нее с топором;	1770. А., Г.
1771. губы ее перекосились так жалобно, как у очень маленьких детей, когда они начинают чего-нибудь пугаться, пристально смотрят на пугающий их предмет и собираются закричать.	1771. А., Р., С.
1772. И до того эта несчастная Лизавета была проста, забита и напугана раз навсегда, что даже руки не подняла защитить себе лицо,	1772. Р., С.
1773. хотя это был самый необходимо-естественный жест в эту минуту, потому что топор был прямо поднят над ее лицом.	1773. Р., Г.
1774. Она только чуть-чуть приподняла свою свободную левую руку, далеко не до лица, и медленно протянула ее к нему вперед, как бы отстраняя его.	1774. А., Р.
1775. Удар пришелся прямо по черепу, острием, и сразу прорубил всю верхнюю часть лба, почти до темени.	1775. А., Р., С.
1776. Она так и рухнулась.	1776. А., С.
1777. Раскольников совсем было потерялся, схватил ее узел, бросил его опять и побежал в прихожую.	1777. А., Р., С.
1778. Страх охватывал его всё больше и больше, особенно после этого второго, совсем неожиданного убийства.	1778. Р., С.
1779. Ему хотелось поскорее убежать отсюда.	1779. Р., С.

1780. И если бы в ту минуту он в состоянии был правильнее видеть и рассуждать; если бы только мог сообразить все трудности своего положения,	1780. Р., С.
1781. всё отчаяние, всё безобразие и всю нелепость его,	1781. Р., С. , Г.
1782. понять при этом, сколько затруднений, а может быть, и злодейств еще остается ему преодолеть и совершить, чтобы вырваться отсюда и добраться домой,	1782. Р., С.
1783. то очень может быть, что он бросил бы всё и тотчас пошел бы сам на себя объявить,	1783. Р., Г.
1784. и не от страху даже за себя, а от одного только ужаса и отвращения к тому, что он сделал.	1784. Р., Г.
1785. Отвращение особенно поднималось и росло в нем с каждою минутою.	1785. Р. , С.
1786. Ни за что на свете не пошел бы он теперь к сундуку и даже в комнаты.	1786. С.
1787. Но какая-то рассеянность, как будто даже задумчивость, стала понемногу овладевать им: минутами он как будто забывался	1787. Р., С.
1788. или, лучше сказать, забывал о главном и прилеплялся к мелочам.	1788. Р., С., Г.
1789. Впрочем, заглянув на кухню и увидав на лавке ведро, наполовину полное воды, он догадался вымыть себе руки и топор. Руки его были в крови и липли.	1789. А., Р., Г.
1790. Топор он опустил лезвием прямо в воду, схватил лежавший на окошке, на расколотом блюдечке, кусочек мыла и стал, прямо в ведре, отмывать себе руки. Отмыв их, он вытащил и топор, вымыл железо,	1790. А., Р.
1791. и долго, минуты с три, отмывал дерево, где закровянилось, пробуя кровь даже мылом.	1791. А., Р., С.
1792. Затем всё оттер	1792. А.
1793. бельем, которое тут же сушилось на веревке, протянутой через кухню,	1793. Р.
1794. и потом долго, со вниманием, осматривал топор у окна.	1794. А., Р., С.
1795. Следов не осталось, только древко еще было сырое.	1795. Р., Г.
1796. Тщательно вложил он топор в петлю, под пальто.	1796. А., Г.
1797. Затем, сколько позволял свет в тусклой кухне, осмотрел пальто, панталоны, сапоги. Снаружи, с первого взгляда, как будто ничего не было; только на сапогах были пятна. Он помочил тряпку и оттер сапоги.	1797. А., Р., Г.
1798. Он знал, впрочем, что нехорошо разглядывает, что, может быть, есть что-нибудь в глаза бросающееся, чего он не замечает.	1798. Р., С., Г.
1799. В раздумье стал он среди комнаты.	1799. А., С.
1800. Мучительная, темная мысль поднималась в нем,	1800. А., С.
1801. -- мысль, что он сумасшествует и что в эту минуту не в силах ни рассудить, ни себя защитить, что вовсе, может быть, не то надо делать, что он теперь делает...	1801. Р., С., Г.
1802. "Боже мой!	1802. С.
1803. Надо бежать, бежать!" –	1803. Г., С.
1804. пробормотал он и бросился в переднюю.	1804. А., С.
1805. Но здесь ожидал его такой ужас, какого, конечно, он еще ни разу не испытывал.	1805. Р., С., Г.
1806. Он стоял, смотрел и не верил глазам своим:	1806. А., Р., Г.,
1807. дверь, наружная дверь, из прихожей на лестницу, та самая,	С.

в которую он давеча звонил и вошел, стояла отпертая, даже на целую ладонь приотворенная:	1807. Р.
1808. ни замка, ни запора, всё время,	1808. Г., Р., С.
1809. во всё это время!	1809. С.
1810. Старуха не заперла за ним, может быть, из осторожности.	1810. Г.
1811. Но боже!	1811. С.
1812. Ведь видел же он потом Лизавету! И как мог, как мог он не догадаться, что ведь вошла же она откуда-нибудь! Не сквозь стену же.	1812. Р., Г.
1813. Он кинулся к дверям и наложил запор.	1813. А.
1814. "Но нет, опять не то!	1814. С.
1815. Надо идти, идти..."	1815. Р., Г.
1816. Он снял запор, отворил дверь и стал слушать на лестницу.	1816. А.
1817. Долго он выслушивал.	1817. А., Р.
1818. Где-то далеко, внизу, вероятно под воротами, громко и визгливо кричали чьи-то два голоса, спорили и бранились.	1818. Р.
1819. "Что они?.." (три кода)	1819. Р., С., Г.
1820. Он ждал терпеливо.	1820. А., Р.
1821. Наконец разом всё утихло, как отрезало; разошлись.	1821. А., Р.
1822. Он уже хотел выйти, но вдруг этажом ниже с шумом растворилась дверь на лестницу, и кто-то стал сходить вниз, напевая какой-то мотив.	1822. Р., Г.
1823. "Как это они так все шумят!" -- мелькнуло в его голове.	1823. Р., С.
1824. Он опять притворил за собою дверь и переждал.	1824. А.
1825. Наконец всё умолкло, ни души.	1825. Р.
1826. Он уже ступил было шаг на лестницу,	1826. А.
1827. как вдруг опять послышались чьи-то новые шаги. Эти шаги послышались очень далеко, еще в самом начале лестницы, но он очень хорошо и отчетливо помнил, что с первого же звука, тогда же стал подозревать почему-то, что это непременно *сюда,* в четвертый этаж, к старухе.	1827. Р., Г.
1828. Почему?	1828. Г., С
1829. Звуки, что ли, были такие особенные, знаменательные?	1829. Р.
1830. Шаги были тяжелые, ровные, неспешные.	1830. А., С.
1831. Вот уж *он* прошел первый этаж, вот поднялся еще;	1831. Р., С.
1832. всё слышней и слышней!	1832. А., Р.
1833. Послышалась тяжелая одышка входившего.	1833. А., Р.
1834. Вот уж и третий начался...	1834. А., Р., С.
1835. Сюда! (три кода)	1835. А., С.
1836. И вдруг показалось ему, что он точно окостенел,	1836. Р., С.
1837. что это точно во сне, когда снится, что догоняют, близко, убить хотят, а сам точно прирос к месту и руками пошевелить нельзя.	1837. Р., С.
1838. И наконец, когда уже гость стал подниматься в четвертый этаж, тут только он весь вдруг встрепенулся и успел-таки быстро и ловко проскользнуть назад из сеней в квартиру и притворить за собой дверь. Затем схватил запор и тихо, неслышно, насадил его на петлю.	1838. А., Р.,С., Г.
1839. Инстинкт помогал.	1839. Р., Г.
1840. Кончив всё, он притаился не дыша, прямо сейчас у двери.	1840. Р.
1841. Незваный гость был уже тоже у дверей. Они стояли теперь	1841. Р.

друг против друга,	
1842. как давеча он со старухой, когда дверь разделяла их, а он прислушивался.	1842. Р., С.
1843. Гость несколько раз тяжело отдыхнулся. "Толстый и большой, должно быть", -- подумал Раскольников,	1843. Г., Р.
1844. сжимая топор в руке.	1844. А., Р., Г.
1845. В самом деле, точно всё это снилось.	1845. Р.
1846. Гость схватился за колокольчик и крепко позвонил.	1846. А., Р.
1847. Как только звякнул жестяной звук колокольчика, ему вдруг как будто почудилось, что в комнате пошевелились.	1847. Р., С., Г.
1848. Несколько секунд он даже серьезно прислушивался.	1848. А., С.
1849. Незнакомец звякнул еще раз,	1849. А.
1850. еще подождал,	1850. А.
1851. и вдруг в нетерпении, изо всей силы стал дергать ручку у дверей.	1851. А., С.
1852. В ужасе смотрел Раскольников на прыгавший в петле крюк запора и с тупым страхом ждал, что вот-вот и запор сейчас выскочит.	1852. А., Р., Г., С.
1853. Действительно, это казалось возможным: так сильно дергали.	1853. Р.
1854. Он было вздумал придержать запор рукой, но *тот* мог догадаться.	1854. А., Р., Г., С.
1855. Голова его как будто опять начинала кружиться. "Вот упаду!" -- промелькнуло в нем, но	1855. Р., С.
1856. незнакомец заговорил, и он тотчас же опомнился.	1856. А.
1857. -- Да что они там, дрыхнут или передушил их кто? Трррeклятые! -- заревел он как из бочки.	1857. Р., А., С.
1858. -- Эй, Алена Ивановна, старая ведьма! Лизавета Ивановна, красота неописанная!	1858. А., Р., С.
1859. Отворяйте! У, треклятые, спят они, что ли?	1859. А., Р., С.
1860. И снова, остервенясь, он раз десять сразу, из всей мочи, дернул в колокольчик.	1860. А., С., Р.
1861. Уж, конечно, это был человек властный и короткий в доме.	1861. Г., Р.
1862. В самую эту минуту вдруг мелкие, поспешные шаги послышались недалеко на лестнице. Подходил еще кто-то.	1862. А., Р., Г.
1863. Раскольников и не расслышал сначала.	1863. Р., С.
1864. -- Неужели нет никого? -- звонко и весело закричал подошедший, прямо обращаясь к первому посетителю, всё еще продолжавшему дергать звонок.	1864. А., Р., Г.
1865. -- Здравствуйте, Кох!	1865. А., Р., Г.
1866. "Судя по голосу, должно быть, очень молодой", -- подумал вдруг Раскольников.	1866. Г., Р., А.
1867. -- Да черт их знает, замок чуть не разломал, -- отвечал Кох.	1867. Р., А.
1868. -- А вы как меня изволите знать?	1868. Г.
1869. -- Ну вот!	1869. С.
1870. А третьего-то дня, в "Гамбринусе", три партии сряду взял у вас на биллиарде!	1870. Г .
1871. -- А-а-а... (мини-герменевтика, элипсис)	1871. С.
1872. -- Так нет их-то? Странно. Глупо, впрочем, ужасно. Куда бы старухе уйти?	1872. Г., Р.
1873. У меня дело.	1873. Р.

1874. -- Да и у меня, батюшка, дело!	1874. Р., С.
1875. -- Ну, что же делать? Значит, назад.	1875. Р.
1876. Э-эх! А я было думал денег достать! -- вскричал молодой человек.	1876. С., А.
1877. -- Конечно, назад,	1877. Р.
1878. да зачем назначать?	1878. Г.
1879. Сама мне, ведьма, час назначила. Мне ведь крюк. Да и куда к черту ей шляться, не понимаю? Круглый год сидит ведьма, киснет, ноги болят, а тут вдруг и на гулянье!	1879. Р., С.
1880. -- У дворника не спросить ли?	1880. Г., С., А.
1881. -- Чего?	1881. С., А
1882. -- Куда ушла и когда придет?	1882. Г.
1883. -- Гм... черт... спросить...	1883. С.
1884. Да ведь она ж никуда не ходит... –	1884. Р.
1885. и он еще раз дернул за ручку замка.	1885. А.
1886. -- Черт, нечего делать, идти!	1886. С.
1887. -- Стойте! -- закричал вдруг молодой человек, --	1887. А., С.
1888. смотрите: видите, как дверь отстает, если дергать?	1888. Г.
1889. -- Ну?	1889. С.
1890. -- Значит, она не на замке, а на запоре, на крючке то есть! Слышите, как запор брякает?	1890. Г., Р.
1891. -- Ну?	1891. Г., Р.
1892. -- Да как же вы не понимаете? Значит, кто-нибудь из них дома. Если бы все ушли, так снаружи бы ключом заперли, а не на запор изнутри. А тут, -- слышите, как запор брякает? А чтобы затвориться на запор изнутри, надо быть дома, понимаете? Стало быть, дома сидят, да не отпирают!	1892. Р., С.
1893. -- Ба! Да и в самом деле! -- закричал удивившийся Кох. -- Так что ж они там! -- И он неистово начал дергать дверь.	1893. А., С.
1894. -- Стойте! -- закричал опять молодой человек, -- не дергайте!	1894. А., Р.
1895. Тут что-нибудь да не так... вы ведь звонили, дергали -- не отпирают; значит, или они обе в обмороке, или...	1895. Г.
1896. -- Что?	1896. С.
1897. -- А вот что: пойдемте-ка за дворником; пусть он их сам разбудит.	1897. А., Г.
1898. -- Дело! –	1898. Р., С.
1899. Оба двинулись вниз.	1899. А.
1900. -- Стойте! Останьтесь-ка вы здесь, а я сбегаю вниз за дворником.	1900. А., Р., С.
1901. -- Зачем оставаться?	1901. Г., С.
1902. -- А мало ли что?..	1902. Г.
1903. -- Пожалуй...	1903. С.
1904. -- Я ведь в судебные следователи готовлюсь!	1904. Р.
1905. Тут очевидно, оч-че-в-видно что-то не так! –	1905. Р.
1906. горячо вскричал молодой человек и бегом пустился вниз по лестнице.	1906. А, С.
1907. Кох остался,	1907. Р.
1908. пошевелил еще раз тихонько звонком, и тот звякнул один удар; потом тихо, как бы размышляя и осматривая, стал шевелить ручку двери, притягивая и опуская ее, чтоб убедиться еще раз, что она на одном запоре. Потом пыхтя нагнулся и стал смотреть в	1908. А., Р., Г., С.

замочную скважину; но в ней изнутри торчал ключ и, стало быть, ничего не могло быть видно.	
1909. Раскольников стоял и сжимал топор. Он был точно в бреду. Он готовился даже драться с ними, когда они войдут.	1909. А., Р., С.
1910. Когда стучались и сговаривались, ему несколько раз вдруг приходила мысль кончить всё разом и крикнуть им из-за дверей.	1910. А., С., Г.
1911. Порой хотелось ему начать ругаться с ними, дразнить их, покамест не отперли.	1911. Р., С.
1912. "Поскорей бы уж"! -- мелькнуло в его голове.	1912. С.
1913. -- Однако он, черт...	1913. А., С.
1914. Время проходило, минута, другая -- никто не шел.	1914. А., Р.
1915. Кох стал шевелиться.	1915. А.
1916. -- Однако черт!.. -- закричал он вдруг и в нетерпении, бросив свой караул, отправился тоже вниз, торопясь и стуча по лестнице сапогами.	1916. С., Р., А.
1917. Шаги стихли.	1917. Р.
1918. -- Господи, что же делать!	1918. С., Г.
1919. Раскольников снял запор, приотворил дверь -- ничего не слышно,	1919. А., Р.
1920. и вдруг, совершенно уже не думая, вышел, (отличие от сочетания А.+С. У Акунина – другая форма)	1920. А.,Р., С.
1921. притворил как мог плотнее дверь за собой и пустился вниз.	1921. А., Р.
1922. Он уже сошел три лестницы, как вдруг послышался сильный шум ниже,	1922. Р., Г.
1923. -- куда деваться!	1923. Г., С.
1924. Никуда-то нельзя было спрятаться.	1924. Р., С
1925. Он побежал было назад, опять в квартиру.	1925. А., Р.
1926. -- Эй, леший, черт! Держи! - С криком вырвался кто-то внизу из какой-то квартиры и не то что побежал, а точно упал вниз, по лестнице,	1926. А., С., Р., Г.
1927. крича во всю глотку: -- Митька! Митька! Митька! Митька! Митька! Шут те дери-и-и! Крик закончился взвизгом;	1927. Р., С., А.
1928. последние звуки послышались уже на дворе; всё затихло.	1928. Р. , Г.
1929. Но в то же самое мгновение несколько человек, громко и часто говоривших, стали шумно подниматься на лестницу.	1929. А., Р., Г.
1930. Их было трое или четверо. Он расслышал звонкий голос молодого.	1930. Р., Г.
1931. "Они!"	1931. Г., С.
1932. В полном отчаянии пошел он им прямо навстречу: (как и в 1921)	1932. А., С.
1933. будь что будет!	1933. С., Г.
1934. Остановят, всё пропало, пропустят, тоже всё пропало: запомнят.	1934. Г., А., Р., С.
1935. Они уже сходились; между ними оставалась всего одна только лестница	1935. Р., Г.
1936. -- и вдруг спасение!	1936. Г., С.
1937. В нескольких ступеньках от него, направо, пустая и настежь отпертая квартира, та самая квартира второго этажа, в которой красили рабочие, а теперь, как нарочно, ушли.	1937. Р.
1938. Они-то, верно, и выбежали сейчас с таким криком.	1938. Г.

1939. Полы только что окрашены, среди комнаты стоят кадочка и черепок с краской и с мазилкой.	1939. Р.
1940. В одно мгновение прошмыгнул он в отворенную дверь и притаился за стеной,	1940. А., С.
1941. и было время: они уже стояли на самой площадке. Затем повернули вверх и прошли мимо, в четвертый этаж, громко разговаривая.	1941. Г., А.
1942. Он выждал, вышел на цыпочках и побежал вниз.	1942. А., С.
1943. Никого на лестнице! Под воротами тоже.	1943. Р., С.
1944. Быстро прошел он подворотню и повернул налево по улице.	1944. А., С.
1945. Он очень хорошо знал, он отлично хорошо знал, что они, в это мгновение, уже в квартире, что очень удивились, видя, что она отперта, тогда как сейчас была заперта,	1945. Р., Г., С.
1946. что они уже смотрят на тела и	1946. А., Г.
1947. что пройдет не больше минуты, как они догадаются и совершенно сообразят, что тут только что был убийца и успел куда-нибудь спрятаться, проскользнуть мимо них, убежать; догадаются, пожалуй, и о том, что он в пустой квартире сидел, пока они вверх проходили.	1947. А., Г.
1948. А между тем ни под каким видом не смел он очень прибавить шагу, хотя до первого поворота шагов сто оставалось.	1948. Р., Г., С.
1949. "Не скользнуть ли разве в подворотню какую-нибудь и переждать где-нибудь на незнакомой лестнице?	1949. А., Г.
1950. Нет, беда!	1950. А., Г., С.
1951. А не забросить ли куда топор? Не взять ли извозчика?	1951. Г., А.
1952. Беда! беда!"	1952. С., Г.
1953. Наконец вот и переулок;	1953. Р.
1954. он поворотил в него полумертвый;	1954. А., С.
1955. тут он был уже наполовину спасен и понимал это: меньше подозрений, к тому же тут сильно народ сновал, и он стирался в нем,	1955. Г.
1956. как песчинка.	1956. С.
1957. Но все эти мучения до того его обессилили, что он едва двигался. Пот шел из него каплями; шея была вся смочена.	1957. Р., С.
1958. "Ишь нарезался!" -- крикнул кто-то ему, когда он вышел на канаву.	1958. А., С.
1959. Он плохо теперь помнил себя; чем дальше, тем хуже.	1959. Р., С.
1960. Он помнил, однако, как вдруг, выйдя на канаву, испугался, что мало народу и что тут приметнее, и хотел было поворотить назад в переулок.	1960. Р. , А., Г.
1961. Несмотря на то что чуть не падал, он все-таки сделал крюку и пришел домой с другой совсем стороны.	1961. Р., Г.
1962. Не в полной памяти прошел он и в ворота своего дома;	1962. Р., С.
1963. по крайней мере он уже прошел на лестницу и тогда только вспомнил о топоре. А между тем предстояла очень важная задача: положить его обратно и как можно незаметнее.	1963. А., Г.
1964. Конечно, он уже не в силах был сообразить, что, может быть, гораздо лучше было бы ему совсем не класть топора на прежнее место, а подбросить его, хотя потом, куда-нибудь на чужой двор.	1964. Р., С., Г.
1965. Но всё обошлось благополучно. Дверь в дворницкую	1965. Р., Г.

была притворена, но не на замке, стало быть, вероятнее всего было, что дворник дома.	
1966. Но до того уже он потерял способность сообразить что-нибудь, что прямо подошел к дворницкой и растворил ее.	1966. Р., С., А.
1967. Если бы дворник спросил его: "что надо?" -- он, может быть, так прямо и подал бы ему топор.	1967. С.
1968. Но дворника опять не было, и он успел уложить топор на прежнее место под скамью; даже поленом прикрыл по-прежнему.	1968. Р., Г., А.
1969. Никого, ни единой души, не встретил он потом до самой своей комнаты; хозяйкина дверь была заперта.	1969. Р., Г.
1970. Войдя к себе, он бросился на диван, так, как был.(разг. форма)	1970. А., Р., С.
1971. Он не спал, но был в забытьи. Если бы кто вошел тогда в его комнату, он бы тотчас же вскочил и закричал.	1971. Р., С.
1972. Клочки и отрывки каких-то мыслей так и кишели в его голове; но он ни одной не мог схватить, ни на одной не мог остановиться, несмотря даже на усилия...	1972. Р., С., Г.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
I	
1973. Так пролежал он очень долго. Случалось, что он как будто и просыпался, и в эти минуты замечал, что уже давно ночь, а встать ему не приходило в голову.	1973. Р.
1974. Наконец он заметил, что уже светло по-дневному.	1974. Р., А.
1975. Он лежал на диване навзничь, еще остолбенелый от недавнего забытья.	1975. Р., С.
1976. До него резко доносились страшные, отчаянные вопли с улицы, которые, впрочем, он каждую ночь выслушивал под своим окном, в третьем часу. Они-то и разбудили его теперь.	1976. Р., С., А.
1977. "А! вот уж и из распивочных пьяные выходят, -- подумал он, -- третий час, --	1977. Р., А.
1978. и вдруг вскочил, точно его сорвал кто с дивана. –	1978. А., С.
1979. Как! Третий уже час!"	1979. С.
1980. Он сел на диване,	1980. А.
1981. -- и тут всё припомнил! Вдруг, в один миг всё припомнил!	1981. Р., С., Г.
1982. В первое мгновение он думал, что с ума сойдет.	1982. А., Р., Г.
1983. Страшный холод обхватил его;	1983. Р., С.
1984. но холод был и от лихорадки, которая уже давно началась с ним во сне.	1984. Р.
1985. Теперь же вдруг ударил такой озноб, что чуть зубы не выпрыгнули и всё в нем так и заходило.	1985. Р., А., С., Г*
1986. Он отворил дверь и начал слушать:	1986. А.
1987. в доме всё совершенно спало.	1987. Р.
1988. С изумлением оглядывал он себя и всё кругом в комнате и не понимал: как это он мог вчера, войдя, не запереть дверей на крючок и броситься на диван, не только не раздевшись,	1988. А., С., Г.
1989. но даже в шляпе: она скатилась и тут же лежала на полу, близ подушки.	1989. Р., С.
1990. "Если бы кто зашел, что бы он подумал?	1990. Г.
1991. Что я пьян, но..."	1991. Р., С.
1992. Он бросился к окошку.	1992. А.

1993. Свету было довольно,	1993. Р.
1994. и он поскорей стал себя оглядывать, всего, с ног до головы, всё свое платье: нет ли следов?	1994. А., Р., Г.
1995. Но так нельзя было:	1995. Р., Г., С.
1996. дрожа от озноба, стал он снимать с себя всё и опять осматривать кругом.	1996. А., Г.
1997. Он перевертел всё, до последней нитки и лоскутка, и, не доверяя себе, повторил осмотр раза три.	1997. Р., А., С.
1998. Но не было ничего, кажется, никаких следов;	1998. Р. , Г.
1999. только на том месте, где панталоны внизу осеклись и висели бахромой, на бахроме этой оставались густые следы запекшейся крови.	1999. Р., Г.
2000. Он схватил складной большой ножик и обрезал бахрому.	2000. А.
2001. Больше, кажется, ничего не было.	2001. Р.
2002. Вдруг он вспомнил, что кошелек и вещи, которые он вытащил у старухи из сундука, все до сих пор у него	2002. Р., Г.
2003. по карманам лежат! Он и не подумал до сих пор их вынуть и спрятать! Не вспомнил о них даже теперь, как платье осматривал! Что ж это?	2003. Р., С.
2004. Мигом бросился он их вынимать и выбрасывать на стол. Выбрав всё, даже вывороти в карманы, чтоб удостовериться, не остается ли еще чего,	2004. А., Р., С.
2005. он всю эту кучу перенес в угол. Там, в самом углу, внизу, в одном месте были разодраны отставшие от стены обои:	2005. А., Р., Г.
2006. тотчас же он начал всё запихивать в эту дыру, под бумагу:	2006. А., С.
2007. "вошло! Всё с глаз долой и кошелек тоже!" -- радостно думал он, привстав и тупо смотря в угол,	2007. Р., С.
2008. в оттопырившуюся еще больше дыру.	2008. Р.
2009. Вдруг он весь вздрогнул от ужаса: "Боже мой, -- шептал он в отчаянии, -- что со мною? Разве это спрятано? Разве так прячут?"	2009. А., С., Г.
2010. Правда, он и не рассчитывал на вещи; он думал, что будут одни только деньги, а потому и не приготовил заранее места,	2010. Р.
2011. -- "но теперь-то, теперь чему я рад? -- думал он. -- Разве так прячут?	2011. А., С., Г.
2012. Подлинно разум меня оставляет!"	2012. Р., С., Г.
2013. В изнеможении сел он на диван,	2013. А., С.
2014. и тотчас же нестерпимый озноб снова затряс его.	2014. Р., С.
2015. Машинально потащил он лежавшее подле, на стуле, бывшее его студенческое зимнее пальто, теплое, но уже почти в лохмотьях, накрылся им,	2015. А., С.
2016. и сон, и бред опять разом охватили его. Он забылся.	2016. Р., С. , А.
2017. Не более как минут через пять вскочил он снова и тотчас же, в исступлении, опять кинулся к своему платью.	2017. А., С., Г.
2018. "Как это мог я опять заснуть, тогда как ничего не сделано!	2018. Г., А., С.
2019. Так и есть, так и есть: петлю подмышкой до сих пор не снял! Забыл, об таком деле забыл! Такая улика!"	2019. Г., С.
2020. Он сдернул петлю и поскорей стал разрывать ее в куски, запихивая их под подушку в белье.	2020. А., С.
2021. "Куски рваной холстины ни в каком случае не возбудят подозрения; кажется так, кажется так!" -- повторял он, стоя среди	2021. Г., А., С.

комнаты, и	
2022. с напряженным до боли вниманием стал опять высматривать кругом, на полу и везде, не забыл ли еще чего-нибудь?	2022. А., Г., С.
2023. Уверенность, что всё, даже память, даже простое соображение оставляют его, начинала нестерпимо его мучить.	2023. Р., Г.
2024. " Что, неужели уж начинается, неужели это уж казнь наступает?	2024. Р., Г., Г.
2025. Вон, вон, так и есть!"	2025. С.
2026. Действительно, обрезки бахромы, которую он срезал с панталон, так и валялись на полу, среди комнаты, чтобы первый увидел!	2026. Р., С.
2027. "Да что же это со мною!" -- вскричал он опять как потерянный.	2027. А., С.
2028. Тут пришла ему в голову странная мысль: что, может быть, и всё его платье в крови, что, может быть, много пятен, но что он их только не видит, не замечает, потому что соображение его ослабело, раздроблено... ум помрачен...	2028. Р., Г., Г.
2029. Вдруг он вспомнил, что и на кошельке была кровь. "Ба! Так, стало быть, и в кармане тоже должна быть кровь, потому что я еще мокрый кошелек тогда в карман сунул!"	2029. Р., С.
2030. Мигом вывоpотил он карман,	2030. А.
2031. и -- так и есть – на подкладке кармана есть следы, пятна!	2031. Г., Р., С.
2032. "Стало быть, не оставил же еще совсем разум, стало быть, есть же соображение и память, коли сам спохватился и догадался! -- подумал он с торжеством,	2032. А., Р., С.
2033. глубоко и радостно вздохнув всею грудью,(как у Акунина)	2033. А., С.
2034. -- просто слабосилие лихорадочное, бред на минуту", -- и он вырвал всю подкладку из левого кармана панталон.	2034. Р., А., Г.
2035. В эту минуту луч солнца осветил его левый сапог:	2035. А., Р.
2036. на носке, который выглядывал из сапога, как будто показались знаки.	2036. Р.
2037. Он сбросил сапог:	2037. А.
2038. "действительно знаки!	2038. Р., С., Г.
2039. Весь кончик носка пропитан кровью"; должно быть, он в ту лужу неосторожно тогда ступил...	2039. Р., С.
2040. "Но что же теперь с этим делать? Куда девать этот носок,	2040. А., Г., С.
бахрому, карман?"	2041. А., Р.
2041. Он сгреб всё это в руку и стоял среди комнаты.	2042. А., Г., С.
2042. "В печку? Но в печке прежде всего начнут рыться.	2043. А., Г., Р.,
2043. Сжечь? Да и чем сжечь? Спичек даже нет.	С.
2044. Нет, лучше выйти куда-нибудь и всё выбросить.	2044. А., Г.
2045. Да! Лучше выбросить! -- повторял он,	2045. А., С.
2046. опять садясь на диван,	2046. А.
2047. -- и сейчас, сию минуту, не медля!.."	2047. А., Г., С.
2048. Но вместо того голова его опять склонилась на подушку;	2048. А.
2049. опять оледенил его нестерпимый озноб;	2049. Р., С., Г.
2050. опять он потащил на себя шинель.	2050. А., С.
2051. И долго, несколько часов, ему всё еще мерещилось порывами, что "вот бы сейчас, не откладывая, пойти куда-нибудь и всё выбросить, чтоб уж с глаз долой, поскорей, поскорей!"	2051. Р., С.
2052. Он порывался с дивана несколько раз, хотел было встать,	2052. А., Р. С.

но уже не мог.	
2053. Окончательно разбудил его сильный стук в двери.	2053. А., Р.
2054. -- Да отвори, жив аль нет? И все-то он дрыхнет! -- кричала Настасья, стуча кулаком в дверь,	2054. А., Р., С.
2055. -- целые дни-то деньские, как пес, дрыхнет!	2055. Р., С.
2056. Пес и есть!	2056. Р., С.
2057. Отвори, что ль. Одиннадцатый час.	2057. Р.
2058. -- А може, и дома нет! -- проговорил мужской голос.	2058. А., Г.
2059. "Ба! это голос дворника...	2059. А., Г., С.
2060. Что ему надо?"	2060. Г.
2061. Он вскочил и сел на диване.	2061. А., С.
2062. Сердце стучало так, что даже больно стало.	2062. Р., С.
2063. -- А крюком кто ж заперся? -- возразила Настасья,	2063. Р., А.
2064. -- ишь, запирать стал! Самого, что ль, унесут?	2064. С.
2065. Отвори, голова, проснись!	2065. А., С.
2066. "Что им надо?	2066. А., Г.
2067. Зачем дворник? Всё известно.	2067. А., Г.,
2068. Сопротивляться или отворить?	2068. А., Г.
2069. Пропадай..."	2069. А., С., Г.
2070. Он привстал, нагнулся вперед и снял крюк.	2070. А.
2071. Вся его комната была такого размера, что можно было снять крюк, не вставая с постели.	2071. Р., С.
2072. Так и есть: стоят дворник и Настасья.	2072. Р.
2073. Настасья как-то странно его оглянула. (как у Акунина с наречием)	2073. А., С.
2074. Он с вызывающим и отчаянным видом взглянул на дворника.	2074. А., С.
2075. Тот молча протянул ему серую, сложенную вдвое бумажку, запечатанную бутылочным сургучом.	2075. А., Р.,
2076. -- Повестка, из конторы, -- проговорил он, подавая бумагу.	2076. А., Г.
-- Из какой конторы?..	
2077. -- В полицию, значит, зовут, в контору. Известно, какая контора.	2077. Г.
2078. -- В полицию!.. Зачем?..	2078. А., Г., С.
2079. -- А мне почем знать. Требуют, и иди. –	2079. Р.
2080. Он внимательно посмотрел на него, осмотрелся кругом и повернулся уходить.	2080. А.
2081. -- Никак совсем разболелся? -- заметила Настасья, не спускавшая с него глаз.	2081. Р., А. , С.
2082. Дворник тоже на минуту обернул голову.	2082. А., С.
2083. -- Со вчерашнего дня в жару, -- прибавила она.	2083. Р., А.
2084. Он не отвечал и держал в руках бумагу, не распечатывая.	2084. Р., Г.
2085. -- Да уж не вставай, -- продолжала Настасья, разжалобясь и видя, что он спускает с дивана ноги.	2085. А., Р., С.
2086. -- Болен, так и не ходи: не сгорит.	2086. Р.
2087. Что у те в руках-то?	2087. Р., А., Г.
Он взглянул: в правой руке у него отрезанные куски бахромы, носок и лоскутья вырванного кармана.	
2088. Так и спал с ними.	2088. Р., Г.
2089. Потом уже, размышляя об этом, вспоминал он, что, и полупросыпаясь в жару, крепко-накрепко стискивал всё это в	2089. Р., А., С.

руке и так опять засыпал.	
2090. -- Ишь лохмотьев каких набрал и спит с ними, ровно с кладом... –	2090. Р., С., Г.
2091. И Настасья закатилась своим болезненно-нервическим смехом. (как у акунина)	2091. А., С.
2092. Мигом сунул он всё под шинель и пристально впился в нее глазами.	2092. А., С.
2093. Хоть и очень мало мог он в ту минуту вполне толково сообразить, но чувствовал, что с человеком не так обращаться будут, когда придут его брать.	2093. Р., С., Г.
2094. "Но... полиция?"	2094. Г., С.
2095. -- Чаю бы выпил? Хошь, что ли? Принесу; осталось...	2095. Р., А., С.
2096. -- Нет... я пойду: я сейчас пойду, -- бормотал он, становясь на ноги.	2096. А., С.
2097. -- Поди, и с лестницы не сойдешь?	2097. Р., А.
2098. -- Пойду...	2098. А., С.
2099. -- Как хошь.	2099. А.
Она ушла вслед за дворником.	
2100. Тотчас же бросился он к свету осматривать носок и бахрому: "Пятна есть, но не совсем приметно; всё загрязнилось, затерлось и уже выцвело. Кто не знает заранее -- ничего не разглядит.	2100. А., Г., Р., С.
2101. Настасья, стало быть, ничего издали не могла приметить,	2101. Р., Г.
2102. слава богу!"	2102. С.
2103. Тогда с трепетом распечатал он повестку и стал читать;	2103. А., С., Г.
2104. долго читал он и наконец-то понял.	2104. Р., Г.
2105. Это была обыкновенная повестка из квартала явиться на сегодняшний день, в половине десятого, в контору квартального надзирателя.	2105. Г., Р.
2106. "Да когда ж это бывало? Никаких я дел сам по себе не имею с полицией! И почему как раз сегодня? -- думал он в мучительном недоумении. –	2106. Г., Р.
2107. Господи, поскорей бы уж!"	2107. С., Г.
2108. Он было бросился на колени молиться, но даже сам рассмеялся,	2108. А., С.
2109. -- не над молитвой, а над собой.	2109. Р.
2110. Он поспешно стал одеваться. "Пропаду так пропаду, всё равно!	2110. А., С., Г.
2111. Носок надеть! -- вздумалось вдруг ему, -- еще больше затрется в пыли, и следы пропадут".	2111. А., Г., С.
2112. Но только что он надел, тотчас же и сдернул его с отвращением и ужасом.	2112. А., С.
2113. Сдернул, но, сообразив, что другого нет, взял и надел опять –	2113. А., Р., С.
2114. и опять рассмеялся.	2114. А., С.
2115. "Всё это условно, всё относительно, всё это одни только формы, -- подумал он	2115. Р., Г.
2116. мельком, одним только краешком мысли, а сам дрожа всем телом,	2116. Р., С., Г.
2117. -- ведь вот надел же! Ведь кончил же тем, что надел!"	2117. Р., С.
2118. Смех, впрочем, тотчас же сменился отчаянием.	2118. Р.
2119. "Нет, не по силам..." -- подумалось ему.	2119. Р., С.

2120. Ноги его дрожали. "От страху", -- пробормотал он про себя.	2120. Р., С., Г.
2121. Голова кружилась и болела от жару.	2121. Р.
2122. "Это хитрость! Это они хотят заманить меня хитростью и вдруг сбить на всем, -- продолжал он про себя, выходя на лестницу. -- Скверно то, что я почти в бреду... я могу соврать какую-нибудь глупость..."	2122. Г., С., А., Р.
2123. На лестнице он вспомнил, что оставляет все вещи так, в обойной дыре, -- "а тут, пожалуй, нарочно без него обыск", --	2123. Р., Г.
2124. вспомнил и остановился.	2124. А., С.
2125. Но такое отчаяние и такой, если можно сказать, цинизм гибели вдруг овладели им, что он махнул рукой и пошел дальше. "Только бы поскорей!.."	2125. Р., А., Г., С.
2126. На улице опять жара стояла невыносимая; хоть бы капля дождя во все эти дни. Опять пыль, кирпич и известка, опять вонь из лавочек и распивочных, опять поминутно пьяные, чухонцы-разносчики и полуразвалившиеся извозчики.	2126. Р., С.
2127. Солнце ярко блеснуло ему в глаза, так что больно стало глядеть и голова его совсем закружилась, -- обыкновенное ощущение лихорадочного, выходящего вдруг на улицу в яркий солнечный день.	2127. Р., А., Г.
2128. Дойдя до поворота во	2128. А.
2129. *вчерашнюю* улицу,	2129. С.
2130. он с мучительною тревогой заглянул в нее,	2130. А., С.
2131. на *тот* дом...	2131. С.
2132. и тотчас же отвел глаза.	2132. А., С.
2133. "Если спросят, я, может быть, и скажу", -- подумал он, подходя к конторе.	2133. Р., Г., Г.
2134. Контора была от него с четверть версты. Она только что переехала на новую квартиру, в новый дом, в четвертый этаж. На прежней квартире он был когда-то мельком, но очень давно.	2134. Р.
2135. Войдя под ворота, он увидел направо лестницу, по которой сходил мужик с книжкой в руках: "дворник, значит; значит, тут и есть контора",	2135. А., Р.
2136. и он стал подниматься наверх наугад. Спрашивать ни у кого ни об чем не хотел.	2136. А., Р., С.
2137. "Войду, стану на колена и всё расскажу..." -- подумал он, входя в четвертый этаж.	2137. Р., А., С., Г.
2138. Лестница была узенькая, крутая и вся в помоях. Все кухни всех квартир во всех четырех этажах отворялись на эту лестницу и стояли так почти целый день. Оттого была страшная духота. Вверх и вниз всходили и сходили дворники с книжками под мышкой, хожалые и разный люд обоего пола -- посетители. Дверь в самую контору была тоже настежь отворена.	2138. Р.
2139. Он вошел и остановился	2139. А.
2140. в прихожей. Тут всё стояли и ждали какие-то мужики.	2140. Р.
2141. Здесь тоже духота была чрезвычайная и, кроме того, до тошноты било в нос свежею, еще невыстоявшеюся краской на тухлой олифе вновь покрашенных комнат.	2141. Р., С.
2142. Переждав немного, он рассудил подвинуться еще вперед, в следующую комнату.	2142. А.
2143. Всё крошечные и низенькие были комнаты.	2143. Р.

2144. Страшное нетерпение тянуло его всё дальше и дальше.	2144. Р., С., Г.
2145. Никто не замечал его.	2145. Р., С.
Во второй комнате сидели и писали какие-то писцы, одетые разве немного его получше, на вид всё странный какой-то народ.	
2146. Он обратился к одному из них.	2146. А.
2147. -- Чего тебе?	2147. А., С.
2148. Он показал повестку из конторы.	2148. А.
2149. -- Вы студент? -- спросил тот, взглянув на повестку.	2149. А., Р.
-- Да, бывший студент.	
2150. Писец оглядел его, впрочем без всякого любопытства.	2150. А., Р., С.,
2151. Это был какой-то особенно взъерошенный человек с неподвижною идеей во взгляде.	Г. 2151. Р., С.
2152. "От этого ничего не узнаешь, потому что ему всё равно", -- подумал Раскольников.	2152. Р., А., С.
2153. -- Ступайте туда, к письмоводителю, -- сказал писец и ткнул вперед пальцем, показывая на самую последнюю комнату.	2153. А., Р.
2154. Он вошел в эту комнату	2154. А.
2155. (четвертую по порядку), тесную и битком набитую публикой -- народом, несколько почище одетым, чем в тех комнатах.	2155. Р., С.
2156. Между посетителями были две дамы. Одна в трауре, бедно одетая, сидела за столом против письмоводителя и что-то писала под его диктовку. Другая же дама, очень полная и багрово-красная, с пятнами, видная женщина, и что-то уж очень пышно одетая, с брошкой на груди, величиной в чайное блюдечко, стояла в сторонке и чего-то ждала.	2156. Р.
2157. Раскольников сунул письмоводителю свою повестку. Тот мельком взглянул на нее, сказал: "подождите" и продолжал заниматься с траурною дамой.	2157. А.
2158. Он перевел дух свободнее. "Наверно, не то!"	2158. Р., С., Г.
2159. Мало-помалу он стал ободряться, он усовещивал себя всеми силами ободриться и опомниться.	2159. Р., Г.
"Какая-нибудь глупость, какая-нибудь самая мелкая неосторожность, и я могу всего себя выдать!	
2160. Гм...	2160. С.
2161. жаль, что здесь воздуху нет, -- прибавил он, -- духота... Голова еще больше кружится...	2161. Р., С.
2162. и ум тоже..."	2162. Р., С., Г.
2163. Он чувствовал во всем себе страшный беспорядок. Он сам боялся не совладеть с собой. Он старался прицепиться к чему-нибудь и о чем бы нибудь думать, о совершенно постороннем, но это совсем не удавалось.	2163. Р., Г.
2164. Письмоводитель сильно, впрочем, интересовал его: ему всё хотелось что-нибудь угадать по его лицу, раскусить.	2164. Р., С.
2165. Это был очень молодой человек, лет двадцати двух, с смуглою и подвижною физиономией, казавшеюся старее своих лет, одетый по моде и фатом, с пробором на затылке, расчесанный и распомаженный, со множеством перстней и колец на белых отчищенных щетками пальцах и золотыми цепями на жилете. С одним бывшим тут иностранцем он даже сказал слова два по-французски, и очень удовлетворительно.	2165. Р.

2166. -- Луиза Ивановна, вы бы сели, -- сказал он мельком разодетой багрово-красной даме, которая всё стояла, как будто не смея сама сесть, хотя стул был рядом.	2166. А., Р., С.
2167. -- Ich danke, [1] ([1] Благодарю *(нем.))*. -- сказала та и тихо, с шелковым шумом, опустилась на стул.	2167. Р., А.
2168. Светло-голубое с белою кружевною отделкой платье ее, точно воздушный шар, распространилось вокруг стула и заняло чуть не полкомнаты.	2168. Р.
2169. Понесло духами.	2169. Р., С.
2170. Но дама, очевидно, робела того, что занимает полкомнаты и что от нее так несет духами,	2170. Р., С.
2171. хотя и улыбалась трусливо и нахально вместе, но с явным беспокойством.	2171. А., С., Р.
2172. Траурная дама наконец кончила и стала вставать.	2172. А.
2173. Вдруг, с некоторым шумом, весьма молодцевато и как-то особенно повертывая с каждым шагом плечами, вошел офицер, бросил фуражку с кокардой на стол и сел в кресла.	2173. А., Р., С.
2174. Пышная дама так и подпрыгнула с места, его завидя, и с каким-то особенным восторгом принялась приседать;	2174. А., С.
2175. но офицер не обратил на нее ни малейшего внимания,	2175. Р., С.
2176. а она уже не смела больше при нем садиться.	2176. Р., С.
2177. Это был поручик, помощник квартального надзирателя, с горизонтально торчавшими в обе стороны рыжеватыми усами и с чрезвычайно мелкими чертами лица,	2177. Р.
2178. ничего, впрочем, особенного, кроме некоторого нахальства, не выражавшими.	2178. Р., С.
2179. Он искоса и отчасти с негодованием посмотрел на Раскольникова:	2179. А., С. , Г.
2180. слишком уж на нем был скверен костюм,	2180. Р., Г.
2181. и, несмотря на всё принижение, всё еще не по костюму была осанка;	2181. Р., С.
2182. Раскольников, по неосторожности, слишком прямо и долго посмотрел на него, так что тот даже обиделся.	2182. А., Р., С.
2183. -- Тебе чего? -- крикнул он, вероятно удивляясь, что такой оборванец и не думает стушевываться от его молниеносного взгляда.	2183. А., Р., С.
2184. -- Потребовали... по повестке... -- отвечал кое-как Раскольников.	2184. А., С.
2185. -- Это по делу о взыскании с них денег, с *студента,*	2185. Р., Г.
2186. -- заторопился письмоводитель, отрываясь от бумаги.	2186. А., С.
2187. -- Вот-с! -- и он перекинул Раскольникову тетрадь, указав в ней место, -- прочтите!	2187. А., Г., С.
2188. "Денег? Каких денег? -- думал Раскольников,	2188. Г., С., А.
2189. -- но... стало быть, уж наверно не *то*!"	2189. С., Г.
2190. И он вздрогнул от радости.	2190. А., С.
2191. Ему стало вдруг ужасно, невыразимо легко.	2191. Р., С.
2192. Всё с плеч слетело.	2192. Р., С.
2193. -- А в котором часу вам приходить написано, милостисдарь?	2193. Р., Г., С.
2194. -- крикнул поручик, всё более и более неизвестно чем оскорбляясь, -	2194. А., С.

2195. - вам пишут в девять, а теперь уже двенадцатый час!	2195. Р., С.
2196. -- Мне принесли всего четверть часа назад, -- громко и через плечо отвечал Раскольников,	2196. Р., А., С.
2197. тоже внезапно и неожиданно для себя рассердившийся	2197. Р.
2198. и даже находя в этом некоторое удовольствие.	2198. Р., С.
2199. -- И того довольно, что я больной в лихорадке пришел.	2199. Р.
2200. -- Не извольте кричать!	2200. А., С.
2201. -- Я и не кричу, а весьма ровно говорю, а это вы на меня кричите;	2201. А., Р.
2202. а я студент и кричать на себя не позволю.	2202. Р., С.
2203. Помощник до того вспылил, что в первую минуту даже ничего не мог выговорить, и только какие-то брызги вылетали из уст его.	2203. Р., А., С.
2204. Он вскочил с места.	2204. А.
2205. -- Извольте ма-а-а-лчать! Вы в присутствии. Не гр-р-рубиянить, судырь!	2205. А., С.
2206. -- Да и вы в присутствии, -- вскрикнул Раскольников, -- а кроме того, что кричите, папиросу курите, стало быть, всем нам манкируете.	2206. А., С.
2207. -- Проговорив это, Раскольников почувствовал невыразимое наслаждение.	2207. Р., С.
2208. Письмоводитель с улыбкой смотрел на них.	2208. Р., С.
2209. Горячий поручик был видимо озадачен.	2209. Р., С.
2210. -- Это не ваше дело-с! -- прокричал он наконец как-то неестественно громко,	2210. А., С.
2211. -- а вот извольте-ка подать отзыв, который с вас требуют.	2211. Р., Г.
2212. Покажите ему, Александр Григорьевич.	2212. А.
2213. Жалобы на вас! Денег не платите!	2213. Р., С.
2214. Ишь какой вылетел сокол ясный!	2214. Р., С.
2215. Но Раскольников уже не слушал и жадно схватился за бумагу, ища поскорей разгадки.	2215. А., Р., Г.
2216. Прочел раз, другой, и не понял. -- Это что же? -- спросил он письмоводителя.	2216. А., Р., С. , Г.
2217. -- Это деньги с вас по заемному письму требуют, взыскание. Вы должны или уплатить со всеми издержками, пенными и прочими, или дать письменно отзыв, когда можете уплатить, а вместе с тем и обязательство не выезжать до уплаты из столицы и не продавать и не скрывать своего имущества. А заимодавец волен продать ваше имущество, а с вами поступить по законам.	2217. Р., Г.
2218. -- Да я...	2218. А., С.
2219. никому не должен!	2219. Р., С.
2220. -- Это уж не наше дело.	2220. А., С.
2221. А к нам вот поступило ко взысканию просроченное и законно протестованное заемное письмо в сто пятнадцать рублей, выданное вами вдове, коллежской асессорше Зарницыной, назад тому девять месяцев, а от вдовы Зарницыной перешедшее уплатою к надворному советнику Чебарову, мы и приглашаем вас посему к отзыву.	2221. Р., Г.
2222. -- Да ведь она ж моя хозяйка?	2222. Р., С.
2223. -- Ну так что ж, что хозяйка? Письмоводитель смотрел на него с снисходительною улыбкой	2223. А., Р., С.

сожаления,	
2224. а вместе с тем и некоторого торжества, как на новичка, которого только что начинают обстреливать: "Что, дескать, каково ты теперь себя чувствуешь?"	2224. Р., С.
2225. Но какое, какое было ему теперь дело до заемного письма, до взыскания! Стоило ли это теперь хоть какой-нибудь тревоги, в свою очередь, хотя какого-нибудь даже внимания!	2225. Р., С., Г.
2226. Он стоял, читал, слушал, отвечал, сам даже спрашивал, но всё это машинально.	2226. А., С., Г.
2227. Торжество самосохранения, спасение от давившей опасности -- вот что наполняло в эту минуту всё его существо, без предвидения, без анализа, без будущих загадываний и отгадываний, без сомнений и без вопросов.	2227. Р., С.
2228. Это была минута полной, непосредственной, чисто животной радости.	2228. Р.
2229. Но в эту самую минуту в конторе произошло нечто вроде грома и молнии.	2229. А., Р., Г.
2230. Поручик, еще весь потрясенный непочтительностию, весь пылая и, очевидно, желая поддержать пострадавшую амбицию,	2230. Р.
2231. набросился	2231. А.
2232. всеми перунами	2232. С.
2233. на несчастную "пышную даму", смотревшую на него, с тех самых пор как он вошел, с преглупейшею улыбкой.	2233. Р., С.
2234. -- А ты, такая-сякая и этакая, -- крикнул он вдруг во всё горло	2234. А., С.
2235. (траурная дама уже вышла),	2235. Р.
2236. -- у тебя там что прошедшую ночь произошло? а?	2236. Г., С.
2237. Опять позор, дебош на всю улицу производишь. Опять драка и пьянство.	2237. Г., Р.
2238. В смирительный мечтаешь!	2238. С.
2239. Ведь я уж тебе говорил, ведь я уж предупреждал тебя десять раз, что в одиннадцатый не спущу!	2239. Р., С.
2240. А ты опять, опять, такая-сякая ты этакая!	2240. С.
2241. Даже бумага выпала из рук Раскольникова,	2241. А., С.
2242. и он дико смотрел на пышную даму, которую так бесцеремонно отделывали;	2242. Р., С.
2243. но скоро, однако же, сообразил, в чем дело, и тотчас же вся эта история начала ему очень даже нравиться.	2243. Р., С.
2244. Он слушал с удовольствием,	2244. Р.
2245. так даже, что хотелось хохотать, хохотать, хохотать...	2245. Р., С.
2246. Все нервы его так и прыгали.	2246. Р., С.
2247. -- Илья Петрович! -- начал было письмоводитель заботливо,	2247. А., Р.
2248. но остановился выждать время, потому что вскипевшего поручика нельзя было удержать иначе, как за руки, что он знал по собственному опыту.	2248. А., Р.
2249. Что же касается пышной дамы, то вначале она так и затрепетала от грома и молнии; но	2249. Р., С.
2250. странное дело: чем многочисленнее и крепче становились ругательства, тем вид ее становился любезнее, тем очаровательнее делалась ее улыбка, обращенная к грозному поручику.	2250. Р., А., С.

2251. Она семенила на месте и беспрерывно приседала, с нетерпением выжидая, что наконец-то и ей позволят ввернуть свое слово,	2251. А., С.
2252. и дождалась.	2252. Р. , С.
2253. -- Никакой шум и драки у меня не буль, господин капитэн,	2253. Р.
2254. -- затараторила она вдруг, точно горох просыпали,	2254. А., С.
2255. с крепким немецким акцентом, хотя и бойко по-русски,	2255. Р., С.
2256. -- и никакой, никакой шкандаль, а они пришоль пьян, и это я всё расскажит, господин капитэн, а я не виноват... у меня благородный дом, господин капитэн, и благородное обращение, господин капитэн, и я всегда, всегда сама не хотель никакой шкандаль.	2256. Р., С.
2257. А они совсем пришоль пьян и потом опять три путилки спросил, а потом один поднял ноги и стал ногом фортепьян играль,	2257. А., Р., С.
2258. и это совсем нехорошо в благородный дом,	2258. Р., С.
2259. и он ганц фортепьян ломаль,	2259. А., С.
2260. и совсем, совсем тут нет никакой манир, и я сказаль.	2260. Р.
2261. А он путилку взял и стал всех сзади путилкой толкаль.	2261. А.
2262. И тут как я стал скоро дворник позваль и Карль пришоль, он взял Карль и глаз прибиль, и Генриет тоже глаз прибиль, а мне пять раз щеку биль.	2262. А., Р., С.
2263. И это так неделикатно в благородный дом, господин капитэн, и я кричаль.	2263. Р., С.
2264. А он на канав окно отворяль и стал в окно, как маленькая свинья, визжаль;	2264. А., С.
2265. и это срам. И как можно в окно на улиц, как маленькая свинья, визжаль; и это срам. Фуй-фуй-фуй!	2265. А., С.
2266. И Карль сзади его за фрак от окна таскаль	2266. Р., С.
2267. и тут, это правда, господин капитэн, ему зейн рок изорваль.	2267. А. , С.
2268. И тогда он кричаль, что ему пятнадцать целковых ман мус штраф платиль. И я сама, господин капитэн, пять целковых ему зейнрок платиль.	2268. Р., С.
2269. И это неблагородный гость, господин капитэн, и всякой шкандаль делаль! Я, говориль, на вас большой сатир гедрюкт будет, потому я во всех газет могу про вас всё сочиниль.	2269. Р., С.
2270. -- Из сочинителей, значит? -- Да, господин капитэн, и какой же это неблагородный гость, господин капитэн, когда в благородный дом...	2270. Р., С.
2271. -- Ну-ну-ну! Довольно! Я уж тебе говорил, говорил, я ведь тебе говорил...	2271. Р.
2272. -- Илья Петрович! -- снова значительно проговорил письмоводитель.	2272. С.
2273. Поручик быстро взглянул на него; письмоводитель слегка кивнул головой.	2273. А., С.
2274. -- ...Так вот же тебе, почтеннейшая *Лавиза* Ивановна, мой последний сказ, и уж это в последний раз, -- продолжал поручик. -- Если у тебя еще хоть один только раз в твоем благородном доме произойдет скандал,	2274. А., С., Г.
2275. так я тебя самое на цугундер, как в высоком слоге говорится. Слышала?	2275. А., Р.

2276. Так литератор, сочинитель, пять целковых в "благородном доме" за фалду взял?	2276. С.
2277. Вон они, сочинители! -- и он метнул презрительный взгляд на Раскольникова.	2277. Р.,С. , А.
2278. -- Третьего дня в трактире тоже история: пообедал, а платить не желает; "я, дескать, вас в сатире за то опишу". На пароходе тоже другой, на прошлой неделе, почтенное семейство статского советника, жену и дочь, подлейшими словами обозвал. Из кондитерской намедни в толчки одного выгнали.	2278. Р., С.
2279. Вот они каковы, сочинители, литераторы, студенты, глашатаи... тьфу!	2279. Р., С.
2280. А ты пошла! Я вот сам к тебе загляну... тогда берегись! Слышала?	2280. С.
2281. Луиза Ивановна с утопленною любезностью пустилась приседать на все стороны и, приседая, допятилась до дверей; но в дверях наскочила задом на	2281. А., С.
2282. одного видного офицера, с открытым свежим лицом и с превосходными густейшими белокурыми бакенами. Это был сам Никодим Фомич, квартальный надзиратель.	2282. Р.
2283. Луиза Ивановна поспешила присесть чуть не до полу и частыми мелкими шагами, подпрыгивая, полетела из конторы.	2283. А., С.
2284. -- Опять грохот, опять гром и молния, смерч, ураган! –	2284. А., С.
2285. любезно и дружески обратился Никодим Фомич к Илье Петровичу,	2285. Р., С.
2286. -- опять растревожили сердце, опять закипел! Еще с лестницы слышал.	2286. С.
2287. -- Да што! -- с благородною небрежностию проговорил Илья Петрович (и даже не што, а как-то: "Да-а шта-а!"), переходя с какими-то бумагами к другому столу	2287. А., С.
2288. и картинно передергивая с каждым шагом плечами, куда шаг, туда и плечо;	2288. Р., С.
2289. -- вот-с, изволите видеть: господин сочинитель, то бишь студент, бывший то есть, денег не платит, векселей надавал, квартиру не очищает, беспрерывные на них поступают жалобы, а изволили в претензию войти, что я папироску при них закурил!	2289. А., Р., С.
2290. Сами п-п-подличают, а вот-с, извольте взглянуть на них: вот они в самом своем привлекательном теперь виде-с!	2290. Р., С. (ирония)
2291. -- Бедность не порок, дружище,	2291. А., Р., С.
2292. ну да уж что!	2292. С.
2293. Известно, порох, не мог обиды перенести.	2293. Р.
2294. Вы чем-нибудь, верно, против него обиделись и сами не удержались, -- продолжал Никодим Фомич, любезно обращаясь к Раскольникову, -- но это вы напрасно:	2294. А., Р.,
2295. на-и-бла-га-а-ар-р-роднейший, я вам скажу, человек, но порох, порох! Вспылил, вскипел, сгорел -- и нет! И всё прошло! И в результате одно только золото сердца! Его и в полку прозвали: "поручик-порох"...	2295. Р., С.
2296. -- И какой еще п-п-полк был! -- воскликнул Илья Петрович,	2296. А., С.
2297. весьма довольный, что его так приятно пощекотали, но всё еще будируя.	2297. Р., С. (ирония)
2298. Раскольникову вдруг захотелось сказать им всем что-	2298. Р., С.

нибудь необыкновенно приятное.	
2299. -- Да помилуйте, капитан, -- начал он весьма развязно, обращаясь вдруг к Никодиму Фомичу, -- вникните и в мое положение...	2299. А., С.
2300. Я готов даже просить у них извинения, если в чем с своей стороны манкировал.	2300. Р., С.
2301. Я бедный и больной студент, удрученный	2301. Р.
2302. (он так и сказал: "удрученный")	2302. С.
2303. бедностью. Я бывший студент, потому что теперь не могу содержать себя,	2303. Р.
2304. но я получу деньги... У меня мать и сестра в -- й губернии. Мне пришлют, и я... заплачу.	2304. Р., С.
2305. Хозяйка моя добрая женщина, но она до того озлилась, что я уроки потерял и не плачу четвертый месяц, что не присылает мне даже обедать...	2305. Р.
2306. И не понимаю совершенно, какой это вексель! Теперь она с меня требует по заемному этому письму, что ж я ей заплачу, посудите сами!..	2306. Р.
2307. -- Но это ведь не наше дело... -- опять было заметил письмоводитель...	2307. А.
2308. -- Позвольте, позвольте, я с вами совершенно согласен, но позвольте и мне разъяснить, -- подхватил опять Раскольников,	2308. А., С.
2309. обращаясь не к письмоводителю, а всё к Никодиму Фомичу, но стараясь всеми силами обращаться тоже и к Илье Петровичу, хотя тот упорно делал вид, что роется в бумагах и презрительно не обращает на него внимания,	2309. Р., С.
2310. -- позвольте и мне с своей стороны разъяснить, что я живу у ней уж около трех лет, с самого приезда из провинции и прежде...	2310. Р.
2311. прежде...	2311. С.
2312. впрочем, отчего ж мне и не признаться в свою очередь, с самого начала я дал обещание, что женюсь на ее дочери, обещание словесное, совершенно свободное...	2312. Р.
2313. Это была девушка...	2313. Р., С.
2314. впрочем, она мне даже нравилась...	2314. Р., С.
2315. хотя я и не был влюблен...	2315. Р., С.
2316. одним словом, молодость,	2316. Р., С.
2317. то есть я хочу сказать, что хозяйка мне делала тогда много кредиту и я вел отчасти такую жизнь...	2317. Р., С.
2318. я очень был легкомыслен...	2318. Р., С.
2319. -- С вас вовсе не требуют таких интимностей, милостисдарь, да и времени нет, -- грубо и с торжеством перебил было Илья Петрович,	2319. А., С.
2320. но Раскольников с жаром остановил его,	2320. А., С.
2321. хотя ему чрезвычайно тяжело стало вдруг говорить.	2321. Р., Г.
2322. -- Но позвольте, позвольте же мне, отчасти, всё рассказать...	2322. А.
2323. как было дело и... в свою очередь... хотя это и лишнее, согласен с вами, рассказывать, --	2323. А., С.
2324. но год назад эта девица умерла от тифа, я же остался жильцом, как был, и хозяйка, как переехала на теперешнюю квартиру, сказала мне...	2324. Р.

2325. и сказала дружески...	2325. Р., С.
2326. что она совершенно во мне уверена и всё...	2326. Р., С.
2327. но что не захочу ли я дать ей это заемное письмо в сто пятнадцать рублей, всего что она считала за мной долгу.	2327. Р.
2328. Позвольте-с: она именно сказала, что, как только я дам эту бумагу, она опять будет меня кредитовать сколько угодно и что	2328. Р.
2329. никогда, никогда, в свою очередь, -- это ее собственные слова были, --	2329. С.
2330. она не воспользуется этой бумагой, покамест я сам заплачу...	2330. Р.
2331. И вот теперь, когда я и уроки потерял и мне есть нечего, она и подает ко взысканию... Что ж я теперь скажу?	2331. Р., С.
2332. -- Все эти чувствительные подробности, милостисдарь, до нас не касаются, -- нагло отрезал Илья Петрович,	2332. А., С.
2333. -- вы должны дать отзыв и обязательство,	2333. Р.
2334. а что вы там изволили быть влюблены и все эти трагические места, до этого нам совсем дела нет.	2334. С.
2335. -- Ну уж ты...	2335. А., С.
2336. жестоко...	2336. Р., С.
2337. -- пробормотал Никодим Фомич, усаживаясь к столу и тоже принимаясь подписывать.	2337. А.
2338. Ему как-то стыдно стало.	2338. Р., С.
2339. -- Пишите же, -- сказал письмоводитель Раскольникову.	2339. А.
2340. -- Что писать? -- спросил тот как-то особенно грубо.	2340. А., С.
2341. -- А я вам продиктую.	2341. А., Р.
2342. Раскольникову показалось, что письмоводитель стал с ним небрежнее и презрительнее после его исповеди,	2342. Р.
2343. но, странное дело, -- ему вдруг стало самому решительно всё равно до чьего бы то ни было мнения, и перемена эта произошла как-то в один миг, в одну минуту.	2343. Р., С., Г.
2344. Если б он захотел подумать немного, то, конечно, удивился бы тому, как мог он так говорить с ними, минуту назад, и даже навязываться с своими чувствами? И откуда взялись эти чувства?	2344. Р., С., Г.
2345. Напротив, теперь, если бы вдруг комната наполнилась не квартальными, а первейшими друзьями его, то и тогда, кажется, не нашлось бы для них у него ни одного человеческого слова, до того вдруг опустело его сердце.	2345. Р., С., Г.
2346. Мрачное ощущение мучительного, бесконечного уединения и отчуждения вдруг сознательно сказалось душе его.	2346. Р., Г.
2347. Не низость его сердечных излияний перед Ильей Петровичем, не низость и поручикова торжества над ним перевернули вдруг так ему сердце.	2347. Г.
2348. О, какое ему дело теперь до собственной подлости, до всех этих амбиций, поручиков, немок, взысканий, контор и проч., и проч.! Если б его приговорили даже сжечь в эту минуту, то и тогда он не шевельнулся бы, даже вряд ли прослушал бы приговор внимательно.	2348. Р., С., Г.
2349. С ним совершалось что-то совершенно ему незнакомое, новое, внезапное и никогда не бывалое.	2349. Г.
2350. Не то чтоб он понимал, но он ясно ощущал, всею силою ощущения, что не только с чувствительными экспансивностями,	2350. Р., С., Г.

как давеча, но даже с чем бы то ни было ему уже нельзя более обращаться к этим людям, в квартальной конторе, и будь это всё его родные братья и сестры, а не квартальные поручики, то и тогда ему совершенно незачем было бы обращаться к ним и даже ни в каком случае жизни;	
2351. он никогда еще до сей минуты не испытывал подобного странного и ужасного ощущения. И что всего мучительнее -- это было более ощущение, чем сознание, чем понятие; непосредственное ощущение, мучительнейшее ощущение из всех до сих пор жизнию пережитых им ощущений.	2351. Р.
2352. Письмоводитель стал диктовать ему	2352. А.
2353. форму обыкновенного в таком случае отзыва, то есть заплатить не могу, обещаюсь тогда-то (когда-нибудь), из города не выеду, имущество ни продавать, ни дарить не буду и проч.	2353. Р., С.
2354. -- Да вы писать не можете, у вас перо из рук валится, -- заметил письмоводитель, с любопытством вглядываясь в Раскольникова.	2354. Р., А.
2355. -- Вы больны? - Да...	2355. Р.
2356. голова кругом...	2356. Р., С.
2357. говорите дальше!	2357. А.
2358. -- Да всё!	2358. А., С.
2359. подпишитесь.	2359. Р.
2360. Письмоводитель отобрал бумагу и занялся с другими.	2360. А.
2361. Раскольников отдал перо, но вместо того, чтоб встать и уйти, положил оба локтя на стол и стиснул руками голову.	2361. А.
2362. Точно гвоздь ему вбивали в темя.	2362. Р., С.
2363. Странная мысль пришла ему вдруг: встать сейчас, подойти к Никодиму Фомичу и рассказать ему всё вчерашнее, всё до последней подробности, затем пойти вместе с ними на квартиру и указать им вещи, в углу, в дыре.	2363. Р., Г.
2364. Позыв был до того силен, что он уже встал с места, для исполнения.	2364. Р., А., Г.
2365. "Не обдумать ли хоть минуту? -- пронеслось в его голове.	2365. Р., А., Г.
2366. -- Нет, лучше и не думая, и с плеч долой!"	2366. Р., С., Г.
2367. Но вдруг он остановился как вкопанный:	2367. А., С.
2368. Никодим Фомич говорил с жаром Илье Петровичу,	2368. А., С., Г.
2369. и до него долетели слова:	2369. Р.
2370. -- Быть не может, обоих освободят!	2370. Г.
2371. Во-первых, всё противоречит; судите: зачем им дворника звать, если б это их дело? На себя доносить, что ли? Аль для хитрости? Нет, уж было бы слишком хитро! И, наконец, студента Пестрякова видели у самых ворот оба дворника и мещанка в самую ту минуту, как он входил: он шел с тремя приятелями и расстался с ними у самых ворот и о жительстве у дворников расспрашивал, еще при приятелях. Ну, станет такой о жительстве расспрашивать, если с таким намерением шел? А Кох, так тот, прежде чем к старухе заходить, внизу у серебряника полчаса сидел и ровно без четверти восемь от него к старухе наверх пошел. Теперь сообразите...	2371. Р., Г.
2372. -- Но позвольте, как же у них такое противоречие вышло: сами уверяют, что стучались и что дверь была заперта, а через три	2372. Г.

минуты, когда с дворником пришли, выходит, что дверь отперта?	
2373. -- В том и штука: убийца непременно там сидел и заперся на запор; и непременно бы его там накрыли, если бы не Кох сдурил, не отправился сам за дворником. А *он* именно в этот-то промежуток и успел спуститься по лестнице и прошмыгнуть мимо их как-нибудь.	2373. Г.,
2374. Кох обеими руками крестится: "Если б я там, говорит, остался, он бы выскочил и меня убил топором". Русский молебен хочет служить, хе-хе!..	2374. Р., С.
2375. -- А убийцу никто и не видал?	2375. Г.
2376. -- Да где ж тут увидеть? Дом -- Ноев ковчег, -- заметил письмоводитель, прислушивавшийся с своего места.	2376. А., Р.
2377. -- Дело ясное, дело ясное! -- горячо повторил Никодим Фомич.	2377. С., Г., А.
2378. -- Нет, дело очень неясное, -- скрепил Илья Петрович.	2378. А., Г.
2379. Раскольников поднял свою шляпу и пошел к дверям,	2379. А.
2380. но до дверей он не дошел...	2380. Р., С.
2381. Когда он очнулся, то увидал, что сидит на стуле,	2381. А., С.
2382. что его поддерживает справа какой-то человек, что слева стоит другой человек, с желтым стаканом, наполненным желтою водою, и что Никодим Фомич стоит перед ним и пристально глядит на него;	2382. Р.
2383. он встал со стула.	2383. А.
2384. -- Что это, вы больны? -- довольно резко спросил Никодим Фомич.	2384. Р., А.
2385. -- Они и как подписывались, так едва пером водили, -- заметил письмоводитель, усаживаясь на свое место и принимаясь опять за бумаги.	2385. Р., А.
2386. -- А давно вы больны? -- крикнул Илья Петровичс своего места и тоже перебирая бумаги.	2386. А., Р.
2387. Он, конечно, тоже рассматривал больного, когда тот был в обмороке, но тотчас же отошел, когда тот очнулся.	2387. А., С.
2388. -- Со вчерашнего... -- пробормотал в ответ Раскольников.	2388. А., Г.
2389. -- А вчера со двора выходили? -- Выходил. -- Больной? -- Больной. -- В котором часу? -- В восьмом часу вечера. -- А куда, позвольте спросить? -- По улице.	2389. А., Г
2390. -- Коротко и ясно.	2390. С.
2391. Раскольников отвечал резко, отрывисто, весь бледный как платок и не опуская черных воспаленных глаз своих перед взглядом Ильи Петровича.	2391. Р., С.
2392. -- Он едва на ногах стоит, а ты... -- заметил было Никодим Фомич.	2392. Р., С., А.
2393. -- Ни-че-го! -- как-то особенно проговорил Илья Петрович.	2393. Г., А., С.
2394. Никодим Фомич хотел было еще что-то присовокупить, но, взглянув на письмоводителя, который тоже очень пристально смотрел на него, замолчал.	2394. Р., А., С.

2395. Все вдруг замолчали.	2395. А., С., Г.
2396. Странно было.	2396. С., Г.
2397. -- Ну-с, хорошо-с, -- заключил Илья Петрович, -- мы вас не задерживаем.	2397. А., Р.
2398. Раскольников вышел.	2398. А.
2399. Он еще мог расслышать, как по выходе его начался оживленный разговор, в котором слышнее всех отдавался вопросительный голос Никодима Фомича...	2399. Р., Г.
2400. На улице он совсем очнулся. "Обыск, обыск, сейчас обыск! -- повторял он про себя, торопясь дойти ;	2400. А., Г., С.
2401. -- разбойники! подозревают!" Давешний страх опять охватил его всего, с ног до головы.	2401. А., Р., С.
II	
2402. "А что, если уж и был обыск? Что, если их как раз у себя и застану?"	2402. А., Г.
2403. Но вот его комната.	2403. А.
2404. Ничего и никого; никто не заглядывал. Даже Настасья не притрогивалась.	2404. Р.
2405. Но, господи!	2405. С.
2406. Как мог он оставить давеча все эти вещи в этой дыре?	2406. Р., С., Г.
2407. Он бросился в угол, запустил руку под обои и стал вытаскивать вещи и нагружать ими карманы.	2407. А.
2408. Всего оказалось восемь штук: две маленькие коробки с серьгами или с чем-то в этом роде -- он хорошенько не посмотрел; потом четыре небольшие сафьянные футляра. Одна цепочка была просто завернута в газетную бумагу. Еще что-то в газетной бумаге, кажется орден...	2408. Р., С.
2409. Он поклал всё в разные карманы, в пальто и в оставшийся правый карман панталон, стараясь, чтоб было неприметнее. Кошелек тоже взял заодно с вещами.	2409. Р., Г.
2410. Затем вышел из комнаты,	2410. А.
2411. на этот раз даже оставив ее совсем настежь.	2411. Р., С., Г.
2412. Он шел скоро и твердо, (как у Акунина)	2412. А., С.
2413. и хоть чувствовал, что весь изломан, но сознание было при нем.	2413. Р., С.
2414. Боялся он погони, боялся, что через полчаса, через четверть часа уже выйдет, пожалуй, инструкция следить за ним; стало быть, во что бы ни стало, надо было до времени схоронить концы.	2414. Р., Г.
2415. Надо было управиться, пока еще оставалось хоть сколько-нибудь сил и хоть какое-нибудь рассуждение...	2415. Р., Г., С.
2416. Куда же идти?	2416. Р., Г.
2417. Это было уже давно решено: "Бросить всё в канаву, и концы в воду, и дело с концом".	2417. Г., Р.
2418. Так порешил он еще ночью, в бреду, в те мгновения, когда, он помнил это, несколько раз порывался встать и идти: "поскорей, поскорей, и всё выбросить".	2418. А.
2419. Но выбросить оказалось очень трудно.	2419. Р.
2420. Он бродил по набережной Екатерининского канала уже с	2420. А., Р.

полчаса, а может и более, и несколько раз посматривал на сходы в канаву, где их встречал. Но и подумать нельзя было исполнить намерение:	
2421. или плоты стояли у самых сходов и на них прачки мыли белье, или лодки были причалены, и везде люди так и кишат,	2421. Р., С.
2422. да и отовсюду с набережных, со всех сторон, можно видеть, заметить: подозрительно, что человек нарочно сошел, остановился и что-то в воду бросает.	2422. Р., Г.
2423. А ну как футляры не утонут, а поплывут?	2423. Г.
2424. Да и конечно так. Всякий увидит.	2424. Р., Г.
2425. И без того уже все так и смотрят, встречаясь, оглядывают, как будто им и дело только до него.	2425. Р., С.
2426. "Отчего бы так, или мне, может быть, кажется", -- думал он.	2426. Г., С., А.
2427. Наконец пришло ему в голову, что не лучше ли будет пойти куда-нибудь на Неву? Там и людей меньше, и незаметнее, и во всяком случае удобнее, а главное -- от здешних мест дальше.	2427. А., Р., Г.
2428. И удивился он вдруг: как это он целые полчаса бродил в тоске и тревоге, и в опасных местах, а этого не мог раньше выдумать!	2428. А., С., Р., Г.
2429. И потому только целые полчаса на безрассудное дело убил, что так уже раз во сне, в бреду решено было!	2429. Р., С.
2430. Он становился чрезвычайно рассеян и забывчив и знал это.	2430. Р.
2431. Решительно надо было спешить!	2431. Г., С.
2432. Он пошел к Неве по В -- му проспекту;	2432. Р.
2433. но дорогою ему пришла вдруг еще мысль: "Зачем на Неву? Зачем в воду? Не лучше ли уйти куда-нибудь очень далеко, опять хоть на Острова, и там где-нибудь, в одиноком месте, в лесу, под кустом, -- зарыть всё это и дерево, пожалуй, заметить?"	2433. А., Г.
2434. И хотя он чувствовал, что не в состоянии всего ясно и здраво обсудить в эту минуту, но мысль ему показалась безошибочною.	2434. Р., С.
2435. Но и на Острова ему не суждено было попасть,	2435. Р., Г.
2436. а случилось другое: выходя с В -- го проспекта на площадь, он вдруг увидел налево	2436. Р., А.
2437. вход во двор, обставленный совершенно глухими стенами. Справа, тотчас же по входе в ворота, далеко во двор тянулась глухая небеленая стена соседнего четырехэтажного дома. Слева, параллельно глухой стене и тоже сейчас от ворот, шел деревянный забор, шагов на двадцать в глубь двора, и потом уже делал перелом влево. Это было глухое отгороженное место, где лежали какие-то материалы. Далее, в углублении двора, выглядывал из-за забора угол низкого, закопченного, каменного сарая, очевидно часть какой-нибудь мастерской. Тут, верно, было какое-то заведение, каретное или слесарное, или что-нибудь в этом роде; везде, почти от самых ворот, чернелось много угольной пыли.	2437. Р.
2438. "Вот бы куда подбросить и уйти!" -- вздумалось ему вдруг.	2438. А., Г.
2439. Не замечая никого во дворе, он прошагнул в ворота	2439. А., Р.
2440. и как раз увидал, сейчас же близ ворот, прилаженный у забора желоб	2440. А., Р.
2441. (как и часто устраивается в таких домах, где много	2441. Р.

фабричных, артельных, извозчиков и проч.),	
2442. а над желобом, тут же на заборе, надписана была мелом всегдашняя в таких случаях острота: "Сдесь становитца воз прещено".	2442. Р.
2443. Стало быть, уж и тем хорошо, что никакого подозрения, что зашел и остановился.	2443. Г., С.
2444. "Тут всё так разом и сбросить где-нибудь в кучку и уйти!"	2444. А., С., Г.
2445. Оглядевшись еще раз, он уже засунул и руку в карман, как вдруг	2445. А., Г.
2446. у самой наружной стены, между воротами и желобом, где всё расстояние было шириною в аршин, заметил он большой неотесанный камень, примерно, может быть, пуда в полтора весу, прилегавший прямо к каменной уличной стене. За этою стеной была улица, тротуар, слышно было, как шныряли прохожие, которых здесь всегда немало;	2446. Р.
2447. но за воротами его никто не мог увидать, разве зашел бы кто с улицы, что, впрочем, очень могло случиться, а потому надо было спешить.	2447. Р., Г.
2448. Он нагнулся к камню, схватился за верхушку его крепко, обеими руками, собрал все свои силы и перевернул камень.	2448. А.
2449. Под камнем образовалось небольшое углубление;	2449. Р.
2450. тотчас же стал он бросать в него всё из кармана.	2450. А.
2451. Кошелек пришелся на самый верх, и все-таки в углублении оставалось еще место.	2451. Р.
2452. Затем он снова схватился за камень, одним оборотом перевернул его на прежнюю сторону,	2452. А.
2453. и он как раз пришелся в свое прежнее место, разве немного, чуть-чуть казался повыше.	2453. Р.
2454. Но он подгреб земли и придавил по краям ногою. Ничего не было заметно.	2454. А., Р., Г.
2455. Тогда он вышел и направился к площади.	2455. А.
2456. Опять сильная, едва выносимая радость, как давеча в конторе, овладела им на мгновение. "Схоронены концы!	2456. А., Р., С., Г.
2457. И кому, кому в голову может прийти искать под этим камнем?	2457. Р., Г.
2458. Он тут, может быть, с построения дома лежит и еще столько же пролежит.	2458. Р.
2459. А хоть бы и нашли: кто на меня подумает?	2459. Р., Г., С.
2460. Всё кончено! Нет улик!"	2460. С., Р., Г.,
2461. -- и он засмеялся.	2461. А., С.
2462. Да, он помнил потом, что он засмеялся нервным, мелким, неслышным, долгим смехом,	2462. А., С.
2463. и всё смеялся, всё время, как проходил через площадь.	2463. А., С.
2464. Но когда он ступил на К - й бульвар,	2464. А.
2465. где третьего дня повстречался с тою девочкой, смех его вдруг прошел. Другие мысли полезли ему в голову.	2465. Р., А.,С.
2466. Показалось ему вдруг тоже, что ужасно ему теперь отвратительно проходить мимо той скамейки, на которой он тогда, по уходе девочки, сидел и раздумывал, и ужасно тоже будет тяжело встретить опять того усача, которому он тогда дал двугривенный:	2466. Р., С., Г.
2467. "Черт его возьми!"	2467. С.

2468. Он шел, смотря кругом рассеянно и злобно.	2468. А., С.
2469. Все мысли его кружились теперь около одного какого-то главного пункта, -- и он сам чувствовал, что это действительно такой главный пункт и есть и что теперь, именно теперь, он остался один на один с этим главным пунктом,	2469. Р., Г.
2470. -- и что это даже в первый раз после этих двух месяцев.	2470. Р.
2471. "А черт возьми это всё! -- подумал он вдруг в припадке неистощимой злобы.	2471. А., Р., С., Г.
2472. -- Ну началось, так и началось, черт с ней и с новою жизнию!	2472. Р., С., Г.
2473. Как это, господи, глупо!..	2473. А., Р., С.
2474. А сколько я налгал и наподличал сегодня! Как мерзко лебезил и заигрывал давеча с сквернейшим Ильей Петровичем!	2474. А., Р., С.
2475. А впрочем, вздор и это! Наплевать мне на них на всех, да и на то, что я лебезил и заигрывал!	2475. Р., С.
2476. Совсем не то! Совсем не то!.."	2476. С., Г.
2477. Вдруг он остановился;	2477. А., Г.
2478. новый, совершенно неожиданный и чрезвычайно простой вопрос разом сбил его с толку и горько его изумил:	2478. Р., Г.
2479. "Если действительно всё это дело сделано было сознательно, а не по-дурацки, если у тебя действительно была определенная и твердая цель, то каким же образом ты до сих пор даже и не заглянул в кошелек и не знаешь, что тебе досталось,	2479. Г.,С.
2480. из-за чего все муки принял и на такое подлое, гадкое, низкое дело сознательно шел?	2480. Г.
2481. Да ведь ты в воду его хотел сейчас бросить, кошелек-то, вместе со всеми вещами, которых ты тоже еще не видал... Это как же?"	2481. А., Р., С., Г.
2482. Да, это так; это всё так.	2482. Р., С.
2483. Он, впрочем, это и прежде знал, и совсем это не новый вопрос для него;	2483. Р., Г.
2484. и когда ночью решено было в воду кинуть, то решено было безо всякого колебания и возражения, а так, как будто так тому и следует быть, как будто иначе и быть невозможно...	2484. Р., С., Г.
2485. Да, он это всё знал и всё помнил; да чуть ли это уже вчера не было так решено, в ту самую минуту, когда он над сундуком сидел и футляры из него таскал...	2485. Р., С., А., Г.
2486. А ведь так!..	2486. С.
2487. "Это оттого что я очень болен, -- угрюмо решил он наконец, -- я сам измучил и истерзал себя, и сам не знаю, что делаю...	2487. Г.
2488. И вчера, и третьего дня, и всё это время терзал себя...	2488. Р., С.
2489. Выздоровлю и... не буду терзать себя...	2489. А., Р., С.
2490. А ну как совсем и не выздоровлю?	2490. А., Р., С., Г.
2491. Господи! Как это мне всё надоело!.."	
2492. Он шел не останавливаясь.	2491. С.
2493. Ему ужасно хотелось как-нибудь рассеяться, но он не знал, что сделать и что предпринять.	2492. А. 2493. Р., С.
2494. Одно новое, непреодолимое ощущение овладевало им всё более и более почти с каждой минутой: это было какое-то бесконечное, почти физическое отвращение ко всему встречавшемуся и окружающему, упорное, злобное, ненавистное.	2494. Р., Г.

Ему гадки были все встречные, -- гадки были их лица, походка, движения.	
2495. Просто наплевал бы на кого-нибудь, укусил бы, кажется, если бы кто-нибудь с ним заговорил...	2495. Р., С.
2496. Он остановился вдруг, когда вышел на набережную Малой Невы, на Васильевском острове, подле моста.	2496. А., Р.
2497. "Вот тут он живет, в этом доме, -- подумал он. –	2497. Р., А., Г.
2498. Что это, да никак я к Разумихину сам пришел! Опять та же история, как тогда...	2498. Г., Р., С.
2499. А очень, однако же, любопытно: сам я пришел или просто шел да сюда зашел?	2499. А., Г.
2500. Всё равно;	2500. С.
2501. сказал я... третьего дня... что к нему после *того* на другой день пойду, ну что ж, и пойду!	2501. Р., С., Г.
2502. Будто уж я и не могу теперь зайти..."	2502. Р., С.
2503. Он поднялся к Разумихину в пятый этаж.	2503. А., Р.
2504. Тот был дома, в своей каморке,	2504. Р., С.
2505. и в эту минуту занимался, писал, и сам ему отпер.	2505. Р., А.
2506. Месяца четыре как они не видались.	2506. Р.
2507. Разумихин сидел у себя в истрепанном до лохмотьев халате, в туфлях на босу ногу, всклокоченный, небритый и неумытый.	2507. Р., С.
2508. На лице его выразилось удивление.	2508. Р., С.
2509. -- Что ты? -- закричал он, осматривая с ног до головы вошедшего товарища;	2509. А., С.
2510. затем помолчал и присвистнул.	2510. А., С.
2511. -- Неужели уж так плохо? Да ты, брат, нашего брата перещеголял, -- прибавил он, глядя на лохмотья Раскольникова.	2511. Р.
2512. -- Да садись же, устал небось!	2512. А.
2513. -- и когда тот повалился на клеенчатый турецкий диван, который был еще хуже его собственного, Разумихин разглядел вдруг, что гость его болен.	2513. Р., А.
-- Да ты серьезно болен, знаешь ты это?	
2514. -- Он стал щупать его пульс;	2514. А.
2515. Раскольников вырвал руку.	2515. А.
-- Не надо, -- сказал он, --	
2516. я пришел...	2516. С.
2517. вот что: у меня уроков никаких... я хотел было...	2517. Р.
2518. впрочем, мне совсем не надо уроков...	2518. Р., С., Г.
2519. -- А знаешь что? Ведь ты бредишь! -- заметил наблюдавший его пристально Разумихин.	2519. А., Р.
2520. -- Нет, не брежу...	2520. А., Р.
2521. -- Раскольников встал с дивана.	2521. А.
2522. Подымаясь к Разумихину, он не подумал о том, что с ним, стало быть, лицом к лицу сойтись должен. Теперь же, в одно мгновение, догадался он, уже на опыте, что всего менее расположен, в эту минуту, сходиться лицом к лицу с кем бы то ни было в целом свете.	2522. Р., С., Г.
2523. Вся желчь поднялась в нем. Он чуть не захлебнулся от злобы на себя самого, только что переступил порог Разумихина.	2523. Р., С.
2524. -- Прощай! -- сказал он вдруг и пошел к двери.	2524. А., С.
2525. -- Да ты постой, постой, чудак!	2525. А., С.

2526. -- Не надо!.. -- повторил тот, опять вырывая руку.	2526. А., С.
2527. -- Так на кой черт ты пришел после этого! Очумел ты, что ли?	2527. Г., А., Р., С.
2528. Ведь это... почти обидно.	2528. Р., С.
2529. Я так не пущу.	2529. А., Р.
2530. -- Ну, слушай: я к тебе пришел, потому что, кроме тебя, никого не знаю, кто бы помог...	2530. А., Р., С., Г.
2531. начать...	2531. Р., Г., С.
2532. потому что ты всех их добрее, то есть умнее, и обсудить можешь...	2532. Р., С.
2533. А теперь я вижу, что ничего мне не надо, слышишь, совсем ничего... ничьих услуг и участий...	2533. Р., С., Г.
2534. Я сам... один...	2534. А., Р., С., Г.
2535. Ну и довольно! Оставьте меня в покое!	2535. А., Р., С.
2536. -- Да постой на минутку, трубочист!	2536. А., Р., С.
2537. Совсем сумасшедший! По мне ведь как хочешь.	2537. Р., С.
2538. Видишь ли: уроков и у меня нет,	2538. Р.
2539. да и наплевать,	2539. С.
2540. а есть на Толкучем книгопродавец Херувимов,	2540. Р.
2541. это уж сам в своем роде урок. Я его теперь на пять купеческих уроков не променяю.	2541. Р., С., Г.
2542. Он этакие изданьица делает и естественнонаучные книжонки выпускает,	2542. Г., С.
2543. -- да как расходятся-то!	2543. Р., С.
2544. Одни заглавия чего стоят!	2544. Р., С.
2545. Вот ты всегда утверждал, что я глуп; ей-богу, брат, есть глупее меня!	2545. Р., С.
2546. Теперь в направление тоже полез; сам ни бельмеса не чувствует, ну а я, разумеется, поощряю.	2546. Р., Г., С.
2547. Вот тут два с лишком листа немецкого текста,	2547. Р.
2548. -- по-моему, глупейшего шарлатанства: одним словом, рассматривается, человек ли женщина или не человек? Ну и, разумеется, торжественно доказывается, что человек.	2548. Р., С.
2549. Херувимов это по части женского вопроса готовит;	2549. Р.
2550. я перевожу;	2550. Р.
2551. растянет он эти два с половиной листа листов на шесть,	2551. Р., С.
2552. присочиним пышнейшее заглавие в полстраницы и пустим по полтиннику.	2552. Р., С.
2553. Сойдет!	2553. С.
2554. За перевод мне по шести целковых с листа, значит, за все рублей пятнадцать достанется, и шесть рублей взял я вперед.	2554. Р.
2555. Кончим это, начнем об китах переводить,	2555. Р.
2556. потом из второй части "Confessions" какие-то скучнейшие сплетни тоже отметили, переводить будем;	2556. Р., С.
2557. Херувимову кто-то сказал, что будто бы Руссо в своем роде Радищев.	2557. Р., С.
2558. Я, разумеется, не противоречу,	2558. Р., С.
2559. черт с ним!	2559. С.
2560. Ну, хочешь второй лист "Человек ли женщина?" переводить? Коли хочешь, так бери сейчас текст, перьев бери, бумаги -- всё это казенное -- и бери три рубля: так как я за весь перевод вперед взял, за первый и за второй лист, то, стало быть,	2560. А., Р., С.

три рубля прямо на твой пай и придутся. А кончишь лист -- еще три целковых получишь.	
2561. Да вот что еще, пожалуйста, за услугу какую-нибудь не считай с моей стороны.	2561. Р., С.
2562. Напротив, только что ты вошел, я уж и рассчитал, чем ты мне будешь полезен.	2562. Р., С.
2563. Во-первых, я в орфографии плох, а во-вторых, в немецком иногда просто швах,	2563. Р., С.
2564. так что всё больше от себя сочиняю	2564. Р.
2565. и только тем и утешаюсь, что от этого еще лучше выходит. Ну а кто его знает, может быть, оно и не лучше, а хуже выходит...	2565. Р., С.
2566. Берешь или нет?	2566. А.
2567. Раскольников молча взял немецкие листки статьи, взял три рубля и, не сказав ни слова, вышел.	2567. А., С.
2568. Разумихин с удивлением поглядел ему вслед.	2568. А., С.
2569. Но дойдя уже до первой линии, Раскольников вдруг воротился, поднялся опять к Разумихину и, положив на стол и немецкие листы, и три рубля, опять-таки ни слова не говоря, пошел вон.	2569. А., С.
2570. -- Да у тебя белая горячка, что ль! -- заревел взбесившийся наконец Разумихин.	2570. А., Р.. С.
2571. -- Чего ты комедии-то разыгрываешь! Даже меня сбил с толку... Зачем же ты приходил после этого, черт?	2571. Р., Г.
2572. -- Не надо... переводов... -- пробормотал Раскольников, уже спускаясь с лестницы.	2572. А., Р., Г.
2573. -- Так какого же тебе черта надо? -- закричал сверху Разумихин.	2573. А., Р., Г.
2574. Тот молча продолжал спускаться.	2574. А.
2575. -- Эй, ты! Где ты живешь?	2575. А., С.
2576. Ответа не последовало.	2576. А.
2577. -- Ну так чер-р-рт с тобой!..	2577. С.
2578. Но Раскольников уже выходил на улицу.	2578. А., С.
2579. На Николаевском мосту	2579. Р.
2580. ему пришлось еще раз вполне очнуться вследствие одного весьма неприятного для него случая.	2580. Р., С.
2581. Его плотно хлестнул кнутом по спине кучер одной коляски, за то что он чуть-чуть не попал под лошадей, несмотря на то что кучер раза три или четыре ему кричал.	2581. Р., А.
2582. Удар кнута так разозлил его, что он, отскочив к перилам	2582. Р., А.
2583. (неизвестно почему он шел по самой середине моста, где ездят, а не ходят), злобно заскрежетал и защелкал зубами.	2583. Г., Р.
2584. Кругом, разумеется, раздавался смех. -- И за дело!	2584. А., Р., С.
2585. -- Выжига какая-нибудь.	2585. А., С.
2586. -- Известно, пьяным представится да нарочно и лезет под колеса; а ты за него отвечай.	2586. Р., С.
2587. -- Тем промышляют, почтенный, тем промышляют...	2587. А., Р., С.
2588. Но в ту минуту, как он стоял у перил и всё еще бессмысленно и злобно смотрел вслед удалявшейся коляске, потирая спину, вдруг он почувствовал, что кто-то сует ему в руки деньги. Он посмотрел:	2588. А., Р.
2589. пожилая купчиха, в головке и козловых башмаках, и с нею	2589. Р.

девушка, в шляпке и с зеленым зонтиком, вероятно дочь.	
2590. "Прими, батюшка, ради Христа".	2590. А., С.
2591. Он взял, и они прошли мимо.	2591. А.
2592. Денег двугривенный.	2592. Р.
2593. По платью и по виду они очень могли принять его за нищего, за настоящего собирателя грошей на улице, а подаче целого двугривенного он, наверно, обязан был удару кнута, который их разжалобил.	2593. Р.
2594. Он зажал двугривенный в руку, прошел шагов десять и оборотился лицом к Неве, по направлению дворца.	2594. А., Р.
2595. Небо было без малейшего облачка, а вода почти голубая,	2595. Р.
2596. что на Неве так редко бывает.	2596. Р.
2597. Купол собора, который ни с какой точки не обрисовывается лучше, как смотря на него отсюда, с моста, не доходя шагов двадцать до часовни, так и сиял, и сквозь чистый воздух можно было отчетливо разглядеть даже каждое его украшение.	2597. Р., С.
2598. Боль от кнута утихла, и Раскольников забыл про удар;	2598. Р.
2599. одна беспокойная и не совсем ясная мысль занимала его теперь исключительно.	2599. А., Р., С.
2600. Он стоял и смотрел вдаль долго и пристально;	2600. А.
2601. это место было ему особенно знакомо. Когда он ходил в университет, то обыкновенно, -- чаще всего, возвращаясь домой, -- случалось ему, может быть раз сто, останавливаться именно на этом же самом месте, пристально вглядываться в эту действительно великолепную панораму и каждый раз почти удивляться одному неясному и неразрешимому своему впечатлению.Необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; духом немым и глухим полна была для него эта пышная картина...	2601. Р., С., Г.
2602. Дивился он каждый раз своему угрюмому и загадочному впечатлению и откладывал разгадку его, не доверяя себе, в будущее.	2602. А., Р., С., Г.
2603. Теперь вдруг резко вспомнил он про эти прежние свои вопросы и недоумения,	2603. А., Р., Г.
2604. и показалось ему, что не нечаянно он вспомнил теперь про них.	2604. А., Г.
2605. Уж одно то показалось ему дико и чудно, что он на том же самом месте остановился, как прежде,	2605. Р., С., Г.
2606. как будто и действительно вообразил, что может о том же самом мыслить теперь, как и прежде, и такими же прежними темами и картинами интересоваться, какими интересовался... еще так недавно.	2606. Р., С., Г.
2607. Даже чуть не смешно ему стало и в то же время сдавило грудь до боли.	2607. А., Р., С.
2608. В какой-то глубине, внизу, где-то чуть видно под ногами, показалось ему теперь всё это прежнее прошлое, и прежние мысли, и прежние задачи, и прежние темы, и прежние впечатления, и вся эта панорама, и он сам,	2608. Р., С.
2609. и всё, всё...	2609. С.
2610. Казалось, он улетал куда-то вверх и всё исчезало в глазах его...	2610. Р., С.

2611. Сделав одно невольное движение рукой, он вдруг ощутил в кулаке своем зажатый двугривенный.	2611. А., Р.
2612. Он разжал руку, пристально поглядел на монетку, размахнулся и бросил ее в воду;	2612. А., С.
2613. затем повернулся и пошел домой.	2613. А.
2614. Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту.	2614. Р., С., Г.
2615. Он пришел к себе уже к вечеру, стало быть, проходил всего часов шесть. Где и как шел обратно, ничего он этого не помнил.	2615. А., Р.
2616. Раздевшись и весь дрожа, как загнанная лошадь,	2616. А., Р.
2617. он лег на диван, натянул на себя шинель и тотчас же забылся...	2617. А., Р., С.
2618. Он очнулся в полные сумерки	2618. А., Р.
2619. от ужасного крику. Боже, что это за крик!	2619. Р., С., Г.
2620. Таких неестественных звуков, такого воя, вопля, скрежета, слез, побой и ругательств он никогда еще не слыхивал и не видывал. Он и вообразить не мог себе такого зверства, такого исступления.	2620. Р., С.
2621. В ужасе приподнялся он и сел на своей постели, каждое мгновение замирая и мучаясь.	2621. А., С.
2622. Но драки, вопли и ругательства становились всё сильнее и сильнее.	2622. Р.
2623. И вот, к величайшему изумлению, он вдруг расслышал голос своей хозяйки. Она выла, визжала и причитала, спеша, торопясь, выпуская слова так, что и разобрать нельзя было, о чем-то умоляя,	2623. Г., Р.
2624. -- конечно, о том, чтоб ее перестали бить, потому что ее беспощадно били на лестнице.	2624. Р., Г.
2625. Голос бившего стал до того ужасен от злобы и бешенства, что уже только хрипел, но все-таки и бивший тоже что-то такое говорил, и тоже скоро, неразборчиво, торопясь и захлебываясь.	2625. Г., Р., С.
2626. Вдруг Раскольников затрепетал как лист: он узнал этот голос;	2626. А., С.
2627. это был голос Ильи Петровича.	2627. Р., Г., С.
2628. Илья Петрович здесь и бьет хозяйку!	2628. С.
2629. Он бьет ее ногами, колотит ее головою о ступени, -- это ясно, это слышно по звукам, по воплям, по ударам!	2629. Р.
2630. Что это, свет перевернулся, что ли?	2630. С.
2631. Слышно было, как во всех этажах, по всей лестнице собиралась толпа, слышались голоса, восклицания, всходили, стучали, хлопали дверями, сбегались.	2631. Р.
2632. "Но за что же, за что же, и как это можно!" -- повторял он, серьезно думая, что он совсем помешался.	2632. А., С., Р.
2633. Но нет, он слишком ясно слышит!..	2633. Р., Г.
2634. Но, стало быть, и к нему сейчас придут, если так,	2634. Р., Г.
2635. "потому что... верно, всё это из того же... из-за вчерашнего... Господи!"	2635. А., Р., С., Г.
2636. Он хотел было запереться на крючок, но рука не поднялась...	2636. А., С.
2637. да и бесполезно!	2637. Р., С., Г.
2638. Страх, как лед, обложил его душу, замучил его,	2638. Р., С.

2639. окоченил его...	2639. С.
2640. Но вот наконец весь этот гам, продолжавшийся верных десять минут, стал постепенно утихать.	2640. А., Р.
2641. Хозяйка стонала и охала, Илья Петрович всё еще грозил и ругался...	2641. Р.
2642. Но вот наконец, кажется, и он затих; вот уж и не слышно его;	2642. А.
2643. "неужели ушел! Господи!"	2643. С.
2644. Да, вот уходит и хозяйка, всё еще со стоном и плачем...	2644. А., Р., С.
2645. вот и дверь у ней захлопнулась...	2645. А.
2646. Вот и толпа расходится с лестниц по квартирам, -- ахают, спорят, перекликаются, то возвышая речь до крику, то понижая до шепоту.	2646. А., Р., С.
2647. Должно быть, их много было; чуть ли не весь дом сбежался.	2647. Р.
2648. "Но боже, разве всё это возможно!	2648. Г., С.
2649. И зачем, зачем он приходил сюда!"	2649. Г., С.
2650. Раскольников в бессилии упал на диван, но уже не мог сомкнуть глаз;	2650. Р., С.
2651. он пролежал с полчаса в таком страдании, в таком нестерпимом ощущении безграничного ужаса, какого никогда еще не испытывал.	2651. А., С.
2652. Вдруг яркий свет озарил его комнату: вошла Настасья со свечой и с тарелкой супа.	2652. Р., С.
2653. Посмотрев на него внимательно и разглядев, что он не спит, она поставила свечку на стол и начала раскладывать принесенное: хлеб, соль, тарелку, ложку.	2653. А., Р.
2654. -- Небось со вчерашнего не ел. Целый-то день прошлялся, а самого лихоманка бьет.	2654. А., Р.,С.
2655. -- Настасья... за что били хозяйку?	2655. А., Г.
2656. Она пристально на него посмотрела. -- Кто бил хозяйку?	2656. А., С.
2657. -- Сейчас... полчаса назад, Илья Петрович, надзирателя помощник, на лестнице... За что он так ее избил? и... зачем приходил?..	2657. А., Р., С., Г.
2658. Настасья молча и нахмурившись его рассматривала и долго так смотрела.	2658. А., С.
2659. Ему очень неприятно стало от этого рассматривания,	2659. Р.
2660. даже страшно.	2660. С., Г.
2661. -- Настасья, что ж ты молчишь? -- робко проговорил он наконец слабым голосом.	2661. А., С., Г.
2662. -- Это кровь, -- отвечала она наконец, тихо и как будто про себя говоря.	2662. А., Р.
2663. -- Кровь!..	2663. С., Г.
2664. Какая кровь?.. -- бормотал он, бледнея и отодвигаясь к стене.	2664. А., Р., С.
2665. Настасья продолжала молча смотреть на него.	
2666. -- Никто хозяйку не бил, -- проговорила она опять строгим и решительным голосом.	2665. А., Р. 2666. Г., А., Р.
2667. Он смотрел на нее, едва дыша.	
2668. -- Я сам слышал... я не спал... я сидел, -- еще робче проговорил он. -- Я долго слушал... Приходил надзирателя	2667. Р., С. 2668. А., Р., С.

помощник... На лестницу все сбежались, из всех квартир...	
2669. -- Никто не приходил. А это кровь в тебе кричит. Это когда ей выходу нет и уж печенками запекаться начнет, тут и начнет мерещиться...	2669. А., Р.
2670. Есть-то станешь, что ли?	2670. Г.
2671. Он не отвечал. Настасья всё стояла над ним, пристально глядела на него и не уходила.	2671. А., Р.
2672. -- Пить дай...	2672. А., С.
2673. Настасьюшка.	2673. С.
2674. Она сошла вниз и минуты через две воротилась с водой в белой глиняной кружке;	2674. А., Р.
2675. но он уже не помнил, что было дальше. Помнил только, как отхлебнул один глоток холодной воды и пролил из кружки на грудь.	2675. А., Р.
2676. Затем наступило беспамятство.	2676. А., Р.
III	
2677. Он, однако ж, не то чтоб уж был совсем в беспамятстве во всё время болезни: это было лихорадочное состояние, с бредом и полусознанием.	2677. Р.
2678. Многое он потом припомнил.	2678. Р.
2679. То казалось ему, что около него собирается много народу и хотят его взять и куда-то вынести, очень об нем спорят и ссорятся.	2679. А., Р.
2680. То вдруг он один в комнате, все ушли и боятся его, и только изредка чуть-чуть отворяют дверь посмотреть на него, грозят ему, сговариваются об чем-то промеж себя, смеются и дразнят его.	2680. А., Р.
2681. Настасью он часто помнил подле себя;	2681. А., Р.
2682. различал и еще одного человека, очень будто бы ему знакомого, но кого именно -- никак не мог догадаться и тосковал об этом, даже и плакал.	2682. Р., Г., С.
2683. Иной раз казалось ему, что он уже с месяц лежит; в другой раз -- что всё тот же день идет.	2683. Р.
2684. Но об *том* -- об *том* он совершенно забыл;	2684. Р., С., Г.
2685. зато ежеминутно помнил, что об чем-то забыл, чего нельзя забывать, -- терзался, мучился, припоминая, стонал, впадал в бешенство или в ужасный, невыносимый страх.	2685. Р., С.
2686. Тогда он порывался с места, хотел бежать,	2686. А.
2687. но всегда кто-нибудь его останавливал силой, и он опять впадал в бессилие и беспамятство.	2687. Р.
2688. Наконец он совсем пришел в себя.	2688. А.
2689. Произошло это утром, в десять часов.	2689. Р.
2690. В этот час утра, в ясные дни, солнце всегда длинною полосой проходило по его правой стене и освещало угол подле двери.	2690. Р.
2691. У постели его стояла Настасья и еще один человек,	2691. Р., Г
2692. очень любопытно его разглядывавший и совершенно ему незнакомый. Это был молодой парень в кафтане, с бородкой, и с виду походил на артельщика.	2692. Р.

2693. Из полуотворенной двери выглядывала хозяйка.	2693. Р.
2694. Раскольников приподнялся.	2694. А.
2695. -- Это кто, Настасья? -- спросил он, указывая на парня.	2695. Г., А.
2696. -- Ишь ведь, очнулся! -- сказала она.	2696. Р., С., А
2697. -- Очнулись, -- отозвался артельщик.	2697. А.
2698. Догадавшись, что он очнулся, хозяйка, подглядывавшая из дверей, тотчас же притворила их и спряталась.	2698. А., Р.
2699. Она и всегда была застенчива и с тягостию переносила разговоры и объяснения; ей было лет сорок, и была она толста и жирна, черноброва и черноглаза, добра от толстоты и от лености; и собою даже очень смазлива. Стыдлива же сверх необходимости.	2699. Р.
2700. -- Вы... кто? -- продолжал он допрашивать, обращаясь к самому артельщику.	2700. А., Г., Р.
2701. Но в эту минуту опять отворилась дверь настежь, и, немного наклонившись, потому что был высок, вошел Разумихин.	2701. А., Р.
2702. -- Экая морская каюта,	2702. А., С.
2703. -- закричал он, входя,	2703. А., С.
2704. -- всегда лбом стукаюсь; тоже ведь квартирой называется!	2704. Р., С.
2705. А ты, брат, очнулся? Сейчас от Пашеньки слышал.	2705. Р.
2706. -- Сейчас очнулся, -- сказала Настасья. -- Сейчас очнулись, -- поддакнул опять артельщик с улыбочкой.	2706. А.
2707. -- А вы кто сами-то изволите быть-с? -- спросил, вдруг обращаясь к нему, Разумихин.	2707. Г., А.
2708. - Я вот, изволите видеть, Вразумихин; не Разумихин, как меня все величают, а Вразумихин, студент, дворянский сын, а он мой приятель.	2708. Р., С.
2709. Ну-с, а вы кто таковы?	2709. Г.
2710. -- А я в нашей конторе артельщиком, от купца Шелопаева-с, и сюда по делу-с.	2710. Г., Р.
2711. -- Извольте садиться на этот стул, --	2711. А.
2712. сам Разумихин сел на другой, с другой стороны столика.	2712. А., Р.
2713. -- Это ты, брат, хорошо сделал, что очнулся, -- продолжал он, обращаясь к Раскольникову.	2713. А., Р.
2714. -- Четвертый день едва ешь и пьешь. Право, чаю с ложечки давали.	2714. Р., С.
2715. Я к тебе два раза приводил Зосимова. Помнишь Зосимова?	2715. Р., Г.
2716. Осмотрел тебя внимательно и сразу сказал, что всё пустяки, -- в голову, что ли, как-то ударило. Нервный вздор какой-то, паек был дурной, говорит, пива и хрену мало отпускали, оттого и болезнь, но что ничего, пройдет и перемелется.	2716. Р.
2717. Молодец Зосимов! Знатно начал полечивать.	2717. С., Р.
2718. Ну-с, так я вас не задерживаю, -- обратился он опять к артельщику, -- угодно вам разъяснить вашу надобность?	2718. А., Г.
2719. Заметь себе, Родя, из ихней конторы уж второй раз приходят; только прежде не этот приходил, а другой, и мы с тем объяснялись.	2719. Р.
2720. Это кто прежде вас-то сюда приходил?	2720. Г.
2721. -- А надо полагать, это третьегодни-с, точно-с. Это Алексей Семенович были; тоже при конторе у нас состоит-с.	2721. Г. А.
2722. -- А ведь он будет потолковее вас, как вы думаете? -- Да-с; они точно что посолиднее-с. -- Похвально;	2722. Р., С.

2723. ну-с, продолжайте.	2723. А.
2724. -- А вот через Афанасия Ивановича Вахрушина, об котором, почитаю, неоднократно изволили слышать-с, по просьбе вашей мамаши, через нашу контору вам перевод-с,	2724. Г.
2725. -- начал артельщик, прямо обращаясь к Раскольникову. -- В случае если уже вы состоите в понятии-с -- тридцать пять рублев вам вручить-с, так как Семен Семенович от Афанасия Ивановича, по просьбе вашей мамаши, по прежнему манеру о том уведомление получили. Изволите знать-с?	2725. А., Р. , С.
2726. -- Да... помню... Вахрушин... -- проговорил Раскольников задумчиво.	2726. Р., С., А.
2727. -- Слышите: купца Вахрушина знает! -- вскричал Разумихин. -- Как же не в понятии?	2727. А., С., Р.
2728. А впрочем, я теперь замечаю, что и вы тоже толковый человек. Ну-с! Умные речи приятно и слушать.	2728. Р., С.
2729. -- Они самые и есть-с, Вахрушин, Афанасий Иванович, и по просьбе вашей мамаши, которая через них таким же манером вам уже пересылала однажды, они и на сей раз не отказали-с и Семена Семеновича на сих днях уведомили из своих мест, чтобы вам тридцать пять рублев передать-с, во ожидании лучшего-с.	2729. А., Р., С.
2730. -- Вот в "ожидании-то лучшего" у вас лучше всего и вышло; недурно тоже и про "вашу мамашу".	2730. А., Р., С.
2731. Ну, так как же по-вашему: в полной он или не в полной памяти, а?	2731. Г., С.
2732. -- По мне что же-с.	2732. А., Г., С.
2733. Вот только бы насчет расписочки следовало бы-с.	2733. Р., С.
2734. -- Нацарапает!	2734. А., Р., С.
2735. Что у вас, книга, что ль?	2735. Р.
2736. -- Книга-с, вот-с.	2736. А., Р.
2737. -- Давайте сюда.	2737. А.
2738. Ну, Родя, подымайся. Я тебя попридержу;	2738. А., Р.
подмахни-ка ему Раскольникова, бери перо,	
2739. потому, брат, деньги нам теперь пуще патоки.	2739. Р., С.
2740. -- Не надо, -- сказал Раскольников, отстраняя перо.	2740. А., Г.
2741. -- Чего это не надо?	2741. А., С.
2742. -- Не стану подписывать.	2742. А., Г.
2743. -- Фу, черт, да как же без расписки-то?	2743. А. С.
2744. -- Не надо... денег...	2744. А., Р., С.
2745. -- Это денег-то не надо! Ну, это, брат, врешь, я свидетель!	2745. А., С.
2746. Не беспокойтесь, пожалуйста, это он только так...	2746. А., С.
2747. опять вояжирует. С ним, впрочем, это и наяву бывает...	2747. Р.
2748. Вы человек рассудительный,	2748. Р.
2749. и мы будем его руководить, то есть попросту его руку водить, он и подпишет. Принимайтесь-ка...	2749. С.
2750. -- А впрочем, я и в другой раз зайду-с.	2750. А., С.
2751. -- Нет, нет; зачем же вам беспокоиться. Вы человек рассудительный...	2751. А., С.
2752. Ну, Родя, не задерживай гостя... видишь, ждет, -- и он серьезно приготовился водить рукой Раскольникова.	2752. А., С.
2753. -- Оставь, я сам... -- проговорил тот,	2753. А., Р.
2754. взял перо и расписался в книге.	2754. А.

2755. Артельщик выложил деньги и удалился.	2755. А.
2756. -- Браво!	2756. С.
2757. А теперь, брат, хочешь есть?	2757. А., Р.
2758. -- Хочу, -- отвечал Раскольников.	2758. А., Р.
2759. -- У вас суп?	2759. А.
2760. -- Вчерашний, -- отвечала Настасья, всё это время стоявшая тут же.	2760. А., Р.
2761. -- С картофелем и с рисовой крупой? -- С картофелем и крупой. -- Наизусть знаю. Тащи суп, да и чаю давай. -- Принесу.	2761. Р., А.
2762. Раскольников смотрел на всё с глубоким удивлением и с тупым бессмысленным страхом. Он решился молчать и ждать: что будет дальше?	2762. Р., С.
2763. "Кажется, я не в бреду, -- думал он, -- кажется, это в самом деле..."	2763. А., Р., С.
2764. Через две минуты Настасья воротилась с супом и объявила, что сейчас и чай будет. К супу явились две ложки, две тарелки и весь прибор: солонка, перечница, горчица для говядины и прочее, чего прежде, в таком порядке, уже давно не бывало.	2764. А., Р.
2765. Скатерть была чистая.	2765. Р., С.
2766. -- Не худо, Настасьюшка, чтобы Прасковья Павловна бутылочки две пивца откомандировала. Мы выпьем-с.	2766. А., Р., Г
2767. -- Ну уж ты, востроногий! -- пробормотала Настасья	2767. А., С.
2768. и пошла исполнять повеление.	2768. А.
2769. Дико и с напряжением продолжал приглядываться Раскольников.	2769. Р., С.
2770. Тем временем Разумихин пересел к нему на диван,	2770. А.
2771. неуклюже, как медведь,	2771. С.
2772. обхватил левою рукой его голову, несмотря на то что он и сам бы мог приподняться, а правою поднес к его рту ложку супу, несколько раз предварительно подув на нее, чтоб он не обжегся.	2772. А.,С.
2773. Но суп был только что теплый.	2773. Р., С.
2774. Раскольников с жадностию проглотил одну ложку, потом другую, третью.	2774. А., С.
2775. Но поднеся несколько ложек, Разумихин вдруг приостановился и объявил, что насчет дальнейшего надо посоветоваться с Зосимовым.	2775. А., Р., С.
2776. Вошла Настасья, неся две бутылки пива.	2776. А., Р.
2777. -- А чаю хочешь? -- Хочу.	2777. А., Р.
2778. -- Катай скорей и чаю, Настасья, потому насчет чаю, кажется, можно и без факультета.	2778. А., С., Р.
2779. Но вот и пивцо! –	2779. Р., С.
2780. он пересел на свой стул, придвинул к себе суп, говядину и стал есть	2780. А., Р.
2781. с таким аппетитом, как будто три дня не ел.	2781. Р., С.
2782. -- Я, брат Родя, у вас тут теперь каждый день так обедаю,	2782. Р.
2783. -- пробормотал он, насколько позволял набитый полный рот говядиной,	2783. А.
2784. -- и это всё Пашенька, твоя хозяюшка, хозяйничает, от	2784. Р.

всей души меня чествует. Я, разумеется, не настаиваю, ну да и не протестую.	
2785. А вот и Настасья с чаем.	2785. А.
2786. Эка проворная! Настенька, хошь пивца?	2786. Р., С.
2787. -- И, ну те к проказнику!	2787. С.
2788. -- А чайку?	2788. А., Р.
-- Чайку пожалуй.	
2789. -- Наливай.	2789. А.
Постой, я тебе сам налью; садись за стол.	
2790. Он тотчас же распорядился, налил, потом налил еще другую чашку, бросил свой завтрак и пересел опять на диван.	2790. А.
2791. По-прежнему обхватил он левою рукой голову больного, приподнял его и начал поить с чайной ложечки чаем,	2791. А., Р.
2792. опять беспрерывно и особенно усердно подувая на ложку, как будто в этом процессе подувания и состоял самый главный и спасительный пункт выздоровления.	2792. А., С.
2793. Раскольников молчал и не сопротивлялся, несмотря на то что чувствовал в себе весьма достаточно сил приподняться и усидеть на диване безо всякой посторонней помощи, и не только владеть руками настолько, чтобы удержать ложку или чашку, но даже, может быть, и ходить.	2793. Р.
2794. Но по какой-то странной, чуть не звериной хитрости ему вдруг пришло в голову скрыть до времени свои силы, притаиться, прикинуться, если надо, даже еще не совсем понимающим, а между тем выслушать и выведать, что такое тут происходит?	2794. Р., С., Г.
2795. Впрочем, он не совладал с своим отвращением: схлебнув ложек десять чаю, он вдруг высвободил свою голову, капризно оттолкнул ложку и повалился опять на подушку.	2795. Р., А., С.
2796. Под головами его действительно лежали теперь настоящие подушки -- пуховые и с чистыми наволочками; он это тоже заметил и взял в соображение.	2796. Р., С.
2797. -- Надо, чтобы Пашенька сегодня же нам малинового варенья прислала, питье ему сделать, -- сказал Разумихин,	2797. А., Р.
2798. усаживаясь на свое место и опять принимаясь за суп и за пиво.	2798. А., Р.
2799. -- А где она тебе малины возьмет? -- спросила Настасья,	2799. А., Р., С ., Г.
2800. держа на растопыренных пяти пальцах блюдечко и процеживая в себя чай "через сахар".	2800. А., Р.
2801. -- Малину, друг мой, она возьмет в лавочке.	2801. А., Г.
2802. Видишь, Родя, тут без тебя целая история произошла. Когда ты таким мошенническим образом удрал от меня и квартиры не сказал, меня вдруг такое зло взяло, что я положил тебя разыскать и казнить. В тот же день и приступил.	2802. Р.
2803. Уж я ходил, ходил, расспрашивал, расспрашивал!	2803. А., С.
2804. Эту-то, теперешнюю квартиру я забыл; впрочем, я ее никогда и не помнил, потому что не знал. Ну, а прежнюю квартиру, -- помню только, что у Пяти Углов, Харламова дом.	2804. Р.
2805. Искал, искал я этот Харламов дом, -- а ведь вышло потом, что он вовсе и не Харламов дом, а Буха, -- как иногда в звуках-то сбиваешься!	2805. Р.
2806. Ну я и рассердился.	2806. Р.
2807. Рассердился да и пошел,	2807. А.

2808. была не была,	2808. С.
2809. на другой день в адресный стол, и представь себе: в две минуты тебя мне там разыскали. Ты там записан.	2809. Р.
2810. -- Записан!	2810. А., С.
2811. -- Еще бы;	2811. С.
2812. а вот генерала Кобелева никак не могли там при мне разыскать.	2812. Р.
2813. Ну-с, долго рассказывать.	2813. Р., С.
2814. Только как я нагрянул сюда, тотчас же со всеми твоими делами познакомился; со всеми, братец, со всеми,	2814. А., Р., С.
2815. всё знаю;	2815. Р., Г.
2816. вот и она видела: и с Никодимом Фомичом познакомился, и Илью Петровича мне показывали, и с дворником, и с господином Заметовым, Александром Григорьевичем, письмоводителем в здешней конторе, а наконец и с Пашенькой, -- это уж был венец;	2816. Р.
2817. вот и она знает...	2817. А.
2818. -- Усахарил,	2818. Р., С.
2819. -- пробормотала Настасья, плутовски усмехаясь.	2819. А., С.
2820. -- Да вы бы внакладочку, Настасья Никифоровна.	2820. А.
2821. -- Ну ты, пес! –	2821. С.
2822. вдруг крикнула Настасья и прыснула со смеху.	2822. А., С.
2823. - А ведь я Петрова, а не Никифорова, -- прибавила она вдруг, когда перестала смеяться.	2823. Р., А.
2824. -- Будем ценить-с.	2824. А., Р.
2825. Ну так вот, брат, чтобы лишнего не говорить, я хотел сначала здесь электрическую струю повсеместно пустить, так чтобы все предрассудки в здешней местности разом искоренить;	2825. А., Р., С.
2826. но Пашенька победила. Я, брат, никак и не ожидал, чтоб она была такая... авенантненькая...	2826. Р., С.
2827. а? Как ты думаешь?	2827. С.
2828. Раскольников молчал, хотя ни на минуту не отрывал от него своего встревоженного взгляда, и теперь упорно продолжал глядеть на него.	2828. Р., С., Г.
2829. -- И очень даже, -- продолжал Разумихин, нисколько не смущаясь молчанием и как будто поддакивая полученному ответу,	2829. С., Р., А.
2830. -- и очень даже в порядке, во всех статьях.	2830. Р., С.
2831. -- Ишь тварь! –	2831. С.
2832. вскрикнула опять Настасья, которой разговор этот доставлял, по-видимому, неизъяснимое блаженство.	2832. А.,Р., С.
2833. -- Скверно, брат, то, что ты с самого начала не сумел взяться за дело. С ней надо было не так.	2833. Р.
2834. Ведь это, так сказать, самый неожиданный характер! Ну, да об характере потом...	2834. Р., С.
2835. А только как, например, довести до того, чтоб она тебе обеда смела не присылать?	2835. Р., С.
2836. Или, например, этот вексель? Да ты с ума сошел, что ли, векселя подписывать!	2836. Р., С.
2837. Или, например, этот предполагавшийся брак, когда еще дочка, Наталья Егоровна, жива была...	2837. Р., Г.
2838. Я всё знаю!	2838. Р., Г.

2839. А впрочем, я вижу, что это деликатная струна	2839. Р., С.
2840. и что я осел;	2840. С.
2841. ты меня извини.	2841. А., С.
2842. Но кстати о глупости: как ты думаешь, ведь Прасковья Павловна совсем, брат, не так глупа, как с первого взгляда можно предположить, а?	2842. А., Р.
2843. -- Да... -- процедил Раскольников, смотря в сторону, но понимая, что выгоднее поддержать разговор.	2843. А., Р., С.
2844. -- Не правда ли? -- вскричал Разумихин, видимо, обрадовавшись, что ему ответили, --	2844. А., С.
2845. но ведь и не умна, а? Совершенно, совершенно неожиданный характер! Я, брат, отчасти теряюсь, уверяю тебя...	2845. Р., С.
2846. Сорок-то ей верных будет.	2846. Р.
2847. Она говорит -- тридцать шесть и на это полное право имеет.	2847. Р., С.
2848. Впрочем, клянусь тебе, что сужу об ней больше умственно, по одной метафизике;	2848. Р.
2849. тут, брат, у нас такая эмблема завязалась, что твоя алгебра! Ничего не понимаю!	2849. С.
2850. Ну, да всё это вздор, а только она, видя, что ты уже не студент, уроков и костюма лишился и что по смерти барышни ей нечего уже тебя на родственной ноге держать, вдруг испугалась;	2850. Р.
2851. а так как ты, с своей стороны, забился в угол и ничего прежнего не поддерживал,	2851. Р., С.
2852. она и вздумала тебя с квартиры согнать. И давно она это намерение питала, да векселя стало жалко.	2852. Р.
2853. К тому же ты сам уверял, что мамаша заплатит...	2853. Р.
2854. -- Это я по подлости моей говорил...	2854. А., Р., С.
2855. Мать у меня сама чуть милостыни не просит...	2855. Р., С.
2856. а я лгал, чтоб меня на квартире держали и... кормили, -- проговорил громко и отчетливо Раскольников.	2856. Р., С.
2857. -- Да, это ты благоразумно.	2857. Р., С.
2858. Только вся штука в том, что тут и подвернись господин Чебаров, надворный советник и деловой человек.	2858. Р.
2859. Пашенька без него ничего бы не выдумала, уж очень стыдлива;	2859. Р.
2860. ну а деловой человек не стыдлив	2860. С.
2861. и первым делом, разумеется, предложил вопрос: есть ли надежда осуществить векселек?	2861. Р.
2862. Ответ: есть,	2862. Р.
2863. потому такая мамаша есть, что из стадвадцатипятирублевой своей пенсии, хоть сама есть не будет, а уж Роденьку выручит, да сестрица такая есть, что за братца в кабалу пойдет.	2863. Р., С.
2864. На этом-то он и основался...	2864. Р.
2865. Что шевелишься-то?	2865. А.
2866. Я, брат, теперь всю твою подноготную разузнал, недаром ты с Пашенькой откровенничал, когда еще на родственной ноге состоял,	2866. Р.
2867. а теперь любя говорю... То-то вот и есть: честный и чувствительный человек откровенничает,	2867. Р., С.
2868. а деловой человек слушает да ест,	2868. Р., С.

2869. а потом и съест.	2869. С.
2870. Вот и уступила она сей векселек якобы уплатою сему Чебарову, а тот формально и потребовал, не сконфузился.	2870. Р., С.
2871. Хотел было я ему, как узнал это всё, так, для очистки совести, тоже струю пустить,	2871. Р., С.
2872. да на ту пору у нас с Пашенькой гармония вышла,	2872. Р., С.
2873. я и повелел это дело всё прекратить, в самом то есть источнике, поручившись, что ты заплатишь.	2873. Р.
2874. Я, брат, за тебя поручился, слышишь?	2874. С.
2875. Позвали Чебарова, десять целковых ему в зубы, а бумагу назад,	2875. Р., С.
2876. и вот честь имею ее вам представить,	2876. А.
2877. -- на слово вам теперь верят, --	2877. Р.
2878. вот, возьмите,	2878. А.
2879. и надорвана мною как следует.	2879. Р.
2880. Разумихин выложил на стол заемное письмо;	2880. А.
2881. Раскольников взглянул на него и, не сказав ни слова, отворотился к стене.	2881. А., С.
2882. Даже Разумихина покоробило.	2882. Р.
2883. -- Вижу, брат, -- проговорил он через минуту, -- что опять из себя дурака свалял.	2883. А., Р.
2884. Думал было тебя развлечь и болтовней потешить, а, кажется, только желчь нагнал.	2884. Р.
2885. -- Это тебя я не узнавал в бреду? -- спросил Раскольников, тоже помолчав с минуту и не оборачивая головы.	2885. Р., А.
2886. -- Меня, и даже в исступление входили по сему случаю, особенно когда я раз Заметова приводил.	2886. Р.
2887. -- Заметова?.. Письмоводителя?..	2887. С.
2888. Зачем? -- Раскольников быстро оборотился и уперся глазами в Разумихина.	2888. Г., А., Р., С.
2889. -- Да чего ты так... Что встревожился?	2889. А., С., Г.
2890. Познакомиться с тобой пожелал; сам пожелал, потому что много мы с ним о тебе переговорили... Иначе, от кого ж бы я про тебя-то столько узнал?	2890. Р.
2891. Славный, брат, он малый, чудеснейший...	2891. Р., С.
2892. в своем роде, разумеется.	2892. Р., С.
2893. Теперь приятели; чуть не ежедневно видимся. Ведь я в эту часть переехал. Ты не знаешь еще? Только что переехал.	2893. Р.
2894. У Лавизы с ним раза два побывали. Лавизу-то помнишь, Лавизу Ивановну?	2894. Р.
2895. -- Бредил я что-нибудь?	2895. А., Г., С.
2896. -- Еще бы!	2896. А., С.
2897. Себе не принадлежали-с.	2897. С.
2898. -- О чем я бредил?	2898. А., Г.
2899. -- Эвося!	2899. С.
2900. О чем бредил? Известно о чем бредят...	2900. Р., С., Г.
2901. Ну, брат, теперь, чтобы времени не терять, за дело. Он встал со стула и схватился за фуражку.	2901. Р., А.
2902. -- О чем бредил?	2902. А., Г., С.
2903. -- Эк ведь наладит!	2903. С.
2904. Уж не за секрет ли какой боишься?	2904. Р., Г.
2905. Не беспокойся: о графине ничего не было сказано.	2905. Р., С.

2906. А вот о бульдоге каком-то, да о сережках, да о цепочках каких-то, да о Крестовском острове, да о дворнике каком-то, да о Никодиме Фомиче, да об Илье Петровиче, надзирателя помощнике, много было говорено.	2906. Р., Г.
2907. Да кроме того, собственным вашим носком очень даже интересоваться изволили,	2907. Р., Г.
2908. очень!	2908. С., Г.
2909. Жалобились: подайте, дескать, да и только.	2909. Р.
2910. Заметов сам по всем углам твои носки разыскивал и собственными, вымытыми в духах, ручками, с перстнями, вам эту дрянь подавал.	2910. Р., А., С.
2911. Тогда только и успокоились, и целые сутки в руках эту дрянь продержали; вырвать нельзя было.	2911. Р., Г., С.,
2912. Должно быть, и теперь где-нибудь у тебя под одеялом лежит.	2912. Р.
2913. А то еще бахромы на панталоны просил, да ведь как слезно! Мы уж допытывались: какая там еще бахрома? Да ничего разобрать нельзя было...	2913. Р., Г.
2914. Ну-с, так за дело!	2914. А., С.
2915. Вот тут тридцать пять рублей; из них десять беру, а часика через два в них отчет представлю.	2915. Р.
2916. Тем временем дам знать и Зосимову, хоть и без того бы ему следовало давно здесь быть, ибо двенадцатый час.	2916. Р.
2917. А вы, Настенька, почаще без меня наведывайтесь, насчет там питья али чего-нибудь прочего, что пожелают... А Пашеньке я и сам сейчас, что надо, скажу.	2917. А., Р.
2918. До свидания!	2918. А., Р.
2919. -- Пашенькой зовет! Ах ты рожа хитростная! -- проговорила ему вслед Настасья;	2919. Р., С., А.
2920. затем отворила дверь и стала подслушивать,	2920. А., Г.
2921. но не вытерпела и сама побежала вниз.	2921. А., С., Г.
2922. Очень уж ей интересно было узнать, о чем он говорит там с хозяйкой;	2922. Р., Г.
2923. да и вообще видно было, что она совсем очарована Разумихиным.	2923. Р.
2924. Едва только затворилась за ней дверь, больной сбросил с себя одеяло и как полоумный вскочил с постели.	2924. Р., А., С.
2925. Со жгучим, судорожным нетерпением ждал он, чтоб они поскорее ушли, чтобы тотчас же без них и приняться за дело.	2925. Р., С.
2926. Но за что же, за какое дело? -- он как будто бы теперь, как нарочно, и забыл.	2926. Р., С.
2927. "Господи!	2927. Р., С.
2928. скажи ты мне только одно: знают они обо всем или еще не знают?	2928. Г., С.
2929. А ну как уж знают и только прикидываются, дразнят, покуда лежу, а там вдруг войдут и скажут, что всё давно уж известно и что они только так...	2929. Г.
2930. Что же теперь делать?	2930. Г.
2931. Вот и забыл,	2931. Р.
2932. как нарочно; вдруг забыл, сейчас помнил!.."	2932. С.

Б.Акунин «Теорийка» - часть романа «ФМ» (имитация первоначальной утерянной рукописи Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание»)	
Глава 1.	
1. Может, и к лучшему	1. Г.
2. В понедельник с самого утра	2. Р.
3. Порфирий Петрович занимался делом хлопотным, но небесприятным — обустраивал казенную квартиру, вплотную примыкавшую к его служебному кабинету (удобнейшая вещь!). Кое-что надобно было подправить и подкрасить, прибавить уютца, а самое головоломное — найти место для книг, покамест лежавших в коробках.Прежний жилец обходился одним-единственным шкапом, в котором содержались лишь пыльные тома с законоуложениями,	3. А., Р.
4. новый же обитатель любил не только юридическое, но и вольное чтение, так что пришлось заказывать столяру два десятка поместительных полок, которые только нынче прибыли и устанавливались на место	4. Р., А.
5. С наслаждением вдыхая запах стружки и свежего лака, надворный советник (таков был чин новосела) аж примурлыкивал от удовольствия, собственноручно расставляя по рядам	5. А., Р.
6. сочинения Декарта и Мирандолы, томики Лермонтова и Пушкина, равно как и новейшие сочинения европейских литераторов — Стендаля, Диккенса, Гете,	6. Р.
7. ибо был обучен трем главнейшим европейским языкам, не считая древних.Порфирий Петрович, шесть дней назад определенный приставом следственных дел в Казанскую часть Санкт-Петербурга, был собой	7. Р.
8. не сказать чтобы красив или хотя бы представителен.	8. С.
9. Росту пониже среднего, полноватый и даже с брюшком, без усов и без бакенбард, с плотно выстриженными волосами на большой круглой голове, как-то особенно выпукло закругленной на затылке. Пухлое, круглое и немного курносое лицо его было цвета больного, темно-желтого,	9. Р.
10. но довольно бодрое и даже насмешливое. Оно выглядело бы, пожалуй, даже и добродушным, если бы не выражение глаз, с каким-то жидким водянистым блеском, прикрытых почти белыми, моргающими, точно подмигивая кому, ресницами.	10. С.
11. Взгляд этих глаз как-то странно не гармонировал со всею фигурой, имевшею в себе даже что-то бабье. Однако же те, кто знал Порфирия Петровича по службе, не обманывались округлостью его неспешных движений и плавной вкрадчивостью речей. Да и новые сослуживцы уж успели заметить, что человек он толковый, хотя и не без странностей.	11. Р.
12. Приятности забот по обустройству квартиры мешало лишь одно обстоятельство — утомительнейшая, нечасто	12. Р.

обрушивающаяся на столицу жара, чуть не в сорок градусов.	
13. Порфирий Петрович сам прикрепил к оконной раме отличный немецкий градусник, показывавший температуру и по Реомюру, и по Цельсию,	13. А.
14. с досадою понаблюдал за тем, как ползет кверху серебристый столбик, и вздохнул, увидев, что сие восхождение остановилось, чуть-чуть не дойдя до отметки 38.	14. А., Р.
15. Индейца бы сейчас с опахалом, как у англичан в Калькутте,	15. Р.
16. мимолетно подумал Порфирий Петрович, отроду ни в Калькутте, ни в прочих заграницах не бывавший.	16. Р.
17. За неимением в штатном расписании Казанскои части услужливых индейцев	17. С.
18. надворный советник решил, что пора отправляться на вольную квартирку, которую до окончания ремонта он снимал неподалеку от съезжего дома, здесь же, на Офицерской улице. Там в ванной комнате ожидал наполненный водою чан и на цепке отменно удобная лейка, какой можно отлично поливаться, не прибегая к посторонней помощи. Порфирий Петрович, среди прочих своих чудачеств, не держал никакой прислуги и всегда обихаживал себя сам,	18. Р.
19. так что ежели пресловутый индеец откуда-нибудь и взялся бы, махать опахалом ему бы не дозволили.	19. С.
20. Взяв в руку шляпу и надев поверх пропахшей потом рубашки сюртук, пристав прошел через небольшой коридорчик в кабинет, откуда удобнее было попасть на улицу, однако дверь в следующую комнату, приемную, открыть не поспел — створки сами распахнулись ему навстречу. На Порфирия Петровича, едва не сшибив его с ног, налетел распаренный молодой человек, которого надворный советник тотчас признал.	20. А., С.
21. Это был Заметов, письмоводитель из третьего квартала. Заметова и прочих квартальных чиновников новый следственный пристав видел на прошлой неделе, когда обходил полицейские конторы подведомственной территории с целью знакомства.	21. Р.
22. Вот ведь странно. Ничего отталкивающего и тем более пугающего во внешности Заметова не было, а между тем, едва взглянув на его лицо, Порфирий Петрович ощутил очень неприятный спазм в сердце, стиснувшемся от скверного предчувствия.	22. Г.
23. Хотя, с другой стороны, что ж странного? Если полицейский чиновник в неурочное время без стука врывается в кабинет пристава следственных дел, хорошего не жди.	23. Г., Р.
24. — Пардон! — вскричал Заметов, отскакивая несколько назад. — Виноват, зашиб! Ваше высоко…благородие! Ваше высокоблаго…родие!	24. А.
25. Бедняга так запыхался, что едва мог говорить, и длинное слово никак ему не давалось.	25. С.
26. Но Порфирий Петрович уже понял — приключилось нечто из ряда вон выходящее,	26. Г.
27. и принял меры. Взял письмоводителя за руку, крепко тряхнул.	27. А.
28. — Вы Заметов из третьего, верно-с? Вы уж меня извольте	28. Р.

без титулования-с, просто «Порфирий Петрович». Помилуйте-с, мы же не в армии. Виноват, вашего имени-отчества не припомню?— Александр… Григорьевич, —	
29. вымолвил чиновник, переводя дух.	29. А.
30. Это был очень молодой человек, лет двадцати двух, с смуглою и подвижною физиономией, казавшеюся старее своих лет, одетый по моде и фатом, с пробором на затылке, расчесанный и распомаженный, со множеством перстней и колец на белых отчищенных щетками пальцах и золотыми цепями на жилете.	30. Р.
31. — Ну что там у вас в Столярном стряслось, рассказывайте, — велел пристав	31. Г.
32. (в Столярном переулке располагалась полицейская контора третьего квартала.	32. Р.
33. — Меня к вам квартальный, Никодим Фомич! Сам-то он там! —	33. Р .
34. опять заволновался, заневнятничал Александр Григорьевич да вдруг как крикнет. —	34. А. С.
35. Убили! Злодейским образом! Сразу двоих!	35. Г., С.
36. Нет, то есть не двоих, а…	36. Г.
37. Он смешался, захлебнувшись словами.	37. А., С.
38. Пристав же на миг смежил желтоватые припухлые веки и меленько перекрестился. Не обмануло предчувствие-то.	38. А., С.
39. — Вы вот что-с, — тонким пронзительным голосом сказал надворный советник, крепко взяв Заметова за рукав и ведя к столу, где стоял графин с водой. — Вы перво-наперво выпейте воды-с… Вот так-с. А теперь сядьте в кресло	39. А., С.
40. и по порядку-с, по-порядку-с. Кого убили, где, кто?	40. Г.
41. Выпив воды и усевшись, Александр Григорьевич немного успокоился, и оказалось, что он умеет говорить и связно, и толково.	41. А., Р.
42. — На Екатерингофском, процентщицу Шелудякову, в собственной квартире. Ударом по голове.	42. Г.
43. Я хотел уж домой, а тут такое дело. Побежал за вами. Сначала в ту вашу квартиру, там никого, так я сюда. Вдруг, думаю, еще на службе застану.	43. А.
44. — Убили злодейским образом? С целью ограбления? — не спросил, а как бы сам себе сказал Порфирий Петрович.	44. С.
45. Теперь волнение письмоводителя сделалось понятно.	45. Р.
46. Шумные и грязные кварталы, расположенные вдоль берегов Екатерининской канавы, никогда не отличались благочинием и беспорочностью. Чем ближе к нехорошей Сенной площади (по счастию, относившейся к соседней Спасской части), тем гуще лепились трактиры, распивочные и порочные заведения. Пьяные драки, воровство, мелкое фармазонство и прочие подобные неприятности, неизбежные во всяком большом городе, здесь случались ежедневно. Бывало, что и прибьют кого до смерти, спьяну или в ссоре. Но душегубства злодейские, с предварительным умыслом, здесь случались нечасто.	46. Р.
47. Вполне вероятно, что впервые на недолгой служебной памяти юного Александра Григорьевича.	47. Р.
48. Сколько пристав помнил статистику, за целый минувший	48. Р.

год в Санкт-Петербурге, во всех десяти его частях, умышленных смертоубийств случилось пятнадцать. И каждое раскрыто,	
49. потому что русский убийца — это вам не англичанин какой-нибудь, который убивает с холодной головы и после так концы спрячет, что не сыщешь. Русский злодей горяч и нерасчетлив, крушит на авось. Не попадется сразу — пойдет в кабак и проболтается спьяну первому собутыльнику. Или же на утро протрезвится, схватится за голову да побежит сам сдаваться: мол, хватайте меня, православные, я убил!	49. Р.
50. Агентов по кабакам нарядить, это самое первое, заметил себе Порфирий Петрович.	50. Р., А.
51. Далее — следы на месте злодеяния. Ну и соседей, конечно, расспросить.	51. С.
52. Ох, беда, беда. Не успел толком в должность заступить, еще не от всех доброжелателей поздравления принял, а уже умышленное убийство. Не опростоволоситься бы.	52. Г.
53. Мысль была вроде тревожная, а в то же время и не вовсе неприятная. Надворный советник ощутил знакомое азартное щекотание в носу, потому что по складу характера любил разгадывать мудреные задачки и более всего преисполнялся жизни, когда расследовал какое-нибудь заковыристое дело.	53. Р.
54. — Постойте-с, — встрепенулся он вдруг.	54. С., А.
55. — Вы сказали «сразу двоих»? Я не ослышался? Двоих убили-с? —	55. Г.
56. В нетерпении он отобрал у снова принявшегося пить воду Заметова стакан. — Да говорите же!	56. А.
57. — Убивали двух, а убили одну, — не очень понятно начал объяснять Александр Григорьевич, но тут же поправился. — Алена Ивановна, процентщица эта, с сестрой проживает. Так вот сестру тоже по голове стукнули, но не насмерть, оглушили только. В Обуховскую свезли. Наш поручик Илья Петрович хотел немедленно бежать, допросить, но капитан не дал. Не наше, говорит, дело. Это, говорит, пускай следственный пристав.— Очень, очень верно рассудил почтеннейший Никодим Фомич!	57. Г.
58. Надворный советник просветлел лицом —	58. С.
59. сразу по двум причинам. Во-первых, преступление все-таки оказалось не европейское, а русское, на авось. А, во-вторых, живой свидетель — это совсем другое дело. Всё обрисует, всё расскажет, укажет на преступника, а там объявляй голубчика в розыск, и дальнейшее не наше дело, пускай полиция ищет.	59. Р.
60. Выходило, что а может оно и к лучшему. Не успел новый следственный пристав вступить в должность и тут же, в первую неделю, раскрыл умышленное убийство с ограблением.	60. С.
61. Начальству ведь все равно — был свидетель, не было, лишь бы дело закрыть и отрапортовать.	61. Р.
62. Так вот вам, извольте-с. Очень недурно выйдет и для формулярного списка, и в смысле репутации.	62. Р.
63. Однако окрыленность мыслей осеняла Порфирия Петровича недолго.	63. С.
64. Когда они с письмоводителем вышли на улицу, чтоб направиться в Обуховскую больницу, надворного советника	64. Р., А.

ударила новая мысль, тревожная.	
65. — А она сильно зашиблена, сестра эта? Не помрет-с?	65. Г., А.
66. Этого сказать не могу. Ее когда увозили, в беспамятстве была. Процентщицу-то одним ударом, наповал. А у Лизаветы голова, что ли, крепкая. Или вскользь пришлось. Виноват, не скажу.	66. Г.
67. Александр Григорьевич развел руками,	67. А.
68. и у пристава снова тоскливо сжалось сердце.	68. С.
69. Уже не обращая внимания на жару, он несолидной рысцой припустил вдоль улицы, Заметов за ним.	69. А., С.
70. На углу Сенной пришлось остановиться, чтоб перевести дух,	70. А.
71. потому что одутловатый Порфирий Петрович совсем запыхался. Шумно вдыхая воздух и держась за бок, думал: здоровье ни к черту. Раньше бы — подумаешь, верстенку пробежать. Разумеется, лета уже не юные, однако	71. Р.
72. иные в тридцать пять вон какими селезнями,	72. Р.
73. а у нас извольте — сердце подорвано крепким кофеем да бессчетными папиросами, в желудке изжога от холостяковского питания, и от него же геморроидальная, mille pardons, шишка.	73. Р.
74. Надобно, надобно записаться в заведение Клевезала что у Синего моста. Все хвалят. Даже тайные советники туда ходят — делать шведскую диэтическую гимнастику. Говорят, помогает.	74. Р.
75. Посокрушался так не долее минуты, потом побежали дальше и очень скоро уже шагали по длинному больничному коридору,	75. А.
76. выкрашенному тоскливой гороховой краской.	76. С.
77. Потребовали к себе доктора.Тот вышел, устало потирая переносицу. На заданный дрожащим голосом вопрос: «Скажите-с, жива ль доставленная полицией Лизавета Шелудякова? И ежели жива, не пришла ли в память?» — ответил, что отлично жива, от удара оправилась, ибо ушиб невелик, и говорить вполне может.	77. А., Р.
Глава 2	
78. Пустое-С	78. Г.
79. Удивительная вещь. Пока Порфирий Петрович пребывал в опасении, что свидетельница помрет, не успев ничего рассказать, он и спешил, и суетился, бежал со всех ног по духоте, так что не только себя, но и гораздо более юного Александра Григорьевича в пот вогнал. Услышав же от доктора, что свидетельница совершенно благополучна и может сей же час быть допрошена, надворный советник всю свою ажитированность потерял, а напротив сделался как-то вял и задумчив.	79. С., Р.
80. — Скажите-с, дружочек, — молвил он вполголоса, беря аметова под локоть и уводя в сторону, к окошку, — какова она, эта Лизавета? Она ведь жительница вашего квартала, так, может, вы ее и прежде-с знавали?	80. А., Р.
81. Письмоводитель с разгона еще переминался с ноги на ногу	81. А. С.

и рвался бежать дальше, к цели.	
82. — Знать хорошо не знаю, а видел, — торопливо сказал он,	82. Р. А.
83. оглядываясь в сторону палат	83. А.
84. (доктор разъяснил, что ушибленную Шелудякову поместили в нумер двенадцатый). — В конторе. По делу о сдании младенца в Воспитательный дом.	84. Р.
85. Идемте же, что вы? Но пристав никуда не пошел, а вместо этого зевнул, прикрыв рот ладошкой, да еще и уселся на широкий подоконник, заболтал своими коротковатыми ножками.	85. А., С.
86. — В Воспитательный-с? — уютно изумился он. — Это девица-то?	86. С.
87. Увидев, что спешки более нет, полицейский письмоводитель приготовился рассказывать.	87. А.
88. — Вы не подумайте ничего такого, Порфирий Петрович. Она, Лизавета эта, баба добрая и честная, никто про нее дурного не скажет. Вот сестра ее, покойная Алена Ивановна, та была истинная пиявица, навряд кто по ней заплачет. Вдвоем они проживали, на Екатерингофском.	88. Р.
89. На ростовщичестве много нажиться можно, особенно если сердца не иметь,	89. Р.
90. а у Алены Ивановны этот орган наводсе отсутствовал.	90. С.
91. Жила она скудно, копеечничала, а сама богатая была.— Теперь, стало быть, сестрице ее достанется, — понимающе кивнул Порфирий-Петрович.— Э, нет. Про старуху известно, что она всё состояние монастырю какому-то отписала, много раз прилюдно этим хвасталась.— Ну, это, может, похвальба одна, а никакого завещания в природе не существует-с.	91. Р., С.
92. Старухи, особливо жадные, удивительно неохочи духовную писать. Желают проживать вечно-с.	92. Р.
93. Так что, очень возможно, ушибленная Лизавета через смерть сестрицы обогатится.	93. Р.
94. Заметов не сразу понял, куда клонит пристав, а когда понял, засмеялся.— Ох, уж это вы…	94. А., С.
95. То есть совсем не туда. Если б я Лизавету не знал, то, может, и я бы что-нибудь такое вообразил, но нет, невозможно.	95. С. Р.
96. Здесь надобно обстоятельства понимать. Процентщица сестру свою ни в грош не ставила. Та намного моложе, лет на двадцать пять. Сводная, что ли. Старуха ее заместо прислуги держала. Обижала много, даже била. А та тихая, безответная. Никому ни в чем отказать не может. Оттого и поминутно беременная ходила, многие ее забитостью пользовались. Родит — и в Воспитательный дом несет, потому что Алена Ивановна всё одно младенца в дом не пустила бы.	96. Р.
97. — И что же-с, много у нее народилось этаких деточек? —	97. А., Г.
98. тоном завзятого сплетника осведомился пристав и даже как бы слегка подхихикнул.	98. А., С.
99. — Не возьмусь сказать. Да Лизавета и сама, может, со счету сбилась. Она ведь немножко того, —	99. Р.
100. он покрутил пальцем у виска, — малахольная.	100. А., С.
101. Порфирий Петрович так и вскинулся.— Как малахольная, как малахольная-с? Говорить может? Мысли-с излагать?	101. А., С.
102. — Говорить говорит, что же насчет мыслей, то где ей.	102. Р.

Мысли во всем цивилизованном мире, может, человек у десяти сыскать можно, да и то сомнительно, — философски заметил на это Заметов.	
103. - Это конечно так-с, если вы мысли в глубоком понятии трактуете,	103. Р.
104. - протянул надворный советник, прищурив свои и без того неширокие глазки.	104. А. С.
105. —А скажите, славный Александр Григорьевич, что за публика пользовалась щедротами Алены Ивановны, то есть ее кредитом-с? Местные обыватели или же не только-с?	105. Г.
106. -Она ссужала не иначе как под залог, причем никогда не давала более четверти истинной цены. А на такое условие кто пойдет? Пропойца разве или человек в последней крайности. Но ходили, и многие ходили,	106. Р.
107. потому чтожадна очень была, любую мелочь принимала, какой другие процентщики побрезгуют. Хоть в рублишко ценой, ей все равно	107. Р.
108. — Совсем вы меня заговорили-с, — укоризненно объявил вдруг надворный советник, спрыгивая на пол. — Дело-с, дело-с прежде всего. Которая тут двенадцатая?	108. А.
109. От такой несправедливости Заметов даже ахнул, но заявить протест не успел — пристав уже удалялся по коридору, пришлось догонять.	109. Р., А.
110. Лизавета Ивановна Шелудякова оказалась женщиной лет тридцати пяти, очень высокого роста, неуклюжей, смуглой, с	110. Р.
111. большими, совершенно коровьими глазами.	111. С.
112. Она не лежала в кровати, а сидела, свесив ноги в стоптанных козловых башмаках, будто готовилась поскорей уйти из палаты, чтоб никого не обременять своим присутствием. Большая голова ее была перевязана белой тряпицей.	112. Р., С.
113. Доктор стал объяснять:	113. А.
114. — Привезли — без сознания была. Но, полагаю, не от удара — со страху. Потому дал нашатырю — сразу очнулась.	114. Р.
115. И давай скромничать. Разуть себя, и то не дала. Насилу перевязал.	115. С.,
116. Там, впрочем, кроме умеренной шишки ничего.	116. Р.
117. Ну, беседуйте, а вы все подите, подите, — замахал он на прочих больных.	117. А.
118. Пятеро женщин, все по виду самого простого звания, безропотно поднялись со своих мест и, с любопытством оглядываясь, вышли в коридор. Заметов плотно прикрыл дверь.	118. Р., А.
119. — Сердечно рад знакомству-с, — сказал надворный советник перепуганной Лизавете, усаживаясь на стул и приятнейше улыбаясь. —	119. А., С.
120. А еще более осчастливлен чудесным вашим спасением-с. Это уж истинно, как говорится, Провидение Божье.	120. Реф.
121. Он сделал постную мину и трижды перекрестился, но бойкий, с ртутным блеском взгляд не переставал обшаривать лицо Лизаветы.	121. А., С.
122. Она тоже всё глядела на пристава, но от робости не могла вымолвить ни слова. Подняла было руку для крестного знамения — да и не осмелилась донести до лба.	122. А., С.

123. — А знаете, маточка вы моя, что я в лютой зависти пребываю. Да-с. — Все тело Порфирия Петровича затряслось в мелком смехе. — И к кому бы вы думали-с? К ним, — он обернулся к двери, — к товаркам-с вашим. Им-то вы уж беспременно всё рассказали, а я, хоть и пристав следственных дел-с, а ничегошеньки пока не знаю-с, сижу перед вами дурак дураком-с. — Он еще с полминуточки посмеялся, словно бы давая собеседнице время разделить с собою веселье, и заговорщицки подмигнул. — Ну, рассказывайте-с.	123. С.
124. .Что видели? И главное, кого-с. Это для нас сейчас самое-рассамое.	124. Г.
125. Закинул ногу через коленку, сцепил пальцы — приготовился слушать. Заметов, стоявший у надворного советника за спиной, тоже весь обратился в слух. Приготовил книжечку с карандашом, записывать показание.Лизавета молчала.— Да вы по порядку-с, по порядку-с, — помог ей Порфирий Петрович. —	125. А.
126. Вы с сестрицей вашей дома были, так-с? Тут звоночек в дверь. У вас ведь, верно, колокольчик-с?— Кнопка, — тихо ответила раненая,	126. Р.
127. и пристав облегченно улыбнулся. Малахольная не малахольная, но вопросы понимает и отвечать может.	127. Р.
128. — Вот и отлично-с. Итак, раздался звонок — дзинь-дзинь, или трень-трень, я не знаю, как оно там у вас.— Бряк-бряк, — поведала свидетельница. — Только меня дома не было.— Это как же-с? — озадачился надворный советник.— К куму ходила. Кум звал, чаю пить, в семом часе.	128. Р.
129. Кажется, Лизавета понемногу переставала бояться собеседника и сделалась поразговорчивей. —	129. Р.
130. Сговорено у нас было.	130. Р.
131. Порфирий Петрович так весь и сжался. Вкрадчиво спросил:	131. С.
132. — Минуточку-с. Правильно ли я понял, что вы в этот час дома быть не предполагали-с и Алене Ивановне следовало находиться в квартире одной-с?	132. Г.
133. Свидетельница захлопала ресницами, очевидно, не поняв вопроса.	133. А., С.
134. — Кто знал, что тебя в гости позвали? — не вытерпел Александр Григорьевич.	134. Г.
135. — Кум знал, кума. Сестрица Алена Ивановна, — стала загибать пальцы Лизавета. — А больше некому.	135. Г.
136. — Ну хорошо-с, — слегка поморщился пристав. — Дальше рассказывайте.	136. А., С
137. — Пришла я к куму, а кума возьми и захворай.— И вы, чаю не попив, отправились восвояси, домой-с? Женщина кивнула.— Вот с того самого момента-с, как вы по лестнице поднялись…	137. Р.
138. У вас, позвольте поинтересоваться, который этаж?— Четвертый, — подсказал Заметов.—	138. Р.
139. С того момента-с, как вы на четвертый этаж поднялись, как можно подробней-с, — попросил надворный советник. — Что услышали-с, что увидели-с.	139. Г.

140. Подумав, и довольно долго подумав, Лизавета неуверенно сказала:	140. А., С.
141. — Ничего не слыхала.— А что дверь-с?— Незаперта была, вовсе.	141. Р.
142. Я еще подивилась. Алена Ивановна всегда засовом укрывались	142. Г.
143. — Так-так, — ободряюще закивал Порфирий Петрович. — И что же вы, вошли-с?— Вошла.— И куда же-с? В комнаты?— В комнаты.— А там что-с?	143. А., С.
144. Лицо свидетельницы вдруг приняло совсем детское, обиженное выражение, из ясных глаз без малейшей задержки потекли крупные слезы.	144. А., С.
145. — Алена Ивановна… на полу. — Лизавета всхлипнула. — Рученьку вот этак вывернула. Глаз открытый, смотрит. Думаю, куда это она смотрит-то, чего это она на полу-то.— Ничком, что ли, лежала? —	145. Р.
146. быстро перебил пристав.	146. А., С.
147. Женщина шмыгнула носом, непонимающе глядя на чиновника,	147. А., С.
148. но на этот вопрос мог ответить Александр Григорьевич:— Так точно, ничком, одна рука вперед вытянута, и голова вот этак вот повернута. А глаз, точно, открыт.— А потом что-с?	148. Р.
149. Порфирий Петрович спросил и затаил дыхание, потому что беседа подобралась к самому важному месту	149. А., С.
150. — Гляжу — красное у ней в волосах, вот тут, — показала Лизавета на свой перевязанный затылок. —	150. С.
151. «Алена Ивановна, говорю, что это вы? Упали? Зашиблись?» На кортки присела, хотела помочь. Вдруг шорохнуло сзади…	151. Р., А.
152. Она снова заплакала, но теперь одними лишь слезами, без всхлипов. Надворный советник терпеливо ждал.— Хочу обернуться, а не могу — страшно…— Так и не обернулись? —	152. А.
153. тоже со страхом прошептал Порфирий Петрович, но уж и сам знал, каков будет ответ.	153. С.
154. — Не насмелилась.— А потом удар, темнота, и очнулись в больнице. Так что ли-с?	154. Р.
155. Пристав в сердцах хлопнул себя по колену и вскочил.	155. А., С.
156. Свидетельница в испуге смотрела на него снизу вверх. Робко кивнула.— Виновата, батюшка.	156. А., С.
157. — Пустое-с! Всё пустое-с! —	157. Г.
158. с тоскою приговаривал надворный советник, поднимаясь по лестнице	158. А., С.
159. большого мрачного дома, выходившего одной стороною на Екатерингофский проспект, а другой на канаву.	159. Р.
160. А главное, так и чувствовал, что никакой потачки в этом деле мне не будет-с. Интуиция-с.	160. Р.
161. Знаете такое слово?— От латинского intuitio, что означает «постижение истины, неопосредованное логикой», — блеснул Заметов, показывавший дорогу.	161. Р.
162. Вот здесь, в третьем этаже ремонт, маляры работают. А в четвертом одна квартира пустая, в ней чиновник Люфт проживал,	162. Р.

на прошлой неделе съехал, так что на площадке Шелудяковы остались одни.	
163. — И про это он, вероятно, знал-с.	163. Г.
164. Порфирий Петрович остановился перед приоткрытой дверью, из-за которой доносились голоса.	164. А.
165. — Кто «он», ваше высокоблагородие? — не понял письмоводитель.— Преступник-с. И про съехавшего немца, и про Лизавету с ее «семым часом». Про захворавшую куму единственно-с лишь не знал. Хоть это обнадеживает, всё-таки не вездесущий сатана, а тленный человек-с.	165. Р.
166. Вздохнув, надворный советник нажал медную кнопку звонка.	166. А., С.
167. Колокольчик, в самом деле, как и говорила свидетельница, издал какой-то брякающий, надтреснутый звук.	167. Р.
168. Не дожидаясь отклика, вошли.	168. А.
169. В квартире, невзирая на поздний час, было светло — июльское солнце еще не спустилось за крыши.	169. Р.
170. — А-а, привели? — оглянулся на письмоводителя квартальный надзиратель, седоусый капитан с добродушным лицом в мелких красных прожилках. — Что-то долгонько вы, Порфирий Петрович.	170. А., Р.
171. Коротко и как бы рассеянно объяснив причину задержки, следственный пристав быстро завертел во все стороны своею замечательно круглой головою. На лежавший у стола труп пока нарочно не смотрел — приглядывался к обстановке, впрочем, нисколько не примечательной.	171. С., А.
172. Небольшая комната с желтыми обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах. Мебель, вся очень старая и из желтого дерева, состояла из дивана с огромною выгнутою деревянною спинкой, круглого стола овальной формы перед диваном, туалета с зеркальцем в простенке, стульев по стенам	172. Р.
173. да двух-трех грошовых картинок в желтых рамках, изображавших немецких барышень с птицами в руках, — вот и вся мебель.	173. Р., С.
174. В углу перед небольшим образом горела лампада. Все было очень чисто: и мебель, и полы были оттерты под лоск; все блестело. Ни пылинки нельзя было найти во всей квартире.	174. Р., С.
175. «Это у злых и старых вдовиц бывает такая чистота»,	175. Р.
176. — отметил про себя надворный советник и с любопытством покосился на ситцевую занавеску перед дверью	176. А., Г.
177. во вторую, крошечную комнатку, где виднелись постель и комод. Вся квартира состояла из этих двух комнат.— Спальня?	177. Р.
178. Так-так-с, — промурлыкал сам себе Порфирий Петрович, заглянув в соседнее помещение.	178. А., С.
179. То была крошечная комната с огромным киотом образов. У другой стены стояла большая постель, весьма чистая, с шелковым, наборным из лоскутков, ватным одеялом.	179. Р.
180. У третьей стены был комод с выдвинутыми и отчасти даже вывернутыми ящиками. Из-под кровати торчал раскрытый сундук, вкруг которого на полу валялись какие-то сверточки и кулечки. Порфирий Петрович поднял один, прочел надпись на бумажке «7 июня, студ. Линчуков, 3 р. 25 к., 1 мес».— Это она	180. Г.

заклады сюда складывала, — пояснил надзиратель Никодим Фомич. — Целая бухгалтерия. Видите — число, имя закладчика, сумма, срок.	
181. Пристав покивал, пошарил по ящикам комода под бельем и достал оттуда изрядный пук кредиток, перетянутый красненькой лентой. Покачал на руке, передал квартальному.— Пересчитайте-с. — И продолжил поиск.Просмотрел какие-то бумажки, извлек потрепанную тетрадку и с чрезвычайным вниманием в нее уткнулся.	181. А.,
182. — Три тысячи сто двадцать пять рублей, — доложил Никодим Фомич. — Не нашел, видно. И из сундука лишь немного прихватил, с самого сверху. Там в сверточках не только дрянь. Золото есть, прочие ценные вещички. Спугнули его, что ли? Лизаветиного прихода напугался? Запросто мог бы, после сестры-то, сюда вернуться и остальное добрать.— Загадка-с, — признал Порфирий Петрович,	182. Р., Г.
183. суя тетрадку в карман и все вертя головой по сторонам. — Что орудие убийства?Закончив осмотр, наконец, подошел к мертвому телу.	183. Р. А.
184. Старуха лежала в точности, как описал Заметов: ничком, выворотив одну выброшенную руку. Открытый глаз мерцал стеклянным блеском. Крови на затылке было немного, она запеклась под жиденькой, скрученной в баранку седой косичкой.	184. Р.
185. Надворный советник набрал полную грудь воздуха и зажмурившись полез пальцами в рану. Лицо его сделалось бледным, однако руку Порфирий Петрович убрал нескоро.	185. А., С.
186. — Прямоугольный пролом… Вершка полтора на три четверти… —	186. Р.
187. сообщал он, с каждым мгновением все больше бледнея. На лбу выступили капли. — Пожалуй, обух небольшого топорика…	187. А., С.
188. Удивительной силы удар. Как это Лизавете свезло?	188. Г.
189. Наконец выпростал пальцы, мельком поглядел на них и покриви	189. А., С.
190. — Эй, умыться его высокоблагородию, — велел квартальный одному из солдат	190. А.
191. (полицейских в квартире кроме начальника было еще четыре человека).	191. Р.
192. Тщательно выполоскав загрязнившуюся руку в тазике и чистя специальной щеточкой ногти, надворный советник резюмировал:	192. А.
193. — Удобнейшая вещь для убийства — топорик. Под мышкой какую-нибудь петельку или лямочку соорудил, подвесил, и под одеждою не видно-с. А выхватить можно в секунду.	193. Р.
194. Он показал, как можно выхватить из-под мышки топор и ударить сверху вниз.	194. А.
195. — По макушке, — задумчиво протянул Порфирий Петрович. — Сзади-с. Отсюда что следует?	195. Р.
196. — Что? — спросил капитан.	196. А.
197. — А то, что убитая преступника не опасалась, так что сама в комнаты провела, да еще спиною к нему оборотилась. И во-вторых-с, что он росту выше среднего, ибо бил сверху и	197. Р.

пришлось прямо в маковку. Людей по лестнице и во дворе опросили-с?	
198. Никодим Фомич приосанился:— Как же, первым делом. Никто ничего.	198. А., С.
199. — Чуяло сердце, чуяло, — жалобно молвил надворный советник. — С самого начала, как только господина Заметова увидел.	199. Р., С.
200. Единственно вот что… — Он повернулся к письмоводителю.	200. А., С.
201. Александр Григорьевич, душа моя, не в службу, а в дружбу.	201. Р.
202. Вы все имена и сведения с бумажечек, в которые заклады-то обернуты, перепишите к себе. А после милости прошу ко мне на квартиру. Полночь, заполночь — неважно-с. Нам теперь все одно не спать. Господин капитан, одолжите мне письмоводителя вашего в помощники? Очень уж толковый юноша.	202. А.
203. Александр Григорьевич зарозовел от удовольствия и посмотрел на квартального с надеждою и страхом — не откажет ли. Но Никодим Фомич улыбнулся в усы и успокоительно подмигнул:— Что ж, пускай.	203. А., С.
204. Скучно, поди, штаны в конторе просиживать.—	204. Р.
205. Благодарю-с. А в целом скверно, господа. Следов никаких-с, и свидетелей нет. — И пристав, уныло махнув рукой, вышел на лестницу.	205. Р.
Глава 3	
206. Про Порфирия Петровича.	206. Г.
207. Однако пришло время познакомиться с главным героем нашего повествования ближе, ибо история, приключившаяся с ним в жаркие июльские дни 186… года, возможно, обрисует его не самым привлекательным образом,	207. Р.
208. а между тем это был человек в высшей степени замечательный. Не типичностью своего характера —	208. Р.
209. о, отнюдь,	209. С.
210. так что критиков, требующих, чтобы герой непременно был носителем современных веяний, выразителем эпохи, эта личность, пожалуй, приведет в негодование.	210. Р.
211. Порфирий Петрович, хоть и относился к завоеваниям прогресса с почтением, но кумира себе из них не сотворял, а по строгой приверженности установленным правилам и в особенности по своей старообразной манере говорить скорее мог быть отнесен к ретроградам.	211. Р.
212. Одно, пожалуй, несомненно: это был человек странный, даже чудак.	212. Р.
213. Чудак же в большинстве случаев частность и обособление, так что в «типические характеры» Порфирий Петрович никак не подходил.	213. Р.
214. Но что был бы за интерес и вкус в жизни, если б ее населяли сплошь одни «типические характеры»? Бог с ними совсем. Может, их на свете и вовсе не существует, разве что в воображении г.г. критиков.	214. Р.
215. История рода, от которого происходил наш герой,	215. Г.

довольно необычна.	
216. Согласно преданию, бытовавшему в семье, но не подтверждаемому никакими письменными свидетельствами, ибо все фамильные документы сгорели от пожара еще в первой половине предшествующего столетия, предком Порфирия Петровича был служилый немец хорошей крови, то ли фон Дорн, то ли фон Дорен. Потомки чужеземного пришельца прижились в России и расплодились во множестве колен, одни из которых возвысились, другие же захудали и впали в ничтожество. К сим последним относилась и линия Порфирия Петровича, — дед и прадед которого были вовсе неграмотны, сами пахали землю и за утратой родовых грамот числились уже не дворянами, а однодворцами. К тому времени не только звание, но и самая фамилия их была утрачена. То есть не то чтобы полностью, однако же подьячий, выписывая погорельцам новые бумаги взамен сгоревших, недослышал и записал их «Федориными», а они по неграмотности проверить не могли.	216. Г.
217. Повторное возвышение рода началось недавно, с родителя нашего героя.Будучи слабого здоровья, к крестьянскому труду Федорин-отец был негоден и поступил в семинарию, намереваясь переписаться в духовное сословие.	217. Р.
218. Там он учился в одно время с самим Михайлой Михайловичем Сперанским и, подобно сему титану российской истории, променял подрясник на сюртучок мелкого чиновника. Но, в отличие от великого однокашника, талантами не блистал и долгое время не мог подняться выше четырнадцатого класса. Лишь на самом закате своего кометоподобного фавора Михаила Михайлович, случайно повстречав где-то былого знакомца, обласкал его и назначил на хорошую должность, но и эта улыбка Фортуны обернулась насмешкой. Благодетель низвергся в прах, по слухам, едва избежав казни, а его благоволение легло на формулярную судьбу Петра Федорина черным пятном.К шестому десятилетию своей жизни отец Порфирия Петровича окончательно признал свою жизнь полностью неудавшейся. Вечный титулярный советник, он жил бирюком. Жениться не женился, ибо не мог сыскать пары. Женщины, ему нравившиеся, не пошли бы за человека бедного и немолодого, а тех, какие пошли бы, ему самому было не надобно. Он уж начал хлопотать в смысле пенсиона, надеясь в самом лучшем случае получить годовых рубликов сто,	218. Р.
219. но тут солнце вновь выглянуло из-за туч.	219. С.
220. После десятилетней опалы Сперанский вновь воссиял в блеске — уже не в таком, как прежде, но все же весьма значительном: сначала вершил суд над злосчастными декабрьскими мятежниками, потом был наставником цесаревича, членом всевозможных комитетов и комиссий, удостоился графского титула. Повторно вознесясь, граф Михаила Михайлович особенно отличал тех, кто не отвернулся от него	220. Р.
221. в тощие годы.	221. С.
222. Тут Федорину-старшему и пригодились записочки, которые он исправно посылал поверженному временщику ежегодно ко дню ангела.В короткий срок безвестный титулярный	222. Р.

советник выслужил потомственное дворянство, а затем и звезду, но что гораздо важнее для нашего повествования, женился на славной девушке-смолянке и родил сына.	
223. Из этой истории следует, что человеку ни в каком возрасте не следует ставить на жизни крест, ибо все еще может повернуться.	223. Р.
224. Ко времени, когда пришло время определять юного Порфирия на жизненное поприще, его можно было бы поместить хоть в Пажеский корпус, так как отец уже ходил в генеральских чинах. Но мальчик рос неуклюжим, слабосильным,	224. Р.
225. да и что за имя для гвардейца или дипломата Порфирий? Неблагозвучное	225. Р.
226. это наименование возникло почти что случайно. По причине своего очень немолодого возраста будущий отец ребенка ужасно волновался, не родит ли жена мертвенького или увечного, и дал перед иконой обет: наречь сына либо дочку, это уж как Господь рассудит, именем первого же святого, кто в сей день проставлен в Святцах. Ну и пришлось на святителя Порфирия,	226. Р.
227. памятного тем, что избавил первохристиан Святой Земли от притеснения язычников.	227. Р.
228. За нерасположенностью к военной карьере мальчик был отдан в незадолго перед тем учрежденное Училище Правоведения, что на Фонтанке, дабы направиться по гражданской линии, то есть отцовской стопой. Так, на четырнадцатом году жизни, и определилась его судьба.	228. Г.
229. Вот вам два случая из жизни юного Порфирия Петровича, обрисовывающие этот характер.	229. Г.
230. Первый — из той поры, когда отрок только-только сделался одним из полутора сотен «чижиков», как называли правоведов за цвет их желто-зеленых мундирчиков.	230. Р.
231. По проверке знаний Порфирия определили в шестой класс, следующий за самым младшим, седьмым,	231. Р.
232. то есть он попал в среду, уже сложившуюся, члены которой успели притереться друг к другу. Известно, как жестоки к новичкам подобные подростковые общества. Пришельцу, если он не силен физически или не как-нибудь особенно хитроумен, утвердиться в них трудно — стая сплочается против него.	232. Р.
233. В классе, куда зачислили Порфирия, как это заведено почти повсеместно, был обычай «цукать» новеньких, причем свежепринятому предлагался выбор: он мог либо стать «арапкой», то есть всеобщим прислужником вплоть до появления следующего новичка, либо доказать свою храбрость, пройдя испытание.	233. Р.
234. Низенький мальчик наморщил лоб, похлопал белыми ресницами и тихо, но твердо заявил, что ничьим «арапкой» он не будет, после чего пожелал узнать, в чем именно состоит испытание.	234. А., С.
235. Ему рассказали — в несколько голосов, страшным шепотом, выкругливая глаза.	235. А., С.
236. В одном из дворов училища имелась старая конюшня, давно пустовавшая по причине обветшания. По преданию, то была единственная постройка, которая уцелела от времен	236. Р.

жестокого герцога Бирона, которому сто с лишком лет назад принадлежало это владение. На конюшне истязали провинных и многих засекли до смерти, отчего по ночам там слышны жуткие стоны, а иной раз и являются души замученных. В этом-то нехорошем месте новичку и предлагалось пробыть с вечера и до рассвета.	
237. Порфирий ужасно побледнел, потому что очень страшился привидений, но, как говорится, более всего на свете страшился страха, а потому согласился.	237. А., С.
238. До полуночи худо-бедно продержался, только продрог в одной рубашке, но едва донесся звон курантов, из угла раздались кошмарные звуки: свист кнута, душераздирающие стоны. Когда же из тьмы выплыли белые фигуры,	238. Р.
239. мальчик с криком выбежал на двор и там пал на камни без чувств.	239. А.
240. Шутники (ибо роль призраков исполняли двое самых отчаянных в классе шалопаев) выскочили следом и попытались растормошить сомлевшего, но обморок был глубокий. Привести ребенка в чувство удалось лишь к вечеру следующего дня, немалыми усилиями врачей.	240. А., Р.
241. Начальство строго допросило Порфирия, что он делал во дворе посреди ночи и почему найден простертым на земле. К тому времени мальчик уже знал от самих заговорщиков, в чем заключается тайна страшной конюшни, однако не выдал их, а лишь твердил, опустив глаза: «Что вышел — виноват-с. А что упал-с, так это зашумело в голове, ничего не помню-с».	241. Р.
242. (Обыкновение говорить с обильными словоерсами возникло у него с детства, от папеньки, и осталось на всю жизнь.) Больше ничего от новенького добиться не могли, лишь про то, что «зашумело в голове».	242. Р.
243. Получил Порфирий строгое наказание: три дня карцера и месяц без домашних отпусков, да еще в училище задразнили, придумав обидную песенку, которая, кстати говоря, с того самого случая и сделалась известна всему городу —	243. Р.
244. про чижика-пыжика, что выпил рюмку, выпил две, зашумело в голове.	244. Р.
245. Однако и жестоко дразнимый товарищами, Порфирий обидчиков не выдал.Из этой маленькой истории видно, как уже с раннего возраста в нем сочетались чрезвычайная впечатлительность и столь же необыкновенная твердость характера. Первое из этих качеств с возрастом отнюдь не исчезло, лишь внешне стало менее приметным. Второе же, пожалуй, только усилилось.	245. ф.
246. А вот вам еще один эпизод, дополняющий портрет нашего героя и демонстрирующий другие две характернейшие его черты: неостановимую дотошность и редкую неустрашимость.	246. Р.
247. Причем последняя черта тем удивительнее, что в людях обостренно впечатлительных, готовых впасть в продолжительный обморок от химеры, храбрость встречается редко, не то что в натурах бесхитростных и воображением обделенных.	247. Р.
248. Дело было вскоре после того, как Порфирий Петрович	248. Р.

вступил на стезю казенной службы.Начало его карьеры складывалось неблестяще. Учился он своеобразно: не выказывал успехов ни в римском праве, ни в торговом, ни же в гражданском судопроизводстве, зато шел первым по праву уголовному и полицейскому, а также специальным дисциплинам вроде психологии, токсикологии либо судебной медицины. Уже тогда определилось, что юноша имеет склонность к службе, связанной с пресечением и расследыванием злоумышленных преступлений. Из-за неровности успехов выпущен Порфирий Петрович был по второму разряду, то есть всего лишь губернским секретарем, и угодил в отдаленную, ничем не примечательную провинцию, судебным следователем.	
249. Кроме скромности академического балла сыграло роль и то, что к сему времени и папенька-генерал, и граф Сперанский успели покинуть земную юдоль, оставив выпускника-правоведа безо всякой протекции.	249. Р.
250. Впрочем, сказать, что губерния, куда отправили Порфирия Петровича, совсем уж ничем не блистала, было бы не вполне верно. Она, точно, не отличалась ни выдающимися памятниками, ни историческими реликвиями, зато — и это даже на весьма неблагонравном фоне нашей провинциальной жизни — выделялась какой-то особенной скверностью нравов. Начальство, пользуясь удаленностью от столиц, изолгалось и изворовалось до степеней совершенно невиданных и даже, можно сказать, фантастических.	250. Р.
251. Губернатором там двадцать с лишком лет сидел всё один и тот же лихоимец, окруживший себя еще худшими негодяями, так что ни в учреждениях власти, ни в судах добиться правды было решительно невозможно. Всё, что производилось в губернии, волоклось и засасывалось в одно жерло, а уж оттуда, по расположению местного властителя, распределялось между ним и его присными. Всякое сопротивление произволу было давным-давно истреблено, и население смиренно терпело любые притеснения,	251. Р.
252. подобно стаду безгласных овец, которые не осмеливаются даже блеять, когда с них стригут шерсть либо тащат на бойню.	252. Р.
253. Но сколь веревочке ни виться, а рано или поздно конец сыщется.	253. Р.
254. Едва юный правовед прибыл к месту службы, едва успел оглядеться и прийти в содрогание от окружающей мерзости, как на губернию обрушилось великое потрясение.То ли до столицы наконец дошли слухи о злоупотреблениях, то ли имелась какая иная причина, но	254. Р.
255. в губернский город, совершенно как в известной комедии, нагрянул ревизор из Петербурга.	255. Р.
256. То есть поначалу-то как раз не грянул, а прибыл тихонечко, партикулярным порядком. Пожил некоторое время инкогнито, собрал сведения, а потом взял, да и потребовал к ответу всё местное начальство.Предложенную взятку с негодованием отверг, ибо оказался	256. Р.
257. человек честный. Мало того — еще и дельный,что на Руси с честными людьми почти никогда не бывает.	257. Р.

258. Собрал у себя в особенном портфеле такие бумаги, такие доказательства, что губернатору и всем его помощникам оставалось либо в каторгу, либо в петлю.	258. Р.
259. После грозного разноса собрались отцы города на тайное совещание. Сколько ни думали, спасения измыслить не смогли. Тогда и возникла отчаянная идея: ревизора живым из губернии не выпускать, а пресловутый портфель изничтожить.	259. Р.
260. Легко сказать! Приезжий чиновник был в генеральском чине, лично известен государю. Да если такой человек, находясь на ревизии, отдаст Богу душу в хоть сколько-то подозрительных обстоятельствах — беда. Взамен нагрянет целая следственная комиссия и камня на камне не оставит.	260. Р.
261. Так одними разговорами (и то в самом что ни на есть доверенном кругу) и закончилось.Стали готовиться к худшему. Вице-губернатор на свои средства новую церковь заложил — душу спасать. Председатель казенной палаты, у которого как раз оказался выправлен паспорт для поездки на воды, вмиг собрал семейство и, не прощаясь, отбыл в чужие края. Прочие чиновники кто запил, кто слег в нервной горячке, кто усердно переписывал имущество на родственников.	261. Р.
262. И вдруг, перед самым отбытием ревизора и страшного его портфеля восвояси, случилось чудесное событие. В последний день пошел генерал на речку искупаться, да и прямо там, в купальне, на глазах у прислуги, пал мертвый без каких-либо видимых причин.	262. Г.
263. Натурально, произошел ужаснейший переполох. Что? Как? Не было ли злого умысла? Наехали доктора, примчался губернатор.	263. Р.
264. Все бледные, трясутся.	264. С.
265. Однако ни малейших признаков злодейства не усматривалось — лишь явные и несомненные приметы ординарнейшей смерти от удара.	265. Р.
266. Несколько забегая вперед, сообщим, что смерть высокого лица все же произошла по основаниям не вполне естественным, и даже вполне неестественным, однако исполнено всё было до того ловко, что придраться казалось невозможным.	266. Г..
267. Учинили вскрытие, при котором присутствовали чуть не все городские врачи. Определили causa mortis — разрыв сердечного мускула, и все подписались под соответствующим документом.	267. Р.
268. Затем обложили тело льдом, поместили в свинцовый гроб и отправили в Санкт-Петербург. Если тамошние доктора пожелают перепроверить диагноз — ради Бога.	268. С.
269. А что из гостиничного нумера пропал некий портфель, так то, может, слуги самого покойника и украли.	269. Г.
270. Впрочем, в суматохе и неразберихе о портфеле как-то никто и не поминал.	270. Р.
271. Замысел здесь был весьма прост. Конечно, из столицы пришлют нового ревизора и, возможно, еще более сурового, но пока он будет добираться до сего медвежьего закоулка, многие концы удастся спрятать, да и вообще, как	271. Г.
272. гласит античная максима, prae-monitus praemunitus, то есть	272. Р.

«предупрежденный вооружен».	
273. Так бы всё и устроилось, если б не маленькая ошибка, допущенная губернскими хитрецами.	273. Г.
274. Для вящей приличности	274. С.
275. постановили провести расследование,	275. Р.
276. ибо как же иначе — такой большой человек скоропостижно скончался.	276. Р.
277. Дело поручили Порфирию Федорину, рассудив, что следователь-правовед — оно и для отчета солидно, и безопасно. Ни до чего мальчишка не докопается, поскольку зелен и никого в городе не знает.	277. Р., С.
278. Не ведая этой подоплеки, Порфирий Петрович	278. Р.
279. взялся за работу с пылом.	279. С.
280. Выяснил, что за два дня до кончины, ужиная в трактире, ревизор отравился несвежею рыбой. Умереть не умер, но сильно расхворался, и по сему поводу был у него Штубе, известнейший в городе лекарь, который пользовал и губернатора, и всех первых лиц. Потребовал следователь немца на допрос. Тот явился, само благодушие. Точно так-с, говорит, не отпираюсь, имел честь лечить его превосходительство. И преотлично вылечил. Прописал отличнейшие лекарства которые за полтора суток восстановили господина генерала в совершенном здравии. В доказательство Штубе предъявил собственноручную записку ревизора, писанную утром в день смерти. В письме ревизор благодарил за лечение и уведомлял, что теперь почти совсем уже здоров, лишь несколько ослаб.	280. Р.
281. Порфирий Петрович лекаря отпустил, а сам кое о чем потолковал со слугами покойника, готовившимися отбыть в скорбное путешествие с мертвым телом. Однако ничего подозрительного из их показаний, надо думать, не добыл, ибо на этом расследование закончилось. Гроб увезли.	281. Р.
282. Отцы города хорошенько подготовились к повторной ревизии, успокоились.	282. С.
283. Так миновал месяц.	283. Р.
284. Вдруг является наш Федорин к губернатору в полном мундире, при шпаге, и делает чрезвычайный доклад.	284. Р. 285. Р.
285. Так мол и так, ревизор-петербуржец злодейски умерщвлен происками доктора Штубе. Был доктор у выздоравливающего в самый канун кончины, для последнего освидетельствования. Во избежание застоя внутренних жидкостей выпустил из жилы три полные склянки крови, после чего велел выпить бутылку красного вина и принять речную ванну. От этих-то мер сердце у генерала и лопнуло. Посему следствие нужно открывать заново, чтобы выяснить, сам ли действовал доктор или по чьему наущению.	
286. Губернатор, которому Штубе был друг и первейшее доверенное лицо, поначалу не слишком встревожился. Ах, говорит, милейший Порфирий Петрович, молоды-зелены вы, по горячности сердца чрезмерно увлекаетесь. Не мог Карл Иваныч пациенту дурного насоветовать, ну а если и ошибся, то и	286. С.
287. на старуху бывает проруха.	287. Р.
288. От врачебной ошибки до злодейского умысла на	288. С.

государственную особу дистанция ого-го какая.	
289. Ничего-с я не увлекаюсь, прехладнокровно ответствует ему Порфирий Петрович. Вот у меня письменные показания, взятые у камердинера и кучера. Тут и про кровь, и про вино, и про речную ванну есть. А что до врачебной ошибки, так я запрос послал в Санкт-Петербургскую академию, и	289. Р.
290. светила медицинской науки пишут, что ни один лекарь никогда не стал бы ослабленному болезнью человеку пускать кровь, а после, напоив вином, отправлять на купание в холодной воде, ибо по всем законам науки от сего должен воспоследовать удар — чем и закончилось.	290. Р.
291. Здесь губернатор спокойствие утратил, схватился за сердце. Зачем, мол, по этакому нешуточному делу в академию написали самоуправно, с начальством не обсудив?	291. С., Р.
292. А Порфирий Петрович ему: я, ваше превосходительство, не только в академию, я и в министерство отписал, так что ожидайте уже не ревизора, а самострожайшего уголовного расследования всей этой истории.	292. Р.
293. И начались с того дня для вчерашнего правоведа страшные времена, продлившиеся полтора месяца, вплоть до самого прибытия столичной комиссии.	293. Р., С
294. Как только жив остался — одному Господу известно.	294. Р.
295. Сначала на него разбойники напали, посреди бела дня, прямо на городской улице. Хотели следователю голову кистенем проломить. Федорин от них бежал, кое-как отмахивался тростью,	295. Р.
296. кричал во все горло «караул!», да полиции поблизости не случилось, ни единого будочника.	296. С.
297. Хорошо, прохожие заступились, выручили.Но на том не кончилось. Очень вскоре	297. Р.
298. некая девица, из тех, что, выражаясь языком паспортным, «живут от себя»,	298. С., Р.
299. вдруг подала на скромнейшего Порфирия Петровича жалобу, что он ее будто бы обесчестил посредством насилия,	299. Р.
300. и, главное, немедленно сыскались свидетели.	300. С.
301. Обвиненный угодил в губернскую тюрьму и в первую же ночь чуть не был там убит уголовными. Во вторую ночь его уж точно бы извели, но, не дожидаясь темноты, Порфирий Федорин перелез через стену и спрятался. До самого приезда комиссии просидел в погребе у одной сочувствовавшей ему молодой особы,	301. Р.
302. рассказ о которой сейчас к делу не относится (это совсем иная, до чрезвычайности грустная история, Бог с ней совсем — как-нибудь в другой раз).	302. Г.
303. В конце концов для нашего героя всё разрешилось благополучно.	303. Р.
304. Справедливость полностью восторжествовала.	304. Р.
305. Губернатора и еще с десяток чиновников увезли под конвоем в столицу на суд, а убийца-лекарь перерезал себе горло.	305. Р.
306. Этот Штубе, даром что с тех пор миновало полтора десятка лет, и поныне иногда снился Порфирию Петровичу — таинственно глядел, улыбался, помахивая окровавленной бритвой, а говорить ничего не говорил.	306. С.

307. Шумная эта история карьере молодого юриста не поспособствовала, скорее напротив. Быв переведен на новое место, с самыми лестными аттестациями, он обнаружил вокруг себя всеобщую мнительность и опаску, ибо слава поспела туда еще прежде его приезда.	307. Р.
308. Какому же начальству понравится чиновник, который чуть что в столицы пишет и комиссии призывает?	308. Р.,С.
309. Долгими кропотливыми усилиями, тщанием и усердием Порфирий Петрович одолел первоначальное против себя предубеждение, завоевал и уважение, и приличествующее положение.	309. Р.
310. А после	310. Р.
311. одного прошлогоднего расследования, на которое мы здесь опять-таки отвлекаться не станем,	311. Г.
312. попал на заметку к высшему начальству. Вне очереди пожалованный чином, был призван на ответственную должность, следственным приставом одной из населеннейших частей столицы. Только прибыл, не успел еще,	312. Р.
313. как говорится, крылья расправить —	313. Р., С.
314. и на тебе: ужасное убийство,	314. Р.
315. да еще из того разряда, который в следовательской среде называют некрасивым словом «тупняк» или «топняк», по-разному выговаривают.	315. Р., Г.
316. При первом звучании имеется в виду тупиковость расследования, при втором — что впору топиться, всё одно истины не дознаешься.	316. Г.
Глава 4	
317. Р.Р.Р.	
318. Город, за день набравший полную каменную грудь зноя,	317. Г.
теперь выдыхал горячий воздух обратно, так что и ночью облегчения не предвиделось.	318. Р., С.
319. Надоедливое летнее солнце, совсем ненадолго убравшись на крыши, в самом незамедлительном времени высунулось с другой стороны,	319. Р., С.
320. однако Порфирий Петрович не заметил рассвета, как перед тем не обратил внимания на наступление сумерек.	320. Р., С.
321. Он работал.Сначала листал прихваченную из комода тетрадку и что-то из нее копировал своим меленьким, истинно бисерным почерком. Потом, это еще засветло, письмоводитель принес списанные в блокнот имена закладчиков и был отправлен в новую рекогносцировку — опрашивать Лизавету обо всех знакомых убитой. Пока Александр Григорьевич отсутствовал, пристав перенес имена на маленькие бумажные квадратики, по человеку на карточку.Получилось немало, четыре с лишком десятка. Когда вернулся Заметов, стопка увеличилась еще на пять имен	321. А., Р.
322. (знакомцев у покойной Алены Ивановны было мало: четверо деловых да один священник).	322. Р.
323. Александр Григорьевич уселся в кресло и приготовился	323. А.

наблюдать, как следственный пристав станет разгадывать тайну преступления, но	
324. ничего особенно интересного не происходило.	324. Р.
Надворный советник, переодевшийся в стоптанные туфли и халат, всё сидел перед столом, шевелил губами да шелестел карточками: то так разложит, то этак.	
325. Посидел Заметов, посидел, не осмеливаясь препятствовать мыслительной работе пристава разговорами, да и уснул. А Порфирий Петрович курил папироску за папироской, ерошил	325. А.
326. редкие, легкие как пух волосы на темени,	326. С.
327. тоскливо бормотал:	327. А., С.
328. «Вразуми Господи, подскажи. Пожалей болвана безмозглого».	328. Р.
329. Бумажки же так и летали из стопочки в стопочку слева направо, справа налево,	329. А., С.
330. будто карты в пасьянсе.	330. Р.
331. Часу этак примерно в четвертом	331. Р.
332. Александр Григорьевич пробудился оттого, что надворный советник тряс его за плечо.— Вставайте, батюшка, вставайте-с. Вот вам перо, вот бумага. Пишите-с.	332. А.
333. Письмоводитель, зевая, сел за стол.— Что писать?	333. А., С.
334. Он увидел, что карточки разложены по-новому, иначе чем прежде, а на большом листе изображено подобие таблицы со многими графами, незаполненными.	334. Р.
335. — Метода готова-с, — объяснил Порфирий Петрович, потирая	335. Р.
336. красные от бессонной ночи веки. —	336. Р.
337. Вот сюда, в левую колоночку, все имена перепишите, в столбик. Далее звание, род занятий, пол, возраст, размер ссуды, заклад, срок возврата, адрес. Важнее всего две последние графы. Вот эта, физическое состояние субъекта — в смысле, мог топором-то или нет. И вот эта: есть или нет alibi на момент преступления. Наша с вами ближайшая работа — все эти клеточки сведениями заполнить. Тогда список усохнет, съежится до нескольких имен, вот увидите-с.	337. Р.
338. Окончательно проснувшись, Заметов задал вопрос,	338. А.
339. который не давал ему покоя еще давеча, когда он наблюдал за размышлениями пристава и не решался их прервать. — Порфирий Петрович, ну а ежели убийца свой заклад унес, чтоб имени нам не оставлять, тогда как?	339. Г.
340. — Не смею на сие и надеяться. Слишком было бы просто-с.	340. Г.
341. Вот видите-с? — Надворный советник достал из кармана тетрадку, взятую им из комода процентщицы. —	341. А.
342. Шелудякова сюда все сведения записывала. У нее тут всё честь по чести, с адресами, с именами-отчествами. Я сравнил с вашими обертками. Всего пяти недостает-с. Эти пятеро у меня в стопочке самыми верхними лежат-с. Однако излишне на сей счет не обнадеживаюсь. Проверим их, конечно, в наипервейшую очередь, однако уверен, что злодей ухватил свертки наугад, прямо сверху, горстью-с.	342. Р.
343. Вы пишите, пишите. Сюда вот имя, отчество,	343. А.

фамилию, — показал пристав еще раз. Александр Григорьевич обмакнул перо, занес его над бумагою и остановился.	
344. — Не поместится. Мало места оставили. Даже если фамилию с инициалами — все равно не поместится.	344. Р.
345. Пристав ужасно расстроился собственной оплошности. — Не сообразил, виноват-с. Ай, досада какая! Битый час таблицу по линеечке рисовал, все пальцы перепачкал, а про это не додумал-с!	345. С.
346. Попричитав некоторое время таким манером, махнул рукой:	346. А.
347. — Знаете что, голубчик мой, вы одними инициалами обозначайте, тремя буковками. Да еще нумер каждому проставьте. Ничего, авось не перепутаем-с. Я их всех уж наизусть успел выучить.	347. Р.
348. Ну, пишите, а я пока кофею сварю.	
349. За кофеем Порфирий Петрович изучал таблицу, помечая некоторые нумера карандашиком как наиболее обещающие. Так доскользил он грифелем до 27-ой позиции,	348. А. 349. А.
350. (это был студент, тому три дня заложивший копеечные серебряные часы),	350. Р.
351. не заинтересовался и двинулся было дальше,	351. А.
352. но вдруг дернулся всем телом, подобрался и быстро-быстро захлопал глазами. - Так-так-так, — скороговоркою пробормотал надворный советник, вскочил,	352. А., С.
353. подбежал к коробкам, в которых лежали у него книги и бумаги, еще не переправленные в казенную квартиру, и принялся в них рыться,	353. А.
354. приговаривая: — Где же-с, где же-с… Ах, нет, неужто… Но позвольте-с, я же доподлинно… — и прочую подобную чепуху.	354. С.
355. Заметов смотрел на его странное поведение во все глаза.	355. А., С.
356. — 27-ой — это у нас студент Раскольников, верно? —	356. Р.
357. обернулся с корточек Порфирий Петрович. Взяв карточку, письмоводитель подтвердил:	357. А.
358. — Точно так. Студент Раскольников Родион Романович, проживает в Столярном переулке, в доме Шиля. Помню такого, на него квартирная хозяйка жаловалась. Учился в юридическом факультете, но бросил. Не платит и не съезжает. А что он? — Родион Романович, ну да-с. —	358. Р.
359. Пристав с досадой отпихнул коробку. — Газеты-то переправил…	359. А., С.
360. Неужто… Да нет, невозможно-с… Хотя отчего же… В юридическом, говорите?— Кажется, так. А чем он вас привлек? —	360. Г.
361. Александр Григорьевич с любопытством просмотрел карточку, заглянул и в таблицу,	361. А.
362. но решительно ничего подозрительного не заметил. — Имеете основания полагать, что это он, старуху-то? Какие?	362. Г.
363. — Почти никаких-с. Просто фантазия-с, проверить надо, — уклонился от ответа Порфирий Петрович	363. Г.
364. и ни с того ни с сего хлопнул себя по лбу. — А редактор-	364. Г.

то!— Что «редактор»? Но надворный советник, кажется, и не услышал.— Ну и Митю, конечно… —	
365. опять понес он невнятицу, прищуренно глядя в окно. — И это уж непременно. Митю нынче же.	365. А., С.
366. А вы, славный мой, вот что, — обратился он уже не к своим мыслям, а к письмоводителю. —	366. А.
367. Вы еще прежде, чем первые пять нумеров проверите, у которых заклады пропали, выясните-ка всё как возможно подробнее про этого студента. Особенно на предмет местонахождения господина Раскольникова в момент убийства.	367. Г.
368. И ступайте, ступайте. Он чуть не вытолкал Заметова в прихожую.	368. А.
369. — Мне в съезжий дом нужно, неотложно-с.	369. Г.
370. — Поспали бы, хоть часок, — успел крикнуть Александр Григорьевич до того, как его окончательно выпихнули на лестницу, но вместо ответа у него перед носом захлопнулась дверь.	370. А., С.
371. В продолжение дня пристав и его помощник каждый занимались своим делом, так что в назначенный час (к ужину) оба явились	371. Р.
372. с уловом.	372. С.
373. Судя по сияющей физиономии письмоводителя, он кое-что раскопал,	373. Р.
374. да и у Порфирия Петровича вид был довольный, словно у	374. Р.
375. полакомившегося мышью кота.	375. Р.
376. Заметов хотел сразу же начать рассказывать, уж и записки свои достал, но надворный советник остановил его:— Прежде всего	376. А.
377. подкрепим материю, которая, согласно новейшим европейским учениям, следует прежде духа.	377. Р., С.
378. Поди, не завтракали, не обедали? — участливо спросил надворный советник. — Я, признаться, тоже-с.	378. А.
379. Эй, человек! Принеси-ка нам, дружок, графинчик анисовой, щей горшочек и что там у вас, стерлядку привезли? Давай!	379. Р.
380. Встреча была назначена на Садовой, в трактире «Пале-де-Кристаль», отличавшемся преогромными, от пола до потолка, окнами, отчасти оправдывавшими громкое название.	380. Р.
381. Хрустальный чудо-дворец, возведенный	381. С.
382. тароватыми англичанами	382. С., Р.
383. для Всемирной выставки сплошь из стекла и железа, у нас видели разве на картинках, однако до того впечатлились сим провозвестием будущих чудес архитектуры, что стеклянные веяния сказались даже и на трактирах.	383. Р.
384. Не успел Александр Григорьевич отломить кусочек хлеба и намазать его маслом, как пристав, противореча собственным словам о материи, нетерпеливо спросил:	384. А., Р.
385. — Ну, что те пятеро и Раскольников?	385. Гм.
386. Отложив хлеб, письмоводитель принялся докладывать.	386. А.
387. — Меж пятерых, чьи заклады похищены из старухиного сундука, трое причастны быть не могут. Нумер второй неделя как в больнице с горячкой, и доктора говорят, что вставать с кровати	387. Г.

никак не способен. Нумер третий как неисправный должник сидит в яме. Нумер пятый вчера в седьмом часу был на поминках и никуда оттуда не отлучался, что подтверждает большое количество свидетелей.	
388. — Хорошо-с, — наклонил голову Порфирий Петрович. — Далее.	388. А.
389. Остаются двое. Нумер первый, вдова губернского секретаря Аксинья Зоиловна Липучкина июня 14-го дня взяла под залог бус четыре рубля. Где пребывала весь вчерашний вечер, неизвестно. Однако женщина она сухонькая, и вот такого росточка. Чтоб ударить процентщицу, а тем более долговязую Лизавету по макушке, ей бы, наверно, пришлось вскарабкаться на скамеечку…	389. Г.
390. — Бог с ней совсем, с Липучкиной. — Пристав отмахнулся.	390. А.
391. — Что нумер четвертый?— Вот про четвертого-то я и хотел. —	391. Г.
392. Александр Григорьевич зашуршал страничками, успев-таки сунуть в рот корочку. —	392. А.
393. Нумер четвертый — приказчик Николай Дормидонтович Попов, занявший шестнадцать рублей с полтиною сроком на два месяца под залог серебряного турецкого кинжальца. —	393. Г.
394. Заметов со значением взглянул на начальника. —	394. А.
395. Где пребывает, ни соседи, ни родственники не знают. Исчез еще третьего дня, и никто ничего. Я думаю, уж не он ли? На всякий случай я все сведения про него списал. Есть и словесный портрет. Не объявить ли розыск?	395. Г.
— Дайте-ка-с, — попросил Порфирий Петрович	
396. протягивая руку за тетрадочкой. —	396. А.
397. Хм. Глаза голубые… Волос кучерявый… Лицом чист… Румянец… Трезвый характер… Угу…	397. Р.
398. Нет, — твердо объявил надворный советник, прочтя до конца. — Не Попов это. Нате вашу тетрадочку.	398. Г.
399. Заметов расстроился:— Почему вы знаете? Кинжалом вон владеет. И alibi у него нет.	399. Г.
400. — Да вот у вас написано: «По сведениям соседей, играет на бирже, имеет счет в сберегательной кассе». Стало быть, рачительный человек, аккуратный, копейку бережет. Если такой пойдет на злодеяние, то сделает всё капитально, без добычи не уйдет, трех тысяч в комоде не оставит-с. Кинжалец он наверняка сдал в залог, потому что желал собрать побольше средств для биржевой игры. Там же, на бирже, вы его и найдете.	400. Г.
401. Или вы газет не читаете-с? Зря, я каждоутренне проглядываю. —	401. Р.
402. Как бы в подтверждение, Порфирий Петрович достал из кармана сложенный газетный листок и положил	402. А.
403. рядом с тарелкой, куда официант наливал щи. —	403. Р.
404. У нас на бирже бумаги взлетели в цене и продолжают возрастать, уже второй день-с.	404. Р.
405. В связи с Суэцким каналом. Неужто не слыхали-с?	405. Р.
406. Дельцы у биржи днюют и ночуют, прямо на ступеньках.	406. Р.
407. Там ваш Попов, там. Вы лучше про студента	407. Г.

Раскольникова.— Извольте. —	
408. Александр Григорьевич с сожалением перелистнул страничку — ему жалко было расставаться с идеей о злодее-приказчике.	408. А., С.
409. — Тут неясно. Я говорил с бабой, которая там в служанках.	409. Г.
410. Настасьей звать. Расторопная такая, бойкая… Он, Раскольников этот, всё у асессорши Зарницыной квартирует, в Столярном переулке. Живет, а не платит, давно уже.	410. Р.
411. — Это вы уже говорили-с, еще давеча, — мягко заметил Порфирий Петрович.	411. Р.
412. — Вы про местопребывание субъекта в интересующие нас часы.— В том-то и штука, что доподлинно Настасья сказать не может. Вроде как	412. Г.
413. Раскольников у себя в комнате сидит, этак уже с месяц. То ли нездоров, то ли в хандре. Но дверь из его комнаты на черную лестницу выходит.	413. Р.
414. Там очень даже просто выскользнуть и вернуться, так что ни одна душа не заметит.	414. Г.
415.	415. С.
— Это, пожалуй, хорошо-с. —	
416. Пристав задумчиво наморщил лоб.	416. А.
417. — Даже вполне хорошо-с. Стало быть, у Раскольникова alibi нету-с.— Никакого.	417. Г.
418. Заметов поглядел на дымящуюся тарелку и сглотнул слюну.	418. А., С.
419. Разлитая по стаканчикам анисовая тоже стояла нетронутой.	419. Р.
420. — Далее рассказывайте, — велел пристав.	420. А.
421. — Про субъекта-с.	421. Г.
422. - Раскольников Родион Романович, от роду двадцати трех лет, вероисповедание православное, сын титулярного советника, давно покойного. Прибыл из Рязанской губернии, где проживают его мать и младшая сестра. Натура нервная, или, как выразилась Настасья,	422. Р.
423. «шибко дерганый».	423. С.
424. Стало быть, мог в аффектированном состоянии убить, тут же поступка своего напугаться и сбежать. —	424. Г.
425. Заметов сделал маленькую паузу, чтобы надворный советник вполне оценил и термин «аффектированное состояние» и психологичность вывода.	425. А. С.
426. — В столице Раскольников без малого три года. Учился на юридическом факультете, и, кажется, старательно. Однако за невнесением платы отчислен. Беден он очень. Настасья говорит, иногда мать ему пришлет, но что она может, вдова-то? Раньше уроки давал — бросил. В общем, положение у него такое, что	426. Р.
427. либо в омут головой,	427. С.
428. либо с топором на улицу, —	428. Г.
429. красиво, на логическом тезисе окончил свой отчет Александр Григорьевич и с полным правом	429. Р.
430. вознаградил себя стопкой, да и щей хлебнул ложку-другую-третью.	430. А.

431. — А у вас что, Порфирий Петрович?	431. Г.
432. — Почти ничего-с, —	432. Г.
433. с загадочным видом, противоречившим этим словам, ответствовал надворный советник	433. С.
434. и тоже поднес ко рту ложку, однако, подержав на весу, опустил обратно в тарелку.	434. А.
435. — Думал-с. Кое с кем словечком перемолвился. И пришло мне в голову-с, что мы с вами, любезный Александр Григорьич, очень может быть, давеча предположили неверно-с. Это я в рассуждении нервности убийцы. Отнюдь не с перепугу он взял сущие пустяки, а прочим, и даже содержимым комода пренебрег.	435. Г.
436. — Отчего же тогда, если не с перепугу?	436. Г.
437. — Побрезговал-с, — коротко и как-то сухо ответствовал Порфирий Петрович. — Взял, сколько ему было надобно, и тем удовольствовался.	437. Г.
438. — Виноват-с, — от удивления сословоерсничал Заметов,	438. А., С.
439. вообще-то почитавший прибавление «с» на конце признаком отсталости. — Это я недопонял.	439. Р.
440. — А я вам, дружочек вы мой, статеечку одну почитаю-с.	440. Г.
441. Из «Периодической речи», месяца два как напечатана. Подписана инициальчиками, то есть все равно что анонимная-с. Вот послушайте-с.	441. Р.
442. Пристав взял в руки газетную страницу, несколько минут до того вынутую им из кармана, нагнулся поближе к Александру Григорьевичу, чтобы не деранжировать другим посетителям, и стал с выражением читать.	442. А.
443. ЕЩЕ РАЗ О БЫКЕ И ЮПИТЕРЕ	443. Г.
444. Известно ли почтенной публике, что выдающиеся люди, открывшие новые законы природы или общества, выдумавшие новую теорию либо построившие великую державу, все без исключения были преступники?	444. Г.
445. «Преступники» в коренном, изначальном значении этого слова, ибо преступили правила и понятия, бытовавшие прежде.	445. Р.
446. Коперник и Галилей, Наполеон и Петр Первый приводили в ужас и негодование своих современников, тех самых обыкновенных людей, какие во все времена составляют абсолютное большинство народонаселения.	446. Р.
447. Да что Коперник, разве не был по понятиям иудейских законоустановлений величайшим преступником Иисус Христос, покусившийся разом и на государственность, и на самое религию? За то и был казнен — отнюдь не злодеями, а обыкновенными людьми, желавшими единственно охранить от ниспровергателя свое общество.	447. Р.
448. Итак, позволю себе из сего краткого вступления извлечь кое-какие выводы, числом три. Первый: человечество делится на людей обыкновенных, которых многие миллионы, и людей необыкновенных, которых в каждый момент времени на свете проживают единицы, много — десятки. Второй: своим движением по пути к земному раю, каковой лучшие наши умы почитают за конечную цель эволюции, человечество обязано прежде всего людям необыкновенным, ибо именно они толкают, а то и за шиворот тащат нашу цивилизацию вперед. Наконец,	448. Р.

вывод третий: людям необыкновенным закон не писан.Тут, впрочем, понадобятся некоторые разъяснения…»	
449. — Конечно, понадобятся! — не выдержал Александр Григорьевич. — Эка завернул! Уж и Христос у него преступник!	449. А., С.
450. Не беспокойтесь, далее автор всё сие подробнеише-с и даже не без остроумия разъясняет, — уверил надворный советник своего помощника,	450. Р.
451. откладывая газету. —	451. А.
452. Вслух читать больно длинно выйдет-с, так что уж я коротенько, собственными словами-с. По статье выходит, что низший разряд человечества, люди обыкновенные — не более, чем материал, служащий для зарождения себе подобных — в расчете на то, что некогда, через сто или тысячу лет, от их семени может произойти человек необыкновенный, один из тех, кто имеет дар или талант сказать в среде своей новое слово. А право и даже долг человека необыкновенного устранять любое препятствие, оказавшееся на пути его великого предназначения. И Наполеону, расстрелявшему из пушек парижскую толпу, винить свою совесть совершенно не за что, ибо он погубил несколько сотен французов ради процветания миллионов. А ежели, к примеру, Ньютону для проведения опытов потребовались бы десять шиллингов, которые он никак не мог бы добыть законным путем, то он был бы в совершенном праве ограбить или даже убить какого-нибудь купчишку из числа обыкновенных. Что нам, потомкам, за дело до английского купчишки, который все одно давно подох бы, не принеся человечеству решительно никакой пользы? Законам же Ньютона мы обязаны чуть не всеми благами цивилизации.	452. Р.
453. — Так это про цель, которая оправдывает средства, что ли? —	453. Р.
454. наморщил нос Александр Григорьевич. — Старо, старо.	454. А., С.
455. — Про цель и средства старо не бывает-с.	455. Р.
456. — Пристав вздохнул.	456. А., С.
457. — Особенно если с такою страстью написано. Тут у автора не отвлеченное умствование, тут наболевшее-с. Это он себя Ньютоном-то воображает, у кого десяти шиллингов нет.	457. Г.
458. — А Раскольников тут при чем?	458. Г.
459. — Притом, что он самый, Родион Романыч наш, это самое сочинение и сотворил-с, — преспокойно объявил надворный советник	459. Р.
460. и теперь уже скушал подряд ложки три щей, успевших подостыть.	460. А.
461. — Откуда вы знаете? Сами же говорили — статья подписана инициалами.	461. Г.
462. Занятными-с, — улыбнулся Порфирий Петрович, —	462. А., С.
463. они мне еще тогда в память запали. Ишь, подумал, не подпись, а прямо рычание, да и только-с: «Р.Р.Р.». И когда я вашу таблицу стал просматривать, тут же и вспомнилось.	463. Р.
464. Тотчас кольнуло-с: помилуйте, не он ли-с, не таинственный ли автор.	464. Г.,
465. — Пристав со зверскою гримасой прорычал. — Р-р-р!	465. А., С.
466. — Родион Романович Раскольников! — ахнул	466. Г.

письмоводитель.	
467. — Во-вторых, я же справочки навел-с. —	467. Г.
468. Порфирий Петрович отодвинул тарелку, посетовал.	468. А.
469. — Холодные щи-то, а тридцать копеек стоят…	469. Р.
470. Так вот, про справочки. У меня в «Периодической речи» редактор знакомый, он про автора и рассказал, про Раскольникова.	470. Р.
471. Я, должно вам сказать, статейку эту тогда еще, два месяца назад, приметил, на будущее-с. Как новейшее дуновение современной мысли.	471. Р.
472. От таких ветров, знаете, искорками посверкивает. Попадут искорки на сухое, так и полыхнет-с.	472. Р.
473. Злодейство вот это нынешнее, чем удивительно-с? Исполнено прехладнокровно, ни следов, ни свидетелей. (Лизавета не в счет, я теперь склонен полагать, что преступник ее нарочно не до смерти стукнул — знал, что она лица его не видала). Казалось бы, убил процентщицу, от случайной свидетельницы обезопасился, так забирай добычу, отнюдь не малую-с. Но нет, убийца наш именно что десять шиллингов взял, а прочее не тронул-с.	473. Г.
474. Не-ет, милый вы мой, тут не просто так убил да ограбил. Не по обычной злобе или того паче низменной корысти сотворено. Тут идея-с. Навроде вот этой.	474. Г.
475. Надворный советник похлопал ладонью по газетному листу.	475. А.
476. — Так, стало быть, Раскольников? —	476. Г.
477. шепнул Александр Григорьевич, наклонившись. — Арестовывать будете?	477. А.
478. Арестовывать не с чего-с. Улик-то — сами знаете. —	478. Р.
479. Здесь надворный советник издал губами тпрукающий звук, не самого пристойного свойства, так что от соседнего столика даже обернулись. — Покумекать нужно.	479. А., С.
480. Он прищурился на графин анисовой, однако «покумекать» Порфирию Петровичу было не суждено.	480. А.
481. В дверях заведения показался краснолицый, шумно дышащий полицейский унтер-офицер.	481. А., Р.
482. Обвел взглядом залу и, увидев, наших собеседников, подбежал прямиком к столу.	482. А.
483. Пристав первым заметил служивого.	483. А.
484. Удивиться не удивился, ибо давал знать и в съезжем доме, и в полицейской конторе, где его можно сыскать в любой час дня,	484. Р.
485. но нахмурил лоб и приподнялся.	485. А.
486. — Ваше высокоблагородие! Так что осмелюсь доложить… — гаркнул полицейский, вытягиваясь.	486. А.
487. Заметов, сидевший к дверям спиной, чуть не подпрыгнул, да и с соседних мест заоборачивались.	487. С.
488. — Тише ты! — цыкнул на унтера Порфирий Петрович и за шею пригнул его к себе.	488. А., С.
489. — Что еще стряслось?	489. Г.
490. Шепотом, шепотом! Полицейский перешел на сип	490. С.
491. и нашептал такое, что	491. Г.
492. пристав осел обратно на стул, а у Александра	492. А., С.

Григорьевича из руки со звоном выпала ложка. **** Глава 5	
493. Зеленая папка!	493. Г.
494. За что наказываешь, Господи — За что наказываешь, Господи!	494. Р., Г.
495. — тонким голосом вскричал надворный советник, да еще широко перекрестился.	495. А., С.
496. Но, правду сказать, в восклицании этом было не много искренности.	496. С.
497. Ведь что сообщил приставу своим прокуренным шепотом унтер-офицер? Что снова свершилось душегубство.	497. Г.
498. Не далее часу назад, близ Поцелуева моста (то есть у северной оконечности Казанской части) в собственном флигеле умерщвлен стряпчий Чебаров, и точно тем же манером, что процентщица Шелудякова,	498. Р.
499. однако убийца схвачен на месте и доставлен сначала в квартал, а оттуда в съезжий дом, где и дожидается господина следственного пристава прямо в служебном кабинете.	499. Г.
500. По поводу истребления очередной христианской души Порфирию Петровичу, конечно, полагалось выразить прискорбие, что он и осуществил посредством вышеприведенного возгласа, однако ж трудно осуждать надворного советника за интонацию, в которой слышалась явственная радость.	500. Р.
501. Еще бы!	501. С.
502. Казалось, Провидение само решило передать преступника в руки закона.	502. Р.
503. Но не следует поминать Имя Господне всуе, да еще с неискренним сердцем. В чем Порфирию Петровичу и предстояло незамедлительно убедиться.	503. Р.
504. Недокончив ужина, следователь и его помощник отправились за унтером, расспрашивая его о подробностях.	504. А.
505. Тут-то пухлая физиономия пристава и помрачнела.	505. А., С.
506. Унтер-офицер (фамилия его была Иванов)	506. Р.
507. поведал следующее. В восьмом часу в съезжий дом прибежал слуга Чебарова и объявил, что его господин немедленно требует полицию. Средь бела дня —	507. Г.
508. а у нас в столице восьмой час в июле еще совершенный день —	508. Р.
509. какой-то неизвестный кинул в окно флигеля камнем и вдребезги расколотил стекло, после чего скрылся.	509. Р.
510. Иванов на ту пору состоял в дежурном отделении и сам выслушал слугу. К месту хулиганского поступка тоже отправился самолично. Засвидетельствовав разбитие стекла, о чем внес запись в имевшуюся при нем книгу, вошел за слугой в дом —	510. Р.
511. а там…	511. Г., С.
512. Хозяин лежит на полу мертвый, в луже крови. Затылок проломлен, из кармана пропали золотые часы, со стола бумажник.	512. Г.
513. Подобравшись к этому месту своего рассказа, Иванов	513. А.

принял чрезвычайно важный и хитрый вид. — Я, ваше высокоблагородие,	
514. воробей стреляный, меня на мякине не проведешь.	514. Р., С.
515. Восьмой год на службе, да перед тем еще в карабинерском полку сколько.	515. Р.
516. Враз всё прозрел и все евоное коварство превзошел, это как он мне про часы-то с бумажником изъяснил. Хвать его за шиворот и на съезжую.	516. С.
517. «Врешь, говорю, мерзавец, не на того напал! Ты-то и порешил, а в полицию для отводу глаз побег!» Потому как это не иначе лакеи господина своего убил, —	517. Г.
518. пояснил унтер-офицер,	518. А.
519. видя, что Порфирий Петрович нисколько не радуется его проницательности, и подумав, что пристав, должно быть, туповат.	519. Р.
520. — С чего ты такой вывод сделал? Про слугу-то? —	520. Г.
521. упавшим голосом спросил надворный советник.	521. А., С.
522. — Да рассудите сами, ваше высокоблагородие. Кто ж станет швырять камнем в окно, при живых хозяевах, да среди белого дня? Наврал он, Поликарп этот. Сам барина своего стукнул, деньги-золото забрал,	522. Г.
523. а полицию за дураков держит.	523. Р.
524. Пристав и письмоводитель переглянулись.	524. А., С.
525. Никакого Поликарпа среди должников процентщицы Шелудяковой не значилось.	525. Р.
526. — Он что же, признался?	526. Г.
527. — Запирается. Плачет, божится. Но это ништо, вашему высокоблагородию он всю правду расскажет. Куда ему деться?	527. Р.
528. Здесь унтер увидал, что Порфирий Петрович, дойдя до угла Офицерской улицы, поворачивает не направо, где в съезжем доме дожидался арестованный, а налево.	528. А.
529. Вообразив, что пристав, столь недавно назначенный на должность, ошибся дорогой,	529. С.
530. служивый хотел его поправить, однако надворный советник раздраженно махнул на него рукой и всё ускоряющейся походкой двинулся	530. А.
531. в сторону Мойки — теперь уж было понятно, что к Поцелуеву мосту.	531. Р.
532. — Желаете перед допросом осмотреть место убийства? —	532. Г.
533. вполголоса спросил Заметов, догнав Порфирия Петровича.	533. А., С.
534. — Желаю-с. И очень.	534. Г.
535. Стряпчий Чебаров лежал посреди своего кабинета, раскинув руки в стороны, и глядел остановившимися глазами на лепной, в купидончиках и наядках, потолок.	535. Р.
536. Выражение лица покойника было до того нехорошо, что	536. С.
537. Александр Григорьевич взглянул всего только разок и	537. А.
538. больше в ту сторону старался не поворачиваться.	538. С.
539. Распоряжался на месте Никодим Фомич, приветствовавший надворного советника словами:	539. Р.
540. — Сорок лет на одном месте служу, еще при Александре Благословенном начинал, а такого не припомню.	540. Р.
541. Два злоумышленных убийства в два дня!	541. Г.

542. — Тазик с водой попрошу-с, — хмуро сказал на это Порфирий Петрович и сразу направился к трупу, щупать рану.	542. А.
543. — То же орудие. Никаких сомнений, — объявил он вскоре	543. Г.
544. и визгливо прикрикнул на полицейских, ходивших по комнате.	544. А.,С.
545. — Опись всех ценных вещей! И поживее-с! Никодим Фомич, ради Бога, не стойте-с!	545. С.
546. Никогда еще Заметов не наблюдал всегда вежливого пристава в таком раздражении.	546. Р.
547. Кое-как сполоснув и вытерев окровавленные руки, надворный советник сам принялся рыться по шкафикам, полкам и ящикам бюро.	547. А.
548. Прямо на виду, в кашлетре, обнаружил толстую пачку пятипроцентных билетов	548. Р.
549. и в сердцах швырнул ее на стол:	549. А., С.
550. — Тут тысяч пять, не меньше-с!	550. Р.
551. Опять то же!	551. С.
552. И хоть сам велел капитану «не стоять», отвел Никодима Фомича в сторонку, усадил рядом с собою на оттоманку и принялся допрашивать,	552. А. 553. Р.
553. что за человек был покойный. Оказалось, что стряпчего в округе, а особенно в казенных местах, знали очень хорошо. Человечек это был в своем роде известный, весьма	
554. несвежей репутации.	554. С.
555. На хлеб, и очень недурно, он зарабатывал тем, что скупал у заимодавцев безнадежные векселя — очень задешево, бывало, что и в десятую часть цены, а после предъявлял к взысканию. Стращал ямой, высылкой и прочими казнями.	555. Р.
556. Отличался прямо-таки сказочною безжалостностью и упорством, так что ни одна жертва не могла надеяться от него улизнуть или разжалобить ему сердце.	556. Р.
557. — Плакать об нем не станут-с. — Такими словами заключил свое повествование квартальный	557. С.
558. и перекрестился.	558. А.
559. — А впрочем, царствие ему небесное. Ежели проживал на свете такой крючок, значит, Богу он был зачем-то надобен.	559. Р.
560. — Осмелюсь обеспокоить, — влез тут унтер-офицер Иванов, которому было обидно, что все забыли о его заслуге. — Лакея когда допросить изволите? Или прикажете пока в холодную поместить?	560. А., С.
561. Порфирий Петрович коротко, без интереса, обернулся.	561. А., С.
562. — Отпустите его, он не убивал. Чтоб слуга, всё в доме знающий, бумажник с часами забрал, а пять тысяч в каш-летре оставил? Невозможно-с. Отпускайте, отпускайте. Я с Поликарпом этим после поговорю…	562. Г.
563. Хотя постойте-с! — встрепенулся надворный советник.	563. А., С.
564. — Кто знает об убийстве?	564. Г.
565. Впавший в уныние Иванов доложил, что кроме присутствующих более никто.	565. Р., А.
566. — Очень уж я поспешал вашему высокоблагородию отлепортовать, — с укоризной сказал унтер.	566. Р.

567. — И молодец! —	567. С.
568. Порфирий Петрович оживал прямо на глазах, даже румянец проступил.	568. А., С.
569. — Эй вы, двое, сюда! — позвал он полицейских из квартала.	569. А.
570. — Никодим Фомич, что за люди? Приметливы ли, толковы ли?	570. Р.
571. А сам так и впился взглядом в лица вытянувшихся перед ним усачей.	571. А., С.
572. — Лучших взял, — похвалил своих подчиненных капитан. —	572. Р.
573. Убийство все ж таки, не драка в кабаке.	573. Р.
574. Грамотны оба, а этот вот, Наливайко, даже трезвого поведения, в противуположность фамилии. Наливайко, видно, не в первый раз слышавший эту шутку своего начальника, заулыбался.	574. Р.
575. — Мертвое тело снесите в погреб.	575. А.
576. Не сейчас, а когда стемнеет-с, — приказал следственный пристав. — Есть тут ледник? Как не быть, непременно есть. Чтоб ни одна душа, ясно? Шторки на окнах задернуть, не высовываться. И не зевать. Если один спит, второй в оба смотрит. И ты, братец тоже, — обернулся он к Иванову, — побудь-ка лучше тут.	576. Г.
577. Может, на сей раз настоящего убийцу поймаешь. — Засаду желаете поставить? — Квартальный изумился. — Но помилуйте, ради какого резона? Преступление-то уже совершено! С какой стати убийце сюда возвращаться?	577. Г.
578. — В дом-то он, конечно, не войдет-с. А вот мимо, по улице, очень возможно, что пройдется, и не раз. Потому что жительствует этот человек, скорее всего, неподалеку-с. Ведь до дома, где процентщицу вчера убили, минут десять ходу, не более-с. Только про Шелудякову весь город судачит, а про Чебарова будет молчок-с. Поликарпа мы покамест под замком подержим. Полицейские, кто знает, тут, в дому, посидят. И станет преступнику тревожно. Что это он — убил, а шума никакого нет-с.	578. Г.
579. Человек это не совсем обычный и даже совсем необычный, а из таких многие отличаются нервностью, мнительностью, нетерпеливостью.	579. Р.
580. — Имеете кого-то на примете? — навострил уши квартальный.	580. Г. 581. Г.
581. — Нет, это так-с, предположение, —	
582. ответил Порфирий Петрович, переглянувшись с Заметовым. —	582. А. 583. Р.
583. Однако если мимо пройдет молодой человек… Как он выглядит, Александр Григорьевич? Тощий, высокий, одет оборванцем, черты лица правильные… Шляпа у него такая, круглая, циммермановская, — припомнил письмоводитель все известные ему приметы Раскольникова, который жительствовал в том же Столярном переулке, где находилась контора.	
584. — Да-да. Если такой субъект хоть раз мимо окон пройдет-	584. Г.

с, сразу задержать и ко мне.	
585. — А коли не пройдет? — вполголоса спросил Александр Григорьевич.	585. С.
586. — Может быть-с. Однако скорее всего объявится. Не завтра, так послезавтра. Не выдержит неизвестности.	586. Г., Р.
587. Собака, она где нагадит, там непременно и понюхает-с.	587. Р.
588. Только мы, возможно, его еще раньше прижмем-с.	588. Г.
589. Надворный советник вернулся к бюро и вновь принялся рыться в бумагах.	589. А.
590. — Никодим Фомич, стряпчие — народец обстоятельный. У Чебарова этого обязательно должен быть какой-нибудь реестр, где он свои вымогательства учитывал. И прошлые, и нынешние, и замышляемые.	590. Р.
591. Ищем-с, господа, ищем-с! И что же?	591. А.
592. С четверть часа поискали и нашли, причем именно в трех отдельных папках: на одной наклеечка «Архив», и там всё дела исполненные; на другой — «В работе», там документы по поданным искам; в третьей, под названием «Перспектива», наброски и заметки по будущим жертвам.	592. Р.
593. — Пойдемте, Александр Григорьевич, — позвал пристав, держа изъятые папки подмышкой. — Снова нам не спать.	593. А.
Глава6	
Совпаденьице	
594. Шли молча.	594. А., С.
595. Заметова распирало от вопросов, но	595. Г.
596. вид надворного советника был до того мрачен, что подступиться к нему молодой человек так и не осмелился.	596. Р., С.
597. Порфирий Петрович нарушил молчание первым. Уже перед самою квартирой он вдруг остановился и, повернувшись, спросил:	597. А.
598. — Как по-вашему-с, что тут страшней всего?	598. Г.
599. Подумав, Александр Григорьевич ответил так:— Зверство. Коли бы преступнику деньги были нужны, взял бы сколько надо у процентщицы и тем удовлетворился. Так нет, забрал самую малость, по общему счету рублей на пятьдесят, а нынче прибавил еще немного. Ну, часы, ну бумажник — от силы на сотню нажился. Получается, человеческая жизнь у него в очень уж малой цене.	599. Р.
— Это верно-с, убивает он легко, — согласился пристав,	
600. — но меня еще более иное пугает. Больно дерзок.	600. Г.
601. Камень бросил, зная, что Чебаров слугу в полицию пошлет и дома один останется. Вошел, в несколько минут управился, и был таков-с.	601. Р.
602. Главное, как и тогда, со старухою, стряпчий сам его в дом пустил. Вот в чем штука… Боюсь, ошибся я.	602. Г.
603. Желтоватое лицо Порфирия Петровича исказилось, будто от зубной боли.	603. А., С.
604. — Что, не Раскольников? — спросил Заметов, уже и сам	604. Г.

про это подумавший.	
605. Если старуху Шелудякову убил худосочный студентик, то ему бы теперь лежать в своей конуре да зубами стучать от ужаса, а не шастать по улицам с топором за пазухой.	605. Реф.
606. — Непохоже-с. Тут, верно, что-то другое. И с засадой я, кажется, дурака свалял. —	606. Г.
607. Надворный советник развел руками.	607. А.
608. — У наглеца, который сутягу пришиб, нервы должны быть из железной проволоки. Такой к месту убийства не вернется, нет-с…	608. Р.
609. Ладно, пойдемте в записях покойника рыться.	609. А.
610. Но унынию и самобичеванию Порфирий Петрович предавался недолго, никак не долее часу.	610. Р.
611. Пока пил чай и курил папиросу, еще вздыхал и охал. Как стал диктовать имена из первой папки (начал с той, на которой значился ярлык «В работе»), сетования оставил, весь подобрался.	611. А., С.
612. А деле примерно на десятом случилось вот что.	612. Р.
613. — …Поручик Санников, к взысканию сто пятьдесят рублей, счета от портного. Записали-с? — взглянул пристав на письмоводителя, заполнявшего карточку, перевернул следующий листок —	613. Р.
614. и как вскрикнет! Тоненько так, будто барышня, увидевшая мышь.	614. А., С.
615. — Что? — удивился Заметов.	615. Г.
616. — Вот-с, вот-с… —	616. Г.
617. Порфирий Петрович протянул ему дрожащей рукой бумагу.	617. А., С.
618. Там красивым, с завитками почерком было написано: «Сего 4 июля переслано в суд заемное письмо на 115 р., выданное колл. асс-ше Зарницыной студентом Р.Р.Раскольниковым. Выкуплено за 12 р. 75 коп.»	618. Р.
619. — А-а! — закричал и Александр Григорьевич.	619. Г., С.
620. — Совпаденьице, а? — схватил его за плечо пристав, у которого глаза так и сверкали.	620. Г. А., С.
621. — Может, я вовсе и не дурак, а? — Вы талант! — воскликнул Заметов,	621. Р.
622. пожимая ему руку.	622. А.
623. — Вы еще прежде этой записки всё правильно исчислили!	623. Г., Р.
624. Зарницына — квартирная хозяйка Раскольникова. Он ей задолжал, а она, не надеясь получить, продала вексель Чебарову. Тот подал к взысканию, чем подписал себе приговор!	624. Р.
625. Ну, держись, студент! Попался!	625. С., Г.
626. — Погодите, погодите-с, это еще не улики, не доказательства, — остудил его надворный советник. — Мало знать, кто. Надобно его еще припереть, вот что-с.	626. Г., Р.
627. В эту минуту из прихожей донесся стук распахнувшейся двери	627. А.
628. (видно, следователи, пребывавшие в озабоченности, позабыли ее запереть),	628. Р.
629. и зычный голос позвал: — Порфирий! Что это у тебя нараспашку? Эй, ты дома аль нет? — Тс-с-с, это Разумихин, родственник мой, —	629. Р., С.

630. шепнул пристав помощнику, вмиг убирая со стола папки и карточки.	630. А., С.
631. — По нашему делу, но при нем молчок. После договорим.	631. Р.
632. — И громко откликнулся. — Входи, Митюша, входи, здесь я.	632. А., С.
633. В комнату вошел крепкий, румяный молодец, очень бедно, но опрятно одетый. Он и вправду приходился Порфирию Петровичу каким-то дальним родственником, и оба находились в приятельских отношениях, хоть виделись нечасто	633. Р.
634. Этого-то Митю надворный советник вчера и поминал, когда впервые прозвучало имя Раскольникова.	634. Г.
635. Дело в том, что Разумихин, как и Раскольников, учился в юридическом факультете, был примерно тех же лет, а главное, почти наверняка вращался в том же кругу полуголодных студиозусов, ибо по недостатку средств тоже временно вышел из университета — по его выражению, «подгрести пиастров». Дмитрий Прокофьевич был весьма славный молодой человек, рано оставшийся без родителей и пробивавшийся в жизнь собственными усилиями. Помощи от родных он решительно не принимал, хотя жил почти в нищете —	635. Р.
636. Перебивался с хлеба на квас,	636. Р.
637. зарабатывая копеечными уроками и переводами. За такое кредо Порфирий молодого человека уважал, ценил в нем ум и отзывчивость, потому и послал к нему посыльного с записочкой.	637. Р.
638. — Здорово, здорово, — громко, со смехом, закричал Разумихин с порога. —	638. А., С.
639. Ишь, сатрап, с полицией вызывать придумал. По этапу, что ли, сошлешь?	639. С.
640. - Следовало бы, — засмеялся и надворный советник. — Такого небритого-то.	640. А., С., Р.
641. Обнялись.	641. А.
642. Разумихин и вправду второй день не брился, так что лицо его всё поросло густой черной щетиной. Он из принципа не оказывал внешним красивостям никакого уважения, при всяком удобном и неудобном случае доказывая, что	642. Р.
643. порядочного человека видно по взгляду и повадкам, а помады да куафюры выдуманы прохиндеями, которым надо свое нутро поавантажней прикрыть.	643. Р.
644. Дмитрий и сейчас немедленно высказался в том же смысле, на что Порфирий Петрович с улыбкой молвил:	644. А.
645. — Поглядим-с, поглядим-с, вот встретишь какую-нибудь этакую	645. Р., С.
646. (он показал жестом)	646. А.
647. всю воздушную, с негой во взоре.	647. Р.
648. Тут и побреешься, и приоденешься, да еще, пожалуй, власы брильянтином намажешь.	648. С.
649. — Вот, — показал Разумихин	649. А.
650. крепчайший кулак, в котором большой палец был просунут между средним и указательным.	650. С.
651. — Не дождутся. Я человек, а не павлин.	651. Р.
652. Он с подчеркнутым интересом оглядел кок и платье нафранченного Александра Григорьевича, так что тот покраснел,	652. А., Р., С.

а Порфирий Петрович захихикал.	
653. — Это мой помощник, Александр Григорьевич Заметов, за работой засиделись. Ты его полюби, он человек отменно хороший, хоть и щеголь.	653. Р.
654. — Ну коли хороший, то не беда, если щеголь.	654. Р.
655. Как там у Пушкина твоего: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей».	655. Р.
656. Разумихин, — представился Дмитрий, крепко сжимая письмоводителю руку, и оборотился к родственнику.	656. А.
657. — Ну, говори, зачем вызвал.	657. Г.
658. Я тебя, сухаря, знаю.	658. Р., С.
659. Видно, неспроста?	659. Г.
660. Он уселся на край стола и приготовился слушать.	660. А.
661. При всей громогласности человек это был очень и очень неглупый, в мгновение ока переходивший от болтовни к делу.	661. Р.
662. — Скажи-ка, Митя, известен ли тебе по факультету некий Родион Романович Раскольников? — не стал ходить вокруг да около пристав.	662. Г.
663. Получил ответ: известен,	663. Г.
664. и не только по факультету, ибо прежде приятельствовали и даже соседствовали.	664. Р.
— Я ведь тут комнатенку снимал. Чуть не год, — пояснил Разумихин. — Теперь вот в Васильевском острове поселился, для приятельства далековато. Да и не больно покамарадствуешь с Раскольниковым, нелюдимый он.	
665. А на что тебе Родька?	665. Г.
666. — Так-с, ничего особенного, — увернулся Порфирий Петрович. — Стало быть, приятельствовали? Вот и навестил бы товарища, проведал.	666. Г.
667. Дмитрий нахмурился.	667. А., С.
668. Как уже говорилось, он был весьма неглуп.	668. Р.
669. — Э-э, постой, постой. У вас тут убийство было, весь город говорит. Старую жабу Шелудякову прибили.	669. Г.
670. Ты, поди, расследуешь? Ты ведь в Казанской пристав следственных дел.	670. Р.
671. Уж не в этой ли связи? Раскольников-то тебе зачем?	671. Г.
672. И опять надворный советник оставил вопрос без ответа.	672. Г.
673. Еще и сам спросил:	673. Г.
— Эк ты про всё знаешь. Откуда?	
674. — Как откуда. Говорю тебе, чуть не год у вас тут жил. Сам к Алене Ивановне, процентщице, не раз хаживал.	674. Р.
675. Пройдошистая была тварь, чтоб ею черви отравились.	675. Р.
676. Ты не юли, Порфирий. Зачем тебе надо, чтоб я сходил к Раскольникову?	676. Г.
677. Но пристав уже придумал, как вывернуться.	677. Г.
— Интересуюсь. Статейку он напечатал в «Периодической речи», занятнейшую. Не читал? На-ка вот, на досуге.	
678. — Он сунул родственнику газету, в которую Разумихин немедленно с любопытством уткнулся.	678. А., С.
679. — Хочу познакомиться с молодым человеком столь… оригинальных мыслей-с.	679. Г.
680. К тому же мне говорили, он болен и совсем без средств.	680. Р.

Ты как его товарищ даже и обязан…	
681. — Болен? — вскинул голову Разумихин, перебив Порфирия Петровича. — Что ж ты сразу не сказал?	681. А., С.
682. Он гордый, Родька. Подохнет, а помощи не попросит. Ладно, зайду.	682. Р.
683. — Только не нынче, — попросил пристав. — Поздно уже.	683. А., Р.
684. — Конечно, не нынче. Что ему с моей визитации, коли он болен? Я завтра к нему доктора приведу.	684. Р.
685. — Около полудня. А после милости прошу привести ко мне-с, если будет в состоянии. Охотно познакомлюсь.	685. Р., А.
686. — Да, завтра непременно навещу, с доктором, — тряхнул головой Разумихин.	686. Р., А.
687. — Есть у меня один малый, он денег со студентов не берет.	687. Р.
688. Сказал и вскоре после того ушел,	688. А.
689. ибо всегда говорил, что подолгу рассиживать да рассусоливать — только время попусту терять	689. Р.
690. и что через эту глупую привычку Россия от всего цивилизованного мира на сто лет отстала.	690. Р.
691. Кипучей энергии был человек.	691. Р., С.
692. Проводив родственника любовным взглядом,	692. А., С.
693. надворный советник сказал: — Эх, побольше бы нам таких. Люблю его.	693. Р.
694. — И без малейшего перехода, всё в том же умиленном тоне продолжил.	694. А., С.
695. — Верно мы с вами давеча рассудили, что студенту железных нервов иметь не полагается.	695. Р.
696. Того лишь не учли-с, что именно в нервных субъектах больше всего дерзости и встречается.	696. Г.
697. Вот хоть у Лермонтова…	697. Р.
698. Я вам сейчас зачту… — Он порылся в коробке с книгами и достал оттуда зачитанный томик.	698. А.
699. — Про Печорина…	699. Р.
700. Где же это-с? Ах, вот.	700. А., С.
701. «Славный был малый, смею вас уверить; только немножко странен. Ведь, например, в дождик, в холод целый день на охоте; все иззябнут, устанут — а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнёт, уверяет, что простудился; ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет; а при мне ходил на кабана один на один».	701. Р.
702. Полагаю, что и наш с вами студент именно такого замесу.	702. Р., С.
703. — Такого или другого, а только надо его брать, пока он еще кого-нибудь не убил,	703. Г.
704. — отрезал Александр Григорьевич.	704. А.
705. — Ну возьмем, и что-с? Через неделю-другую за неимением доказательств отпустим.	705. Р.
706. Он еще больше в своей силе уверится, что он «необыкновенный», а мы все пред ним лилипуты.	706. Р.
707. Нет-с, мы его психологией возьмем-с. Я ведь неспроста просил Митю к нему именно что около полудня заглянуть. У меня расчетец один имеется. На Митю, а еще более, дружок, на вас.	707. Гм.

708. И хоть в комнате кроме них никого не было, наклонился к Александру Григорьевичу и перешел на шепот.	708. А., С.
Глава 7	
709. Обморок	709. Г..
710. На следующее утро (это, стало быть, в среду) Александр Григорьевич Заметов с утра сидел на своем служебном месте и с небывалым усердием занимался делами, наверстывая за вчерашнее.	710. А., С., Р.
711. Столь ревностная прилежность удивила и надзирателя Никодима Фомича, и его помощника Илью Петровича, бывшего драгунского поручика, за свой раздражительный характер прозванного «Порох».	711. А., С.
712. — Давно бы так, — сказал капитан, отечески потрепав молодого человека по плечу,	712. А., Р., С.
713. а поручик, несколько склонный к язвительности, поинтересовался: — Вы, Александр Григорьич, часом не заболели? Будто клеем к стулу приклеились.	713. Р., С., А.
714. Ненадолго ж у вас расследовательского пылу хватило.	714. Р.
715. Добрейший Никодим Фомич рассудил: — Оно и правильно. В четырех стенах, да за сукнецом спокойней, чем по улице высунув язык бегать.	715. Р.
716. Потом оба офицера ушли по обычным квартальным делам,	716. А.
717. и Заметов остался в кабинете один.	717. Р.
718. Он ни разу не отлучился с места,	718. А., С.
719. хоть время от времени с видимым нетерпением посматривал, на часы.	719. С.
720. Раз (это уже в одиннадцатом часу) вызвал из передней старшего писца и спросил, не приходил ли кто из вызванных повесткой.— Коли пришли бы, я направил бы к вам-с, —	720. Р.,Г.
721. хмуро ответил тот,	721. С.
722. какой-то особенно взъерошенный человечек с неподвижною идеей во взгляде,	722. С., Р.
723. и вышел вон.	723. А.
724. Письмоводителя он не уважал за напомаженный кок и вихлястость фигуры.	724. Р., С.
725. «Ишь, делать ему нечего», — проворчал писец	725. А., С.
726. и с того момента стал направлять к Заметову всех посетителей подряд,	726. А., Р.
727. так что в одиннадцать часов, когда, наконец, произошло то, чего Александр Григорьевич столь нетерпеливо ждал, в кабинете сидели сразу три посетителя: один француз, у которого на Кокушкином мосту с головы сорвали шляпу, вдова-чиновница, пришедшая ходатайствовать о продлении паспорта, и содержательница веселого заведения Луиза Линде, вызванная по поводу ночного дебоша.	727. А., Р.
728. Дверь комнаты открылась, и вошел еще один посетитель,	728. А.
729. очень бедно одетый молодой мужчина с повесткой в руке.	729. Р.

730. Он!	730. Г..
731. У Александра Григорьевича внутри всё так и вострепетало, но, чтобы себя не выдать, письмоводитель даже не взглянул на вошедшего, еще громче заговорив по-французски с владельцем похищенной шляпы. Углом глаза все же скосился, но незаметно — для конспирации оперся рукой о щеку, и подглядел сквозь пальцы.	731. А., С.
732. — Мне в эту комнату, что ли? — резким, будто надорванным голосом сказал оборванец. — Я по повестке, Раскольников.	732. А., Р.
733. Что за спешность с нарочным вызывать? Я нездоров.	733. С.
734. Храбрится, психологически определил Заметов	734. Р.
735. и теперь уже взглянул на подозреваемого в открытую.	735. А.
736. Тот был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен. Правда, очень бледен, с темными кругами в подглазьях. Дышал часто, прерывисто. Может, от волнения, а может, просто запыхался	736. Р.
737. (полицейская контора располагалась в четвертом этаже).	737. Р.
738. — Подождите, — сказал Александр Григорьевич, мельком глянув на повестку.	738. А.
739. Сам же ее давеча и выписывал — по делу о просроченном заемном письме от Чебарова, который со вчерашнего вечера покоился в собственном погребе, под кусками льда.	739. Р.
740. — Луиза Ивановна, вы бы сели, — обратился Заметов тем же тоном	740. А., С.
741. к немке, разодетой багрово-красной даме, которая все стояла, как будто не смея сама сесть, хотя стул был рядом.	741. Р.
742. — Ich danke, — сказала та и тихо, с шелковым шумом, опустилась на стул.	742. А., С.
743. Светло-голубое с белою кружевною отделкой платье ее, точно воздушный шар, распространилось вокруг стула и заняло чуть не полкомнаты.	743. Р.
744. Понесло духами.	744. А., С.
745. Но дама, очевидно, робела того, что занимает полкомнаты и что от нее так несет духами, хотя и улыбалась трусливо и нахально вместе, но с явным беспокойством.	745. А., С., Р.
746. Раскольникову письмоводитель сесть не предложил	746. Р., С.
747. — пускай потомится.	747. С.
748. Да и пустых стульев больше не было.	748. Р.
749. Когда траурная дама наконец кончила писать и удалилась, Александр Григорьевич усадил на освободившееся место француза,	749. А.
750. а красивому молодому человеку, сделавшемуся еще бледнее прежнего,	750. Р., С.
751. бросил нарочно грубовато:— Обождите, сударь, сами видите…	751. А., С.
752. Коли не повернется и не уйдет — точно он, загадал Заметов. Не ушел.	752. Г.
753. Только раздраженно притопнул ногой в рваном штиблетишке и с независимым видом засунул руки в карманы	753. А., С., Р.

широкого, совершенно утратившего первоначальный цвет пальто.	
754. Этот предмет туалета никак не соответствовал жаркой погоде, однако очень вероятно, что ничего иного из верхней одежды у бывшего студента просто не имелось.	754. Р.
755. Куда как удобно под этакой хламидой топорик подвесить, подмышкой, на какой-нибудь там лямочке, подумал Александр Григорьевич. И еще подумал: а ведь теперь деньги на новое платье у него есть, что-ничто он все-таки с мест преступления прихватил. Осторожничает.	755. Г.
756. Ну а потом в кабинет вернулся поручик Порох, накинулся на немку,	756. А.
757. против которой давно уже имел зуб,	757. Р.
758. и настало время приступить к осуществлению плана.	758. Р.
759. Перво-наперво Заметов сказал с напускной строгостью:— Что ж вы, сударь, долгов не платите. Нехорошо.	759. А., С, Г.
760. Это чтоб студент обмяк, успокоился. Мол, не из-за того самого в полицию вызвали, а по ерунде. Однако саму исковую кляузу в руки давать не спешил.	760. Р.
761. Раскольников переменился в лице, как бы осмелел.	761. А., С.
762. Горячо, горячо!	762. С.
763. — Про что это вы? — спросил. —	763. Г.
764. Я в лихорадке, еле на ногах стою, а вы по пустякам тревожите!	764. Р., С.
765. Письмоводитель зевнул, прикрыв рот.	765. А.
766. — Пардон. Деньги с вас по заемному письму требуют, взыскание. Вы должны или уплатить со всеми издержками, пенными и прочими, или дать письменно отзыв, когда можете уплатить, а вместе с тем и обязательство не выезжать до уплаты из столицы и не продавать и не скрывать своего имущества.	766. Р.
767. Пора, скомандовал себе Заметов. Сунул студенту бумагу, а сам обратился к поручику, громогласно распекавшему немку:	767. А.
768. — Илья Петрович! Что со вчерашним убийством-то? Ну, на Екатерингофском. Процентщицы Шелудяковой-то? Зацепились за что-нибудь?	768. Р., Г.
769. Ага!	769. С.
770. Раскольников замер, навострил уши, и пот на лбу, каплями. Листок в руках дрогнул, ей-богу дрогнул!	770. А., С.
771. Порох, про которого было известно, что, впав в раж, он ничего вокруг не слышит, на вопрос, конечно, не отозвался.	771. Р. А.
772. — А я слыхал, следствие на кого-то из закладчиков думает, — продолжил Александр Григорьевич, будто и не глядя на Раскольникова. — И вроде бы к Поцелуеву тоже ниточка тянется?	772. Р., А., С.
773. Тут, в этих самых словах, вся психологическая хитрость и состояла. Если студент не при чем и скрывать ему нечего, то немедленно объявится одним из закладчиков старухи Шелудяковой. А насчет Поцелуева моста, где проживал все еще официально здравствующий Чебаров, ему вовсе невдомек будет. С другой стороны, коли Раскольников при чем, то фальшивость письма, находившегося у него в руках и поступившего от заведомого покойника, вмиг станет ему ясна. Если в полиции	773. Р.

знают про Чебарова, то как же иск-то от него вручают? Ну-ка, что студент?	
774. Эффект психологической хитрости превзошел все заметовские ожидания. Раскольников был бледен и весь в поту.	774. Р.
775. Он молча повернулся, на неверных ногах пошел к дверям, но дверей не достиг. Остановившись как вкопанный, он секунду-другую покачался из стороны в сторону и вдруг с грохотом повалился на пол.	775. А., С.
776. Теперь, чтобы двигать наше повествование дальше, придется ненадолго вернуться к событиям предшествующего вечера, вернее к одному лишь событию, касающемуся Дмитрия Разумихина, любимого родственника главного нашего героя. Сказав Порфирию Петровичу, что нынче навещать товарища не станет, ибо поздно и незачем, Разумихин, по-видимому, слукавил. То ли не хотел показаться слишком чувствительным (он всегда этого опасался, ибо при грубости манер сердце имел предоброе), то ли в самом деле не собирался, да передумал, однако же из следственного отделения Дмитрий прямиком отправился в Столярный переулок, где квартировал Раскольников. По дороге купил булку и колбасы, рассудив, что Родька, верно, голоден.	776. Р.
777. Вошел в пахучую подворотню пятиэтажного дома, где дорогу ему преградил какой-то	777. А., С.
778. нечистый, крючконосый тип в грязном фартуке, по коему следовало предположить в нем дворника.	778. Р., С.
779. Человек этот находился в той поре опьянения, когда все и вся вокруг кажется подозрительным и враждебным.	779. Р.
780. — Ну ты, — сказал дворник, крепко ухватывая Разумихина за рукав. — Ты тута не моги. Ходют! Тута приличный двор, а у тя вишь рожа. Пшел вон!	780. А., С.
781. В общем, происшествие самое обыкновенное, какие случаются сплошь и рядом, не стоило бы о нем и поминать, если б не совершенно замечательный ответ бывшего студента. То есть, ответа-то никакого и не было. Разумихин лишь коротко взглянул в мутные карие глаза дворника, взял всю его нетрезвую физиономию в пятерню и оттолкнул от себя с удивительною силою, так что обидчик опрокинулся навзничь.	781. Р.
782. Событие это нисколько не омрачило деловитого настроения Дмитрия Прокофьевича.	782. Р.
783. Он, насвистывая, в два счета поднялся по черной лестнице,	783. А., С.
784. куда выходили из квартир двери кухонь, по большей части отворенные.	784. Р.
785. Вход в каморку Раскольникова обнаружился под самою кровлею.	785. Р., С.
786. Разумихин подергал —	786. А.
787. заперто на засов. Значит, дома.	787. Р.
788. Тогда принялся стучать и звать,	788. А.
789. да громко, так что с нижнего этажа высунулась Настасья	789. С.
790. — та самая горничная, которую накануне опрашивал Заметов.	790. Р.

791. — Что это он? Вроде дома, а не откликается? — встревоженно спросил ее Разумихин. — Нешто дверь высадить?	791. Р., С.
792. — Быстрый какой — высадить. —	792. С.
793. Настасья грызла яблоко, с любопытством оглядывая крепкую фигуру студента.	793. А., Р.
794. — Я вот дворника позову, он тебе высадит.	794. С.
795. — Дворника — это навряд ли,	795. С.
796. — весело отвечал Дмитрий Прокофьевич и снова заорал во все горло. — Родя! Это я, Митька Разумихин! Открывай, коли живой, всё равно войду!	796. А., С., Р.
797. — Поди к черту! — донеслось наконец из-за двери,	797. А., С.
798. и Разумихин вздохнул с облегчением.	798. Р.
799. — Фу, напугал. Ты болен?	799. Р.
800. — Катись, я сказал, — был ответ.	800. С.
801. — Больны они, шибко больны, — сообщила Настасья. —	801. Р.
802. Я штей носила, своих, не хозяйкиных, так и тех кушать не стали.	802. Р.
803. Дмитрий Прокофьевич почесал затылок.	803. А., С.
804. — Родька, не отворишь, что ли?	804. Р.
805. С той стороны в створку двери что-то ударило — должно быть, бросили штиблет или сапог.	805. Р.
806. — Ладно, завтра я не один ворочусь, и ты у меня попляшешь, — пробормотал сам себе Разумихин,	806. Р.
807. повернулся и побежал по ступенькам вниз.	807. А.
808. Вместо прощанья ущипнул Настасью за бок,	808. А.
809. отчего та не без удовольствия взвизгнула,	809. А, С.
810. и впился белыми зубами в принесенную булку, рассудив, что до завтра она все равно зачерствела бы.	810. А., С.
811. Это, стало быть, произошло поздним вечером во вторник, а нынче, около полудня, Дмитрий появился в Столярном вновь.	811. Р.
812. Будучи человеком слова, привел с собою, как обещался, приятеля, одного Зосимова, недавнего выпускника медицинского факультета. Настроен Разумихин был очень решительно, готовый, если понадобится, вышибить своим твердым плечом створку, однако к штурму прибегать не пришлось.	812. Р.
813. Родион Раскольников едва пять минут как вернулся, а вернее, еле притащился из полицейской конторы, до такой степени ослабленный обмороком, что упал на кровать, не раздеваясь и даже не прикрыв за собою двери.	813. Р.
814. Таким — неподвижно лежащим лицом вниз, почти бесчувственным — и застали его гости.	814. Р.
815. — Эге, — покачал головой Зосимов,	815. А., С.
816. флегматичный и немногословный молодой человек, очень старавшийся держаться солидно, чтобы казаться старее своих лет.	816. Р.
817. — Поверни-ка его. Разумихин немедленно исполнил приказание,	817. А.
818. причем переворачиваемый даже не открыл глаз,	818. Р.
819. а врач посчитал биение пульса, послушал в трубку легкие и приоткрыл больному веко, чтобы посмотреть на цвет белков.	819. А.
820. Все эти действия, кроме самого последнего, к последствиям которого мы еще вернемся, заняли довольно много	820. Р.

времени, ибо Зосимов вообще отличался обстоятельностью и неторопливостью.	
821. Дмитрий Прокофьевич же тем временем оглядел пристанище своего бывшего соученика, да только присвистнул.	821. А., С.
822. Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид с своими желтенькими, пыльными и всюду отставшими от стен обоями, и до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко, и все казалось, что вот-вот стукнешься головой о потолок. Мебель соответствовала помещению: было три старых стула, не совсем исправных, крашеный стол в углу, на котором лежало несколько тетрадей и книг;	822. Р. С.
823. уже по тому одному, как они были запылены, видно было, что до них давно уже не касалась ничья рука;	823. Р., С.
824. и, наконец, неуклюжая большая софа, занимавшая чуть не всю стену и половину ширины всей комнаты, когда-то обитая ситцем, но теперь в лохмотьях и служившая постелью Раскольникову. Перед софой стоял маленький столик.	824. Р., С.
825. Внимание Разумихина привлекли листки, лежавшие на этом столике. Дмитрий Прокофьевич взял бумагу, увидел, что это письмо,	825. А.
826. однако нисколько не смутился, рассудив, что из письма, возможно, куда лучше узнает о нынешнем состоянии друга, нежели от него самого.	826. Р., С.
827. Письмо было от матери Раскольникова.	827. Р.
828. «Милый мой Родя, — писала мать,	828. Р., С.
829. — вот уже два месяца с лишком как я не беседовала с тобой письменно,	829. Р.
830. от чего сама страдала и даже иную ночь не спала, думая.	830. Р., С.
831. Ты знаешь, как я люблю тебя; ты один у нас, у меня и у Дуни, ты наше все, вся надежда, упование наше.	831. Р., С.
832. Что было со мною, когда я узнала, что ты уже несколько месяцев оставил университет, за неимением чем содержать себя!	832. Р.,С.
833. Чем могла я с моими ста двадцатью рублями в год пенсиона помочь тебе?	833. Р., С.
834. Но теперь, слава богу, мы можем похвалиться фортуной, о чем и спешу сообщить тебе.	834. С.,Р.
835. И, во-первых, угадываешь ли ты, милый Родя, что сестра твоя вот уже полтора месяца как живет со мною.	835. Р., Г.
836. Слава тебе господи, кончились ее истязания.	836. Р., С.,
837. Когда ты писал мне, тому назад два месяца, что слышал от кого-то, будто Дуня терпит много от грубости в доме господ Свидригайловых, что могла я тогда написать тебе в ответ?	Г. 837. Р., С.
838. Если б я написала тебе всю правду, то ты, пожалуй бы, все бросил и хоть пешком, а пришел бы к нам, потому я и характер, и чувства твои знаю, и ты бы не дал в обиду сестру свою.	838. Р., С.
839. Главное затруднение состояло в том, что Дунечка, вступив прошлого года в их дом гувернанткой, взяла наперед целых сто рублей под условием ежемесячного вычета из жалованья, и, стало быть, и нельзя было место оставить, не расплатившись с долгом. Сумму же эту	839. Р.

840. (теперь могу тебе все объяснить, бесценный Родя)	840. Р., С.
841. взяла она более для того, чтобы выслать тебе шестьдесят рублей, в которых ты тогда так нуждался.	841. Р., С.
842. Несмотря на доброе и благородное обращение Марфы Петровны, супруги господина Свидригайлова, и всех домашних, Дунечке было очень тяжело, особенно когда	842. Р.
843. господин Свидригайлов находился, по старой полковой привычке своей, под влиянием Бахуса.	843. С.
844. Представь себе, что этот сумасброд возымел к Дуне страсть.	844. Р.
845. Наконец не удержался и осмелился сделать Дуне явное и гнусное предложение, обещая ей разные награды и сверх того бросить все и уехать с нею в другую деревню или, пожалуй, за границу.	845. Р., С.
846. Развязка же наступила неожиданная. Марфа Петровна нечаянно подслушала своего мужа, умолявшего Дунечку в саду, и, поняв все превратно, во всем ее же и обвинила, думая, что она-то всему и причиной.	846. Р., Г.
847. Произошла у них тут же в саду ужасная сцена: Марфа Петровна даже ударила Дуню, не хотела ничего слушать, а сама целый час кричала и, наконец, приказала тотчас же отвезти Дуню ко мне в город,	847. Р., Г.
848. на простой крестьянской телеге, в которую сбросили все ее вещи, белье, платья, все как случилось, неувязанное и неуложенное.	848. Р.
849. А тут поднялся проливной дождь, и Дуня, оскорбленная и опозоренная, должна была проехать с мужиком целых семнадцать верст в непокрытой телеге.	849. Р.,С.
850. Целый месяц у нас по всему городу ходили сплетни об этой истории, и до того уж дошло, что	850. Р.
851. нам даже в церковь нельзя было ходить с Дуней от презрительных взглядов и шептаний, и даже вслух при нас были разговоры.	851. Р.,С.
852. Всему этому причиной была Марфа Петровна, которая успела обвинить и загрязнить Дуню во всех домах.	852. Р.,С.
853. Но, по милосердию Божию, наши муки были сокращены:	853. Р., С.
854. господин Свидригайлов одумался и раскаялся и, вероятно пожалев Дуню, представил Марфе Петровне полные и очевидные доказательства всей Дунечкиной невинности.	854. Р.
855. Марфа Петровна была совершенно поражена и «вновь убита», как она сама нам признавалась.	855. Р.,С.
856. Она приехала к нам, рассказала нам все, горько плакала и, в полном раскаянии, обнимала и умоляла Дуню простить ее.	856. А., С.
857. В то же утро, нисколько не мешкая, прямо от нас, отправилась по всем домам в городе и везде, в самых лестных для Дунечки выражениях, проливая слезы, восстановила ее невинность и благородство ее чувств и поведения.	857. Р., А.
858. Все это способствовало главным образом и тому неожиданному случаю, через который теперь меняется, можно сказать, вся судьба наша.	858. Р., Г.
859. Узнай, милый Родя, что к Дуне посватался жених и что она успела уже дать свое согласие, о чем и спешу уведомить тебя	859. Г., Р.

поскорее.	
860. Это Петр Петрович Лужин, дальний родственник Марфы Петровны, которая многому в этом способствовала.	860. Р.
861. Начал с того, что через нее изъявил желание с нами познакомиться, был как следует принят, пил кофе, а на другой же день прислал письмо,	861. Р., А.
862. в котором весьма вежливо изъяснил свое предложение и просил скорого и решительного ответа.	862. Р.
863. Человек он деловой и занятый, и спешит теперь в Петербург, так что дорожит каждою минутой.	863. Р.
864. Разумеется, мы сначала были очень поражены, так как все это произошло слишком скоро и неожиданно.	864. Р., С.
865. Соображали и раздумывали мы вместе весь тот день.	865. А.
866. Человек он благонадежный и обеспеченный, служит в двух местах и уже имеет свой капитал.	866. Р.
867. Правда, ему уже сорок пять лет, но он довольно приятной наружности и еще может нравиться женщинам, да и вообще человек он весьма солидный и приличный,	867. Р., С.
868. немного только угрюмый и как бы высокомерный.	868. Р., С.
869. Он, например, и мне показался сначала как бы. резким; но ведь это может происходить именно оттого, что он прямодушный человек,	869. Р., С.
870. и непременно так. Например, при втором визите, уже получив согласие, в разговоре он выразился, что уж и прежде, не зная Дуни, положил взять девушку честную, но без приданого, и непременно такую, которая уже испытала бедственное положение; потому, как объяснил он, что муж ничем не должен быть обязан своей жене, а гораздо лучше, если жена считает мужа за своего благодетеля.	870. Р., С.
871. Пред тем, как решиться, Дунечка не спала всю ночь и, полагая, что я уже сплю, встала с постели и всю ночь ходила взад и вперед по комнате; наконец стала на колени и долго и горячо молилась пред образом, а наутро объявила мне, что она решилась.	871. Р., С., А.
872. Я уже упомянула, что Петр Петрович отправляется теперь в Петербург. У него там большие дела, и он хочет открыть в Петербурге публичную адвокатскую контору.	872. Р.
873. Таким образом, милый Родя, он и тебе может быть весьма полезен, даже во всем,	873. Р., С.
874. и мы с Дуней уже положили, что ты, даже с теперешнего же дня, мог бы определенно начать свою будущую карьеру.	874. С.
875. Дуня только и мечтает об этом.	875. С., Р.
876. Мы уже рискнули сказать несколько слов на этот счет Петру Петровичу.	876. А., С., Р.
877. Он выразился осторожно и сказал, что, конечно, так как ему без секретаря обойтись нельзя, то, разумеется, лучше платить жалованье родственнику, чем чужому, если только тот окажется способным к должности	877. А., Р.
878. (еще бы ты-то не оказался способен!).	878. Р., С.
879. Самое же приятное я приберегла к концу письма:	879. Р., С.
880. узнай же, милый друг мой, что, может быть, очень скоро мы сойдемся все вместе опять и обнимемся все трое после почти	880. Р., С.

трехлетней разлуки!	
881. Уже наверно (в оригинале курсивом??)решено, что я и Дуня выезжаем в Петербург, когда именно, не знаю, но, во всяком случае, очень, очень скоро, даже, может быть, через неделю. Все зависит от распоряжений Петра Петровича, который, как только осмотрится в Петербурге, тотчас же и даст нам знать.	881. Р.
882. Прощай, или, лучше, до свидания!	882. Р.
883. Обнимаю тебя крепко-крепко и целую бессчетно.	883. Р., С.
884. Твоя до гроба.	884. Р., С.
885. Пульхерия Раскольникова».	885. Р.
886. Заодно уж Разумихин взглянул и на конверт.	886. А.
887. Судя по штампу и пометке, письмо было получено на почтамте еще неделю назад, однако вручено адресату лишь позавчера.	887. Р.
888. Дмитрий Прокофьевич хотел кликнуть Настасью, чтобы выяснить причину такой задержки, но здесь как раз подоспел момент, когда медику вздумалось поинтересоваться цветом раскольниковских белков.	888. Р.
889. Это-то действие и вернуло больного в чувство.	889. Р.
890. Раскольников дернулся, испуганно уставился на протянувшуюся к его лицу руку и рывком сел на кровати.	890. А., С.
891. Ему понадобилось несколько времени, чтобы прийти в себя, но совсем немного. Не прошло и полуминуты, как Родион Романович совершенно взял себя в руки и даже усмехнулся.	891. Р.
892. — А, это ты, — молвил он. — Благодетельствовать пришел. Да с доктором.	892. А., Р.
893. На Зосимова при том не взглянул, лишь брезгливо отстранил от лица пальцы медика.	893. А., С.
894. Тот однако же нисколько не обиделся, а лишь, многозначительно поглядев на Разумихина, отошел в сторонку и весь последующий разговор наблюдал в позе стороннего научного наблюдателя, исследующего состояние больного.	894. Р.
895. Говорившие, впрочем, тоже про него как бы забыли.	895. Р.
896. — Уж и в письмо нос сунул!	896. Р., С.
897. — зло оскалился Раскольников.	897. А., С.
898. — Ты всегда был бесцеремонен.	898. Р., С.
899. Ну и что думаешь?	899. Р.
— Я думаю, что в письме причина всей твоей лихорадки,	
900. — спокойно заметил на это Дмитрий и, сложив руки на груди, прислонился спиною к стене.	900. А., С.
901. Он понял, что ему лучше молчать — нужно дать товарищу выговориться.	901. Р.
902. — Психолог!	902. С.
903. — фыркнул Родион Романович и схватился за голову.	903. А., С.
904. — Сестра отдает себя на заклание какому-то прямодушному Петру Петровичу, только чтоб милый Родя мог начать свою карьеру!	904. Р.
905. Что ж они из меня подлеца-то делают! И сами того не понимают! Да знаешь ли ты, до чего я в эти два дня…	905. Р., С.
906. Он недоговорил, потому что в проеме двери, так и оставшейся неприкрытой, появилось новое лицо.	906. А.
907. Это был господин немолодых уже лет, чопорный,	907. Р., С.

осанистый, с осторожною и брюзгливою физиономией.	
908. Увидев, что все на него уставились, он слегка, с большим достоинством поклонился и вымолвил:	908. А., С.
909. — Лужин, Петр Петрович. Мне сказали, что в сей комнате проживает Родион Романович Раскольников. Но может быть, я ошибся?	909. Р.
Глава 8	
910. Новое лицо, да не одно	910. Г.
911. — Очень кстати, — покачал головой Разумихин, пристально разглядывая посетителя	911. А., С.
912. В темной, похожей на гроб каморке Раскольникова сей в высшей степени респектабельный джентльмен смотрелся совсем не к месту. В одежде его преобладали цвета светлые и юношественные. На нем был хорошенький летний пиджак светло-коричневого оттенка, светлые легкие брюки, таковая же жилетка, батистовый самый легкий галстучек с розовыми полосками, и что всего лучше: все это было даже к лицу Петру Петровичу. Лицо его, весьма свежее и даже красивое, и без того казалось моложе своих сорока пяти лет. Темные бакенбарды приятно осеняли его с обеих сторон, в виде двух котлет, и весьма красиво сгущались возле светловыбритого блиставшего подбородка.	912. Р.
913. — Да вы садитесь. — Разумихин показал на один из стульев.	913. А.
914. — Я Разумихин, его приятель. А вон сам Родион Романович. Нездоровится ему.	914. Р.
915. Видите, доктор тут? Так что вы не очень к сердцу принимайте, что он вам наговорит. А впрочем…	915. Р., С.
916. И махнул рукой, потому что ничего хорошего от предстоящего объяснения не ждал.	916. А., С.
917. Петр Петрович, по-видимому заранее настроившийся играть роль благодетельного посетителя трущоб, ничего этого не предчувствовал и пока лишь испытал легкую неловкость от устремленного на него сверкающего взора Раскольникова, однако отнес эту странность на счет упомянутого нездоровья.Как человек светский, он решился немедленно поправить атмосферу посредством приличного, цивилизованного разговора, который сразу всё определит и расставит по местам.	917. Р.
918. — Вам, верно, писали обо мне ваша матушка Пульхерия Александровна или ваша сестрица Авдотья Романовна? Они уже в Петербурге, хотя я и их пока еще не видал за множеством дел, ибо прибыл несколько ранее…	918. Р.
919. — начал он приятнейшим тоном, но, не получив никакого ответа, осекся и даже несколько переполошился,	919. А., С.
920. предположив, что вследствие какой-нибудь почтовой неисправности письмо не дошло и именно этим объясняется дикий взгляд будущего родственника.	920. Р.
921. Попадать в нелепые, конфузливые положения Петр	921. Р.

Петрович ужасно не любил и на миг смешался.	
922. Он обвел взглядом стол в поисках конверта — и, точно, увидел там какое-то письмо	922. А.
923. (однако не то, которое давеча попалось на глаза Разумихину, а сегодняшнее, из полицейской конторы).	923. Р.
924. Лужин чуть прищурился своими дальнозоркими глазами, вмиг пробежал ими по строчкам и сразу же всё себе разъяснил.	924. А., С.
925. — А, вы, должно быть, расстроены этой повесткою? — улыбнулся он. — Извините, случайно взор упал.	925. А., С., Р.
926. Пустяки, совершенные пустяки. Господина Чебарова, подавшего на вас иск, я неплохо знаю по некоторым прошлым своим делам. Полагаю, мы это уладим.	926. Р.
927. Восстановившись в роли благодетеля, Петр Петрович полностью успокоился на счет своего статуса и все усилия повернул на атмосферу.	927. А., С.
928. — А вашу матушку и сестрицу я временно, пока не обустрою будущее гнездо, поселил на Вознесенском, в доме Бакалеева…	928. Р.
929. — Знаю, — покривился Разумихин. — Скверность ужасная. Грязь, вонь, да и подозрительное место. Дешево, впрочем.	929. Р., С.
930. — Я, конечно, не мог собрать столько сведений, так как и сам человек новый, — щекотливо возразил Петр Петрович,	930. Р., С.
931. — но, впрочем, весьма и весьма чистенькие комнатки.	931. Р.
932. Я и сам покамест теснюсь в нумерах, у госпожи Липпевехзель, в двух шагах отсюда, у одного моего молодого друга Лебезятникова. Вот уж где, прошу прощения, нечистота и подозрительные соседства. Ничего не поделаешь,	932. Р., С.
933. Петербург, современный наш Вавилон.	933. Р., С.
934. Тут ему, должно быть, представилось, что он это как-то жалковато, по-провинциальному выговорил, и Петр Петрович пожелал немедленно реабилитироваться, а заодно перевести беседу в более непринужденное, родственное русло.	934. А., С.
935. — Я, впрочем, хоть и проживал всё в провинции, но в Петербурге человек бывалый. И по делу частенько приходилось, и, так сказать, для моциона.	935. Р., С.
936. — Он лукаво улыбнулся.	936. А., С.
937. — Ваши милые родственницы несомненно вам писали, да вы и сами видите, что человек я не первой молодости, так что всякое в жизни повидал, знавал и безумства юности, однако всё это в прошлом, на сей счет можете быть совершенно покойны. Буду примернейшим из супругов.	937. Р.
938. Поскольку Раскольников всё молчал, так что это становилось совсем уже неприличным,	938. А., С.
939. Дмитрий Прокофьевич решился вставить слово.	939. А., С.
940. — Значит, пошаливали, в молодости-то? — с серьезным видом поинтересовался он. — По части клубнички?	940. Р., С.
941. Лужин насмешки не заметил и даже был рад, что беседа перешла из монологического регистра в диалогический.	941. Р., С.
942. — Не так, как вы, может быть, подумали, — снисходительно улыбнулся он,	942. А., С.
943. — а самым нескандальным и приватным образом, на что у	943. Р., С.

приличных людей имеются свои способы. Так что с этой стороны, в отличие от многих людей моего возраста, мне опасаться совершенно нечего. Ни внебрачных детей, ни дурной болезни, ни прочих подобных неприятностей Авдотье Романовне от меня проистечь никак не может. Говорю о таких вещах открыто, без смущения, как человек ответственный и прямой.	
944. Здесь Родион Романович, наконец, растворил уста.	944. А.
945. — Пошел прочь, — тихо, но очень отчетливо произнес он.	945. Р., С.
946. — Простите-с? — изумился Петр Петрович.	946. Р., С.
947. — Вон!!!	947. С.
948. — гаркнул на него Раскольников, весь рванувшись вперед, и так яростно, что Лужин отскочил в сторону, опрокинув стул.	948. А., С.
949. Разумихин кинулся вперед, и ему понадобилась вся его недюжинная сила, чтоб удержать приятеля на кровати.	949. А., С.
950. — Это припадок. Вам лучше удалиться, — сказал опешившему Лужину доктор, доставая из своей сумки бутылочку с успокоительной микстурой.	950. Р., С., А.
951. — Да я и сам уж хотел, — с достоинством произнес Петр Петрович,	951. А., С.
952. которому была невыносима мысль о том, что его могут откуда-нибудь выгнать, да еще когда он пришел с самыми великодушными намерениями.	952. Р.
953. — У меня тут неподалеку назначена встреча по одному дельцу, так мне и пора…	953. Р., С.
954. А вы, сударь, хоть и больны, но это не извиняет. Пожалеете, и очень-с, я как человек чести обид спускать не привык, — бросил он на прощанье	954. Р., С.
955. Раскольникову, всё бившемуся в пароксизме,	955. А., С.
956. и ретировался.	956. А., С
957. Унимать взъярившегося Родиона Романовича пришлось долго.	957. А., С.
958. Не только Разумихин был обруган самыми последними словами, но досталось и Зосимову, сунувшемуся со своей микстурой: от взмаха раскольниковской руки жидкость выплеснулась доктору прямо на жилет.	958. Р., С., А.
959. Тут Зосимов, очень бережно относившийся к своему платью, утратил всю флегматичность, закричал, что лечение истерии — это не по его части и ушел вон, хлопнув дверью.	959. Р., С., А.
960. Напрасно Дмитрий Прокофьевич, вышел следом на лестницу, поминал клятву Гиппократа. Зосимов не вернулся.	960. А., Р., С.
961. Оставшись вдвоем, приятели долго молчали.	961. А.
962. Оба были сердиты, насуплены.	962. Р.
963. — Знаешь, брат, это уж свинство, вот что я тебе скажу, — не выдержал наконец Разумихин. — Зосимова ты зря обидел.	963. Р., А.
964. Да и женишок твоей сестрицы, хоть и не больно аппетитен, но чего уж так сразу-то «пошел вон»?	964. Р., С.
965. — И ты тоже пошел вон с твоими заботами! — огрызнулся Раскольников. — Кто тебя просил? Зачем ты вообще ко мне таскаешься?	965. С., А.
966. — Хотел тебя к дядьке своему троюродному сводить. Интересный экземпляр этот мой Порфирий. Мечтает с тобой познакомиться.	966. Р.

967. — Со мной? — удивился Родион Романович. — Да откуда он про меня знает? Ты что ли наболтал?	967. Р.
968. — Представь себе, нет. Он статью твою прочитал в газете, про необыкновенных людей.	968. Р.
969. Я, кстати говоря, категорически с тобой несогласен. Чушь ты там написал, и превредную.	969. Р.
970. Порфирия твоя дикая идея, должно быть, по профессии заинтересовала.	970. Р., С.
971. Он всегда говорил: изучите психологию преступления, и преступлений не станет.	971. Р.
972. Порфирий следственный пристав, у вас тут теперь служит, в Казанской части…	972. Р.
973. Раскольников, как-то весь обмякший и сжавшийся после своего припадка, приятеля почти не слушал.	973. Р., С.
974. Пропустил мимо ушей и про статью, и про психологию,	974. Р.
975. однако, когда Дмитрий помянул о дядиной службе, больной вздрогнул, и лицо его озарилось воспаленной, желчной улыбкой.	975. А., С., Р.
976. — Ах, вот оно что… — то ли хохотнул, то ли закашлялся Родион Романович. — Тебя вот кто подослал. Слышал я, насчет закладчиков-то.	976. А., С.
977. — Каких закладчиков? — нахмурился Разумихин.	977. А., С.
978. Внезапно Раскольников расхохотался, и пренеприятно, глядя товарищу в глаза неподвижным взглядом.	978. А., С.
979. — Не знал я, Митька, что ты теперь по этакой части стараешься, — с расстановкой, явно желая оскорбить, процедил хозяин комнаты.	979. Р., С., А.
980. И преуспел.	980. Р.
981. — Ну, ты… — Дмитрий сжал кулаки. — Ежели б ты был не болен, я бы тебя…	981. А., С.
982. Э, да ну тебя к черту с твоими вывертами!	982. С.
983. Он развернулся, бросился вон из комнаты — столь стремительно, что чуть не сбил с ног поднимавшуюся по лестнице барышню.	983. А., С.
984. Барышня была, хоть и высокая, но тоненькая.	984. Р.
985. Разумихин своею массою прямо-таки снес ее со ступеньки, однако успел подхватить и удержать от падения.	985. А.
986. — Виноват, черт! Прошу извинить! — вскричал он с досадою и хотел бежать дальше, но взглянул на лицо незнакомки и замер на месте.	986. А., С.
987. — Ничего, — ответила девушка с несколько испуганной улыбкой, но ничуть не потерявшись. — Вы, верно, очень куда-нибудь спешите, оттого и не посмотрели.	987. А., Р.
988. — Да, спешу. То есть, нет, я, собственно…	988. С.
989. С каждою секундой барышня держалась всё спокойнее, а Разумихин, наоборот, всё смятенней.	989. А., С.
990. Он и сам не мог бы объяснить, что это на него нашло, но решительно не мог ни двигаться дальше, ни отвести взгляда от ее лица.	990. Р., С.
991. — Раз уж вы задержались, — улыбнулась она уже совсем не испуганно, а весело, — можно ли у вас спросить? Не изволите ли знать, где проживает Родион Раскольников?	991. Р., С.

992. — Знаю, — хрипло ответил Разумихин. —	992. Р., С.
993. Вы его сестра, да?	993. Р.
Догадаться, впрочем, было нетрудно. Девушка, которую мать в письме называла «Дуней», имела в чертах много сходного с Родионом Романовичем, но только, пожалуй, была еще красивей. Волосы темно-русые, немного светлей, чем у брата; глаза почти черные, сверкающие, гордые и в то же время необыкновенно добрые. Она была бледна, но не болезненно бледна; лицо ее сияло свежестью и здоровьем. Рот у ней был немного мал, нижняя же губка, свежая и алая, чуть-чуть выдавалась вперед, вместе с подбородком, — единственная неправильность в этом прекрасном лице, но придававшая ему особенную характерность и, между прочим, как будто надменность.	
994. — Он вам рассказал о нашем приезде? Вы, наверное, его друг? Да, я младшая сестра Роди, Авдотья Романовна.	994. Р.
995. Барышня смотрела на Дмитрия ясно и приветливо, но он затушевался еще пуще.	995. А., С.
996. — Разумихин, — кое-как пробормотал он. — Только сейчас от него… Ну, не буду мешать родственной встрече, и всё такое…	996. Р., С.
997. Сделав над собою усилие, он наконец двинулся дальше, но ноги не желали идти.	997. А., С.
998. — Знаете что, он нездоров, — сказал Разумихин, но девушка, кажется, не услышала.	998. Р.
999. Взволнованная предстоящим свиданием, она уже стучала в дверь и, не дождавшись отклика, вошла.	999. А., С.
1000. Дмитрий спустился на ступеньку-другую. Остановился, потоптался на месте и вдруг сел.	1000. А., С.
1001. Подожду-ка я, мало ли что, может, в аптеку понадобится или еще что,	1001. С.
1002. сказал он себе и ни с того ни с сего покраснел.	1002. А., С.
1003. Дело, разумеется, было не в аптеке. Разумихину вообразилось, что Родька в своем нынешнем исступлении накинется на сестру и обидит ее или ударит, а от одной мысли, что черноглазую барышню кто-то, пускай даже родной брат, может ударить, у Дмитрия Прокофьевича опасно перехватило дыхание. Он ни за что и самому себе не признался бы, что, пожалуй, желал бы такого оборота событий: чтоб Авдотья Романовна крикнула «на помощь!» или что-нибудь подобное, и тогда он, Разумихин, вбежал бы и защитил ее. Оттого Дмитрий сидел весь подобравшись, напряженно прислушивался к доносящимся из комнаты звукам, и был готов, ежели понадобится, в секунду оказаться наверху. Однако опасения (или надежды) его, казалось, были напрасны. Никаких признаков ссоры чуткий слух Разумихина не улавливал.Поначалу, едва Авдотья Романовна переступила порог, донеслись какие-то тихие восклицания, потом, почти сразу же, всхлипы, но отнюдь не горькие, а наоборот радостные. Затем шум ровного, приглушенного разговора. Дмитрий уже стал корить себя за излишнюю мнительность,	1003. С.
1004. как вдруг голоса сделались громче, еще громче, и скоро на лестнице было слышно каждое произносимое слово.	1004. А., Р.

1005. — Да как… ты… смел?! — прерывисто, будто задыхаясь, воскликнул сначала женский голос.	1005. А., С., Р.
1006. Ответ был хоть и произнесен запальчивым тоном, но пока еще неразборчив.	1006. А., С.
1007. — С чего ты вообразил, что я приношу себя в жертву? Не много ль самомнения? Да и вообще, твое ли то дело? Я ему слово дала! За кого желаю, за того и выхожу!	1007. Р., С.
1008. — Ну уж это нет, Авдотья Романовна!	1008. Р., С.
1009. — пронзительно выкрикнул Раскольников.	1009. А., С.
1010. — Это я не позволю!	1010. С., Р.
1011. Вы кем меня выставляете? Приживалом при вас? Альфонсом?	1011. Р.
1012. Да будь ты проклята со своей унизительной жертвой!	1012. Р., С.
1013. Моя сестра будет торговать собою, чтоб я за счет этого начал свою карьеру?	1013. Р., С.
1014. И здесь раздался звук, которого так страшился Разумихин — звон оплеухи.	1014. А., С.
1015. С рычанием сорвавшись с места, Дмитрий ворвался в комнату,	1015. А., С.
1016. даже не заметив, что плечом выбил дверь с одной из петель.	1016. С., Р.
1017. Однако защищать Авдотью Романовну от обезумевшего братца ему не пришлось.	1017. Р., Г.
1018. Взору Разумихина открылась весьма неожиданная картина.	1018. Р.
1019. Родион Романович стоял обомлевший, трогая пальцами левую щеку, которая была гораздо краснее правой.	1019. Р., Г.
1020. Барышня же стояла перед ним на коленях, обхватив его руками и беззвучно плакала, шепча: «Прости, прости…»	1020. Р., С.
1021. Увидев приятеля, Раскольников не рассердился, а лишь немного смущенно улыбнулся.	1021. Р., С.
1022. — А, снова ты. На крик прибежал? Рекомендую, моя сестра Дуня. Только что прибила меня, и, кажется, за дело.	1022. Р.
1023. Дуня, вставай, будет, мы не одни.	1023. Р., С.
1024. Это товарищ мой, Дмитрий Прокофьевич Разумихин.	1024. Р.
1025. Но Авдотья Романовна и сама уже поднималась.— Мы знакомы, — пробормотала она, не осмеливаясь глядеть на свидетеля семейной сцены.	1025. А., С.
1026. Вот ведь удивительно: глаза у ней покраснели от слез, нос распух, но сейчас она показалась Дмитрию еще красивей, чем на лестнице.	1026. Р., С.
1027. — Что вылупился? — засмеялся Родион Романович, отчего-то пришедший в отменное расположение духа.	1027. А., С.
1028. — Такие уж мы, Раскольниковы. Рязанские африканцы.	1028. Р., С.
1029. Оплеуха — лучшее средство от истерики, сказал себе Разумихин	1029. Р.
1030. и тоже улыбнулся.	1030. А.
1031. — Да, тебе лучше, это видно. Ишь, глаза-то блестят. А то ведь он, Авдотья Романовна, вы не поверите, еще недавно пластом лежал.	1031. Р.
1032. Дмитрию было невыразимо приятно обращаться к ней вот так, на совершенно естественном основании и называть по	1032. Р., С.

имени.	
1033. — Вы извините, Дмитрий Прокофьевич… Мы с Родей немного повздорили. Но у нас всегда так. Не успеем насмерть разругаться, как уж и помирились. Люблю я его очень, а он меня.	1033. Р.
1034. — Ты не ври, не ври, — сконфузился Раскольников. — Девичьи сантименты.	1034. Р., С.
1035. — И вдруг неожиданно сказал. — Митька, ты хотел меня к своему сыщику вести. Пошли, что ли?	1035. Р., С.
1036. — А как же маменька? — ахнула Авдотья Романовна.	1036. С.
1037. — Я обещалась тебя привести, она ждет.	1037. Р.
1038. Родион Романович поморщился:	1038. А., С.
1039. — Я… после к ней зайду. Надо дело одно закончить.	1039. Р., С.
1040. — Это верно, — поддержал его Разумихин. — Мы у родственника моего, которого ваш брат «сыщиком» обозвал, деньжонок подзаймем и Родион Романыча слегка приоденем.	1040. Р.
1041. А то что ж его таким чучелом вашей матушке предъявлять? Она, пожалуй, напугается.	1041. Р., С.
1042. Это соображение, очевидно, показалось барышне резонным.	1042. Р.
1043. — Спасибо, что заботитесь о Роде, Дмитрий Прокофьевич, — ласково молвила она.	1043. Р., С.
1044. - Вы только будьте с ним, хорошо? Мне отчего-то покойно, когда вы рядом.	1044. Р., С.
1045. Разумихин от удовольствия весь вспыхнул,	1045. А., С.
1046. а у Раскольникова удивленно приподнялись брови.	1046. А., С.
1047. — Я сейчас провожу ее до дома, подниматься не буду, — сказал он. — Дуня, вы ведь на Вознесенском?	1047. Р.
1048. — Да, недалеко. Нам с маменькой Петр Петрович временно снял комнату, — ответила сестра,	1048. Р.
1049. с особенной твердостью произнеся имя своего жениха.	1049. С.
1050. Лицо брата покривилось.	1050. А., С.
1051. — А твой сыщик где квартирует? — повернулся он к Разумихину. — На Офицерской. Такой серый дом с зеленою крышей, знаешь? Порфирий во втором этаже, слева.	1051. Р.
1052. Это, брат, славный парень, увидишь! Недоверчив, скептик, циник, надувать любит, то есть не надувать, а дурачить, но дело знает.	1052. Р.
1053. Очень, очень желает с тобой познакомиться. Он, видишь ли…	1053. Г.
1054. — Встретимся через час у подъезда, — оборвал его Раскольников, вновь переходя от приподнятости к мрачности. — Поглядим, поглядим…	1054. Р., С.
1055. Последнее было произнесено едва слышно, себе под нос.	1055. А., С.
1056. И приятели разошлись, каждый в свою сторону. От угла Дмитрий обернулся, чтоб еще раз взглянуть на Авдотью Романовну.	1056. А.
1057. Она шла рядом со своим братом высокая, стройная, и что-то выговаривала ему, слегка придерживая за рукав.	1057. Р.
1058. Раскольников дернул локтем, высвободился.	1058. А., С.
1059. Вздохнув,	1059. А., С.
1060. Разумихин стал прикидывать, как бы с толком провести	1060. Р.

целый час свободного времени.	
1061. В назначенное время оба они сошлись перед домом Порфирия Петровича.	1061. А.
1062. Разумихин был хмур, Раскольников возбужден, и даже слишком.	1062. Р.
Еще издали, завидев Дмитрия, он со смехом крикнул:	
1063. — Эй, Ромео! Что это ты, прихорошился, волоса расчесал?	1063. С., Р.
1064. — Ничего я не расчесывал, — попался на удочку Разумихин, хватаясь за волосы и краснея, отчего Родион Романович расхохотался еще пуще.	1064. А., С.
1065. — Просто роза весенняя! И как это к тебе идет, если б ты знал! Ромео десяти вершков росту!	1065. Р., С.
1066. Взбешенный Дмитрий замахнулся на него кулачищем, но Раскольников, всё хохоча, увернулся и проскользнул в подъезд. Помедлив мгновение и сердито топнув ногой, Разумихин пошел следом.	1066. А., С.
1067. В эту минуту к окну второго этажа подошли двое, Порфирий Петрович и Заметов.	1067. Р.
1068. — Пришел все-таки, — заметил первый. — Это он от куражу, от дерзости. Утвердиться перед собой хочет, после утрешнего припадка. Ну, и беспокойство, конечно. Понимает, что на подозрении. Или же совсем наоборот…	1068. Г.
1069. — Как это «наоборот»? — не понял Александр Григорьевич.	1069. Г., С.
1070. Пристав вздохнул.	1070. А., С.
1071. — Никого не убивал, ни в чем не виноват. Просто нервный, взбалмошный мальчишка-с. В обморок давеча пал от духоты, по причине нездоровья, а мы тут с вами нагородили	1071. Р.
1072. турусов на колесах.	1072. Р.
1073. Сейчас пощупаем.	1073. С.
1074. В прихожей тренькнул колокольчик.	1074. Р.
1075. Надворный советник, однако, и не подумал идти отпирать, а преспокойно зажег папиросу и затянулся дымом.	1075. А., С.
1076. Заметов хотел идти сам, но пристав удержал его.	1076. А.
1077. — Не надо-с. Там незаперто. Митя сам войдет.	1077. Р.
1078. Я хочу поглядеть, как наш Р.Р.Р. в комнату прошествует, это важно-с.	1078. Г.
1079. А вы, батенька Александр Григорьевич, вон туда сядьте, к столу. Будто бумагу казенную пишете. Вы мне здесь, после обморока, чрезвычайно нужны. Пишите себе, в разговор не вступайте, а только время от времени на объекта пристально так поглядывайте.	1079. А., Р.
1080. — Вот так? — сощурил глаза Заметов.	1080. А.
1081. Порфирий Петрович пожевал губами.	1081. А., С.
1082. — Или, знаете что, вы лучше вообще не смотрите. Будто его вовсе не существует. Да, это еще лучше-с.	1082. А., Р.
1083. Было слышно, как открылась дверь с лестницы — Разумихину надоело тянуть шнур звонка.	1083. Р.
1084. Послышался заливистый смех, потом сердитый возглас Дмитрия: «Фу, какая же ты свинья!» — и в комнаты шумно ввалились оба студента:	1084. Р., А.
1085. один с совершенно опрокинутою и свирепою	1085. Р., С.

физиономией, другой с таким видом, будто изо всех сил сдерживается, чтобы не прыснуть.	
1086. И не сдержался-таки — фыркнул.	1086. А., С.
По-медвежьи развернувшись к приятелю, Разумихин махнул кулаком и как раз попал по	
1087. маленькому круглому столику, на котором стоял допитый стакан чаю. Все полетело и зазвенело.	1087. Р.
1088. — Да зачем же стулья-то ломать, господа, казне ведь убыток! — весело процитировал Порфирий Петрович из «Ревизора»	1088. Р., С.
1089. и протянул руку знакомиться.	1089. А.
1090. Ему вмиг сделалось ясно, что весь этот спектакль с легкомысленным и непринужденным явлением Раскольникова к лицу, ведущему на него охоту (чего студент после сцены в квартале не мог не понимать), рассчитан Родионом Романовичем заранее, и поневоле восхитился этакому мастерству.	1090. Р.
1091. Выслушав представление гостя и даже сам участвуя в милейшем, приязненном разговоре, Порфирий Петрович не спускал с Раскольникова глаз.	1091. А., С.
1092. Узор предстоящей беседы выстраивался сам собою.	1092. Г.
1093. Не скрывать, что всё знаю, определил надворный советник, а напротив сразу перейти к самому делу. Не к убийствам, потому что тут у меня ничего на него нет, и он это отлично знает, а к главному, к теорийке.	1093. Р., Г.
1094. Чрезвычайно понравилось Порфирию Петровичу, что гость совсем не смотрит на хорошо знакомого ему Заметова,	1094. Р.
1095. который превосходно справлялся с ролью	1095. Р.
1096. — скрипел себе по бумаге и на студента даже не косился.	1096. А.
1097. — Это сотрудник-с, переписывает один малозначительный документик, — небрежно пояснил пристав,	1097. Р., С.
1098. усаживая молодых людей на диван и садясь сам на стул.	1098. А.
1099. — Я этого господина, кажется, где-то видел, — так же небрежно обронил Раскольников. — Впрочем, могу и ошибаться.	1099. Р., С.
1100. — Это ничего-с, даже если и позабыли. Человечек самый обыкновенный, не чета вам-с, — доверительно прошептал ему Порфирий Петрович	1100. Р., С.
1101. и подмигнул.	1101. А.
1102. Внутри у него всё так и пело	1102. С.
1103. — эту часть своего ремесла, психологический поединок с преступником, надворный советник любил более всего. Да и, правду сказать, нечасто такого Раскольникова встретишь.	1103. Р.
1104. Намек про обыкновенного человечка Родион Романович отлично понял.	1104. Р., Г.
1105. Ну-ка, обойдет или ринется?	1105. Г.
1106. Пристав с любопытством разглядывал своего визави.	1106. А.
1107. Ринулся, да по-бычачьи, рогами вперед.	1107. Г., С.
1108. — Это вы про ту мою статью сыронизирова-ли?	1108. Р.
1109. — откинулся на спинку Раскольников и сложил руки на груди.	1109. А., С.
1110. — Дмитрий мне сказывал, что вы ее прочли и желали со мною обсудить.	1110. Р.
1111. Я-то к вам, собственно, не за тем явился. У меня часы в	1111. Р.

закладе остались, у процентщицы, которую убили третьего дня. Часы дрянь, но об отце память, хочу вернуть.	
1112. Так вот я к вам по поводу часов…	1112. С.
1113. Но ежели угодно поговорить про мою статейку — отчего ж не поговорить.	1113. Р.
1114. Я читателями не избалован,	1114. Р., С.
1115. особенно такими… заинтересованными.	1115. С.
1116. Очень надворному советнику понравилось, как было выговорено это последнее слово, даже поневоле залюбовался Родионом Романовичем. Крепкий орешек, ничего не скажешь.	1116. Р., С.
1117. Но то-то и занятно.	1117. Г.
1118. С наслаждением выпустив струйку табачного дыма, Порфирий Петрович изготовился произвести	1118. А., С.
1119. следующую, чуть более тонкую атаку на собеседника, но здесь,	1119. С., Г.
1120. черт бы его побрал совсем,	1120. Р., С.
1121. снова зазвенел дверной колокольчик. Настойчиво, даже требовательно, так что уже через несколько секунд стало ясно — это не просто так, тут какая-то чрезвычайность.	1121. А., С.
1122. С досадою извинившись, пристав вышел в прихожую, распахнул дверь	1122. А., С.
1123. и увидел на пороге не кого иного как надзирателя третьего квартала Никодима Фомича.	1123. Р.
Всегда спокойный, добродушный,	
1124. капитан был непохож на себя. Седые усы подрагивали, глаза хлопали часто-часто.	1124. Р., С.
1125. — Опять… Ваше… Порфирий Петрович, что ж это такое…	1125. Г., С.
1126. — не своим, жалким голосом пролепетал квартальный.	1126. Р., С.
1127. — Только сейчас прибежали. На Малой Мещанской…	1127. Г.
1128. Я по дороге решил к вам…	1128. Р., С.
1129. Порфирий Петрович, разом обессилев, привалился к двери.	1129. А., С.
1130. Ему вообразилось, что он спит и видит кошмарный сон, от которого сейчас непременно пробудится.	1130. Р., С.
1131. — Девицу Зигель, Дарью Францевну… По голове… В собственной квартире… На Малой Мещанской… Вот только что…	1131. Г., С.
1132. Когда это бывало необходимо, Порфирий Петрович умел брать себя в руки — имелась у него такая счастливая, а для следователя даже и необходимая черта.	1132. Р.
Собрался он и теперь, в эту тяжкую для себя минуту.	
1133. - Постойте-ка тут, — тихо велел он капитану, а сам выглянул в комнату и, как ни в чем не бывало улыбнувшись, сказал.	1133. А., С.
1134. — Это ничего-с, из конторы пришли… с сообщением. Митя, поди-ка, дружок.	1134. С., А.
1135. Но когда Разумихин вышел в прихожую, надворный советник улыбку сбросил, схватил родственника за рубаху и яростно прошептал:	1135. А., С.
1136. — Скажи только одно: ты Раскольникова ко мне прямо из дому привел? Вы не разлучались, хоть на сколько?	1136. Г.

1137. — Ну да, разлучались,	1137. Г.
1138. — удивился Дмитрий, поневоле тоже переходя на шепот.	1138. С., А.
1139. — На час целый. Перед твоим домом встретились. А что?	1139. Г.
1140. Порфирий Петрович ударил себя кулаком в лоб и зажмурился.	1140. А., С.
1141. — Прав был Заметов! Надо было его задержать! Это не человек, а дьявол!	1141. Г., Р., С.
1142. Разумихин ужасно удивился:	
1143. — Кто дьявол, Родька? Ты в самом деле его, что ли, подозреваешь? А при чем здесь «разлучались — не разлучались»?	1142. Р., С. 1143. Г.
1144. — В тот час, что ты с ним разошелся, убили еще одного человека.	1144. Г.
1145. Ну, теперь игрушки в сторону.	
1146. С заблиставшим взором Порфирий Петрович хотел уже идти в комнату, но Дмитрий удержал его за плечо.	1145. С., Р. 1146. А., С.
1147. — Если и убили, то никак не Родька. Он не один был, сестру провожал.	1147. Г.
1148. — Не один?	
1149. — Из пристава будто невидимая сила изъяла весь скелет, оставила лишь кожу да плоть — так он вдруг съежился и обмяк.	1148. С., Г. 1149. С., А.
1150. — Не один?! Так у него свидетельница есть?	
1151. — Еще какая!	1150. Г., С.
1152. Не в сообщницах же она ему? Это, брат, такая девушка, что я тебе и объяснить не сумею…	1151. Г., С. 1152. Г., С.
1153. Забудь про Раскольникова, дурь это.	1153. Г., С.
1154. — Дурь, дурь…	1154. С.
1155. — залепетал несчастный, сраженный двойным ударом пристав.	1155. А., С.
1156. Мало того, что новое убийство, третье в три дня, так еще и единственная, казавшаяся несомненною версия только что рассыпалась в прах.\\\\\\\	1156. Р., С.
*******(Стр 212-247)	
1157. Всё то же, всё то же.	1157. Г.
1158. На Малой Мещанской, как прежде на Екатерингофском и у Поцелуева моста,	1158. Р.
1159. картина была слишком знакомая. На полу лежало недвижное тело с проломленным черепом, и ни следов, ни свидетелей. Лишь жилище здесь было другого сорта. Не убогое старушечье, как у Шелудяковой, и не опрятно-безличное, как у Чебарова, а обставленное по всей последней моде, с вакханками в золоченых рамах, преогромными китайскими вазами и инкрустированными козетками.	1159. Р.
1160. Девица Зигель жила богато и, кажется, даже держала открытый дом — во всяком случае, по свидетельству соседей, по четвергам у Дарьи Францевны всегда собиралась большая и веселая компания.Собственно, «девицей» сия уроженка Ревеля числилась лишь по своему семейному статусу, ни возрастом, ни нравом, ни тем более родом занятий к невинности и девству	1160. Р.

будучи никак не причастной. Разве что в особенном смысле. Как выяснилось почти сразу же через запрос в обер-полицеймейстерскую канцелярию, это была известная в демимонде сводня, имевшая постоянную клиентуру и довольно узкую специальность. Госпожа Зигель высматривала молоденьких и хорошеньких девочек из приличных, но впавших в нищету семейств и посулами, уговорами, а то и угрозами понуждала к вступлению на стезю порока. Клиенты Дарьи Францевны охотно платили хорошие деньги за то, что в шансонетках называют «невинности нежный бутон».	
1161. Вот эту-то милую даму теперь и убили.	1161. Р., С.
1162. Причем, как и в предшествующих случаях, она, по-видимому, сама впустила своего погубителя. Выходит, это опять-таки был человек знакомый, опасений не вызывающий. Примечательно и другое.	1162. Г.
1163. С часу до двух пополудни покойница всегда оставалась дома одна, отпуская прислугу, потому что это время у нее отводилось для всякого рода деликатных переговоров с глазу на глаз.	1163. Р.
1164. И об этом ее обыкновении преступник превосходно знал.	1164. Г.
1165. Еще цепляясь за былую версию, надворный советник попытался прикинуть, не мог ли Раскольников проводить сестру на Вознесенский, после как-нибудь быстро, хоть бегом, заскочить на Малую Мещанскую, стукнуть топором сводню, а затем еще поспеть и на Офицерскую к Разумихину.	1165. Г., Р.
1166. Пристав даже нарочно послал выяснить, где именно остановились мать и сестра Раскольникова.	1166. А.
1167. Увы, никак не складывалось. Да еще ведь надо учесть, что, проводив Авдотью Романовну, он должен был за своим топором вернуться. Ведь, ежели б он прихватил сие орудие с собой, когда покидал комнату, Разумихин это бы приметил.	1167. Г.
1168. Чушь, бред и морок,	1168. Г., С., Р.
1169. тряхнул головой Порфирий Петрович, решительно изгоняя прочь все мысли	1169. А., С.
1170. о проклятом	1170. С.
1171. студенте,на которого ушло столько времени, и целиком сосредоточился на новой задаче.	1171. Р.
1172. Пропали у жертвы, разумеется, сущие пустяки: булавка с камнем да бисерный кошелек. Более в квартире злодей ничего не тронул, но это пристава уже не удивляло.	1172. Р., Г.
1173. Он устроил обыск в бумагах, надеясь добыть список пользователей сомнительных услуг, предоставляемых Дарьей Францевной.	1173. А.
1174. Рассчитывать на то, что любители бутонов объявятся сами, не приходилось.	1174. Р., С.
1175. Не нашел, но на том не успокоился. Принялся простукивать стены, паркет, стенки шкафчиков	1175. А.
1176. — и что же? В кабинете под столешницей обнаружился тайник, а в нем два альбомчика, один пухлый, другой тоненький.	1176. Р.
1177. В пухлом надворный советник с удовлетворением нашел полный перечень девушек, состоящих под покровительством госпожи Зигель: и адреса, и имена, и даже короткие	1177. Р.

характеристики, правда, более физиологического свойства. Очевидно, это всё были уже сорванные бутоны, которых Дарья Францевна из своей опеки не отпускала и использовала для клиентов обычных, без особой взыскательности.	
1178. — Отлично-с.	1178. С.
1179. Впервые за все время нахождения на месте убийства на лице пристава мелькнула тень улыбки, но тут же исчезла.	1179. А., С.
1180. Тоненький альбом оказался похитрей первого. Там вместо внятных слов были сплошь какие-то неудобочитаемые письмена латинской азбукой.	1180. Р.
«Plfglfaluu»,	
1181. попытался прочесть вслух Порфирий Петрович, да только плюнул.	1181. А., С.
1182. — Тут шифр, поди ж ты,	1182. Р.
1183. — покачал он головой, проглядывая страницу.	1183. А.
1184. — Это наверняка у нее клиенты так упрятаны.	1184. Р.
1185. — Значит, не установим клиентов? — расстроился Александр Григорьевич, заглядывая начальнику через плечо.	1185. А., С., Г.
1186. — Досада какая! Это наверняка кто-нибудь из них! Она вздумала шантажировать, ну он ее и…	1186. С., Г.
1187. Письмоводитель красноречиво взмахнул рукой сверху вниз	1187. А., С.
1188. (Зигель была убита ударом по макушке).	1188. Р.
1189. — Это вы, сударь мой, бульварных романов начитались.	1189. Р.
1190. Те-то, Чебаров с Шелудяковой, тоже, что ли, сладострастника нашего шантажировали? Нет-с, здесь совсем другое.	1190. Г.
1191. Погодите-ка, погодите-ка…	1191. С.
1192. Собрав складками лоб, надворный советник присел к краешку стола, взял бумагу, карандаш, покряхтел, что-то там покалякал — минут — десять это у него заняло — и вдруг говорит:	1192. А.
1193. — Ерунда-с, а не шифр. Это гимназистки от классной дамы так укрываются.	1193. Р.
1194. — Неужто раскрыли?	1194. Р.
1195. — ахнул Заметов.	1195. А., С.
1196. — И раскрывать нечего-с. Перевернутый алфавит — вот и вся криптография. А — это Z, В — это Y, и прочее. Надобно в одну строчку написать алфавит в прямом порядке, а строкой ниже — в обратном. Вот глядите.	1196. Р.
1197. Он уставился на загадочное Plfglfaluu, зашевелил губами, запыхтел, и из-под карандаша выползло «Koutouzoff».	1197. А., Р.
1198. — Ух ты! — обрадовался Александр Григорьевич.	1198. Р.
1199. — Один есть! Кутузов какой-то.	1199. Р.
1200. Дайте я!	1200. С.
1201. Он тоже наклонился над столом и стал колдовать над следующей абракадаброй, то и дело потирая красные от недосыпания веки.	1201. А., С.
1202. — Бросьте, — сжалился Порфирий Петрович. — С ног ведь валитесь. Берите эти записи и ступайте домой, поспите-с.	1202. Р., С.
1203. Завтра с утра все сии парижские тайны расшифруете и доставите ко мне.	1203. Р.

1204. А я пока другим списком займусь.	1204. А., Г.
1205. Рад бы поспать, но какое там…	1205. Р., С.
1206. Он лишь тяжко вздохнул.	1206. А., С.
1207. Это Порфирий Петрович еще крепился. Когда же, покончив с обыском и отпустив Заметова, он один отправился на Офицерскую, то предался отчаянию в полной мере.	1207. Р.
1208. Никогда, во всю свою карьеру, не оказывался он в столь унизительно беспомощном положении. Неведомый злоумышленник будто глумился над всеми стараниями бедного пристава. Еще нынче утром надворный советник воображал	1208. Р.
1209. себя охотником, загоняющим хищного зверя, теперь же сделалось совершенно ясно, что загнанный зверь — сам Порфирий Петрович,	1209. Р.
1210. а Рок травит его своими зубастыми псами и кричит «ату, ату!».	1210. С.
1211. Чувствуя себя бездарным и никчемным, следственный пристав кое-как добрел до своего кабинета,	1211. Р., А., С.
1212. а там его ожидало новое унижение. Приехал сам его превосходительство обер-полицеймейстер и обрушил на понурую голову надворного советника целый водопад грозных речений.	1212. Р., С.
1213. Тоже ведь и генерала можно понять: шутка ли — три ужасных убийства в три дня. Скандал на весь город, на всю империю, да еще в иностранных газетах напишут. Что в газетах — уже после второго случая сам министр недоумение выражал, а теперь не обойдется без доклада государю.	1213. Р.
1214. Пошумело начальство, потребовало решительного результата в наикратчайший срок и отбыло. Пристав же приступил к работе,	1214. А.
1215. потому что это самое лучшее средство от отчаяния.	1215. Р.
1216. Дело у него сейчас было одно: допросить девушек из альбома Дарьи Францевны.	1216. Р.
1217. Как знать, может, сводню вовсе и не клиент убил, а какой-нибудь родственник или ухажер	1217. Г.
1218. сих падших созданий	1218. С.
1219. — из мести за погубленную невинность или из каких иных видов.	1219. Г.
1220. Во все четыре стороны кинулись рассыльные	1220. А.
1221. (после приезда обер-полицеймейстера все чины съезжего дома перемещались не иначе как бегом),	1221. Р.
1222. и первая из	1222. Р.
1223. желтобилетных девиц	1223. С.
1224. уже через полчаса сидела в кабинете	1224. Р.
1225. у пристава, который повел с ней неторопливый, обстоятельный разговор.	1225. А.
1226. За этой беседой последовала вторая, третья и так до глубокой ночи.	1226. Р., А.
1227. Занятие было утомительное, в некотором роде даже изматывающее, но Порфирий Петрович превосходно с ним справлялся.	1227. Р.
1228. Ему хватало единственного взгляда на собеседницу, чтобы враз определить, как надобно с нею держаться. С одной он был отечески мягок, с другой казенно строг, с третьей несколько	1228. Р.

игрив и даже кокетлив. Случалось, что и прикрикнет, и кулачком по столу стукнет, но пройдет каких-нибудь десять минут — глядишь, следующей барышне уже собственным платком слезу утирает, да и у самого глаза на мокром месте.	
1229. Всех девиц до единой наш герой сумел разговорить,	1229. Р.
1230. к каждой подобрал ключик,	1230. С.
1231. однако сыскать никакой зацепочки не получилось.	1231. Р.
1232. Далеко за полночь, совсем обессилев, Порфирий Петрович прилег на клеенчатый диван, прикрылся сюртуком и часа два подремал, но уже в пятом часу утра к нему вводили очередную перепуганную барышню.	1232. А.
Все утро прошло в бесполезных допросах.	
1233. К полудню надворный советник почувствовал, что сил лицедействовать больше нет и надобно поскорей устроить перерыв,	1233. Р.
1234. не то свалишься в нервном истощении.	1234. Р.
1235. Только он отхлебнул кофею, только затянулся первой за день папироской, тут является	1235. А.
1236. Александр Григорьевич, свежий после ночного сна и очень собою довольный.	1236. Р.
1237. — Всё расшифровал, — сообщил он, кладя перед приставом листки.	1237. Р., А.
1238. — Позвольте одолжиться папиросою?	1238. А.
1239. Кофей остался невыпитым	1239. Р.
1240. — Порфирий Петрович жадно схватил бумаги. Почитал-почитал, да и крякнул с досады.	1240. А., С.
1241. — Что вы мне такое принесли-с? — воскликнул он.	1241. Г., А.
1242. — Barbe-bleu, Pussja, Lakomka, Kotletnik, Hund! Это же клички какие-то!	1242. Р., Г.
1243. — Я тоже это приметил.	1243. Р.
1244. — Заметов налил себе из кофейника.	1244. А.
1245. — Видно, она клиентов по прозвищам себе записывала. «Синяя борода», «Пуся», «Лакомка» и прочее. Там дальше и «Крокодил» есть, и «Кучер», и еще всякие.	1245. Р., Г.
1246. А про привычки ихние без шифра помечено. Вы дальше, дальше почитайте. Каких только пакостей не напридумывают развратники!	1246. Р.
1247. — Что мне до их пакостей! — чуть не плача молвил пристав.	1247. А., С.
1248. — Имен-то нет! Как этих Котлетников и Крокодилов разыскивать прикажете?	1248. Г.
1249. — Ну, одно имя все-таки есть. Кутузов, которого вы вчера сами расшифровать изволили.	1249. Г.
1250. Заметов выпустил колечко дыма и полюбовался, как оно уплывает к потолку.	1250. А.
1251. — Это наверняка тоже кличка. Какой-нибудь одноглазый. Нет, тут тупик-с!	1251. Г.
1252. Помолчали.	1252. А.
1253. — А что девицы? — поинтересовался Заметов. — Никакой ниточки не обнаружили?	1253. Г.
1254. — Никакой-с. Из двадцати четырех девушек восемнадцать мною опрошены. Почти у каждой имеется сердечный дружок, но	1254. Г.

всё не то-с,	
1255. не то-с! — Порфирий Петрович горестно всплеснул руками.	1255. С.
1256. — Всего только шесть из списка остались. Пять в приемной сидят, дожидаются — вы их, верно, видели. А одну никак не найдем-с. И вчера служителя за нею посылал-с, и сегодня. Нету дома, нету на улице — потому что она,	1256. Г.
1257. Мармеладова эта, самого нижнего разбору, уличная-с.	1257. Р.
1258. Черт знает, где ее носит.	1258. Р.
1259. Софья Семеновна Мармеладова, дочь титулярного советника. Жительство имеет в зеленом доме, что на углу канавы и Малой Мещанской, знаете? Совсем девочка еще, восемнадцати нет. Товарки о ней хорошо говорят,	1259. Р.
1260. а это в их обществе нечасто бывает-с.	1260. Р.
1261. Прозвище у ней Монашка. Знаете, некоторые сладострастники любят, чтоб проститутка монахиней обряжалась? Иные девки у себя специально рясу держат.	1261. Р., Г.
1262. Так вот это совсем не то-с. Не в том смысле-с. Она Дарье Францевне, говорят, продалась, чтоб семью от голодной смерти выручить. Впрочем, может, и врут-с. Гулящие девицы, как известно, сентиментальны и любят сказки.	1262. Г.
1263. — Давайте я к этой Мармеладовой схожу, — предложил Александр Григорьевич, заинтересовавшись падшей дочерью титулярного советника. — Вдруг застану.	1263. Р.
1264. — Я признаться уж не верю-с… — Порфирий Петрович махнул рукой.	1264. Р., А.
1265. — Ничего мы тут не зацепим. Кругом одна безнадежность…	1265. Г.
1266. А впрочем сходите.	1266. А.
1267. Авось вам больше моего повезет.	1267. Р.
1268. И ведь как в воду смотрел.	1268. Г.
1269. Желтобилетная Софья Семеновна Мармеладова по прозвищу Монашка проживала в квартире, поделенной на большие и маленькие нумера, причем занимала самый отдаленнейший и скромнейший, который состоял всего из одной комнаты.	1269. Р.
1270. Всё это Александр Григорьевич установил еще до того, как отправился в свою экспедицию.	1270. Р., А.
1271. Угловой зеленый дом, одной стороною выходивший на Екатерининскую канаву,	1271. Р.
1272. он отлично знал и без колебаний, миновав ворота, поднялся на узкую и темную лестницу, прошел на втором этаже по галерее, что опоясывала двор, и поднялся еще на один пролет.	1272. Р., А.
1273. Уже совсем близко от нужной двери	1273. Р.
1274. (на ней, как и говорили «монашкины» товарки, мелом была написана цифра 9),	1274. Р. 1275. Г.
1275. у Заметова случилась одна маленькая встреча. Из	

соседнего восьмого нумера вышел какой-то незнакомый (Кто таков – Г, ответ1352)	
1276. господин, очень щегольски одетый и смотревшийся осанистым барином. В руках его была красивая трость, которою он постукивал, с каждым шагом, а руки были в свежих перчатках.	1276. Р.
1277. Встретившись с франтом глазами, письмоводитель слегка поклонился и прошел себе дальше. Незнакомец ответил таким же учтивым полукивком и отправился прочь по коридору. Когда же на стук Заметова, дверь открылась и молодой человек скрылся в девятом,	1277. А.
1278. щеголь с тростью вдруг обернулся и вернулся к себе,	1278. А.
1279. причем отчего-то ступал не на каблук, а исключительно на носки, то есть явно не хотел производить ни малейшего шума.	1279. Р., Г
1280. Это был человек лет пятидесяти, росту повыше среднего, дородный, с широкими и крутыми плечами, что придавало ему несколько сутуловатый вид. Широкое, скулистое лицо его было довольно приятно, и цвет лица был свежий, не петербургский. Волосы его, очень еще густые, были совсем белокурые и чуть-чуть разве с проседью, а широкая, густая борода, спускавшаяся лопатой, была еще светлее головных волос. Глаза его были голубые и смотрели холодно-пристально и вдумчиво; губы алые. Вообще это был отлично сохранившийся человек и казавшийся гораздо моложе своих лет.	1280. Р.
1281. Оказавшись у себя, он стал двигаться еще бесшумней.	1281. Г.
1282. Прошел через комнату,	1282. А.
1283. из которой выходы вели в обе стороны, попал в другую, оканчивавшуюся наглухо запертой дверью.	1283. Р.
1284. Как уже было сказано, когда-то ранее все это была одна огромная квартира, заключавшая собою длинную анфиладу, но позднее апартаменты превратились в череду квартирок, отгородившихся одна от другой.	1284. Р.
1285. Позади запертой двери находился девятый нумер, куда только что вошел Александр Григорьевич.	1285. Р.
1286. Предосторожности, предпринятые барственным незнакомцем, отчасти объяснились, когда он уселся перед самою дверью на удобный мягкий стульчик.	1286. А., Г.
1287. Отсюда был отлично слышен каждый звук, доносившийся из-за створок.	1287. Р.
1288. А несколько времени спустя, неделикатный господин осторожно вынул из замочной скважины восковую затычку,	1288. А.
1289. и оказалось, что через дверь можно не только подслушивать, но и подсматривать.	1289. Р.
1290. Производя манипуляцию с затычкой, подглядывающий слишком перегнулся на своем стуле, отчего довольно явственно скрипнули половицы. Но	1290. Р.
1291. ни Заметов, обрадованный тем, что застал Мармеладову дома, ни обитательница комнаты, оробевшая незваного гостя, этого шума не услышали.	1291. Р., Г.
1292. Соня оказалась худенькой, но довольно хорошенькой блондинкой, с замечательными голубыми глазами и остреньким треугольным личиком, по детскому выражению которого ей едва ли можно было дать и шестнадцати лет.	1292. Р.

1293. Одета она была во все черное, как девушки ее рода занятий не наряжаются.	1293. Р., Г.
1294. Ну да, она же монашкой представляется, подумал Александр Григорьевич	1294. Г., Р.
1295. — и, как тут же выяснилось, ошибся.	1295. Г.
Когда он довольно строго сказал: «Я из полицейской конторы, мы вас давно разыскиваем. Где изволили пропадать?», Мармеладова, всхлипнув, ответила:	
— У батюшки, на Садовой. Его позавчера карета сбила.	
1296. — Ваш отец ведь титулярный советник? — блеснул осведомленностью Заметов.	1296. Р.
1297. — Был, —	1297. Р.
1298. тихо проговорила она, смахнув слезы.	1298. С.
1299. — Выгнали его, потому что пил сильно.	1299. Р.
1300. — Понятно. И что же, сильно он убился, от кареты-то?	1300. Г.
— В ночь умер, — еще ниже опустила голову девушка и опять заплакала.	
1301. —А дома ни копейки…	1301. С.
1302. Жена его, моя мачеха Катерина Ивановна, не в себе. То кричит, то хохочет. Деточки сами не свои от страха. Там ведь трое: девяти лет, семи и шести. На кровати покойник. Хоронить не на что…	1302. Р.
1303. Александр Григорьевич тоже заморгал глазами и уж не смог далее выдерживать официальный тон.	1303. А., С.
— Так как же вы? — участливо спросил он, попутно оглядывая комнату.	
1304. Это было до чрезвычайности убогое помещеньице, главным предметом в котором являлась кровать с железными шарами, а единственным украшением картинка над кроватью, явно вырезанная из иллюстрированного журнала. Очевидно, гравюрка эта с изображением каких-то танцующих француженок, должна была придавать ложу продажной любви вид лихости и легкомыслия, но справлялась с этою задачей не вполне успешно.	1304. Р.
1305. — Господь помог, — ответила Мармеладова	1305. Р.
1306. и вдруг подняла на письмоводителя глаза, уже не заплаканные, а ярко, по-особенному засветившиеся.	1306. А., С.
1307. — Человек один, который вместе с другими батюшку принес, из-под кареты, мачехе денег дал. Все, какие у него были, хотя сам очень бедный. На гроб хватило, самый простой. На отпевание. И еще Катерина Ивановна даже поминки затеяла. Они нынче вечером будут, а я ей помогала… Только сейчас вернулась.	1307. Р.
1308. Здесь письмоводитель вспомнил о цели своего прихода и приступил к собственно допросу.	1308. Р.
1309. — Известно ль вам, что	1309. Г.
1310. …покровительница ваша, — это слово Заметов подобрал не сразу,	1310. С.
1311. — госпожа Зигель вчера убита у себя на квартире?	1311. Р.
1312. — Слышала, — тихонько ответила Соня.	1312. Г.
1313. — Упокой Боже ее душу…	1313. Р.
1314. — Для вас это, я полагаю, облегчение. Теперь вы свободны, — произнес он еще по дороге заготовленную фразу,	1314. Г.

1315. да так и впился глазами в личико Мармеладовой.	1315. А., Г.
1316. Та лишь вздохнула.	1316. А., С., Г.
1317. — Какая уж тут свобода, сударь. Больная мачеха и трое детишек. Их пропитать надо, одеть-обуть, за комнату ихнюю давно не плачено, хозяйка ругается…	1317. Г., Р.
1318. Нет уж, судьбы не избегнешь. Кем была, тем и буду. Мне уж госпожа Ресслих, чья квартира,	1318. Р.
1319. — Соня неопределенно качнула головой в сторону запертой двери, —	1319. А.
1320. предлагала… Она, как и Дарья Францевна, девушек держит. Видно, надо соглашаться…	1320. Р.
1321. Дверь, на которую она указывала, чуть скрипнула.	1321. Г.
1322. — Сквозняки здесь.	1322. Г.
1323. — Мармеладова зябко повела плечиками, хотя, на взгляд Заметова, в комнате было довольно душно. - Не привыкну никак.	1323. А., Р.
1324. — Хм,	1324. С.
1325. — откашлялся Александр Григорьевич, чувствуя, что ему перестает нравиться роль сыщика, но тем не менее	1325. Р.
1326. пытаясь взять бодрый тон. — Однако ж не всё в жизни так ужасно. У вас, наверное, имеется какой-нибудь друг, который хотя бы отчасти скрашивает неудовольствия, сопряженные, то есть проистекающие…	1326. Г., С.
1327. Запутавшись в оборотах и смутившись, он сбился, не договорил.	1327. С.
1328. — Нет у меня никого. Да и кто к такой в друзья пойдет, посудите сами, — спокойно возразила Соня.	1328. Р.
1329. Заметов сконфуженно пятился к выходу.	1329. А., С.
1330. — Ну, хорошо… Ваши ответы полностию удовлетворительны, — бормотал он. — Более не обеспокою.	1330. Г.
1331. А по поводу вашего батюшки примите мои самые искренние… Быть может, я со своей стороны могу чем-нибудь…	1331. Р.
1332. — Благодарю.	1332. Р.
1333. — Соня провожала его до двери.	1333. А.
1334. — Теперь всё устроилось. Да и Родион Романыч обещал прийти…	1334. Р.
1335. — К-кто?	1335. Г.
Заметов так и обмер.	
1336. Сзади снова раздался скрип, и девушка на секунду обернулась.	1336. Г.
1337. — Сквозит. — Тень извиняющейся улыбки мелькнула по бледному лицу.	1337. Г.
1338. — Родион Романович Раскольников — это человек, который нам помог.	1338. Г.
1339. Я вам рассказывала. Он студент, впроголодь живет, а все свои деньги нам отдал.	1339. Р.
1340. Он очень благородный и очень-очень умный, — с внезапным жаром продолжила она. — Я давно… Я никогда таких не встречала.	1340. С.
1341. Я, кажется, сильно обременила его. Наговорила всякого, слезами своими расстроила. Стыдно.	1341. С., Г.
1342. Но он ничего. И сегодня вечером беспременно обещался на поминках быть. Он не обманет, я знаю.	1342. Р.

1343. — Наговорили ему всякого? — медленно, пытаясь унять гонку мыслей, повторил Александр Григорьевич. — То есть, стало быть, про историю…	1343. Г.
1344. — Он хотел сказать «падения вашего», но посовестился. — Про жизненную историю вашу тоже?	1344. С.
1345. Она поняла и опустила голову. — Да, всё ему рассказала. Сама не знаю, что на меня нашло.	1345. С., Р.
1346. — А…	1346. С., Г
1347. «А он что?» — захотелось теперь спросить Заметову, однако делать этого, пожалуй, не следовало.	1347. Г.
1348. Порфирии Петрович нипочем бы не выдал своего сугубого интереса к личности подозреваемого.	1348. Г.
1349. — Ну-ну, — с видимым равнодушием протянул письмоводитель, хотя сердце у него в груди так и попрыгивало. — Пойду. Пора-с.	1349. Р., С.
1350. Проводив посетителя, Мармеладова вернулась в комнату совсем ненадолго. Собрала в узелок какие-то мелочи, трижды перекрестилась на икону, висевшую в самом дальнем от кровати углу, и тоже вышла.	1350. А.
1351. Лишь теперь человек, который все это время не отрывался от замочной скважины и дважды, от чрезмерной увлеченности, произвел невольный шум, принятый простодушной Монашкой за сквозняк, оставил свое нескромное занятие.	1351. Г., Р.
1352. Любопытно, что в самом начале объяснения Заметова с гулящей господин был куда менее сосредоточен, даже достал из кармана плоскую фляжку с ромом и раз-другой к ней приложился. По лицу его при этом гуляло довольно странное выражение, соединявшее в себе глумливость и жадное ожидание.	1352. Г., Р.
1353. Однако, когда речь зашла об убийстве, облик соглядатая переменился — сделался серьезен и внимателен. Во второй раз перемена в этом лице произошла при упоминании имени «Родион Романович».	1353. Р.
1354. Здесь уж господин прямо вздрогнул и прижался к скважине еще плотнее.	1354. Р., С.
1355. Как раз в эту минуту из противоположной двери появилась дама	1355. Г.
1356. средних лет, довольно недурной наружности, которую портили лишь жесткие складки у губ. (Г – кто, ответ 1365)	1356. Р.
1357. Увидя, каким делом занят белокурый господин, она беззвучно рассмеялась, подошла на цыпочках и погладила его по волосам, но тот досадливо отодвинулся и махнул: «уйди, уйди!».	1357. А., Р., С.
1358. Женщина нисколько не обиделась.	1358. Р.
1359. Прикрыв рот, чтоб не засмеяться в голос, она отошла в угол, села на диванчик и уже оттуда весело наблюдала за некрасивым времяпрепровождением своего приятеля.	1359. А., Р.
1360. Наконец он отодвинулся от скважины и посмотрел в сторону задумчиво прищуренным взглядом.	1360. А.
1361. — Как вам моя крайняя комнатка? Хороша? — фыркнула дама. — Нарочно сдаю гулящей — полакомить близких друзей видом рублевого разврата.	1361. Р.
1362. Это, знаете, барчукам для пробуждения аппетиту показывают, как крестьянские дети уплетают кашу с молоком…	1362. Р.

1363. Да что это вы постником глядите, Аркадий Иванович, не распотешила вас моя Монашка?	1363. Г.
1364. — Отчего же, Гертруда Карловна, даже очень распотешила, — нараспев проговорил мужчина.	1364. Г.
1365. — Под большим пребываю впечатлением.	1365. Р.
1366. Гертруда Карловна (это была мадам Весслих, хозяйка квартиры и всего этажа) присвистнула, что вышло у ней очень ловко.	1366. Р., Г., А.
1367. — Значит, не зря я к девчонке подбираюсь. Есть в ней что-то этакое, у меня на подобные вещи нюх.	1367. Р.
1368. Самого Свидригайлова впечатлить!	1368. Г.
Свидригайлов (ибо такова, выходит, была фамилия белокурого господина) поглядел на Гертруду Карловну весьма внимательно и ответил несколько невпопад:	
1369. — Именно что нюх. Затем у вас и остановился.	1369. Р.
1370. Госпожа Весслих оживилась:	1370. Г.
— Что девочка-невеста? Понравилась? Не зря из деревни приехали?	
1371. — Хороша, — сдержанно ответил Аркадий Иванович. — Папенька с маменькой только очень уж противные.	1371. Р., Г.
1372. — Зато вам не будет от них никакой докуки, за это ручаюсь.	1372. Р.
1373. — Хозяйка подошла, присела к Свидригайлову на колени.	1373. А.
1374. — А вы помните уговор. Как наиграетесь с женушкой и прискучите ее невинными прелестями, она моя. Ведь это я вам ее приискала.	1374. Р.
1375. — Не беспокойтесь. — Господин зевнул, отворачивая щеку от поцелуя. — Сочтемся.	1375. А., Р., С.
1376. Пойду, однако, прогуляюсь.	
1377. Да и дельце есть.	1376. С.
	1377. Г.
1378. «Дельце» привело Аркадия Ивановича на Вознесенский проспект к некоему дому довольно уродливого вида.	1378. Р.
1379. Повернув с улицы в темную подворотню, Свидригайлов заглянул во двор, однако не прошел к подъездам, а остался в полумраке. Прохаживался там взад-вперед, постукивая по мостовой своей тростью.	1379. А.
1380. Трость была дорогая, красного дерева с бронзовым набалдашником в виде сфинкса, восседающего на пьедестале.	1380. Р., Г.
1381. Всякий раз, когда в подворотню кто-то входил, Аркадий Иванович брал в сторону и совершенно сливался со стеной, так что делался почти невидим.	1381. А., Р.
1382. Странное его ожидание (а судя по некоторым признакам нетерпения это было именно ожидание)	1382. Г., Р.
1383. продолжалось довольно долго, но в конце концов окончилось, и окончилось вот чем.	1383. Р.
1384. Один из прохожих, которые проследовали с улицы во двор, высокий и широкоплечий молодой мужчина, ничем не заинтересовавший Свидригайлова(Г. Кто),	1384. Р.

1385. через короткое время появился вновь и направился уже в обратную сторону,	1385. Р.
1386. причем не один, а сопровождаемый барышней в скромном, но очень идущем к ней платье(Г.Кто).	1386. Р., Г.
1387. Завидев барышню, Аркадий Иванович так вздрогнул, что стало ясно — ее-то он тут и поджидал.	1387. А., Р.
1388. Но объявлять о себе и не подумал,	1388. Г.
1389. нырнул в проем, что вел в дворницкую, и затаился там.	1389. А., Р.
1390. Двое, разговаривая, проходили мимо.	1390. Р.
1391. — …Я так вам благодарна, Дмитрий Прокофьевич, что не оставляете Родю. Просто не знаю, что бы мы без вас делали, — говорила барышня. — Он сделался несносен. Верите ли, вчера, когда он пошел меня провожать…	1391. Г.
1392. Они свернули на улицу, и продолжения спрятавшийся помещик не услышал.	1392. А., Р.
1393. Он выждал несколько мгновений и отправился следом за парочкой.	1393. А.
1394. Та двинулась по проспекту в сторону Садовой, потом повернула к Юсуповскому саду. Барышня всё что-то говорила, мужчина очень внимательно слушал.	1394. Р.
1395. При переходе через улицу он предложил девушке локоть, и она оперлась об его руку,	1395. А.
1396. да так и не убрала, даже когда проезжая часть уже осталась позади.	1396. Р.
1397. Лоб Свидригайлова нахмурился, он ускорил шаги	1397. А.
1398. и очень скоро оказался прямо за спиной у тех двоих. Он, впрочем, кажется, понял, что может особенно не осторожничать	1398. Р.
1399. — мужчина и девушка были слишком увлечены то ли беседою, то ли друг другом.	1399. Р.
1400. — Я не могу теперь к нему, он наговорил мне давеча ужасных, ужасных вещей, — говорила барышня.	1400. Р.
1401. — Он болен, болен душою, теперь я это вижу.	1401. Р.
1402. — Не тревожьтесь, Авдотья Романовна(Г. ответ.). Я был у него утром и буду опять. Мы его из хандры вытащим, — пообещал мужчина. — Я почему-то очень на вас надеюсь.	1402. Г., Р.
1403. — Авдотья Романовна улыбнулась.	1403. А.
1404. — А вы сегодня иначе выглядите. Сапоги начищены, пуговицы пришиты. И бритому вам гораздо лучше, чем со щетиной.	1404. Р.
1405. Ее собеседник покраснел всей шеею, сзади это было отлично видно. — Я вот что… — забормотал он. — Я, знаете ли, прямо сейчас к нему… Да. Ну, после свидимся… Зайду.	1405. Р., С.
1406. И, неловко кивнув, что, по-видимому, должно было означать поклон, быстро двинулся в сторону, через улицу.	1406. А.
1407. Девушка глядела ему вслед *с улыбкою*,	1407. Р.
1408. кажется, очень не понравившейся Аркадию Ивановичу.	1408. Р., Г.
1409. Он даже захрустел пальцами и закусил губу своими крепкими белыми зубами.	1409. С., А.
1410. А потом Авдотья Романовна пошла себе дальше, и Свидригайлов двинулся было за ней, но вдруг остановился и	1410. А.

вместо этого пустился догонять ее недавнего спутника.	
1411. Разумихин (ибо это был он)(Г ответ) бодрым шагом миновал Кокушкин мост и скоро был уже у дома Шиля, где квартировал его приятель Раскольников.	1411. Р., Г.
1412. Слежки за собою он не заметил,	1412. Р.
1413. да и мудрено ему было бы заметить: Свидригайлов держался с ним на осторожной дистанции, а Дмитрий до того погрузился в мысли, что и перед собой-то почти ничего не видел.	1413. Р.
1414. Войдя в подъезд и взбегая по лестнице, он встретил горничную Настасью и спросил:	1414. А., Р.
1415. — Что Родион Романович, у себя?	1415. Г.
1416. — У себя, где ему быть. Как вы утром ушли, всё по комнате топал:	1416. Г.
1417. тук-тук сапогами, тук-тук.	1417. С.
1418. А сейчас заглянула — дверь-то у него нараспашку — уснул.	1418. Р.
1419. — Ну, слава Богу. Это славно, а то он ночью вовсе не спал. Я к нему тогда немного попозже…	1419. Р.
1420. Повернувшись, Разумихин спустился вниз	1420. А.
1421. и опять не заметил человека, стоящего под лестницей.	1421. Р.
1422. Дверь в конуру Раскольникова, вероятно вследствие чрезвычайной духоты, и вправду была приотворена.	1422. Р.
1423. Аркадий Иванович заглянул,	1423. А.
1424. увидал, что хозяин, точно, лежит с закрытыми глазами,	1424. Р.
1425. переступил осторожно через порог, бережно притворил за собой дверь, подошел к столу, подождал с минуту, и тихо, без шуму, сел на стул подле дивана;	1425. А.
1426. шляпу поставил сбоку, на полу, а обеими руками оперся на трость, опустив на руки подбородок. Видно было, что он приготовился долго ждать.Однако ожидание его продолжилось никак не долее минуты.	1426. Р.
1427. Раскольников вдруг приподнялся и сел на диване.	1427. А.
1428. — Ну, говорите, чего вам надо?	1428. Г.
1429. — А ведь я так и знал, что вы не спите, а только вид показываете, — странно ответил незнакомый ему человек, спокойно рассмеявшись.	1429. Р., А., Г.
1430. — Аркадий Иванович Свидригайлов, позвольте отрекомендоваться…	1430. Р.
1431. Раскольников осторожно и недоверчиво всматривался в неожиданного гостя.— Свидригайлов?	1431. Р.
1432. Какой вздор! Быть не может!	1432. С.
1433. Казалось, гость совсем не удивился этому восклицанию.	1433. Р.
1434. — Вследствие двух причин к вам зашел: во-первых, лично познакомиться пожелал, так как давно уж наслышан с весьма любопытной и выгодной для вас точки; во-вторых, мечтаю, что не уклонитесь, может быть, мне помочь в одном предприятии, прямо касающемся интереса сестрицы вашей, Авдотьи Романовны. Одного-то меня, без рекомендации, она, может, и на двор к себе теперь не пустит, вследствие предубеждения, ну, а с вашей помощью я, напротив, рассчитываю…	1434. Р.
1435. — Плохо рассчитываете, — перебил Раскольников.	1435. С.
1436. — Они ведь только вчера прибыли, позвольте спросить?	1436. Р.

1437. Раскольников не ответил.	1437. С.
1438. — Вчера, я знаю. Я ведь сам прибыл тому всего только три дня… Ну да это не столь важно. Я, с вашего позволения, сразу про главное… Вам про меня, ну про мои, как это в романах принято называть, домогательства насчет сестрицы вашей, конечно, известно. Не может быть неизвестно, ибо иначе вы от моего имени так не вскинулись бы…	1438. Р.
1439. Он сделал паузу, но ответа не дождался и, сам себе кивнув, продолжил:	1439. А.
1440. — Кругом перед Авдотьей Романовной виноват, сам это признаю и посыпаю голову пеплом. Но даже самый закоренелый злодей и грешник не может быть лишен возможности на исправление содеянного им зла…	1440. Р.
1441. — Затем и в Петербург за ней притащились? — язвительно перебил его Родион Романович.	1441. Р., С.
1442. — Чтобы посыпать голову пеплом?	1442. Р.
1443. Свидригайлов остался все столь же невозмутим. — И за этим тоже.	1443. Р.
1444. Имею, впрочем, еще одну цель, но о ней, с вашего позволения, чуть позже.	1444. Г.
1445. Пока же сообщу, что положение мое за последние дни сильно переменилось. Супруга моя Марфа Петровна скоропостижно скончалась, так что я теперь совершенно свободен.	1445. Р.
1446. Раскольников посмотрел на него с каким-то жадным любопытством.	1446. С., Г.
1447. — Уходили что ли, супругу-то?	1447. Г.
1448. Вы ведь из душегубов. Я давеча когда сестру провожал, она мне про вас кое-что порассказала. — Что же? — заинтересовался Аркадий Иванович, пропустив мимо ушей вопрос насчет супруги. — Какие про вас слухи ходят. Что вы в бывшей петербургской жизни до худших степеней разврата опускались и что будто бы через вас некая глухонемая девочка четырнадцати лет руки на себя наложила… — А, это про племянницу моей старой знакомой Гертруды Карловны Ресслих, — светским тоном заметил Свидригайлов. — Несчастное, забитое было создание. Гертруда Карловна — дама довольно жестокосердная, с сиротой обходилась неважно, вот та и… Впрочем, душевно была нездорова, этот факт полицией признан, и дело было закрыто.	1448. Р.
1449. Что еще о моих предполагаемых злодействах сообщила вам Авдотья Романовна?	1449. А.
1450. — Еще про слугу вашего, которого вы насмешками и издевательствами тоже до петли довели, — ухмыльнулся Раскольников — ему, похоже, очень хотелось выбить невозмутимого собеседника из равновесия.	1450. Р.
1451. — Было и такое. — Аркадий Иванович безмятежно вздохнул.	1451. А.
1452. — Шесть лет назад, еще до эмансипации. Жил у меня слуга, Филипп. Нравился я ему очень, уж не знаю отчего. Вел со мной доверительные беседы.	1452. Р.

Странный был типаж, доморощенный философ. Наподобие принца датского, всё задавался вопросом «быть иль не быть» и так ли уж страшна смерть, чтоб ради нее «сносить удары стрел враждующей Фортуны». Говорил, что после смерти, может, всё самое интересное и начинается. Мол, помрешь, и в тот же миг вдруг да вновь возродишься в каком-нибудь совсем ином месте, хоть бы в самой Америке.	
1453. — Удивительно, но Свидригайлову было вроде как приятно вспоминать эту историю.	1453. Р., С.
1454. — А я в ту пору ужасно скучал в деревенской глуши. Ну, и начал его поддразнивать. Мол, на словах-то ты герой, а на деле трус и дурак дураком. Уж коли так любопытно, так чего проще бы? И прочее подобное.	1454. Р.
1455. Только с русской душой шутки плохи, она разумных пределов не знает…	1455. Р.
1456. Оставил мне Филька мой записку, следующего содержания — я слово в слово запомнил: «Я теперича вона где, а дурак дураком, Аркадий Иваныч, получаетесь вы». Только всего и было.	1456. Р.
1457. — Свидригайлов потер пальцами голову сфинкса на своей трости и поглядел Родиону Романовичу прямо в глаза	1457. А., Г.
1458. — Ну, насчет вашего вопроса про Марфу Петровну, чтоб вы не вообразили, будто я уклоняюсь, отвечу: медицинское следствие обнаружило апоплексию, да ничего другого и обнаружить не могло…	1458. Р.
1459. Раскольников засмеялся.	1459. А.
1460. — Ну, разумеется. И что же вы теперь, новоиспеченный вдовец? К моей сестре руки просить приехали? То есть не поездкой на воды будете соблазнять, а самым что ни на есть законным браком?	1460. Р.
1461. Улыбнулся и Свидригайлов.	1461. А.
1462. — Не настолько я глуп и характер Авдотьи Романовны знаю. К тому же она ведь обручена? Не думаю, что господин Лужин в качестве мужа так уж предпочтительнее меня, но это так, a propos, ибо не моего ума дело…	1462. Р.
1463. Уверяю вас, что не намерен мешать матримониальным планам вашей сестрицы, да и шансов не имею. Настолько далек от сей мысли, что вскорости думаю сочетаться браком с некоей юной и обворожительной девицей. Уж и согласие получил… —	1463. Р.
1464. По лицу Аркадия Ивановича промелькнула тень странной, жестокой улыбки.	1464. Р., С.
1465. — А что, Авдотья Романовна с вами обо мне много говорила? — Не обольщайтесь. Весь рассказ не занял пяти минут и не заключал ничего для вас лестного. Сразу за тем про жениха ее заговорили. Правда, тут еще короче вышло…	1465. Р.
1466. Раскольников перешел вдруг от насмешливости к раздражению:	1466. Р., С.
1467. — Сделайте одолжение, позвольте вас просить поскорее объясниться и сообщить мне, почему вы удостоили меня чести вашего посещения…	1467. Г.
1468. и… и…	1468. С.

1469. я тороплюсь, мне некогда, я хочу со двора идти…	1469. Р.
1470. — С величайшим удовольствием.	1470. Р., С.
1471. Прибыв сюда и решившись теперь предпринять	1471. Р.
1472. некоторый… вояж,	1472. С.
1473. я пожелал сделать необходимые предварительные распоряжения. Дети мои остались у тетки; они богаты, а я им лично не надобен.	1473. Р.
1474. Да и какой я отец!	1474. Р., С.
1475. Перед вояжем, я хочу с господином Лужиным покончить.	1475. Р.
1476. Так сказать, избавить Авдотью Романовну от необходимости идти на такую жертву… ради дорогих ей людей.	1476. Р.
1477. Лицо Родиона Романовича дернулось, но он ничего не сказал.	1477. А., С.
1478. — Я желаю теперь повидаться с Авдотьей Романовной, через ваше посредство,	1478. Р., Г.
1479. — продолжил Свидригайлов.	1479. А.
1480. — Испросив у ней извинения в недавних этих всех неприятностях, я попросил бы позволения предложить ей десять тысяч рублей.	1480. Р.
1481. — Но вы просто сумасшедший!	1481. Р., Г.
1482. — вскричал Раскольников, не столько даже рассерженный, сколько удивленный. — Как смеете вы так говорить!	1482. А., С.
1483. — Я так и знал, что вы закричите; но,	1483. Р.
1484. во-первых, я хоть и небогат, но эти десять тысяч рублей у меня свободны, то есть совершенно, совершенно мне не надобны. Не примет Авдотья Романовна, так я, пожалуй, еще глупее их употреблю. Это раз. Второе: совесть моя совершенно покойна; я без всяких расчетов предлагаю. Верьте не верьте, а впоследствии узнаете и вы, и Авдотья Романовна. Все в том, что я действительно принес несколько хлопот и неприятностей многоуважаемой вашей сестрице; стало быть, чувствуя искреннее раскаяние, сердечно желаю, — не откупиться, не заплатить за неприятности, а просто-запросто сделать для нее что-нибудь выгодное, на том основании, что не привилегию же в самом деле взял я делать одно только злое.	1484. Р.
1485. Ведь если б я, например, помер и оставил бы эту сумму сестрице вашей по духовному завещанию, неужели б она и тогда принять отказалась?	1485. Г.
1486. — Весьма может быть.	1486. Г.
1487. — Во всяком случае, попрошу передать сказанное Авдотье Романовне. Иначе принужден буду добиваться свидания личного, а стало быть, беспокоить.	1487. А.
1488. — А если я передам, вы не будете добиваться свидания личного?	1488. Г.
1489. Свидригайлов раздумчиво поглядел в потолок, будто не решил еще, как поступит в таком случае.	1489. А., Р.
1490. В эту-то минуту затишья в беседе дверь приоткрылась, и в нее просунулась физиономия Разумихина.	1490. А.
1491. — Ба, да ты не спишь!	1491. Р., С.
1492. — воскликнул он, растворяя створку.	1492. А.
1493. — И гость у тебя…	1493. Р., С.
1494. Он с любопытством глядел на Аркадия Ивановича,	1494. А.

1495. тот же отвечал ему взглядом очень неприязненным, даже вызывающим и не сделал ни малейшей попытки приподняться со стула.	1495. А., Р., С.
1496. — Это помещик Свидригайлов, — сказал Раскольников. — Тот самый.	1496. Р.
1497. Разумихин тотчас же переменился в лице	1497. А., С.
1498. и воззрился на Аркадия Ивановича с такой свирепостью,	1498. Р.
1499. что в комнате положительно запахло грозой.	1499. Р.
1500. — Вот он, мой истинно счастливый соперник, а вовсе даже не Лужин,	1500. Р.
1501. — обратился Свидригайлов к Родиону Романовичу, не спуская, однако глаз с Дмитрия.	1501. А., С., Г.
1502. — Знаете вы это иль нет? Только ничего у него не получится, я Авдотью Романовну лучше ихнего знаю. Уж коли пообещала, слово назад не возьмет.	1502. С., Р.
1503. Весь набычившись, Разумихин глухим голосом спросил:	1503. А.
1504. — Что он тут у тебя делает? — Хочет, чтоб я его с Дуней свел, десять тысяч ей сулит.	1504. Р.
1505. — Раскольников с любопытством переводил взгляд с одного на другого.	1505. А.
1506. — Я его за то сумасшедшим обозвал.	1506. Р.
1507. — Он не сумасшедший, он подлец! — взревел Дмитрий. — Я его вон вышибу!	1507. С.
1508. И, бросившись на Свидригайлова, стащил его со стула.	1508. А.
1509. Однако дальше дело не пошло. Сколько Разумихин ни пытался сдвинуть Аркадия Ивановича с места и подтащить к двери, ничего не выходило, не взирая на всю медвежью силу студента. Свидригайлов стоял как вкопанный в землю, и плечи его, в которые вцепился Разумихин, твердостью, пожалуй, не уступили бы железу.Раскрасневшийся, с выступившими жилами на лбу, Дмитрий, наконец, опустил руки.	1509. Р.
1510. — Вы может быть на кулачки со мной намереваетесь? — учтиво осведомился Аркадий Иванович.	1510. С.
1511. — Не утруждайте себя. Побить меня можно, но вашей силы, впрочем очень изрядной, на то недостанет. Я ведь в прошлом карточный шулер, и бит неоднократно, так что большой опыт имею. Могу с точностью сказать, что таких молодцов, как вы, для меня понадобится трое, а вот таких, — он кивнул на Родиона Романовича, — человек восемь, если не девять.	1511. Р.
1512. — И вправду здоровый, черт, — пробормотал сконфуженный Разумихин.	1512. С.
1513. Свидригайлов все тем же тоном продолжил: — Ну а коли, будучи представителем образованного сословия, пожелаете разделаться со мной по-благородному, через дуэль, то и этого вам не посоветую.	1513. Г., Р.
1514. Семь лет безвылазно в деревне просидел, насобачился по лесным орехам стрелять, от скуки-то.	1514. Г.
1515. Вот из этого предмета.	1515. Г.
1516. — Он вынул и показал шестизарядный револьвер «лефоше», а затем спрятал обратно в карман.	1516. Г., А.
1517. — Да и что я вам дался? Вы бы лучше Лужина Петра	1517. Р.

Петровича удавили, ведь это ему приз достается, не мне.	
1518. — Послушайте, петухи,	1518. С.
1519. а подите-ка вы оба вон, — сказал Раскольников, поднимаясь с дивана — Надоели.	1519. А., Р.
1520. Да и пора мне.	1520. Г.
1521. Он надел свое пальто-балахон, сняв его с гвоздя	1521. А.
1522. (другой верхней одежды нигде видно не было),	1522. С.
1523. взял с подоконника кусок черного крепа и повязал на рукав.	1523. Г.
1524. — Подите, подите, — повторил он. — Мне на поминки надобно.	1524. Р.
1525. — К раздавленному чиновнику? — проявил неожиданную осведомленность Аркадий Иванович.	1525. Р.
1526. — Я с вами.	1526. Г.
1527. Родион Романович удивился:	1527. Р.
— Вас разве пригласили?	
1528. — Нет. Но желаю оказать несчастной семье посильную помощь.	1528. Г
1529. С полминуты Раскольников испытующе глядел на помещика, словно пытался разгадать, в чем тут каверза.	1529. А., Г.
1530. — Правда поможете? У них совсем плохо. Ни гроша и надежд на улучшение никаких.	1530. Р.
1531. Свидригайлов пожал плечами:	1531. А.
1532. — Деньги-то у меня имеются, не все ль равно на что потратить?	1532. Р.
1533. — Хорошо. Идемте. Прощай, Разумихин.	1533. А.
1534. — Ну уж нет! — вскричал Дмитрий. — Как бы не так!	1534. С.
1535. Черт вас знает, о чем вы промеж собой сговоритесь!	1535. Г., Р.
1536. Так втроем и отправились.	1536. А., Р.
1537. У Мармеладовых готовились к приходу гостей. Всё семейство покойного чиновника, с нынешнего дня нашедшего вечный покой на одном из беднейших городских кладбищ, ютилось в проходной комнате в десять шагов длиной.	1537. Р.
1538. Огромная квартира эта, как и апартамент госпожи Ресслих, вся состояла из длинной анфилады больших и маленьких помещений,	1538. Р.
1539. так что в привилегированном положении среди многочисленных жильцов состоял один лишь господин Лебезятников, который занимал две удаленнейшие от входа комнаты, прочие же обитатели, люди самого скромного пошиба, принуждены были мириться с вечно незапертыми дверьми и хождением посторонних взад и вперед.	1539. Р.
1540. Из всех этих клеток Мармеладовы ютились в наихудшей, располагавшейся сразу у входа и в прошлые, более благополучные времена	1540. Р.
1541. этого Вавилона	1541. Р.
1542. очевидно исполнявшей роль прихожей.	1542. Р.
Вся убогая наружность комнаты просматривалась прямо из	

сеней. Через задний угол была протянута дырявая простыня. За нею, вероятно, помещалась кровать. В самой же комнате было всего только два стула и клеенчатый очень ободранный диван, перед которым стоял старый кухонный сосновый стол, некрашеный и в обычное время ничем не покрытый, но сегодня по случаю	
1543. печального торжества	1543. С.
1544. вдова Катерина Ивановна застелила его простыней и расставила поверху разномастные приборы, которые собрала по всей квартире.	1544. Р.
1545. Это была ужасно похудевшая женщина, тонкая, довольно высокая и стройная, лет тридцати, еще с прекрасными темно-русыми волосами, но с красным чахоточным румянцем на щеках.	1545. Р.
1546. Она и всегда-то была взвинчена, постоянно находясь в некоем клокотании, то и дело выливавшемся в крик, слезы или истерику, но после произошедшего несчастья совсем сделалась не в себе. Поминутно покашливая, она еще больше растравляла больное свое горло,	1546. Р.
1547. ибо не могла молчать и минуты: велела хлопотавшей тут же Соне переставлять с места на место тарелки, вступала в перепалки с проходившими через комнату соседями и покрикивала на детей своих, которые рядком сидели на диване и не сводили глаз со скромного угощения, должно быть, казавшегося им сказочным пиром.	1547. А., Р.
1548. Падчерица поглядывала на Катерину Ивановну с жалостью и страхом,	1548. А., Р., Г.
1549. ибо, зная характер мачехи, уж предчувствовала, что нелепая затея с поминками, на которые ушли все полученные от Раскольникова деньги, добром не закончится.	1549. Г.
1550. — Дура, дура бестолковая! — раздражительно кричала вдова на Соню. — Приборы толком разложить не умеет! В благородных домах вилку кладут вот так, а ложку вот этак, и тут бы еще батистовую салфеточку кувертиком свернуть, да где взять салфетки… Не так, не так, дай я! — тут же отпихивала она девушку костлявым локтем. — Ничего без меня не можешь!	1550. А., Р., С.
1551. Вот умру я, недолго осталось, как ты с сиротками управишься? Братика побираться пустишь, а сестренки, как ты, на панель пойдут?	1551. Р.
1552. Две или три небритые рожи, с предвкушением глядевшие на расставленные по «скатерти» штофы,	1552. Р., С.
1553. радостно загоготали, и гнев Катерины Ивановны обратился на насмешников,	1553. А.
1554. что дало Соне маленькую передышку.	1554. Р.
1555. Пока мачеха бранилась на оскорбителей и грозила, что не позовет их к столу,	1555. Р.
1556. девушка нарезала булки и колбасу, разложила покрасивее ранние кислые яблоки и воткнула в пустую бутылку букетик ромашек.	1556. А., Р.
1557. Нужно было торопиться, уже подступал назначенный час сбора гостей.	1557. Р., А.
1558. А тем временем в приличнейшем и опрятнейшем из отсеков этой весьма неприличной и неопрятной квартиры Андрей	1558. Р.

Семенович Лебезятников развлекал прогрессивным разговором своего временного жильца,	
1559. того самого Петра Петровича Лужина, с которым читатель уже имел удовольствие встречаться. Приехав в Петербург и пока еще не обставив своего будущего семейного гнездышка, Петр Петрович из видов экономии поселился у своего младшего товарища и подопечного, при котором в не столь давние времена состоял опекуном и потому чувствовал себя вправе обременить.	1559. Р.
1560. Андрей Семенович, впрочем, был только рад, поскольку за время, прожитое в столице, успел до предела наполниться прогрессивнейших идей, которыми ему не терпелось впечатлить провинциального знакомца.Итак, Лебезятников (худосочный и золотушный человечек малого роста, где-то служивший и до странности белокурый, с бакенбардами, которыми он очень гордился, и в очочках на подслепых глазках)	1560. Р.
1561. с азартом пересказывал Петру Петровичу	1561. А.
1562. одну из самых новых теорий общественного устройства, согласно которой выходило, что все люди абсолютно между собою равны и потому каждый из них в отдельности никакой особой самоценности не имеет, зато взятое вместе как биологический вид человечество может сотворить на земле подлинные чудеса.В качестве научного примера Андрей Семенович принялся описывать в высшей степени разумную и согласованную жизнь муравьев в муравейнике, причем ушел в зоологические подробности,	1562. Р.
1563. делавшие честь если не его уму, то его начитанности.	1563. С.
1564. Лужин, впрочем, молодого человека не слушал. Он досчитывал на столе купюры из пачки, полученной в банке, и тихонько напевал под нос.	1564. А., Р.
1565. Петру Петровичу только что, с час назад, сделалась известна, от того же Андрея Семеновича, история мармеладовского семейства. Повествование о гибели пропившегося чиновника Лужин слушал вполуха, равно как и рассказ о его дочери, пошедшей в проститутки, чтобы содержать семью	1565. Р.
1566. (в Соне Лебезятников видел прообраз свободной от предрассудков женщины будущего).	1566. Р.
1567. Но когда молодой человек упомянул фамилию бедного студента, на чье пожертвование вдова устроила и похороны, и поминки,	1567. Р.
1568. Петр Петрович вздрогнул	1568. А.
1569. и далее слушал очень-очень внимательно, да еще и вопросов назадавал, причем особенно интересовался, хороша ли собою желтобилетная девица и точно ли студент отдал ей все свои скудные средства.	1569. Р.
1570. — Это он в нее врезался, в гулящую-то,	1570. Р., С.
1571. — пробормотал Лужин, как-то по-особенному улыбнувшись.	1571. А., С.
1572. — До чего славно совпало-то… Ну-ну, поглядим-с.	1572. Г.
1573. И с того момента настроение у него делалось всё лучше и лучше, так что со временем, как уже было сказано, он даже принялся тихонько напевать.	1573. Р.

1574. Досчитав деньги и отложив пачку чуть в сторону,	1574. А.
1575. Петр Петрович прервал болтовню Лебезятникова:	1575. Р.
— Послушайте, Андрей Семенович. У меня всё нейдет из головы история несчастных ваших соседей. Там ведь полная нищета? И за жилье, поди, платить нечем?	
— Нищета полнейшая, и не то что за жилье, а пропитаться завтра не на что.	
1576. А все же, потакая филистерской морали, ради соблюдения глупейшего обычая, тратят последние копейки на…	1576. Р., С.
1577. — Э, э, остановитесь. — Лужин поморщился.	1577. А., С.
— Лучше попросите-ка сюда эту магдалину, как бишь ее. Я желаю с ней поговорить.	
1578. Минут через пять Лебезятников возвратился с Сонечкой.	1578. А., С.
1579. Всё это время Петр Петрович простоял у окна, сцепив пальцы за спиною и громко похрустывая суставами.	1579. А., С.
1580. Гостью он встретил ласково и вежливо,	1580. Р.
1581. впрочем с некоторым оттенком какой-то веселой фамильярности, приличной, по мнению Петра Петровича, такому почтенному и солидному человеку, как он, в отношении такого юного и в некотором смысле интересного существа.	1581. Р.
1582. Он посадил ее за стол напротив себя. Соня села, посмотрела кругом	1582. А.
1583. — на Лебезятникова, на деньги, лежавшие на столе.	1583. Р.
1584. — Случилось мне вчера, мимоходом, перекинуть слова два с несчастною Катериной Ивановной.	1584. Р.
1585. — Лужин скорбно потупился	1585. А.
1586. и сообщил Соне как некое открытие.	1586. С.
— Больна-с. И весьма.	
1587. А кроме того и в умственном смысле там очень и очень неблагополучно…	1587. Р.
1588. — Да, неблагополучно, — поспешила согласиться Мармеладова,	1588. С.
1589. очень робея этого важного господина.	1589. Р.
1590. Петр Петрович принял еще более солидный вид, хотя казалось бы уже и некуда,	1590. Р., С.
1591. со значением оглянулся на Лебезятникова и молвил:	1591. А., С.,
1592. — Благоволите принять, для интересов вашей родственницы, на первый случай, посильную сумму лично от меня. Однако же имени моего при сем прошу не упоминать…	Г. 1592. Г.
1593. Он взял из пачки десятирублевый кредитный билет и протянул Соне.	1593. Р.
1594. Та вспыхнула,	1594. С.
1595. вскочила и залепетала:	1595. А.
1596. — Да, хорошо-с, Бог вас за это-с…	1596. Р.
1597. А не пожалуете ли к нам на блины? Катерина Ивановна была бы…	1597. А., С.
1598. — Благодарю за милейший зов, но принужден манкировать. За множеством неотложных дел. И вообще-с, не смею долее задерживать.	1598. Р.
1599. Он тоже поднялся,	1599. А.
1600. с самым дружественным видом взял Соню под руку	1600. Р.
1601. и проводил до дверей, напоследок уже совершенно по-	1601. А., С.

отечески приобняв	
1602. и сказав на прощанье:	1602. Р.
— Бог милостив, сударыня. Как-нибудь образуется.	
1603. Во всё время этой сцены Андрей Семенович стоял у окна, как бы поглядывая в сторону, но и прислушиваясь к разговору.	1603. Р.
1604. Теперь же он подошел к Петру Петровичу и торжественно пожал ему руку.	1604. А., С.
1605. — Я всё слышал и всё видел! Это гуманно! Особенно ваше желание избежать благодарности!	1605. Р.
1606. И хотя я не могу, по принципу, сочувствовать частной благотворительности, ибо она, не искореняя общественного зла, лишь…	1606. Р.
1607. — Э, всё вздор, — досадливо остановил его Лужин.	1607. С.
1608. — А вы бы чем языком молоть, лучше сходили бы, наведались к вдовице. А то подумают, что	1608. А.
1609. мы с вами нос дерем, нехорошо-с.	1609. Р.
1610. У меня и вправду дела, — он кивнул на кредитки, — а вам всё равно заняться нечем.	1610. Р.
1611. — Я схожу, я непременно схожу. Я, собственно, и собирался…	1611. А.
Лебезятников и в самом деле прямиком направился к выходу.	
1612. — Единственно желаю попросить, — сказал ему вслед Петр Петрович. — Там обязательно явится студент этот, что в магдалину-то втрескался и все свои деньжонки ей вручил…	1612. А., Г.
1613. — Он, может, не из-за того, а просто по человечности, — попробовал заступиться за Раскольникова Андрей Семенович,	1613. Р.
1614. но Лужин лишь рассмеялся.	1614. А., С.
1615. — Именно что по человечности. Вот по этакой, — сделал он жест, мало того что непристойный, но еще и преудивительный в исполнении столь почтенного джентльмена.	1615. А., С.
1616. — Вы не перебивайте. Как явится студент Раскольников, вы тихонечко выскользните ко мне сюда и дайте знать.	1616. Г.
— Зачем? — удивился Лебезятников.	
1617. — Это же брат моей невесты Авдотьи Романовны,	1617. Г. .
1618. — как ни в чем не бывало сообщил ему Петр Петрович.	1618. С.
1619. — Она ведь Раскольникова, разве я не упоминал?	1619. Р.
1620. Только вы брату ее отнюдь про меня не сказывайте. Желалось бы сюрпризец сделать, родственный…	1620. Г.
1621. Когда Раскольников и два его спутника вошли в квартиру на Садовой, поминки уже не только начались, но и были в разгаре.	1621. А., Р.
1622. Он, впрочем, очень быстро наступил, разгар, потому что среди многочисленных мармеладовских соседей большинство имели природную склонность к горячительным напиткам и сразу же очень споро взялись за стаканы.	1622. Р.
1623. Первые минут пять Катерина Ивановна до некоторой степени еще владела общим вниманием, успев рассказать публике о заслугах покойного	1623. Р.
1624. (ею всецело нафантазированных).	1624. С.
1625. Однако когда вслед за тем вдова свернула на любимую свою тему — о том, как богато и чисто она проживала в девичестве у папеньки, и как танцевала танец с шалью в	1625. Р.

присутствии губернатора, и как к ней сватался князь,	
1626. потихоньку поднялся нестройный шум, гости зашевелились, оживились и слушать перестали.	1626. Р., С.
1627. Катерина Ивановна попробовала повысить голос, но лишь сорвалась в кашель, впала от этого во всегдашнее свое раздражение и начала довольно обидным образом пикироваться с немкой, хозяйкой квартиры,	1627. Р.
1628. чего делать ни в коем случае не следовало, ибо за жилье давно было неуплачено.	1628. С.
1629. И самих-то этих бестолковых поминок устраивать было ни к чему, уже в самом начале вечера почувствовалось, что ничем хорошим они не закончатся.	1629. Р., С.
1630. Появление Родиона Романовича, который извинился, что привел с собою двоих незваных гостей, на время отвлекло Катерину Ивановну от затевавшейся перебранки.	1630. А., Р.
1631. Она обняла своего благодетеля, посадила его рядом с падчерицей	1631. А., С.
1632. (та, и без того сидевшая тише мыши, теперь вовсе окоченела, залилась краской и очень старалась на Раскольникова не глядеть),	1632. А., С.
1633. Разумихина и Свидригайлова тоже поместила на почетные места,	1633. Р.
1634. особенно последнего, который был бон-тонно одет и,	1634. Р.
1635. по замыслу вдовы, мог облагородить своим видом собрание.	1635. Р.
1636. Никто не заметил, как тихонько удалился Лебезятников,	1636. А., С., Г.
1637. но зато пропустить момент, когда в комнату вошел, а точнее вшествовал Петр Петрович Лужин, не смог бы никто.	1637. А., С.
1638. Створки двери хлопнули, широко распахнувшись, и на пороге возникла	1638. А.
1639. эффектная, осанистая фигура в светлом сюртуке.	1639. Р.
1640. Строгим, даже суровым взглядом оглядев пирующих, которые поневоле притихли,	1640. А., С.
Лужин коротко кивнул Раскольникову с Разумихиным	
1641. (те оба не ответили),	1641. С.
1642. почтительно поклонился вдове, но направился не к ней, а к ее падчерице.	1642. А., Р.
1643. — Извините, что я, может быть, прерываю, но дело довольно важное-с, — заметил Петр Петрович	1643. Г.
1644. как бы вообще и не обращаясь ни к кому в особенности.	1644. Р., С.
1645. — Я даже и рад при публике. Тут случай чернейшей неблагодарности и даже цинизма!	1645. Г.
1646. — Я вас не пойму, сударь, — растерялась Катерина Ивановна. — Не угодно ли сесть за стол!	1646. А.
1647. — Не угодно! — отрезал Лужин	1647. С.
1648. и отнесся прямо к чрезвычайно удивленной и уже заранее испуганной Соне. —	1648. А., Г.
1649. Софья… кажется, Ивановна?	1649. Р., С.
— Семеновна, — прошептала та, предчувствуя, что надвигается нечто ужасное.	
1650. - Пускай Семеновна. —	1650. С.
1651. Он наклонился над нею, взгляд его был полон величавого	1651. А., С.

презрения.	
1652. — Со стола моего только что, не далее получаса назад, пропал государственный кредитный билет сторублевого достоинства.	1652. Г.
1653. Кроме меня и моего молодого друга Андрея Семеновича, к которому я имею полное доверие, в комнату заходили только вы.	1653. Р.
1654. Если вернете взятое, дело только тем и кончится. В противном же случае…	1654. А.
1655. пеняйте уж на себя-с!	1655. Р.
1656. В первые несколько мгновений после этого поразительного объявления вокруг стало очень тихо. Лишь мертво побледнела Соня, да приподнялся со стула Родион Романович. Он, впрочем, попробовал что-то и сказать, но тут заговорили и зашумели все разом, так что слова его были заглушены. Раскольников снова сел.	1656. А.,С.
1657. — Врешь, врешь, подлец! — надрывно кричала Катерина Ивановна. — Никогда дочь благородных родителей не опустится до кражи! Это Соня-то? Подлец, подлец!	1657. А., Р., С.
1658. Мнения среди гостей разделились. Некоторые, из числа уже хорошо подкрепившихся, были рады развлечению и в открытую скалили зубы.	1658. Р., А.
1659. Лебезятников застыл у двери с разинутым ртом.	1659. С., Г.
1660. Очень хорош был Петр Петрович. Он стоял в эффектной позе, сложив руки на груди, и взирал на воровку с благородным, то есть сдержанным негодованием.	1660. Р., С.
1661. Если бы кто-то догадался в этот момент обвести взглядом лица Раскольникова, Разумихина и Свидригайлова, то был бы поражен одинаковым выражением ненависти, с которой эти трое взирали на обвинителя. Однако никаких действий (если не считать попытки Родиона Романовича) пока не предпринимали.	1661. Р.
1662. — Тише! — вдруг гаркнул Лужин громовым голосом, да еще стукнул ладонью по столу.	1662. А., С.
1663. — Иль послать за квартальным?	1663. А., Г.
1664. По различным причинам визит полиции для многих из гостей был бы нежелателен,	1664. Р.
1665. что Петр Петрович, человек острого ума, отлично угадал.	1665. С., Р.
1666. Сделалось более или менее тихо, лишь давилась кашлем Катерина Ивановна да всхлипывали в своем углу перепуганные дети.	1666. А., С.
1667. — Мадемуазель, — вновь обратился Лужин к девушке, — подумайте, еще есть время.	1667. А.
1668. Я в присутствии свидетеля выдал вам воспомоществование в размере десяти рублей. Так?— Так,	1668. Р.
1669. — беззвучно произнесли ее губы.	1669. С.
1670. — Как же у вас хватило совести после сего похитить у меня деньги? — Петр Петрович скорбно покачал головой.	1670. А., С.
1671. — Есть ли предел глубинам человеческого падения?	1671. Р.
1672. Собрав все свои силы, Соня чуть громче, чем прежде, сказала:	1672. А., С.
1673. — Я не брала-с.	1673. Г.
1674. — Не брали-с? Отлично!	1674. С.
1675. — Лужин царственным жестом указал на Катерину	1675. А.

Ивановну.	
1676. — Вот вы, сударыня, только что посмели обозвать меня бранным словом.	1676. Р.
1677. Могу ли я попросить вас вывернуть карманы на платье вашей родственницы?	1677. А., Г.
1678. Но Катерина Ивановна не могла ему ответить, ее согнуло в три погибели от кашля, и на платке, которым она прикрывала губы, отчетливо проступили красные пятна.	1678. Р.
1679. — Я сама… Сама!	1679. С.
1680. — Соня вскочила, отступила шага на два к стене и один за другим выворотила оба свои кармана.	1680. А.
1681. — Вот, смотрите!	1681. С.
1682. И все увидели, как на пол падают сначала сложенный холщовый платочек, а за ним скомканная радужная бумажка.	1682. Р.
1683. Тут многие вскрикнули.	1683. С., А.
1684. Петр Петрович нагнулся, взял бумажку двумя пальцами, поднял всем на вид и развернул. Это точно был сторублевый билет.	1684. А., Р.
1685. — Ах, Софья Семеновна, — горько произнес Лужин, глядя, однако, не на девушку, а на Раскольникова, прямо ему в глаза.	1685. А., Г.
1686. — Жалкое, скверное вы существо. Да знаете ли вы, что теперь совершенно в моей власти поступить с вами, как мне будет угодно? Хоть бы и сослать вас в каторгу, потому что	1686. А., С.
1687. желтобилетным воровкам место именно в каторге, а не среди приличных людей-с…	1687. Р.
1688. Соня, кажется, его не слышала. Остановившимся от ужаса взглядом она смотрела на выпавшую из ее кармана купюру.	1688. С., Г.
1689. — А-а, вот оно что!	1689. С.
1690. — закричал вдруг Родион Романович, порывисто поднимаясь.	1690. А.
1691. — Софья Семеновна здесь средство, не более!	1691. Г.
1692. Подлец, как есть подлец!	1692. С.
1693. До меня добираешься?	1693. Г.
1694. Психолог!	1694. С.
1695. Чтоб я перед тобой унизился, чтоб за нее просил, да? А ты надо мной раз и навсегда верх взял?	1695. Г.
1696. Он кричал и еще что-то столь же мало внятное большинству окружающих,	1696. А., Р.
1697. но Петр Петрович, услышав на свой счет «подлеца», с презрительной улыбкой отвернулся.	1697. А., С.
1698. — Так что, квартального? — сурово спросил он Соню. — Это можно-с. —	1698. С.
1699. И внезапно сменил тон, заговорил проникновенно, почти со слезным дрожанием.	1699. С.
1700. — Эх, Софья Семеновна. Что ж вы не захотели сознаться? Позора убоялись? Дело понятное-с, очень понятное-с. А теперь худо.	1700. Г. 1701. Г.
1701. Да не стойте вы! На колени, на колени падите, повинитесь! Быть может, я вас и прощу, сердце-то у меня не камень. Единственно лишь раскаяние искреннее увидеть хочу. Пойдете ведь по этапу, и что же ваши несчастные родственники	

без вас? С голоду помрут?	
1702. От этого вопроса Мармеладова вся затрепетала, закрыла лицо руками.	1702. А., С.
1703. Тут у Разумихина терпение кончилось.	1703. А. ,Р.
1704. Он с грохотом, опрокинув стул, встал и кинул Петру Петровичу уже третьего за последние пять минут «подлеца».	1704. А.
1705. — А ведь это ты, подлец, ей в карман бумажку всунул! Как-нибудь исхитрился! Я не могу доказать, но я сердцем чувствую.	1705. Г.
1706. — Чувства ваши никому неинтересны, — пожал плечом Лужин.	1706. А., С.
1707. — А фактец вот-с.	1707. Г.
1708. — Он потряс кредитным билетом.	1708. А.
1709. — И свидетелей полна комната. Так что, Софья Семеновна, скажете?	1709. Г.
1710. А посмотрел при том опять-таки не на нее, а на Раскольникова, и уж с почти нескрываемым торжеством.	1710. А., С.
1711. Соня, не отнимая от лица рук, вдруг повалилась Петру Петровичу в ноги:	1711. А., С.
— Простите, — прорыдала она. — Ради них простите!	
1712. — Вот вам и еще одно доказательство, чувствительный господин. Сама созналась! — Лужин кинул взгляд сверху на Сонин затылок.	1712. С.
1713. — Простить бы, конечно, можно, так и христианский долг рекомендует,	1713. Р.
1714. но…	1714. С.
1715. Есть еще и долг гражданский, повелевающий заботиться, так сказать, о чистоте общественных рядов.	1715. Р.
1716. Или, скажем, ежели бы я в самом деле был подлец, как меня тут аттестовали…	1716. С., Г.
1717. Так что, Родион Романович, подлец я или нет? — обратился он уже напрямую, не скрываясь, к Раскольникову. — Нынче вы как меня расцениваете-с? Давеча вы были говорливы. А теперь ничего сказать не желаете?	1717. Г., А.
1718. Родион Романович молчал. Грудь его вздымалась, глаза метали искры, он сделал порывистое движение, как бы намереваясь выбежать вон, но посмотрел на коленопреклоненную Соню и не смог тронуться с места.	1718. А., С.
1719. Возникла пауза. Множество взглядов было устремлено на студента, все как-то почувствовали, что именно от него зависит исход дела.	1719. Р., Г.
1720. Мучительная гримаса исказила лицо Раскольникова, он вдруг стал белее мела, повернулся к Петру Петровичу и зажмурил глаза.	1720. А., С.
Бог весть, что случилось бы в следующую минуту, если б	
1721. тишину вдруг не нарушил	1721. А.
1722. спокойный голос Свидригайлова, до той поры никакого участия в перепалке не принимавшего, а лишь с интересом наблюдавшего за событиями.	1722. Р.
1723. — Родион Романович сказать ничего не имеет, — врастяжку произнес Аркадий Иванович,	1723. Р., С.
1724. — зато вон тот господин, судя по его виду, может	1724. Г.

сообщить нам нечто любопытное.	
1725. Он показал на Лебезятникова,	1725. А., Р.
1726. по-прежнему торчавшего у двери, и все увидели, что тот стоит сам не свой. Очки так и прыгали на его куцоватом носу, губы пошлепывали, подбородок дрожал.	1726. Р.
1727. — Говорите-говорите, я давно за вами приглядываю. Вы ведь и есть «молодой друг», который также был на месте предполагаемой кражи?	1727. Г.
1728. Лужин, как и все, оглянувшийся на Андрея Семеновича, нахмурился — ему очень не понравилось выражение лебезятниковского лица.	1728. А., С.
1729. — Вряд ли господин Лебезятников мог что-то видеть, у него слабое зрение,	1729. Р., Г.
1730. к тому же… — поспешно заговорил было Петр Петрович, но недокончил.	1730. А., С.
1731. Лебезятников, нервически сглотнув, пробормотал:	1731. А., С.
1732. — Да, я видел, видел…	1732. Г.
1733. И, признаться, я в совершенном потрясении…	1733. Р.
1734. Но… зачем?!	1734. Г., С.
Вопрос этот был обращен к Лужину, и хотя ничего еще не разъяснилось, один тон, которым Андрей Семенович произнес это коротенькое слово, разом всё переменил.	
1735. — Ага, подсунул-таки! Я говорил, говорил! — взревел Разумихин.	1735. Г., С.
1736. — Ну же, не мямлите вы! — налетел он на Лебезятникова. — Говорите, подсунул?	1736. С.
1737. Сотрясаемый мощными руками Дмитрия, тот едва подхватил очки.	1737. А.
1738. — Я полагал, он из деликатности… Не желая смущать… Явно дал немного, а потихоньку в карман целую сотенную… Но мог ли я…	1738. Г.
1739. — А-а-а, скотина, ну сейчас я с тобой без церемоний!	1739. С.
1740. — Дмитрий оставил Андрея Семеновича и, сжав кулаки, кинулся к Лужину.	1740. А., С.
1741. — За всё разом!	1741. С.
1742. Величавость и неспешность манер, во всякое время свойственная Петру Петровичу, вмиг его оставила.	1742. С.
1743. Проворно развернувшись, недавний обличитель преловко уклонился от оплеухи, оттолкнул Лебезятникова и бросился вглубь квартиры.	1743. А.
1744. — Ату его! Держи! — завопили гости, очень довольные оживленным оборотом, какой принимало дело, и многие побежали вдогонку за Петром Петровичем.	1744. А., С.
1745. Но тот не оплошал. Стрелой пролетев через анфиладу, заскочил к себе в комнаты и заперся.	1745. А.
Преследователи сколько-то потолкались, погрохотали, но	
1746. створки были крепкие, дубовые, да и хозяйка квартиры воспротивилась порче имущества,	1746. Р.
1747. поэтому минут через пять все потянулись обратно, отметить	1747. А.
1748. торжество правды над клеветой.	1748. Р.
1749. Ни Соня, ни ее заступники, ни Катерина Ивановна в	1749. Р.

погоне не участвовали.	
1750. Когда в комнате стало почти пусто,	1750. Р.
1751. вдова помогла падчерице подняться, обняла и со слезами воскликнула:— Сызнова! Сызнова ради нас	1751. А., С.
1752. на крест пошла!	1752. Р.
Камень мы у тебя на шейке!	
1753. Соня же совсем не плакала и даже казалась удивительно спокойною, будто всё разрешилось именно так, как и должно было разрешиться.	1753. Р., С.
1754. — Благодарю вас, Андрей Семенович, — поклонилась она Лебезятникову. — И вас, Родион Романович. И вас, — это уже Разумихину. — А более всего, сударь, вас, ибо без вас не знаю, что и вышло бы.	1754. А.
1755. — Это совершенная правда, — пробормотал Лебезятников. — Если б они меня прямо не призвали, я бы, может, и не решился бы. Очень уж потерян был…	1755. Р.
1756. Свидригайлов учтиво наклонил голову.	1756. А.
1757. — Пустое, мадемуазель. Это мне было совсем нетрудно, и даже, наоборот, очень приятно. Рад также случаю, хоть и печальному, познакомиться со всем вашим семейством, которое, не знаю отчего, чрезвычайно мне симпатично. Известно ли вам, Софья Семеновна, что я довожусь соседом вашим по квартире мадам Ресслих?	1757. Р.
1758. Мармеладова вздрогнула и словно бы втянула голову в плечи,	1758. А., С.
1759. в ее взгляде появилось что-то молящее, будто она просила не продолжать.	1759. Р., С
1760. Но Аркадий Иванович продолжил:	1760. А.
1761. — Да. Осведомлен и о вашей истории, и о предложении, которое поступило вам от Гертруды Карловны…	1761. Р.
1762. Так вот, ничего этого не нужно.	1762. Г.
1763. Я человек с состоянием. Куда тратить его, сам не знаю. Ежели вы приняли от малопочтенного господина Лужина десять рублей воспомоществования, то, надеюсь, не откажете и мне.	1763. Р.
1764. Вас надобно в больницу, на хороший уход, — обратился он к Катерине Ивановне. — Это я обеспечу. А что до деток ваших, то их берусь определить в заведение для сирот дворянского звания и плату внесу вперед. Будут сыты, одеты и обуты. Вам же, мадемуазель, если пожелаете, помогу избавиться от желтого билета. Имею знакомства, только и надо, что одну записочку написать. Выделю также средства для начала независимой жизни…	1764. Р.
1765. — Благодарю, но этого уж не нужно! — всплеснула руками Соня, не верящая такому счастию.	1765. А., С.
1766. — Сама я себя как-нибудь прокормлю, лишь бы они были пристроены!	1766. Р.
1767. — Дети, дети! — возопила и Катерина Ивановна. — Ступайте сюда! Целуйте руку тому, кого послало само Провидение!	1767. А., С.
1768. Здесь как раз вернулись преследователи посрамленного Петра Петровича	1768. А.
1769. и были изрядно удивлены открывшейся их взорам	1769. Р.

картиной. Свидригайлов с досадливой миной стоял, со всех сторон облепленный мармеладовскими детишками, послушно чмокавшими его пальцы; Катерина Ивановна воздевала руки к потолку, Соня же держалась чуть в стороне и улыбалась всегдашней своею робкой, забитой улыбкой.	
1770. — Пойдем отсюда, — зашептал приятелю Разумихин, несколько задетый тем, что его участие в деле было столь мало отмечено, хотя именно он первым закричал про подсунутую купюру.	1770. А., С.
1771. — Неужто ты не видишь? Помещик не ради сирот старается, у него своя цель! Чтоб ты всю эту сцену после Авдотье Романовне пересказал, вот чего он хочет!	1771. Р.
1772. — Да ну тебя, — оттолкнул его Родион Романович и шагнул к Свидригайлову.	1772. А, С.
1773. — Я… я хочу от себя вас поблагодарить, — тихо сказал он. — Ведь если бы не вы, я бы перед этим мерзавцем тоже на колени встал… Или убил бы, сам не знаю… Ну и за Мармеладовых, конечно, тоже. Вы, быть может, сумасшедший, но это пускай.	1773. Р.
1774. Аркадий Иванович ответил странно, да еще подмигнув: — Совсем напротив, это я вас должен поблагодарить, что привели меня сюда. Тут, пожалуй, кредитец можно взять, на выгоднейших условиях.	1774. Р., Г.
1775. Вид у него и в самом деле был ужасно довольный.	1775. Р.
1776. Э, брат, ты и вправду не в себе, прочлось во взгляде Раскольникова, а все же студент протянул помещику руку и крепко сжал.	1776. Р.
1777. — Да чтоб вам всем… — застонал от этой	1777. А., С.
1778. во всех отношениях умилительной сцены	1778. Р.
1779. Дмитрий и бросился вон.	1779. А.
1780. Уже в дверях он услышал ликующий голос	1780. А.
1781. Катерины Ивановны, обращавшейся к гостям и квартирной хозяйке: — Ну что, нахлебники? Ишь, к столу-то кинулись. Ешьте, пейте! Мои дети будут в дворянском заведении учиться! Слыхала ты,	1781. Р.
1782. колбаса немецкая?	1782. С.
1783. Ноги сами вынесли Дмитрия	1783. А., С.
1784. за угол, на Вознесенский проспект,	1784. Р.
1785. и уже через несколько минут он стоял перед домом, где остановились мать и сестра Раскольникова.	1785. А., Р.
1786. Колебания, входить или нет, длились дольше, чем самое дорога,	1786. С.
1787. однако в конце концов Разумихин решился. Не просто же он заглянет, безо всякого дела — ему есть, что рассказать, и даже очень есть.	1787. Р.
1788. Авдотья Романовна открыла ему сама, и	1788. А., Р.
1789. при виде ее Дмитрий, как всегда, стушевался.	1789. С.
1790. От встречи к встрече он успевал подзабыть, до чего она красива, то есть не то чтобы подзабыть (он очень хорошо это помнил), но все-таки настоящая Авдотья Романовна каждый раз оказывалась еще лучше.	1790. Р.

1791. — Вы? — радостно улыбнулась она. — Заходите.	1791. А., С.
1792. Маменьки только нет, она вышла чаю купить.	1792. Р.
1793. — Жалко…	1793. С.
Разумихину, действительно, хотелось рассказать про лужинскую подлость именно при старушке Раскольниковой, он догадывался, что может найти в ней союзницу.	
1794. Но, с другой стороны, побыть наедине с Дуней	1794. А.
1795. (да, да — мысленно он уже называл девушку только так)	1795. Р., С.
1796. было нежданным подарком и даже счастьем.	1796. Р., С.
1797. — Или случилось что-нибудь? Что-нибудь с Родей? — изменилась в лице Дуня, заметив, как бычится и пыхтит Разумихин. — Мы с ним так скверно давеча расстались…	1797. А., Г.
1798. Она остановилась, не докончив, — так странно глядел на нее Дмитрий.	1798. Г., Р.
1799. — Погубите, —	1799. Г.
1800. быстро сказал тот хриплым голосом	1800. А.
1801. ни к селу, ни к городу.	1801. Р., С.
1802. Меня-то ладно, невелика птица, не жалко. Себя погубите. Нельзя вам за такого замуж. Лучше за меня выходите, честное слово…	1802. Г.
1803. Выпалил и умолк. Лицо мучительно побагровело.	1803. А., С.
1804. Авдотья Романовна глядела на него с удивлением — может быть, решила, что ослышалась. Оно бы и неудивительно, поскольку	1804. А., С.
1805. краткая речь Разумихина была маловразумительна и невнятна.	1805. Р.
1806. Сообразив это, он принялся рассказывать про лужинскую гнусность с подсунутым билетом, про трусливое бегство Петра Петровича. В отличие от предшествующей тирады, сообщение это было толковым и почти точным,	1806. Р., С.
1807. лишь о роли Свидригайлова (да и о самом Аркадии Ивановиче) Дмитрий не упомянул, но это, пожалуй, учитывая его чувства, даже и извинительно.	1807. Р., С.
1808. Слушая, Дуня становилась всё бледнее, высокий лоб ее пересекла страдальческая морщинка, на глазах заблестели слезинки, но ни одна не пролилась.	1808. А., С.
1809. — Неужто ж за этакого замуж выходить? — закончил Разумихин, не сомневаясь, что после случившегося вопрос этот чисто риторический.	1809. А., Р.
1810. — Его прибить надо, как собаку, и я непременно это сделаю.	1810. Р., С.
1811. Он хотел повторить свое предложение сердца и руки, впрочем, сорвавшееся у него в тот раз экспромтом, безо всякого плану, однако теперь не хватило смелости.	1811. Р.
1812. Авдотья Романовна долго молчала.	1812. А.
А потом вдруг молвила:	
1813. — Так он подлец… Это ужасно. Я подозревала, что он человек нетонкий и нечуткий, но полагала, что это из-за практичности натуры. Он казался мне во всяком случае человеком порядочным…	1813. Р.
1814. Я пропала!	1814. С.
1815. И тут только слезинки сорвались из переполненных	1815. А.

влагою глаз.	
1816. — Да отчего же пропали? — ахнул Дмитрий. — Отказать ему, и дело с концом. Вы, может, не желаете лично? И не нужно. Напишите записку, два слова, и я сам доставлю. Бить его не буду, пальцем не коснусь, если прикажете.	1816. Р., С.
1817. — Я честное слово дала, что буду его женой, — твердо ответила Дуня. — И взять слово назад невластна. У меня кроме чести ничего нет.	1817. Р., С.
1818. Ежели я от честного своего слова отступлюсь, что ж от меня останется?	1818. Р.
1819. Он глядел на нее, как на сумасшедшую.	1819. А., С.
1820. — Что у вас за порода такая, раскольниковская?! Себя убьет, меня,	1820. Р.
1821. и все из-за гонора!	1821. Р., С.
1822. — Вы второй раз это говорите — про себя, что я вас убью, —	1822. Р.
1823. всхлипнула Авдотья Романовна, но больше уже не плакала.	1823. А.
1824. — А еще мне послышалось…	1824. Р., С.
1825. — Не послышалось! Не послышалось! — Дмитрий осмелел. — Люблю вас, черт, ужасно люблю! А вы мне сердце разрываете… Да плевать на мое сердце, не в нем дело! Вы о себе подумайте!	1825. Р.
1826. Как с Лужином под венцом стоять, как с ним…	1826. С.
Он не мог договорить, из груди его вырвалось рычание.	
1827. Передернулась и Дуня.	1827. А., С.
1828. — Я вот что сделаю, Дмитрий Прокофьевич. Я объяснюсь с ним, завтра же. Скажу ему прямо, что не уважаю, что презираю его, что жить с такою женой ему будет немыслимо.	1828. Р.
1829. И попрошу…	1829. С.
1830. потребую, чтоб он освободил меня от слова. Он не сможет отказать.	1830. Р.
1831. А когда с этим будет покончено, тогда мы договорим про ваше сердце, ибо мне совсем на него не наплевать.	1831. Р., С.
1832. Сквозь еще не просохшие слезы блеснул отсвет лукавой улыбки,	1832. Р.
1833. но даже это Разумихина не утешило.	1833. Р.
— Ну а ежели он вас не отпустит, тогда что?! И он ни за что вас не отпустит,	
1834. ведь он не идиот, а всего лишь подлец!	1834. Р.
1835. Кто ж в здравом уме вас отпустит?	1835. Р., С.
1836. — Значит, воля Божья, — молвила на это Авдотья Романовна, и ясно было, что тут ее не сдвинешь.	1836. А., С.
1837. Охваченный отчаяньем, Дмитрий хватил себя кулаком в лоб и чуть не с рыданием бросился вон.	1837. А., С.
1838. Куда теперь бежать и что делать, он решительно не знал, а между тем кипучая его натура требовала какого-то немедленного действия.	1838. Р., С.
1839. Разумихин, как пьяный, потоптался на тротуаре, качнулся в одну сторону, в другую	1839. А.
1840. и вдруг надумал.	1840. Р.
1841. Сначала быстрым шагом, потом бегом двинулся по	1841. А.

направлению к Офицерской.	
1842. — Ну хорошо-с, хорошо-с, — повторил Порфирий Петрович уже Бог знает в который раз.	1842. А.
1843. — Студент наш так или иначе причастен ко всем трем жертвам, это установлено. Однако остается неразрешимым логический парадокс. Мы с вами оба уверены, что все три убийства совершены одной рукой, так-с?	1843. Г.
1844. — Так, — обреченно кивнул Заметов, ибо уже знал, что последует дальше.	1844. Р.
1845. — А между тем на третий случай, с госпожой Зигель, у нашего Родиона Романовича неприступнейшее alibi.	1845. Г.
1846. Не подозреваем же мы с вами Авдотью Раскольникову в пособничестве? Я справки навел, достойнейшего поведения барышня.	1846. Р.
1847. — Не подозреваем, — вздохнул Александр Григорьевич,	1847. А., С.
1848. вынужденный признать, что его открытие насчет связи Раскольникова с «девушкой» убитой Дарьи Францевны, ради чего он несся на Офицерскую сломя голову, ничем не продвигает расследования.	1848. Р.
1849. — А если все-таки, не один? — спросил он — после нескольких минут молчания. — Если преступников двое?	1849. Г.
1850. Предположим, Раскольников убил процентщицу и стряпчего, а его какой-нибудь товарищ — сводню? Может, у них общество какое-нибудь, кровопийц истреблять — ради общественного блага или чего-то в этом роде?	1850. Г..
1851. Порфирий Петрович тускло ответил:	1851. А., С.
1852. — Навряд ли-с.	1852. Г.
Ежели Родион наш Романович себя в необыкновенные зачислил, то их ведь, необыкновенных-то, много не бывает-с, они поштучно обитают и	
1853. в стаи не сбиваются.	1853. Р.
1854. Беседа опять умолкла. В высокие окна кабинета проникал унылый свет полуживого петербургского солнца — время шло к вечеру.	1854. А.
В этот-то безрадостный момент и	
1855. явился встрепанный, с воспаленным взором Разумихин.	1855. А., Р.,
1856. — Сидите? — сказал он, входя без стука и плюхаясь на диван.	С. 1856. А.
1857. — Всё измышляете, как злодея поймать?	1857. Р.
1858. Топором по голове тварь какую-нибудь тюкнуть — это не штука, это, может, и не злодейство вовсе.	1858. Р.
1859. Вот я тебе, Порфирий, про настоящего злодея расскажу, которого по справедливости надо бы на кол посадить или, на китайский манер, в тысячу кусков порезать. Только не будет ему ничего, потому что на таких управы нет.	1859. Р.
1860. И он, уже во второй раз, принялся с жаром рассказывать про гнусный поступок Лужина.	1860. А., С.
1861. Надворный советник слушал родственника не перебивая	1861. А., С.
1862. — видно было, что Дмитрию очень хочется выговориться.	1862. Р.
1863. — Отчего же-с, — задумчиво прищурился пристав, дослушав. — Привлечь этого господина к ответу очень даже	1863. Р., А.

возможно-с, тем более многочисленные свидетели. Наказания, правда, сурового законом за этакие пакости не предусмотрено, однако консистория может наложить нравственно-исправительную меру в виде церковного покаяния.	
1864. Разумихин только плюнул.	1864. А., С.
1865. — Однако вижу я, что ты на себя не похож и сильно чем-то расстроен, — продолжил Порфирий Петрович. — Полагаю, не одною только проделкой господина Лужина.	1865. Р., Г.
1866. Верно, случилось с тобой еще что-то? Глаза сверкают, на щеках румянец — это одно-с. А другое — чисто выбрит, платье вычищено, и даже сапоги сверкают-с. Уж не влюбился ли ты, Митя?	1866. Р.
1867. Разумихин давно привык к удивительной проницательности своего родственника и не слишком поразился.	1867. Р.
1868. Тем более что в следующую минуту пристав, что называется, сел в лужу.	1868. Р.
1869. — Не вступил ли ты в соперничество с Родионом Раскольниковым из-за некоей белокурой особы предосудительного поведения, но прекрасной души? То-то из-за нанесенного ей оскорбления так на господина Лужина вызверился.	1869. Г.
1870. Видно, девица и в самом деле хороша. Она и Александру Григорьевичу чрезвычайно понравилась.	1870. Р.
1871. — Попал пальцем в небо. — Разумихин тряхнул головой	1871. Г.
1872. и вдруг решил высказать всё начистоту	1872. А.,С.
1873. — захотелось.	1873. Р.
1874. — Да, влюбился. Хуже чем влюбился. Болен совсем, и грудь болит, и голова думать не может. Только не в Софью Семеновну, хоть девушка она славная, а в Авдотью Романовну Раскольникову.	1874. Р.
1875. Надворный советник присвистнул и переглянулся с Заметовым.	1875. А., С.
1876. — Красивая, должно быть? — Ужасно.	1876. Р.
1877. Да не в том только дело! Она… она…	1877. С.
1878. Таких больше нет!	1878. С.
1879. Кажется, лишь теперь Дмитрий понял, что ему с самого начала хотелось поговорить с кем-нибудь о Дуне. Но, странно, когда возможность представилась, оказалось, что нужных слов у него не находится.	1879. Р.
1880. — Женщины, они ведь какие? Наобещают, любые клятвы дадут, да вмиг от всего и откажутся. А эта честное слово дала, и…	1880. Р., С.
1881. — Он с досадою потер лоб.	1881. А., С.
1882. — Характер невыносимый, раскольниковский характер.	1882. Р., С.
1883. Они с Родькой два сапога пара. А когда вместе —	1883. Р.
1884. чирк, и вспышка, пороховой взрыв.	1884. Р., С.
1885. Вчера-то, когда он ее провожать пошел, они пяти минут не ужились. Разругались, прямо на Кокушкином мосту, наговорили друг другу всякого — и в разные стороны. Она сама мне нынче рассказала. И видеть его не хочет. А ведь любит, жизнь за него отдаст. Дьявольский характер! Через него и погубит себя, я это	1885. Р., Г.

очень хорошо вижу…	
1886. Он довольно долго еще говорил про Авдотью Романовну, не замечая	1886. А.
1887. , какая перемена произошла с его слушателями.	1887. А.
1888. Когда Дмитрий упомянул о ссоре на Кокушкином мосту, письмоводитель Заметов тихонько ойкнул и глянул на пристава. Тот же широко-широко раскрыл свои белесые глаза, отчего они сделались похожими на совиные, и сразу ущурил их в две маленькие щелочки.	1888. А., Г.
1889. — Поссорилась, значит, с братцем? — мягко перебил студента Порфирий Петрович. — И одна шла? Нехорошо,	1889. А., Г.
1890. там Вяземская лавра близко — грязь, кабаки, барышне не место-с.	1890. Р., С.
1891. — В том-то и дело! У Дуни, правда, такой взгляд, что не больно к ней подойдешь. Но всё равно ему не сле…	1891. Р.
1892. Надворный советник столь быстро, с кошачьей упругостью поднялся, что Дмитрий умолк на полуслове. — Иди-ка, иди, — ласково, но твердо молвил пристав. — После про сердечные дела потолкуем.	1892. А.
1893. Дело у нас с Александр Григорьичем. Важнейшее и самое неотложное.	1893. Р., Г.
1894. Прощай. И, чуть не подталкивая в спину, выпроводил растерявшегося родственника за порог.	1894. А., С.
1895. — Какой вы! — вскричал Заметов, едва они остались одни.	1895. Р., С.
1896. — Вы с самого начала всё правильно исчислили, только потом немножко сбились.	1896. Г.
1897. — Да-с,	1897. Р.
на всякого мудреца,	
1898. — признал Порфирий Петрович. — А казалось бы, простейшая вещь. Не доверяйся словам других-с, проверь сам.	1898. Г.
1899. Вчера еще могли покончить!	1899. Р., С.
1900. Но теперь закольцевалось, кончик к кончику сошлось. — Значит, Раскольников, — безо всякой вопросительности в интонации сказал письмоводитель. — Он-с. Необыкновенный человек со своею необыкновенной теорийкой о том, что ему, в отличие от всех нас, мелких тварей, всё на свете дозволено, ежели только он высшую цель имеет-с.	1900. Г.
1901. — А что у него за цель?	1901. Г.
1902. Надворный советник развел руками:	1902. А.
1903. — Откуда ж мне знать? Нечто ужасно возвышенное и благородное-с, претендующее не менее как на осчастливливанье человечества. Что-нибудь настолько прекрасное, что ради этакой красоты вполне извинительно	1903. Г.
1904. вредную вошь вроде какой-нибудь Алены Ивановны или Дарьи Францевны	1904. Р.
1905. топором-с по макушке. Да, впрочем, я думаю, Родион Романович нам сам всё расскажет, и красноречивейшим образом.	1905. Г.

1906. — Арестовывать будем? Нынче же? — деловито спросил Александр Григорьевич, которому никогда еще не доводилось участвовать в задержании настоящего убийцы.	1906. А.
1907. Сморщив нос, пристав покачал головой:	1907. А., С.
— На основании чего-с? Улик как не было, так и нет, одни лишь совпадения. Человек он умный, его совпаденьями не собьешь. —	
1908. Тут Порфирий Петрович погрозил пальцем — неведомо кому, вроде как стене. — Но на свободе гулять я ему более не дам-с.	1908. А., С.
1909. — Как же тогда?	1909. Г.
1910. — Сегодня возьмем, беспременно сегодня. При полной доказательности и по всей форме, так что уж не отопрется.	1910. Г.
1911. И пристав в немногих словах обрисовал письмоводителю свой план:	1911. Р., Г.
1912. — Мы Родиона Романыча на месте нового преступления застигнем-с. Еще не с окровавленными руками, но с орудием в руках, с тем самым-с топором.	1912. Г.
1913. Вы спросите: откуда мы узнаем, кого, где и, главное, когда наш студент пожелает умертвить на сей раз?	1913. Г.
1914. Ну, первый вопрос, насчет кого, весьма прост. Петра Петровича Лужина,	1914. Г.
1915. вреднейшую из всех населяющих вселенную вшей — именно таковым теперь должен считать жениха своей сестры Раскольников. Вот именно:	1915. Р., С.
1916. здесь кроме общественной пользы, избавить человечество от подлеца, еще и личный мотивец присутствует,	1916. Г.
1917. а необыкновенные люди к своему личному интересу всегда очень не-равнодушны-с.	1917. Р.
1918. — Судя по рассказу Дмитрия Прокофьевича, Раскольников что-то в этом роде даже вслух сказал, — припомнил Александр Григорьевич.	1918. Р., Г.
1919. — Что хотел не то Лужина на коленях за Мармеладову просить, не то убить на месте.	1919. Р.
1920. Теперь-то, надо думать, первое желание у него пропало, зато второе изрядно усилилось.	1920. Р.
1921. Да только как же мы с вами узнаем, где и когда студент это исполнит?	1921. Г.
1922. — Даже и голову ломать не станем-с. — Порфирий Петрович вкусно улыбнулся.	1922. Г., С.
— Всё сами устроим-с, Родион Романычу останется лишь придти на готовенькое.	
1923. Посудите сами. Гнуснейший Петр Петрович заперся в дальних комнатах квартиры и оттуда нипочем не выйдет, пока все гости окончательно не упьются и не повалятся замертво. Тогда уж он непременно, прихватив саквояж, чемодан, портплед — уж, право не знаю, с какой поклажею этот господин путешествует — прокрадется к лестнице и отряхнет прах сего места с ног своих.	1923. Р.
— Обязательно так и будет,	
1924. но откуда Раскольников узнает, в каком часу это случится? Гости там, может, до утра пьянствовать станут.	1924. Г.
1925. На поминках водка кончится — еще купят, уж на свои, и	1925. Р.

принесут.	
1926. Что ж, студенту до рассвета с топором на лестнице торчать?	1926. Г.
1927. На это отчасти остроумное замечание надворный советник заливисто расхохотался — его настроение, по-видимому, с каждою минутой делалось всё лучше и лучше.	1927. Р.
1928. — Верно-с. Наш с вами фигурант нетерпелив, и ждать часами на лестнице не захочет. Тем более что увидеть могут. Весь мой главный расчет именно на раскольниковском нетерпении и построен-с. Вы поглядите на прежние убийства — он всегда на расправу скор. И тут ждать не захочет-с.	1928. Р.
А ему и не придется.	
1929. Пристав снова закис со смеху.	1929. А., С.
1930. Поневоле улыбаясь, Заметов ждал, когда объяснится причина такого веселья.	1930. А., С.
1931. — Порфирий Петрович, но не может же он убить Лужина при всех? Даже если отлучится и подкрадется, то, во-первых, припомнят потом отлучку-то; во-вторых, Лужин никому не откроет; а, в-третьих, не с топором же он на поминки пришел?	1931. Г.
— Мы с вами поможем Раскольникову от свидетелей избавится.	
1932. — Надворный советник больше не смеялся.	1932. Р.
1933. — А уж он своего не упустит.	1933. Г.
1934. Гости, поди, сейчас все перепились. Шумят, скандалят, кто-то даже и подрался. Вдовица, насколько мы слышали, тоже-с дамочка с характером.	1934. Р.
1935. Не будет ведь ничего удивительного, если на квартиру заявится полиция, предположим, вызванная жильцами другой квартиры?	1935. Г.
— Не будет.	
— Явится полиция и всех буянов заберет в квартал, до утреннего разбирательства.	
1936. — Всех? — удивился Заметов.	1936. Г.
— Кроме Раскольникова. Ему дадут уйти. Как — после объясню-с, вы пока не перебивайте.	
1937. Петр Петрович, сидя в своей крепости, про сие событие даже не узнает-с. Возможно, удивится, что шум стих, однако на вылазку решится еще очень нескоро-с. Вполне достанет времени студенту за топором сбегать и вернуться, ведь недалеко-с.	1937. Г.
— А мы с вами в засаде сядем, и когда он станет к Лужину в дверь ломиться, подскочим сзади да как схватим голубчика за шиворот!	
1938. — воскликнул враз понявший всё Александр Григорьевич. — Ах, Порфирий Петрович, чудо что за план!	1938. А., С.
*******(стр 321-338)	
1939. Все события, описанные в предшествующей главе, не заняли и часу. Еще минут двадцать понадобилось, чтобы прихватить из квартала полицейский наряд:	1939. А.
1940. поручика Илью Петровича, того самого, по кличке «Порох», двух солдат и одного писца, запомнившего Раскольникова в лицо с памятного утра, когда студент в конторе	1940. Р.

лишился чувств.	
1941. Подробности надворный советник разъяснил Илье Петровичу уже по дороге на Вознесенский.	1941. Р.
— Первое дело для нас выяснить, там ли еще объект, —	
1942. втолковывал пристав, отмахивая правой рукой на ходу.	1942. А.
1943. — Ежели уже вернулся в свою берлогу, вы всех прочих забираете в квартал, а уж я позабочусь о том, чтоб Раскольников об этой оказии незамедлительно узнал. Родственника своего Разумихина попрошу, что ли.	1943. Г.
— А если объект по-прежнему у Мармеладовых? — спросил Заметов,	
1944. все подсовывавшийся с другого плеча Порфирия Петровича.	1944. А., С.
1945. — Тогда так-с. Мы прячемся под лестницу и терпеливо ждем, пока студенту наскучит пьяными рожами любоваться. Как только Раскольников станет спускаться, вы, поручик, со своими двинете ему навстречу, да с шумом, с топотом. И непременно у него спросите, где тут немкина квартира, потому как от соседей жалоба. Понятное?	1945. Г.
1946. — Чего не понять, ваше высокоблагородие, бодро отвечал Порох.	1946. А.
1947. — Всё исполню.	1947. Р.
У меня к актерству дар, все говорят. Я на прошлые святки царя Валтасара представлял — имел большой успех.	
1948. — Отлично, отлично-с — Порфирий Петрович перешел на шепот, поскольку уже входили в подъезд.	1948. А.
1949. — Как все-таки славно, господа, что у нас повсюду лестницы такие темные, и под каждой обязательно закуток.	1949. Р.
1950. Прошу-с.	1950. А.
Все разместились в закутке, где	
1951. лежала какая-то ветошь и пахло сырыми дровами,	1951. Р.
1952. а писца поместили между пролетами, чтобы знак дал.	1952. Г.
1953. Вышло всё в точности, как рассчитал пристав.	1953. Р.
Мимо несколько раз проходили жильцы, но полицейских никто не заметил — темнота в подъезде, действительно, была почти полная.	
1954. А минут через сорок ожидания сверху донесся кашель писца — условный сигнал.	1954. А., Р.
— Давайте-с, пора-с, — шепнул пристав Илье Петровичу.	
Ну, тот и выкатился, нарочно грохоча сапогами, и солдаты за ним.	
1955. Получилось еще лучше, чем надеялся надворный советник.	1955. Р.
По лестнице спускался не один «объект», а целая процессия (Порфирий Петрович подглядел снизу): изможденная женщина в платке и с узлом в руке, тоненькая девушка, тоже с поклажей, трое детей, сзади же шли двое мужчин — Раскольников и какой-то очень приличного вида господин, тащившие сундук.	
1956. — Эта, в шляпке — Софья Мармеладова, — зашептал на ухо Заметов. — Которая подкашливает — верно, ее мачеха, а бородатый не знаю кто.	1956. А., Р.
1957. Из закута очень хорошо было слышно разговор,	1957. Р.

завязавшийся на ступеньках. — А-а, господин… как вас… Распопов? — превосходно исполнил свою роль поручик Порох. — Не известно ли вам, где тут нумер двенадцатый?	
1958. — Я Раскольников, — донесся глуховатый, неприязненный голос.	1958. А., С.
1959. — В четвертом этаже. А что, собственно…	1959. Р.
1960. Но тут вмешался другой голос, сорванный и визгливый: — Полиция! Отлично! Берите ее, сажайте в тюрьму! Чтоб не смела оскорблять дворянскую дочь! Селедка немецкая! Как она смеет мне пенять, когда у меня дети в дворянском заведении! И господин Свидригайлов вот, благороднейший человек, засвидетельствует, как она меня срамила! В прежние времена ее бы плетьми, плетьми! Ноги нашей больше не будет в этой клоаке! Дальнейшее заглушил взрыв надсадного кашля, и продолжил мужской голос — спокойный, барственный.	1960. Г., А., С.
1961. — Я помещик Свидригайлов. В чем дело, поручик?	
— Жалуются на шум и скандал. Явился принять меры.	1961. А.
— Ну и принимайте. Сказано вам: четвертый этаж.	
1962. Идемте, Катерина Ивановна,	1962. Г.
1963. вам кричать вредно. Сейчас я вас в больницу, а детей Софья Семеновна доставит по названному мною адресу. Пойдемте…	1963. Р.
1964. Шаги приблизились, и пристав с письмоводителем отпрянули глубже, к самой стене.	1964. А.
1965. Но в дверях подъезда Катерина Ивановна остановилась. — Погодите, — ловя ртом воздух, сказал она. — Я хочу видеть, как мерзавку эту за ворот поволокут, на съезжую! И сколько ни уговаривали ее спутники, идти дальше не хотела.	1965. А., С.
1966. — Очень славно-с, — прошелестел на ухо помощнику Порфирий Петрович. — Пускай студент увидит, что в квартире кроме Лужина никого не осталось.	1966. Г.
1967. Несколько минут спустя полицейские вывели всю подгулявшую братию, частью с трудом удерживавшуюся на ногах.	1967. А.
1968. Должно отметить, что почти все шли с полной покорностью судьбе, возмущались только двое: квартирная хозяйка да очкастый длинноволосый человечек с блеющим голосом. Первая всё пыталась на ломаном русском объяснить, что скандал затеяла вовсе не она, а «крубый и неблагодарный коспоша Мармеладоф», очкастый же невнятно выкрикивал про неприкосновенность жилища и полицейский произвол. Он, в отличие от остальных, кажется, был трезв, но за такие крики вполне можно забрать и трезвого, поэтому поручик Порох на счет длинноволосого нисколько не усомнился.	1968. Р.
1969. Всех вывели во двор,	1969. А.
1970. откуда раздался торжествующий крик Катерины Ивановны: «Что, съела, плебейка?»	1970. А., С.
1971. — и еще через минуту стало тихо.	1971. А.
1972. — Идемте-с, — обычным голосом сказал Порфирий Петрович, очень довольный тем, как оборачивалось дело.	1972. Р.

1973. — Поле деятельности совершенно расчищено.	1973. Р.
1974. Они стали подниматься по ступеням, но еще не достигли четвертого этажа, когда их догнал поручик.	1974. А.
1975. — Мои сами управятся, дело не хитрое, — доложил он, часто дыша	1975. Р., С.
1976. — А мне, ваше высокоблагородие, дозвольте с вами в засаду. Отчаянный субъект, как бы чего не вышло.	1976. Р., Г.
1977. Александр Григорьевич негодующе ахнул.	1977. Р.
Он мысленно уж нарисовал себе схватку с Раскольниковым, заголовки в завтрашних газетах, награду от начальства и даже — дело-то громкое — августейшую благодарность. А тут вдруг этот, на готовенькое, и будет после кричать на каждом углу, что он-то главный герой и есть.	
1978. — Не стоит вам утруждаться-с, — ласково молвил поручику Порфирий Петрович.	1978. Р.
— От вас, сударь, очень уж одеколоном благоухает.	
У преступников нервического склада чрезвычайно развито обоняние. Ну-ка ступит Раскольников за порог, да и опознает запах? Вы ведь давеча на лестнице, поди, прямо в лицо ему аромат источали?	
1979. Порох только вздохнул.	1979. А., С.
1980. — Ну так я вам парочку хороших унтер-офицеров выделю.	1980. Р., Г.
Не трусливого десятка и самой крепкой комплекции.	
1981. Но и на унтер-офицеров пристав не согласился.	1981. Р.
— Зря волноваться изволите. Мы с господином Заметовым, конечно,	
1982. не голиафы, но ведь и Раскольников отнюдь не Самсон.	1982. Р.
1983. Как-нибудь совладаём-с.	1983. Р.
— У него всего лишь топор, орудие мирного труда-с, а у меня вот-с.	
Он вынул из кармана маленький револьвер с коротким стволом.	
— И я в конторе прихватил, — сообщил Александр Григорьевич, показав пистолет, взятый из оружейного шкафа. — Оба ствола заряжены, я проверил.	
1984. В общем, кое-как спровадили непрошеного волонтера,	1984. А.
1985. причем у письмоводителя возникло подозрение, что Порфирий Петрович также не больно желает делить славу с кем-то третьим.	1985. Р.
1986. И правильно!	1986. С.
1987. Двенадцатый нумер был будто нарочно обустроен для засады —	1987. Г.
1988. это Порфирий Петрович сразу же с удовлетворением отметил.	1988. Р., С.
1989. Длинная анфилада комнат являла собою представительную галерею разных степеней нищеты, ибо кто же кроме самых последних бедняков согласится на проходе жить?	1989. Р.
1990. — Ну и скупердяй этот Лужин, если, будучи человеком состоятельным, в такой дыре остановился,	1990. Р.
— заметил письмоводитель.	
1991. Были здесь помещения с претензией на приличность, то есть с какой-никакой мебелью и даже картинками на стенах; были ободранные берлоги явных кабацких завсегдатаев;	1991. Р.

встретилось и обиталище шарманщика — во всяком случае в углу на деревянной ноге стоял сей немудрящий музыкальный инструмент, а на столе в клетке сидела маленькая мартышка.	
1992. Она посмотрела на вошедших сыщиков своими печальными черными глазенками, тихонько заверещала и взяла с блюдечка подсолнечную семечку.	1992. А., С.
1993. — Не застревайте, Александр Григорьевич, не время-с, — поторопил пристав заглядевшегося на животное помощника. —	1993. А.
1994. Нужно удобное местечко присмотреть, желательно прямо перед дверью-с.	1994. Г.
Однако прямо перед лужинской (то есть, собственно, лебезятниковской) дверью не получилось,	
1995. очень уж крохотною оказалась комнатенка. Здесь, видно, квартировал самый предпоследний из жильцов, хуже кого были одни лишь Мармеладовы. Из обстановки тут имелся тюфяк, даже не закрытый шторкою, да крепкая дубовая скамья, которая, судя по остаткам яичной скорлупы, служила обитателю и столом.	1995. Р.
1996. Спрятаться было решительно негде.	1996. Г.
И все равно пристав с помощником устроились отлично.	
1997. Дело в том, что перед конуркою с тюфяком располагался еще чуланчик, в котором никто не жил, а с двух боков стояли какие-то старые шкапы — должно быть, хозяйка заперла туда какие-то свои вещи.	1997. Р.
1998. Порфирий Петрович протиснулся за шкап слева, Заметов — справа,	1998. А.
1999. и в полумраке разглядеть их стало совсем нельзя.	1999. Р.
Однако надворный советник этим не удовлетворился. Он погасил во всех комнатах лампы и свечи, оставив лишь огоньки перед образами, и в квартире сделалось вовсе темно. Но и этого Порфирию Петровичу показалось мало.	
2000. — А мы еще вот что-с, — промурлыкал он, оглядывая место засады с видом садовника или декоратора,	2000. А., С.
2001. — мы еще в последней комнатке на полу свечу зажжем, как если б жилец ее оставил.	2001. Р.
Студенту нашему, как войдет, свет в глаза, да и нам будет хорошо видно, мы же с вами еще более в мраке потонем-с.	
2002. В качестве самого последнего штриха вытащили на середку дубовую скамью и развернули поперек.	2002. Р.
2003. — Наклонится он, чтоб ее отодвинуть, тут мы со спины и выскочим. Я за одну руку, вы за другую-с.	2003. Г.
2004. Умеете локоть назад завертывать? Нет-с? Сейчас покажу. Порфирий Петрович взял помощника за руку и необычайно скорым движением вывернул так, что Александр Григорьевич взвизгнул.	2004. А.
2005. — Тише-с, — показал пристав на лужинские двери.	2005. Г.
2006. — А впрочем, не столь важно. До Петра Петровича нам с вами дела нет.	2006. Г.
2007. Заняли позицию в темном чуланчике.	2007. Р.
2008. — Хорошо, что тут накурено-с, — донесся до Заметова спокойный голос надворного советника. — Можно папиросочкой себя побаловать. Не желаете-с?	2008. Р., А.
Чиркнула спичка.	

2009. — Спасибо, не хочется. Александр Григорьевич чем дальше, тем больше волновался.	2009. Р.
2010. И в горле пересохло — не до табаку.	2010. Р., С.
2011. Как это только приставу удается сохранять невозмутимость, подумал он.	2011. Р.
2012. Время во мраке тянулось медленно,	2012. А.
2013. и вскоре Александр Григорьевич почувствовал, что обязательно нужно заговорить — иначе будет слышно,	2013. Р.
2014. как у него постукивают зубы.	2014. Р.
2015. — Порфирий Петрович, — тихонько сказал он,	2015. А.
2016. — вот, помню, в гимназии тоже сидишь этак перед экзаменом по какой-нибудь геометрии, и до того волнуешься	2016. Р.
2017. — прямо сердце из груди вон.	2017. Р.
2018. Кажется, что ежели срежешься — всё, жизни конец.	2018. Р., С.
2019. Из-за соседнего шкапа послышалось: — И я волнуюсь. Ладошки все мокрые-с. Ужасно волнуюсь.	2019. Р., С.
2020. — Вы?! — поразился Заметов.	2020. Р., С.
2021. — А как же-с. Очередная сессия, и пресерьезная.	2021. Р., С.
2022. Александр Григорьевич высунулся из укрытия, но в темноте ничего, конечно, не увидел.	2022. А.
2023. — Вы про какую это сессию? — Про экзаменационную. Аллегория очень избитая-с, но оттого не менее справедливая, про экзаменование человеков жизнью. Что наше земное бытие?	2023. Р.
2024. — Порфирий Петрович выдул табачный дым.	2024. А.
2025. — Учеба-с. И как во всякой школе, идет она обычно ни шатко ни валко — пока очередная сессия не подошла. И тут уж держись. Коли плохо уроки усвоил, беда. Непременно срежешься.	2025. Р., С.
2026. — И… что тогда?	2026. А., С.
2027. — Плохо-с. Отличие от гимназии в том, что могут не только на второй год оставить, но и классом понизить. Был, скажем, во втором-с, а сползешь в первый. Потом в приготовишки разжалуют. И так далее, вплоть до полного нравственного младенчества и даже ниже-с, до животного состояния. Много таких, срезавшихся, средь нас ходит. Иногда кажется, что большинство-с. Но только думается мне, что совсем пропащих среди людей не бывает. Иной человек, в наипоследние инфузории разжалованный, вдруг ни с того ни с сего так экзамен сдаст, что сразу в профессоры взлетает. Потому человек — истинное чудо-с Божье.	2027. Р., С.
2028. — Не понимаю я, — пожаловался Заметов, слушавший туманные рассуждения надворного советника с напряженным вниманием.	2028. А., С.
2029. — Я и сам, признаться, не очень постигаю-с, а только это факт известный. Мы все пребываем в такой гимназии, где до самого выпуска ни в чем быть уверенным нельзя. Сказано: первые станут последними, а последние первыми. И так до самого выпуска, да-с.	2029. Р., С.

2030. — А что это — выпуск? — захотелось узнать Александру Григорьевичу.	2030. Г.
2031. — Ну как же-с, выпускной экзамен, без которого и диплома не дадут.	2031. Р., С.
2032. Про «диплом» письмоводитель спросить уже не успел.	2032. А.
— Тсс! — прошипел вдруг Порфирий Петрович.	
2033. И стало слышно, как скрипит дверь — но не дальняя, которая с лестницы, а от другой стороны, и близко.	2033. Г., Р.
2034. Это Лужин высунулся, догадался Заметов. Хочет понять, отчего в квартире тихо —	2034. Г.
2035. ни криков, ни шума, ни звона стаканов.	2035. Р.
2036. А что если раньше времени уйдет? Тогда плохо! Может с Раскольниковым на лестнице встретиться или во дворе!	2036. Г.
2037. О том же, видимо, подумал и пристав.	2037. Р.
2038. — Тихо! — шикнул Порфирий Петрович, причем довольно громко. — Кажись, открывает!	2038. А.
Да еще шкапом скрипнул, явственно.	
2039. — Ага, затаились! — раздался звучный мужской голос. — Подстерегаете? Как бы не так! Я знал! Не на того напали!	2039. Р., Г.
2040. И дверь снова захлопнулась, скрежетнул ключ.	2040. А.
2041. — Теперь до утра не осмелится, — хмыкнул надворный советник.	2041. Г., С.
— Пускай его. Целее будет-с.	
2042. Сколько-то сидели молча,	2042. А.
2043. потом письмоводитель вернулся к разговору:	2043. Р.
— Так про какой это выпускной экзамен вы толковали?	
2044. — Тс-с-с! — шепнул Порфирий Петрович, и теперь уж совсем не громко, а одним дуновением. — Вот и он-с!	2044. А., Г.
2045. А Заметов и сам услышал.	2045. Р.
2046. Мудрено было б не услышать:	2046. Р.
2047. в дальнем конце стукнула дверь, и раздались быстрые шаги, да не крадущиеся, а громкие, уверенные, будто хозяйские. Они приближались и делались чаще, как если бы вошедший брал разбег.	2047. А., Г., Р., С.
2048. Сердце у Александра Григорьевича затрепетало, все посторонние мысли разом вылетели из головы, а рука ухватилась за шершавую рукоять казенного пистолета.	2048. А., С.
2049. Через чулан, в каких-нибудь трех шагах от письмоводителя, прошуршала тень.	2049. Г., А.
2050. «Пора!» — приказал себе Заметов и выскочил из укрытия. Порфирий Петрович сделал то же на полмига ранее.	2050. А.
2051. На середине прохода оба чуть не столкнулись плечами и одновременно увидели пугающую, почти невероятную картину. Раскольников, чей подкрасненный свечным огоньком силуэт они могли видеть со спины, не останавливаясь и не замедляя своего движения, одной рукою подхватил с пола дубовую скамью, которую давеча они не без труда переместили вдвоем, поднял в воздух и со всего размаху обрушил на лужинскую дверь. Та не выдержала сокрушительного удара, треснула пополам.	2051. Р., А.
2052. «Это у него от неистовства силы удесятерились, у сумасшедших бывает»,	2052. Р.
2053. мелькнуло в голове у Александра Григорьевича,	2053. Р.

2054. а осатаневший студент влепил по створкам ногой, и те окончательно пали с петель.	2054. А., С.
2055. Из комнат хлынул свет, показавшийся Заметову невыносимо ярким.	2055. Р., С.
2056. Он на мгновение зажмурился, а когда открыл глаза, в дверном проеме никого уже не было.	2056. А.
2057. Весь штурм вряд ли занял долее двух секунд.	2057. Р.
2058. Не то что малоопытный письмоводитель, но и сам Порфирий Петрович, что называется,	2058. Р.
2059. ахнуть не успел.	2059. Р., С.
2060. А изнутри донесся шум, вскрик и еще какой-то крайне неприятный треск, от которого Александру Григорьевичу захотелось заткнуть уши.	2060. А., С.
2061. Опомнившись, надворный советник кинулся вперед с криком: «Не сметь!».	2061. А., Р.
2062. Заметов следом, и тоже что-то кричал, но сам плохо понимал, что именно.	2062. Р., С.
2063. Первое, что увидел Александр Григорьевич, перевалив через порог довольно большой и чистой комнаты — сидящего у стола человека с бакенбардами. Он был весь как-то откинут на спинку, рот разинут, а глаза выпучены и противуестественным образом обращены кверху, словно человек пытался разглядеть что-то на собственном лбу. А там было, что разглядывать. В месте, где начинаются волосы, прямо из черепа, тускло поблескивая, торчал некий непонятный предмет.	2063. Р., Г.
2064. Как взглянул Александр Григорьевич на этот самый предмет, так и замер.	2064. А., С.
2065. От потрясения взор письмоводителя не то чтобы померк, но как-то странно сузился, будто у лошади с шорами на глазах, и по краям все расплывалось, терялось в темноте.	2065. Р.
2066. Думая об одном — как бы не упасть в обморок, Заметов с трудом сдвинул непослушный взгляд от жуткого предмета по тянувшейся в сторону гладкой, прямой линии и только теперь увидел убийцу.	2066. А., С.
2067. Тут зрение молодого человека наконец прояснилось, вид открылся ему полностью, и мозг кое-как совладал с временным параличом.	2067. Р.
2068. То был барин, которого они недавно видели на лестнице. Господин Свидригайлов, вот как его звали.	2068. Г.
2069. Глядя на ворвавшихся в комнату людей с удивлением, но безо всяких признаков испуга, преступник двинул рукой, выдергивая свое орудие из раны, и оказалось, что	2069. А., С.
2070. трость заканчивается массивным бронзовым набалдашником: сфинкс, восседающий на прямоугольном постаменте. Нетрудно было перепутать след от этого постамента с отпечатком тупого конца маленького топорика.	2070. Г., Р.
2071. Египетский истукан был мокр и поблескивал,	2071. Р.
2072. отчего Александра Григорьевича опять замутило.	2072. А., С.
2073. Хорошо хоть мертвец теперь повалился со стула на сторону и больше не наводил ужаса своими вытаращенными	2073. Р.

глазами.	
2074. — Вы-с? —	2074. Г., Р.,
пробормотал, обращаясь к Свидригайлову пристав, кажется,	С.
потрясенный не менее своего помощника.	
2075. В руке у Порфирия Петровича, стоявшего к убийце на шаг	2075. Р., С.,
или два ближе, ходуном ходил револьвер.	А.
2076. — Я-с.	2076. Г.
2077. Бородатый человек насмешливо улыбнулся и сделал	2077. С., Р.,
очень быстрое, почти неразличимое для взгляда движение:	А.
2078. что-то свистнуло, мелькнуло в воздухе, и на руку пристава	2078. А.
обрушился страшный, с хрустом удар трости.	
Револьвер полетел на пол, а сам надворный советник с воплем	
согнулся пополам, схватившись за перебитую кисть.	2079. Р.
2079. Тут Заметов вспомнил, что у него тоже есть оружие.	2080. А.
2080. Выставил дуло подальше вперед, целя преступнику прямо	
в грудь, и спустил курок.	
Но выстрела не последовало.	
— А взвести-то, взвести позабыли? — укоризненно молвил	
Свидригайлов, делая шажок к Александру Григорьевичу и занося	
свое ужасное орудие.	
2081. — Только не посоветую.	2081. Г.
Это ведь неизвестно, кто скорей управится: вы с курком или я с	
моей палкой. Учитывая вашу неопытность и мой… навык,	
поставил бы на себя.	
2082. Бросьте вы свой мушкетон, юноша, и уносите ноги. Вы	2082. Г., Р.
мне не нужны, я против вас ничего не имею.	
2083. «Он прав!» — ударило Заметова. «Слегка опустить дуло,	2083. Р., А.
чтоб не кинулся, однако вовсе не бросать. Потом легонечко	
попятиться, убирая пистолет всё дальше. У двери повернуться, и	
со всех ног!».	
2084. Главное, куда он теперь, Свидригайлов этот, денется?	2084. Г.
Полиция сыщет, для того специально обученные люди есть,	
настоящие орлы, не письмоводителям чета.	
2085. Это, значит, была первая мысль	2085. Р.
— исключительно разумная.	
2086. Вторая по сравнению с нею выглядела куцей и невнятной:	2086. Р., С.
«Вот он, экзамен».	
2087. Сглотнув слюну, которой еще недавно во рту не было	2087. А., С.
вовсе, а теперь прибывало все более и более,	
2088. Александр Григорьевич взвел курок.	2088. А.
2089. Боль была такая, что Порфирий Петрович несколько	2089. Р.
мгновений не только не мог ни о чем думать, но даже зажмурился	
и как бы оглох.	
2090. Потому-то и не видал, как случилось страшное.	2090. Р., Г.
2091. Лишь ощутил словно некое колебание воздуха, да к ногам	2091. А., Г.
рухнуло что-то мягкое, тяжелое.	
Пристав, все еще скрюченный в три погибели, открыл глаза.	
2092. Прямо подле него, лицом вниз лежал Заметов,	2092. Г.
2093. из его макушки, просачиваясь сквозь старательно	2093. Р.
напомаженный кок, лилась темная кровь,	
2094. и по щели меж досок уж катился резвый ручеек.	2094. Р.
2095. — Этого я не желал, — услышал Порфирий Петрович	2095. Г.

голос, звучавший откуда-то издалека.	
2096. — Взвел все-таки, надо же.	2096. Р., С.
2097. Кости на руке были сломаны, это надворный советник чувствовал, но боль утратила остроту, сменилась странным онемением.	2097. Р.
2098. Пристав разогнулся и посмотрел на ужасного человека, помахивавшего окровавленной тростью.	2098. А.
2099. — Жалко мальчишку, — сокрушенно молвил Свидригайлов	2099. Р.
2100. и прибавил нечто в высшей степени странное.	2100. Г.
- Это мне безусловно в минус.	
2101. — Убийца! — прошептал Порфирий Петрович,	2101. Р., С.
2102. ибо ничего иного в этот миг сказать не надумал, а к тому же был уверен, что сфинкс сейчас обрушится на его собственную ошалевшую от быстроты событий голову.	2102. Р.
— Утверждение в данных обстоятельствах вполне бесспорное.	
2103. — Свидригайлов деревянно рассмеялся.	2103. А., С.
2104. - Да вы, может быть, вздумали, что я и вас…?	2104. Р., С.
Напрасно. И мальчика-то не следовало. Это меня инстинкт самосохранения попутал. Право, лучше б я дал ему пальнуть.	
2105. Он ловко повращал трость двумя пальцами и уселся на стул, где недавно еще находился Лужин. Рукою в перстнях небрежно отодвинул пачку кредиток, оперся о стол локтем и зевнул.	2105. А., С.
2106. — Я не понимаю… — с трудом произнес пристав,	2106. Г., Р.
2107. уразумев лишь одно — что жизнь его по какой-то причине в сию минуту еще не заканчивается.	2107. Р.
2108. — Вы кто? Полицейский? — с любопытством разглядывал его преступник. — Я, например, Свидригайлов, Аркадий Иванович, отставной корнет и рязанский помещик.	2108. Р.
2109. А как вас звать?	2109. Р.
— Федорин, Порфирий Петрович, — ответил надворный советник,	
2110. да еще преглупо поклонился, словно при самом обычном знакомстве.	2110. А., С.
2111. — Пристав следственных дел Казанской части.	2111. Р.
— Так это вы, стало быть, убийства расследуете?	
Ловко вы меня тут подстерегли, очень ловко. Не ожидал. Должно быть, вы весьма умны.	
2112. Рязанский помещик снова зевнул.	2112. А., С.
2113. Не может быть, чтоб он это со скуки, мимоходом подумал пристав, какая уж скука, когда два трупа.	2113. Р.
Это у него нервная зевота — факт, медицине известный.	
2114. — Нет, сударь, я нисколько не умен, а напротив совсем дурак-с, — с горечью молвил Порфирий Петрович,	2114. А., Р., С.
2115. ибо это была истинная правда.	2115. Р.
2116. Однако Аркадий Иванович понял его неправильно.	2116. Р.
— Это вы насчет того, что чересчур самонадеянно поступили, когда вдвоем на такое дело пошли? Но откуда вам было знать, что я таков? -	
2117. Он показал поросший волосами кулак, размером с младенческую голову.	2117. А., Р.

2118. — Обычного человека да при вашем вооружении вы отлично бы заарестовали. А я силен, как медведь. Кстати, по молодости лет, спьяну, любил с медведем побороться, без труда косолапого на спину валил. У меня и в полку прозвище было «Топтыгин». Что правда, то правда — природой одарен, прещедро. Воспользовался только не в благо.	2118. Р.
2119. Да что вы всё стоите? — будто спохватился Свидригайлов. — В ногах правды нет. Садитесь. Он хотел пододвинуть другой стул, но Порфирий Петрович опередил его: — Ничего-с. Я сам. И уселся чуть поодаль,	2119. А.
2120. таким манером, чтобы оказаться недалеко от упавшего на пол револьвера. Расстояние было — шага два. Ближе нельзя, бросилось бы в глаза.	2120. Г.
2121. — Позволительно ли мне будет поинтересоваться, что вы намерены делать далее? — спросил надворный советник, думая сейчас только о том, чтобы потянуть время.	2121. А.
2122. — С вами? — Свидригайлов удивился, словно этот вопрос еще не приходил ему в голову. — Право, не знаю. Я и на свой счет пока в сомнении. То есть, имею намерение отправиться в путешествие, но пока еще не вполне решил касательно деталей…	2122. Р.
2123. Давайте покамест потолкуем. Давно не имел возможности хорошо поговорить, да с умным человеком. Давайте руку зашибленную перетяну, чтоб не беспокоила.	2123. А.
2124. Он вынул платок и очень ловко, почти не причинив Порфирию Петровичу страданий, перетянул кисть. Еще и головой покачал:	2124. А.
2125. — Кости переломаны. Через час-другой заболит сильно.	2125. Р.
2126. Это у меня в набалдашник свинец залит. В деревне еще сделал, руку укреплять. Не думал, что для другого сгодится. —	2126. Р.
2127. Аркадий Иванович помочил водою из графина салфетку и протер запачканного сфинкса.	2127. А.
2128. — Таинственный зверь. Человекам загадки загадывает, а не ответишь — изволь отправляться в царство Аида.	2128. Р.
2129. Он развязал на себе галстух и соорудил подобие перевязи, на которой заботливо расположил руку пристава.	2129. А.
2130. — Вот так. А теперь мы с вами хорошо и неспешно поговорим, ночь еще длинная. Потому что как же умным людям по душам не поговорить, хоть бы и среди этакого бедлама? —	2130. А.
2131. кивнул он на два мертвых тела. —	2131. А.
2132. И даже особенно среди бедлама. Вся Россия в этом.	2132. Р.
2133. — Вы находите? — повернулся к нему Порфирий Петрович, всем видом изображая заинтересованность, а на самом деле выгадывая еще пару вершков расстояния до своего «франкотта».	2133. А.
2134. Заболтать бы этого любителя «хороших разговоров», подумал он, да как-нибудь исхитриться — тут мало револьвер подхватить, надо еще успеть к стенке отскочить, пока он своим сфинксом не размахнулся.	2134. Р.

2135. — Я ведь, признаться, совсем не вас тут подстерегал-с, — начал он забалтывать. — А кого? — Студента Раскольникова, Родиона Романовича.	2135. Г., А., Р.
2136. Этим объявлением Свидригайлов ужас как заинтересовался. — Раскольникова? Но, помилуйте, почему?	2136. Р., С.
2137. - Да вот, изволите ли видеть… — Порфирий Петрович сконфуженно улыбнулся.	2137. А.
2138. — Вообразилось мне, что это не обычные какие-нибудь убийства, не с корысти и не из мести,	2138. Р.
2139. а… Как бы это выразить?	2139. А., С.
2140. Преступление нового типа, в согласии с общим кризисом религии и веяниями эпохи-с. Померещилось мне сдуру, что тут непременно какая-нибудь теория должна быть. И, на грех, Родион Романыч подвернулся. У него как раз теорийка одна имеется, прелюбопытная. Насчет человечества. Мол, всяких обыкновенных, никчемных людишек убивать вполне дозволительно, если, конечно, для пользы дела и если сам убийца — человек необыкновенный.	2140. Р.
2141. Это одно-с. А другое — студент во все время расследования, как нарочно, под ногами у меня путался. То с одной стороны высунется, то с другой. А про вас я и не думал вовсе…	2141. Г.
2142. Кажется, получалось. Помещик слушал с огромным интересом, а свою жуткую трость уставил в пол и уперся в сфинкса подбородком.	2142. Г., Р.
2143. Ну и глаза, подумал Порфирий Петрович. Он, Аркадий Иванович этот, самый настоящий сфинкс и есть: загадывает загадку, и попробуй не отгадай.	2143. Р., С.
2144. — Ну что же вы, — усмехнулся Свидригайлов,— умный человек, и по всему видно, опытный, должны бы в душах лучше читать.	2144. Р.
2145. Какой из Родион Романовича убийца?	2145. Г.
2146. Убийство — дело серьезное, а у него фантазии одни. Главное же, сердце у него жалостливое, не то что у меня. Думаете, легко человека, даже самого прескверного, топором или вот этим вот сфинксом по темечку? В голове ведь душа обретается.	2146. Р.
2147. Не здесь, как фигурально выражают поэты, — он коснулся груди, — а вот тут-с, под костьми черепа. Разве нет?	2147. А., С.
2148. Порфирий Петрович, будучи человеком практического умонастроения, вопрос о месторасположении души считал схоластическим, а потому от суждения воздержался.	2148. Р.
2149. — Нет, — продолжал Аркадий Иванович. — Для убийства нужен человек грубый, человек действия, арифметический человек.	2149. Р.
2150. Так что с Родионом Романовичем вы обмишурились.	2150. Г.
2151. Зато про теорию угадали верно. Есть у меня одна теорийка, собственного изобретения. Обогатить ею человечество не тщусь, да и опасно, а для себя одобрил и с успехом применил.	2151. Р.
2152. Надворному советнику уже стало ясно, что нужно не	2152. Р., Г.

забалтывать собеседника, а всего лишь не мешать ему говорить — так для плана выйдет лучше.	
2153. Помещик, видно, и в самом деле давно ни с кем откровенно не разговаривал, потому что слова лились из его уст неостановимым потоком.	2153. Р.
2154. — Ведь я, милостивый государь, кто? Животное, и притом злое животное.	2154. Р.
2155. Это благородный лев сражает жертву одним ударом, наповал, и единственно лишь ради утоления голода. Я же всегда был подобен коту, которому над мышкой еще поизмываться надо. Всегда во мне это было, сладострастие пополам с жестокостию.	2155. Р.
2156. Но было и иное… нечто.	2156. Р., С.
Если б того, иного, не было, то я нисколько и не чувствовал бы себя злым животным, верно?	
2157. Странные огоньки вспыхнули при этих словах в неподвижных глазах Свидригайлова, и Порфирий Петрович мысленно поежился: э, голубчик, да тебе, пожалуй, не в каторге место, а в скорбном доме, в отделении для буйных.	2157. Р., С.
2158. — Произошло в моей жизни кое-что, не столь давно. Вам ни к чему знать. Скажу лишь, что встретил я одну	2158. Р.
2159. необыкновенную девушку…	2159. С.
2160. Нет, неважно. — Аркадий Иванович тряхнул рукой, будто отгоняя какое-то видение.	2160. А., С.
2161. — Вы только не вообразите себе, будто я через это событие, как пишут литераторы, переродился к новой жизни. Нисколько! Жену свою, Марфу Петровну, я уж после того отравил…	2161. Р., С.
2162. Что глазами хлопаете? Удивляетесь признанию? Да что мне скрытничать, если я на ваших глазах только что двоих укокошил?	2162. Р., Г.
2163. И если ты меня вскоре вслед за ними отправишь, добавил про себя пристав, еще чуть-чуть съехав телом в нужном направлении. Оставалось переместиться совсем немного, а там лишь улучить удобное мгновение — когда болтливый убийца зажмурится или хоть взгляд отведет.	2163. А., Г.
2164. Пока, однако, глаза Свидригайлова, хоть и затуманенные воспоминанием, были всё устремлены прямо на Порфирия Петровича.	2164. Р.
2165. — Но к тому времени, когда я Марфе Петровне в ее любимую наливку итальянских капель подлил, у меня уж созрела моя теорийка.	2165. Р.
2166. Под нее и кредитец взял.	2166. Г.
— Кредитец?	
2167. Да. Теория моя, видите ли, состоит в том, что я себя, злобное животное, перед отъездом в Новый Свет, должен в нуль вывести. Чтоб в вояж отправиться чистым, как младенец. Так сказать, новорожденным человеком.	2167. Р., Г.
2168. — Что-то я перестал вас понимать, — нахмурился пристав, в самом деле запутываясь в свидригайловских аллегориях. — Как это «вывести в нуль»?	2168. Г.
— Очень просто, посредством некоторого арифметического	

действия.	
2169. Я, знаете ли, огромный грешник, — доверительно сообщил Аркадий Иванович, словно рассчитывал удивить собеседника этим откровением. — Не в смысле обычных человеческих пакостей, на какие всякий горазд. То есть, конечно, и блудил, и плутовал, и пьянствовал. Желал, так сказать, и жены, и осла, и вола. Все это делают, во всяком случае многие.	2169. Р.
2170. Но душу живую убивают весьма и весьма немногие, и тут уж прощения нет. Каждая погубленная душа в некоей бухгалтерии зачитывается в большущий минус. На мне таких минусов четыре.	2170. Р.
— Шелудякова, Чебаров, Зигель…	
2171. — принялся считать Порфирий Петрович.Но Свидригайлов рассердился, перебил:	2171. А.
2172. — При чем тут Зигель? Какая душа у Зигель? Дойду еще до Дарьи Францевны, а сейчас я про иное.	2172. Р.
Об жене моей Марфе Петровне я вам уже сказывал. Ее я себе проавансировал, с последующим погашением ссуды.	
2173. — Что-с? — вновь недопонял надворный советник.	2173. А.
2174. — Вы слушайте, не перебивайте! Это, стало быть, первый мой минус. Хотя нет, если по порядку, то он выходит третий. Я ведь еще прежде жены две живых души извел. Но Марфу Петровну хоть по страсти и расчету, а тех двоих ни с чего, от скуки да развращенности. Первый мой минус приключился, когда я девочку одну глухонемую до веревки довел. Сам не убивал, но лучше бы уж собственными руками, всё не так подло бы вышло. Не стану рассказом времени отнимать — долго получится… И еще лакея своего, тоже неподсудным образом, так что даже и под следствие не угодил. То есть для закона до самого последнего времени я был совершенно чист,	2174. Р.
2175. — засмеялся Аркадий Иванович,	2175. А.
2176. — хоть и ходил по белому свету тремя минусами, словно тремя осиновыми колами, пронзенный	2176. Р.
2177. … Ну вот-с.	2177. С., А.
2178. А когда я ту девушку полюбил, начались у меня видения… Я вам этого еще не сказывал, что полюбил-то? Сказывал? Это, знаете, как бывает: встретишь женщину, одну на всю жизнь… То есть, может, и не встретишь, а нафантазируешь себе. Ее, скорее всего, не существует вовсе, этой женщины — одна игра воображения. Исчезнешь ты, и ее тоже не станет.	2178. Р.
2179. Вот кстати интересно будет проверить, исчезнет она или нет… — Он на миг умолк, о чем-то призадумавшись, да и тряхнул головой. — Ладно, passons.	2179. Р., А.
2180. Не о том ведь рассказать хотел — о видениях.	2180. Р.
Так вот, когда я девушку эту полюбил или нафантазировал (сам не знаю), начались у меня видения…	
2181. Поскольку тут в рассказе снова повисла пауза, Порфирий Петрович переспросил:	2181. А.
— Видения-с?	
И еще немножко в сторону сдвинулся,	
2182. благо взгляд у помещика сделался невидящий, стеклянный.	2182. Р.

2183. Свидригайлов вздрогнул.	2183. А., С.
2184. — Да. Не то чтобы страшные какие-нибудь, а так… Девочку ту раза два видел. Ночью проснусь — сидит подле кровати в одной белой рубашонке, ноги под себя подвернув… Ноги у нее, как две спичечки были… — И что же? — Ничего. Смотрит и молчит. Она же глухонемая была. Я на нее рукой — уйди, уйди. Тогда встала и тихонько ушла. Очень покорная была, такою и осталась… Потом Филька, лакей мой, вдруг явился, трубку подает. В точности как при жизни. Я никогда пуглив не был и тут не испугался. Даже покуражился. «Как ты смеешь, говорю, с продранным локтем ко мне входить, — вон, негодяй!» И одолел призрака, нетрудно оказалось… С Марфой же Петровной и вовсе смех. —	2184. Р., С.
2185. Свидригайлов, действительно, издал горлом сухой звук, вроде «хе-хе». —	2185. А., С.
2186. Это уж недавно совсем, третьего дня. Сижу после дряннейшего обеда из кухмистерской, с тяжелым желудком, — сижу, курю — вдруг Марфа Петровна, входит вся разодетая в новом шелковом зеленом платье, с длиннейшим хвостом: «Здравствуйте, Аркадий Иванович! Как на ваш вкус мое платье?» Стоит, вертится передо мной. «Охота вам, говорю, Марфа Петровна, из таких пустяков ко мне ходить, беспокоиться». «Ах бог мой, батюшка, уж и потревожить тебя нельзя!» Я ей говорю, чтобы подразнить ее: «Я, Марфа Петровна, жениться хочу». (Это правда, имею намерение). Она говорит: «От вас это станется, Аркадий Иванович; не много чести вам, что вы, не успев жену схоронить, тотчас и жениться поехали. И хоть бы выбрали-то хорошо, а то ведь, я знаю, — ни ей, ни себе, только добрых людей насмешите». Взяла да и вышла. Ну к кому, скажите, кроме меня такие дурацкие призраки являются?	2186. Р.
2187. Порфирий Петрович сидел теперь так, что мог надеяться подхватить револьвер здоровою рукою с первой попытки, ибо вторая ему вряд ли была бы предоставлена. Таким образом, в диспозиции произошла важная перемена, о которой болтливый убийца еще не догадывался.	2187. Г., Р.
2188. Однако пристав решил не торопиться.Во-первых, следовало выждать какого-нибудь особенно удобного мгновения, а во-вторых, пускай уж выложит всю правду сам, по собственной охоте.	2188. Р., Г.
2189. Покойника ведь после не расспросишь (а Порфирий Петрович почти не сомневался, что преступник револьвера не испугается и кинется прямо под пулю).	2189. Р.
2190. — И все ж таки не понимаю я ваших математических аллегорий, — подвинул надворный советник Свидригайлова в нужном направлении.— Да чего тут понимать! Сказано вам: три живые души я погубил. Три страшных минуса на себя записал.	2190. Г.
2191. По теории вашего Родиона Романовича, они, может, и обыкновенные, но все равно — живые души. Только, на мое	2191. Р., С.

счастье, есть еще на свете люди иного сорта, с душою мертвой, гниющей. Они заражают своими гнилыми миазмами атмосферу, губят и вытравливают вкруг себя всё и вся. Моя теорийка позатейливей Раскольниковской будет, не находите?	
2192. — Аркадий Иванович расхохотался.	2192. А.
2193. — Это я еще у себя в деревне рассудил, с месяц тому. Если я за глухонемую и за лакея, да за мою Марфу Петровну трех смертоносных бацилл истреблю, то как раз три на три выйдет. Примечаете, как я живую жену (а она ведь тогда еще совершенно жива была) заранее сам себе проавансировал?	2193. Р.
2194. Он хотел посмеяться еще, но что-то в груди сорвалось — вышло похоже на рыдание.	2194. А., С.
2195. — А как, по вашей терминологии-с, живую душу от мертвой дискриминировать? — прищурил глаза Порфирий Петрович.	2195. Г.
2196. — Никто их, бацилл этих, не любит — вот верный признак, — убежденно заявил Свидригайлов. — Никто по ним не заплачет. Ни одна душа.	2196. Г.
2197. Что вы прищурились-то? Подумали, что и обо мне никто не заплачет? — Он усмехнулся.	2197. А., С.
2198. — Это так и было до поры до времени, но теперь, когда я кое-какие расчеты произвел, возможно, некие ясные очи и уронят одну-две слезинки.	2198. Р.
2199. Впрочем, неважно… — Помещик тряхнул головой.	2199. А.
2200. — А к тому же, по прежней своей петербургской жизни, кое-кого из бацилл я лично знал. У вас тут, вокруг Сенной площади, много всякой швали. Ну, вот я и надумал нанести визитец двум старым своим приятельницам, гадинам, каких свет не видывал. — Одна — Дарья Францевна Зигель, — догадался Порфирий Петрович. — А вторая — процентщица Шелудякова? — Дарья — да, она у меня первая кандидатка была. Про старуху-ростовщицу я тогда еще знать не знал. Вторая — это была Гертруда Реслих, у кого я остановился. Затейница почище Дарьюшки-покойницы. Вот уж кто заслужил сфинкса по голове! А насчет процентщицы и стряпчего этого, Чебарова,я случайно узнал. В первый день, как прибыл, сидел в трактире. Пил вино, да разговор подслушивал.	2200. Р., С.
2201. Я вообще обожаю подслушивать,	2201. Р.
2202. — подмигнул Аркадий Иванович приставу.	2202. А., С.
2203. — Два голодранца друг дружке жаловались, жидок какой-то и студентик. Первый про Чебарова весьма чувствительно излагал. Как стряпчий с него долг требует, ни единого дня отсрочки не дает и за то его, жидка, теперь отправят из Петербурга по этапу назад в черту оседлости, откуда он с огромными трудами выбился. Ну, а студент в ответ поведал собеседнику про чудесную Алену Ивановну.	2203. Р.
2204. Эге, подумалось мне,	2204. Р.
2205. на ловца и зверь.	2205. Р.
2206. Навел кое-какие справочки, выяснил: всё точно — и	2206. Р.

стряпчий, и старуха самые натуральные бациллы, на каждой можно по минусу списать. Сразу и исполнил.	
2207. — Даже проверять не стали, любит их кто иль нет? — не сдержался Порфирий Петрович.	2207. Р., С.
— У Алены Ивановны, к примеру, сестра малахольная.	
2208. Но Аркадия Ивановича было не сбить:	2208. Р., С.
2209. — Сестре без старухи только облегчение выйдет. Очень уж ведьма эту Лизавету мучила.	2209. Р.
Не сильно я сестру по голове-то стукнул? Единственно чтоб оглушить, ибо к чему ж мне зазря арифметику усугублять? Существо она безобидное, и дома ей быть никак не следовало — она к куме чаевничать отправилась.	
2210. Что удивляетесь?	2210. Р.
Говорю ведь: я справки навел, а человек я обстоятельный…	
2211. Ну вот, стало быть, сначала Алену Ивановну с Чебаровым сплюсовал — к ростовщице якобы заклад хороший принес, к стряпчему — кляузу. Жадны очень были, нисколько я с ними не затруднился. А потом и Дарьюшку, жабу мерзкую, угостил. Это и того легче вышло. С Ресслихшей только замешкался. Выманила она себе отсрочку, сама того не ведая.	2211. Р.
2212. Помещику отчего-то стало вдруг весело, так весело, что он со смеху пополам согнулся.	2212. А., С., Г.
2213. Удобнейший был момент, чтоб револьвер с полу подобрать, но Порфирий Петрович не стал.	2213. А., Г.
2214. — Чем же она так себя перед вами отличила?	2214. Г.
2215. Аркадий Иванович разогнулся, с важным видом сказал:	2215. Г., Р.
— Жениться я собрался, по Гертруды Карловны протекции. Уж несколько дней в женихах хожу.	
2216. Она говорит: «Девочка — прелесть, совершенно в вашем вкусе. И родители возьмут недорого.	2216. Р.
2217. Только уговор: после медового месяца вы жену ко мне привезете, на что она вам? А я уж ей применение сыщу».	2217. Р., С.
2218. Хотел я Гертруду в тот самый миг по маковке угостить, благо и трость при мне была.	2218. Р., С.
2219. Любопытство удержало. Животное ведь во мне никуда не делось. Сходил, поглядел — и вправду очень хороша. Не только телесно, в этом возрасте они все персики. Но у этой в глазках еще и гордость читается, и характер, и страсть. Эх, подумал я, минусом больше, минусом меньше. Ресслихшей же и расплачусь.	2219. Р.
2220. — В его глазах мелькнули веселые, безумные огоньки. — По-моему, даже остроумно.	2220. Р., С.
2221. А, с другой стороны, отчего бы мне и не жениться?	2221. Р.
Предстать пред очи той, другой, уже не мечтаю: отвергла и вновь отвергнет. Ей не нуль нужен, а величина положительная.	
Для путешествия же, в которое я собираюсь, и нулем обойтись можно.	
Я в Америку нацелился уплыть, не говорил я вам?	
— Поминали-с, про Новый Свет.	
— Интереснейшее, говорят, место. У меня там знакомец один проживает. Очень расхваливает	
2222. … О чем бишь я? — Аркадий Иванович потер лоб.	2222. С.

2223. — Ах да, арифметика. Считайте сами: за немую девчонку, лакея и Марфу Петровну я расплатился процентщицей, Чебаровым и Дарьей Францевной. Господина Лужина, — он кивнул на труп Петра Петровича, — хотел я себе в кредит вписать, как будущую индульгенцию. Очень уж гнусный экземпляр. Да жалко мальчишка, помощник ваш, припутался. Ничего, это квит на квит пойдет. Таким образом на сей момент я полностию чист и выведен в нуль целых, нуль десятых. Был Аркадий Свидригайлов, а как бы его и не было. Сколько напакостил, столько за собою и прибрал.	2223. Р., Г.
2224. Достаточно, сказал себе надворный советник. Пора!	2224. А., С.
2225. Он оглушительно чихнул — не взаправду, а притворно, и, будто бы желая прикрыть собеседника от брызг, наклонился всем телом вперед и в сторону. Оставалось лишь протянуть левую, незашибленную руку.	2225. А.
2226. — Про невесту мою желаете послушать? — хихикнул Свидригайлов.	2226. А., С., Г.
2227. — Как я ее к венцу готовлю? Послушайте, вам занятно будет.	2227. Г.
2228. Пристав медленно разогнулся.	2228. А.
2229. Сочные губы помещика плотоядно улыбались. — Здесь подготовочка сладостнее результата, уж можете мне поверить, я в таких делах толк знаю.	2229. А., С.
2230. В семействе ихнем я на полном доверии, особенно после того, как папаше тысячонку вперед дал. Предоставляют все свободы.	2230. Р.
2231. В шестнадцать лет барышни ко всему любопытны, только поспешностью не спугни. Я с нею для начала взял солидный и пренаучный тон. Мол, для добросовестного исполнения будущих обязанностей супруги и матери должен ввести свою невесту во все физиологические подробности — так оно прогрессивней и цивилизованней выйдет. Читал вслух из медицинской энциклопедии, показывал картинки. А вчера наглядную демонстрацию произвел. В заведении у Гертруды Карловны такие особые комнатки есть, где можно через окошечко подглядеть. Стоим мы с моей Аделаидой Степановной щека к щеке, подглядываем, а в будуаре специально нанятая мною девка с нанятым же кавалером ухищряются. Я же тихонько, шепотом, подробности разъясняю, всё тем же цивилизованным тоном.	2231. Р., С.
2232. А щечка у невесты моей все горячее, а сердчишко колотится… Ну, я руку ей на спину положил, где шнуровочка. Распускаю понемножку, и пальцами все ниже, ниже, где у них, барышень, над филейными частями, знаете, славные такие ямочки…	2232. Р., С.
2233. — Довольно! — вскричал Порфирий Петрович. — Какие гадости вы говорите! Прекратите, низкий вы человек!	2233. А., Р.
2234. Аркадий Иванович так и зашелся — до слез из глаз, даже тростью от веселости об стол застучал. — Ох… Я думал, раньше оборвете. Однако вы даже до «ямочек над филейными частями» дослушали. Экий вы, сударь, сладострастник. Сколько раз могли «франкотт» свой подобрать,	2234. А., С.

да не стали — очень уж хотелось еще послушать.	
2235. С этими словами Свидригайлов быстро наклонился вперед, концом палки ловко подцепил револьвер и подтянул к себе. Надворный советник не успел и шелохнуться.	2235. А.
2236. — Хорошая вещь, — одобрил весельчак, покручивая барабан. — Рублей сорок, поди, отдали?	2236. А., Р.
2237. А вот интересно, — он заглянул в дуло…	2237. А., Г.
Здесь, на середине предложения, повесть заканчивалась, причем за последним абзацем, яростно перечеркнутым крест-накрест, было криво и крупно написано:	
А дальше начинался текст, знакомый Николасу Фандорину с юных лет:	